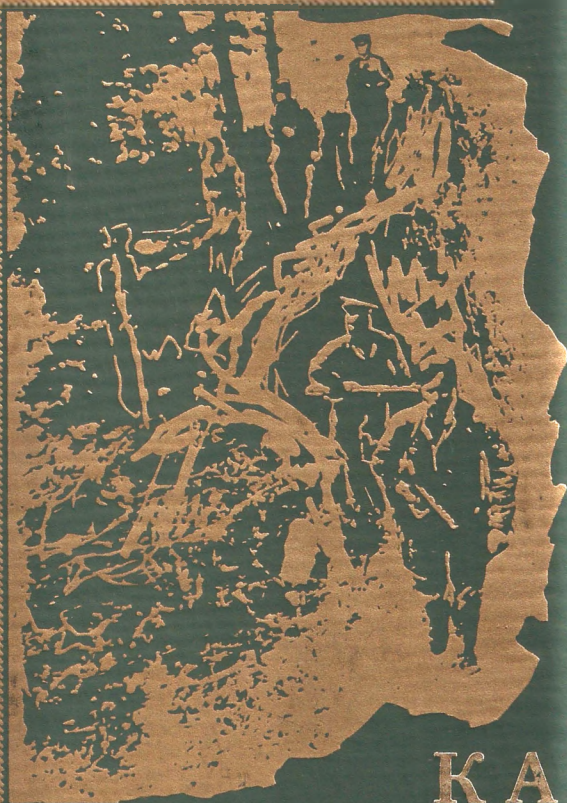

СЕРГЕЙ ВЕРИГИН

КАРЕЛИЯ В ГОДЫ ВОЕННЫХ ИСПЫТАНИЙ

ПОЛИТИЧЕСКОЕ
И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ПОЛОЖЕНИЕ СОВЕТСКОЙ КАРЕЛИИ
В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
1939—1945 ГГ.

СЕРГЕЙ ВЕРИГИН

КАРЕЛИЯ В ГОДЫ ВОЕННЫХ ИСПЫТАНИЙ

Политическое и социально-экономическое
положение Советской Карелии
в период Второй мировой войны
1939—1945 гг.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY
PRESS

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

СЕРГЕЙ ВЕРИГИН

**КАРЕЛИЯ
В ГОДЫ ВОЕННЫХ ИСПЫТАНИЙ
Политическое и социально-экономическое
положение Советской Карелии
в период Второй мировой войны
1939—1945 гг.**

ПЕТРОЗАВОДСК
Издательство ПетрГУ

2009

УДК 94(470.22)
ББК 63.3(2Р-6Кар)6
В321

Рецензенты:

Ю. М. Килин, *доктор исторических наук,*
Э. П. Лайдинен, *кандидат исторических наук*

Веригин, С. Г.

В321 Карелия в годы военных испытаний : Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939—1945 гг. / Сергей Веригин. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2009. — 544 с.

ISBN 978-5-8021-0932-8

На основе анализа широкого круга российской и финляндской литературы, опубликованных документов, архивных источников из фондов российских и финляндских государственных и ведомственных архивов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, в монографии кандидата исторических наук, доцента С. Г. Веригина представлена многообразная и противоречивая картина военно-политического и социально-экономического развития Советской Карелии в период Второй мировой войны.

Особое внимание автор уделил вопросам, которые слабо изучены как в советской (русской), так и в финляндской историографии: экономическому положению в оккупированных районах Карелии в 1941—1944 гг.; проблеме коллаборационизма среди местного населения в период финской оккупации; деятельности органов НКВД-НКГБ Карело-Финской ССР по организации диверсионно-разведывательной работы в тылу финских войск в 1941—1944 гг. Ряд положений монографии отражает авторскую позицию и является предметом дискуссий среди историков (вопрос о планах ликвидации Карело-Финской ССР в августе 1944 г.; о роли органов НКВД в организации партизанской войны не только на оккупированной территории Карелии, но и в пограничных районах Финляндии и др.).

Книга адресована специалистам, изучающим историю Второй мировой войны на Севере Европы, а также широкому кругу читателей, которые интересуются историей Карелии.

«Karelia during the years of war ordeals: Political, social and economic standing of Soviet Karelia during the period of the Second World War 1939—1945».

Cand. Sc. (History), associate professor, S. G. Verigin's monograph gives a diverse and contradictory depiction of political, military, social and economic development of Soviet Karelia during the period of the Second World War. The monograph is based on the analysis of broad spectrum of Russian and Finnish literature, published documents, archival sources from the funds of Russian and Finnish national and particular agencies' archives, most of which have been scientifically introduced for the first time. The author gives special attention to the issues, that have been poorly explored both in Soviet (Russian) and Finnish historiography.

The book is intended either for specialists researching the history of the Second World War in North Europe or a wide audience interested in the history of their homeland.

УДК 94(470.22)
ББК 63.3(2Р-6Кар)6

© Веригин С. Г., 2009
© Черняков О. В., оформление, 2009
© Петрозаводский государственный университет, 2009

ISBN 978-5-8021-0932-8

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	7
ВВЕДЕНИЕ	10
ГЛАВА 1. КАРЕЛИЯ В ПЕРИОД СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ (ЗИМНЕЙ) ВОЙНЫ 1939—1940 ГГ.	44—147
1.1. Политическое и социально-экономическое развитие Карелии в конце 1930-х гг.	44
1.2. Териокское правительство и его деятельность на территории Карелии и Финляндии в годы Зимней войны (1939—1940)	56
1.3. Формирование и боевые действия Финской народной армии в 1939—1940 гг.	84
1.4. Интернированные финны на территории Советской Карелии в период советско-финляндской войны (1939—1940)	104
1.5. Использование финских военнопленных в пропагандистских и разведывательных целях в годы Зимней войны	135
ГЛАВА 2. КАРЕЛИЯ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (март 1940 г. — июнь 1941 г.)	148—207
2.1. Итоги советско-финляндской войны 1939—1940 гг. и образование Карело-Финской ССР	148

2.2.	ЗАСЕЛЕНИЕ И ОСВОЕНИЕ НОВЫХ РАЙОНОВ КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЫ (МАРТ 1940 Г. — ИЮНЬ 1941 Г.)	160
2.3.	ПОЛИТИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КАРЕЛИИ МЕЖДУ ДВУМЯ ВОЙНАМИ	192
ГЛАВА 3.	СОВЕТСКАЯ КАРЕЛИЯ В ПЕРИОД ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА КАРЕЛЬСКОМ ФРОНТЕ (1941—1944)	208—305
3.1.	ПЕРЕСТРОЙКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РЕСПУБЛИКИ НА ВОЕННЫЙ ЛАД В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ИЮНЬ — ДЕКАБРЬ 1941 Г.)	208
3.2.	ЭКОНОМИКА КАРЕЛИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ЯНВАРЬ 1942 Г. — ЛЕТО 1944 Г.)	228
3.3.	ОСОБЕННОСТИ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В КАРЕЛИИ В 1941—1944 ГГ.	249
3.4.	ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ НКВД-НКГБ КФСР ПО ОРГАНИЗАЦИИ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-ДИВЕРСИОННОЙ РАБОТЫ В ТЫЛУ ФИНСКИХ ВОЙСК В 1941—1944 ГГ.	276
ГЛАВА 4.	ОККУПИРОВАННЫЕ РАЙОНЫ КАРЕЛИИ В 1941—1944 ГГ.	306—385
4.1.	ОРГАНИЗАЦИЯ ФИНСКОГО ОККУПАЦИОННОГО РЕЖИМА НА ТЕРРИТОРИИ КАРЕЛИИ В ВОЕННЫЙ ПЕРИОД	306
4.2.	СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОККУПИРОВАННЫХ РАЙОНОВ КАРЕЛИИ В 1941—1944 ГГ.	338
4.3.	ФИНСКИЕ КОНЦЕНТРАЦИОННЫЕ (ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИЕ) ЛАГЕРЯ И МЕСТА ПРИНУДИТЕЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ КАРЕЛИИ В ВОЕННЫЙ ПЕРИОД	362
ГЛАВА 5.	КАРЕЛИЯ НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ (ЛЕТО 1944 Г. — ОСЕНЬ 1945 Г.)	386—448
5.1.	КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ В КАРЕЛИИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	386
5.2.	О ПЛАНАХ ЛИКВИДАЦИИ КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР В АВГУСТЕ 1944 Г.	418
5.3.	НАЧАЛО ВОССТАНОВЛЕНИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА В ОСВОБОЖДЕННЫХ ОТ ОККУПАЦИИ РАЙОНАХ КАРЕЛИИ (ЛЕТО 1944 Г. — МАЙ 1945 Г.)	435
	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	449
	SUMMARY	461
	СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	470
	ПРИЛОЖЕНИЯ	491
	СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	504
	УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	507
	ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ	518
	КАРТЫ	529
	СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ	537
	ОБ АВТОРЕ	541

От автора

Представленная на суд читателя монография «Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939—1945 гг.» — результат более чем тридцатилетней работы по данной теме. Интерес к военной тематике возник еще в 1970-е гг., когда я был студентом историко-филологического факультета Петрозаводского государственного университета (ПетрГУ), выступал с докладами на студенческих научных конференциях, готовил дипломную работу по проблемам Второй мировой войны. После окончания университета была учеба в аспирантуре и защита в 1984 г. в Ленинградском государственном университете кандидатской диссертации, посвященной жизни тружеников тыла Советской Карелии в период Великой Отечественной войны.

Конец 1980-х — начало 1990-х гг. стали временем, когда были сняты жесткие рамки официальной цензуры и я вместе с другими исследователями смог познакомиться в государственных и ведомственных архивах Москвы, С.-Петербурга и Петрозаводска с обширным кругом архивных документов по военной тематике, которые прежде считались секретными и были недоступны ученым. Большую роль сыграло и знакомство с финляндской научной литературой и документами из финляндских военных и государственных архивов. Ценный материал для книги был получен во время встреч и дискуссий с ведущими историками Финляндии — специалистами по Второй мировой войне: Охто Манниненом, Юккой Невакиви, Тимо Вихавайненом, Антти Лайне и др. Все это позво-

лило значительно расширить и углубить мое представление о сложной и противоречивой истории Карелии в период Второй мировой войны.

В ходе научных исследований к настоящему времени мной опубликовано около 150 научных работ по различным аспектам истории Карелии 1930—1940-х гг., в том числе монографии: «Финская разведка против Советской России. Специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Северо-Западе России (1914—1939 гг.)» (написана в соавторстве с Э. П. Лайдиным; Петрозаводск, 2004), «Заложники Зимней войны. (Интернированные финны на территории Калевальского района Советской Карелии в период Зимней войны 1939—1940 гг.)» (написана в соавторстве с Э. П. Лайдиным и финляндским исследователем Ю. Кямарайненом; Петрозаводск, 2004; позже опубликована в Финляндии на финском языке) и др.

Неоценимый опыт исследовательской деятельности был получен в ходе совместной работы с ведущими историками республики над коллективными монографиями: «История экономики Карелии» (Книга 2: Экономика Карелии советского периода (1917—1991 гг.). Петрозаводск, 2005. Глава 3. Экономика Карелии в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.)); «Органы безопасности Карелии: исторические очерки, воспоминания, биографии» (Петрозаводск, 2008. Глава 3. Деятельность разведывательно-диверсионных групп НКВД-НКГБ Карело-Финской ССР в тылу финских войск (1941—1944)); над изданием «Петрозаводск и петрозаводчане в годы Великой Отечественной войны» (Петрозаводск, 2005) и др. Различные аспекты истории Карелии периода Зимней войны 1939—1940 гг. и Великой Отечественной войны 1941—1944 гг. нашли отражение в многочисленных очерках, статьях, материалах конференций, опубликованных мной как в российских, так и в зарубежных издательствах.

Логическим продолжением этой большой исследовательской работы и стала данная монография. На основе анализа широкого круга российской и финляндской литературы, опубликованных документов, архивных источников из фондов российских и финляндских государственных и ведомственных архивов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, я попытался представить сложную и противоречивую картину военно-политического и социально-экономического развития Советской Карелии в период Второй мировой войны: исследовать роль как партийных и советских органов, так и населения Карелии в период советско-финляндской (Зимней) войны 1939—1940 гг.; осветить перестройку всей жизни республики на военный лад в начальный период Великой Отечественной войны; раскрыть основные направления развития экономики республики в военный период; показать особенности партизанской войны на Севере России; определить сущность национальной политики финляндского режима на оккупированной территории Карелии и др.

При этом особый интерес вызывали вопросы, которые слабо изучены как в советской (русской), так и в финляндской историографии: экономическое положение в оккупированных районах Карелии в 1941—1944 гг.; проблема коллаборационизма среди местного населения в период финской оккупации; деятельность органов НКВД-НКГБ Карело-Финской ССР

по организации диверсионно-разведывательной деятельности в тылу финских войск в 1941—1944 гг. Ряд положений монографии отражает авторскую позицию и является предметом дискуссий среди историков (вопрос о планах ликвидации Карело-Финской ССР в августе 1944 г.; о роли органов НКВД в организации партизанской войны не только на оккупированной территории Карелии, но и в пограничных районах Финляндии и др.).

Хочется выразить искреннюю благодарность за организационную и финансовую поддержку в издании книги ректорату Петрозаводского государственного университета и Издательству ПетрГУ (особенно — ведущему редактору Ирине Ивановне Куроптевой и главному специалисту Олегу Владимировичу Чернякову). Огромное спасибо моим рецензентам — Юрию Михайловичу Килину, доктору исторических наук, профессору ПетрГУ, и Эйнару Петровичу Лайдинену, кандидату исторических наук, зам. руководителя МНОЦ по истории и культуре Европейского Севера ПетрГУ, за ценные замечания и предложения, высказанные ими в ходе работы над рукописью. Кроме того, Э. П. Лайдинен оказал большую помощь в переводе ряда документов и книг с финского языка на русский.

Особая признательность сотрудникам центральных и, прежде всего, республиканских архивов (Национального архива Республики Карелия, Карельского государственного архива новейшей истории, вошедшего ныне в состав НА РК, Архива Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Карелия, Архива Министерства внутренних дел РК) за возможность работы с ценными архивными источниками по исследуемой теме.

Отдельное спасибо начальнику отдела ГИС РЦ НИТ ПетрГУ Анатолию Михайловичу Шредерсу и инженеру этого отдела Марии Анатольевне Шредерс за предоставленные карты СССР и Финляндии периода Второй мировой войны, отражающие ход боевых действий в годы Зимней и Великой Отечественной войн, показывающие расположение концентрационных (переселенческих) лагерей на оккупированной территории Советской Карелии в 1941—1944 гг., места высылки интернированных финнов в период Зимней войны и др.

Надеюсь, что моя книга вызовет интерес как у профессиональных исследователей, так и у всех тех, кто интересуется историей нашего края.

*Петрозаводск — деревня Шапшезеро
Прионежского района Республики Карелия.
Январь 2009 г.*

Введение

Изучение истории Второй мировой войны, включающей как составную часть и Великую Отечественную войну, продолжает относиться к числу актуальных проблем исторической науки. И хотя по истории войны издано несколько десятков тысяч трудов отечественных и зарубежных ученых, большое количество документальных сборников, мемуаров военных и государственных деятелей, многие сюжеты военного периода еще недостаточно изучены, по ряду проблем существуют различные точки зрения. Объективное отражение истории Второй мировой войны в масштабах всей страны невозможно без тщательного анализа событий на местах, в том числе и в Карелии.

Со второй половины 1940-х до середины 1980-х гг. в первую очередь исследовались различные аспекты истории Карелии в период Великой Отечественной войны. Проблемы же советско-финляндской (Зимней) войны 1939—1940 гг., роль Карелии в этой войне, особенности сложного межвоенного периода истории республики практически оставались за рамками внимания ученых.

Что касается вопросов изучения истории Карелии в годы Великой Отечественной войны, то историография проблемы стала складываться уже в военный период и была представлена газетными и журнальными очерками и статьями, брошюрами, авторами которых были журналисты и писатели — Ф. Кондратьев, Н. Коновалов, И. Моносов, Я. Ругоев, Т. Смолянская, Ф. Трофимов, Г. Фиш, Г. Холопов, Н. Шитов, М. Жур и др.¹ Все публикации военного времени носили пропагандистский характер и были подчинены одной задаче — мобилизации усилий армии и народа на разгром противника.

В первое послевоенное десятилетие процесс изучения истории Карелии в период Великой Отечественной войны шел медленно: появлялись лишь статьи, прежде всего в периодической печати. Из наиболее значимых следует выделить статью Е. С. Гардина «Пути изучения истории Великой Отечественной войны»², в которой автор предпринял попытку дать периодизацию боевых действий на Карельском фронте, выявить их основные особенности, определить направления дальнейших исследований по этой тематике.

Определенный перелом в развитие всей советской исторической науки внес XX съезд КПСС. Значительные сдвиги произошли и в изучении истории Карелии военного периода: расширилась тематика исследований, стали появляться обобщающие научные труды, в научный оборот вводились новые источники.

Отдельные сюжеты истории Карелии периода Великой Отечественной войны нашли свое отражение в крупных трудах, опубликованных в 1960-е — середине 1980-х гг.: в 6-томной истории «Великой Отечественной войны Советского Союза», 12-томной «Истории Второй мировой войны», в 1-й книге 5-го тома «Истории Коммунистической партии Советского Союза», в 10-м томе «Истории СССР с древнейших времен до наших дней», в энциклопедии «Великая Отечественная война, 1941—1945» и др.³ Основное внимание в этих работах уделено описанию военных действий на северном участке германо-финско-советского фронта: боевым операциям советских войск на Карельском фронте в 1941—1944 гг., деятельности партизанских отрядов на Севере и др.

История Великой Отечественной войны в Карелии получила определенное освещение и в обобщающих трудах карельских историков, опубликованных

в 1960—1970-е гг.: во 2-м томе «Очерков по истории Карелии», в «Очерках истории Карельской организации КПСС», в исследовании «Карелы Карельской АССР» и др.⁴

В рамках общей проблемы «Карелия в период Великой Отечественной войны» в 1970-е — середине 1980-х гг. наибольшее внимание уделялось исследованию деятельности партийных органов Северо-Запада страны по организации трудящихся республики на отпор противнику. В эти годы по данной тематике проводились многочисленные научные конференции, по результатам которых выпускались сборники научных статей⁵, было защищено более десятка докторских и кандидатских диссертаций⁶, издавались монографии по отдельным аспектам исследуемой проблемы⁷. Достоинством опубликованных в этот период работ было введение в научный оборот большого фактического материала. Вместе с тем необходимо иметь в виду, что в описании событий, произошедших в Карелии в годы Великой Отечественной войны, авторам приходилось учитывать жесткие идеологические рамки, господствующие в стране в конце 1960-х — середине 1980-х гг.

В 1983 г. в Петрозаводске издательство «Карелия» выпустило в свет монографию К. А. Морозова «Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941—1945)», которая стала первой попыткой комплексного освещения истории Карелии военного периода⁸. Автор исследовал следующие вопросы: показал перестройку всей жизни республики на военный лад; рассмотрел действия советских войск на территории Карелии и участие ее жителей в этих боевых операциях; осветил особенности партизанского движения и подпольной борьбы на оккупированной территории Карелии; раскрыл процесс восстановления разрушенного войной народного хозяйства республики. Несмотря на некоторую узость источниковой базы (не все архивные документы были доступны К. А. Морозову в тот период) и неизбежность учета идеологических ограничений 1970-х — середины 1980-х гг., данная книга остается единственным комплексным исследованием по истории Карелии периода Великой Отечественной войны и представляет несомненную ценность для современных исследователей.

Если в изучении истории Карелии периода Великой Отечественной войны к середине 1980-х гг. были достигнуты определенные успехи, то проблемы возникновения, хода и итогов советско-финляндской войны 1939—1940 гг., или Зимней войны, как ее называют в западной и прежде всего в финляндской историографии, а также история Карелии в этот период глубоко и всесторонне не исследовались отечественными историками. Это было вызвано главным образом двумя причинами. Во-первых, в обстановке складывавшихся после окончания Второй мировой войны дружественных советско-финляндских отношений существовало стремление не затрагивать негативные страницы прошлого, к числу которых относилась и Зимняя война 1939—1940 гг. Во-вторых, до середины 1980-х гг. исследователям были недоступны основные документы, связанные с событиями той войны.

Перестройка в СССР, начатая в середине 1980-х гг., сняла идеологические ограничения при исследовании данной проблемы и открыла историкам доступ к прежде секретным архивным документам советских государственных и ведомственных архивов. Появилась возможность по-новому взглянуть на события 1939—1940 гг.

Первым, кто в это время постарался открыто высказаться по вопросам Зимней войны 1939—1940 гг., был московский историк М. И. Семиряга. В статье «Незаметная война»⁹, опубликованной в 1989 г. в журнале «Огонек», он привлек внимание широких кругов общественности к таким сюжетам войны, как причины ее возникновения, роль сталинского руководства в создании правительства Куусинена, и другим ранее закрытым темам. Естественно, что эта статья не смогла тогда полностью изменить сложившуюся в отечественной историографии традицию в освещении Зимней войны, но она дала толчок для исследования ранее закрытых проблем советско-финляндской войны 1939—1940 гг.

Конец 1980-х — начало 1990-х гг. стали переломными для отечественных исследователей в смысле оценки событий начала Зимней войны. В это время прошли сразу две советско-финляндские встречи историков: сначала в Москве, затем в Тампере. На них впервые прозвучала мысль о том, что именно советское руководство попыталось решить «финляндский вопрос» военным путем, что в конечном итоге вылилось в советско-финляндскую войну 1939—1940 гг. В СССР в данный период появляются первые монографии, в которых также рассматривался вопрос об ответственности советского правительства за развязывание войны¹⁰.

На рубеже 80—90-х гг. XX века на читателя буквально обрушилось огромное количество статей, опубликованных в различных периодических изданиях, посвященных Зимней войне 1939—1940 гг.¹¹ Но это был лишь промежуточный переходный этап к серьезному изучению всех ее аспектов.

Именно тогда началось издание ранее секретных документов как общеполитического, так и военного характера, а также не опубликованных прежде воспоминаний видных государственных деятелей СССР¹². Среди опубликованных источников необходимо отметить документальный сборник «Неизвестная Карелия. Документы спецорганов о жизни республики, 1921—1940 гг.»¹³, составители которого провели значительную работу по выявлению, систематизации и комментированию документальных материалов, углубляющих наши представления о причинах и характере войны между СССР и Финляндией 1939—1940 гг. Важно отметить, что в конце 1980-х — начале 1990-х гг. впервые у отечественных ученых появилась возможность работать с документами фондов ранее закрытых для них архивов в Финляндии.

В начале 1990-х гг. начинается новый период отечественной историографии Зимней войны, который характеризовался не только возросшим интересом к конкретным деталям советско-финляндского противостояния в 1939—1940 гг., но и формированию нескольких направлений в изучении данной проблемы. Наряду с сохраняющимися традиционными взглядами на эту войну появились диаметрально противоположные оценки, которые часто заимствовались из устойчивых тезисов финляндской историографии. В результате выходили работы, не отличавшиеся научной глубиной и носившие политизированно-публицистический характер¹⁴.

Профессиональные российские исследователи на основе анализа открывшихся архивных источников пытались критически подойти к ранее сделанным оценкам, внося коррективы в прежние концепции как причин, так и характера советско-финляндской войны 1939—1940 гг. Эти тенденции в отечественной историографии получили отражение в публикациях на страницах журнала «Родина», один из номеров которого в 1995 г. был посвящен Зимней войне¹⁵.

Попыткой выработать совместную концепцию, в которой бы сочетались взгляды современных отечественных историков и позиция их финляндских коллег, стала книга «Зимняя война, 1939—1940. Политическая история»¹⁶, вышедшая на финском и русском языках в конце 1990-х гг. Этот труд получил положительную оценку как в России, так и в Финляндии.

В 1990-е гг. в Российской Федерации сложились два основных научных центра по изучению проблем Зимней войны — С.-Петербург и Петрозаводск. Именно в этих городах было проведено несколько крупных международных и всероссийских научных конференций, посвященных различным сюжетам советско-финляндской войны 1939—1940 гг. По итогам этих конференций издавались сборники статей и материалов, которые несомненно вносили значительный вклад в развитие современной отечественной историографии данной проблемы¹⁷.

В 1990-е — начале 2000-х гг. активную работу по изучению различных аспектов Зимней войны продолжили петербургские историки Н. И. и В. Н. Барышниковы. Ими совместно и по отдельности были опубликованы несколько монографий, десятки статей, в которых основное внимание уделялось так называемым «белым пятнам» в событиях Зимней войны: дипломатической предыстории Зимней войны; проблеме безопасности Ленинграда в 1930-е — начале 1940-х гг.; истории Териокского правительства и многим другим вопросам¹⁸.

Среди исследователей советско-финляндской войны 1939—1940 гг., широко заявивших о себе в 1990-е — начале 2000-х гг., следует выделить петрозаводского профессора Ю. М. Килина. Им самостоятельно и в соавторстве с финляндскими историками опубликовано большое количество работ по слабо изученным сюжетам Зимней войны¹⁹. Отличительная особенность его публикаций — это солидная источниковая база, причем автор использует не только архивные документы из фондов центральных и местных российских архивов, но и широко привлекает документы финляндских архивов (Военного и Национального архивов Финляндии). В монографии «Карелия в политике Советского государства, 1920—1940»²⁰, опубликованной в Петрозаводске в 1999 г., исследователь затронул практически не изученные ранее советскими историками вопросы, такие как военное планирование в Ленинградском военном округе в 1920—1930-е гг., создание военной инфраструктуры на северо-западе страны, в частности в Карелии, место этого региона в планах военно-политического руководства СССР в 1930-е гг. и др.

В историографии советско-финляндской (Зимней) войны 1939—1940 гг. особый интерес представляет вопрос о формировании Териокского правительства и его деятельности на территории Карелии и в оккупированных районах Восточной Финляндии.

Следует отметить, что единственным источником, из которого советская и мировая общественность узнавали о правительстве Куусинена и его армии, была центральная советская печать, которая излагала официальную точку зрения. Но что стояло за ее фасадом? Какие цели преследовал Сталин, создавая Териокское правительство и Финскую народную армию? Эти и другие вопросы волнуют как российских, так и зарубежных (прежде всего финляндских) исследователей. Среди российских историков следует отметить работы Н. И. и В. Н. Барышниковых, Ю. М. Килина, совместные исследования С. Г. Веригина и Э. П. Лайдинена, В. Г. Макурова и др.²¹ Петербургские профессора Н. И. и В. Н. Барышниковы пос-

вятили данной теме специальную монографию — «Рождение и крах “Терийокского правительства” (1939—1940 гг.)»²².

В историографии соседней страны данная проблема затрагивается в ряде работ, освещающих различные события Зимней войны, а в 1985 г. профессор Хельсинкского университета О. Юссила издал книгу «Терийокское правительство, 1939—1940»²³. Первые главы этой монографии были опубликованы на русском языке в 1986 г. в журнале «Континент», а в 1989 г. в журнале «Мы и мир» (на финском языке) была напечатана статья О. Юссила, отражающая основные положения его монографии²⁴. И хотя труды этого финляндского исследователя были подвергнуты критике рядом российских историков, упрекавших автора за излишнюю публицистичность²⁵, отметим, что работы Юссила дали толчок для дальнейших исследований по данной проблеме.

В первую очередь финляндских исследователей интересует вопрос: кто на самом деле выдвинул идею создания Народного правительства? В ряде работ по этой проблематике ответственность за его появление на политической арене Зимней войны возлагается на ЦК Компартии Финляндии (ЦК КПФ). Об этом, в частности, писал председатель ЦК КПФ И. Вальстрем в газете «Kansan Uutiset» 9 марта 1989 г.²⁶ Аргументы при этом выдвигались следующие: за день до сообщения о создании правительства Куусинена газеты опубликовали обращение ЦК КПФ к финскому народу, в котором была изложена позиция коммунистов по отношению к войне, и основные идеи этого документа нашли затем свое отражение в «Декларации Народного правительства Финляндии». Английский профессор А. Аптон в работе «Коммунизм в Финляндии», вышедшей в Финляндии на финском языке, в связи с этим пишет: «...некоторые исследователи представляют Народное правительство как попытку КПФ спасти финский народ от гибельных последствий политики, проводимой буржуазным правительством»²⁷.

Этой позиции, в частности, придерживается финляндский исследователь М. Саломаа, который посвятил целый ряд работ истории Терийокского правительства²⁸. Н. И. и В. Н. Барышниковы в монографии «Рождение и крах “Терийокского правительства” (1939—1940 гг.)» отмечают, что М. Саломаа впервые ввел в научный оборот весьма обстоятельные интервью, данные бывшим министром просвещения Терийокского правительства И. Лехтинен и редактором печатного органа этого правительства А. Хювяненом. Опираясь на эти источники, М. Саломаа особо подчеркивает, какую активную позицию занимали финские коммунисты в ходе образования Терийокского правительства. В этой связи он ссылается на следующее высказывание И. Лехтинен: «Мысль об образовании правительства исходила от самих финнов. Решение приняли коммунисты-эмигранты. Главную работу осуществлял, прежде всего, Куусинен»²⁹.

Однако большинство финляндских исследователей, признавая, что часть ЦК КПФ (правильнее сказать, та часть, которая находилась в СССР. — С. В.) искренне верила в возможность свержения правительства в Хельсинки и установления народной власти, все-таки считают, что версия о «радиоперехвате», т. е. о непричастности советского руководства к образованию правительства Куусинена, вызывает сомнение и инициатива в образовании Народного правительства принадлежала Сталину³⁰.

Эта позиция была подтверждена в конце 1980-х — начале 1990-х гг. в советской историографии, когда исследователям стали доступны ранее секретные архи-

вные документы, выявленные, прежде всего, в Архиве внешней политики Российской Федерации. Проекты основных документов Народного правительства (Обращение ЦК КПФ, Декларация правительства Куусинена и Договор о взаимопомощи и дружбе между СССР и ФДР) были правлены рукой В. М. Молотова, что позволяет с уверенностью утверждать: инициатором создания Териокского правительства было руководство СССР.

Среди финляндских историков нет единой точки зрения на то, когда Сталин решил создать Народное правительство Финляндии. Т. Вихавайнен в докладе «Отношение Финляндии к СССР с конца 1930-х гг. до Московского мира 1940 г.», сделанном на XII советско-финляндском симпозиуме историков (1989), считает, что формирование правительства Куусинена было тщательно подготовлено³¹. Но основная группа финляндских исследователей данной проблемы полагает (на наш взгляд, вполне справедливо), что создание Народного правительства проходило в спешке, без тщательного анализа политической обстановки в Финляндии и что идея о его образовании возникла у Сталина в первой половине — середине ноября 1939 г., когда советско-финляндские переговоры в Москве окончательно зашли в тупик.

Так, О. Юссила в статье «Терийокское правительство» пишет, что это произошло между 3 и 13 ноября 1939 г.: «3 ноября на переговорах Молотов угрожал: “Сейчас обсуждаются вопросы гражданские, если не удастся договориться, решение вопроса надо передать военным”. Переговоры окончательно провалились 13 ноября, и в тот же день Арво Туоминен (Генеральный секретарь ЦК КПФ. — С. В.) получил приказ вернуться из Стокгольма в Москву, чтобы занять пост премьер-министра в создаваемом правительстве. Вероятнее всего, решение о его формировании было принято скорее ближе к 13 ноября 1939 г., чем к 3 ноября. Но окончательный ответ на это можно получить лишь в архивах Москвы»³². Позицию О. Юссила по этому вопросу разделяют и петербургские историки Н. И. и В. Н. Барышниковы: «Вполне понятно, что создание этого правительства (имеется в виду правительство Куусинена. — С. В.) предусматривалось на территории Финляндии только после того, как определенная ее часть будет занята Красной Армией. Конкретный документ об этом не обнаружен, однако возможно, что само решение было принято устно. Основная работа по подготовке создания “народного правительства” началась, очевидно, после 29 октября, когда уже имелся военный оперативный план. Может быть, прав профессор Хельсинкского университета О. Юссила, относя это решение к 3—13 ноября»³³.

В финляндской историографии данной проблемы отмечается, что первоначально на пост премьер-министра Народного правительства планировался не О. В. Куусинен, а Генеральный секретарь ЦК КПФ А. Туоминен. Об этом рассказал сам Туоминен в воспоминаниях «Кремлевские колокола»³⁴.

13 ноября 1939 г. А. Туоминен, находившийся в то время в Стокгольме в качестве представителя Коминтерна, получил письмо от секретарей Коминтерна Г. Димитрова и О. Куусинена о срочном прибытии в Москву для выполнения особого задания. В письме говорилось, что переговоры в Москве между Финляндией и Советским Союзом оборвались и в отношении Финляндии планируются более действенные меры, они будут такими, на которые давно надеялся Туоминен. Но Туоминен ответил отказом, который курьер передал в Москву 17 ноября.

Вскоре после этого через посольство СССР в Стокгольме Туоминену последовало устное указание о немедленном выезде в Москву. А 21 ноября прибыл второй

курьер, который привез уже письменное указание Политбюро ЦК ВКП(б). Курьер также устно передал, что против Финляндии начнется война и из финских коммунистов планируется создать правительство, Туоминена назначить премьер-министром, а Куусинена — президентом. Но и на этот раз Туоминен был непреклонен³⁵.

М. Якобсон в этой связи отмечает: «Вера Туоминена Кремлю давно уже разъедалась еретическими мыслями. Чистки 1930-х годов, жертвами которых стали многие финские коммунисты, потрясли его, а договор между Москвой и Берлином (имеется в виду пакт Молотова — Риббентропа от 23 августа 1939 г. — С. В.) был для него, как и для многих коммунистов, идеологически сложным для восприятия. Он не мог больше отождествлять преимущества СССР и коммунизма, поэтому его связь с Коминтерном оборвалась. Вследствие этого он не поддерживал планы нападения на Финляндию. Он был титовцем до Тито»³⁶.

Вот как это объясняет в своих воспоминаниях сам А. Туоминен: «В ноябре 1939 г. поступил приказ приехать в Москву и вступить в должность премьер-министра нового правительства. У меня был выбор: или — или. Я знал, что поступивший мне приказ означал нападение на Финляндию в ближайшее время. Если бы я был в Москве осенью 1939 г., когда мне предложили эту должность, у меня, вероятно, не было бы возможности отказаться. Однако в то время я был в Стокгольме, где у меня была свобода выбора»³⁷. Но Туоминен не только ответил отказом. Во время Зимней войны он обратился с письмом «К рабочим Финляндии», в котором раскрыл планы руководства СССР по отношению к своей стране³⁸.

После выхода в свет воспоминания А. Туоминена стали важным источником для финляндских исследователей, которые изучали историю Териокского правительства. В своих работах они, как правило, обязательно ссылались на мемуары Туоминена. Однако в объективности этих мемуаров усомнились российские ученые Н. И. Барышников и В. Н. Барышников. В монографии «Рождение и крах “Териокского правительства” (1939—1940 гг.)» они пишут: «Этот деятель (А. Туоминен. — С. В.), занимавший руководящее положение в КПФ в 1920—1930-е гг., накануне “Зимней войны” фактически порвал с нею. Объясняя свое решение, он на страницах воспоминаний стремился рассказать обо всех известных ему негативных сторонах деятельности партии. Туоминен также пытался приоткрыть занавес над тем, как происходило создание правительства Куусинена. Причем делалось это так, чтобы оправдать его выход из рядов КПФ. Свой вызов в Москву осенью 1939 г. из Стокгольма, где он находился на партийной работе, сначала руководством Коминтерна, а затем и ЦК ВКП(б), Туоминен связал с намерением сделать его членом “народного правительства Финляндии”, но он отказался от этого предложения»³⁹.

На наш взгляд, сам факт обращения к А. Туоминену с предложением возглавить Народное правительство или войти в его состав имел место, но следует согласиться с утверждением авторов монографии «Рождение и крах “Териокского правительства” (1939—1940 гг.)», что «эти скромные сведения превратились затем для исследователей Финляндии чуть ли не в основной источник при рассмотрении процесса образования “народного правительства” и самой его деятельности... естественно, что столь ничтожно малое количество базовых источников не позволяло в полной мере представить суть той работы, которая предшествовала образованию “народного правительства”, а также коснуться его практической деятельности»⁴⁰.

После отказа А. Туоминена возвратиться в Советский Союз на пост премьер-министра Народного правительства был назначен О. В. Куусинен, работавший в Москве в должности секретаря Коминтерна. Все министры в его правительстве (кроме П. Прокконена) были из числа проживавших в СССР финских революционеров-эмигрантов, но в Финляндии, как отмечают финляндские исследователи, они были неизвестны⁴¹. Однако выбор у Сталина и Молотова был ограничен: многие известные у себя в стране финны из числа революционеров-эмигрантов (Э. Гюллинг, Г. Ровио, Я. Мяки и др.) в 1930-е гг. были репрессированы.

В финляндской историографии исследуемой проблемы большое внимание уделяется вопросу о том, какие цели преследовало советское руководство, создавая Териокское правительство. Несмотря на некоторые различия в позициях, большинство исследователей едино в том, что образование правительства Куусинена представляло собой попытку изменить государственный строй Финляндии по советскому образцу или даже лишить ее независимости путем включения в состав СССР.

В российской историографии до сих пор нет единой точки зрения по этому вопросу. Так, сотрудник МИД РФ А. Г. Донгаров считал, что тексты Обращения ЦК КПФ и Декларации правительства Куусинена не содержат и намека на угрозу суверенитету и самостоятельности финляндского государства. В Обращении, например, говорилось о том, что «было бы ошибкой требовать организации советской власти в Финляндии, поскольку такой важный вопрос коренной перестройки всего социального режима не может быть разрешен одной партией или даже одним рабочим классом». В Обращении также подчеркивалось: «Во-первых, Финляндская Демократическая Республика как государство не советского типа не может входить в состав СССР, представляющего государство советского типа. Во-вторых, Советский Союз, следуя своей национальной политике, не захочет, чтобы ему могли приписать желание расширить свои границы за счет Финляндского государства. Ввиду чего Советский Союз, как известно, стоит за обеспечение существования отдельной и независимой Финляндии, связанной с СССР лишь пактом о взаимопомощи». Причем, как отмечает А. Г. Донгаров, эти два абзаца в проект Обращения включил Молотов, подчеркнув слова «независимая и самостоятельная Финляндия»⁴².

В Декларации правительства Куусинена также было подчеркнуто отсутствие у СССР намерений присоединить Финляндию. В ней было записано: «Советский Союз не имеет никаких целей, направленных против независимости нашей страны»⁴³.

На отсутствие подобных намерений указывал нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов в беседах с германским послом Ф. фон Шуленбургом. 30 ноября 1939 г. Молотов, сообщив ему о планах создания правительства Куусинена, заявил следующее: «Это правительство будет не советским, а типа демократической республики. Советы там никто не будет создавать, но мы надеемся, что это будет правительство, с которым мы сможем договориться и обеспечить безопасность Ленинграда». В другой беседе с Шуленбургом, 25 января 1940 г., Молотов подтвердил, что правительство Куусинена будет пополнено другими политическими силами и организовано на обычных демократических началах. «Единственное, что Советское правительство от него ожидает, — сказал Молотов, — это установление нормальных отношений с СССР»⁴⁴.

На основании приведенного выше материала А. Г. Донгаров делает вывод, что для советского руководства правительство Куусинена было не целью, а средством. Сталин и Молотов в своих расчетах исходили из того, что поражение Финляндии в войне поставит вопрос о ее послевоенном устройстве. Создание оккупационного режима не входило в планы Сталина и Молотова, поэтому единственный выход — содействовать формированию правительства, которое будет готово договариваться с СССР. По мнению автора, этот план подтверждали и последующие события: по мере того как становилось ясно, что по всем спорным вопросам можно будет договориться с премьером Рюти, правительство Куусинена отходило все дальше на второй план и после подписания 12 марта 1940 г. советско-финляндского мирного договора самораспустилось с согласия Сталина и Молотова⁴⁵.

В финляндской историографии данной проблемы подчеркивается, что одна из главных целей создания правительства Куусинена состояла в том, чтобы ввести в заблуждение общественное мнение относительно планов СССР в войне, показать, что Советский Союз не только не ведет агрессивную войну против Финляндии, а, напротив, заключив военный союз с демократической Финляндией, помогает «финскому народу в его борьбе за освобождение от власти капиталистов».

Т. Вихавайнен в связи с этим отмечает, что договор между правительством Куусинена и Советским Союзом был составлен таким образом, чтобы иностранные наблюдатели поверили, что это не захватническая война со стороны Советского Союза⁴⁶. М. Якобсон по этому поводу пишет: «Нападение на Финляндию надо было облечь в идеологическую оболочку. Правительству Куусинена предназначалась роль в укреплении идеологической позиции Москвы. Ссылаясь на него, можно было разъяснить, что СССР ведет войну не против финского народа, а за народ, против гнета реакции и империализма. Если бы правительства Куусинена не было, то русским надо было его придумать, так как СССР не мог вести обычную буржуазную войну против другого государства, другого народа. Он ни разу такой войны не вел. Уже в 1920 году Красная Армия в боях против Пилсудского оказывала помощь “революционному комитету Польши” в классовой борьбе против реакции; в сентябре 1939 года он (СССР. — С. В.) вступил в Польшу, поскольку белорусы и украинцы обратились за помощью»⁴⁷.

В финляндской историографии подчеркивается и другая цель Сталина. Предполагалось, что правительство Куусинена деморализует ряды финских войск, ослабит их сопротивление Красной Армии. Тот же М. Якобсон отмечает: «Однако правительство Куусинена было сформировано не только для маскировки нападения. Оно также предназначалось для использования в качестве политического клина в финляндское общество, который открыл Красной Армии парадную дорогу на Хельсинки. “Давайте не стрелять друг в друга!”, “Поверните оружие против своих и наших врагов — белогвардейского правительства Таннера и Маннергейма!” — говорилось в листовках, забрасываемых финским солдатам»⁴⁸.

Финляндские исследователи этой проблемы особо выделяют и тот факт, что для воплощения своих замыслов советское руководство сделало финскому народу заманчивое предложение: по договору между СССР и Финляндской Демократической Республикой последней отдавали территорию Советской Карелии площадью 70 тыс. квадратных километров взамен территории в 3 тыс. кв. км на Карельском перешейке, при этом отмечалось, что «Советский Союз удовлетворяет вековые чаяния финского народа о воссоединении его с родственным карельским народом в едином финляндском государстве»⁴⁹.

Но произошло то, на что никак не рассчитывало советское руководство. Большой подарок не подействовал на финнов. Правительство Куусинена не только не ослабило ряды сторонников сопротивления Красной Армии, а, наоборот, сплотило их. Оказалось, что абсолютное большинство финнов признавало лишь правительство в Хельсинки, которое было сформировано демократическим путем, а не то, которое им предлагал Сталин. На наш взгляд, правительство Куусинена, которое по существу являлось марионеточным, сплотило финляндскую нацию, расколотую после гражданской войны. Произошло окончательное примирение бывших «белых» и «красных» финнов.

Этот вывод делают практически все финляндские исследователи. Так, Ю. Паасикиви отмечает: «Куусинен, а также Кремль, вероятно, полагали, что их “народное правительство” получит заметную поддержку среди финского народа. Эмигранты вообще плохо понимали свою старую Родину. В любом случае Народное правительство было попыткой переворота против законного правительства и существующего строя и его успех основывался бы только на штыках советских войск. Неудивительно, что правительство Куусинена, с которым СССР заключил договор, вызвало в Финляндии глубокое недоверие. Считали это плохо замаскированной попыткой ликвидации независимости Финляндии»⁵⁰.

О противоположном эффекте, который получило советское руководство после создания правительства Куусинена, пишет и М. Якобсон: «Если в Финляндии в начале агрессии СССР в определенных кругах страны были сомнения в правильности проведения политики правительством Хельсинки, то образование правительства Куусинена окончательно развеяло их. И даже финский рабочий класс поддержал правительство в Хельсинки. “Миролюбие финского рабочего класса искренне, — заявили Социал-демократическая партия и Центральный союз профсоюзных объединений Финляндии в совместном ответе воззваниям Куусинена, — но если агрессоры не будут считаться с нашим миролюбием, то рабочему классу Финляндии ничего больше не остается делать, как с оружием в руках бороться с насилием за право на самоопределение, за демократию и мир”»⁵¹.

Данную точку зрения разделяет и Т. Вихавайнен, который пишет, что этот «подарок» (имеется в виду передача будущей демократической Финляндии 70 тыс. кв. км территории Советской Карелии. — С. В.) не вызвал в Финляндии никакого восторга, а, наоборот, породил еще большие подозрения, так как идея присоединения Восточной Карелии к Финляндии была «коньком» авантюрно настроенной молодежи и не являлась целью общества⁵². Однако трудно согласиться с автором в том, что идея присоединения Восточной Карелии к Финляндии являлась целью только части националистической молодежи. Как показали события войны Финляндии против Советского Союза в 1941—1944 гг., эта идея поддерживалась не только членами Карельского академического общества или беженцами из Карелии, но и активно воплощалась в жизнь правительством и военным командованием Финляндии.

Одной из наиболее слабо изученных проблем в историографии советско-финляндской войны 1939—1940 гг. до конца 1980-х гг. наряду с историей Териокского правительства являлся вопрос о создании и боевых действиях Финской народной армии (ФНА), образованной на территории СССР в помощь этому правительству. В отечественной исторической литературе до середины 1980-х гг. данная тема, так же как и вопрос о Териокском правительстве, была практически закрытой. Лишь в конце 1980-х гг. появились первые публикации, в которых

затрагивались проблемы формирования ФНА. Однако о Народной армии говорилось лишь в самом общем виде: первый стрелковый корпус ФНА был создан одновременно с правительством Куусинена, в боевых операциях участия не принимал, предназначался для торжественного вступления революционных финских войск в Хельсинки и прекратил свое существование сразу после окончания Зимней войны⁵³.

В начале 1990-х гг. в двух публикациях карельских авторов — романе О. Тихонова «Свидетель» и статье И. Такала «К вопросу о Финской народной армии» — была предпринята попытка приоткрыть завесу тайны над этим вопросом⁵⁴. Данные работы ценны прежде всего тем, что основаны на воспоминаниях бывших бойцов и командиров ФНА и передают атмосферу того времени.

Однако, естественно, эти воспоминания не могли дать полной картины о создании, структуре и участии в войне ФНА: они были отрывочны; народоармейцы, опрашиваемые авторами, смогли рассказать лишь о тех событиях, в которых сами принимали участие (часто их сведения не совпадали, а то и противоречили друг другу). Не следует забывать и о том, что не только рядовые бойцы, но и командиры подразделений ФНА часто не знали истинных целей ее создания.

Во второй половине 1990-х гг. ситуация с изучением данного сюжета Зимней войны стала постепенно меняться. В определенной мере этот вопрос был затронут Н. И. Барышниковым и В. Н. Барышниковым в разделе «Правительство в Терийоки» книги «Зимняя война, 1939—1940. Политическая история», а С. Г. Веригин посвятил изучению процесса создания ФНА в Зимней войне специальную статью⁵⁵.

В финляндской исторической литературе, посвященной событиям Зимней войны, рассматриваются некоторые аспекты формирования ФНА. Однако финляндские историки в основном ограничиваются ссылками на центральную советскую печать, которая сообщала о создании ФНА, подчеркивая при этом, что ФНА создавалась в помощь правительству Куусинена и имела цель «внести знания Демократической Республики Финляндии в столицу и водрузить его над президентским дворцом»⁵⁶. И только в статье известного финляндского историка О. Маннинена специально исследуется данная проблема⁵⁷. Такая ситуация в финляндской историографии связана, по-видимому, с недостатком документальных источников для исследования проблемы.

До настоящего времени в историографии Зимней войны 1939—1940 гг. остается еще немало «белых пятен», к которым относятся и вопросы переселения народов в период боевых действий. В число переселяемых попали как советские граждане, проживавшие в пограничных с Финляндией районах, так и жители Финляндии, оказавшиеся на территории, занятой частями Красной Армии в конце 1939 — начале 1940 г.

Вопрос о финских гражданах, интернированных советскими властями в период Зимней войны и размещенных в спецпоселках на территории Карелии, нашел определенное отражение в финляндской литературе⁵⁸. Ценность этих публикаций несомненна. Многие из них написаны на основе воспоминаний непосредственных участников событий и показывают процесс выселения через восприятие самих интернированных.

Вместе с тем ставить окончательную точку в исследовании данной проблемы еще рано. В финляндской историографии встречаются различные данные об общем числе интернированных на территорию Карелии финских граждан.

П. Невалайнен в коллективной монографии «История карельского народа», опубликованной на русском языке в 1998 г., пишет: «Из-за просчетов в подготовке эвакуации около 1 800 жителей Хюрсюля и некоторых других деревень близ Суоярви не успели выехать и оказались под контролем советских войск. К тому же в районах Петсамо, в Кайнуу, в Суомуссалми и в некоторых других местах эта судьба постигла еще свыше 600 финнов»⁵⁹. А. Лайне в статье «Карело-Финская Советская Социалистическая Республика и финны», опубликованной в книге «В семье единой. Национальная политика большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920—1950-е гг.», отмечает, что «в Приладожской Карелии, в Хюрсюля (Суоярвский район) осталось около 3 000 человек, на севере, в Юнтусранта (район Суомуссалми), — около 300 человек»⁶⁰.

Все финляндские авторы подчеркивают, что большинство финнов после окончания Зимней войны в мае — июне 1940 г. смогло вернуться на Родину. Но в их работах существуют разночтения в количестве финских граждан, оставшихся в СССР. Так, П. Невалайнен считает, что «около сотни жителей решило остаться в Советском Союзе»⁶¹. Карельский историк В. Г. Макуров в комментарии к сборнику документов «Неизвестная Карелия...» пишет: «Почти все лица указанной категории пожелали и смогли вернуться в Финляндию в течение 25 мая — 3 июня 1940 г., о чем имеется достаточно подробная информация в финской литературе. Из этой же информации следует, что в Советском Союзе остались лишь 15 семей — 61 человек»⁶².

Авторы опубликованных в Финляндии работ по данной теме испытывали трудности с привлечением документальных источников из российских (ранее советских) архивов. До конца 1980-х гг. эти документы фактически были закрыты для исследователей. И только сейчас, когда историки получили возможность познакомиться с ранее секретными архивными источниками, можно значительно глубже раскрыть историю финских граждан, оказавшихся в зоне оккупации Красной Армии, уточнить как общее количество интернированных, так и число тех, кто вернулся в Финляндию, показать политику советских властей в отношении данного населения.

Все эти вопросы нашли отражение в совместных работах петрозаводских историков С. Г. Веригина и Э. П. Лайдинена, в частности в их монографии, написанной в соавторстве с финляндским историком Ю. Кямярйненем, «Заложники Зимней войны. (Интернированные финны на территории Калевальского района Советской Карелии в период Зимней войны 1939—1940 годов», выпущенной Издательством ПетрГУ в 2004 г. и опубликованной затем в Финляндии на финском языке⁶³. Данный вопрос затрагивал в своих статьях и петрозаводский историк В. Г. Макуров⁶⁴.

Среди различных аспектов советско-финляндской войны 1939—1940 гг. до сих пор остается слабо изученным вопрос о положении финских военнопленных на территории СССР, являющийся составной частью общей истории Зимней войны. Это объясняется тем, что финляндские авторы не имели доступа к документальным источникам из фондов советских (ныне российских) архивов. Поэтому данная тема рассматривалась в соседней стране лишь в мемуарной литературе.

Что касается отечественной историографии, то длительное время (1950—1980-е гг.) этот вопрос по идеологическим соображениям был практически закрыт для исследователей. Историки не имели возможности получить необходимые архивные документы, отражающие положение военнопленных армий про-

тивника на территории СССР. Положение стало меняться только в конце 1980-х — начале 1990-х гг., когда были сняты идеологические ограничения на исследование проблем истории Второй мировой войны. А главное, историки наконец-то получили доступ к ряду архивных документов, которые ранее хранились под грифом «Секретно». В 1990-е гг. начали появляться первые публикации, в основном в виде небольших по объему статей, затрагивающие некоторые аспекты данной темы⁶⁵. И только в 1997 г. вышла первая специальная работа В. П. Галицкого «Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939—1953 гг.)»⁶⁶.

Сложность темы заключается в том, что в период советско-финляндской войны 1939—1940 гг. противоборствующие стороны не вели отдельного учета по своим военнопленным, фиксируя лишь пропавших без вести. При этом, по официальным данным, с советской стороны пропали без вести 39 369 человек, а с финской — 3 273 человека⁶⁷.

К сожалению, исследователям в архивах пока так и не удалось обнаружить точных данных о количестве финских военнопленных, находившихся в 1939—1940 гг. на территории СССР. В финляндской историографии эта цифра колеблется от 825 до 1 000 человек. В публикациях российских авторов, в выступлениях на различных научных конференциях общее количество военнопленных финляндской армии варьируется от 800 до 1 100 человек⁶⁸.

Отдельным и также недостаточно исследованным аспектом проблемы положения финских военнопленных на территории СССР в период Зимней войны является вопрос об использовании их органами НКВД СССР в разведывательных и пропагандистских целях. По данной теме имеется лишь статья петрозаводского историка С. Г. Веригина⁶⁹.

Не нашли еще полного и всестороннего освещения в исторической литературе и вопросы, связанные с итогами Зимней войны, в частности создание весной 1940 г. новой союзной республики в составе СССР — Карело-Финской ССР, заселение и освоение бывших финских территорий, отошедших к СССР от Финляндии по мирному договору 12 марта 1940 г. И если до середины 1980-х гг., исходя из идеологических соображений, они отражались лишь в самом общем виде в связи с анализом иных проблем⁷⁰, то в конце 1980-х — 1990-е гг. при исследовании темы встали другие вопросы — недоступность всего комплекса документов, особенно по подготовке и образованию КФСР.

Однако карельские историки стараются в определенной степени восполнить этот пробел, публикуя статьи по данной теме, основанные на анализе архивных источников из центральных и местных архивов, в том числе прежде секретных документов из фондов Архива Президента Российской Федерации и Архива внешней политики Российской Федерации⁷¹. В 2006 г. в Петрозаводском государственном университете Е. П. Смирновой была защищена кандидатская диссертация, посвященная вопросам заселения и экономического освоения бывших финских территорий в составе Карело-Финской ССР в 1940-е гг.⁷²

В период Зимней войны как советская, так и финляндская сторона большую роль отводили разведке. Эти сюжеты стали предметом специального исследования известного историка спецслужб Финляндии и России Э. П. Лайдинена⁷³.

В настоящий период отечественная историография Зимней войны вышла на новый уровень научного осмысления проблемы. Происходит процесс углубления

политических и военных аспектов данной темы. Перед историками стоит еще немало вопросов, которые ждут своего разрешения. Можно ли было избежать войны между СССР и Финляндией? Преследовало ли советское руководство цель лишить Финляндию независимости? Кто был инициатором создания правительства Куусинена и какова была его конечная цель? Как и когда принималось советским руководством политическое решение о войне с Финляндией, обсуждался ли этот вопрос на Политбюро ЦК ВКП(б)? Какова роль Карелии, ее партийных и советских органов, населения республики в осуществлении планов руководства СССР в период Зимней войны? Можно ли согласиться с финляндской оценкой войны между СССР и Финляндией в 1941—1944 гг. как войны-продолжения, наступившей после Зимней войны? Постоянные контакты и тесное сотрудничество российских и финляндских историков позволяют надеяться, что на поставленные вопросы будут даны обстоятельные ответы.

Перестройка в СССР, начавшаяся со второй половины 1980-х гг., создала условия для более качественного уровня исследований истории Карелии не только периода Зимней, но и Великой Отечественной войны. Была ослаблена, а затем и снята жесткая государственная цензура и идеологические ограничения, у ученых появилась возможность познакомиться со многими ранее секретными архивными документами российских архивов, а также работать в архивохранилищах зарубежных государств, стали доступны научные труды иностранных исследователей.

Проблемы военно-политической и социально-экономической жизни республики в военный период нашли свое отражение в соответствующих главах обобщающих трудов по истории нашего края, изданных в 2000—2008 гг.: «История Карелии с древнейших времен до наших дней», «Финансы Карелии», «История экономики Карелии», «Органы безопасности Карелии» и др.⁷⁴ В них рассматриваются такие вопросы, как боевые действия на Карельском фронте, состояние экономики и финансов в неоккупированных районах КФССР, финский оккупационный режим в 1941—1944 гг., партизанское движение в военный период, деятельность органов НКВД-НКГБ республики по организации разведывательно-диверсионной деятельности в тылу противника и др.

Различные аспекты истории Карелии в период Великой Отечественной войны получили освещение в монографиях, брошюрах, статьях московских (Е. С. Сениявская⁷⁵), петербургских (Н. И. Барышников и В. Н. Барышников⁷⁶) и карельских (Л. И. Вавулинская⁷⁷, С. Г. Веригин⁷⁸, Ю. М. Килин⁷⁹, О. И. Кулагин⁸⁰, Н. А. Кораблев⁸¹, О. А. Киселева и Т. В. Никулина⁸², Э. П. Лайдинен⁸³, В. Г. Макуров⁸⁴, Г. В. Чумаков⁸⁵, С. Д. Улитин⁸⁶, Л. Н. Юсупова⁸⁷ и др.) историков. Исследователи обратились к таким слабо изученным ранее вопросам, как организация финского оккупационного режима в Карелии, национальная политика финских властей на оккупированной территории, экономическое развитие как неоккупированных, так и оккупированных противником районов Карелии, эвакуация населения и оборудования промышленных предприятий республики в восточные регионы страны, разведывательно-диверсионная деятельность НКВД КФССР в тылу финских войск в 1941—1944 гг. и др.

В историографии Карелии периода Великой Отечественной войны значительное место отводилось изучению истории партизанского движения на оккупированной территории республики. Литература по этой теме довольно обширна.

Боевая деятельность партизан освещена как в общих трудах по истории Великой Отечественной войны и истории Карелии, так и в специальных работах и статьях, в многочисленных журнальных и газетных публикациях⁸⁸.

С другой стороны, большинство исследований и мемуаров по данной проблеме были написаны в советское время, последние из них опубликованы в середине 1980-х гг. Они идеологизированы и политизированы. Основной упор в них сделан на показе патриотизма, героизма и мужества партизан, а также на освещении роли партийных органов в организации партизанского движения. Партийно-государственная цензура принуждала авторов изображать только положительные победоносные стороны партизанского движения, опуская при этом тяжелые и трагические стороны партизанской войны на Севере. К. В. Гнетнев в книге «Тайны лесной войны. Партизанская война в Карелии 1941—1944 годов в воспоминаниях, фотографиях и документах» в этой связи отмечает: «Известен случай, когда из рукописи книги комиссара партизанского отряда Г. А. Герасимова “Партизанские километры” издательством была изъята целая глава о чудовищно трудном летнем походе 1942 года партизанского отряда “Вперед”. Ситуация сложилась так, что при возвращении в свой тыл до линии боевого охранения наших войск из всего отряда сумел доползти в полубессознательном состоянии только один партизан»⁸⁹.

Официальная политика 1950-х — начала 1980-х гг., требовавшая отражать только положительные факты в изображении как партизанского движения в военный период, так и в целом истории Великой Отечественной войны, неизбежно привела не только к возникновению научной цензуры, но и к появлению самоцензуры и у авторов научных работ, и у самих ветеранов, пишущих мемуары. К. В. Гнетнев пишет: «В июне 2005 года бывший разведчик отряда “Боевые друзья” И. А. Комиссаров прямо заявил мне в беседе: “Мы не дали Д. Я. Гусарову написать всю правду о походе бригады летом 42-го в его романе “За чертой милосердия”. Так и сказали: “Брось, Дима. Не надо. Все равно не пропустят”. Сам писатель так отметил это обстоятельство в дневниковой записи от 10 октября 1970 года: “Партизаны охотно и много рассказывают об этом походе, но у меня сложилось впечатление, что они не хотят, чтобы об этом походе была написана вся правда”»⁹⁰.

Нельзя не согласиться с тезисом К. В. Гнетнева, который он формулирует в книге «Тайны лесной войны»: «Стремление “наложить глянец” или, напротив, затуманить, заболтать те или иные факты истории доводило до откровенных глупостей. В первом варианте рукописи книги “За линией Карельского фронта” ее автор первый секретарь ЦК КП(б) Карело-Финской ССР и член Военного совета Карельского фронта Г. Н. Куприянов утверждал, что в вещевом мешке каждого партизана, уходившего на задание в тыл врага, непременно был томик “Краткого курса истории ВКП(б)” И. В. Сталина. Большого труда партизанам стоило убедить автора в необходимости снять это нелепое утверждение. Летом 2005 года бывший политрук партизанского отряда “Железняк” С. П. Татаурщиков так рассказывал мне об этом эпизоде: “Еле убедил. Говорю: — Ну не было такого, Геннадий Николаевич! Ведь каждая иголлка на счету. Я даже свой кольт в походы перестал носить, а вы с историей партии...” А ведь генерал Куприянов, в числе других, руководил партизанским движением, считался авторитетом в истории войны на территории Карелии и лучше многих знал предмет, о котором писал»⁹¹.

Практически все научные исследования 1950-х — начала 1980-х гг., связанные с карельскими партизанами, были написаны под влиянием официальной поли-

тики и базировались на Записке ЦК КП(б) Карело-Финской ССР «Об участии карело-финского народа в Великой Отечественной войне»⁹², которая была подписана секретарем ЦК КП(б) Карело-Финской ССР Г. Н. Куприяновым 3 августа 1944 г. В большинстве работ мы не найдем анализа серьезных недостатков и ошибок в партизанском движении Карелии. Правда, в начале 1980-х гг. был опубликован роман-хроника Д. Я. Гусарова «За чертой милосердия»⁹³, где раскрывается горькая правда о походе бригады Григорьева в тыл противника в 1942 г. Но эта правдивая книга носила характер художественной прозы и в большей части была посвящена показу мужества и самоотверженности карельских партизан в борьбе против финских оккупантов.

Кроме жесткого идеологического пресса, который господствовал в научной литературе 1950-х — начала 1980-х гг. и определял состояние историографии вопроса о партизанском движении в стране и, в частности, в Карелии, на наш взгляд, следует отметить и объективное обстоятельство: советский народ понес слишком большие человеческие жертвы в годы Великой Отечественной войны, стране был нанесен огромный материальный ущерб. Поэтому считалось, что данная тема полностью раскрыта и не следует останавливаться на недостатках и просчетах в действиях партизанских отрядов в военный период.

Произошедшие в стране коренные изменения, снятие жестких идеологических рамок открыли новые возможности для изучения данной темы. Появились новые документы и материалы⁹⁴, которые показывают, что многие вопросы партизанского движения в Карелии не изучены, а отдельные моменты требуют пересмотра. Жизнь в настоящее время заставляет нас искать историческую правду, что предполагает в том числе и переосмысление событий военных лет. Вместе с тем появилась новая проблема: на наш взгляд, российская общественность не готова к тому, чтобы узнать жестокую правду о партизанах и их действиях, к тому же этого порой не хотят знать и оставшиеся в живых участники тех событий.

Из публикаций последних лет, посвященных истории партизанского движения в Карелии, в которых предпринята попытка осветить слабо изученные до настоящего времени вопросы, следует выделить следующие издания. В 2005 г. в свет вышел сборник научных статей и материалов «Партизанская война в Карелии»⁹⁵, подготовленный Военно-историческим обществом Республики Карелия. Авторы сборника — карельские ученые, краеведы, журналисты, вводя в научный оборот многие не известные ранее архивные документы, привлекая финскую литературу по истории партизанского движения, которая весьма обширна в соседней стране, но практически недоступна для российского читателя, сосредоточили свое внимание на исследовании «белых пятен» в истории партизанской войны в Карелии в 1941—1944 гг.: роли органов НКВД в организации партизанского движения в Карелии, численности потерь партизан Карельского фронта, рейдах карельских партизан на финскую территорию в период войны и др. В 2007 г. известный карельский писатель-документалист К. В. Гнетнев опубликовал книгу «Тайны лесной войны. Партизанская война в Карелии 1941—1944 годов в воспоминаниях, фотографиях и документах»⁹⁶. Ценность данной публикации состоит в том, что в ней автор собрал доверительные рассказы партизан Карельского фронта, свободных от цензурного пресса. Воспоминания партизан, наряду с уже известными сюжетами партизанской жизни, затрагивают и острые «непопулярные» для обсуждения темы: бессмысленные

приказы и чрезмерная жесткость командования, расстрелы своих бойцов за совершенные ими проступки, добивание раненых и др.

В 2005 г. в Петрозаводском госуниверситете О. И. Кулагиным была защищена кандидатская диссертация «Партизанское движение в Карелии и Мурманской области: объективные и субъективные факторы (1941—1944 гг.)»⁹⁷. В ней автор предпринял попытку выявить влияние и взаимообусловленность объективных (физико-географические, демографические и экономические условия региона) и субъективных (организационно-тактическое оформление, материально-техническое обеспечение, идеологическая и агентурная работа) факторов на процесс развития партизанского движения на Карельском фронте. Положительным моментом диссертации является то, что О. И. Кулагин ввел в научный оборот большое количество неопубликованных ранее архивных документов из фондов центральных и местных государственных и ведомственных архивов.

В 2007 г. в издательстве «Компания РИФ» вышла книга карельских исследователей Г. В. Чумакова и А. Н. Ремизова «Бригада. История 1-й партизанской бригады Карельского фронта»⁹⁸. Авторы на основе анализа и обобщения как известных, так и не вводившихся ранее в научный оборот документов и материалов воссоздали картину формирования, боевой деятельности и повседневной жизни этого самого крупного на Европейском Севере партизанского соединения. Исследование содержит ряд приложений, в которые включены ранее не известные архивные источники.

Отмечая несомненную ценность указанных выше работ, следует констатировать тот факт, что, к сожалению, в Карелии до настоящего времени не подготовлено комплексного обобщающего научного труда, специально посвященного партизанскому движению в республике в 1941—1944 гг. При этом следует иметь в виду, что партизанское движение на Севере России, и в Карелии в частности, изучается и в Финляндии⁹⁹. Это обстоятельство безусловно следует учесть при подготовке будущих изданий по данной теме.

Активная исследовательская работа по истории Карелии периода Великой Отечественной войны продолжается и в настоящее время. Значительный фактический материал по данной теме содержится в сборниках научных статей, издающихся историческим факультетом Петрозаводского госуниверситета¹⁰⁰, кафедрой истории Карельского государственного педагогического университета¹⁰¹ и Институтом языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН¹⁰², а также Военно-историческим обществом Республики Карелия¹⁰³.

Большой интерес для исследования проблемы представляют материалы научно-практических конференций, посвященных истории Финляндии и Северо-Запада СССР в годы Великой Отечественной войны, которых за последние пятнадцать лет в С.-Петербурге и Петрозаводске было проведено более двадцати¹⁰⁴. Важно отметить, что в них приняли участие и ученые из стран Северной Европы. Это позволило провести плодотворные дискуссии и обменяться мнением по различным аспектам сложных советско-финляндских отношений в 1939—1944 гг.

Только в Петрозаводске по теме «Война в Карелии» под общим названием «Подвигу жить в веках» состоялось три конференции в 1985, 2000 и 2004 гг.; еще две конференции были проведены в 2001 и 2003 гг. — в связи с соответствующими годовщинами Победы и освобождения Карелии от оккупантов¹⁰⁵. В сборниках материалов этих конференций опубликованы статьи, посвященные боевым

действиям на Карельском фронте, созданию истребительных батальонов и частей добровольческого народного ополчения (В. В. Громов, Н. С. Тропников, С. Д. Улитин, А. Ф. Иняков, П. И. Кулаков, А. Я. Котеленец, В. Г. Макуров, Д. А. Шкляев, С. Г. Веригин, Г. В. Чумаков), партизанскому движению и деятельности подпольных организаций (Н. С. Тихонов, М. И. Захаров,), работе карельского тыла (С. Д. Улитин, М. И. Шумилов, М. А. Мишенев, Э. П. Лайдинен, В. Н. Водолазко, Л. И. Вавулинская, В. Г. Макуров, Н. Я. Копьев, Ю. П. Власов).

Важно отметить, что сегодня переведены с финского языка на русский и изданы труды финляндских исследователей — А. Лайне¹⁰⁶, Х. Сеппяля¹⁰⁷, Э. Пиэтола¹⁰⁸, Т. Вихавайнена¹⁰⁹, М. Йокипии¹¹⁰ и других, посвященные различным аспектам советско-финляндских отношений в годы Второй мировой войны. Эти публикации значительно расширяют наши знания о военной истории Карелии и Финляндии в годы Второй мировой войны, дают возможность познакомиться с финляндской точкой зрения на узловые проблемы войны на Севере.

Таким образом, достигнутый к настоящему времени уровень историографии истории Карелии периода Второй мировой войны позволяет перейти к созданию комплексных трудов по данной проблематике. Кроме того, для исследования военно-политической и социально-экономической истории Карелии военного времени сформирована обширная источниковая база.

Однако отметим, что в период со второй половины 1940-х до середины 1980-х гг. в основном издавались документы по истории Великой Отечественной войны в Карелии. События Зимней войны 1939—1940 гг. и межвоенного периода были слабо отражены в опубликованных источниках и мемуарах. Основу этой источниковой базы составили опубликованные документальные сборники¹¹¹, воспоминания военных¹¹², партийных и государственных деятелей¹¹³, мемуары ветеранов Карельского фронта и партизанского движения¹¹⁴. Изданные документы и мемуары отразили наиболее важные стороны истории Карелии периода Великой Отечественной войны: перестройку экономики республики на военный лад; эвакуацию жителей, промышленных предприятий и оборудования в тыловые регионы Советского Союза; мобилизацию населения в действующую армию; формирование партизанских отрядов и их рейды в тыл противника; стойкость и героизм бойцов Карельского фронта; самоотверженный труд жителей Карелии в тылу и другие вопросы.

Особый интерес представляют воспоминания активных участников и организаторов народной борьбы в тылу врага. Наряду с описанием боевых действий в них предпринимались попытки проанализировать события, выявить этапы борьбы во вражеском тылу, определить закономерности и особенности этой борьбы в условиях Севера¹¹⁵. Мемуары не только расширяли источниковедческую базу, но и вносили свой вклад в изучение данной проблемы. Их ценность и значимость для проведения серьезных и объективных научных исследований очевидна и бесспорна.

Новый этап в развитии документальной базы истории Карелии периода Второй мировой и Великой Отечественной войны наступил с началом перестройки в СССР — с середины 1980-х гг., когда и в России, и в Карелии были открыты целые пласты новых архивных источников, которые позволяют осветить многие не известные ранее страницы военной истории. Причем, говоря об этих материалах, следует подчеркнуть, что речь идет не о новых поступлениях докумен-

тов в архивы Карелии, а об источниках, которые длительное время были на секретном хранении и в настоящее время открыты для исследователей.

Значительная часть такого рода документов была опубликована в 1990-е — начале 2000-х гг. Среди них прежде всего необходимо назвать документальный сборник «По обе стороны Карельского фронта, 1941—1944»¹¹⁶, который ввел в научный оборот 368 документов из архивов России и Финляндии, проливающих свет на основные события на Карельском фронте в 1941—1944 гг. Составители сборника провели значительную работу по выявлению, систематизации и комментированию документальных материалов, углубляющих наши представления о причинах и характере войны между СССР и Финляндией, о ходе боевых операций на разных этапах военного противостояния, о состоянии экономики и жизни населения обоих государств.

Представленные в сборнике постановления высших и местных органов государственной власти и управления, приказы по воинским частям, сводки и донесения с мест, отчеты и докладные записки по социально-экономическим вопросам свидетельствуют о трудностях и лишениях как советского, так и финского народа в период войны. Отдельный раздел сборника отражает оккупационный режим финских властей на временно захваченной территории Карелии, содержанием которого явилось разделение жителей оккупированных районов на две категории: «национальное» население (карелы, финны и вепсы) и «ненациональное» (русские). «Национальное» население рассматривалось как население будущей «Великой Финляндии» и имело определенные привилегии, а «ненациональное» находилось в тяжелых материально-бытовых условиях, половина его (около 25 тыс.) содержалась в концлагерях¹¹⁷.

Существенным приращением знаний по истории войны в Карелии стала публикация сборника «Неизвестная Карелия. Документы спецорганов о жизни республики, 1941—1956 гг.»¹¹⁸. В нем представлен 61 информационный материал спецорганов разного уровня (от центральных до местных) в виде отчетов, докладных записок, сводок, справок, позволяющих при научно-критическом анализе получить более полное представление о реальном положении дел на местах — в городах и селах, на предприятиях и стройках Карелии. В сборнике приведены интересные данные о деятельности советских диверсионно-разведывательных групп в тылу противника, о работе финских разведшкол на временно оккупированной территории Карелии¹¹⁹.

В интересах защиты Отечества широко использовался потенциал Советов как органов власти. Об этом достаточно полно говорится в четвертом разделе документального сборника «Советы Карелии, 1917—1992»¹²⁰. В 39 документах отражается процесс введения военного положения в республике, эвакуации населения и материальных ценностей в тыл страны, мобилизации сил и средств на odpor врагу. Значительную работу в этом плане проводили 25 депутатов, избранных в Верховный Совет СССР первого созыва (июнь 1940 г.) от Карелии¹²¹.

В 1990 г. издательство «Карелия» выпустило сборник «Мы освободим родную советскую землю»¹²², вобравший в себя 405 писем с фронта и на фронт. Эти письма — яркое свидетельство суровой правды о войне, о высоком моральном духе северян в годы военных испытаний.

В связи с 300-летием Петрозаводска Архивное управление РК и Национальный архив РК выпустили трехтомное собрание документов и материалов, в третьем

томе которого опубликованы документы по военной истории столицы республики¹²³. Все документы сгруппированы по важнейшим направлениям жизни горожан: оборона Петрозаводска, эвакуация жителей и промышленных предприятий, Петрозаводск в оккупации, освобождение и восстановление города. Многочисленные фотографии, опубликованные в сборнике, дают образное представление о событиях и людях военной эпохи.

От войны больше всего страдали дети. Оказавшись в экстремальных условиях финской оккупации, они вынуждены были терпеть все муки, выпавшие на долю взрослого населения. Об этой трагической странице истории Карелии рассказывается в сборнике воспоминаний бывших малолетних узников финских концлагерей «Судьба»¹²⁴, изданном в 1999 г. Эти воспоминания повествуют о пережитых страданиях детей, их бесправном полуголодном существовании, моральном унижении и физических истязаниях. Тысячи детей не дожили до Победы, а оставшиеся в живых, как пишет одна из бывших малолетних узниц Т. В. Шляхтенкова, на всю жизнь сохранили в душе «страх перед колючей проволокой»¹²⁵.

Публикации воспоминаний бывших малолетних узников финских концлагерей были продолжены в сборнике «Плененное детство. Сборник воспоминаний бывших малолетних узников», книге В. С. Лукьянова «Трагическое Заонежье», мемуарах Н. И. Денискевича «В финском концлагере. Воспоминания и размышления. Вып. 5», вышедших в начале XXI в.¹²⁶

Несомненный интерес для исследователей представляет сборник научных статей и источников «Устная история в Карелии. Вып. 3: Финская оккупация Карелии (1941—1944)»¹²⁷, вышедший в 2007 г. под редакцией А. В. Голубева и А. Ю. Осипова. В этом издании представлены воспоминания как родственных финнам народов (финно-угорских), так и «ненационалов» (русских и других не финно-угорских народов), мемуары тех, кто свободно проживал на оккупированной территории Карелии, и тех, кто находился в концентрационных или трудовых лагерях.

Несмотря на то что в Карелии в 1990-е — начале 2000-х гг. была проведена огромная работа по публикации новых документов по истории Великой Отечественной войны, многие из них все еще находятся в архивных фондах республиканских государственных и ведомственных архивов (Национального архива Республики Карелия; Карельского государственного архива новейшей истории, вошедшего ныне в состав НА РК; Архива УФСБ РФ по РК, Архива МВД РК) и недоступны широкой общественности. Наиболее значительны по объему и содержанию фонды бывших центральных руководящих органов республики — ЦК Компартии Карело-Финской ССР¹²⁸, Совета Народных Комиссаров и Верховного Совета Карело-Финской ССР¹²⁹. Большое значение для исследователей представляет опись 7-го фонда Совнаркома республики¹³⁰, включающая тысячи документов, которые ранее предназначались только для служебного пользования, а сейчас стали доступными для исследователей. То же самое было и с так называемыми особыми папками в фондах партийного руководства республики¹³¹.

Значительный интерес для специалистов представляют документы личного фонда бывшего первого секретаря ЦК КП(б) КФССР, члена Военного совета Карельского фронта Г. Н. Куприянова, хранящиеся в Национальном архиве Республики Карелия¹³². Среди них следует выделить объемный труд под названием «Война на Севере» (рукопись, 1500 машинописных страниц), который не был

опубликован при жизни Г. Н. Куприянова и до начала 1990-х гг. находился на секретном хранении. Причина этого заключалась в том, что, как указывается в справке архивных служб, рукопись носит очень субъективный характер, имеет много негативных оценок, в том числе и критических высказываний в адрес руководящих работников Советского Союза и Карелии¹³³.

Многие факты, приводимые Г. Н. Куприяновым, нуждаются в тщательном анализе и проверке. Так, например, автор утверждает, что в конце 1944 г. Карело-Финская ССР могла быть ликвидирована, а карелы и вепсы могли быть сосланы в Сибирь. К тому времени советское руководство своими решениями уже ликвидировало ряд автономных образований (немцев Поволжья, крымских татар и др.). Летом 1944 г. новое руководство Карельского фронта стало готовить материал о ликвидации КФССР и депортации ее населения. Через органы контрразведки подбирался соответствующий материал: факты сотрудничества местного населения с финскими властями, отдельные примеры предательства, негативные высказывания в отношении советской власти и др. Вопрос о судьбе КФССР рассматривался на заседании бюро ЦК ВКП(б) 30 августа 1944 г. По словам Г. Н. Куприянова, республику удалось отстоять, хотя и было принято решение от 31 августа 1944 г. «О недостатках массово-политической работы среди населения районов Карело-Финской ССР, освобожденных от финской оккупации», имевшее негативные последствия для руководства и населения Карелии¹³⁴. Данная проблема подробно исследуется в одном из разделов настоящей монографии.

Важное значение для исследователей представляют финские трофейные материалы, находящиеся в фондах этого же архива. Это, прежде всего, документы штаба Военного управления Восточной Карелии (ВУВК)¹³⁵, созданного в июле 1941 г. приказом Маннергейма для организации и руководства всей жизнью в районах Карелии, оккупированных финскими войсками. Состав документов разнообразен: отчеты управления об административной, хозяйственной, религиозной и другой деятельности; отчеты финских окружных штабов, созданных в связи с разделением оккупированной территории Карелии на три округа — Олонецкий, Масельгский и Беломорский; различные приказы, инструкции, переписка финских военных властей и др. Данные материалы позволяют воссоздать различные аспекты жизни оккупированной зоны Карелии в 1941—1944 гг. и свидетельствуют о том, что Финляндия намеревалась основательно осваивать захваченные советские территории.

В ведомственных архивах Карелии — Архиве Министерства внутренних дел Республики Карелия (Архив МВД РК) и Архиве Управления Федеральной службы безопасности РФ по РК (Архив УФСБ РФ по РК) — многочисленные архивные источники, ранее засекреченные и недоступные ученым, в начале 1990-х гг. были рассекречены и позволили исследовать ранее слабо изученные вопросы Зимней войны 1939—1940 гг.: Териокское правительство и его деятельность на территории Карелии и Восточной Финляндии; формирование Финской народной армии, созданной в помощь Териокскому правительству (правительству Куусинена); использование финских военнопленных в пропагандистских и разведывательных целях в период советско-финляндской войны 1939—1940 гг.; судьба интернированных финских граждан в спецлагерях на территории Советской Карелии и др.¹³⁶

Следует отметить, что рассекреченные архивные документы из фондов Архива УФСБ РФ по РК позволили приступить к освещению ранее практически закры-

тых вопросов истории Великой Отечественной войны в Карелии и Финляндии, как-то: деятельность 4-го отдела НКВД-НКГБ КФСР по развертыванию диверсионно-разведывательной деятельности в тылу финских войск в 1941—1944 гг., коллаборационизм на территории оккупированной Карелии, социально-экономическое развитие оккупированных районов Карелии в 1941—1944 гг. и др.

Кроме архивных документов государственных и ведомственных архивов Республики Карелия, при написании монографии были использованы многочисленные архивные источники из фондов центральных государственных архивов РФ: Архива Президента Российской Федерации (АПРФ, Москва); Российского государственного военного архива (РГВА, Москва); Архива внешней политики Российской Федерации (АВПРФ, Москва); Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ, Москва); Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ); Российского государственного архива экономики (РГАЭ, Москва); Центра хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК, Москва); Российского государственного архива Военно-морского флота (РГА ВМФ, С.-Петербург); Центрального государственного архива исторической и политической документации (ЦГАИПД, С.-Петербург).

Так, в Архиве Президента Российской Федерации использованы рассекреченные материалы из фонда 3 — Политбюро ЦК ВКП(б), которые проливают свет на процесс преобразования Карельской Автономной Советской Социалистической Республики в новую союзную республику — Карело-Финскую ССР³⁷. Из фондов Российского государственного военного архива получены ценные сведения о формировании и боевой деятельности Финской народной армии, созданной в помощь правительству Куусинена (ф. 25888 — Ленинградский военный округ; ф. 31921 — Управление 1-го стрелкового корпуса ФНА; ф. 31923 — Управление 1-й стрелковой дивизии 1-го стрелкового корпуса ФНА; ф. 31926 — 2-я стрелковая дивизия 1-го стрелкового корпуса ФНА; ф. 31927 — Управление 3-й стрелковой дивизии 1-го стрелкового корпуса ФНА; ф. 31928 — Управление 4-й стрелковой дивизии ФНА; ф. 34980 — Коллекция документов советско-финляндской войны 1939—1940 гг. и другие фонды).

Важные для исследования материалы о деятельности правительства Куусинена на занятой частями Красной Армии территории Восточной Карелии в период Зимней войны, сведения о финских и советских военнопленных, информация об интернированных финнах, выселенных в спецпоселки на территорию Советской Карелии в годы Зимней войны и другие материалы были получены из фондов Архива внешней политики Российской Федерации (ф. 06 — Секретариат В. М. Молотова; ф. 0135 — Референтура НКВД по Финляндии; ф. 0149 — Референтура НКВД по Карелии) и Российского государственного архива социально-политической истории (ф. 17 — фонд ЦК ВКП(б); ф. 77 — коллекция документов А. А. Жданова; ф. 74 — коллекция документов К. Е. Ворошилова; ф. 82 — коллекция документов В. М. Молотова; ф. 516 — Финляндская коммунистическая партия; ф. 522 — коллекция документов О. В. Куусинена).

Ценные сведения о процессе заселения и освоения бывших финских территорий, вошедших в состав Карело-Финской ССР после заключения мирного договора между СССР и Финляндией 12 марта 1940 г., об эвакуации населения и промышленных предприятий из Карелии в восточные районы Советского Союза в начальный период Великой Отечественной войны, о перестройке экономики рес-

публики на военный лад и другие сведения почерпнуты из фондов Государственного архива Российской Федерации (ф. Р-1318 — Наркомат по делам национальностей РСФСР; ф. 5283 — Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (ВОКС); ф. 5446 — Совет Народных Комиссаров СССР — Совет Министров СССР, 1923—1991; ф. 6757 — Постановления Экономического совета при СНК СССР; ф. 8418 — Комитет обороны при СНК СССР, 1927—1940; ф. 9401 — Секретариат НКВД — МВД СССР; ф. 9526 — Управление уполномоченного СНК СССР — Совета Министров СССР по делам репатриации, 1944—1953) и Российского государственного архива экономики (ф. 1562 — Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР; ф. 4372 — Государственный плановый комитет СССР Совета Министров СССР; ф. 5675 — Переселенческое управление при СНК СССР; ф. 7637 — Министерство лесной промышленности СССР; ф. 7964 — Народный комиссариат электростанций и электропромышленности СССР; ф. 8513 — Министерство бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР).

В фондах Центра хранения историко-документальных коллекций (ф. ге — Главное управление по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ)) получена важная информация о военнопленных и интернированных советских и финских военнослужащих в период Второй мировой войны, о попытках советских спецслужб использовать финских военнопленных в разведывательных целях.

Архивные материалы из фондов Центрального государственного архива исторической и политической документации (ф. 25 — Городской комитет ВКП(б) и ф. 24 — Областной комитет ВКП(б)) и Российского государственного архива Военно-морского флота (ф. Р-92 — Штаб Краснознаменного Балтийского флота) дают сведения о противоречиях между Ленинградским обкомом ВКП(б) и Карельским обкомом ВКП(б) и СНК КАССР по вопросу территорий, присоединенных к Советскому Союзу от Финляндии после окончания Зимней войны 1939—1940 гг., о процессе заселения и экономического освоения этих территорий.

Важную роль в исследовании проблем финского оккупационного режима в Восточной Карелии в 1941—1944 гг., национальной политики Военного управления Восточной Карелии, организации системы просвещения, здравоохранения, культурно-просветительной работы и других вопросов на оккупированной территории Карелии сыграли архивные документы из финляндских государственных архивов — Национального архива Финляндии и Военного архива Финляндии¹³⁸.

Таким образом, на основе анализа широкого круга российской и финляндской литературы, опубликованных документов, архивных источников из фондов российских и финляндских государственных и ведомственных архивов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, в монографии представлена многообразная и противоречивая картина военно-политической и социально-экономической жизни Советской Карелии в период Второй мировой войны.

- 1 Наши земляки на фронте: Сб. ст. и очерков. Петрозаводск, 1945; За родной Север: очерки и ст. о наступательных боях в Карелии и Заполярье. Петрозаводск, 1945; Смолянская Т. Молодежь прифронтовой республики. Беломорск, 1943; и др.
- 2 Гардин Е. С. Пути изучения истории Великой Отечественной войны // На рубеже. 1947. № 5. С. 32—44.
- 3 История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945: В 6 т. М., 1960—1964; История Второй мировой войны, 1939—1945: В 12 т. М., 1973—1982; История Коммунистической партии Советского Союза: В 6 т. Т. 5. Кн. 1. М., 1970; История СССР с древнейших времен до наших дней: В 12 т. Т. 10. М., 1970; Великая Отечественная война, 1941—1945: Энциклопедия. М., 1985; и др.
- 4 Очерки истории Карелии: В 2 т. Т. 2. Петрозаводск, 1964. С. 343—411; Очерки истории Карельской организации КПСС. Петрозаводск, 1974. С. 322—387; Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983. С. 215—231; и др.
- 5 Из истории партийных организаций Северо-Запада РСФСР (1941—1945 гг.). Петрозаводск, 1976; Партийно-политическая работа среди трудящихся в условиях социализма: Из истории партийных организаций Северо-Запада РСФСР. Петрозаводск, 1977; Борьба партии за укрепление единства фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны. Петрозаводск, 1979; Борьба партии за укрепление социально-политического единства советского общества, 1941—1945 гг. Петрозаводск, 1981; Деятельность партии по укреплению социально-экономического единства советского тыла, 1941—1945 гг. Петрозаводск, 1983; Возрастание руководящей роли Коммунистической партии в годы Великой Отечественной войны. Петрозаводск, 1985; и др.
- 6 Смирнов А. И. Деятельность партийной организации Карелии по мобилизации трудящихся республики в помощь фронту в годы Великой Отечественной войны: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1964; Улитин С. Д. Деятельность Коммунистической партии по укреплению союза рабочего класса и колхозного крестьянства в годы Великой Отечественной войны: по материалам Архангельской, Вологодской и Мурманской партийных организаций: Дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 1972; Глазов Ю. Н. Партийно-политическая работа в деревне в годы Великой Отечественной войны: на материалах Архангельской, Вологодской областей и Карельской АССР: Дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 1975; Базегская В. В. Партийное руководство профсоюзами в годы Великой Отечественной войны: на материалах Карелии, Архангельской и Мурманской областей: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1982; Анищенко В. С. Восстановление и начало деятельности партийных организаций в освобожденных районах Северо-Запада РСФСР в 1943—1945 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983; Крылова Р. И. Коммунистическая партия — организатор трудовых подвигов советских женщин в годы Великой Отечественной войны: на материалах Карелии, Архангельской, Вологодской и Мурманской областей: Дис. ... канд. ист. наук, 1984; и др.
- 7 Шпак А. А. Подвиг юности: Комсомол Карелии в годы Великой Отечественной войны. Петрозаводск, 1975; Улитин С. Д. Могучий источник победы. Петрозаводск, 1982; и др.
- 8 Морозов К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Петрозаводск, 1983.
- 9 Семиряга М. И. Незнаменитая война // Огонек. 1989. № 22.
- 10 Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во Второй мировой войне. Л., 1989.
- 11 Барышников Н. И. Советско-финляндская война 1939—1940 гг. // Новая и новейшая история. 1989. № 4; Куйттинен К. Была ли «зимняя война» неизбежной? // За рубежом. 1989. № 48; Медведев Р. А. Дипломатические и военные просчеты Сталина в 1939—1941 гг. // Новая и новейшая история. 1989. № 4; Носков А. Незнаменитая война // Красная звезда. 1989. 30 ноября; Орлов А. Можно ли было избежать конф-

ликта? // Родина. 1989. № 8; Петров В. Была такая война // Аргументы и факты. 1988. № 39; и др.

- 12 «Зимняя война»: Документы о советско-финляндских отношениях 1939—1940 годов // Международная жизнь. 1989. № 8, 12; Донгаров А. Г. Правительство Куусинена: Эпизод советско-финляндской войны 1939—1940 годов // Вестник Министерства иностранных дел СССР. 1989. № 22; Мемуары Никиты Хрущева // Вопросы истории. 1990. № 7; Советско-финляндская война // Военно-исторический журнал. 1990. № 1; и др.
- 13 Неизвестная Карелия: Документы спецорганов о жизни республики, 1921—1940 гг. Петрозаводск, 1997.
- 14 Козлов А. И. Советско-финляндская война 1939—1940 гг.: Взгляд с «той» стороны. Рига, 1997; Советско-финляндская война 1939—1940 гг. Минск, 1999; Соколов Б. В. Тайны финской войны. М., 2000; и др.
- 15 Родина. 1995. № 12.
- 16 Yksin suurvaltaa vastassa. Talvisodan poliittinen historia. Jyväskylä, 1997; Зимняя война, 1939—1940: Политическая история. Кн. 1. М., 1999.
- 17 С.-Петербург и страны Северной Европы: материалы ежегодной науч. конф. СПб., 2001; С.-Петербург и страны Северной Европы: Материалы ежегодной науч. конф. (25—26 апреля 2001 г.). СПб., 2002; С.-Петербург и страны Северной Европы: Материалы ежегодной науч. конф. СПб., 2003; С.-Петербург и страны Северной Европы: Материалы 5-й ежегодной науч. конф. (23—25 апреля 2003 г.). СПб., 2004; С.-Петербург и страны Северной Европы: Материалы 6-й ежегодной науч. конф. (14—16 апреля 2004 г.). СПб., 2005; Скандинавские чтения 2000 года. СПб., 2002; Скандинавские чтения 2002 года. СПб., 2003; Советско-финляндская война, 1939—1940 гг.: Материалы междунар. науч.-практ. конф. (16—17 марта 2002 г.). / Ред. Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров, В. П. Судаков. Петрозаводск, 2002; Республика Карелия: 80 лет в составе Российской Федерации (становление и развитие государственности): Материалы междунар. науч.-практ. конф. 6 июня 2000 г. / Сост. В. Н. Бирин. Петрозаводск, 2000; Сортавальский исторический сборник. Вып. 1: Материалы I междунар. науч.-просвет. краевед. конф. «370 лет Сортавала» / Отв. ред. А. М. Пашков. Петрозаводск, 2005; Вторая мировая война и Карелия, 1939—1945 гг.: Материалы науч.-практ. конф., посв. 60-летию начала Великой Отечественной войны / Науч. ред. Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров. Петрозаводск, 2001; XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. М.; Петрозаводск, 1997; Восточная Финляндия и Российская Карелия: традиция и закон в жизни карел: Материалы междунар. семинара историков, посв. 65-летию ПетрГУ / Сост. А. М. Пашков, И. М. Соломещ. Петрозаводск, 2005.
- 18 Барышников Н. И., Барышников В. Н. Рождение и крах «Терийокского правительства» (1939—1940 гг.). СПб.; Хельсинки, 2003; Барышников В. Н. От прохладного мира к зимней войне: Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. СПб., 1997; Он же. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну 1940—1941 гг. СПб., 2003; Он же. Об идее русского эмигрантского правительства в Карелии в советско-финляндской войне 1939—1940 гг. // Советско-финляндская война, 1939—1940 гг.: Материалы междунар. науч.-практ. конф. (16—17 марта 2002 г.). С. 29—36; Он же. Изучение советско-финляндской войны в отечественной историографии XX века // От войны к миру: СССР и Финляндия, 1939—1940 гг.: Сб. ст. / Под ред. В. Н. Барышникова, Т. Н. Городецкой и др. СПб., 2006. С. 55—65; Барышников Н. И. Советско-финляндская война 1939—1940 гг. // Новая и новейшая история. 1989. № 4. С. 28—41; Он же. «Белые пятна» в истории зимней войны 1939—1940 гг. // Советско-финляндская война, 1939—1940 гг. С. 5—9; Барышников Н. И., Маннинен О. В канун зимней войны // Зимняя война, 1939—1940: Политическая история. С. 131—141; Барышников Н. И. О попытках осуществления Финляндией плана так называемых стратегических границ в Карелии (июнь — сентябрь 1941 г.) // Вторая мировая война и Карелия, 1939—1945 гг.: Материалы науч.-практ. конф., посв. 60-летию начала Великой Оте-

- чественной войны. С. 39—42; *Барышников В. Н.* СССР — Финляндия в 1920—1930 гг.: проблема начала «зимней войны» // 105 дней «зимней войны»: К 60-летию советско-финляндской войны 1939—1940 гг. СПб., 2000. С. 6—15; *Он же.* Из истории Терийокского «правительства» и проблемы границы // Россия и Финляндия в XVIII—XX вв.: Специфика границы. СПб., 1999.
- 19 *Килин Ю. М.* Комитеты трудового народного фронта на территории Финляндии, занятой Красной Армией (декабрь 1939 — февраль 1940 г.) // XIII конф. по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. М., 1993; *Kilin J.* Rajaseudun väki kahdesti panttina 1939—1940 // *Historiallinen aikakauskirja*. 1993. № 3. С. 204—212; *Kilin J.* Rajaseudun väki kahdesti panttina 1939—1940 // *Carelia*. 1994. № 11. С. 132—138; *Kilin J.* Puna-armeija tahdon toteuttajana Talvisodassa // *Talvisodan Pikkujuttiläinen*. Porvoo, 1999. С. 356—384.
- 20 *Килин Ю. М.* Карелия в политике Советского государства, 1920—1941. Петрозаводск, 1999.
- 21 *Барышников Н. И., Барышников В. Н.* Правительство в Терийоки // Зимняя война, 1939—1940: Политическая история; *Килин Ю. М.* Карелия в политике Советского государства, 1920—1941; *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П.* История Териокского правительства в финляндской исторической литературе // Политическая история и историография (от античности до современности). Петрозаводск, 1994. С. 115—121; *Они же.* Интернированные финны // Север. 1995. № 3; *Веригин С. Г.* Зимняя война: неизвестные страницы // Север. 1993. № 6. С. 118—131; *Он же.* Териокское правительство и его деятельность на территории Карелии в период Зимней войны 1939—1940 гг. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1994. С. 56—62; *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П., Кямярйнен Ю.* Заложники Зимней войны: (Интернированные финны на территории Калевальского района Советской Карелии в период Зимней войны 1939—1940 годов). Петрозаводск; Йоэнсуу; Суомуссалми, 2004; *Макуров В. Г.* Зимняя война и жизнь некоторых граждан Финляндии в Карелии в 1939—1940 гг. // Новое в изучении Карелии: Сб. ст. Петрозаводск, 1994. С. 160—167; и др.
- 22 *Барышников Н. И., Барышников В. Н.* Рождение и крах «Терийокского правительства» (1939—1940 гг.).
- 23 *Jussila O.* Terijoen hallitus 1939—1940. Porvoo; Helsinki, 1985.
- 24 *Jussila O.* Terijoen hallitus 1939—1940 // *Maaailma ja me*. 1989. № 9. С. 56—66.
- 25 См., например: *Барышников Н. И., Барышников В. Н.* Рождение и крах «Терийокского правительства» (1939—1940 гг.). С. 17—20.
- 26 *Talvisota, Venäjä ja Suomi*. Helsinki, 1991. С. 264.
- 27 *Upton A.* Kommunismi Suomessa. Rauma, 1970. С. 264.
- 28 *Salomaa M.* Kuusisen hallitus kyseli kadonneista SKP:n jäsenistä // *Kansan Uutiset*. 1984. 22.12; *Idem.* Terijoen hallituksen mysteeri // *Historiallinen Aikakauskirja*. 1985. № 1.
- 29 Цит. по: *Барышников Н. И., Барышников В. Н.* Рождение и крах «Терийокского правительства» (1939—1940 гг.). С. 22.
- 30 *Tanner V.* Olin ulkoministerinä talvisodan aikana. Helsinki, 1951. С. 172; *Paasikivi J.* Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939—1941. Porvoo; Helsinki; Juva, 1986. С. 111; *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. Porvoo; Helsinki, 1970. С. 200; *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П.* История Териокского правительства в финляндской исторической литературе. С. 116.
- 31 *Vihavainen T.* Suomen ja Neuvostoliiton suhteet 1930 — luvun lopulta Moskovan rauhaan 1940 // *Talvisota, Venäjä ja Suomi*. Helsinki, 1991. С. 225.
- 32 *Jussila O.* Terijoen hallitus 1939—1940. С. 60.
- 33 *Барышников Н. И., Барышников В. Н.* Рождение и крах «Терийокского правительства» (1939—1940 гг.). С. 51.

- 34 Tuominen A. Kremlin kellot. Muistelmia vuosilta 1933—1939. 5 painos. Helsinki, 1956. S. 386—390.
- 35 Веригин С. Г., Лайдинен Э. П. История Териокского правительства в финляндской исторической литературе. С. 117.
- 36 Jakobson M. Diplomaattien talvisota. Helsinki, 1951. S. 269—270.
- 37 Tuominen A. Kremlin kellot. Muistelmia vuosilta 1933—1939. S. 386.
- 38 Веригин С. Г., Лайдинен Э. П. История Териокского правительства в финляндской исторической литературе. С. 118.
- 39 Барышников Н. И., Барышников В. Н. Рождение и крах «Терийокского правительства» (1939—1940 гг.). С. 14—15.
- 40 Там же. С. 15.
- 41 Paasikivi J. Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939—1941. S. 133—134; Pakaslahti A. Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 201—206; Seppälä H. Itsenäisen Suomen puolustuspolitiikka ja strategia. Porvoo; Helsinki, 1974. S. 167—168.
- 42 Донгаров А. Г. Правительство Куусинена: Эпизод советско-финляндской войны 1939—1940 годов. С. 75.
- 43 Там же.
- 44 Там же.
- 45 Там же.
- 46 Vihavainen T. Suomen ja Neuvostoliiton suhteet 1930 — luvun lopulta Moskovan rauhaan 1940. S. 102.
- 47 Jakobson M. Diplomaattien talvisota. S. 88.
- 48 Ibid. S. 89.
- 49 Правда. 1939. 3 дек.
- 50 Paasikivi J. Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939—1941. S. 200.
- 51 Jakobson M. Diplomaattien talvisota. S. 290.
- 52 Vihavainen T. Suomen ja Neuvostoliiton suhteet 1930 — luvun lopulta Moskovan rauhaan 1940. S. 102.
- 53 См.: Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во Второй мировой войне; Холодковский В. Эта странная война // Ленинская правда. 1989. 4, 5, 6 янв.; Реквием карельских болот // Комсомольская правда. 1989. 12, 14 янв.; Родина. 1995. № 12; и др.
- 54 Тихонов О. Свидетель. Петрозаводск, 1990; Takala I. Kysymys Suomen Kansanarmeijasta // Talvisota, Venäjä ja Suomi. (Toim. T. Vihavainen). Helsinki, 1991. S. 287—294.
- 55 Барышников Н. И., Барышников В. Н. Правительство в Терийоки. С. 176—191; Веригин С. Г. Финская народная армия в Зимней войне 1939—1940 гг. // Общественно-политическая история Карелии XX века: Очерки и ст. Петрозаводск, 1995. С. 96—113.
- 56 Upton A. F. Finland, 1939—1940. London, 1974. P. 79; Halsti W. H. Talvisota 1939—1940. Keuruu, 1957; Jussila O. Terijoen hallitus 1939—1940. (1985); Jussila O. Terijoen hallitus 1939—1940. (1989). S. 60; Vihavainen T. Suomen ja Neuvostoliiton suhteet 1930 — luvun lopulta Moskovan rauhaan 1940. S. 225.
- 57 Manninen O. Kuusisen armeijasta // Historiallinen aikakauskirja. 1985. № 2.
- 58 Haasia A., Hujanen E. Tasavallan panttivangit. Evakuoimatta jääneiden suojärvläisten vaiheet talvisodan aikana. Jyväskylä, 1990; Rentola K. Kenen joukoissa seisot? Suomalainen kommunismi ja sota 1937—45. Juva, 1994; Хиетанен С. Вопрос о перемещенных лицах // Народ в войне. Хельсинки, 1989; Niemi A. Hyrsylänmutkan siviilivankien kohtalot // Karjala. 1992. 17.12; Лайне А. Карело-Финская Советская Социалистическая Республика и финны // В семье единой: Национальная политика большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920—1950-е гг. Петрозаводск, 1998.

- С. 223—250; *Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х.* История карельского народа. Петрозаводск, 1998. С. 280.
- 59 *Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х.* История карельского народа. С. 280.
- 60 *Лайне А.* Карело-Финская Советская Социалистическая Республика и финны. С. 227.
- 61 *Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х.* История карельского народа. С. 280.
- 62 *Неизвестная Карелия: Документы спецорганов о жизни республики 1921—1940 гг.* С. 345.
- 63 *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П.* Интернированные финны. С. 91—102; *Веригин С. Г.* Советская Карелия в «зимней войне» // 105 дней «зимней войны»: К 60-летию советско-финляндской войны, 1939—1940. С. 77—85; *Лайдинен Э. П.* Интернированные финны в Карелии, 1939—1940 гг. // Советско-финляндская война, 1939—1940 гг.: Материалы междунар. науч.-практ. конф. (16—17 марта 2002 г.). С. 58—62; *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П., Кямярйнен Ю.* Заложники Зимней войны: (Интернированные финны на территории Калевальского района Советской Карелии в период Зимней войны 1939—1940 годов); *Verigin S., Laidinen E., Kämäräinen J.* Talvisodan panttivangit. Helsinki, 2006.
- 64 *Макуров В. Г., Кораблев Н. А.* Карелия и советско-финляндская война 1939—1940 гг. // Советско-финляндская война, 1939—1940 гг.: Материалы междунар. науч.-практ. конф. (16—17 марта 2002 г.). С. 66—72; *Макуров В. Г.* Зимняя война и жизнь некоторых граждан Финляндии в Карелии в 1939—1940 гг. // Новое в изучении Карелии: Сб. ст. Петрозаводск, 1994. С. 160—167; *Он же.* «Зимняя война» глазами ее участников // 105 дней «зимней войны»: К 60-летию советско-финляндской войны 1939—1940 гг. С. 49—57.
- 65 *Галицкий В. П.* Вражеские военнопленные в СССР (1941—1945 гг.) // Военно-исторический журнал (далее — ВИЖ). 1990. № 9. С. 39—46; *Носырева Л., Назарова Т.* Пойдем на Голгофу, мой брат... // Родина. 1995. № 12. С. 99—105; *Дудорова О. А.* Неизвестные страницы «зимней войны» // ВИЖ. 1991. № 9. С. 12—23; *Ивашов Л. Г.* Не представляли себе... всех трудностей, связанных с этой войной // ВИЖ. 1993. № 4. С. 7—12; № 5. С. 45—50; № 7. С. 35—40.
- 66 *Галицкий В. П.* Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939—1953 гг.). М., 1997.
- 67 По обе стороны Карельского фронта, 1941—1944: Док. и материалы. Петрозаводск, 1995. С. 45.
- 68 Родина. 1995. № 12. С. 99; Международная встреча-конференция историков, политологов и общественных деятелей России и Германии «Эра примирения». Петрозаводск, 1995; и др.
- 69 *Веригин С. Г.* Использование финских военнопленных в пропагандистских и разведывательных целях в период Зимней войны 1939—1940 гг. // XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. С. 26—28.
- 70 См.: Очерки истории Карелии: В 2 ч. Ч. 2. С. 319—328; Очерки истории Карельской организации КПСС. С. 306—321; и др.
- 71 *Веригин С. Г.* Итоги советско-финляндской войны 1939—1940 гг. и образование Карело-Финской ССР // Советско-финляндская война, 1939—1940 гг.: Материалы междунар. науч.-практ. конф. (16—17 марта 2002 г.). С. 73—75; *Он же.* Образование Карело-Финской ССР и освоение «новых территорий» в 1940—1941 гг. // Республика Карелия: 80 лет в составе Российской Федерации (становление и развитие государственности): Материалы междунар. науч.-практ. конф. 6 июня 2000 г. С. 18—28; *Он же.* Освоение и заселение бывших финских территорий Приладожья после окончания Зимней войны // Сортавальский исторический сборник. Вып. 1. С. 177—189; *Он же.* Освоение «новых финских территорий» после окончания Зимней войны // XIII Ломоносовские чтения: Сб. науч. трудов. Архангельск, 2001. С. 66—75.

- 72 Смирнова Е. П. Заселение и освоение новых районов Карело-Финской ССР в 1940-е годы: Дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2006.
- 73 Лайдинен Э. П. Финская разведка и советско-финляндская война 1939—1940 гг. // Вторая мировая война и Карелия, 1939—1945 гг.: Материалы науч.-практ. конф., посв. 60-летию начала Великой Отечественной войны. С. 14—20.
- 74 История Карелии с древнейших времен до наших дней / А. И. Афанасьева, А. И. Бутвило, Л. И. Вавулинская и др.; Под общ. ред. Н. А. Кораблева, В. Г. Макурова, Ю. А. Савватеева, М. И. Шумилова. Петрозаводск, 2001; История экономики Карелии: В 3 кн. Кн. 2: Экономика Карелии советского периода (1917—1991 гг.) / Л. И. Вавулинская, С. Г. Веригин, О. П. Илюха, С. Н. Филимончик. Петрозаводск, 2005; Финансы Карелии / Гл. ред. Ю. В. Шлейкин. Петрозаводск, 2002; Органы безопасности Карелии: ист. очерки, воспоминания, биографии / Авт.-сост. К. Ф. Белоусов, А. М. Беляев, С. Г. Веригин и др. Петрозаводск, 2008; и др.
- 75 Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006; Она же. Финны во Второй мировой войне. Формирование образа врага: взгляд с двух сторон // От войны к миру: СССР и Финляндия, 1939—1940 гг. СПб., 2006. С. 173—181.
- 76 Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во Второй мировой войне; Барышников Н. И. О попытках осуществления Финляндией плана так называемых стратегических границ в Карелии (июнь — сентябрь 1941 г.). С. 39—42. Барышников В. Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну 1940—1941 гг.; и др.
- 77 Вавулинская Л. И. Восстановление народного хозяйства Карелии (1944 — нач. 1950-х гг.) // Республика Карелия: 80 лет в составе Российской Федерации (становление и развитие государственности): Материалы междунар. науч.-практ. конф. 6 июня 2000 г. С. 55—57; Она же. Из истории Советов Карелии (1930—1960 гг.) // Новое в изучении истории Карелии / Науч. ред. Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров, Ю. А. Савватеев. Петрозаводск, 1994. С. 168—188; Она же. Начало восстановления народного хозяйства в освобожденных от оккупации районах Карелии // Подвигу жить в веках: Материалы военно-истор. конф., посв. 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Петрозаводск, 2005. С. 96—100.
- 78 Веригин С. Г. Национальная политика финских оккупационных властей в Восточной Карелии в 1941—1944 гг. // Война и память народа: материалы науч. конф. преподавателей и студентов КГПУ, посв. 60-летию освобождения Карелии от фашистской оккупации (21—23 апреля 2004 г.). Петрозаводск, 2004. С. 33—35; Он же. Деятельность разведывательно-диверсионных групп НКВД (НКГБ) Карелии в тылу финских войск (1941—1944 гг.) // Вопросы истории Европейского Севера: (Народ и власть: проблемы взаимоотношений, 80-е гг. XVIII—XX в.): Сб. науч. ст. / Под ред. М. А. Мишенева. Петрозаводск, 2005. С. 124—141; Веригин С. Г., Лайдинен Э. П. Проблема коллаборационизма в Карелии в годы Второй мировой войны // Восточная Финляндия и Российская Карелия: традиция и закон в жизни карел: Материалы междунар. семинара историков, посв. 65-летию ПетрГУ. С. 223—229; Они же. Некоторые особенности партизанского движения в Карелии в 1941—1944 гг. // Партизанская война в Карелии: Сб. ст. и материалов / Отв. ред. Г. В. Чумаков. Петрозаводск, 2005. С. 6—30; Веригин С. Г. Национальная политика финских оккупационных властей // Отечественная история. 2006. № 4. С. 73—76; Он же. Деятельность 4-го отдела НКВД-НКГБ Карело-Финской ССР в годы Великой Отечественной войны // Научная конференция «Исторические чтения на ул. Андропова, 5. История органов безопасности»: Материалы докл. Петрозаводск, 2008. С. 33—39; Он же. Деятельность разведывательно-диверсионных групп НКВД-НКГБ Карело-Финской ССР в тылу финских войск (1941—1944) // Органы безопасности Карелии: ист. очерки, воспоминания, биографии. Петрозаводск, 2008. С. 121—133.
- 79 Килин Ю. М. Карелия в политике Советского государства, 1920—1941.

- 80 Кулагин О. И. Партизанское движение в Карелии (1941—1944 гг.) в контексте возможностей историко-психологического исследования // Чтения по военной истории: Сб. ст. СПб., 2005. С. 474—478; Он же. Проблемы изучения социальной составляющей партизанского движения в Карелии (1941—1944 гг.) // Проблемы развития гуманитарной науки на Северо-Западе России: опыт, традиции, инновации: Материалы науч. конф., посв. 10-летию РГНФ: Сб. науч. трудов. Петрозаводск, 2004. С. 137—140; Он же. Роль органов государственной безопасности в развитии партизанского движения на Карельском фронте (1941—1944 гг.) // Научная конференция «Исторические чтения на ул. Андропова, 5. История органов безопасности». С. 40—44.
- 81 Кораблев Н. А., Макуров В. Г. Боевые действия на территории Суоярвского района в годы Великой Отечественной войны // Вторая мировая война и Карелия, 1939—1945 гг.: Материалы науч.-практ. конф., посв. 60-летию начала Великой Отечественной войны. С. 64—72; Барбашина Р. В., Кораблев Н. А., Кораблева Ю. Н. Памятники Великой Отечественной войны в Карелии // Карелия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: Материалы респ. науч.-практ. конф., посв. 55-летию Победы в Великой Отечественной войне (28 апреля 2000 г.) / Науч. ред. Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров, М. А. Мишенев. Петрозаводск, 2001. С. 87—94.
- 82 Киселева О. А., Никулина Т. В. Гражданское население и оккупационный режим // Отечественная история. 2006. № 4. С. 70; 76—81.
- 83 Лайдинен Э. П. Сортавала — финский разведывательный центр в Северном Приладожье в 1941—1944 гг. // Сортавала: страницы истории (к 370-летию основания города): Тезисы докл. I междунар. науч.-просвет. краевед. конф. (20—21 июня 2002 года, г. Сортавала). Петрозаводск, 2002; Он же. НКВД-НКГБ против генерала Араюри (террор НКВД-НКГБ КФССР в годы Великой Отечественной войны) // История и культурное наследие Северного Приладожья: взгляд из России и Финляндии. Материалы 2-й Междунар. науч.-практ. конф., посв. 100-летию со дня рождения известного музейного деятеля и краеведа Северного Приладожья Т. А. Хаккарайнена и 375-летию Сортавалы (11—13 июня 2007 г., Сортавала). Петрозаводск, 2007. С. 135—143; Он же. Совместные операции финской и германской разведок против СССР в 1941—1944 гг. // Научная конференция «Исторические чтения на ул. Андропова, 5. История органов безопасности». С. 45—57.
- 84 Макуров В. Г. Карелия в годы Второй мировой войны (1939—1945) // История Карелии с древних времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 583—667; Он же. Военная летопись Карелии, 1941—1945. Петрозаводск, 1999; Он же. Формирование народного ополчения Карелии в годы Великой Отечественной войны // Война и память народа: материалы науч. конф. преподавателей и студентов КГПУ, посв. 60-летию освобождения Карелии от фашистской оккупации (21—23 апреля 2004 г.). С. 5—7; Он же. Петрозаводск в годы суровых испытаний, 1941—1945. Петрозаводск, 2005; Он же. Эвакуированное население Карелии на Европейском Севере России (1941—1945 гг.) // Карелия, Заполярье и Финляндия в годы Второй мировой войны. Петрозаводск, 1994. С. 39; Он же. О новых материалах по истории Карелии периода Второй мировой войны // Вопросы истории Европейского Севера: (Проблемы социальной экономики и политики: 60-е годы XIX—XX в.): Сб. науч. ст. Петрозаводск, 1995. С. 91—98.
- 85 Чумаков Г. В. Советские партизаны на территории Финляндии в 1941—1944 гг. // Человек и война: страницы военной истории России: Сб. науч. ст. Петрозаводск, 2005. С. 10—17; Он же. Партизанское движение в Карелии в первый период Великой Отечественной войны (1941—1942 гг.) // Война и память народа: материалы науч. конф. преподавателей и студентов КГПУ, посв. 60-летию освобождения Карелии от фашистской оккупации (21—23 апреля 2004 г.). С. 8—12; Он же. Деятельность органов НКВД Карелии по организации диверсионно-разведывательной борьбы в тылу врага в годы Великой Отечественной войны // Война и память народа: материалы науч. конф. преподавателей и студентов КГПУ, посв. 60-летию освобождения Карелии от фашистской оккупации (21—23 апреля 2004 г.). С. 13—15; Он же. Партизанское дви-

жение на оккупированной территории в годы войны // Подвигу жить в веках: Материалы военно-ист. конф., посв. 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. С. 74—80; Он же. Финские концентрационные лагеря для гражданского населения Петрозаводска в 1941—1944 гг. // Вопросы истории Европейского Севера: (Народ и власть: проблемы взаимоотношений, 80-е гг. XVIII—XX в.). С. 142—151; Чумаков Г. В., Ремизов А. Н. Первая партизанская бригада // Партизанская война в Карелии: Сб. ст. и материалов / Отв. ред. Г. В. Чумаков. Петрозаводск, 2005. С. 44—83; Они же. Бригада: История 1-й партизанской бригады Карельского фронта. Петрозаводск, 2007.

- 86 Улитин С. Д. Труженики Карелии — фронту // Карелия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: Материалы респ. науч.-практ. конф., посв. 55-летию Победы в Великой Отечественной войне (28 апреля 2000 г.). С. 5—8; Он же. Европейский Север России в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Петрозаводск, 2004; Он же. Могучий источник победы. Петрозаводск, 1982; Он же. Ратный вклад жителей Европейского Севера в достижение Победы в Великой Отечественной войне // Человек и война: страницы военной истории России: Сб. науч. ст. Петрозаводск, 2005. С. 5—10.
- 87 Юсупова Л. Н. Великая Отечественная война в Карелии в историко-антропологическом измерении: феномен военного детства // Человек и война: страницы военной истории России: Сб. науч. ст. С. 24—33.
- 88 См., например: Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: Военно-ист. очерк. М., 1984; Морозов К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Петрозаводск, 1983; Куприянов Г. Н. За линией Карельского фронта. Петрозаводск, 1982; и др.
- 89 Гнетнев К. В. Тайны лесной войны: Партизанская война в Карелии 1941—1944 годов в воспоминаниях, фотографиях и документах. Петрозаводск, 2007. С. 4.
- 90 Там же. С. 4—5.
- 91 Там же. С. 5.
- 92 Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 1, л. 128—140.
- 93 Гусаров Д. За чертой милосердия. Петрозаводск, 1983.
- 94 См., например: Куприянов Г. Н. Война на севере // НА РК, ф. 3435. (Рукопись.)
- 95 Партизанская война в Карелии: Сб. ст. и материалов.
- 96 Гнетнев К. В. Тайны лесной войны: Партизанская война в Карелии 1941—1944 годов в воспоминаниях, фотографиях и документах.
- 97 Кулагин О. И. Партизанское движение в Карелии и Мурманской области: объективные и субъективные факторы (1941—1944 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2005.
- 98 Чумаков Г. В., Ремизов А. Н. Бригада: История 1-й партизанской бригады Карельского фронта.
- 99 См., например: Seppälä H. Neuvostopartisaanit toisessa maailmansodassa. Helsinki, 1971; и др.
- 100 Вопросы истории Европейского Севера: (Народ и власть: проблемы взаимоотношений, 80-е гг. XVIII—XX в.); Вопросы истории Европейского Севера: (Проблемы социальной экономики и политики, 60-е годы XIX—XX в.); и др.
- 101 Человек и война: страницы военной истории России: Сб. науч. ст.; Война и память народа: Материалы науч. конф. преподавателей и студентов КГПУ, посв. 60-летию освобождения Карелии от фашистской оккупации (21—23 апреля 2004 г.).
- 102 Новое в изучении Карелии: Сб. ст. / Науч. ред. Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров, Ю. А. Савватеев. Петрозаводск, 1994; Общественно-политическая история Карелии XX века: Очерки и ст. Петрозаводск, 1995; и др.

- 103 Партизанская война в Карелии: Сб. ст. и материалов.
- 104 От войны к миру: СССР и Финляндия 1939—1940 гг.: Сб. ст. / Под ред. В. Н. Барышникова, Т. Н. Городецкой и др. СПб., 2006; Вторая мировая война и Карелия, 1939—1945 гг.: Материалы науч.-практ. конф., посв. 60-летию начала Великой Отечественной войны; и др.
- 105 Подвигу жить в веках: Материалы военно-ист. конф., посв. 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.; Карелия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: Материалы респ. науч.-практ. конф., посв. 55-летию Победы в Великой Отечественной войне (28 апреля 2000 г.); и др.
- 106 Лайне А. Карело-Финская Советская Социалистическая Республика и финны. С. 223—250; Он же. Гражданское население Восточной Карелии под финской оккупацией во Второй мировой войне // Карелия, Заполярье и Финляндия во Второй мировой войне. С. 42; Он же. Национальная политика финских оккупационных властей в Карелии (1941—1944 гг.) // Вопросы истории Европейского Севера: (проблемы социальной экономики и политики, 60-е годы XIX—XX в.). С. 99—106; Он же. Браки между финнами и населением оккупированной Карелии // Устная история в Карелии: Сб. науч. ст. и источников. Вып. 3: Финская оккупация Карелии (1941—1944) / Науч. ред. А. В. Голубев, А. Ю. Осипов. Петрозаводск, 2007. С. 17—22.
- 107 Сеппяля Х. Финляндия как оккупант // Север. 1995. № 4—5; № 6.
- 108 Пиэтола Э. Военнопленные в Финляндии // Север. 1990. № 12.
- 109 Вихавайнен Т. Сталин и финны. СПб., 2000.
- 110 Йокипи М. Финляндия на пути к войне: Исслед. о военном сотрудничестве Германии и Финляндии в 1940—1941 гг. Петрозаводск, 1999.
- 111 В грозные годы: Документы и материалы о героических подвигах женщин Карелии в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Петрозаводск, 1970; Карелия в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. Петрозаводск, 1975; и др.
- 112 Мерецков К. А. На службе народу: Страницы воспоминаний. М., 1970; Фролов В. А. На защите северных рубежей // Незабываемое: Воспоминания о Великой Отечественной войне. Петрозаводск, 1974; Желтов А. С. На правом фланге // ВИЖ. 1979. № 12. С. 32—40; Калашников К. Ф. Право вести за собой. М., 1981; и др.
- 113 Куприянов Г. Н. От Баренцева моря до Ладоги. Л., 1972; Он же. За линией Карельского фронта; Прокконен П. С. Героизм народа в дни войны: Воспоминания. Петрозаводск, 1974; Андропов Ю. В. Карело-финские комсомольцы в Отечественной войне. Беломорск, 1943; и др.
- 114 Борисов А. Д. Освобождение Советской Карелии (1944 г.). М., 1956; Козлов Г. К. В лесах Карелии. М., 1963; Манкевич А. И. Краснознаменная Ладожская флотилия в Великой Отечественной войне. М., 1955; Мушников А. Н. В боях за Выборг и Петрозаводск. М., 1957; Незабываемое: Воспоминания о Великой Отечественной войне; Вспоминают ветераны: Сб. восп. ветеранов 71-й Краснозн. Торуньской стрелковой дивизии. Петрозаводск, 1984; Федоров А. Ф. В Карелии, на Свири, в Померании: Записки ветерана 272-й стрелковой дивизии. Петрозаводск, 1984; Героям Родины — слава! Петрозаводск, 1985.
- 115 Герасимов Г. А. Партизанские километры. Петрозаводск, 1982; Незабываемое: Воспоминания о Великой Отечественной войне; Королев М. Ф. В лесах Калевалы. Вологда, 1960; и др.
- 116 По обе стороны Карельского фронта, 1941—1944: Док. и материалы. Петрозаводск, 1995.
- 117 Там же. С. 515—516.
- 118 Неизвестная Карелия: Док. спецорганов о жизни республики, 1941—1956 гг. Петрозаводск, 1999.
- 119 Там же. С. 62—64, 80, 81, 85, 86 и др.

- 120 Советы Карелии, 1917—1992: Док. и материалы. Петрозаводск, 1993.
- 121 Там же. С. 223—224.
- 122 Мы освободим родную советскую землю: Письма с фронта. Письма на фронт. Петрозаводск, 1990.
- 123 Петрозаводск: 300 лет истории: В 3 кн. Кн. 3: 1903—2003. Петрозаводск, 2003.
- 124 Судьба: Сб. воспоминаний бывших малолетних узников фашистских концлагерей. Петрозаводск, 1999.
- 125 Там же. С. 5.
- 126 Плененное детство: Сб. воспоминаний бывших малолетних узников. Петрозаводск, 2005; Лукьянов В. С. Трагическое Заонежье. Петрозаводск, 2004; Денискевич Н. И. В финском концлагере: Воспоминания и размышления. Вып. 5 / Отв. ред. К. И. Козак. Минск, 2007.
- 127 Устная история в Карелии: Сб. науч. ст. и источников. Вып. 3: Финская оккупация Карелии (1941—1944).
- 128 КГАНИ, ф. 8.
- 129 НА РК, ф. 1394 и ф. 1215.
- 130 НА РК, ф. 1394, оп. 7.
- 131 КГАНИ, особые папки (ф. 3 и ф. 8).
- 132 КГАНИ, ф. 3435.
- 133 НА РК, ф. 3435, оп. 5.
- 134 НА РК, ф. 3435, оп. 3, л. 150—205.
- 135 НА РК, ф. 804 и ф. 805.
- 136 Архив УФСБ РФ по РК, ФКРО (Фонд контрразведывательного отдела); ФТДМ (Фонд трофейных документальных материалов); ФУД (Фонд уголовных дел); ФПД (Фонд прекращенных дел); ФРД (Фонд распорядительных документов); ФЛД (Фонд литературных дел); Арх. № 1 — Штаб партизанского движения Карельского фронта; ФДОУ (Фонд дел оперативного учета); ФОД (Фонд общего делопроизводства); ФСДП (Фонд секретного делопроизводства); Архив МВД РК, особые папки, д. 1, 1/1, 2, т. 1 и 2.
- 137 АПРФ, ф. 3: Политбюро ЦК ВКП(б).
- 138 Национальный архив (Kansallisarkisto, KA). Хельсинки; Военный архив (Sota-arkisto, SA). Хельсинки.

Глава 1. КАРЕЛИЯ В ПЕРИОД СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ (ЗИМНЕЙ) ВОЙНЫ 1939—1940 гг.

44

1.1. Политическое и социально-экономическое развитие Карелии в конце 1930-х гг.

Политическое и социально-экономическое развитие Карелии в конце 1930-х гг. определялось, прежде всего, сложившейся в стране внутриполитической ситуацией: формированием административно-командной системы управления экономикой, повышением роли партийных органов в политической системе государства, расширением функций органов ОГПУ-НКВД, укреплением режима личной власти И. В. Сталина. Кроме того, значительное влияние на ситуацию в приграничной республике оказывали и внешнеполитические факторы: резкое обострение международной обстановки в Европе и надвигающаяся угроза мировой войны. К концу 1930-х гг. происходит ухудшение отношений между СССР и Финляндией.

17 июня 1937 г. XI Всекарельский съезд Советов принял первый Основной Закон республики (спустя 14 лет после ее образования). Конституция провозгласила Карельскую АССР социалистическим государством рабочих и крестьян, вся власть в котором принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся¹.

Высшим представительным органом власти в республике становился Верховный Совет, избираемый на основе всеобщего, прямого, равного избирательного права при тайном голосовании. Он принимал республиканские законы, утверждал народнохозяйственные планы и бюджет, формировал правительство республики и контролировал его работу. Высшим исполнительным и распоря-

дительным органом республики оставался Совет Народных Комиссаров КАССР, подведомственный Верховному Совету и его Президиуму. По Конституции в его задачи входили: объединение и направление работы наркоматов и других подведомственных учреждений, проверка работы уполномоченных союзных и союзно-республиканских наркоматов, принятие мер по выполнению народнохозяйственных планов и исполнению бюджета².

Первые и единственные выборы депутатов Верховного Совета КАССР на основе Конституции 1937 г. состоялись 26 июня 1938 г. В них приняло участие 99,7 % избирателей, из которых 99 % проголосовали за кандидатов «единого блока коммунистов и беспартийных»³. Формально новая избирательная система являлась шагом вперед по сравнению с предыдущей, имевшей целый ряд ограничений в выборах для некоторых категорий населения. Однако в действительности персональный состав депутатского корпуса определялся партийными органами еще до выборов и в бюллетени включали только по одному утвержденному кандидату.

Авторы коллективного труда «История Карелии с древнейших времен до наших дней» отмечают, что, участвуя в выборах, люди не могли не замечать разительного несоответствия предвыборных речей суровым реалиям жизни. Наряду с бюллетенями в избирательные урны подчас опускались пространные записки-рассуждения, наполненные то горечью, то иронией. В качестве примера в издании приводится одна из них, обнаруженная на избирательном участке в Кондопожском районе: «Эти выборы, что ребята маленькие на улице играют...

хотят нам, дуракам, глаза замутить выборами и конституциями, чтобы каждый советский гражданин был в УСЛОНе не год, не пять, а 25 лет, и этого добиваются наши руководители, чтобы работали остальной век бесплатно и жили из-под палки. Зато жить стало лучше и веселее, но стало нечего есть рабочему»⁴.

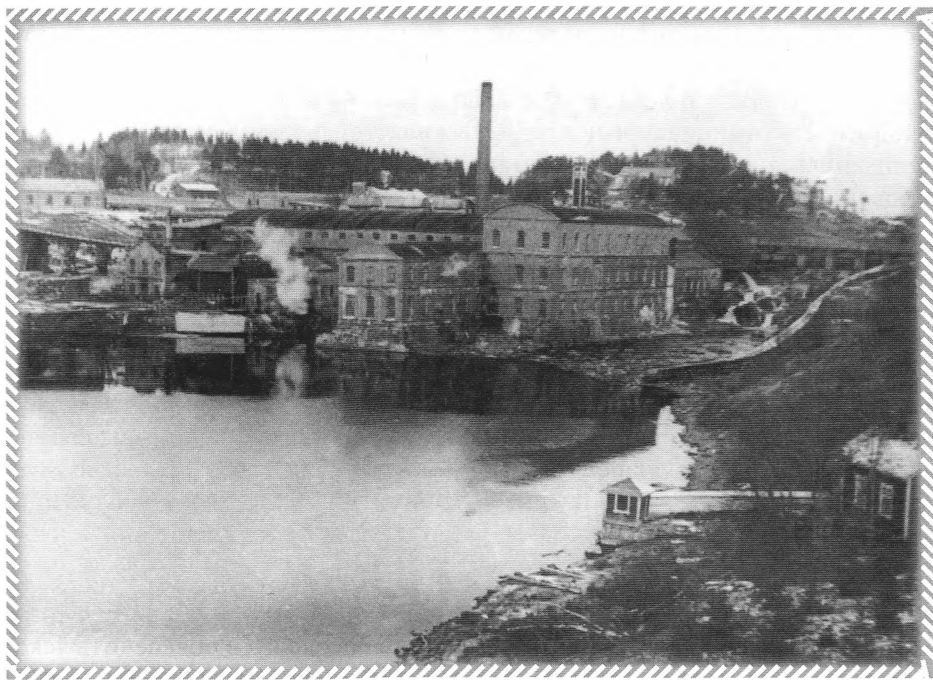
В июле 1938 г. состоялась первая сессия Верховного Совета КАССР. Было сформировано правительство республики. Однако реальной властью в Карелии, как и по всей стране, обладали партийные органы. Именно Карельский обком ВКП(б) принимал все важнейшие решения по политическим и социально-экономическим вопросам развития республики, которые затем неукоснительно проводились в жизнь государственными органами власти.

Во второй половине 1930-х гг. Карелию, как и другие регионы СССР, не обошли репрессии, которые коснулись и руководства республики, и простых граждан. 7 июля 1937 г. первый секретарь Карельского обкома ВКП(б) П. А. Иркис доложил И. В. Сталину о разоблачении органами НКВД «финских контрреволюционных групп». 8 июля арестовали Г. С. Ровио, 17 июля — Э. А. Гюллинга, 23 июля — самого П. А. Иркиса, в августе — председателя СНК П. И. Бушуева и бывшего председателя ЦИКа Н. А. Ющиева, в сентябре — действующего председателя ЦИКа Н. В. Архипова, в октябре — исполняющего обязанности первого секретаря обкома партии М. Н. Никольского. Также был арестован А. В. Шотман. Всех их вскоре расстреляли⁵. С мая 1937 г. по июнь 1938 г. из 149 членов и кандидатов в члены Карельского центрального исполнительного комитета (КарЦИКа) был исключен 51 человек, из состава членов районных исполнительных комитетов (РИКов) — 50 человек. Все они были объявлены врагами народа. За второе полугодие 1937 г. исключено и отозвано 619 членов сельсоветов. Согласно отчету НКВД КАССР за 1937—1938 гг., в Карелии были репрессированы 217 военных, в том числе около 100 были приговорены к расстрелу⁶.

Политика репрессий в Карелии второй половины 1930-х гг. затронула представителей всех национальностей, проживавших в республике, но более всего пострадали финны и карелы. И. Р. Такала отмечает, что в период с ноября 1937 г. по апрель 1938 г. в Карелии было осуждено 8 744 человека, из них: карел — 3 771, русских — 2 749, финнов — 1 929⁷. Таким образом, финны составили 22 %, а карелы — 43 % осужденных. «Финнов было репрессировано в семь раз больше, а карел — в полтора раза больше их доли в общей численности населения»⁸.

Профессор Ю. М. Килин в монографии «Карелия в политике Советского государства, 1920—1941» выделяет особенности репрессивной политики в республике во второй половине 1930-х гг.: «Неразвитость экономики КАССР, прежде всего в населенных карелами приграничных районах, и, как следствие, низкий жизненный уровень населения, вызывавший недовольство властью, заставляли центр прибегать к репрессиям, острие которых было направлено против финского и карельского населения. В отличие от внутренних регионов страны основной целью репрессивных мероприятий в Карелии была подготовка театра военных действий в политическом отношении»⁹.

Высказанная точка зрения является далеко не бесспорной, хотя и имеет право на существование. На наш взгляд, до 1939 г. Финляндия не рассматривалась советским руководством в качестве потенциального военного противника: пограничные вопросы (прежде всего обеспечение безопасности Ленинграда) пытались решить дипломатическим путем. Репрессии против финского и карель-

ского населения республики шли в рамках борьбы «с местным буржуазным национализмом», которая происходила и в других национальных регионах Советского Союза.

Репрессии второй половины 1930-х гг., в том числе и в отношении руководящих кадров республики, поставили на повестку дня задачу нового массового выдвижения людей на руководящие должности. Авторы «Истории Карелии с древнейших времен до наших дней» указывают, что общая численность выдвиженцев в Карелии с конца 1937 г. по весну 1940 г. составляла не менее 4 тыс. человек. Примерно столько же человек было выдвинуто в конце 1920-х — начале 1930-х гг.¹⁰ И хотя массовая сменяемость кадров отражалась на уровне принятия управленческих решений, а часть выдвиженцев не справлялась со своими обязанностями и была освобождена от работы, эта политика укрепляла правящий режим.

Одновременно с уничтожением руководителей республики, большинство из которых по национальности были финнами и карелами, произошёл резкий поворот в национальной политике. 19 сентября 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) согласилось с предложением Карельского обкома ВКП(б) о переводе преподавания в Карельской АССР с финского языка на карельский, а письменности — с латиницы на кириллицу. Карельскому обкому (!) поручили в трехмесячный срок (!!!) разработать с участием научных работников Академии наук СССР и Центрального института языка и письменности народов СССР орфографию и грамматику карельского языка. Аналогичное постановление в отношении тверских карел было принято 5 сентября. Осенью 1937 г. обучение в начальных школах карельских районов республики стали переводить на карельский язык¹¹.

3 мая 1938 г. Политбюро ЦК ВКП(б) согласилось с предложением Карельского обкома партии об исключении финского языка из числа государственных язы-

ков и внесении соответствующего изменения в Конституцию республики¹². Профессор Ю. М. Килин отмечает: «С января 1938 г. в Карелии полностью прекратилось использование финского языка в общеобразовательной, просветительной, издательской деятельности. Политика финнизации, осуществлявшаяся в Карелии по инициативе центральных властей, должна была быть заменена карелизацией, однако до начала Второй мировой войны в этом отношении сделали очень мало»¹³.

Экономическое развитие Карелии к концу 1930-х гг., как и по всей стране, характеризовалось завершением индустриализации, проходившей за счет расширения участия государства в экономической жизни. Государственные вложения создавали возможность широко развернуть новое капитальное строительство. По официальным данным, без учета инфляции, капиталовложения в народное хозяйство Карелии (без МЖД и ББК) за 1929—1932 гг. составили 326 млн. руб., что в 4 раза превысило капиталовложения за все предыдущие годы советской власти. В 1933—1937 гг. в народное хозяйство республики было вложено 587 млн. руб. — на 80 % больше, чем в период первой пятилетки, а в 1938 — первой половине 1941 г. — свыше 1 700 млн. руб., что в 1,9 раза превышало капиталовложения за первую и вторую пятилетку вместе взятые¹⁴.

Укрепление прав общесоюзных органов управления, централизация средств и ресурсов, директивное планирование позволили обеспечить ускоренное развитие промышленности. В 1940 г. общий объем промышленной продукции КАССР, по официальным данным, превысил уровень 1913 г. в 8,4 раза. Если в целом по стране в 1937 г. свыше 80 % всей продукции промышленности выдали предприятия, построенные или полностью реконструированные в 1928—1937 гг., то в Карелии этот показатель приблизился к 90 %¹⁵.

За годы первых пятилеток в 2 раза выросла доля металлообрабатывающей промышленности (с 6 до 12,5 %). Достижением 1930-х гг. можно считать создание новых производств. В середине 1930-х гг. на КАССР приходилось 80 % союзного производства шпата и кварца, до 30 % производства гранита. Особое значение имело создание целлюлозно-бумажной промышленности. В 1940 г. удельный вес этой отрасли в общем объеме промышленного производства КАССР составил 12,1 %. В предвоенные годы приоритетное развитие получили предприятия, работавшие на оборону¹⁶.

В республике сложилось несколько крупных промышленных районов. Уже к концу первой пятилетки ведущим из них стал юго-западный (Кондопога — Петрозаводск). За годы первой пятилетки его удельный вес в хозяйстве края поднялся с 39 до 53 %. Здесь было создано бумажное производство, развивалась металлообрабатывающая промышленность, наращивались лесозаготовки. Вторым промышленным центром стала зона Беломорско-Балтийского канала. В 1932 г. в средней Карелии концентрировалось 45 % лесопильного производства. Там же активно развивалась рыбная промышленность. Третий промышленный «узел» был завязан на Заполярье, где в районе Кандалакши ширилось развитие горной и химической индустрии. На юго-востоке Карелии преимущественное развитие получила промышленность стройматериалов¹⁷.

Безусловный приоритет в годы первых пятилеток отдавался развитию промышленности группы «А». Продажа карельского леса за границу стала важным источником валютных поступлений для закупки западной техники и оборудова-

ния. Объем лесозаготовок в Карелии за годы первых пятилеток вырос более чем в 2 раза и накануне Великой Отечественной войны превышал 9 млн. куб. м. Значительная часть древесины вывозилась из республики в необработанном виде. Добиться существенного роста выпуска пиломатериалов в рассматриваемый период не удалось. Если в 1913 г. на долю лесопиления приходилось 29 % всей промышленной продукции Карелии, то в 1940 г. только 9 %. Односторонний характер развития лесной промышленности края, сложившийся еще до революции, в 1930-е гг. даже укрепился¹⁸. В южной Карелии фактическая лесосека значительно превышала расчетную, что вело к истощению лесных богатств этой части республики.

Ю. М. Килин отмечает, что с начала 1930-х гг. крайне неустойчиво работали предприятия «Кареллеса», ежегодно не выполнявшие планы лесозаготовок и вывозки деловой древесины и дров. В 1936 г. «Кареллеспром» заготовил 6 млн. 483,4 тыс. куб. м этой продукции, в 1937 г. — 5 млн. 678,7 тыс., в 1938 г. — менее 5 млн. куб. м. Крайним напряжением сил и средств в 1939 г. этот показатель достиг 6 млн. 88,1 тыс. куб. м, причем рост был достигнут за счет гужевой вывозки при значительном сокращении механизированной¹⁹.

На экономическое развитие Карелии в 1930-е гг. большое влияние оказывала так называемая лагерная экономика. Этот термин за последнее десятилетие прочно утвердился как в российской, так и в карельской историографии²⁰ и связан с созданием в 1930-е гг. хозяйственных подразделений ОГПУ-НКВД, прежде всего ГУЛАГа. Однако существует и другая точка зрения на этот вопрос, высказанная историком М. Ю. Моруковым в книге «Правда ГУЛАГа из круга первого»: «...образование хозяйственных подразделений ОГПУ-НКВД было подготовлено всем предшествующим процессом развития пенитенциарной политики и практики Российской империи и Советского Союза, а также характером доктри-

нальных установок государственного руководства по вопросу об исторической роли государства в процессе модернизации общества. В конкретно-исторических условиях СССР конца 20-х годов XX века выбор реализованной модели организации трудоустройства осужденных соответствовал первоочередным задачам государственной политики, был в достаточной мере обеспечен возможностями реализации, в силу чего был во многом неизбежным»²¹.

В Карелии формирование лагерной экономики было связано со строительством Беломорско-Балтийского канала. Работы непосредственно по сооружению его трассы начались с декабря 1931 г. Основным поставщиком рабочей силы на строительство канала стали исправительно-трудовые лагеря ОГПУ. 16 ноября 1931 г. на базе Соловецких и Карело-Мурманских лагерей был сформирован Беломорско-Балтийский исправительно-трудовой лагерь, главной задачей которого и являлось строительство канала. Канал был построен в рекордно короткие сроки. 28 мая 1933 г. по каналу начал движение первый караван судов. Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 августа 1933 г. канал был официально зачислен в число действующих водных путей СССР²².

После завершения строительства и пуска в 1933 г. Беломорско-Балтийского канала сеть лагерей ОГПУ не закрылась. 17 августа 1933 г. Совнарком СССР принял два специальных секретных постановления, согласно которым для освоения канала и прилегающих к нему территорий в системе ОГПУ-НКВД создавался Беломорско-Балтийский комбинат (ББК), которому предоставлялись монопольные права эксплуатации канала и естественных богатств прилегающих к нему районов вдоль трассы Мурманской (Кировской) железной дороги. Только лесная территория ББК занимала площадь 2,8 млн. га. Комбинату были переданы все находившиеся на территории освоения промышленные предприятия. До 1936 г. все операции комбината освобождались от налогов и сборов. Никто без

особого разрешения СНК СССР не имел права вмешиваться в административно-хозяйственную и оперативную деятельность комбината²³. Главную рабочую силу ББК составляли заключенные.

Численность заключенных и спецпоселенцев, работавших на ББК, составляла четверть населения всей Карелии. Наиболее крупными объектами, построенными комбинатом на канале, стали Пиндушская судовой верфь деревянного судостроения, Повенецкий судоремонтный завод, Сорокский порт. Были оборудованы пристани в Медгоре, Повенце, Надвоицах и др. Крупнейший объект комбината во второй пятилетке — самая северная в мире Туломская ГЭС в Мурманской области мощностью 48 тыс. кВт. Она сыграла большую роль в снабжении электроэнергией Кольского полуострова. Силами ББК строились Ондская и Кумсинская ГЭС, лесобумхимкомбинат в Медгоре. Силами заключенных и спецпоселенцев Беломорско-Балтийского канала в 1938—1939 гг. был построен Сегежский ЦБК²⁴.

Особенно важную роль играл Беломорско-Балтийский комбинат в развитии лесной промышленности Карелии. Уже в 1937 г. на него приходилось 35 % всего объема лесозаготовок и около 12 % производства пиломатериалов. За 1938—1940 гг. ББК ввел в действие 7 узкоколейных лесовозных железных дорог (214 км), 5 автолежневых (122 км). В результате удельный вес механизированной вывозки древесины к ее общему объему резко вырос и в 1940 г. составил половину ее общего объема. В 1940 г. в республике было заготовлено 9 млн. 433 тыс. куб. м древесины. Из них 3 млн. 837 тыс. куб. м (41 %) приходилось на долю Наркомлеса, а 5 млн. 72 тыс. (54 %) — на долю НКВД. Прочие организации заготовили 524 тыс. куб. м (6 %) леса. Таким образом, в конце 1930-х гг. более половины древесины в республике заготавливалось руками заключенных²⁵.

В предвоенные годы хозяйственная деятельность структур НКВД расширялась. Большую роль сыграл труд заключенных в развитии швейного, кожевенного, мебельного и других производств, создававших товары народного потребления. В 1940 г. в Карелии было сшито 200,7 тыс. пальто и полупальто для взрослых, из них 192,8 тыс. на предприятиях, подчинявшихся НКВД. Там же были сшиты 145,8 тыс. костюмов из 154,6 тыс., сшитых в Карелии. На предприятиях НКВД шили одежду для новорожденных, изящное женское белье, не говоря уже о телогрейках, ватных брюках и шароварах. Из 255,8 тыс. пар кожаной обуви, сделанной в Карелии в 1940 г., 221,9 тыс. пар изготовлено на предприятиях НКВД. Руками заключенных производилось более половины стульев, столов, буфетов, шкафов, комодов, диванов и другой мебели²⁶.

Следует отметить, что ББК во второй половине 1930-х гг. стал играть не только существенную экономическую, но и политическую роль в жизни республики. В этой связи Ю. М. Килин пишет: «В политическом смысле создание ББК означало сужение подвластной руководителям КАССР территории и разделение автономии надвое приблизительно по линии железной дороги Ленинград — Мурманск. Энергичная деятельность ББК, который помимо лесозаготовок строил электростанции, Сегежский целлюлозно-бумажный комбинат, занимался сельским хозяйством, ловлей рыбы и многим другим, создавала невыгодный контраст со скромными успехами карельской автономии к западу от железной дороги Ленинград — Мурманск»²⁷.

Индустриализация в Карелии привела к значительным изменениям численности и состава жителей республики. Наблюдался небывалый для того времени

приток населения в республику. Если в 1928 г. на территории республики трудились около 7 тыс. рабочих, то в 1937 г. — 32 тыс. По данным переписи 1939 г., рабочие составляли уже половину (50,8 %) самодеятельного населения Карелии. В деревообрабатывающей, горно-рудной, бумажной, полиграфической промышленности быстро росло применение женского труда. За 1926—1936 гг. удельный вес женщин среди промышленных рабочих Карелии вырос с 11 до 40 % и сравнялся с аналогичным общесоюзным показателем. Большинство женщин трудились на неквалифицированных работах — уборщицами, чернорабочими и т. д.²⁸

Вместе с тем в ведущей отрасли промышленности Карелии — лесной — довольно существенным оставался удельный вес сезонных рабочих. В 1939 г. постоянные рабочие на предприятиях Наркомлеса СССР составили одну треть от общего числа заготовителей²⁹. Именно они являлись высококвалифицированными работниками, из их среды выдвигались стахановцы и новаторы, мастера высокой производительности труда.

Недостаток трудовых ресурсов в лесной промышленности во многом объяснялся политикой Наркомлеса СССР, выделявшего ограниченные средства на жилищное строительство, что препятствовало созданию постоянных рабочих кадров и переходу от сезонной к круглогодичной заготовке и вывозке древесины. К концу второй пятилетки жилой фонд трестов «Южкареллес» и «Севкареллес» составлял лишь 110 тыс. кв. м, не удовлетворяя потребности в жилье 11 600 постоянных рабочих. Для круглогодичной же работы трестов требовалось 38 тыс. кадровых рабочих³⁰.

В условиях дефицита рабочей силы руководство республики предпринимало активные усилия для организации добровольной промышленной миграции. Переселенческое управление при СНК КАССР вербовало переселенцев прежде всего в тех районах страны, где проживали карелы, финны, ингерманландцы. Кроме того, карельское правительство организовало вербовку за границей и обеспечило приезд в Карелию финских рабочих высокой квалификации из США и Канады. Однако эта политика была прервана центром во второй половине 1930-х гг., поскольку упор делался на использование принудительного труда заключенных для экономического развития республики. Этой позиции придерживались, прежде всего, органы НКВД, считавшие, что использование труда заключенных в приграничной республике является меньшим риском, чем завоз рабочей силы из других регионов СССР, тем более из-за рубежа.

Создание инфраструктуры промышленности республики не получило должной государственной поддержки в 1930-е гг. По показателю плотности дорожной сети на 100 кв. км Карелия в 1935 г. занимала одно из последних мест в СССР. На 100 кв. км в южной Карелии приходилось 15,2 км дорог, а на севере республики — всего 0,9 км. В годы довоенных пятилеток был сделан рывок в промышленном использовании гидроресурсов Карелии. В то же время именно нехватка энергии сдерживала во второй половине 1930-х гг. рост производственных мощностей ряда предприятий³¹.

На доиндустриальном уровне оставались многие отрасли, обеспечивающие нужды населения. В городах и промышленных центрах Карелии катастрофически не хватало жилья, скудным оставалось питание северян. Индустриализация осуществлялась за счет разрушения кооперативного движения, основанно-

го на экономической выгоде, самоуправлении и инициативе. Традициями и опытом промысловой деятельности и кустарной промышленности, издавна развивавшимися на Севере, советская власть пренебрегла³².

К концу 1930-х гг. в Карелии, как и по всей стране, в результате массовой коллективизации было создано коллективное производство в деревне, что позволило государству увеличить объем государственных заготовок сельскохозяйственной продукции, обеспечить трудовыми ресурсами лесозаготовительную и другие отрасли промышленности. В период коллективизации и раскулачивания крестьянство являлось главным источником формирования рабочего класса. Происходили массовые миграции крестьян из деревни на стройки, заводы и фабрики. В Карелии создание колхозной системы облегчило задачу обеспечения лесозаготовок рабочей силой.

Вместе с тем следует отметить, что сельское хозяйство к концу 1930-х гг. по-прежнему было самой отстающей отраслью экономики республики. Так, посевные площади к 1937 г. предполагалось довести до 210 тыс. га против 75 тыс. га в 1923 г. Однако к 1939 г. площадь пашни в Карелии была меньше, чем в 1923 г., и составляла только 66,9 тыс. га³³.

Сложившаяся в 1930-е гг. модель освоения Карелии, как и других северных регионов страны, была внутренне противоречива. Республика была отстранена от непосредственного руководства развитием важнейших отраслей промышленности, лишена хозяйственной инициативы. Народное хозяйство Карелии в значительной мере зависело от лимитов и финансовых средств, которые выделялись союзными наркоматами. Для многих предприятий были характерны низкая производительность труда, плохое качество производимых изделий, высокая себестоимость продукции.

По мнению Ю. М. Килина, экономическая ситуация в Карелии в конце 1930-х гг. была очень тяжелой. В монографии «Карелия в политике Советского государства, 1920—1941» он отмечает: «К началу войны с Финляндией экономика КАССР находилась в состоянии глубокого кризиса. Большая часть плана создания в республике современной военно-гражданской инфраструктуры, осуществлявшегося с начала 1930-х гг., из-за недостаточного финансирования не была реализована, что серьезно ограничивало возможности проведения советским государством силовой политики в отношении Финляндии»³⁴.

Авторы трехтомной «Истории экономики Карелии» отмечают, что искусственно свернув рыночные методы, недооценив потенциал многоукладной экономики, сталинское руководство пошло на массовое использование принудительного труда для промышленного подъема северных регионов. Судьбы сотен тысяч людей были искорежены на сталинских новостройках. Лагерная экономика позволила государству осуществить на Севере строительство индустриальных объектов, обеспечивавших развитие новых отраслей экономики и укрепление обороноспособности государства, нарастить производство в добывающей промышленности. Она прикрывала тяжелые последствия очередных «рывков» и «штурмов», неэффективную работу сектора потребительского производства. Однако ставка на массовое использование труда заключенных для создания высокоэффективной экономики в перспективе была обречена на провал³⁵.

С выводами карельских ученых о малоэффективности лагерной экономики не согласен упоминавшийся выше М. Ю. Морук, который пишет: «Хозяйствен-

ные подразделения ОГПУ-НКВД осуществляли работу, выполнение которой иными способами было невыгодно либо связано с дополнительными расходами времени и средств. Основные преимущества труда заключенных в рамках хозяйственных подразделений заключались в возможности оперативной концентрации людских и материальных ресурсов на избранном направлении. Это позволяло производить в кратчайший срок максимальный объем необходимых работ. Данное свойство предопределило для хозяйственных подразделений роль оперативного резерва государства по расшивке узких мест и подготовке местности к дальнейшему освоению. Средства органов ОГПУ-НКВД применялись преимущественно в условиях отсутствия альтернативных возможностей реализации поставленных задач либо (в случае с военным производством или ОТБ) на направлениях, где требовался большой уровень концентрации ресурсов, нежели тот, который мог быть обеспечен обычными средствами»³⁶.

Говоря о социально-экономическом положении Карелии 1930-х гг., следует также иметь в виду и то, что на развитие экономики большое влияние оказывало приграничное положение республики. Обстановка в Европе в этот период резко обострилась: чувствовалось приближение «большой войны». В случае ее возникновения Карелия могла неминуемо оказаться в зоне активных военных действий. Вследствие этого центральные органы накладывали ряд ограничений на промышленное развитие республики, а нехватка необходимых финансовых средств в свою очередь вела к одностороннему экономическому развитию региона. В ведущей отрасли экономики республики — лесной промышленности — упор делался на увеличение лесозаготовок и экспорт пиломатериалов и необработанной древесины. Крайне мало средств выделялось на строительство лесоперерабатывающих предприятий. В республике значительно отставала социальная сфера.

Несмотря на все сложности и проблемы социально-экономического развития Карелии, к концу 1930-х гг. был создан необходимый экономический фундамент, сформирована плановая система ведения народного хозяйства, которые сыграли большую роль в годы Второй мировой войны.

- 1 История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 498; Бутвило А. И. Новейшая история государственного управления в Карелии, 1917—2007 гг. Петрозаводск, 2008. С. 54.
- 2 Бутвило А. И. Новейшая история... С. 54—55.
- 3 История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 497.
- 4 Там же. С. 492.
- 5 Бутвило А. И. Новейшая история... С. 56—57.
- 6 История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 499.
- 7 Такала И. Р. Финское население Советской Карелии в 1930-е годы // Карелы. Финны. Проблемы этнической истории: Сб. ст. М., 1992. С. 173.
- 8 В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920—1950 годы / Ред. Т. Вихавайнен, И. Такала. Петрозаводск, 1998. С. 152.
- 9 Килин Ю. М. Карелия в политике Советского государства, 1920—1941. Петрозаводск, 1999. С. 155.

- 10 История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 503.
- 11 РГАСПИ, ф. 3, оп. 3, д. 990, л. 91; д. 991, л. 15, 21—22; д. 993, л. 14; д. 999, л. 12; Бутвило А. И. Новейшая история... С. 57—58.
- 12 История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 502; Бутвило А. И. Новейшая история... С. 58.
- 13 Килин Ю. М. Карелия в политике Советского государства, 1920—1941. С. 153—154.
- 14 Очерки истории Карелии: В 2 т. Т. 2 / Отв. ред. В. И. Машезерский. Петрозаводск, 1964. С. 247—248.
- 15 История экономики Карелии: В 3 кн. Кн. 2: Экономика Карелии советского периода (1917—1991 гг.) / Л. И. Вавулинская, С. Г. Веригин, О. П. Илюха, С. Н. Филимончик. Петрозаводск, 2005. С. 91; История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 535.
- 16 История экономики Карелии. Кн. 2. С. 92.
- 17 Там же; История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 535.
- 18 История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 535.
- 19 Килин Ю. М. Карелия в политике Советского государства, 1920—1941. С. 138.
- 20 См., например: История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 531; История экономики Карелии. Кн. 2. С. 92.
- 21 Моруков М. Ю. Правда ГУЛАГа из круга первого. М., 2006. С. 171.
- 22 Там же. С. 83—84, 90.
- 23 История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 531.
- 24 Там же. С. 532.
- 25 Там же. С. 533.
- 26 Там же. С. 533—534.
- 27 Килин Ю. М. Карелия в политике Советского государства, 1920—1941. С. 139.
- 28 История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 536.
- 29 Очерки истории Карелии. Т. 2. С. 316.
- 30 Килин Ю. М. Карелия в политике Советского государства, 1920—1941. С. 137.
- 31 История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 536.
- 32 История экономики Карелии. Кн. 2. С. 92.
- 33 Килин Ю. М. Карелия в политике Советского государства, 1920—1941. С. 133—134.
- 34 Там же. С. 155.
- 35 История экономики Карелии. Кн. 2. С. 92.
- 36 Моруков М. Ю. Правда ГУЛАГа из круга первого. М., 2006. С. 171—172.

1.2. Петрозаводское правительство и его деятельность на территории Карелии и Финляндии в годы Зимней войны (1939–1940)

Во второй половине 1930-х гг. международная обстановка в Европе резко обострилась, нарастала угроза мировой войны. В этих условиях правительство СССР исходило из того, что любая из военно-политических группировок (блок Германия — Италия или Англия — Франция) могла использовать территорию Финляндии как плацдарм для развертывания агрессии против Советского Союза¹. В официальной советской пропаганде подчеркивалась необходимость обезопасить морские и сухопутные подступы к Ленинграду, поскольку граница с Финляндией проходила всего в 32 км от города.

Руководство СССР предполагало также, что Финляндия могла стать не только плацдармом для агрессии против Советского Союза, но и активным союзником агрессора, поскольку имела собственные притязания на советскую территорию. Об этом в официальном порядке делались заявления со стороны СССР. Так, народный комиссар иностранных дел М. Литвинов в беседе с посланником Финляндии в Москве А. Юрье-Коскиненем 27 февраля 1935 г. заявил, что «ни в одной стране не ведется такая открытая пропаганда за нападение на СССР и отторжение его территории, как в Финляндии»². В июне 1939 г. И. Сталин отметил, что «Финляндия может легко стать плацдармом антисоветских действий для каж-

дой из двух главных буржуазно-империалистических группировок — немецкой или англо-французско-американской»³.

Руководство СССР во второй половине 1930-х гг. было крайне обеспокоено сближением Финляндии с Германией, в том числе и по военной линии. По мнению петербургского профессора В. Н. Барышникова, «прежде всего беспокоила возможность проникновения немецкого военно-морского флота в узкую часть Финского залива для десантирования войск на территорию Финляндии в целях агрессии против Советского Союза»⁴. Учитывая все это, Советское правительство решило провести негласные переговоры с финскими представителями, в ходе которых следовало обсудить пути реального обеспечения безопасности с моря. В качестве уполномоченного для ведения этих переговоров был назначен второй секретарь советского полпредства в Хельсинки Б. Н. Ярцев (Рыбкин). Однако переговоры, которые велись в течение весны, лета и начала осени 1938 г., не дали результатов советской стороне⁵.

В марте 1939 г. по инициативе Советского правительства возобновились переговоры с Финляндией. На них советской стороной был поставлен вопрос о возможности передачи в аренду нескольких островов в Финском заливе — Суурсаари (Готланд), Лавансаари (Мощный), Сейскари (Лесной), Большой и Малый Тютерсаари (Тютерс) — в целях использования их для обеспечения безопасности морских коммуникаций на подступах к Ленинграду. Поскольку Финляндия не согласилась на передачу островов в аренду, то Советское правительство готово было взамен островов уступить ей часть территории Советской Карелии⁶, имея в виду, как сказал М. Литвинов, то, что «Финляндия всегда интересовалась лесом, который имеется в изобилии в Карелии»⁷. Однако и это предложение не встретило поддержку у финской стороны.

В октябре — начале ноября 1939 г. в Москве прошел новый раунд советско-финляндских переговоров о взаимном обеспечении безопасности, на которых советская делегация, мотивируя необходимость обеспечения безопасности Ленинграда, поставила вопрос о возможности заключения между двумя странами пакта о взаимопомощи.

После отрицательного ответа с финской стороны советское руководство выдвинуло другие предложения по решению этой проблемы. Оно предложило отодвинуть советско-финляндскую границу к северу от Ленинграда до линии Липола (район Котова) — Койвисто (Приморск) с тем, чтобы исключить город из зоны артиллерийского обстрела с территории Финляндии. Советская делегация высказала также пожелание договориться о передаче Советскому Союзу расположенных в Финском заливе к западу от Кронштадта островов Суурсаари, Сейскари, Лавансаари, Тютерсаари и Койвисто (Большой Березовый), а также части полуострова Рыбачий, где важно было обеспечить прикрытие морских доступов к Мурманску. Общая площадь территории составляла 2 761 кв. км. В качестве компенсации Советское правительство соглашалось передать Финляндии 5 529 кв. км (вдвое больше) в Советской Карелии. Одновременно с советской стороны было выдвинуто предложение получить в аренду на определенный срок небольшую территорию в районе Ханко для устройства военно-морской базы⁸.

Однако и эти предложения были отвергнуты финляндской стороной, так как, по ее мнению, ущемляли интересы Финляндии. 9 ноября 1939 г. переговоры были

прерваны. В российской историографии утвердилась точка зрения, что срыв переговоров был связан, прежде всего, с неуступчивой позицией Финляндии⁹.

В конце 1930-х гг. осложнилась обстановка на советско-финляндской границе. О концентрации военной силы Финляндии на границе свидетельствуют многочисленные разведсводки в Центр начальника погранвойск НКВД Карельского пограничного округа, хранящиеся в Архиве Управления Федеральной службы безопасности РФ по Республике Карелия. Так, в сводке за 20 ноября 1939 г. отмечалось: «В районе Сортавала — Питкяранта — Салми — Суйстамо группируются воинские части силой до одной дивизии, усиленной артиллерией и самокатным батальоном. В районе Йозенсуу — Иломантси — Суоярви также установлено наличие войск противника до дивизии. По всему участку пограничной зоны финнами проведена эвакуация мирного населения. Пограничные деревни опустели. Оставлены лишь граждане мужского пола, которые могут быть использованы на строительстве оборонительных сооружений»¹⁰. В другой разведсводке через два дня сообщалось: «...концентрация войск на восточной границе является результатом подготовки Финляндии к войне против СССР. Мы имеем данные, что финская армия на сегодня полностью отмобилизована и занимает исходное положение, предусмотренное финским планом прикрытия»¹¹.

Однако при анализе причин советско-финляндской войны 1939—1940 гг. следует учитывать все обстоятельства. Предложения СССР по взаимному обмену территорий исходили из соображений обеспечить безопасность Ленинграда и эффективно отражали интересы Советского Союза, но, с точки зрения членов финляндского правительства, они затрагивали суверенитет и территориальную целостность Финляндии.

Жесткая позиция советской стороны по пограничному вопросу осенью 1939 г. объяснялась также тем, что по секретному протоколу советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г. Финляндия переходила в сферу интересов Советского Союза. Советское руководство знало, что в случае военного конфликта с Финляндией Германия, на чью помощь несомненно рассчитывало финляндское правительство, останется нейтральной страной.

Да и сами предложения СССР по обмену территорий не носили, на наш взгляд, долговременного характера. Трудно представить, чтобы И. В. Сталин согласился на выдвижение границы Финляндии вплотную к важнейшим стратегическим коммуникациям Советского Союза — Кировской железной дороге (Мурманск — Ленинград) и Беломорско-Балтийскому каналу. Скорее всего, это предложение советской стороны Финляндии, сделанное на переговорах осенью 1939 г., следует рассматривать как промежуточный шаг к подготовке решения конфликта военным путем.

После всех неудачных попыток добиться согласия Финляндии на свои предложения по пограничному вопросу советское руководство встало на военный путь решения проблемы. Командование Ленинградского военного округа получило указание разработать операцию по разгрому сухопутных и морских сил финской армии¹².

В советской печати развернулась мощная пропагандистская кампания по идеологической подготовке военной акции. Еще в начале ноября 1939 г. по поводу непримиримой позиции Финляндии газета «Правда» писала: «Мы отбросим к черту всякую игру политических картежников и пойдем своей дорогой, не-

смотря ни на что. Мы обеспечим безопасность СССР, не глядя ни на что, ломая все и всякие препятствия на пути к цели»¹³. В ответ на выступление 23 ноября 1939 г. премьер-министра Финляндии А. Каяндера на массовом митинге против предложений СССР по пограничному вопросу «Правда» ответила резкой по содержанию статьей под названием «Шут гороховый на посту премьера»¹⁴.

Особенно масштабной пропагандистская кампания была в северо-западном регионе СССР, где должны были развернуться основные боевые действия. Большое внимание при этом уделялось Карелии и ее населению, так как по советским предложениям некоторые районы республики должны были войти в состав новой демократической Финляндии. Газеты и радио Карелии, сотни пропагандистов и агитаторов республики развернули широкую работу по разъяснению политики советского руководства по отношению к Финляндии. На многих предприятиях, в леспромхозах и учреждениях прошли массовые митинги и собрания под лозунгами: «Нашему терпению приходит конец», «Будем бить врага беспощадно», «Смести с лица земли финских авантюристов» и др. Эта работа принесла свои результаты. Подавляющее большинство военнослужащих частей Ленинградского военного округа и гражданского населения Карелии накануне и в начальный период советско-финляндской войны было уверено в справедливости решения Советского правительства о применении силы при разрешении конфликта с Финляндией.

26 ноября 1939 г. в советской печати появились сообщения об артиллерийском обстреле с финской стороны д. Майнила на Карельском перешейке и гибели нескольких советских пограничников*. 28 ноября 1939 г. Советский Союз заявил правительству Финляндии о денонсации Договора о ненападении, заключенного в 1932 г. В. М. Молотов в выступлении по радио 29 ноября сообщил, что Главному командованию Красной Армии и Военно-Морского Флота дано распоряже-

* В настоящее время большинство исследователей, в том числе российских, пришло к выводу, что это была провокация, подготовленная Сталиным и направленная на оправдание военных действий со стороны СССР.

ние «быть готовым ко всяким неожиданностям и немедленно пресекать возможные действия с финской стороны». Фактически был отдан приказ начать военные действия на следующий день¹⁵. В соответствии с ним войска Ленинградского военного округа во взаимодействии с Краснознаменным Балтийским и Северным флотиами 30 ноября 1939 г. в 8 часов утра перешли государственную границу — началась советско-финляндская война, или Зимняя война, как ее называют на Западе (см. карту 1).

Наряду с военным способом решения «финского вопроса» в ходе Зимней войны советским руководством использовались и нестандартные политические методы, важные с точки зрения жизнеспособности и устойчивости политического режима, который предстояло создать в Финляндии после окончания войны¹⁶.

В рамках подготовки к войне и выдвигению западных рубежей, включая вхождение в состав СССР стран Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии, а также Финляндии, руководство СССР решило использовать идею народного фронта: сотрудничество компартии со всеми нефашистскими движениями и партиями. Это был вынужденный шаг, объяснявшийся, прежде всего, слабостью национальных партий и их неспособностью обеспечивать стабильную политическую ситуацию в условиях, когда временно продолжали существовать демократические институты¹⁷.

Петрозаводский профессор Ю. М. Килин справедливо утверждает, что зимой 1939/40 г. в Финляндии впервые была апробирована идея народного фронта, предложенная 7-м конгрессом Коминтерна еще в 1935 г. Эта идея, внешне представлявшая собой отход от доктрины диктатуры пролетариата, была, по сути, тактическим маневром Коминтерна, вызванным необходимостью противостояния фашизму. К тому же народный фронт был уступкой реалиям времени: советская система к середине 1930-х гг. окончательно себя скомпрометировала и влияние коммунистических партий в ключевых странах Западной Европы, особенно во Франции, в 1920-х — начале 1930-х гг. было весьма незначительным¹⁸.

На этом фоне одновременно с подготовкой к военным действиям против Финляндии разрабатывались соответствующие политические документы. Так, не позднее 22 ноября 1939 г. был готов проект Договора о взаимной помощи между Советским Союзом и Финляндской Демократической Республикой, который был составлен ответственными сотрудниками Наркомата иностранных дел СССР¹⁹.

В первый день советско-финляндской войны, 30 ноября 1939 г., газета «Правда» сообщила, что из «радиоперехвата» стало известно об обращении ЦК Компартии Финляндии «К трудовому народу Финляндии». В нем давался анализ причин, приведших к возникновению этого вооруженного конфликта, а также содержался призыв к образованию правительства левых сил, внутривнутриполитической программой которого объявлялась демократизация общества, а в области внешней политики выдвигалась задача скорейшего установления мирных и дружественных отношений с СССР на основе его законных интересов²⁰.

Утром 1 декабря 1939 г. части 70-й дивизии 7-й армии, действующей на Карельском перешейке, с боями вступили в г. Териоки (ныне Зеленогорск), где в противовес официальному правительству в Хельсинки было провозглашено образование Народного правительства Финляндии. Его возглавил один из руководителей Компартии Финляндии, секретарь Исполкома Коминтерна О. В. Куусинен, находившийся в Советском Союзе. Он стал премьер-министром

и министром иностранных дел. Были назначены и другие члены правительства, находившиеся в эмиграции в СССР.

О создании альтернативного правительства на территории Финляндии в г. Териоки за рубежом стало известно из сообщений советского радио вечером 1 декабря 1939 г. В передававшейся затем средствами массовой информации Советского Союза Декларации Народного правительства Финляндии было указано, что это правительство «считает себя временным», поскольку его «полномочия и действия подлежат санкции сейма, избранного на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права, при тайном голосовании». В программе Народного правительства излагались задачи в области внутренней политики. Многие из них, однако, были далеки от реальной жизни Финляндии. Одновременно говорилось и о формировании первого финского корпуса, который должен стать ядром Народной армии Финляндии. В области внешней политики провозглашался курс на установление дружественных отношений с Советским Союзом и другими государствами²¹.

СССР признал правительство Куусинена в день его создания, т. е. 1 декабря 1939 г., и установил дипломатические отношения с Финляндской Демократической Республикой (ФДР).

После формирования правительства и обнародования его Декларации О. В. Куусинен выехал в Москву. Там 2 декабря 1939 г. состоялась его встреча со Сталиным, Молотовым, Ворошиловым и Ждановым, после чего был заключен Договор о взаимной помощи и дружбе между СССР и ФДР, который подписали О. В. Куусинен и В. М. Молотов.

Договор, в основном, удовлетворил те требования, которые выдвигал СССР на переговорах с Финляндией в 1938—1939 гг. Согласно ему Финляндии передавались районы Советской Карелии с преобладанием карельского населения — 70 тыс. кв. км. Фактически по договору в состав Финляндской Демократической Республики были переданы пограничные районы КАССР (примерно половина довоенной Карелии). В результате государственная граница должна была проходить в 25—75 км от Кировской железной дороги, а Петрозаводск оказывался на расстоянии не более 30 км от границы. Советскому Союзу передавалась территория в 3 970 кв. км на Карельском перешейке к северу от Ленинграда. Граница устанавливалась от г. Койвисто (Приморск) до Ладожского озера. Кроме того, СССР передавались острова в Финском заливе — Суурсаари, Сейскари, Лавансаари, Тютерсаари, Койвисто, а также часть полуостровов Рыбачий и Средний в Заполярье. Полуостров Ханко сдавался в аренду Советскому Союзу на 30 лет (см. карту 2).

Очевидно, считалось, что уступка Финляндии значительной части территории Советской Карелии могла вызвать положительный резонанс у тех, кто выступал с идеей включения карел в единое финляндское государство, и оказала бы поддержку правительству Куусинена. Но реакция оказалась диаметрально противоположной. В Финляндии в подобном шаге усматривали своеобразную уловку, направленную в перспективе на «лишение страны независимости»²².

Заклученный 2 декабря 1939 г. договор имел одновременно с ним подписанное секретное приложение — Конфиденциальный протокол, в который вошли положения, касающиеся только военных вопросов и не включенные в сам договор. Текст этого протокола приводится в статье Н. И. и В. Н. Барышниковых²³, опубликованной в первой книге двухтомника «Зимняя война, 1939—1940. Политическая история».

В числе других подготовленных документов были Обращение ЦК Компартии Финляндии «К трудовому народу Финляндии» и Декларация будущего правительства. Обращение ЦК КПФ предвляло официальное провозглашение Народного правительства. В окончательной редакции текста Обращения нашла отражение мысль о том, что «со стороны СССР не будет оказываться давления на Финляндию в целях установления там однотипного с Советским Союзом строя...», и заявлялось, что «Финляндская Демократическая Республика как государство не советского типа не может входить в состав Советского Союза...».

Что касается Народного правительства О. В. Куусинена, то следует отметить следующее: если жизнь и деятельность его главы была довольно хорошо освещена в советской и российской историографии, то биографии членов правительства Куусинена до последнего времени были малоизвестны российским читателям. Впервые в российской историографии Зимней войны краткие биографии членов Териокского правительства были приведены в статье петрозаводских историков С. Г. Веригина и Э. П. Лайдинена «История Териокского правительства в финляндской исторической литературе», опубликованной в 1993 г. в сборнике научных статей Петрозаводского государственного университета «Политическая история и историография (от античности до современности)»²⁴. Статья была подготовлена на основе анализа большого числа финляндских исследований и источников по данному вопросу. Более подробные биографии членов правительства Куусинена с их фотографиями помещены в монографии петербургских

ученых Н. И. и В. Н. Барышниковых «Рождение и крах “Терийокского правительства” (1939—1940 гг.)»²⁵, опубликованной в 2003 г.

Народное правительство Финляндии возглавил О. В. Куусинен, который одновременно стал министром иностранных дел; М. Розенберг был назначен его заместителем и министром финансов; А. Анттила стал министром обороны; Т. Лехен — министром внутренних дел; И. Лехтинен — министром культуры; А. Эйкия — министром сельского хозяйства; П. Прокконен — министром по делам Карелии (см. Приложение 1). По-видимому, Сталин и Молотов испытывали большой дефицит в подборе членов Народного правительства, если назначили поэта А. Эйкия министром сельского хозяйства.

Финляндские исследователи отмечают, что судьба членов правительства Куусинена сложилась по-разному, но все они искренне верили в победу социализма в Финляндии и служили этой идее²⁶.

О. Юсила в статье «Терийокское правительство» пишет: «В начальный период Зимней войны министры собрались на квартире Куусинена в Ленинграде и затем на машинах выехали в Териоки. Они размещались на дачах и собирались ежедневно у Куусинена, вероятно, в 1-м офицерском клубе бывшего егерского батальона. На совещаниях не велось протоколов, правительство ни разу даже не сфотографировалось. Главная работа заключалась в подготовке воззваний и обращений к народу Финляндии, которые публиковались затем в газетах “Власть народа”, “Голос народа”, “Народная армия”. Наиболее загруженными были министр по делам Карелии П. Прокконен и министр обороны А. Анттила. Прокконен инспектировал поездки в “освобожденные” карельские деревни и создавал “комитеты народного фронта”. Анттила решал вопросы формирования Народной армии»²⁷.

Таковую же точку зрения высказывают и петербургские историки Н. И. и В. Н. Барышниковы, которые отмечают, что реально Териокское правительство не было дееспособным. Хотя О. В. Куусинен в первое время и пытался развернуть его работу. Однако из-за того, что почти все население было эвакуировано вглубь Финляндии, ее не с кем было вести. На заседаниях правительства речь шла главным образом о войсках Народной армии, о пропагандистско-издательских делах и некоторых общих вопросах. Ни о какой конкретной деятельности большинства министров по их прямому предназначению не могло быть и речи²⁸.

В российской и зарубежной историографии отмечается и то, что в сложное положение попал и сам Куусинен. По существу, он оказался в войне с собственным народом, от имени которого выступал. Историкам сейчас трудно сказать: добровольно ли Куусинен занял пост премьер-министра Териокского правительства или, понимая несостоятельность этой авантюры, вынужден был подчиниться воле Сталина. В любом случае это повлияло на дальнейшую судьбу самого Куусинена. Некоторые зарубежные авторы считают, что участие в Народном правительстве в качестве его главы закрыло ему путь на Родину. А. Аптон в работе «Коммунизм в Финляндии» пишет: «Непродолжительное руководство Народным правительством привело к тому, что официальные власти Финляндии не хотели возвращения Куусинена в страну. Разные правительства Финляндии в 1950-е гг. отказывали в выдаче визы Куусинену для посещения Финляндии, хотя оставшимся в живых его товарищам по этому правительству въезд в страну был разрешен без проблем»²⁹.

Х. Сеппяля, Ю. Паасикиви и другие финляндские авторы отмечают, что, хотя финский народ и не поддержал правительство Куусинена, сам факт его существования активно использовался советским руководством в начальный период Зимней войны для оправдания своих действий. Невзирая на неоднократные обращения и предложения из Хельсинки о прекращении огня, в течение двух первых месяцев войны Сталин и Молотов отказывались от переговоров, заявляя, что признают только Народное правительство Куусинена³⁰. Но уже к концу декабря 1939 г., после неудачных попыток с ходу прорвать линию Маннергейма и вынужденного перехода Красной Армии к обороне, для правительства Куусинена стали вырисовываться весьма неясные перспективы дальнейшей деятельности. К этому времени само пребывание Народного правительства в Териоки оказалось двусмысленным, поскольку на основании заключенного 2 декабря 1939 г. договора между СССР и Финляндской Демократической Республикой эта часть территории Карельского перешейка передавалась Советскому Союзу.

Сам Куусинен еще 16 декабря 1939 г. в интервью, данном им военному корреспонденту газеты «Правда» Н. Вирта, на вопрос: «Намерено ли Народное правительство оставаться в Териоки до тех пор, пока столица страны Хельсинки не будет освобождена из-под власти белых или же оно переедет в другие места?» — ответил: «Нет, не намерено. Сначала мы передем в Выборг, потом — в Хельсинки»³¹. Развитие событий поставило правительство Куусинена в критическое положение: территория Финляндской Демократической Республики не увеличивалась; контакты с финским населением установить не удалось; расчет на создание новых воинских соединений путем вступления в Народную армию военнопленных и финского гражданского населения оказался нереальным; противостоявшие красноармейцам финские солдаты стойко сражались на фронте и оказались невосприимчивыми к призывам «перейти на сторону демократи-

ческой республики»; само правительство находилось во внешнеполитической изоляции — ни одна из стран, кроме СССР, не хотела его признавать³².

В финляндской историографии подчеркивается, что трудно установить, когда Сталин решил отказаться от правительства Куусинена как фактора в достижении главных целей войны. Некоторые исследователи считают, что это произошло между 26 и 29 января 1940 г. Так, М. Якобсон пишет: «Еще 25 января Молотов сказал послу Германии в СССР Шуленбургу, что вопрос о договоре с правительством Рюти — Таннера или Маннергейма не стоит: наоборот, он считал возможным поддерживать правительство Куусинена, чтобы быть уверенным, что в Финляндии будет дружественное СССР правительство. Однако уже 29 января советское правительство направило министру иностранных дел Швеции Гюнтеру предложение о переговорах с Таннером»³³.

Однако надо иметь в виду, что сам факт существования правительства Куусинена использовался советским руководством до самого последнего дня войны с Финляндией и подписания мирного договора. 20 февраля 1940 г. на вопрос посланника Швеции в СССР Ассарсона о возобновлении переговоров с правительством в Хельсинки нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов ответил, что «финляндское руководство заняло крайне враждебную позицию в отношении СССР. СССР имеет с финляндским Народным правительством договор, база которого основана на доверии и дружбе. Что же касается базы, о которой можно говорить независимо от Народного правительства, то вопрос должен быть поставлен иначе. Теперь, после развернувшихся военных действий, СССР не сможет ограничиться частью Карельского перешейка. Теперь речь идет обо всем Карельском перешейке, включая Выборг, и о территориях, примыкающих с севера к Ладожскому озеру. В советских предложениях полностью остается вопрос о базе в Ханко, как он был поставлен в свое время»³⁴.

4 марта 1940 г., во время встречи с Ассарсоном, на заявление посланника Швеции в СССР о том, что финны уступают во всем, кроме вопроса о Выборге и Сортавале, Молотов заметил: «Если финны будут упорствовать, несмотря ни на что, то СССР вынужден будет отказаться от теперешней линии и пойдет на окончательное соглашение с финляндским Народным правительством Куусинена»³⁵.

За два дня до подписания мирного договора в Москве между СССР и Финляндией — 10 марта 1940 г. — на встрече с финляндской делегацией Молотов заявляет, что «если переговоры затянутся, то я еще раз повторяю, я совершенно не ручаюсь в том, что предъявленные сейчас нами требования не будут увеличены. Ведь у нас есть договор с Народным правительством, и по этому договору мы оставим в силе указанную на карте линию»³⁶. Таким образом, формально правительство Куусинена просуществовало до конца Зимней войны.

Говоря об этой проблеме, следует иметь в виду и то, что факт создания правительства Куусинена поверг в смятение левые силы Финляндии. Действовавшие в подполье коммунисты в той обстановке едва ли могли выступать в духе обращения ЦК КПФ и Декларации правительства. К тому же их влияние на народные массы с конца 1938 г. все более ослабевало из-за кризисных явлений в рядах партии и в результате установок Коминтерна об изменении прежней тактики в отношении фашизма. В стране усилились репрессии против членов компартии³⁷.

Анализ зарубежной литературы, посвященной истории Териокского правительства, показывает, что исследователи пока не считают данный вопрос полностью

изученным. В первую очередь они пытаются выяснить, действовало ли правительство Куусинена на практике или так и осталось на бумаге и было распушено в конце войны. Характерными в этой связи являются рассуждения профессора А. Аптона: «Неясно, выполнял ли этот орган когда-либо правительственные функции. Как далеко распространялись его настоящие планы по управлению Финляндией, где он надеялся получить необходимую поддержку дома и как он рассматривал в перспективе свои отношения с СССР?»³⁸.

Ответить на многие вопросы о реальной деятельности правительства Куусинена смогли российские исследователи, которые в 1990-е гг. получили доступ к архивным документам, большинство из которых ранее были секретными.

В соответствии с предвоенным планом предполагалось, что правительство Куусинена приступит к осуществлению активной политической деятельности на территории Финляндии сразу после своего формирования в Териоки и заключения пакта о взаимопомощи с СССР. С этой целью Народным правительством были сформированы специальные бригады, включавшие в себя 2—3 человека, для проведения политической работы среди населения на оккупированной Красной Армией территории Финляндии и формирования комитетов трудового народного фронта (КТНФ)³⁹.

Однако в самом начале войны выяснилось, что большая часть гражданского населения из пограничных районов Финляндии была эвакуирована в тыл страны. На занятой Красной Армией территории осталось лишь немногим более 3 тыс. человек на участках 8, 9 и 14-й армий, поэтому от широкого плана формирования КТНФ вскоре пришлось отказаться, но все же появилась возможность начать там свою деятельность. В ее основу была положена специально разработанная Куусиненом инструкция, определяющая функции местных комитетов Народного правительства. Комитеты трудового народного фронта избирались на общих собраниях граждан и должны были действовать как политические органы Народного правительства, выполняя две главные функции: во-первых, являться органами народного восстания против буржуазного правительства и оказывать влияние на трудящихся по ту сторону линии фронта для создания подобных органов в Финляндии; во-вторых, выполнять функции органов местного самоуправления, налаживая хозяйственную и культурную жизнь в своей местности. В состав КТНФ включались «и представители мелких буржуазных, и представители демократических партий»⁴⁰.

Предполагалось, что после окончания войны комитеты трудового народного фронта составят политическую основу «демократической независимой» Финляндии, возглавляемой правительством Куусинена и не входящей первоначально в состав СССР. В дальнейшем на них возлагалась задача подготовить народ Финляндии к установлению советского строя.

Создание местных комитетов стало главной обязанностью министра по делам Карелии Пааво Прокконена (Павел Степанович Прокопьев) — единственного гражданина СССР в правительстве Куусинена. Все остальные члены Народного правительства были финскими революционерами-иммигрантами. Следует отметить, что Прокконен (в начале войны его карельская фамилия Прокопьев была заменена на финскую — Прокконен) был самым молодым членом Териокского правительства в период Зимней войны, ему исполнилось только 30 лет. Постоянную помощь П. Прокконену должен был оказывать первый секретарь

Карельского обкома партии Г. Н. Куприянов, и прежде всего в подборе лиц, способных успешно выполнять функции представителей Народного правительства: «подготовить народ Финляндии к установлению советского строя»⁴¹.

Под руководством П. Прокконена, прибывшего в занятые Красной Армией районы Финляндии, первоначально удалось создать семь комитетов Народного правительства, состоящих из 3—5 человек, не проявлявших особой активности. Деятельность этих комитетов была направлена, в первую очередь, на нормализацию хозяйственной жизни, обеспечение безопасности жителей своей местности, восстановление работы школ, организацию торговли. Для оказания помощи комитетам направлялись специальные уполномоченные Народного правительства⁴², ими стали члены партийного и советского актива Карелии, владевшие финским языком⁴³.

Финское население подвергалось усиленной идеологической обработке. Агитаторы и пропагандисты рассказывали об образовании Народного правительства Финляндии во главе с О. В. Куусиненом, разъясняли Декларацию этого правительства и Договор о дружбе и взаимопомощи между СССР и Финляндской Демократической Республикой, распространяли правительственную газету «Kansan Valta» («Народная власть»). Члены Народного правительства встречались с жителями. Вместе с тем в условиях войны, когда на оккупированной территории не были созданы органы местной власти, комитеты трудового народного фронта, кроме идеологических функций, выполняли и хозяйственные: организовывали охрану бесхозного скота и брошенного имущества, восстанавливали торговлю, создавали бригады по ремонту дорог и др.

По договору между СССР и Финляндской Демократической Республикой «новому демократическому государству» передавалась часть территории Карелии, в основном населенной карелами. Из Москвы в адрес Карельского обкома

ВКП(б) поступило указание провести широкую разъяснительную работу о необходимости этого шага среди населения республики. Выполняя постановление центра, партийное и советское руководство республики в идеологической работе с населением Карелии особый акцент делало на разъяснение жителям Декларации Народного правительства Финляндии и Договора о взаимопомощи между СССР и Финляндской Демократической Республикой. На митингах и собраниях принимались резолюции, носившие сугубо пропагандистский характер и походившие одна на другую.

Характерной в этом отношении является резолюция митинга колхозников из колхоза «Заря» Медвежьегорского района: «Мы единодушно приветствуем Декларацию Народного правительства. Одобряем мудрую политику советского руководства о воссоединении карельского народа с родственным ему финским народом и надеемся, что Народное правительство обеспечит мир и дружбу финляндского трудового народа с великим советским народом». Однако единодушия на самом деле не было. Анализ архивных документов показывает, что на митингах и собраниях были случаи недовольства принятыми решениями, звучал вопрос: почему Советское правительство не поинтересовалось мнением карельского народа о воссоединении с Финляндией? В ряде мест (особенно в южных районах республики — Олонецком и Пряжинском) не просто выражалось недовольство передачей районов в состав демократической Финляндии, но и отмечалось желание людей уехать из этих районов в Советский Союз. Причем такие высказывания принадлежали не только русским, но и карелам.

Важную роль в обеспечении деятельности Народного правительства Финляндии играл Карельский обком партии. В середине декабря 1939 г. в Петрозаводске состоялся партийный актив, на котором специально рассматривались вопросы оказания помощи Финляндской Демократической Республике. Секретарь обкома ВКП(б) Г. Н. Куприянов заявил на заседании: «Чем шире будет распространена Декларация Народного правительства и Обращение ЦК финской Компартии, тем скорее окончательная гибель каяндеров. Народ Финляндии должен знать правду. Это облегчит продвижение вперед Красной Армии»⁴⁴.

Из документов видно, что не все партийные работники поняли свои задачи. Некоторые из них пытались уехать из районов, которые отходили к соседней стране по договору между ФДР и СССР, писали заявления о нежелании оставаться в Финляндии. Во время партактива Г. Н. Куприянов с резкой критикой обрушился на таких людей: «Стремление удрать из районов, отходящих к Финляндии, не может не расцениваться иначе, как позорное дезертирство, стремление уйти от трудностей». И далее он уточнил, что речь идет не о присоединении к каяндеровской Финляндии, а о присоединении к народной Финляндии, которая «в конце концов будет советской, вопрос во времени». В итоге на партактиве пришли к выводу, что если в одной части государства будет социализм, а в другой — капитализм, то необходимо работать для скорейшей победы социализма во всей Финляндии»⁴⁵.

Карельский обком партии отправил в Финляндию два типа представителей. Одни должны были заниматься вербовкой добровольцев в армию Куусинена. Так, в удостоверении под № 3, подписанном министром по делам Карелии в правительстве Куусинена П. Прокконеном 17 декабря 1939 г. и заверенном печатью Финляндской Демократической Республики, говорилось: «Финляндское народное правительство направляет Окунева в Восточную Финляндию для вер-

бовки добровольцев в Народную армию Финляндии». Представители второго типа должны были «выяснять положение и нужды населения и распространять Декларацию правительства»⁴⁶.

Докладывая 30 декабря 1939 г. секретарям ЦК ВКП(б) Маленкову и Жданову о работе среди населения Восточной Финляндии, оккупированной частями Красной Армии, Г. Н. Куприянов писал: «Сейчас на территории Финляндии, занятой нашими войсками (8-й и 9-й армий. — С. В.), работают в качестве представителей Народного правительства 25 человек коммунистов. Подобран резерв 56 человек, с удостоверениями и личным оружием, который мы будем посылать по мере продвижения частей Красной Армии вглубь Финляндии»⁴⁷. Обязательным условием зачисления в состав спецбригады было знание финского языка.

Первый комитет трудового народного фронта был учрежден в д. Хаутаваара 9 декабря 1939 г., во второй половине января 1940 г. насчитывалось в общей сложности уже 15 комитетов, в том числе в районе Петсамо. Кроме того, в 13 деревнях действовали уполномоченные КТНФ⁴⁸. В основном в их состав входили представители бедных и средних слоев крестьянства.

В отчете бригадира бригады представителей Народного правительства Финляндии по направлению Суоярви Карпова на имя председателя правительства О. Куусинена от 28 января 1940 г. отмечалось, что в районе Суоярви создано 12 комитетов трудового народного фронта, в том числе в крупных населенных пунктах: в д. Хаутаваара (население — 120 человек) в комитет вошло 5 человек: С. Харакка — председатель; члены — А. Менкели, Е. Кукко, Ф. Валло и И. Яковлев. Членами комитета в д. Мойсенваара (население — 280 человек) стали: Т. Кукконен — председатель; члены — С. Пеккинен, М. Койвунен, Ф. Макконен и А. Мярянэн. В д. Игнойла (население — 175 человек) был создан комитет из 5 человек: Н. Н. Соболев — председатель; члены — И. Ренкала, И. Аннала, Х. Хентунен, А. Вуруев⁴⁹.

Особое внимание уделялось подбору председателей КТНФ. В записке министра Териокского правительства по делам Карелии П. Прокконена на имя О. Куусинена давались характеристики председателей комитетов, в которых отмечалось их социальное происхождение, политическая благонадежность и деловые качества: Семен Макарович Харакка, председатель комитета д. Хаутаваара, — крестьянин-середняк, но малоинициативен и боится разрешать практические вопросы; Петр Павлович Саволайнен, председатель комитета д. Хуттула, — крестьянин-бедняк, принимает активное участие в работе комитета; Николай Николаевич Соболев, председатель комитета д. Игнойла, — уроженец Карельской АССР, в течение 20 лет работал переводчиком на границе, имеет за линией фронта трех сыновей: двух резервистов и одного на трудовом фронте; и др.⁵⁰

Главная цель всей этой деятельности состояла, прежде всего, в том, чтобы оказать влияние на финское население по другую линию фронта, убедить его в необходимости поддержать Народное правительство. Для этого в пропаганде широко использовались письма оставшихся на оккупированной территории жителей Восточной Финляндии. Большинство из них публиковалось в газете «Kansan Valta» под рубрикой «От жителей Восточной Финляндии. Письма родным по ту сторону фронта».

Приведем два характерных письма. Автор первого — Антти Тимонен, уроженец д. Кайлаа Суоярвской волости, — писал своим сыновьям: «Мои сыновья, Армас и Алпо. Нашу деревню сожгли белофинны. Не верьте белым, они сваливают вину

на Красную Армию. Красная Армия не трогала имущество местных жителей. Я призываю всех жителей нашей деревни, а также моих сыновей — Армаса и Алпо вернуться домой и начать вместе с нами новую жизнь»⁵¹. Второе письмо — мужа и жены В. и А. Иору из д. Куйкканиэми этой же волости — было опубликовано под заголовком «Письмо односельчанам»: «Когда со стороны границы Советского Союза послышался грохот пушек, то местные шюцкоровцы начали бегать по деревне и велели всем жителям уйти. Они сказали нам, что те, кто не подчинится этому приказу, пусть заранее роют себе могилу... Я работал все время рабочим на лесопильном заводе и думал, что мне нечего убегать вместе с шюцкоровцами. Оттуда, со стороны Советского Союза, придут такие же рабочие, как я. Мы с женой решили остаться на месте. Когда пришла Красная Армия, то нам сказали, что мы можем жить спокойно, ибо Красная Армия не трогает мирных жителей. Мы говорим всем рабочим и крестьянам Финляндии, что незачем прятаться в лесах. Красная Армия является нашим другом и освободителем»⁵².

Финское население подвергалось усиленной идеологической обработке. Агитаторы рассказывали об образовании Народного правительства, разъясняли смысл Обращения финской Компартии, Декларации Народного правительства и Договора о взаимопомощи и дружбе, заключенного между СССР и Финляндской Демократической Республикой, распространяли газету «Kansan Valta»⁵³.

В идеологической деятельности на бывших финских территориях, отошедших к СССР, большое внимание уделялось радиопропаганде. С первых дней войны стала работать радиостанция Народного правительства. Сначала ее передачи выходили четыре раза в день: в 10:10, 12:10, 17:25, 23:15; а с 12 января — семь раз в день: 10:10, 12:10, 14:00, 17:25, 19:00, 21:00, 23:15. Материалы носили ярко выраженный идеологический характер: транслировались обращения Народного правительства и Финской народной армии, статьи из газеты «Kansan Valta» и др. Так, за период с 1 по 28 января 1940 г. в списке радиопередач радиостанции Народного правительства значились следующие статьи газеты «Kansan Valta»:

«Новый год — год побед» (1 января); «День присяги Народной Армии» (2 января); «Конституция Финляндии под сапогом реакции» (4 января); «Обращение к солдатам финской армии» (8 января); «В освобожденных деревнях Финляндии» (9 января) и др. Всего за это время было передано 154 сообщения⁵⁴.

15 января 1940 г. при Ленинградском радиокомитете была организована особая редакция на финском языке, хотя, как отмечено ранее, фактически радиовещание на Финляндию началось с самого начала военных действий. Редакционная коллегия была утверждена А. А. Ждановым в составе 5 человек: Адамов, Лайтинен и Вакстрем — от Народного правительства; Вайдерпас — от Политуправления ЛВО; Поляков — от Ленинградского радиокомитета. Затем в состав редколлегии был кооптирован Ахо⁵⁵.

До 1 февраля 1940 г., в силу того что крупные радиостанции почти все время были заняты «на забивке “белофинского” радио», вещание шло нерегулярно. Позже радиовещание шло планоно: в среднем по 6 часов в день; несколькими радиостанциями на разных волнах, которые могли быть приняты в Финляндии. Тематика носила ярко выраженный пропагандистский характер: освещалась деятельность Народного правительства, передавались воззвания финских военнопленных и гражданского населения к солдатам финской армии с призывами сложить оружие и перейти на сторону Красной Армии и т. д.

В отчете председателя Ленинградского радиокомитета Я. Нусимовича перед Ленинградским горкомом ВКП(б) от 20 февраля 1940 г. отмечалось, что в силу нехватки кадров приходилось принимать на работу и тех финнов, чьи родственники были репрессированы (Гренлунд, Лехмус, Сойни, Викстрем и др.). Но у микрофона выступает только тов. Ахо, имеющий особые полномочия. Все остальные дикторы, артисты и другие выступающие, привлекаемые к микрофону, идут в эфир с предварительной пленки, прошедшей соответствующий контроль. Далее председатель Ленрадиокомитета делает вывод: «Аппарат редакции достаточно оформился, чтобы представить собой костяк аппарата радиовещания на территории Финляндии, как только в этом будет необходимость»⁵⁶.

Однако, несмотря на важность идеологической деятельности, на практике Народное правительство Финляндии и созданные им комитеты трудового народного фронта должны были, в первую очередь, решать насущные экономические проблемы, связанные с организацией повседневной жизни населения. Интересно, что одними из первых, кто поставил эти вопросы, стали представители Госбанка СССР в Ленинграде Шенглер и Каганов. Уже 10 декабря 1939 г. они направили на имя председателя правления Госбанка СССР Н. А. Булганина докладную записку «Об организации советской торговли и валютного обращения на территории Карельского перешейка, отошедшей к СССР», в которой отмечали, что особо стоит вопрос о торговле на территории Финляндской Демократической Республики. В связи с продвижением советских частей и организацией Народного правительства на этой территории уже организуется торговля. Мы считаем, что торговля с финским населением должна осуществляться на финскую валюту по существующим ценам⁵⁷.

И это предложение было оперативно выполнено: через три дня — 13 декабря 1939 г. — за подписью председателя СНК СССР В. М. Молотова и управляющего делами СНК СССР М. Хломова выходит постановление СНК СССР № 2041-578с «О торговле на территории Карельского перешейка». В нем отмечалось: «СНК

постановляет: 1. Разрешить Наркомторгу СССР и местным ленинградским торгам производить на территории Карельского перешейка, отошедшей к СССР, продажу товаров населению как на советскую валюту, так и на финские марки по курсу: 1 финская марка = 10 копейкам. Торговлю осуществлять по ценам, установленным для г. Ленинграда. 2. Предложить Госбанку открыть в г. Териоки отделение Госбанка для операций по обслуживанию торговых организаций и осуществлению обмена финских марок на советскую валюту по указанному курсу»⁵⁸.

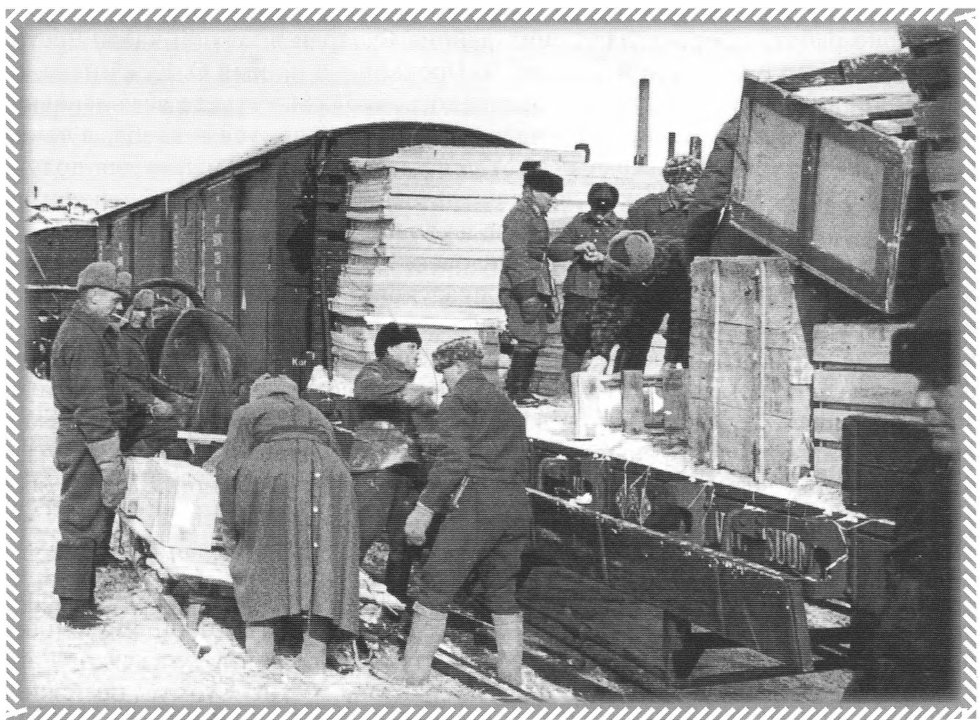
13 декабря 1939 г. А. Жданов, О. Куусинен и П. Прокконен направили телефонограмму на имя зам. председателя СНК СССР, председателя Экономического совета при СНК А. Микояна, в которой говорилось: «В целях удовлетворения потребности товарами первой необходимости населения Восточной Финляндии и своевременной переброски этих товаров просим выделить Наркомторгу Карелии фонды следующих товаров: муки — 200 тонн; крупы — 20 тонн; сахара — 40 тонн; кофе — 5 тонн; чая — 1 тонну; спичек — 300 ящиков; махорки — 15 тонн; керосина — 15 тонн; соли — 30 тонн. Выделить для переброски этих товаров из Петрозаводска на место 10 грузовых машин и 50 тонн горючего. Карелторгу, на базе которого разворачиваем торговлю, просим выделить для пополнения оборотных средств 500 тыс. рублей. Торговля на территории Финляндии будет проводиться уполномоченными Народного правительства Финляндии (подчеркнуто в телефонограмме. — С. В.) с использованием торговой сети Карелторга»⁵⁹.

На следующий же день А. Микоян ответил, что Экономический совет при СНК СССР принял все предложения и дал распоряжение наркоматам СССР: Наркомторгу (Смирнов А. И.), Наркомзагу (Субботин К. П.), Наркомпищепрому, Наркомлесу, Наркомнефти, Наркомсредмашу, а также Госбанку СССР удовлетворить ходатайство КАССР⁶⁰. Все было выполнено в кратчайшие сроки.

Анализ архивных документов из фондов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) показывает, что на первом этапе советско-финляндской войны — в декабре 1939 г. — январе 1940 г. — практически все просьбы О. В. Куусинена в адрес руководства СССР об оказании экономической и финансовой помощи Народному правительству по проведению работы среди населения на занятой финской территории были удовлетворены. Так, 12 декабря 1939 г. О. В. Куусинен получил от А. А. Жданова 3 млн. руб. наличными для Народного правительства. Деньги были выделены Наркомфином СССР (А. Г. Зверев) и Госбанком СССР (Н. А. Булганин). О получении этих денежных средств Куусиненом в фонде А. А. Жданова в РГАСПИ имеется специальная расписка⁶¹.

Работа комитетов трудового народного фронта Народного правительства Финляндии была развернута, прежде всего, в южной части Восточной Финляндии, где оказалось больше финских жителей, чем в ее северных районах.

В информационной записке «О проведении массово-политической и организационной работы в селах и деревнях Восточной Финляндии, занятых частями Красной Армии», подготовленной на имя председателя Народного правительства О. Куусинена, министр по делам Карелии П. Прокконен отмечает: «Сразу после выборов комитетов трудового народного фронта были организационные заседания, на которых определили задачи практической деятельности, составили планы работы и распределили обязанности между членами комитетов.

Вот круг вопросов, над практическим решением которых работают сейчас комитеты: организация отрядов по борьбе с бандитами, охрана бесхозного скота и имущества, организация торговли, создание бригад по ремонту дорог, материальная помощь хозяйствам, не имеющим средств к существованию. Под руководством комитетов уже проведен учет товаров в лавках, брошенных на произвол судьбы их владельцами, поставлены продавцы, преимущественно женщины. На территории этих сел открыто 7 лавок и организована торговля товарами первой необходимости. Организована контора по торговле в Восточной Финляндии во главе с директором Егоровым, а также подобран штат конторы. Возглавляет организацию торговли на указанной территории уполномоченный Народного правительства Пахомов»⁶².

Далее П. Прокконен формулирует предложения по дальнейшей работе Народного правительства на занятой финской территории: «Крайне необходимо, чтобы Народное правительство оказало местному населению помощь, для чего следует организовать кредит в магазинах или выделить пособия. В Суоярви и Ленстеръярви имеются два лесопильных завода, которые можно пустить в эксплуатацию. Рабочих рук для указанных заводов больше чем достаточно. В Салми после небольшой подготовки может быть пущен целлюлозно-бумажный комбинат с ежедневным выпуском 80—100 тонн бумаги в сутки. Учитывая, что во всех селах и деревнях несколько месяцев не проводились занятия в школах, необходимо принять меры к возобновлению работы школ. При этом занятия в школах вдоль границы, где преобладает карельское население, вести на родном для них карельском языке. Преподавателей подберем из педагогического состава Карелии, учебные пособия имеются»⁶³.

В течение декабря 1939 г. — января 1940 г. комитеты трудового народного фронта активно работали среди населения района Суоярви в южной части Восточной Финляндии. В очередной записке П. Прокконена на имя О. Куусинена, составленной в конце января 1940 г., отмечалось, что комитеты во всех деревнях этого района оказали помощь 321 человеку, нуждающемуся в хлебе, а также прикрепили к жителям бесхозный скот для ухода и одновременно для получения молока, предоставили жилую площадь неимущим; детям, обучающимся в школах, выделена обувь и одежда. С 23 по 30 января 1940 г. в районе работала передвижка, которая обслужила 405 человек. Жители деревень Мойсенваара, Суурисельга и Игнойла впервые смотрели звуковые картины (фильмы «Богатая невеста», «Человек с ружьем» и др.), они вообще плохо представляли, что такое кино. После киносеансов во всех населенных пунктах были организованы танцы под баян⁶⁴. Конечно, при этом не забывали проводить и массово-политическую работу. В конце января 1940 г. в деревнях Игнойла, Хюрсюля и Хаутаваара представители Народного правительства провели собрания, на которых разъясняли жителям возможность получения работы в лесу, в Игнойле также обсудили вопрос об открытии школы и приняли текст письма беженцам, в д. Суурисельга на собрании приняли обращение к солдатам финской армии⁶⁵.

С самого начала войны комитеты трудового народного фронта активно начали создаваться не только в южной, но и в северной части Восточной Финляндии. Когда Красная Армия перешла советско-финляндскую границу на севере Карелии в районе Калевалы население д. Юнтусранта коммуны Суомуссалми жило обычной жизнью. О начале войны многие жители узнали по радио или от соседей⁶⁶. После отхода финских войск Юнтусранта была оккупирована Красной Армией, и оставшееся местное население заняло выжидательную позицию. Первые части РККА не обращали внимания на гражданское население, а отслеживали передвижение финских войск для быстрее продвижения вперед. Пришедшие вслед за ними воинские подразделения начали проявлять интерес к гражданскому населению. В первую очередь красноармейцев интересовало, проживают ли в домах финские солдаты. Кроме того, до людей доводили информацию о правительстве Куусинена, надеясь на то, что местное население окажет поддержку Красной Армии⁶⁷.

В течение всего периода оккупации северных районов Восточной Финляндии обстановка была спокойной, так как частям Красной Армии было строго-настрого запрещено заниматься мародерством. С первых дней советские войска начали усиленно укреплять район Юнтусранта, что на себе почувствовали финские войска во время наступления в начале января 1940 г.⁶⁸

После захвата части территории северной Финляндии Красной Армией правительство Куусинена начало работать с местным населением, пытаясь привлечь его на свою сторону. Первое собрание на оккупированной территории коммуны Суомуссалми провели 7 декабря 1939 г. в д. Пююккескюля. На нем было принято подготовленное жителем деревни Х. Тауриайненом приветственное обращение собрания к Красной Армии. Однако, как отмечают финляндские исследователи, передача приветствия закончилась конфузом, поскольку русские не поняли его из-за плохого перевода⁶⁹.

Одновременно на территории этой коммуны начали создаваться комитеты трудового народного фронта. 15 декабря 1939 г. прибывший из СССР финн А. Г. Ройне, красный офицер, провел в Юнтусранта собрание, на которое были собраны

все жители деревни и ближайших хуторов. По инициативе Ройне был избран исполнительный комитет Рухтинаансалми (Ruhtinaansalmen Toimeenpaneva Komitea), который был не чем иным, как комитетом трудового народного фронта Народного правительства, ему принадлежала вся исполнительная власть на территории Рухтинаансалми. Ройне сообщил, что все указания комитет будет получать непосредственно от представителя Народного правительства из Беломорской Карелии. Одновременно комитету предстояло организовать выполнение работ, необходимых советскому военному руководству. В комитет вошли 5 человек: Янне (Юхо) Юнтунен, Ханнес Кела, Ханна Кукконен (дочь Янне Юнтунена), Эйно Мойлонен и Юхо Лауронен. Председателем избрали Ханнеса Кела, секретарем — Ханну Кукконен⁷⁰.

17 декабря 1939 г. в доме Кююрёля собрали новое, более обширное собрание, на которое по инициативе представителя правительства Куусинена были приглашены жители и отдаленных хуторов. Собрание вел представитель Народного правительства, который выступил с докладом. Путем голосования (поднятием рук) собравшиеся выбрали новый комитет в количестве 7 человек, в него вошли: Янне Юнтунен, Юсси Сеппянен, Ханна Кукконен, Юхо Лауронен, Эйно Мойлонен, Сантте Маннинен и Отто Юнтунен. Правда, двое последних не присутствовали на собрании. На следующий день исполком вновь собрался и избрал председателем Юсси Тервонена, а секретарем Ханну Кукконен. Ответственным за торговлю избрали Янне Юнтунена⁷¹.

Как отмечают финляндские исследователи, параллельно с образованием исполнительного комитета Рухтинаансалми на территории коммуны Суомуссалми начали создаваться сельские комитеты. В декабре 1939 г. в д. Кианта в доме Мурто провели очередное собрание, на котором присутствовало более 10 человек. Инициатором собрания выступил Херманн Сеппянен. Он действовал по указанию русских. На собрании, которое открыл и вел сам Сеппянен, присутствовали представители из Яаппа, Коликка и Пеуро⁷².

В процессе создания народных комитетов возникли определенные противоречия между представителями сельских комитетов и исполкома. Янне Юнтунен считал, что сельские комитеты, которые жители создавали для решения общих дел своего села, не должны быть связаны с исполнительным комитетом⁷³. Однако на практике все основные вопросы решал исполком.

По мнению финляндских авторов, деятельность исполнительного комитета Рухтинаансалми и сельских комитетов коммуны Суомуссалми носила четко выраженный идеологический характер. Большая часть решений, которые принимали эти органы, содержала лозунги декларативного типа, например: «Дадим трудовому народу работу и уничтожим безработицу!» Однако на собраниях принимали и конкретные решения. Так, на большом собрании комитета в доме Кююрёля решили: «...привести в порядок дороги, построить новую школу на месте шюцкоровской, по-новому организовать кооперативную торговлю и, прежде всего, образовать группы для обеспечения безопасности жизни людей и защиты недвижимости и уничтожения шюцкоровцев (отряды самообороны)»⁷⁴.

Интересно определить: была ли польза от принятых решений? что же удалось сделать комитетам трудового народного фронта в северной части Восточной Финляндии за короткое время их существования? Ответы на эти вопросы можно найти в финляндских исследованиях. В них отмечается, что во второй поло-

вине декабря 1939 г. по требованию исполнительного комитета Рухтинаансалми коммуны Суомуссалми были открыты школы в деревнях Пююккескюля и Хаапаваара, но из-за противодействия преподавательского корпуса новым властям проработали они недолго. Были также открыты магазины. Товар в основном брали с магазинных складов, в меньшей мере он поступал от русских. В д. Юнтусранта склады магазина не пополнялись, хотя русские привозили сахар и табак, который продавали финнам за деньги⁷⁵.

Как подчеркивается в финляндских исследованиях, самым значительным делом исполнительного комитета Рухтинаансалми была организация дорожных работ от Юнтусранта до Линнасмяки и от Юнтусранта до границы с СССР в Лехтоваара по приказу руководства 9-й армии. На них работали 14 финнов-добровольцев, которым платили по 45 финских марок в день. Деньги брали из кассы кооперативного магазина. Расходы должны были возместить русские, но этого не произошло⁷⁶. Таким образом, жители Рухтинаансалми помогали Красной Армии строить дорогу, которая использовалась в ее интересах. Позже на судебных процессах представители Оборонительных Сил Финляндии заявляли, что строительство дорог во многом помогло Красной Армии. Однако не все финны, работавшие на дорожных работах, были осуждены за участие в них⁷⁷.

Позднее на судебных процессах наиболее тяжкие обвинения жителям Суомуссалми были выдвинуты в связи с принятием решения о создании «отрядов (групп) самообороны». По мнению судей, это свидетельствовало о борьбе против финской армии. Члены исполкома мотивировали создание отрядов (групп) желанием сохранить свои дома от финских дозоров, которые, приходя в деревни, жгли их.

Многие жители Суомуссалми по инициативе членов исполкома вступили в Финскую народную армию и участвовали в операциях, проводимых Красной Армией. Одни с оружием в руках, другие в качестве проводников. В журналах боевых действий частей финской армии есть упоминания «о говорящих по-фински» противниках. Возможно, некоторые из них были из Суомуссалми, по крайней мере один житель Суомуссалми погиб, воюя в составе РККА⁷⁸. На судебных процессах представители Оборонительных Сил Финляндии подчеркивали значение именно местных проводников в успешных действиях Красной Армии на первоначальном этапе.

После оккупации северных районов Восточной Финляндии перед командованием 9-й армии и Народным правительством встала масса вопросов, связанных с оставшимся местным населением. Не успевшие эвакуироваться люди, преимущественно женщины, дети и старики, оставшиеся без средств существования и интересовавшиеся в первую очередь проблемой собственного выживания, были плохим материалом для идеологической обработки. В результате образованным комитетам трудового народного фронта пришлось заниматься не столько агитационной, сколько административно-хозяйственной работой⁷⁹.

Одним из самых главных вопросов был продовольственный. Его скорейшее решение могло если не привлечь финское население к сотрудничеству с РККА, то хотя бы наладить с ним нейтральные отношения. Однако у Красной Армии были серьезные проблемы с продовольствием, поэтому пришлось обратиться к большевистскому опыту экспроприации продовольствия и раздачи его беднейшим слоям. В исполнительном комитете Рухтинаансалми и сельских коми-

тетах коммуны Суомуссалми избрали ответственных за продовольствие и торговлю. Экспроприацию начали с государственных и частных складов на захваченной территории. Инвентаризация проводилась по прямому указанию представителей Народного правительства, при этом решения принимались на общих собраниях через верных Народному правительству финских граждан. Так, 7 декабря 1939 г. на собрании в д. Пююккескюля Ханнес Тауриайнен и Ууно Юнтунен докладывали о первых результатах инвентаризации складов. Перед собранием У. Юнтунен по указанию РККА пытался склонить его участников к принятию решения о конфискации склада магазина Яхветти Хуотари для нужд Красной Армии и перевозке его в д. Юнтусранта, однако участники собрания не согласились обсуждать этот вопрос⁸⁰. Во второй половине декабря 1939 г. представитель исполнительного комитета Рухтинаансалми Янне Юнтунен с помощниками провели инвентаризацию склада магазина в д. Юнтусранта и раздали имевшиеся в магазине товары⁸¹.

Как пишут финляндские исследователи Р. Хейккинен и М. Лакман, в Финляндии знали о проведении собраний и создании исполнительного комитета Народного правительства Куусинена на территории Суомуссалми. В занятых Красной Армией районах с помощью русских издавали газету «Kansanvallan Ääni» («Голос народной власти»). Возможно, финны получали информацию о собраниях и исполнительном комитете из нее. 3 февраля 1940 г. в газете «Kainuun Sanomat» была опубликована статья под названием «Пять недель в “освобожденном” русскими Рухтинаансалми». В ней речь шла о 60 финских гражданах, проживавших на оккупированной Красной Армией территории и освобожденных наступавшими финскими войсками. Жителям Рухтинаансалми задавались вопросы о собраниях в Кююрёля и о магазине. Ответы были в духе того времени: на собрание приводили насильно, а из торговли ничего не получилось. Интерес представляет тот факт, что уже во время войны статья разоблачала известную в Финляндии часть населения, добровольно сотрудничавшую с Красной Армией⁸².

Отход от первоначального плана деятельности спецбригад Народного правительства на всем фронте боевых действий обозначился уже в декабре 1939 г. и был обусловлен сложной военной обстановкой. Комитеты трудового народного фронта вынуждены были заниматься не столько агитационной, сколько административно-хозяйственной работой⁸³. Это в первую очередь относится и к коммуне Суомуссалми, где начиная с двадцатых чисел декабря 1939 г. процесс образования КТНФ приостановился, поскольку наступление Красной Армии было прервано и ее войска отходили, неся ощутимые потери. Более того, созданные комитеты перестали играть предназначенную им роль местных органов власти, поскольку в условиях осложнившейся обстановки на фронте командование Красной Армии перестало считаться с ними.

Вместе с тем в д. Юнтусранта еще 31 декабря 1939 г. комитет трудового народного фронта работал: в этот день выплачивали зарплату⁸⁴. В первой половине февраля 1940 г. небольшая часть населения Суомуссалми была интернирована в Калевальский район Советской Карелии, после чего деятельность сельских комитетов была свернута. Хотя надо отметить, что формально исполнительный комитет работал и в спецпоселке Кануссуо, и в д. Кинтезьма Калевальского района Карелии весь период Зимней войны.

Несмотря на сложную ситуацию на советско-финляндском фронте, связанную с неудачами Красной Армии в начальный период войны и переходом ее частей

в конце декабря 1939 г. к обороне, а также тем, что финское население на занятых территориях оказалось крайне немногочисленным, Народное правительство Финляндии предполагало продолжить свою деятельность и в дальнейшем. Как отмечают Н. И. и В. Н. Барышниковы, Куусиненом был представлен план работы на февраль 1940 г. «по обслуживанию населенных пунктов», подведомственных Народному правительству. В соответствии с этим планом предполагалось развивать «экономическую, медицинскую и культурно-образовательную работу», появилась даже идея создать «народную милицию»⁸⁵.

Кроме того, в центральных и карельских архивах нами были обнаружены планы работ на февраль 1940 г. бригад Народного правительства по обслуживанию населенных пунктов. Так, в плане работы на этот месяц бригадира бригады по направлению Суоярви Карпова значилось 10 пунктов, в их числе: уточнить земельные площади в населенных пунктах и провести распределение бесхозной земли среди не имеющих земли середняков и бедняков, установить наличие семян и искусственных удобрений у населения и фактическую потребность для проведения весеннего сева, разрешить вопрос о тягловой силе (для безлошадных) и др.⁸⁶ Для выполнения всех этих мероприятий был составлен график выезда представителей правительства Куусинена в феврале 1940 г. в населенные пункты Суоярвского района.

Однако всем этим планам не суждено было сбыться. 30 января 1940 г. перед началом февральского наступления советских войск Главный Военный совет Красной Армии издал директиву, согласно которой предусматривалось переселение финских граждан на восток, вглубь территории СССР⁸⁷. На основе этой директивы все население с территории Восточной Финляндии в начале февраля 1940 г. было выселено в приграничные районы Карелии в процессе общей эвакуации всего гражданского населения республики из приграничной 40-километровой полосы. В этой связи деятельность комитетов трудового народного фронта в первой половине февраля 1940 г. практически была свернута.

После этого стала затухать работа и членов самого Териокского правительства. Информация о нем все реже появлялась в советской печати. Одним из последних сообщений стала публикация в конце февраля 1940 г. в центральных газетах обращения Народного правительства к наркому обороны СССР К. Е. Ворошилову по случаю празднования Дня Красной Армии⁸⁸. О последних днях работы правительства Куусинена Н. И. и В. Н. Барышниковы пишут следующее: «Из отдельных воспоминаний (членов Териокского правительства. — С. В.) известно, что “премьер-министр” все еще продолжал много работать, взбадривая себя с помощью кофе. Но остальные не собирались, как прежде, на общие заседания, поскольку в этом почти не было необходимости. Их встречи чаще всего происходили во время эпизодических лыжных прогулок в ближайших окрестностях Териоки. Правда, по рассказам Инкери Лехтинен, несмотря на то что в последнее время правительство вело незанятой образ жизни, все же рассматривались отдельные вопросы по мере того, как они возникали»⁸⁹.

Однако идеологическая работа от имени Народного правительства Финляндии продолжалась до самого окончания военных действий между СССР и Финляндией. Так, Политуправление Северо-Западного фронта в начале марта 1940 г. докладывало в Ленинградский обком и горком ВКП(б) о том, что с 23 февраля по 5 марта 1940 г. в качестве агитационно-пропагандистского материала было издано пять номеров газеты «Kansan Valta», напечатано три листовки обраче-

"УТВЕРЖАЮ"

ОДН. КОМИССАРИ ВНЕШ. ДЕЛ
СОВЕТА С.С.С.Р.

(С. БЕРН)

И Н С Т Р У К Ц И Я

Местным Комиссиям по эвакуации финского населения с территории, отошедшей к Советскому Союзу, в Финляндию.

1. Местная Комиссия осуществляет задачу эвакуации финского населения, в соответствии с постановлением СНК СССР от 4.V-40 г., под руководством Центральной Комиссии по эвакуации.

2. В функции местной комиссии входят: выяснение в пределах своего района числа, местонахождения, рода занятий и национальности лиц, подлежащих эвакуации.

3. Местная Комиссия выявляет желающих эвакуироваться на территорию Финляндии, путем публикации извещения и личных переговоров, сохраняя при этом принцип добровольности.

4. Местная Комиссия принимает заявления от желающих эвакуироваться, составляет списки и готовит людей к эвакуации.

Списки составляются в течение пятидневного срока в 3-х экземплярах на русском языке. Намечает план эвакуации, маршрут движения, вид транспорта и сроки.

Примечание: Один экземпляр списка остается на руках у местной комиссии, один передается пограничным властям на пропускной пункт и один высылается в Центральную Комиссию.

ний солдат Красной Армии к финским солдатам, подготовлены листовки финских солдат с их фотографиями к солдатам армии Финляндии. Продолжалась работа финской редакции Ленинградского радиокомитета. С 1 по 19 февраля 1940 г. в эфир вышло 369 передач объемом 107 часов, из которых на политические передачи приходилось 70 часов 35 минут⁹⁰.

Официально правительство Куусинена просуществовало до конца Зимней войны. 12 марта 1940 г. переговоры в Москве между делегациями СССР и Финляндии завершились подписанием советско-финляндского мирного договора. В результате правительству не осталось ничего иного, кроме как самораспуститься. Правда, документ о роспуске Народного правительства до сих пор не обнаружен в российских архивах. Вполне возможно, что это решение было принято Сталиным устно, без соответствующего письменного оформления.

Судя по архивным документам, почерпнутым нами из фондов архивов С.-Петербурга и Петрозаводска, население Северо-Запада России в связи с заключением мира задавало много вопросов представителям власти: «Где сейчас Народное

правительство Финляндии и что с ним будет?», «Почему договор о мире подписан с правительством в Хельсинки, а не с Народным правительством?», «Будет ли оставаться в силе договор, заключенный правительством СССР с Народным правительством Финляндии?» и т. д.⁹¹ После окончания советско-финляндской войны 1939—1940 гг. О. В. Куусинен и ряд бывших членов его правительства продолжили свою деятельность в созданной 31 марта 1940 г. новой союзной республике в составе СССР — Карело-Финской ССР.

- 1 Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во Второй мировой войне. Л., 1989. С. 41.
- 2 Документы внешней политики СССР. Т. 18. М., 1973. С. 143.
- 3 Цит. по: Мерецков К. А. На службе народу. М., 1984. С. 173.
- 4 Барышников В. Н. От прохладного мира к зимней войне: Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. СПб., 1997. С. 173.
- 5 Там же. С. 173—177.
- 6 Зимняя война: документы о советско-финляндских отношениях 1939—1940 гг. // Международная жизнь. 1989. № 8. С. 56; Барженев Т., Комиссаров Ю. Тридцать лет добрососедства. М., 1976. С. 37.
- 7 Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во Второй мировой войне. С. 50.
- 8 Там же. С. 62.
- 9 Там же. С. 73—74.
- 10 Архив УФСБ РФ по РК, ф. 35, п/ф. 20, оп. 1, д. 57, л. 46, 47.
- 11 Там же, л. 40, 41.
- 12 ЦАМО, ф. 25888, оп. 14, д. 2, л. 1; Знамя. 1988. № 5. С. 79—80.
- 13 Правда. 1939. 3 нояб.
- 14 Там же. 26 нояб.
- 15 Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во Второй мировой войне. С. 77.
- 16 Килин Ю. М. Карелия в политике Советского государства, 1920—1941. Петрозаводск, 1999. С. 195.
- 17 Там же.
- 18 Там же.
- 19 Барышников Н. И., Барышников В. Н. Правительство в Терийоки // Зимняя война, 1939—1940: Политическая история. Кн. 1. М., 1999. С. 177.
- 20 Правда. 1939. 30 нояб.; Донгаров А. Г. Правительство Куусинена: Эпизод советско-финляндской войны 1939—1940 годов // Вестник Министерства иностранных дел СССР. 1989. № 22 (56). С. 79.
- 21 Веригин С. Г. Териокское правительство во внешней политике СССР в 1939—1940 гг. // Международные отношения на Севере Европы: история и современность: Тезисы докл. и сообщ. на междунар. науч. семинаре 25—28 октября 1999 г. Мурманск, 1999. С. 24—25.
- 22 Барышников Н. И., Барышников В. Н. Правительство в Терийоки // Зимняя война, 1939—1940: Политическая история. С. 180.
- 23 Там же. С. 180—181.

- 24 *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П.* История Териокского правительства в финляндской исторической литературе // Политическая история и историография: (от античности до современности). Петрозаводск, 1994. С. 115—122.
- 25 *Барышников Н. И., Барышников В. Н.* Рождение и крах «Терийокского правительства» (1939—1940 гг.). СПб.; Хельсинки, 2003. С. 277.
- 26 *Jussila O.* Terijoen hallitus 1939—1940 // *Maailma ja me.* 1989. № 9. S. 57.
- 27 *Jussila O.* Terijoen hallitus 1939—1940. S. 58; *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П.* История Териокского правительства в финляндской исторической литературе. С. 118—119.
- 28 *Барышников Н. И., Барышников В. Н.* Правительство в Терийоки. С. 180—183.
- 29 *Upton A.* Kommunismi Suomessa. Rauma, 1970. S. 141.
- 30 *Seppälä H.* Itsenäisen Suomen puolustuspolitiikka ja strategia. Porvoo; Helsinki, 1974. S. 167—168; *Paasikivi J.* Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939—1941. Porvoo; Helsinki; Juva, 1986. S. 133—134; *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. Porvoo; Helsinki, 1970. S. 201—206;
- 31 РГАСПИ, ф. 77, оп. 4, д. 47, л. 21.
- 32 *Барышников Н. И., Барышников В. Н.* Правительство в Терийоки. С. 185.
- 33 *Jakobson M.* Diplomaattien talvisota. Helsinki, 1951. S. 343.
- 34 АВПРФ, ф. 06, оп. 2, п. 25, д. 318, л. 22—24; *Международная жизнь.* 1989. № 12. С. 219.
- 35 АВПРФ, ф. 06, оп. 2, п. 25, д. 318, л. 32; *Международная жизнь.* 1989. № 12. С. 219.
- 36 АВПРФ, ф. 06, оп. 2, п. 25, д. 315, л. 9—18; *Международная жизнь.* 1989. № 12. С. 225.
- 37 *Барышников Н. И., Барышников В. Н.* Правительство в Терийоки. С. 186.
- 38 *Upton A.* Kommunismi Suomessa. S. 141.
- 39 КГАНИ, ф. 3, оп. 5, д. 278, л. 8.
- 40 Там же, д. 288, л. 8—9; д. 296, л. 13.
- 41 Там же, д. 25, л. 10.
- 42 Там же, д. 176, л. 9; д. 162, л. 79.
- 43 Там же, л. 18—19.
- 44 Там же, д. 448, л. 14.
- 45 Там же, л. 16—18; д. 296, л. 13.
- 46 *Килин Ю. М.* Карелия в политике Советского государства... С. 197.
- 47 КГАНИ, ф. 3, оп. 5, д. 288, л. 1—2; *Килин Ю. М.* Карелия в политике Советского государства, 1920—1941. С. 197.
- 48 *Килин Ю. М.* Карелия в политике Советского государства, 1920—1941. С. 197.
- 49 РГАСПИ, ф. 522, оп. 1, д. 46, л. 14.
- 50 Там же, л. 43—44.
- 51 *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П.* Интернированные финны // *Север.* 1995. № 3. С. 94.
- 52 РГАСПИ, ф. 522, оп. 1, д. 47, л. 3.
- 53 КГАНИ, ф. 3, оп. 5, д. 288, л. 3—4.
- 54 РГАСПИ, ф. 516, оп. 2, д. 33, л. 1—8.
- 55 ЦГАИПД, ф. 24, оп. 28, д. 943, л. 1—3.
- 56 Там же, л. 3—4.
- 57 ГАРФ, ф. 5446, оп. 24 а, д. 1459, л. 6.
- 58 Там же, л. 9.
- 59 Там же, оп. 23а, д. 1497, л. 1.
- 60 Там же.

- 61 РГАСПИ, ф. 77, оп. 4, д. 47, л. 60—61.
- 62 Там же, ф. 522, оп. 1, д. 46, л. 15—16.
- 63 Там же, л. 16—17.
- 64 Там же, л. 48—49.
- 65 Там же, л. 49.
- 66 См., например: Hyrynsalmi 1940 Talvi- ja syyskäräjät, syyskäräjän varsinaisasiat Clai79. Tapaus 44, Taavetti Herman Kallenpoika Heikkinen. Liite B: Valpon kuulustelupöytäkirja 27.1.1940; *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П., Кямярйнен Ю.* Заложники Зимней войны: (Интернированные финны на территории Калевальского района Советской Карелии в период Зимней войны 1939—1940 годов). Петрозаводск; Йёнсуу; Суомуссалми, 2004. С. 60.
- 67 Hyrynsalmi 1940 Talvi- ja syyskäräjät, syyskäräjän varsinaisasiat Clai79. Tapaus 45, Janne (Juho) Kallenpoika Juntunen. Liite B: Valpon kuulustelupöytäkirja 6—10.2.1940; *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П., Кямярйнен Ю.* Заложники Зимней войны. С. 61.
- 68 Karttimo — Salminen 1992, 227—231; *Martikainen T.* Talvisodan evakot ja siviilisotavangit. Jyväskylä, 2000. S. 104; *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П., Кямярйнен Ю.* Заложники Зимней войны. С. 61.
- 69 Hyrynsalmi 1940 Talvi- ja syyskäräjät, syyskäräjän varsinaisasiat Clai79. Tapaus 2, Juho Esaias Iikanpoika Manninen. Liite B: Valpon kuulustelupöytäkirja 13.4.1940; *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П., Кямярйнен Ю.* Заложники Зимней войны. С. 61.
- 70 Hyrynsalmi 1940 Talvi- ja syyskäräjät, syyskäräjän varsinaisasiat Clai79. Tapaus 45, Janne (Juho) Kallenpoika Juntunen. Liite B: Valpon kuulustelupöytäkirja 6—10.2.1940; *Heikkinen R., Lackman M.* Korpikansan kintereillä. Kainuun työväenliikkeen historia. Koillissanomat OY Kuusamo. Kainuun työväenliikkeen historiatoimikunta, 1986. S. 355; *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П., Кямярйнен Ю.* Заложники Зимней войны. С. 62.
- 71 Hyrynsalmi 1940 Talvi- ja syyskäräjät, syyskäräjän varsinaisasiat Clai79. Tapaus 45, Janne (Juho) Kallenpoika Juntunen. Liite B: Valpon kuulustelupöytäkirja 6—10.2.1940; *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П., Кямярйнен Ю.* Заложники Зимней войны. С. 62.
- 72 Hyrynsalmi 1940 Talvi- ja syyskäräjät, syyskäräjän varsinaisasiat Clai79. Tapaus 2, Simo Abrahaminpoika Tauriainen. Liite A: Valpon kuulustelupöytäkirja 4—5.3.1940; *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П., Кямярйнен Ю.* Заложники Зимней войны. С. 63.
- 73 Hyrynsalmi 1940 Talvi- ja syyskäräjät, syyskäräjän varsinaisasiat Clai79. Tapaus 45, Janne (Juho) Kallenpoika Juntunen. Liite B: Valpon kuulustelupöytäkirja 6—10.2.1940; *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П., Кямярйнен Ю.* Заложники Зимней войны. С. 63.
- 74 *Heikkinen R., Lackman M.* Korpikansan kintereillä. Kainuun työväenliikkeen historia. S. 355.
- 75 Hyrynsalmi 1940 Talvi- ja syyskäräjät, syyskäräjän varsinaisasiat Clai79. Tapaus 45, Janne (Juho) Kallenpoika Juntunen. Liite B: Valpon kuulustelupöytäkirja 6—10.2.1940; *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П., Кямярйнен Ю.* Заложники Зимней войны. С. 64.
- 76 Hyrynsalmi 1940 Talvi- ja syyskäräjät, syyskäräjän varsinaisasiat Clai79. Tapaus 45, Janne (Juho) Kallenpoika Juntunen. Liite B: Valpon kuulustelupöytäkirja 6—10.2.1940; *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П., Кямярйнен Ю.* Заложники Зимней войны. С. 64.
- 77 КА. Antti Seppäsen kuulustelupöytäkirja; ОМА. Oulun lääninvankilan arkisto, nimilehdet v. 1940, Bea: 20; *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П., Кямярйнен Ю.* Заложники Зимней войны. С. 64.
- 78 SA. 513 Sotapäiväkirja Er. P. 16; Hyrynsalmi 1940 Talvi ja syyskäräjät, syyskäräjän varsinaisasiat Clai79. Tapaus 45, Janne (Juho) Kallenpoika Juntunen. Liite B: Valpon kuulustelupöytäkirja 6—10.2.1940. Clai79. ОМА; *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П., Кямярйнен Ю.* Заложники Зимней войны. С. 65.
- 79 НА РК, ф. 690, оп. 12, д. 10/90, л. 11; *Килин Ю. М.* Карелия в политике Советского государства, 1920—1941. С. 197—198.

- 80 Hyrynsalmi 1940 Talvi- ja syyskäräjät, syyskäräjän varsinaisasiat Cl179. Tapaus 45, Janne (Juho) Kallenpoika Juntunen. Liite B: Valpon kuulustelupöytäkirja 6—10.2.1940; Ibid. Tapaus 2, Simo Abrahaminpoika Tauriainen. Liite A: Valpon kuulustelupöytäkirja 4—5.3.1940; Ibid. Tapaus 2, Juho Esaias Iikanpoika Manninen. Liite B: V AK:n kuulustelupöytäkirja 13.4.1940; *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П., Кямярйнен Ю.* Заложники Зимней войны. С. 66.
- 81 Hyrynsalmi 1940 Talvi- ja syyskäräjät, syyskäräjän varsinaisasiat Cl179. Tapaus 45, Janne (Juho) Kallenpoika Juntunen. Liite B: Valpon kuulustelupöytäkirja 6—10.2.1940; Ibid. Tapaus 2, Simo Abrahaminpoika Tauriainen. Liite A: Valpon kuulustelupöytäkirja 4—5.3.1940; Ibid. Tapaus 2, Juho Esaias Iikanpoika Manninen. Liite B: V AK:n kuulustelupöytäkirja 13.4.1940; Ibid. Tapaus 45, Janne (Juho) Kallenpoika Juntunen. Liite B: Valpon kuulustelupöytäkirja 6—10.2.1940. *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П., Кямярйнен Ю.* Заложники Зимней войны. С. 66.
- 82 *Heikkinen R., Lackman M.* Korpikansan kintereillä. Kainuun työväenliikkeen historia. S. 353; *Kainuun Sanomat.* 1940. 03.02; *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П., Кямярйнен Ю.* Заложники Зимней войны. С. 67. .
- 83 НА РК, ф. 690, оп. 12, д. 10/90, л. 11; *Килин Ю. М.* Карелия в политике Советского государства, 1920—1941. С. 197—198.
- 84 Архив УФСБ РФ по РК, ФПД, д. П-12537, л. 7.
- 85 *Барышников Н. И., Барышников В. Н.* Рождение и крах «Терийокского правительства» (1939—1940 гг.). СПб., 2003. С. 208.
- 86 РГАСПИ, ф. 522, оп. 1, д. 46, л. 43.
- 87 РГВА, ф. 34980, оп. 5, д. 51, л. 3.
- 88 *Барышников Н. И., Барышников В. Н.* Рождение и крах «Терийокского правительства» (1939—1940 гг.). С. 207.
- 89 Там же. С. 211.
- 90 ЦГАИПД, ф. 24, оп. 26, д. 4327, л. 153—178; оп. 28, д. 943, л. 2—12.
- 91 Там же, оп. 28, д. 4215, л. 105—108.

1.3. Фортирование и боевые действия финской народной армии в 1939–1940 гг.

Впервые об образовании Финской народной армии (ФНА) было сказано в Декларации Народного правительства Финляндии от 1 декабря 1939 г., опубликованной в газете «Правда». Ее текст гласил: «Для участия в совместной борьбе рука об руку с героической Красной Армией СССР Народное правительство Финляндии уже сформировало первый финский корпус, который в ходе предстоящих боев будет пополняться добровольцами из революционных рабочих и крестьян и должен стать крепким ядром будущей Народной армии Финляндии. Первому финскому корпусу предоставляется честь принести в столицу знамя Финляндской Демократической Республики и водрузить его на крыше президентского дворца на радость трудящимся и страх врагам народа». Возглавил корпус Аксель Анттила, занявший также пост министра обороны в Народном правительстве.

Несколько дней спустя в той же «Правде» появилась «Резолюция первого корпуса Народной армии Финляндии», в которой выражалась полная поддержка Териокского правительства и высказывалась решимость «до конца разгромить остатки господствовавшей в Финляндии и свергнутой ныне власти бандитской шайки каяндеров и им подобных вроде правительства таннеров, которые всегда продавали и продают интересы финского народа иностранным империалистам и в угоду им вовлекли финский народ в преступную войну против СССР»¹.

Тексты всех документов о ФНА, так же как и о правительстве Куусинена, были написаны в традиционном для советской печати тех лет стиле и рассчитаны, прежде всего, на пропагандистский эффект: если не удастся ввести в заблуждение мировое общественное мнение, то хотя бы убедить советский народ относительно справедливых целей в войне против Финляндии.

Все дальнейшие публикации «Правды» продолжали формировать у читателей газеты веру в справедливость борьбы бойцов ФНА, самоотверженно сражавшихся за освобождение своего народа. В статьях и заметках сообщалось, что «бойцы и командиры — это представители трудового народа Финляндии: рабочие, крестьяне, трудовая интеллигенция», постоянно подчеркивалось, что каждый боец ФНА знает, за что борется, народоармейцы полны решимости «показать Маннергеймам, как умеют драться настоящие финны». И «население освобожденных от белофиннов селений восторженно встречает народоармейцев».

Такова была официальная точка зрения. Но что же на самом деле представляла собой ФНА? Очевидно, что решение о ее формировании было принято Сталиным еще до начала военных действий против Финляндии, так как за два первых дня войны создать первый корпус Народной армии было невозможно.

Финляндские и российские исследователи, занимавшиеся этими вопросами, полагают, что политическое решение о создании ФНА принималось в Москве в середине ноября 1939 г., когда окончательно зашли в тупик советско-финляндские переговоры. Вполне возможно, что оно принималось одновременно с решением о создании Народного правительства. Это подтверждают и архивные документы из фондов Российского государственного военного архива (РГВА), к которым сравнительно недавно получили доступ исследователи. 19 ноября 1939 г. нарком обороны К. Е. Ворошилов подписал приказ об образовании в Ленинградском военном округе (ЛВО) особого воинского подразделения — 106-й стрелковой дивизии, командиром которой назначался А. Анттила, финн по национальности, бывший до этого командиром 147-й дивизии Харьковского военного округа. 106-я дивизия должна была формироваться в Карелии и Ленинградской области из финнов, ингерманландцев, карел, а также лиц, владевших финским или карельским языком².

Однако создать ФНА полностью из национальных кадров не удалось. Возможно, что такая задача и не ставилась Сталиным. Большинство высших командных должностей в ФНА занимали русские. Средний и младший командный состав формировался в основном из национальных кадров. Впрочем, по свидетельствам очевидцев, были случаи, когда на одну офицерскую должность назначались два человека — финн и инспектирующий его русский. И только в рядовом составе преобладали финны и карелы.

Надо отметить, что в Карелии уже был опыт формирования национальных воинских подразделений. 15 октября 1925 г. по инициативе правительства республики в Петрозаводске был сформирован отдельный карельский егерский батальон. Его командиром стал красный финн Э. Маттсон. Батальон состоял из трех стрелковых и одной саперно-пулеметной роты, имел взвод конных разведчиков, взвод связи, артиллерийский взвод, саперно-маскировочный взвод, хозяйственную команду, а также команду музыкантов. Общая численность бойцов батальона в 1927 г. составляла 722 человека³.

Рядовой состав в батальон поступал по осеннему призыву из карельских деревень, комсостав был исключительно финским — из Петроградской интервоеншкола. Среди рядового состава подавляющее большинство составляли карелы (65 %) и русские (34 %), среди среднего и старшего командного состава преобладали финны (60 %). Первая рота была смешанной, вторая рота — русская, третья — карельская⁴.

20 ноября 1930 г. бюро Карельского обкома ВКП(б) приняло специальное постановление «О необходимости развертывания отдельного карельского егерского батальона в отдельную егерскую бригаду» в связи с усилением «угрозы войны со стороны капиталистического мира против СССР». Создание отдельной карельской егерской бригады (ОКЕБ) было завершено к концу декабря 1931 г.⁵

Однако бригада просуществовала недолго. Осенью 1935 г. сменилось партийно-советское руководство Карелии и началась «борьба с финским буржуазным национализмом», провозглашенная V пленумом Карельского обкома партии (октябрь 1935 г.). Еще в январе 1935 г. бригаду из егерской переименовали в стрелковую, а в марте было принято решение о ее расформировании. К декабрю 1935 г. ОКЕБ перестала существовать⁶. Начались репрессии против военнослужащих бригады. Первый ее командир Э. Маттсон был арестован 28 мая 1936 г. в Москве; последний командир Николай Кальван был расстрелян в 1938 г. Всего было репрессировано свыше 200 командиров, сержантов и рядовых ОКЕБ. Из гордости республики егерская бригада к концу 1930-х гг. превратилась в «гнездо шпионов, националистов и заговорщиков»⁷.

На основе 106-й стрелковой дивизии по приказу К. Е. Ворошилова от 23 ноября 1939 г. в Петрозаводске началось формирование Управления и частей горно-стрелкового корпуса (ГСК) ФНА. В Управление корпуса вошли: командир — комдив Аксель Моисеевич Анттила, военный комиссар — бригадный комиссар Филипп Иванович Егоров, начальник штаба — комбриг Федор Николаевич Романов, всего — 33 человека. Одновременно был создан и политотдел корпуса в составе 12 человек, в их числе: начальник политотдела — полковой комиссар Владимир Петрович Терешкин, его заместитель — Федор Николаевич Григорьев, редактор корпусной газеты «Kansan armeija» («Народная армия») — Михаил Иванович Мелентьев, секретарь партбюро управления — Петр Иванович Лайтинен и др.⁸

Шло формирование корпусных частей: отдельного саперного батальона, батальона связи, отдельного зенитного артиллерийского дивизиона, особого отдела, прокуратуры, трибунала, а также стрелковых дивизий. Оперативность выполнения приказа наркома обороны К. Е. Ворошилова о развертывании частей ФНА в ноябре 1939 г. в определенной мере определялась предварительной работой, осуществленной ранее — в конце лета — начале осени 1939 г. Вполне допустимо здесь, на наш взгляд, связать с пактом Молотова — Риббентропа от 23 августа 1939 г. и секретным протоколом к нему. Именно по нему Финляндия была отнесена к сфере интересов Советского Союза.

В это время (конец лета — начало осени 1939 г.) в армии стали восстанавливать офицеров запаса — финнов по национальности, ранее лишенных офицерских званий и права служить в Красной Армии. В упоминавшихся выше воспоминаниях участников тех событий хорошо показан этот процесс.

Так, П. М. Курхинен (ингерманландец, пенсионер, проживавший в Петрозаводске) был призван в Красную Армию в 1930 г., после окончания офицерских кур-

сов проходил службу сначала в Луге, а затем в Петрозаводске в артиллерийском дивизионе карельской егерской бригады; в 1932 г., по истечении срока службы был уволен в запас. Несколько лет спустя его вызвали в один из ленинградских военкоматов, где сняли с воинского учета и выдали «белый билет». Подобное было проделано со многими офицерами запаса финской национальности, формулировка у всех была одна: «из-за невозможности использовать в РККА». Однако в конце лета 1939 г. Курхину вернули военный билет и восстановили в офицерском звании. В ноябре этого же года он был мобилизован и назначен командиром взвода 1-го артиллерийского полка ФНА⁹.

Что касается кадровых офицеров — финнов и ингерманландцев, то их судьба сложилась еще трагичнее: многие из них в 1935—1938 гг. были арестованы и погибли в сталинских застенках. В 1939 г. тех из них, кто еще остался в живых, освобождали из заключения и возвращали в армию.

В сентябре 1939 г. был восстановлен в звании капитана Красной Армии бывший кадровый военный Валтер Валли, арестованный летом 1938 г. В период Зимней войны он занимал должность заместителя начальника оперативного отдела штаба 1-го стрелкового корпуса. Начальник штаба 1-го артиллерийского полка корпуса Александр Кийранен, погибший в последние дни войны при взятии Выборга, попал в ФНА прямо из тюрьмы города Минска. Полковник А. Аланнэ накануне Зимней войны был освобожден из-под ареста и сразу же назначен командиром отдельного стрелкового полка ФНА, находившегося в составе 14-й армии на мурманском направлении. И таких примеров можно привести много.

29—30 ноября 1939 г. основные соединения ФНА в составе двух стрелковых дивизий (СД), сформированных в Петрозаводске, были переброшены в ЛВО и сосредоточены на Карельском перешейке в полосе действий 7-й армии (командующий К. А. Мерецков). Небольшая часть ФНА в составе одного стрелкового полка под командованием полковника А. Аланнэ была переброшена на участок 14-й армии (командующий В. А. Фролов) за Полярный круг в район Петсамо со специальной задачей — после установления власти Народного правительства в Хельсинки обеспечить охрану Финляндской Демократической Республики на финско-шведской и финско-норвежской границе. Так что к моменту опубликования в советской печати Декларации Народного правительства Финляндии основное ядро 1-го корпуса ФНА действительно существовало и находилось на пути к только что занятому Красной Армией г. Териоки.

Управление 1-го ГСК ФНА разместилось в Ленинграде на Фонтанке, 90; штаб корпуса — в Териоки. Еще до начала военных действий прошла экипировка бойцов Народной армии, причем здесь возникла сложная ситуация: как обмундировать народоармейцев? Одевать их в форму РККА было нельзя — ведь перед всем миром было объявлено, что ФНА является армией независимой демократической Финляндии. Выход нашли: бойцов ФНА стали одевать в польскую армейскую форму, захваченную Красной Армией в сентябре 1939 г. в районах Восточной Польши (Западной Белоруссии и Западной Украины), предварительно заменив польские конфедератки на шапки-ушанки и споров шевроны с белокрылым орлом. Вот как описывался внешний вид народоармейцев в советской печати в период Зимней войны: «На них зеленоватые шинели и шапки-треухи из светлого меха; плечевые ремни пропущены в погоны, в петлицах на воротниках треугольники; ремни новенькие, желтые»¹⁰.

До последнего времени трудно было определить численность и организационную структуру ФНА. Финляндские исследователи писали о двух или трех дивизиях, входивших в состав корпуса и насчитывающих от 6 до 10 тыс. человек. В статье Н. и В. Барышниковых, опубликованной в Финляндии в 1989 г., назывались три дивизии — две на Выборгском направлении и одна в Суоярви¹¹. В книге «Зимняя война, 1939—1940. Политическая история» эти же авторы уточняют численность: «В конечном счете был образован 1-й корпус Финской народной армии в составе 1-й и 2-й дивизий, имевший два полка в каждой, а также отдельный танковый полк и авиационную эскадрилью». Общая численность созданных формирований достигла к середине декабря 18 тыс. человек¹². В романе О. Тихонова «Свидетель» приведены воспоминания кадрового военного, полковника в отставке А. М. Столярова, по словам которого, в состав 1-го корпуса ФНА входило четыре дивизии: первые две дислоцировались на Карельском перешейке; третья — на северо-западе Карелии в районе Суоярви — Поросозеро; четвертая — на мурманском направлении.

Но даже сейчас, когда исследователи получили возможность познакомиться с недоступными ранее документами Российского государственного военного архива (РГВА), в том числе и по Зимней войне, сложно дать полную картину формирования и военных действий ФНА. Дело в том, что в течение всей зимней кампании шло переформирование и переброска отдельных соединений корпуса с одного участка фронта на другой, перемещение командиров и политработников с одной должности на другую, постоянное пополнение за счет добровольцев (в основном финнов и карел из Карелии и Ленинградской области).

Попытаемся все же восстановить этот процесс. Как уже отмечалось выше, в начале декабря 1939 г. на Карельском перешейке в полосе 7-й армии были сосредоточены главные силы ФНА: 1-я СД (командир — полковник Алексей Александрович Гречкин, комиссар — батальонный комиссар Николай Александрович Дильденкин, с середины декабря 1939 г. замененный на полкового комиссара Александра Федоровича Кириллова) и 2-я СД (командир — полковник Григорий Александрович Зверев, комиссар — сначала старший политрук А. В. Киуру, затем — полковой комиссар Н. А. Замков). Один стрелковый полк (командир —

полковник А. Аланнэ, военный комиссар — Н. Н. Сорокин) в составе 14-й армии находился на Кольском полуострове. В середине декабря 1939 г. с Карельского перешейка на петрозаводское направление для выполнения специального задания был переброшен 5-й стрелковый полк ФНА. Вместе с ним выехал бывший комиссар 1-й СД Н. А. Дильденкин.

7 января 1940 г. А. А. Жданов, О. В. Куусинен и А. М. Анттила написали письмо в адрес И. В. Сталина и К. Е. Ворошилова, в котором говорилось: «Кроме уже утвержденного наркомом обороны 1-го ГСК в составе двух стрелковых дивизий на Карельском перешейке просим с учетом дополнительного призыва утвердить: а) формирование на участке 8-й армии в районе Суоярви одной стрелковой дивизии; б) на участке 9-й армии в районе Ухты отдельного стрелкового полка; в) на участке Петсамо — Торнио пограничной дивизии. Одновременно просим Вашего указания командующим 8, 9 и 14-й армий об обеспечении названных частей всеми видами довольствия»¹³.

Эта просьба была поддержана Сталиным. На основе 5-го стрелкового полка на участке 9-й армии (командующий Г. М. Штерн) в районе Поросозеро — Суоярви была сформирована 3-я СД ФНА, командиром которой был назначен подполковник Т. А. Томмола, а комиссаром стал Н. А. Дильденкин. В первой половине января 1940 г. на ухтинское направление в полосу действий 9-й армии (командующий В. И. Чуйков) был переброшен батальон (позднее переформированный в 7-й отдельный стрелковый полк ФНА) под командованием капитана Туоминена. В конце февраля 1940 г. из-за неудачных действий подразделения Туоминен был снят с должности и заменен на Ивана Михайловича Петрова (Тойво Вякя). На мурманском направлении на участке 14-й армии отдельный стрелковый полк под командованием А. Аланнэ был переформирован в 4-ю пограничную дивизию ФНА с задачей охраны государственной границы будущей Финляндской Демократической Республики.

Таким образом, части ФНА были разбросаны на огромном протяжении фронта от Финского залива до побережья Баренцева моря. Однако говорить о том, что все они были полностью укомплектованы личным составом и хорошо вооружены, нельзя. Как показывает анализ архивных документов (особенно переписка командиров отдельных частей корпуса с А. Анттила, а его — с командующими 8, 9 и 14-й армий), до конца Зимней войны эта проблема так и не была решена.

Командиры стрелковых дивизий ФНА постоянно обращались в штаб 1-го стрелкового корпуса в Териоки к А. Анттила с просьбой помочь в решении вопросов комплектования подразделений. Так, 15 января 1940 г. командир 4-й стрелковой дивизии А. Аланнэ сообщал в Териоки А. Анттила о том, что «полк развертывается в пограничную дивизию с целью охраны государственной границы в районе Петсамо и действует в полосе 14-й армии. Два пограничных полка дивизии уже укомплектованы, третий погранполк будет комплектоваться только при наличии людей и материальной части. Прошу Вашей помощи при его формировании. В дальнейшем число полков должно увеличиться до 5—6, чтобы полностью обеспечить охрану госграницы», и далее добавлял: «Не имея запасных комплектов национальной формы, я вынужден часть бойцов, вновь принятых в полки, обмундировать в форму РККА»¹⁴. В середине февраля 1940 г. об этой же проблеме — нехватке людей для формирования 3-й стрелковой дивизии и о недостатке национальной формы — сообщал в Териоки ее командир Т. В. Томмола.

Вопрос о формировании ФНА стоял так остро, что ее командование в начале января 1940 г. обратилось с просьбой к Сталину разрешить «произвести досрочный призыв граждан карел и финнов в Карелии, Ингерманландии и Калининской области, подлежащих призыву осенью 1940 года. Кроме того, разрешить произвести призыв в Карелии и Ингерманландии карел и финнов 1899 года рождения и частичный призыв граждан, находящихся на спецучете»¹⁵. И эта просьба была удовлетворена.

Командующий ФНА А. Анттила в течение всей Зимней войны вел активную переписку с командующими 7, 8 и 14-й армий по вопросам комплектования частей Народной армии. Приведем документ, который был характерен для этой переписки:

01.02.40. Командующему 9-й армией комкору Чуйкову.

Искренне благодарен за оказываемую помощь части ФНА, действующей и формирующейся в районе вверенной Вам дивизии. Считаю нужным сообщить, что часть капитана Туоминена переформируется в 7-й отдельный стрелковый полк ФНА. Прошу Ваших распоряжений об укомплектовании личным составом указанного полка. Если в Вашем распоряжении не окажется националов (финнов и карел), можно комплектовать и русскими. Впредь до получения национальной формы, которая шьется, нарком обороны разрешил обмундировать бойцов в обыкновенную красноармейскую форму. Уважающий Вас командующий ФНА комдив Анттила¹⁶.

Большую помощь ФНА, особенно тем ее частям, которые дислоцировались на территории Карелии (3-я СД в районе Поросозеро — Суоярви и 7-й отдельный полк в районе Ухты), оказывал Карельский обком ВКП(б). К началу января 1940 г. в 3-ю СД по линии обкома было отправлено 36 политработников, в том числе: секретарь Олонецкого райкома ВКП(б) Кюршунов (был назначен комиссаром полка олонцкого направления), инструктор обкома партии Бойцов (стал комиссаром полка ухтинского направления) и др. В районах республики, особенно в тех, где преобладало карельское население (Олонецкий, Пряжинский, Петровский, Ведлозерский и др.), в течение всей войны проводилась работа по вербовке добровольцев.

Только в 3-ю СД на 1 февраля 1940 г. было завербовано 322 добровольца, а к 1 марта — уже 722. Заявлений о добровольном вступлении в ФНА, как показывают документы, было много, но надо признать, что некоторые райкомы партии не спешили удовлетворить все заявления. Они объясняли свою позицию тем, что отток в армию значительного количества мужского населения может отразиться на выполнении хозяйственных планов. Так, по этой причине комиссия при Петровском райкоме ВКП(б) из 170 заявлений добровольцев, желавших вступить в ФНА, удовлетворила только 82¹⁷.

Несмотря на все усилия, полностью укомплектовать части ФНА до конца Зимней войны так и не удалось. К концу января 1940 г. общий процент комплектования Народной армии составлял: по старшему командному составу — 63 %; по младшему — 69 %; по рядовому составу — 61 %. Чрезвычайно низкой была укомплектованность транспортом: по легковым машинам — 35 %; по специальным — 8 %; по тракторам — 12 %. В частях ФНА ощущался острый недостаток лыж. И только стрелковым оружием народноармейцы в основном были обеспечены¹⁸.

Периодическая переброска частей ФНА с одного участка фронта на другой, постоянное переформировывание соединений, прибытие добровольцев и другие факторы чрезвычайно затрудняют определение численного состава ФНА. Сравнивая различные документы (боевые приказы по Управлению ГСК, политдонесения, переписку между командирами подразделений и др.) можно сказать, что к концу Зимней войны в ФНА насчитывалось около 18—20 тыс. человек.

В Карелии начали развертывать и авиационные подразделения Финской народной армии. Под Петрозаводском появились самолеты со странными опознавательными знаками: вместо красных звезд на них были нанесены красно-синие-зеленые круги. Однако эти самолеты так и простояли до конца войны на аэродроме, т. е. в боевых действиях участия не принимали¹⁹.

Народная армия создавалась в помощь правительству Куусинена, главная ее цель состояла в том, чтобы вслед за Красной Армией войти в Хельсинки и обеспечить военную поддержку Народному правительству. Ее соединения располагались во втором эшелоне за войсками Красной Армии и использовать их на передовых позициях запрещалось. 1-я и 2-я СД на Карельском перешейке не были подчинены командующему Северо-Западным фронтом командарму 1-го ранга С. К. Тимошенко, а части ФНА, дислоцированные в Карелии и на Кольском полуострове, не подчинялись командующим 8, 9 и 14-й армий. Все они непосредственно подчинялись наркому обороны К. Е. Ворошилову.

В отечественной литературе по данной проблеме в последние годы утвердилась точка зрения, согласно которой ФНА вообще не принимала участия в боевых действиях, а после окончания Зимней войны ее части были расформированы²⁰. Однако это утверждение не соответствует реальным фактам. Действительно, основные силы ФНА не были вовлечены в военные операции против финских войск, но небольшие воинские подразделения на Карельском перешейке и особенно на северном участке фронта принимали участие в боях совместно с войсками Красной Армии. Учитывая, что данный вопрос практически не освещен в литературе, остановимся на нем подробнее.

С первых же дней Зимней войны во всех подразделениях ФНА была развернута боевая учеба, включающая тактическую, огневую, строевую, физическую, инженерную и химическую подготовку. Особое внимание уделялось лыжной подготовке. В дивизиях корпуса были сформированы специальные лыжные батальоны и роты для проведения разведки и осуществления диверсионных действий в тылу финских войск.

«Суровая природа Финляндии, глубокие снега, бездорожье требуют, чтобы каждый боец хорошо владел лыжами и мог выполнять на лыжах боевые задания», — писала в декабре 1939 г. газета «Народная армия», издававшаяся политотделом корпуса на трех языках: русском, финском и карельском — и распространявшаяся среди нароодоармейцев.

Как и было принято в то время, боевая подготовка осуществлялась в форме социалистического соревнования между отдельными подразделениями ФНА, итоги которого подводились в юбилейные или торжественные даты (в 60-летие со дня рождения И. В. Сталина, в 22-ю годовщину РККА и др.) и освещались в армейской печати. Впрочем, по свидетельству очевидцев, в ФНА больше внимания уделялось не боевой, а политической подготовке. Во всех подразделениях систематически проводились лекции, беседы, громкие читки газет. На политзаняти-

ях с народоармейцами обсуждались следующие темы: «Декларация Народного правительства», «Обращение ЦК Компартии Финляндии», «Договор о взаимопомощи и дружбе между СССР и Финляндской Демократической Республикой».

Особое значение придавалось печатной пропаганде. Кроме газеты «Народная армия», в частях ФНА распространялась газета «Kansan Valta» («Народная власть») — орган Народного правительства Куусинена. В публикациях газет подчеркивали значение ФНА. Так, газета «Kansan Valta» в декабре 1939 г. писала: «Финский народ уже заложил крепкий фундамент для создания своей Народной армии из лучших сыновей финского и карельского народов. Ее костяк, ее доблестный первый корпус растет и крепнет с каждым днем. Молодая Народная армия безгранично предана своему народу, правительству и Финляндской Демократической Республике, которым каждый боец дал несокрушимую воинскую клятву. Эта армия должна побеждать не только самоотверженностью и героизмом своих бойцов, не только первоклассной техникой, но и высокой политической сознательностью бойцов»²¹.

Газеты регулярно сообщали о боевой и политической подготовке народоармейцев, публиковали их письма, носившие пропагандистский характер. Приведем одно из таких писем, помещенное в 38-м номере газеты «Народная армия». Пулеметчик Рейно Хелина пишет: «Я, боец Н-ского подразделения ФНА, понимаю задачу так — внезапными действиями атаковать и уничтожить белофинских бандитов... в любую минуту готов ринуться в бой, чтобы из своего верного пулемета смертельно бить врагов нашего народа»²². В газетах были описаны практически все боевые операции, в которых довелось участвовать подразделениям ФНА.

Для поддержания морального духа народоармейцев использовались и другие средства идеологической работы. В середине декабря 1939 г. в частях, дислоцированных на Карельском перешейке, были проведены митинги, собрания и встречи бойцов и командиров ФНА с председателем Народного правительства О. В. Куусиненом и членами этого правительства министром земледелия А. Эйкия и министром финансов М. Розенбергом.

По сообщению ТАСС, 21 декабря 1939 г. в Териоки состоялись торжественные митинги и собрания с участием членов Народного правительства, посвященные 60-летию со дня рождения И. В. Сталина. В принимавшихся на них резолюциях отмечалось, что «бойцы и командиры ФНА клянутся т. Сталину до последнего дыхания бороться за дело освобождения трудового народа Финляндии, за победу Финляндской Демократической Республики, за дружбу народов Финляндии и Советского Союза»²³. Для культурного обслуживания частей ФНА на основании указаний Военного совета ЛВО при политотделе корпуса был создан ансамбль кантелистов и Финский театр.

Такое внимание к политической работе с личным составом ФНА вполне объяснимо: перед Народной армией стояли особые задачи. Не случайно в приказах по корпусу постоянно подчеркивалось, что «главное внимание должно быть сосредоточено на усвоении каждым бойцом и командиром задач, стоящих в деле освобождения финского народа от диктатуры Маннергейма — Таннера и проведения в жизнь мероприятий, намеченных в Декларации Народного правительства Финляндской Демократической Республики, каждый боец должен быть подготовлен агитатором и пропагандистом для работы среди населения Финляндии»²⁴. Но, несмотря на постоянную идеологическую работу, не все народоар-

мейцы (в большинстве своем русские) осознавали «справедливые цели войны». Об этом свидетельствуют документы особого отдела корпуса, прежде всего отчеты его начальника — лейтенанта госбезопасности В. И. Райманникова.

В отчетах отмечались факты «несознательного» поведения бойцов ФНА. Так, командир отделения 1-й роты 2-го стрелкового полка 1-й стрелковой дивизии Н. В. Лазарев говорил: «Какой черт нам — рабочим и крестьянам — вести войну, пусть Сталин и Маннергейм воюют между собой». Боец штабной роты батальона связи 2-й стрелковой дивизии Кемчиков вел разговоры о том, «зачем начали войну с финнами, которая тяжело отражается на положении народа: моя семья голодает». Народоармеец отделения связи саперного батальона Володин, обращаясь к комсору Федорову, недоумевал: «Почему нас не спросили, когда решили отдать Финляндии территорию, на которой мы проживали? Ведь это должен решать народ тех районов, которые подлежат передаче Финляндской Демократической Республике. Я бы высказал несогласие передать Финляндии территорию, принадлежащую Советскому Союзу»^{*}.

Судя по документам, большинство народоармейцев, допуская подобные высказывания, были арестованы и дела на них переданы в военный трибунал²⁵.

Справедливости ради надо сказать, что были суждения и противоположного рода, вызванные чрезмерной идеологической обработкой. Так, боец 1-го взвода отдельного кавалерийского эскадрона Н. И. Локкин, карел, уроженец Сегозерского района, в беседе с народоармейцами говорил: «Карелия, согласно договору с Народным правительством Финляндии, должна отойти к Финляндии. Финляндия еще буржуазная, власть и порядок тоже буржуазные, то есть колхозов и советов не будет, а потому я на той территории, которая отходит к Финляндии, оставаться не желаю, ведь там опять будет эксплуатация рабочих и крестьян»²⁶. С такими людьми, которые были «недостаточно политически грамотными», вели воспитательную работу, объясняя цели «большой политики».

Еще один интересный факт: принятие присяги бойцами ФНА. В официальной советской пропаганде постоянно подчеркивалось, что ФНА действует совместно с РККА, но является независимой от нее армией, созданной трудовым народом Финляндии. У независимой армии должна быть своя присяга. В архивах имеется текст «Военной присяги ФНА», который начинается так: «Я, воин Народной армии Финляндии, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все указания Народного правительства Финляндии, требования воинских уставов и приказы командиров и комиссаров...»²⁷.

Сравнение текста присяги ФНА с текстом присяги РККА показывает, что они практически ничем не отличались друг от друга, разве что в присяге ФНА Советский Союз заменялся на Финляндскую Демократическую Республику, а РККА — на ФНА. Но в тот момент это было не столь важно, потому что главная

^{*} Речь идет о том, что в самом начале Зимней войны между СССР и провозглашенной Финляндской Демократической Республикой был заключен договор. Согласно ему Финляндия передавала СССР территорию на Карельском перешейке площадью 3 970 кв. км. Взамен этого СССР отдавал территорию Советской Карелии площадью 70 тыс. кв. км.

задача состояла в том, чтобы все народоармейцы приняли присягу ФНА. Приказом по войсковым частям ФНА 26 декабря 1939 г. было объявлено днем принятия присяги личным составом корпуса. Подготовка к этому событию велась заранее: уже к середине декабря 1939 г. было получено 14 тыс. экземпляров текста военной присяги ФНА.

Большинство народоармейцев, особенно финнов и ингерманландцев, искренне веря в то, что война несет освобождение и счастье трудящимся Финляндии, с желанием принимали присягу. Так, боец батальона связи Иго, принимая присягу, заявил: «Все свои силы отдам для блага финского народа и социалистической Финляндии». Младший командир батальона связи Каттонен просил командование «скорее перебросить его на самые ответственные участки борьбы с белофиннами и тем самым оказать помощь Красной Армии и трудовому народу Финляндии по уничтожению бандитов из лагеря щюцкоровцев». Бойцы кавалерийского эскадрона И. А. Берн, А. И. Свараль и другие при принятии присяги писали заявления о пожизненном зачислении в ФНА. Начальник политотдела корпуса В. П. Терешкин в одном из политдонесений в начале января 1940 г. сообщал, что «имеются сотни заявлений бойцов о пожизненном их зачислении в Народную армию»²⁸.

Вместе с тем случались и факты неприятия присяги ФНА, особенно со стороны русских. О них, в частности, писал в политдонесении комиссару 1-го ГСК ФНА Ф. И. Егорову комиссар 3-й СД Н. А. Дильденкин: «Командир отделения 5-го стрелкового полка Прокопьев, не понимая значения принятия военной присяги Народной армии, пытался отказаться от нее, объясняя это тем, что он уже принимал военную присягу, когда был в РККА. После беседы комиссара полка Г. Ф. Агапова с Прокопьевым тот немедленно исправил ошибку и принял присягу ФНА»²⁹. В документах особого отдела корпуса также можно найти много примеров, когда бойцы, в основном русские по национальности, не хотели принимать присягу ФНА. И объяснение у всех было одно — они являются гражданами СССР, а не Финляндской Республики.

В деле принятия военной присяги возникли трудности и чисто организационного характера, связанные с процессом формирования ФНА. Начальник политотдела корпуса В. П. Терешкин в телеграмме в адрес военкомов дивизий и полков от 14 января 1940 г. указывал: «В связи с переформированием частей корпуса и перемещением из части в часть командиров, политработников и рядового состава необходимо иметь полную ясность о том, кто из военнослужащих Народной армии принял военную присягу, а кто нет. Установите точный учет всех принявших и не принявших присягу и организуйте систематическое приведение к присяге всех вновь прибывших»³⁰.

В начальный период Зимней войны основные силы ФНА не принимали в ней участие. Большинство бойцов и командиров, ничего не зная о политическом предназначении Народной армии, рвались в бой: народоармейцы писали заявления с просьбой отправить их на передовые позиции или включить их в состав РККА. Моральное состояние многих из них в течение зимней кампании пришло в упадок — часть бойцов ощущала свою бесполезность и ненужность в тылу. Сказывалось и то, что стоявшие рядом подразделения Красной Армии вели кровопролитные бои и несли большие потери.

Пребывание в состоянии пассивности во фронтовых условиях порождало отдельные негативные явления, особенно командиров тревожили факты пьянства.

По словам Тойво Вяхя, входившего в руководство штаба 1-го корпуса, это вызывало «чувство тяжелой боли»³¹. Поднять настроение бойцам и командирам ФНА пытались члены правительства Куусинена, которые часто выступали в подразделениях Народной армии на темы общеполитического и воспитательного характера. Кроме того, как отмечают в монографии «Рождение и крах “Терийокского правительства”» Н. И. и В. Н. Барышниковы, в частях «финской народной армии» активно стремились пресечь всякого рода «антисоциальные» и «антигосударственные» настроения. Прокуратура и трибунал 1-го корпуса «финской народной армии» рассматривали по 10—15 дел в месяц. В частности, например, в период с 1 декабря 1939 г. по 10 января 1940 г. было рассмотрено и передано в военный трибунал 13 дел. Военнослужащим трибунал выносил суровые наказания, некоторые даже были приговорены к расстрелу³².

Пассивность частей ФНА в период военных действий против Финляндии у части командного состава Красной Армии вызывала неприязнь к бойцам Народной армии. Вот что сообщал в середине февраля 1940 г. комиссар 3-й СД Н. А. Дильденкин в политдонесении комиссару 1-го ГСК ФНА Ф. И. Егорову: «До 25 января среди командного состава частей РККА, находящихся в Салми, где дислоцирован 6-й полк нашей дивизии, были разговоры, что Народная армия состоит из трусов, она не боеспособна, боится идти на острова, очищать их от белофиннов. Начальник политотдела дивизии Маркконен вынужден был поставить вопрос в Политуправлении 15-й армии (была образована на основе южной группы 8-й армии сортавальского направления 11 февраля 1940 г. — С. В.) о прекращении этих разговоров, позорящих Народную армию, и одновременно разъяснил задачи частей ФНА заместителю начальника Политуправления 15-й армии»³³. Отметим, что вскоре эти разговоры прекратились. Но не потому, что хорошо поработали политработники, а из-за того, что в феврале 1940 г. 6-й полк 3-й СД участвовал в боях с противником и проявил себя достойно.

Несмотря на то что части ФНА были подчинены только наркому обороны К. Во рошилову и участие их в боевых действиях запрещалось, тяжелая военная обстановка внесла коррективы в этот вопрос. Командование частей РККА, особенно 8-й и 9-й армий, дислоцированных в Карелии, с конца декабря 1939 г. стало широко использовать подразделения ФНА для решения боевых задач. В течение всего января 1940 г. разведчики 5-го и 6-го полков 3-й СД ФНА выполняли специальные диверсионные задания на участке 8-й армии: уничтожали склады боеприпасов в тылу финских войск, взрывали железнодорожные мосты, минировали дороги. Задания командования, как показывают архивные документы, народоармейцы выполняли хорошо: многие из них были представлены к правительственным наградам³⁴.

В конце января — начале февраля 1940 г. 6-й полк этой дивизии вообще перешел в оперативное подчинение 8-й армии РККА и в полном составе вел бой с финнами на острове Лункулансаари. Народоармейцы под руководством командира майора О. Ахонена успешно вели бой, продолжавшийся в течение четырех дней, с противником, явно превосходившим их по численности. В результате удалось отстоять занятый этим полком остров Лункулансаари у побережья Ладожского озера³⁵. За проявленную храбрость некоторым из народоармейцев (командиру отделения конного взвода И. В. Васильеву, бойцу А. О. Кархонену и др.) была объявлена благодарность командования и выдана денежная премия.

Бои с участием сил Финской народной армии за остров Лункулансаари, проходившие с 22 по 28 января 1940 г., носили весьма кровопролитный характер. В результате подразделения 6-го полка понесли большие потери — до 60 % личного состава³⁶. В дальнейшем потери этого полка продолжали расти: только в одном бою 2 февраля 1940 г. во 2-й роте 6-го полка было убито 6 и ранено 8 человек, среди убитых карелы И. Г. Ларионов, Д. Т. Ларионов, Н. Д. Лангуев, Д. В. Кундозеров.

Получив сообщение от командира 6-го полка О. Ахонена о переходе его в подчинение 8-й армии, на место выехал командир 3-й СД Т. В. Томмола, и двойное подчинение было прекращено. После информации Томмола в штаб ФНА в Териоки об указанных событиях командующий корпусом А. Анттила отправил телеграмму командующему 8-й армией Штерну, в которой говорилось: «По имеющимся у меня сведениям, со стороны командиров соединений вверенных Вам войск были попытки использовать части 3-й СД ФНА для решения частных боевых задач. Прошу разъяснить подчиненным Вам командирам, что части ФНА могут быть использованы только по личному указанию наркома обороны»³⁷. Двойное подчинение было отменено.

Однако, несмотря на такие предупреждения, на протяжении всей Зимней войны не прекращались попытки использовать отдельные подразделения ФНА в военных сражениях. Причем командование частей РККА, привлекая народноармейцев к боевым операциям, не всегда учитывало, что многие из них были необученными, необстрелянными, только накануне войны призванными в армию. Иногда это приводило к тяжелым поражениям и большим людским потерям. Так, посланный в район действий 9-й армии на ухтинское направление необученный и неукомплектованный батальон капитана Туоминена, который должен был переформироваться в отдельный 7-й полк ФНА, сразу же был брошен в бой. Командир батальона Туоминен также был недостаточно подготовлен, поскольку его призвали из запаса накануне войны. В силу этих причин действия батальона были неудачны: он не выполнил боевую задачу и понес существенные потери³⁸.

Узнав об этом, командующий ФНА А. Анттила 23 февраля 1940 г. направил телеграмму с протестом в адрес командующего 9-й армией В. И. Чуйкова и члена Военного совета этой армии Л. З. Мехлиса, в которой говорилось, что «батальон не должен был участвовать в боях, его задача — переформироваться в 7-й отдельный полк ФНА и закрепить освобождаемую РККА территорию Финляндии в улеаборгском направлении, очищая ее от остатков белофинских банд». Кроме того, А. Анттила 18 февраля сообщил об этом инциденте наркому обороны К. Ворошилову: «Распоряжением командования 9-й армии и лично т. Мехлиса необученный и неукомплектованный, несформированный батальон используется для активных боевых действий. Прошу Ваших указаний о правильном использовании частей ФНА»³⁹. После этого инцидента капитан Туоминен был смещен со своей должности. Его заменил переведенный из штаба корпуса Тойво Вякя. Тем не менее подразделения 7-го отдельного полка продолжали проводить глубокие рейды в тыл финских войск. С января по февраль 1940 г. они 6 раз участвовали в таких операциях. Однако все это приводило к потерям в живой силе и требовало соответствующего вмешательства «министра обороны»⁴⁰.

Само командование Народной армии строго выполняло указания Сталина и Ворошилова об особом назначении частей ФНА. В переписке А. Анттила с коман-

дирами подразделений РККА и ФНА постоянно подчеркивался особый статус корпуса. Приведем для примера хотя бы одно типичное сообщение:

Командиру 3-й СД ФНА полковнику Т. Томмола.

Не увлекайтесь решением частных боевых задач, больше занимайтесь боевой подготовкой. Помните — боевое использование наших частей впереди.

Командующий ФНА комдив А. Анттила.
25.02.40. Териоки⁴¹.

Части ФНА должны были составить основу Вооруженных сил Финляндской Демократической Республики. Именно поэтому перед командным составом Народной армии, который, как уже отмечалось выше, в большинстве своем состоял из русских, была поставлена задача овладеть финским языком. С этой целью в штат воинских частей специально ввели преподавателей финского языка. Но обучение продвигалось с трудом. Возможно, командирам некогда было заниматься, а может, язык оказался слишком трудным для освоения. И, вероятно, не случайно начальник штаба корпуса комбриг Ф. Н. Романов 3 марта 1940 г. издает специальный приказ по Управлению ФНА № 26 «Об изучении финского языка комначсоставом Управления корпуса». Есть в нем такие строчки: «Из доклада учителя финского языка явствует, что посещаемость занятий комсоставом низкая. Из 25 человек, изучающих финский язык, на занятиях присутствует 3—4 человека. Напоминаю, что изучение финского языка не добровольное дело, а служба, и посещение занятий является обязательным для тех, кто не знает языка. Строго предупреждаю всех, что в дальнейшем на лиц, отсутствующих на занятиях без уважительных причин, будет накладываться дисциплинарное взыскание»⁴².

Не совсем увязывались с декларируемыми политическими задачами и русские фамилии командования ФНА. Поэтому во время Зимней войны его представите-

ли стали менять свои фамилии на финские: военный комиссар корпуса Ф. И. Егоров стал подписываться фамилией Аалто, начальник штаба корпуса Ф. Н. Романов — Райкас, начальник политотдела В. П. Терешкин — Тервонен и т. д.

Среди стоящих перед руководством Народной армии вопросов особо остро стоял вопрос обеспечения командными кадрами. Для решения этой проблемы 9 февраля 1940 г. начинают функционировать краткосрочные курсы по подготовке младших лейтенантов. На них готовились и офицеры-политработники, часть из которых предполагалось использовать позднее для специальной пропаганды среди населения Финляндии. Как вспоминал бывший боец 3-й дивизии карельский писатель О. Степанов, после окончания курсов политсостава в Суоярви он «был предназначен в Тампере»⁴³.

Перед наступлением советских войск в феврале 1940 г. в Ставке Главного командования РККА решали вопрос об участии в военной операции формирования ФНА: разместить ли ее силы по всему советско-финляндскому фронту или сконцентрировать их на главном направлении (Карельский перешеек). В этой связи Н. И. и В. Н. Барышниковы пишут: «За девять дней до решающего наступления Красной Армии на Карельском перешейке, 2 февраля 1940 г., Ставка запросила у Анттила: “Не следует ли вернуть в корпус все части Народной армии?” Очевидно, имелось в виду, что после прорыва линии Маннергейма вся она в едином составе будет осуществлять продвижение на важнейшем хельсинкском направлении. Но Анттила ответил, что “части финской Народной армии целесообразно оставить в районах указанных армий”», т. е. в местах прежнего размещения войск. Остается только размышлять, чем он руководствовался, давая такой ответ. Во всяком случае, на Карельском перешейке продолжали находиться только две дивизии 1-го корпуса»⁴⁴.

В отечественной литературе нет единой точки зрения на вопрос об участии в боевых действиях частей ФНА в последние дни советско-финляндской войны. Петрозаводский историк И. Р. Такала в статье «К вопросу о Финской народной армии», основанной, в основном, на воспоминаниях народоармейцев, отмечает, что в начале марта 1940 г., когда стало очевидным, что война близится к концу, части 1-й и 2-й СД ФНА, находившиеся на Карельском перешейке, были отправлены на передовую. Для большинства народоармейцев первым боевым крещением стало взятие города Выборга. По воспоминаниям очевидцев, это было кровопролитное сражение: наступление на Выборг шло буквально по трупам. Для многих плохо обученных и неопытных бойцов ФНА первое же сражение оказалось и последним⁴⁵. Штурм Выборга проходил в последние часы войны, когда уже завершались переговоры с Финляндией и было очевидно, что город отойдет к СССР. Об участии частей ФНА в штурме Выборга пишет и петрозаводский историк В. Г. Макуров: «Для большинства народоармейцев взятие г. Выборга явилось первым боевым крещением»⁴⁶.

Другой позиции придерживаются петербургские историки Н. И. и В. Н. Барышниковы, отмечая, что «когда развернулись бои за Выборг, то отдельные артиллерийские подразделения “народной армии” приняли участие в подавлении огневых точек оборонявшихся и в отражении контратак финских войск. Это происходило на участке наступления 43-й стрелковой дивизии. Последовало также распоряжение, чтобы после взятия Выборга части “народной армии” осуществляли охрану отдельных его объектов и занимались сбором трофейного оружия. Таким образом, даже на заключительном этапе войны “народная армия”

не принимала активного участия в наступлении, а выполняла преимущественно вспомогательные задачи, занималась прикрытием тыла и флангов продвигавшихся вперед соединений и частей 7-й армии»⁴⁷.

После окончания советско-финляндской войны принципиальное решение о судьбе ФНА было принято на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 24 марта 1940 г. и оформлено в этот же день в постановлении ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по преобразованию Карельской АССР в Карело-Финскую Союзную Социалистическую Республику». 13-й пункт этого постановления гласил: «В соответствии с решением не иметь в республиках национальных формирований Красной Армии расформировать финский корпус как самостоятельное воинское соединение, поручив НКО направить начальствующий и рядовой состав финского корпуса на укомплектование существующих частей Красной Армии»⁴⁸.

На основании этого решения был принят приказ наркома обороны СССР № 0015, по которому началось расформирование частей ФНА. Бойцов снова переодевали в красноармейскую форму, добровольцев увольняли в запас. Войсковые соединения ФНА позднее составили ядро 71-й стрелковой дивизии Красной Армии.

Интересные материалы о формировании этой дивизии можно найти в личном архиве первого секретаря ЦК КП(б) Карело-Финской ССР Г. Н. Куприянова, который хранится в Национальном архиве Республики Карелия (НА РК). Он пишет: «В конце марта 1940 года у Сталина состоялось совещание, на котором присутствовали К. Е. Ворошилов, А. А. Жданов, командир первого корпуса ФНА А. Анттила и я. Анттила просил Сталина разрешить формирование из личного состава корпуса карело-финской национальной дивизии. Сталин ответил, что несколько лет назад на Политбюро ЦК ВКП(б) было принято решение не иметь в составе Вооруженных Сил национальных формирований*. Но затем после обсуждения было решено сформировать из карел, финнов, вепсов и русских, находившихся в составе корпуса, обычную 71-ю стрелковую дивизию»⁴⁹. «И хотя в ней будут преобладать карелы, финны и вепсы — не будем называть ее национальной, — сказал Сталин. — А дислоцироваться пусть она будет у вас в Карелии»⁵⁰.

Первым командиром 71-й СД стал А. Анттила, командиром 52-го стрелкового полка был назначен финн А. Алланз; 206-го стрелкового полка — карел В. Ф. Алексеев; 126-го стрелкового полка — финн И. М. Петров (Тойво Вяхя); комиссаром дивизии — олонекский карел Ф. И. Егоров; командиром саперного батальона — финн Т. Алтонен⁵¹. Начальником политотдела 71-й стрелковой дивизии был назначен полковой комиссар В. П. Терешкин, уроженец Карелии, по национальности русский, но хорошо знавший финский язык⁵².

Для многих народоармейцев заключение мира с Финляндией было неожиданным и означало крушение всех их надежд. 13 марта 1940 г., как только в частях ФНА стало известно о прекращении войны, бойцы засыпали командиров и политработников вопросами: что предпримет Народное правительство Куусинена и что будет с Народной армией? Почему СССР заключил мир с правительством Рюти, хотя раньше отвергал предложения этого правительства? и т. д. Многие финны высказывали недовольство. Так, командир 5-го стрелкового пол-

* Национальные формирования стали создаваться только в ходе Великой Отечественной войны в соответствии с решением ГКО СССР от 13 ноября 1941 года (см.: Великая Отечественная война, 1941—1945: Энциклопедия. М., 1985. С. 484).

ка 3-й СД Антикайнен (однофамилец Т. Антикайнена) заявил, что мирный договор между Советским Союзом и Финляндией деморализует финнов в деле борьбы с белофиннами. Борец роты связи этого же полка Куммула так выразил свое недовольство заключением мира: «Я оставил в Финляндии свою семью и дом, добровольно пошел в Народную армию для того, чтобы освободить свою семью и попасть домой. А раз так случилось — то меня сейчас же демобилизуйте»⁵³.

Это недовольство и разочарование в итогах советско-финляндской войны 1939—1940 гг., которые испытывали многие народоармейцы, пыталось позднее в какой-то мере исправить бывшее командование Финской народной армии. После окончания войны командование ФНА неоднократно ставило вопрос перед руководством страны о награждении особо отличившихся в боях с противником народоармейцев. Так, 13 июля 1940 г. из Петрозаводска секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову было направлено письмо за подписью бывшего командующего ФНА, а в данный момент депутата Верховного Совета СССР и члена Президиума Верховного Совета КФССР генерал-майора А. М. Анттила и бывшего военного комиссара ФНА, депутата Верховного Совета КФССР Ф. И. Егорова, в котором говорилось: «На основании указаний тт. Сталина и Ворошилова, под Вашим руководством в ноябре 1939 г. был сформирован корпус Финской народной армии в составе 4 дивизий и 1 отдельного стрелкового полка. В борьбе с белофиннами части корпуса совместно с частями РККА выполняли частичные боевые задачи на Карельском перешейке, петрозаводском и кемском направлениях. После заключения мирного договора лучшие бойцы и командиры, показавшие храбрость в боях, были представлены к награждению орденами и медалями Советского Союза (192 человека). Список был направлен в Секретариат Президиума ВС СССР, но не был подписан, и секретарь т. Горкин требует Вашего согласия. К нам часто поступают письма и запросы о том, почему никто из состава ФНА не был награжден. Но ответить мы не можем, ибо не знаем причин. Список согласован с секретарями ЦК КП(б) КФССР Куприяновым и Сорокиным, председателем Президиума ВС КФССР Куусиненом, проверен представителями Особого отдела НКВД. Вопрос о награждении бойцов ФНА имеет большое политическое значение и поднимет энтузиазм карело-финского народа»⁵⁴. В личном фонде А. А. Жданова, который хранится в Российском государственном архиве социально-политической истории, ответа на это письмо обнаружить не удалось.

И уже в период Великой Отечественной войны, 11 августа 1941 г., бывший командующий ФНА генерал-майор А. М. Анттила повторно направил в адрес командующего северо-западным направлением маршала СССР К. Е. Ворошилова копию списка бойцов и командиров ФНА, представленных к правительственным наградам в 1940 г. (192 чел.). В конце списка Анттила сделал приписку о том, что вопрос о награждении в данных условиях имеет огромное политическое значение⁵⁵. Однако и Ворошилов не ответил на этот запрос.

Судя по воспоминаниям народоармейцев, с которыми удалось поговорить, они не получили наград за службу в ФНА. Орденами и медалями бывшие бойцы Народной армии были удостоены позднее — за участие в Великой Отечественной войне, когда они в рядах Красной Армии сражались против армий Германии и ее союзников, в том числе и Финляндии. Это и понятно: когда провалился план Сталина относительно целей правительства Куусинена и его армии, награждать бойцов ФНА не было необходимости.

До сих пор одним из «белых пятен» в истории ФНА остается вопрос о формировании и действиях ее военной контрразведки. В конце 1939 г. начальник отделения контрразведки УГБ НКВД Ленинградской области майор Василий Иванович Райманников был откомандирован на должность начальника военной контрразведки Финской народной армии. Ответ на вопрос, с чем связано это решение, попытался дать исследователь истории спецслужб Карелии и Финляндии Э. П. Лайдинен: «В. А. Райманников с 1932 г. работал на оперативных и руководящих должностях в ГПУ-УНКВД-НКВД Карелии и, по оценке руководства, рекомендовал себя опытным и смелым работником. Он хорошо знал жизнь и быт карельского и финского народа. Немалую роль сыграл и тот факт, что Райманников был женат на вепсянке Антонине Федоровне Райманниковой (девичья фамилия — Принцева), которая родилась в 1914 г. в с. Шокша Шелтозерского района. В семье росло 3 детей. 4 января 1932 г. его назначили на должность помощника уполномоченного Особого отдела УГБ НКВД отдельной карельской егерской бригады⁵⁶. Недолго прослужив на этой должности, он, тем не менее, лучше узнал характер и менталитет красных финнов и карел. Уже в первой половине 1933 г. его переводят помощником оперуполномоченного Особого (контрразведывательного) отдела ГПУ Карелии. В июне 1933 г. Райманников с группой коллег участвует в ликвидации в Сегозерском районе Карелии бежавшей из лагерей ББК вооруженной банды, которая планировала провести “террор над коммунистами, ответственными работниками райисполкомов и райкомов партии, налеты на раймилицию, райотделение ГПУ, освобождение арестованных и в конечном счете переход всей бандой в Финляндию, для получения боевой и материальной помощи”. При ликвидации банды Райманников был тяжело ранен в грудь. За проявленную инициативу и смелость, благодаря которым была ликвидирована банда, Райманников руководством Полномочного представительства ОГПУ в ЛВО был награжден боевым оружием с надписью “за беспощадную борьбу с контрреволюцией от ПП ОГПУ в ЛВО”⁵⁷. До сих пор в архивах пока не найдена какая-либо информация о деятельности Райманникова в качестве руководителя военной контрразведки ФНА, да и результаты деятельности самой военной контрразведки ФНА, думаю, следует прояснить в ходе дальнейшего изучения вопроса»⁵⁸.

По окончании советско-финляндской (Зимней) войны Райманников возглавлял созданные на присоединенных от Финляндии территориях Выборгский и Кякисалмский городские отделы НКВД, во время Великой Отечественной войны был заместителем начальника 2-го (контрразведывательного) отдела, а затем и начальником 4-го отдела НКВД-НКГБ КФСР.

Подводя итоги исследованию вопроса о ФНА, можно сделать вывод о том, что вся история с Народной армией, точно так же как и с созданием Народного правительства Финляндии в Териоки, была сознательной политической акцией тогдашнего руководства Советского Союза, стремившегося не только решить главную стратегическую задачу — отодвинуть границу от Ленинграда, но и, по возможности, экспортировать в соседнюю Финляндию правительство Куусине-на. Но этим целям, в которые искренне верили многие бойцы Народной армии, не суждено было сбыться.

- 1 Правда. 1939. 4 дек.
- 2 РГВА, ф. 3489, оп. 9, д. 13, л. 1.
- 3 История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 452—453.
- 4 Там же; Неизвестная Карелия: Документы спецорганов о жизни республики. Петрозаводск, 1997. С. 119—120.
- 5 Неизвестная Карелия. С. 119—120.
- 6 Архив УФСБ РФ по РК, ФРД, оп. 9, п. 2, л. 10.
- 7 Там же, л. 76.
- 8 Там же, л. 1 об.
- 9 *Takala I. Kysymys Suomen kansanarmeijasta* // *Talvisota, Venäjä ja Suomi*. Helsinki, 1991. S. 290.
- 10 Правда. 1939. 5 и 10 дек.
- 11 *Barysnikov N., Barysnikov V. Sota oli lyhyt mutta ankara* // *Sosialismin teoria ja käytäntö*. 1989. № 45. S. 22.
- 12 Зимняя война, 1939—1940: Политическая история. Кн. 1. М., 1999. С. 183.
- 13 РГВА, ф. 3480, оп. 9, д. 1, л. 25.
- 14 Там же, л. 26.
- 15 Там же, л. 25.
- 16 Там же, л. 53.
- 17 КГАНИ, ф. 3, оп. 5, д. 445, л. 16.
- 18 РГВА, ф. 3480, оп. 9, д. 1, л. 39—40.
- 19 *Барышников Н. И., Барышников В. Н. Рождение и крах «Терийокского правительства» (1939—1940 гг.)*. СПб.; Хельсинки, 2003. С. 201.
- 20 См., например: *Мельтюхов М. Правители без подданных* // *Родина*. 1995. № 12. С. 61.
- 21 РГВА, ф. 3480, оп. 9, д. 13, л. 3.
- 22 Там же, л. 4.
- 23 Там же.
- 24 Там же, оп. 8, д. 13, л. 59.
- 25 Там же, ф. 31921, оп. 1, д. 2, л. 29.
- 26 Там же, ф. 34980, оп. 9, д. 1, л. 5.
- 27 Там же, д. 13, л. 5.
- 28 Там же, д. 1, л. 21.
- 29 КГАНИ, ф. 3, оп. 5, д. 445, л. 8—9.
- 30 РГВА, ф. 31921, оп. 1, д. 2, л. 1.
- 31 Цит. по: *Барышников Н. И., Барышников В. Н. Рождение и крах «Терийокского правительства» (1939—1940 гг.)*. С. 203.
- 32 Там же.
- 33 КГАНИ, ф. 3, оп. 5, д. 445, л. 42—44.
- 34 Там же, л. 46.
- 35 *Барышников Н. И., Барышников В. Н. Рождение и крах «Терийокского правительства» (1939—1940 гг.)*. С. 202.
- 36 Там же. С. 203.

- 37 РГВА, ф. 34980, оп. 9, д. 1, л. 54.
- 38 Там же, л. 75.
- 39 Там же, л. 89.
- 40 Барышников Н. И., Барышников В. Н. Рождение и крах «Терийокского правительства» (1939—1940 гг.). С. 168.
- 41 РГВА, ф. 34980, оп. 9, д. 1, л. 90.
- 42 Там же, ф. 31921, оп. 1, д. 26, л. 34.
- 43 Барышников Н. И., Барышников В. Н. Рождение и крах «Терийокского правительства» (1939—1940 гг.). С. 205.
- 44 Там же.
- 45 Takala I. Kysymys Suomen kansanarmeijasta. S. 292.
- 46 Макуров В. Г. Советско-финляндская война, 1939—1940 гг. // История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 589.
- 47 Барышников Н. И., Барышников В. Н. Рождение и крах «Терийокского правительства» (1939—1940 гг.). С. 207.
- 48 АПРФ, ф. 3, оп. 61, д. 378, л. 5.
- 49 НА РК, ф. 3435, оп. 1, д. 116, л. 175—176.
- 50 Там же.
- 51 Там же, л. 176.
- 52 Там же, л. 175—176.
- 53 КГАНИ, ф. 3, оп. 5, д. 445, л. 46.
- 54 РГАСПИ, ф. 77, оп. 4, д. 47, л. 62—63.
- 55 Там же, л. 64.
- 56 Лайдинен Э. П. Советская контрразведка против финской разведки на территории Карелии (1939—1944 гг.). С. 22. (Рукопись.); Архив УФСБ РФ по РК, ФРД, оп. 13, п. 1, л. 21.
- 57 Там же.
- 58 Лайдинен Э. П. Советская контрразведка против финской разведки на территории Карелии (1939—1944 гг.). С. 22—23.

1.4. Интернированные финны на территории Советской Карелии в период советско-финляндской войны (1939–1940)

Первые недели боев, хотя и не дали запланированных темпов продвижения, все же позволили Красной Армии к концу декабря 1939 г. продвигаться на отдельных участках советско-финляндской границы вглубь финской территории на 25—140 км. 50-й стрелковый корпус 7-й армии на Карельском перешейке вышел к «линии Маннергейма». Финское население в основном уходило вместе с отступающей армией. Однако на оккупированной Красной Армией территории осталось более 2 тыс. финских граждан, не успевших или не захотевших по различным причинам эвакуироваться¹.

Как уже отмечалось во введении, судьба этих людей продолжает вызывать интерес как финляндских, так и российских исследователей. Прежде чем приступить к освещению данного вопроса, необходимо внести ясность в терминологию. Дело в том, что в архивных документах, с которыми нам удалось познакомиться, финских граждан, выселенных в период Зимней войны с территории Финляндии и размещенных в спецпоселках на территории Советской Карелии, называют то «финскими беженцами», то «переселенцами».

Согласно «Словарю русского языка» С. И. Ожегова, беженец — это человек, оставивший место жительства вследствие какого-либо бедствия². В данном же случае речь идет об иностранных гражданах, оказавшихся в начале Зимней

войны на территории, занятой частями Красной Армии, и затем насильственно вывезенных в спецпоселки на территорию Карелии, Ленинградской и Мурманской областей с дальнейшим ограничением свободы передвижения и выезда за пределы СССР. Исходя из этого, на наш взгляд, таких граждан следует рассматривать как интернированное население.

Финляндских исследователей, затрагивавших данную тему, прежде всего интересовал вопрос: как могло случиться, что до начала военных действий население многих приграничных деревень не было эвакуировано вглубь территории Финляндии? Ведь уже в октябре 1939 г., в связи с ухудшением советско-финляндских отношений, по приказу министра внутренних дел Финляндии У. Кекконена началась эвакуация гражданского населения из пограничных с СССР районов вглубь страны. К зиме 1939/40 г. отношения между двумя странами еще более обострились. Межгосударственные переговоры, проходившие в октябре — ноябре 1939 г., зашли в тупик.

Некоторые финляндские авторы (А. Хаасио, Э. Хуянен, Р. Хейсканен, Т. Вихавайнен и др.³) отмечают, что, несмотря на складывающуюся обстановку, до самого начала войны финляндское правительство не верило в возможность использования Сталиным военной силы для достижения своих целей. Определенную роль здесь сыграла и финская разведка, которая располагала данными о наращивании Советским Союзом военной силы на советско-финляндской границе, но, по существу, дезинформировала руководство страны, заверяя, что советская сторона не начнет войны.

Просчеты правительства, органов военной разведки, неисполнение приказов министра внутренних дел Финляндии У. Кекконена об эвакуации привели к тому, что часть финских граждан оказалась на территории, занятой частями Красной Армии, и в дальнейшем была интернирована в СССР. При этом следует отметить, что планы по эвакуации населения из пограничных районов на случай войны с Советским Союзом в Финляндии начали разрабатывать еще в 1923 г. Последний третий план был принят в сентябре — октябре 1939 г. В соответствии с ним эвакуации подлежали старики, лица младше 16 лет, а также те, чье присутствие в пограничном районе не было необходимым⁴.

Однако еще до принятия этого последнего плана уже в августе 1939 г. началась предварительная эвакуация финляндского населения от границы вглубь территории страны. В октябре 1939 г. в связи с неудачным для финской стороны ходом советско-финляндских переговоров началась широкая добровольная эвакуация финского населения из пограничных с СССР территорий, и около 50 тыс. человек — жителей Карельского перешейка и г. Сортавала — выехало в тыл страны. С 17 октября 1939 г. объявляется принудительная эвакуация: Государственный Совет отдал приказ об эвакуации населения из 4—10-километровой зоны в тыл страны. Несмотря на наличие приказа, в ряде пограничных районов Финляндии эвакуация шла сложно, а местами вообще не проводилась. Она сдерживалась отсутствием средств, согласованности и взаимодействия между различными органами: губернским управлением, МВД, МО и др. Немаловажной причиной было и желание не раздражать СССР эвакуацией. Кроме того, в Финляндии до конца не верили, что может начаться война. Поэтому МВД Финляндии по возможности оттягивало масштабную эвакуацию, планируя ее проведение лишь при наступлении кризиса⁵.

В пограничных районах официальным лицам, ответственным за эвакуацию людей, запретили начинать даже предварительную эвакуацию. Так, 14 октября 1939 г. газета «Kainuun Sanomat» под заголовком «Добровольная эвакуация» писала: «...она (эвакуация. — С. В.) касается только нетрудоспособных стариков, женщин и детей. Эвакуация остальных считается безответственным шагом, бегством от выполнения общественных обязанностей»⁶.

Необходимо отметить, что ленсман* Кухмо нарушил приказ и самостоятельно эвакуировал из пограничных районов часть населения и значительное количество имущества. В Кухмо не эвакуировалось только население отдаленных хуторов, вот почему на территории, оккупированной Красной Армией, оказалось только пять человек. В то же время ленсман Суомуссалми выполнил указания начальства, в связи с чем часть населения не успела эвакуироваться⁷. С началом войны военная полиция стала проводить эвакуацию финского населения от границы вглубь страны, в Суомуссалми же этому препятствовали большие расстояния, нехватка транспорта, плохая связь и начавшиеся военные действия. Во многих местах коммуны Суомуссалми финские дозоры и патрули выводили отдельные семьи с территории, захваченной РККА. Часть местных жителей пришлось эвакуировать насильно. Это было вызвано тем, что население коммуны отличалось «левыми взглядами»⁸. Кроме того, часть жителей просто не хотела покидать свои дома, бросать имущество и скот. И все-таки большую часть населения Суомуссалми удалось эвакуировать. Неэвакуированным осталось лишь население северной части коммуны, а также частных хуторов, поскольку там просто не знали о необходимости эвакуации. Особой проблемой была эвакуация скота и имущества, но и ее решили. И все же на захваченной Красной Армией территории осталось 1 685 жителей коммуны Суомуссалми⁹.

В местечке Рухтинаансалми этой коммуны эвакуация в начальный период войны не проводилась, лишь отдельным лицам и семьям удалось через болота и леса уйти вглубь страны. Позже, когда в декабре 1939 г. — январе 1940 г. части Красной Армии отступили под ударами финнов, оставшееся население эвакуировали во внутренние районы Финляндии¹⁰.

Представляют интерес обзоры по эвакуации, подготовленные штабом группы войск Северной Финляндии. В обзоре от 1 декабря 1939 г. на 20:10 написано: «Указания по эвакуации даны и все идет по плану. Автомашин заказано достаточно, однако снегопад создает препятствие и все же к ночи все решилось...». В обзоре от 5 декабря 1939 г. на 22:00 говорится: «Суомуссалми: эвакуация в срочном порядке практически завершена». Таким образом, по данным штаба группы войск Северной Финляндии, эвакуация гражданского населения в Суомуссалми успешно завершена к вечеру 5 декабря. Однако в телефонограмме, датированной 9 января 1940 г., сообщается: «Из Юнтусранта эвакуировали 400 человек! Скот также». В другом документе (без даты) отмечается: «Суомуссалми: из Киянтиниэми и западной части Киянтярви всего эвакуировано 470 человек». Таким образом, получается, что на территории, население которой было эвакуировано, обнаружилось 870 неэвакуированных жителей. После этого в обзорах об эвакуации Суомуссалми не упоминается до 25 февраля 1940 г., когда эвакуация там была окончательно завершена¹¹.

* Представитель полицейской и податной власти в пригородах и сельских местностях Финляндии.

Несмотря на обзоры по эвакуации, рисующие картину успешного проведения мероприятия, штаб группы войск Северной Финляндии в действительности не владел полной информацией по этому вопросу. В разведанных и в сводках, поступавших из воинских частей, докладывалось о гражданском населении, которое не эвакуировалось и проживало на захваченных Красной Армией территориях. Однако, несмотря на это, административный отдел штаба в обзорах об эвакуации, направляемых вышестоящему командованию, докладывал, что эвакуация успешно завершена, а обстановка в районах полностью контролируется.

Эвакуированное население коммуны Суомуссалми было размещено в районе реки Оулуйоки в населенных пунктах Утаярви, Мухос, Оулуйоки, Тюрнявя, Лиминкя, Теммес и Лумийоки. Людей поселили в домах, в которых были необходимые условия и продовольствие. Большая часть населения вернулась в Суомуссалми сразу же после окончания Зимней войны. В то же время в отдельные населенные пункты жители смогли вернуться только после окончания войны продолжения, что было связано с принятым законодательством¹².

Следует заметить, что с началом военных действий на ряде участков советско-финляндской границы финские пограничники без боя отошли от государственной границы вглубь страны, бросив на произвол судьбы мирное гражданское население. Об этом, в частности, с горечью писала Анна Ниemi в статье «Судьба гражданских пленных Хюрсюльского мешка», опубликованной 17 декабря 1992 г. в финской газете «Karjala»: «Деревню Игнойла бомбили, никто еще не знал о начале войны, и из деревни не эвакуировали ни одной семьи. Когда начался обстрел, то здание финской пограничной охраны было пустым. Только гражданские лица могли засвидетельствовать начало войны. Судьба населения деревень Хюрсюльского мешка — Игнойла, Хюрсюля и Раутаваара — это позор финской истории»¹³.

Трудно согласиться с мнением некоторых финских исследователей, утверждающих, что на оккупированной территории остались только те финны, которые хотели жить в СССР¹⁴. Лишь незначительное число жителей продолжало жить и работать в своих населенных пунктах, невзирая на начавшуюся войну. Большинство же ушло в леса, надеясь там переждать военные действия и вернуться к своим родным очагам.

Так, по данным 1-го погранотряда Карельского погранокруга на 24 декабря 1939 г. западнее Куусамо фиксировалась концентрация гражданского населения в лесу. 16 января 1940 г. из 3-го погранотряда, дислоцированного на территории Олонцкого района, в Карельский погранокруг поступило сообщение о том, что «в урочище Верхоярви находится большое количество финских граждан из пограничных деревень Игнойла, Хаутаваара, занятых войсками Красной Армии»¹⁵. Аналогичная информация поступала и из других погранотрядов.

Однако тяжелые условия войны, суровая зима заставляли местных жителей возвращаться в свои деревни и на хутора, несмотря на то что они были заняты советскими войсками. Так, по архивным данным, 24—28 января 1940 г. в деревни Кийтоярви, Мойсенваара и Раутаваара вернулось приблизительно 30 человек, чуть позднее, 29 января, в д. Раутаваара прибыло еще около 30 человек, в д. Мойсенваара — около 70 человек¹⁶. И таких фактов можно привести множество. В то же время в условиях начавшейся войны некоторые жители вообще не покидали своих домов. Например, остались на месте жители д. Куоляярви,

хутора Нивала и ряда других населенных пунктов. По информации пограничников, направленной в Карельский погранокруг, 16 января 1940 г. Игнойльской электростанцией продолжала руководить администрация в прежнем составе¹⁷.

Об этом же свидетельствуют и воспоминания очевидцев описываемых событий. В упомянутой выше статье А. Ниеми «Судьба гражданских пленных Хюрсюльского мешка» рассказывается о жизни Соболева (фамилия изменена), который в 1939 г. жил с отцом и братьями в д. Игнойла. Он вспоминает, что, когда началась война, люди эвакуировались в ближайший лес, но уже на следующий день вернулись домой. А на третий день в деревню вошли части Красной Армии¹⁸.

Как уже отмечалось в разделе 1.1 данной главы, в начальный период Зимней войны Советское правительство попыталось использовать финских граждан в своих идеологических целях, создавая комитеты трудового народного фронта для поддержки правительства О. В. Куусинена. Вместе с тем в условиях войны, когда на оккупированной территории не были созданы органы местной власти, комитеты трудового народного фронта, кроме идеологических функций, выполняли и хозяйственные: организовывали охрану бесхозного скота и брошенного имущества, восстанавливали торговлю, создавали бригады по ремонту дорог и др.

Но события на фронте разворачивались совсем не так, как рассчитывало советское руководство. К концу декабря 1939 г. наступление Красной Армии приостановилось. Правительство Куусинена и созданная ему в помощь Финская народная армия не нашли поддержки в финском обществе.

Потерпев неудачу в осуществлении своих планов и готовясь к новому наступлению, которое началось 11 февраля 1940 г., руководство страны и командование Красной Армии стремятся обезопасить свои тылы, предупредить возможную утечку информации о предстоящей военной операции. Для этого Ставка Главного Военного совета РККА принимает решение об интернировании финских граждан из районов их проживания, занятых частями 8, 9 и 15-й армий, вглубь территории Карелии, подальше от госграницы¹⁹.

30 января 1940 г. Ставка Главного Военного совета РККА подготовила директиву «О мерах по борьбе со шпионажем» (№ 01447), которая была направлена командующим 8, 9 и 14-й армиями и народному комиссару внутренних дел. В директиве говорилось: «...в последнее время возрастает осведомленность белофиннов о расположении, передвижении и состоянии наших войск. Целый ряд факторов подтверждает наличие в тылу действующих советских армий безнаказанно работающей широкой сети шпионской агентуры противника. Как на занятой РККА финской территории, так и на территории СССР, в тылу армий фиксируется работа шпионских радиостанций, расположенных иногда в непосредственной близости от крупных штабов Красной Армии и предупреждающих противника о передвижении советских войск, о вылетах авиации и т. п. В целях борьбы со шпионажем Ставка Главного Военного совета приказывает: 1. Выселить все гражданское население с занятой нами территории и с территории СССР в 20—40-километровой полосе от госграницы»²⁰.

Во исполнение указанной директивы нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия 2 февраля 1940 г. подписал директиву № 41 об усилении борьбы со шпионажем. В ней указывалось, что на всех финнов, переселяемых с территории противника в тыловые районы Карельской АССР, командованием соответствующих

погранотрядов во время пропуска через границу составляется именной список, который затем немедленно передается райотделениям НКВД²¹.

Начальники райотделений НКВД, на которых возлагалось обеспечение расселения людей, охрана, установление соответствующего режима, были обязаны всех прибывающих людей принять строго по списку. Отделения НКВД должны были также обеспечить прием людей, вести строжайший учет переселенных финнов и установить за ними агентурное наблюдение.

Для недопущения вражеской, шпионской работы со стороны вышеуказанного переселенного контингента на основании указаний НКВД СССР, все переселенные финны должны были быть сосредоточены в трех поселках Карелии (Интерпоселок, Кавгора и Кинтезьма), в которых устанавливался «режим и охрана применительно к кулацким трудпоселкам»²².

На основании указанных директив 3 февраля 1940 г. Карельский обком ВКП(б) и СНК Карельской АССР приняли постановление «О переселении населения, проживающего в 40-километровой зоне от государственной границы, в тыловые районы республики». Данные директивы и это постановление послужили основанием для отселения жителей Карелии из пограничной зоны и выселения оставшегося финского населения с оккупированных территорий в тыл Карелии. Отселение жителей Карелии из Калевальского, Ребольского, Кестеньгского, Ругозерского, Петровского, Ведлозерского, Пряжинского и Олонецкого районов начало осуществляться с 3 февраля 1940 г. Так, на участке 1, 72 и 73-го пограничных отрядов из 40-километровой зоны было отселено 5 346 человек из 54 населенных пунктов²³.

26 февраля 1940 г. начальник НКВД КАССР М. И. Баскаков докладывал председателю СНК КАССР П. В. Солякову о том, что «в зоне действия 9-й армии к 14 февраля 1940 г. было закончено переселение местного населения в тыловые районы Карелии. Так, из Калевальского района было переселено 546 семей (2 371 человек) из 18 населенных пунктов. Одновременно было перевезено 158 голов крупного рогатого скота. Сдано военведу 1 889 голов скота (крупного мелкого скота и свиней), забито 207 голов скота. Быт тяжелый, с питанием плохо. Имеют место факты, когда в одной комнате живет до 20 человек»²⁴.

Одновременно из Калевальского района было эвакуировано 19 колхозов, часть скота была забита со сдачей мяса государству. Красной Армии также была передана часть скота, семенного материала и фуражного корма²⁵. Фактически государство переложило на местные власти ответственность за продовольственное снабжение РККА.

Решение об эвакуации местного населения и колхозов в тыловые районы Карелии имело далеко идущие последствия. Во-первых, оно фактически подорвало и без того не очень рентабельное сельское хозяйство и животноводство северных и западных районов Карелии. В связи со сложившейся крайне тяжелой ситуацией 11 марта 1940 г. СНК КАССР принял постановление № 10 «Об итогах проведения переселения из 40-километровой погранзоны», в котором постановил просить СНК СССР:

- а) «в связи с тем, что в 40-километровой погранзоне Ребольского, Кестеньгского, Ругозерского и Калевальского районов семенные фонды при переселении населения переданы воинским частям, в результате чего 1 600 га

остались без семян, в т. ч. зерновых 900 га, картофеля 400 га, отпустить для обсеменения полей в период весеннего сева 1 530 центнеров зерновых семян и 7 200 центнеров картофеля»;

- б) «...завести в Карелию из других областей 2 105 голов крупного рогатого скота»;
- в) «...завести в 1940 г. свиноматок — 200, романовских овец — 400, телок — 600, предоставив долгосрочный банковский кредит в сумме 1,084 тыс. рублей»²⁶.

Во-вторых, стало проявляться недовольство переселенного местного населения, среди которого начали распространяться пораженческие слухи. В уже упомянутом выше докладе М. И. Басакова на имя П. В. Солякова от 26 февраля 1940 г. говорилось: «...со стороны антисоветских элементов наблюдаются случаи распространения провокационных слухов о предстоящем поражении Красной Армии в боях с белофиннами»²⁷.

В этот же период с 5 по 11 февраля 1940 г., когда осуществлялось переселение местных жителей, началось выселение финского населения с территории Финляндии, занятой частями РККА, в районы Карелии, подальше от границы²⁸.

Реализация решения о переселении финских граждан возлагалась как на особые отделы УГБ НКВД находившихся здесь частей Красной Армии, так и на Народное правительством Финляндии, а также на партийные и советские органы Карелии. Однако работа по переселению финских граждан была организована наспех. Так, бригадир представителей Народного правительства Финляндии Карпов 20 февраля 1940 г. в докладной записке в Карельский обком ВКП(б) «Об итогах эвакуации финского населения с территории, занятой частями Красной Армии в районе Суоярви Выборгской губернии», писал: «5 февраля 1940 г. из д. Хаутаваара эвакуация проходила в следующем порядке: организационная

работа по эвакуации упомянутой деревни была проведена слабо. Например: начальники участков не знали своей территории, списки предварительно не были проверены и как результат населению начали объявлять в 11 часов дня, и погрузка вещей и населения была закончена только около 20 часов»²⁹.

Во второй половине февраля 1940 г. с территории Финляндии, занятой частями 8, 9 и 15-й армий, было произведено выселение оставшегося финского населения. Всего на территорию Карелии было выселено 2 080 человек, из них мужчин — 402, женщин — 583, детей до 16 лет — 1 095. Их разместили в трех населенных пунктах Карелии: Интерпоселке Пряжинского района, Кавгоре-Гоймае Кондопожского района и Кинтезьме Калевальского района (см. карту 3). В Интерпоселке было выселено больше всего финнов — 1 329 человек (мужчин — 194, женщин — 401, детей до 16 — 734), проживавших до войны в 37 деревнях и хуторах Суоярвского прихода. Создается впечатление, что из некоторых деревень финское население вообще не эвакуировалось. Так, из д. Хюрсюля выселены 456 человек, из д. Хаутаваара — 218, д. Игнойла — 152, Найстенъярви — 112³⁰.

В п. Кавгора-Гоймае находился 481 интернированный (мужчин — 94, женщин — 120, детей до 16 лет — 267) из 23 населенных пунктов Суоярвского и Салминского приходов (Вегакус — 118 человек, Мойсенваара — 184, Перттисельки и Хуттула — по 33, Кокоярви — 16 и т. д.)³¹.

В п. Кинтезьма Калевальского района всего было выселено 270 человек (мужчин — 114, женщин — 62, детей — 94) из 13 деревень и хуторов Суомуссалминского прихода Финляндии (Рухтианаансалми — 179 человек, Кияна — 27, Алавуоки — 12, Юливуоки — 11 и др.)³².

Можно предположить, что на решение о выселении финских граждан на территорию соседней Карелии повлияло также желание избежать потерь гражданского населения во время военных действий. Как отмечалось выше, в этот же период было проведено переселение советских граждан из приграничной полосы. Всего было переселено более 30 тыс. жителей Карелии (в основной массе это были карелы) из 40-километровой зоны государственной границы во внутренние районы республики.

Хотя общее выселение происходило с 5 по 11 февраля 1940 г., но и в дальнейшем, по мере выявления бойцами Красной Армии финских граждан, они сразу же направлялись в один из трех названных выше спецпоселков. Так, в Калевальском районе на 20 февраля 1940 г. было 199 финских жителей, на 6 марта — 263, а на 20 марта — уже 270³³. Это продолжалось вплоть до окончания Зимней войны и заключения мирного договора между СССР и Финляндией.

Первоначально у финнов был относительно свободный режим пребывания в поселках республики: они размещались в бараках и избушках на лесных участках. Например, на 20 февраля 1940 г. на территории лесопункта Кануссуо Ухтинского леспромхоза Калевальского района находилось 199 финских граждан, в том числе в п. Кануссуо — 40 человек, на участке Гусьламбино, в 20 км от Кануссуо, — 35 человек, на участке Кильзамо, в 12 км от Кануссуо, — 60 человек. Они почти беспрепятственно передвигались в пределах отведенных им населенных пунктов и даже за их пределами³⁴.

Так, начальник Калевальского районного отделения НКВД С. А. Хитров докладывал руководству НКВД Карельской АССР 20 февраля 1940 г.: «Все размещен-

ные на лесопункте Кануссуо беженцы передвигаются с участка на участок в радиусе примерно 25 километров бесконтрольно, направляются в лес группами по несколько человек. Где они находятся целый день, никто не знает»³⁵. По-видимому, аналогичная ситуация первое время была и в других пунктах пребывания интернированных.

Такое положение дел не могло устроить руководство республики. Как свидетельствуют документы, хранящиеся в ряде ведомственных архивов Карелии, приблизительно в начале февраля 1940 г. секретарь Карельского обкома ВКП(б) Г. Н. Куприянов и народный комиссар внутренних дел Карельской АССР М. И. Баскаков направили письмо на имя наркома внутренних дел СССР Л. П. Берии, в котором ставился вопрос об изоляции финского населения в поселках Кавгора и Интерпоселок. Они предлагали эти поселки передать полностью Управлению Беломорско-Балтийского лагеря НКВД и поручить ему установить в них соответствующий режим, охрану и использовать рабочую силу по своему усмотрению³⁶.

Свои рекомендации руководители республики мотивировали тем, что «среди переселенных финских граждан имеются кулаки, частные торговцы, владельцы предприятий, часть из них являются шюцкоровцами и членами других контрреволюционных партий, которые несомненно были оставлены финской разведкой в тылу со специальными заданиями по шпионажу и диверсиям. Они безусловно будут пытаться устанавливать связи с местным населением и вести антисоветскую работу, создавая тем самым базу для различного рода контрреволюционных формирований и подрывной деятельности»³⁷.

Пока не удалось отыскать в архивах ответ Л. П. Берии на письмо Г. Н. Куприянова и М. И. Баскакова, но, судя по дальнейшему развитию событий, их предложение частично было поддержано в Москве. С середины февраля 1940 г. отношение к интернированным финнам ужесточается.

28 февраля 1940 г., за две недели до окончания Зимней войны, нарком внутренних дел Карельской АССР М. И. Баскаков дал указание о переселении финских граждан из поселков лесопункта Кануссуо Ухтинского леспромхоза Калевальского района в спецпоселок Кинтезьма этого же района, расположенный в 12 км от д. Юшкозеро, и об усилении контроля за переселенцами. Такие же указания были приняты и относительно двух других населенных пунктов, где размещались интернированные финны, так как с начала марта 1940 г. Интерпоселок и Кавгора в официальных документах начинают называться спецпоселками³⁸.

Названный выше приказ наркома внутренних дел Карелии был немедленно выполнен. Так, уже 6 марта 1940 г. начальник Калевальского районного отделения НКВД С. А. Хитров в докладной записке на имя М. И. Баскакова сообщал: «В порядке выполнения Вашей директивы от 28 февраля сего года о переселении находящихся на лесопункте Кануссуо финских беженцев и определении их в спецпоселок, организованный на лесопункте Кинтезьма, нами проделано следующее: всего принято от Калевальского погранотряда финбеженцев с лесопункта Кануссуо и определено в лесопункт Кинтезьма 263 человека, из них взрослого населения старше 16 лет — 182 человека, детей до 16 лет — 81 человек. Они были размещены в 4 бараках. Для семейных в бараках предоставлены комнаты, для некоторых одна комната на две семьи»³⁹. Для того чтобы поселить финских граждан в спецпоселок Кинтезьма, было принято решение вывезти оттуда 123 человека (49 семей) из местного населения вместе с имуществом и скотом в по-

село Кануссуо, где до этого проживали интернированные. Однако из-за отсутствия транспорта к 6 марта 1940 г. здесь было размещено только 104 местных жителя, из них для обслуживания спецпоселка Кинтезьма было оставлено 22 человека: начальник лесопункта, мастера, пожарная охрана и др.⁴⁰

Одновременно усилился контроль за финнами, проживавшими теперь в спецпоселке Кинтезьма Калевальского района. В вышеприведенной записке сообщалось: «Для охраны спецпоселка Кинтезьма было организовано 2 круглосуточных поста, осуществлялось круглосуточное патрулирование по периметру поселка, по 6 часов в сутки каждой сменой. Кроме того, планируется осуществлять патрулирование по местам работы финских граждан. На мастеров лесопункта возложена обязанность по контролю за финнами на местах производства работ. При выезде на работу они по спискам забирают у коменданта людей, а вечером — по списку возвращают их коменданту»⁴¹.

Материальное положение работавших на лесопунктах Карелии интернированных финнов было тяжелым. Уже с середины февраля 1940 г. они стали высказывать недовольство плохими бытовыми условиями и скудным питанием. Так, 23 февраля к уполномоченному Карельского обкома ВКП(б) и СНК Карелии Карапетову, который находился в Интерпоселке, обратился финский гражданин Даниил Ропа из д. Риухтоваара и в ультимативной форме потребовал предоставить для интернированных теплое жилье и молоко для детей. В противном случае, заявил он, финны работать не будут, так как они являются иностранными гражданами, и если их будут плохо содержать, то они направят письмо в Москву. О данном факте Карапетов 26 февраля 1940 г. сообщил в НКВД Карельской АССР⁴².

В особенно сложном положении оказались интернированные в спецпоселке Кинтезьма. Многие из них покинули свои дома, не успев ничего с собой взять. Трудоспособные работали, получая зарплату в рублях, ее не хватало, но она все же давала возможность купить хоть какие-то продукты. Но значительная часть интернированных была нетрудоспособна (пожилые, дети и больные) и поэтому была лишена средств существования. В результате многие финские граждане голодали. Так, в мае 1940 г. в п. Кинтезьма остро нуждались в материальной помощи 13 финских семей (51 человек)⁴³.

С момента интернирования на советскую территорию нуждающееся финское население получало от Народного правительства Финляндии финансовую помощь в финляндских марках. Впрочем, деньги поступали нерегулярно, к тому же сумма постепенно уменьшалась. снабжение продуктами проводилось через торговую сеть конторы спецрозницы Карелторга, в рамках фондов, которые отпускало Народное правительство Финляндии. Непосредственно на местах вопросами снабжения занимались комитеты трудового народного фронта⁴⁴.

Так, в начальный период интернирования, 19 февраля 1940 г., в докладной записке на имя министра народного правительства Финляндии по делам Карелии П. Прокконена уполномоченный этого правительства И. И. Сюккиянен писал: «Чтобы обеспечить эти семьи по самым минимальным подсчетам, необходимо в день для оказания помощи... на одного человека 5 марок»⁴⁵.

Жалобы на качество питания и наличие продуктов начали поступать с первых дней нахождения финского населения в Калевальском районе. Приведем несколько примеров высказываний интернированных финнов по поводу качества

пищи в столовой: «Нас здесь кормят исключительно скверно, в Финляндии собаки не едят такой пищи...», «...здесь так плохо кормят и снабжают, что в таких условиях жить невозможно...», «...здесь у вас сдохнем с голоду и придется бросить детей». В связи с этим уже 17 февраля 1940 г. председатель комитета трудового народного фронта Сеппянен написал жалобу по поводу плохого питания⁴⁶.

О том, что жалобы на качество пищи были обоснованными, свидетельствует и докладная начальника Калевальского РО НКВД С. А. Хитрова на имя наркома НКВД Карелии М. И. Баскакова: «В спецпоселке (Кинтезьма. — С. В.) питание беженцев очень плохое, за все время пребывания их в поселке кормят исключительно одним супом, других продуктов совершенно никаких нет»⁴⁷.

Зачастую в спецпоселках, где размещались интернированные финны, вообще не было продуктов питания. В своей докладной от 28 марта 1940 в адрес НКВД Карелии тот же Хитров пишет: «Были перебои с хлебом, 21—22 февраля хлеба не было. Нет чаю и сахару. 21—23 марта на лесопункте не было хлеба и продолжительное время кроме крупы не было никаких продуктов». Тяжелое материальное положение во многом было связано с отношением Народного правительства Финляндии и советских, партийных органов к интернированным финским гражданам, в частности в вопросе финансирования. 23 марта 1940 г. С. А. Хитров жаловался, что «никто не решает вопроса оказания помощи нетрудоспособным и малолетним финнам, которым не на что существовать»⁴⁸.

В другой докладной от 28 марта 1940 г. начальник Калевальского РО НКВД С. А. Хитров сообщает: «Имеется 40 человек финбеженцев, которым необходима систематически материальная помощь. Леспромхоз никакой помощи им не оказывает. Временное правительство (имеется в виду Народное правительство Финляндии. — С. В.) за все время отпустило только 600 рублей, и эти финбеженцы почти совершенно голодают»⁴⁹.

По самым скромным подсчетам Народного правительства Финляндии, на одного человека необходимо было выделять 2,5 руб. в день. На 40 человек необходимо 100 руб. в день, или 3 тыс. руб. в месяц.

Окончание советско-финляндской войны и заключение мирного договора между СССР и Финляндией внесло коррективы в процесс оказания помощи интернированным финским гражданам. После Зимней войны Народное правительство Финляндии прекратило свою деятельность. В связи с этим 3 апреля 1940 г. бывший его уполномоченный И. И. Сюккияйнен предлагал СНК КАССР обеспечить эвакуированных финских граждан, в частности оказание материальной помощи нуждающемуся населению, передать органам советской власти. На содержание одного человека, по его расчетам, необходимо выделять 2,5 руб. в день⁵⁰.

В действительности же материальная помощь нуждающемуся финскому населению стала оказываться СНК КАССР уже начиная с двадцатых чисел марта 1940 г. Деньги пересылались по почте⁵¹. Одновременно в конце марта 1940 г. по распоряжению заместителя председателя СНК КАССР М. Ф. Иванова торговля была передана от торговой сети конторы спецрозницы Карелторга непосредственно Карелторгу⁵². На практике это вылилось в передачу снабжения интернированных финнов продуктами питания районным подразделениям Карелторга, что значительно ухудшило и без того плохое обеспечение продовольствием.

14 апреля 1940 г. распоряжением СНК КАССР Калевальскому райисполкому было выделено 4 тыс. руб. для оказания помощи нетрудоспособным и детям.

Однако они вовремя не поступили. Поэтому в двадцатых числах апреля 1940 г. Хитров направляет Баскакову спецзаписку, в которой, в частности, пишет: «На почве недоедания финбеженцы голодают, среди них много больных, 6 человек уже умерло. Мы неоднократно ставили вопрос обеспечения их перед РК ВКП(б) и РИКом, но до сих пор никаких положительных результатов в этой части нет. В своей телеграмме № 102 от 14.04.40 г. Вы сообщаете, что для помощи финбеженцам Совнарком Кар. АССР Калевальскому РИКу отпустил 4 (четыре) тысячи рублей. По данным председателя Калевальского РИКа т. Андронova, никаких денег на эти цели не получали, а поэтому финбеженцам не оказывается и сейчас никакой помощи. Если в ближайшее время не будет оказана помощь, среди них увеличится смертность»⁵³.

Все это отражалось на настроениях финских граждан, многие из них уже не верили, что им удастся выжить. Так, Эдвин Хейккиевич Микконен, находившийся в спецпоселке Кинтезьма, 5 апреля 1940 г. говорил: «Черта с два мы отсюда выедем летом. Из нас ни один человек не проживет до лета, мы все умрем с голоду». Ему вторил Калле Калевич Киннунен, который 8 апреля 1940 г. заявил: «Нас сюда привезли умирать с голоду»⁵⁴.

С приходом весны интернированные финны начали искать еду в лесу. С середины мая 1940 г. они стали ходить в лес собирать прошлогодние ягоды для дополнительного питания⁵⁵.

Следует отметить, что проблемы с питанием были одной из главных тем разговоров. Финны не просто обсуждали качество пищи, отсутствие продуктов, но и проводили аналогию с прошлой и настоящей жизнью в СССР и сравнивали свое положение с жизнью в Финляндии. Так, 9 мая 1940 г. Франц Тауриайнен, интернированный в спецпоселок Кинтезьма, говорил, что «20 лет назад был в России — работал, тогда так же плохо кормили». Таким образом, он сделал вывод, что в СССР ничего не изменилось. Подавляющее большинство финских граждан считали, что в Финляндии жизнь гораздо лучше: «Здесь питаться этими продуктами, которые имеются, совершенно невозможно, у нас дома в Финляндии было гораздо лучше, было много молока и масла»⁵⁶.

Качество питания, отсутствие продуктов, несвоевременная выплата зарплаты лежали в основе забастовок, которые в архивных документах назывались представителями местной власти массовыми невыходами на работу. 27 марта 1940 г. А. Е. Юнтунен предлагал землякам, находившимся в Кинтезьме, не выходить на работу до тех пор, пока не дадут денег и не улучшат питание, стараясь убедить присутствующих в том, что в таких условиях жить невозможно. Юнтунена многие поддержали, и уже на следующий день — 28 марта — зафиксирован массовый прогул, из 60 лесорубов вышло на работу только 5—6 человек⁵⁷.

Ради справедливости следует отметить, что советские власти не проявляли заботы не только об интернированных финнах, но и о своих гражданах. Документы свидетельствуют, что местное население жило в аналогичных условиях, а милицейская охрана спецпоселков, в которых находились интернированные, не была удовлетворена командировочными деньгами⁵⁸.

«Производство — прежде всего!» Этот лозунг, понятный каждому советскому человеку, ощутили на себе и финны, в период Зимней войны выселенные на территорию Советской Карелии. Так, сразу по прибытии из коммуны Суомуссалми в Калевальский район финские граждане включились в производствен-

ный процесс Ухтинского леспромхоза. Работа была обязательной для всех трудоспособных лиц. На всех участках производством руководили местные жители. Финны в основном были заняты на трелевке древесины, сплаве, валке и заготовке дров, в столовой и на других подсобных работах. В Кинтезьме, например, занимались лесозаготовками: сваленный лес на лошадях везли к узкоколейке, по которой перевозили его на берег реки. Здесь использовались лошади, привезенные из Финляндии. Часть финнов трудилась на более легких работах, например на кухне. Нетрудоспособные работали по хозяйству, ухаживали за работающими членами семьи⁵⁹. Дети работали по мере их возможностей. В Канусуо (участок Ухтинского леспромхоза) часть финнов была занята на выполнении военных заказов — производстве саней и «лодочек» (волокуш) для Красной Армии⁶⁰.

Для организации производственного процесса в спецпоселке Кинтезьма к началу марта 1940 г. директор Ухтинского ЛПХ Севкареллеса А. Зуев по согласованию с начальником лесопункта в Кинтезьме В. С. Соловьевым представили в Калевальское районное отделение НКВД список местной рабочей силы в количестве 22 человек: руководство лесопункта, мастера, приемщики, брокеры, бухгалтер, конюх, кузнец, завлашкой, завхоз, статист, возчик. Список был проверен сотрудниками Калевальского РО НКВД на предмет лояльности к советской власти. Неблагонадежные с лесопункта удалены. Среди руководства лесопункта трое были членами ВКП(б) и кандидатами в члены ВКП(б), остальные беспартийные, в том числе начальник лесопункта В. С. Соловьев⁶¹.

Руководство леспромхоза стремилось повысить производительность труда финских граждан с помощью коммунистических призывов. Так, 14 февраля 1940 г. в бараке участка Куккопуро проводили беседу по уплотнению рабочего дня и внедрению стахановского движения. Эти беседы не имели успеха. Подневольный труд никогда не бывает эффективным, поэтому финнов приходилось угова-

ривать работать. 20 марта 1940 г. в Кинтезьме состоялось собрание финских граждан, на котором начальник лесопункта убеждал финнов в том, что они должны работать⁶².

За работу каждому человеку платили по 4,5 руб. в день. Большая часть из этих денег шла на покупку продовольствия и хлеба. Предусматривалось увеличение заработка за выполнение и перевыполнение плана, но реальная заработная плата ни разу не превышала установленного размера⁶³.

С первых дней пребывания на советской территории финские граждане негативно относились к работе, выражали недовольство условиями труда, постоянными задержками зарплаты. Например, 15 февраля 1940 г. на лесопункте Ухтинского леспромхоза Калевальского района Карелии финны жаловались на маленькую зарплату⁶⁴.

Интернированные часто саботировали работу. В своей спецзаписке от 20 февраля 1940 г. начальник Калевальского РО НКВД С. А. Хитров отмечает: «Большинство этих финбеженцев к работе относятся очень плохо и в отдельных случаях проявляют саботаж. Когда лесопунктом был получен заказ на изготовление саней для Красной Армии, последние, видя, что этот заказ военного порядка, сразу же не вышли на работу, а рабочие бригады Лесонен и Кондратьева (бригадирами были карелы) вышли на работу вместо 8 часов в 11—12 часов. Некоторые из финбеженцев часто на работу совершенно не выходят, заявляя, что они с такой пищи, какой кормят у нас в Советском Союзе, работать не могут, например: только по одному лесоучастку Куккопуро не вышли на работу 15 февраля — 16 человек, 16 февраля — 11 человек, 17 февраля — 7 человек. Такое же положение и по другим участкам лесопункта»⁶⁵.

Как свидетельствуют архивные документы, с марта 1940 г., особенно после окончания советско-финляндской войны, высказывания финских граждан носят уже не только экономический, но и политический характер. В спецпоселке Кинтезьма Манне Пеккиевич Юнтунен 10 марта говорил: «Нам раньше рассказывали, что в СССР власть находится в руках рабочего класса и что в СССР хорошо жить. Теперь мы убедились, что это не соответствует действительности. Зарботков здесь не хватает даже на нищенское существование, и здесь исключительно скверно жить». Характеризуя положение трудящихся в СССР, Урхо Яковлевич Сеппянен 18 марта 1940 г. отмечал: «Здесь в СССР люди ценятся меньше, чем сабаки». 22 марта Франц Тауриайнен сказал: «Говорят, что в СССР нет принудительного труда, это неверно, нас здесь вооруженные люди заставляют работать». Онни Александрович Хутту 1 апреля 1940 г. говорил: «К нам здесь относятся как к рабам, нас выгоняют на работу вооруженные люди. Нам раньше твердили, что в СССР существует свободный труд. Здесь существует настоящий принудительный труд». 27 апреля 1940 г. финперебежчик Леоно Калевич Киннунен заявил: «В Финляндии много лучше жить, чем в Советском Союзе, рабочие получают много больше, чем здесь. Здесь зарабатывают только на пропитание»⁶⁶.

Тяжелые жилищные условия, плохое питание привели к тому, что многие интернированные болели. Так, в марте 1940 г. в спецпоселке Кинтезьма болело около 30 человек, из них 12 были направлены в больницу в Юшкозеро. Из Петрозаводска в Кинтезьму был командирован врач, который после обследования сообщил, что «финбеженцы заболели гемоколитом». 17 апреля Хитров в очередной раз докладывал руководству НКВД Карельской АССР о тяжелом положении

финских граждан: «На почве недоедания среди финнов появилось много больных, 6 человек умерло. Имеется 40 человек нетрудоспособных и детей, нуждающихся в систематической материальной помощи. Если ее не будет, то смертность может увеличиться»⁶⁷.

Важный материал о жизни и работе интернированных финнов в Карелии в период Зимней войны мы можем найти в докладной записке наркома внутренних дел Карелии М. И. Басакова от 30 апреля 1940 г. «О положении финского населения в спецпоселках на территории Карело-Финской ССР», направленной им в адрес руководства НКВД СССР (ее копия была представлена секретарю ЦК ВКП(б) КФССР Г. Н. Куприянову и председателю СНК КФССР П. В. Солякову). В ней, в частности, говорилось: «До последнего времени часть трудоспособного финского населения, сконцентрированного в спецпоселках, работает на лесозаготовках: в Кавгоре — 40 человек, в Кинтезьме — 60, в Интерпоселке — 80. Другая часть — нетрудоспособные и обремененные большим количеством детей — для своего существования систематически получала материальную помощь от бывшего Народного правительства Финляндии. По трем спецпоселкам зарегистрировано 89 семей с одним трудоспособным или имеющим на иждивении от 5 до 10 детей, и это не считая значительного количества мужчин и женщин преклонного возраста. В связи с тем что за последнее время материальная помощь данной категории оказывается нерегулярно, часть переселенцев, особенно в спецпоселках Кинтезьма и Кавгора, голодает. На почве недоедания среди них имеются случаи заболеваний. В течение февраля, марта и апреля во всех поселках зарегистрировано 50 смертей среди лиц преклонного возраста и детей. Для того чтобы выжить, переселенцы распродают местному населению привезенную с собой одежду и предметы домашнего обихода»⁶⁸.

Постоянное недоедание и высокая заболеваемость способствовали увеличению смертности среди интернированных финнов. По архивным источникам из фондов ведомственных архивов Карелии пока удалось установить фамилии 17 из 50 человек, умерших на территории Карелии:

- 6 человек умерли в п. Кавгора-Гоймае: Егор Егорович Васикийнен (1939 — 15.03.1940), Раиса Кирилловна Макконен (1939 — 09.03.1940), Мария Кирилловна Макконен (1939 — 11.03.1940), Яков Терентьевич Нейвянен (1858 — 09.02.1940), Павел Ефимович Кярки (1852 — 14.02.1940), Елена Ильинична Тсутсунен (1872 — 21.02.1940);
- 1 человек умер в Интерпоселке: Алексей Егорович Федотов (1879 — март 1940);
- 10 человек умерли в спецпоселке Кинтезьма, среди них: Анна Антоновна Микконен (1927 — 09.03.1940), Эмма Эвиевна Микконен (1939 — 04.03.1940), Эско Этвиевич Микконен (1937 — 19.03.1940)⁶⁹. Один ребенок (Эмма Эстер Эвиевна Микконен, 1 год 3 месяца) умер во время войны, остальные умерли уже после подписания мирного договора. Вейкко Манневич Юнтунен (1933 г. р.) и Якко Петрович Юнтунен (1899 г. р.) умерли во время следования на родину⁷⁰.

Финляндский историк Ю. Кямряйнен считает, что в Кинтезьме умерло 20 финских граждан, Т. Мартикайнен, ссылаясь на очевидцев тех событий, говорит о 12—14 умерших⁷¹. Однако документальных подтверждений этим данным нет.

Как видно из списка, в большинстве своем умирали младенцы и люди преклонного возраста: дети умирали от воспаления легких, пожилые — от слабости сердечной деятельности.

Финские граждане находились на территории Советской Карелии около четырех месяцев, среди них было много детей школьного возраста. Определенный интерес представляет организация учебного процесса. Однако до настоящего времени в архивах Карелии не найдено сведений об учебе финских детей. В то же время, по свидетельствам очевидцев, в период нахождения 60 финских граждан с 10 февраля по 4 марта 1940 г. в п. Пильзамо Калевальского района их дети посещали местную школу. Нет никаких данных об изучаемых предметах. По воспоминаниям очевидцев, по Пильзамо ходили слухи о том, что финских детей отвезут в г. Кемь, где их вырастят пионерами, об этом рассказывали ученикам школьные учителя.

Не имея архивных документов, сложно сказать, насколько обоснованы эти слухи, хотя полностью исключать их достоверность нельзя. Шла война, и советские власти, вероятно, не думали о дальнейшей судьбе финских граждан. Однако по окончании военных действий начальник НКВД Карелии М. И. Баскаков дважды ставил вопрос о переселении в Сибирь всех интернированных финнов с территории Финляндии, а детей он предлагал «организовать и отдать в детские дома Наркомпроса»⁷².

Говоря о пребывании финских граждан в период Зимней войны на территории Советской Карелии, следует отметить, что многие из них в СССР ушли добровольно. В числе их были жители Суомуссалми, сотрудничавшие с оккупационными властями, — члены исполнительного комитета Рухтинаансалми, члены сельских комитетов, члены «сельских отрядов самообороны» и др. Столкнувшись с советской действительностью (холод, голод, болезни, лишения, тяжелые условия жизни и труда) и с отношением к ним со стороны советских властей разного уровня, финны утратили все иллюзии о прекрасной жизни в СССР. Самые верные друзья и сторонники первого государства рабочих и крестьян не понимали, как можно жить и работать в таких условиях, становясь по классификации НКВД «антисоветчиками». Когда настал срок возвращаться, большинство из них пожелали вернуться на Родину, хотя прекрасно понимали, что их ждет в Финляндии.

Особенно это было характерно для коммуны Суомуссалми. Так, члены исполнительного комитета Рухтинаансалми Янне (Юхо) Юнтунен, Юхо Сеппянен, Ханна Кукконен боялись возвращаться домой, опасаясь ареста за работу в органах Народного правительства. Секретарь комитета Х. Кукконен говорила: «Мне опасно сейчас возвращаться в Финляндию, меня там обязательно арестуют, поскольку я работала секретарем комитета народного фронта». Член этого же комитета Ю. Сеппянен сказал И. Юнтунену: «Нам опасно возвращаться обратно в Финляндию, так как нас сразу же могут арестовать». На что Ийкка Юнтунен наивно заявил: «Нам нечего бояться, и мы свободно можем выехать в Финляндию, нас там никто не посмеет трогать, так как за нас заступится Советское правительство». Надо ли говорить о том, что после возвращения многие финские граждане были арестованы и осуждены. Боялись возвращаться на Родину и дезертиры финской армии Эрkki Хейнонен и Хейкки Юнтунен, оказавшиеся на территории СССР⁷³, и некоторые другие. Однако оставаться в Советском Союзе большинство из них не хотело, надеясь, что в Финляндии жить будет лучше.

Интернированные финны с нетерпением ждали окончания войны, надеясь вернуться на Родину. О заключении 12 марта 1940 г. в Москве мирного договора между СССР и Финляндией финские граждане узнали раньше, чем об этом им сообщили официально. Информацию они получили от местных жителей, обслуживающих спецпоселки.

Во всех населенных пунктах интернированные активно обсуждали заключение мирного договора. 17 марта 1940 г. в Кинтезьме этому событию был посвящен митинг. Большинство финских граждан было удовлетворено окончанием войны между Финляндией и СССР и тем, что осталось старое правительство. Среди них стали усиленно циркулировать слухи о том, что в скором будущем всех эвакуированных отправят на Родину, по месту прежнего жительства. Многие готовы были нелегально уйти в Финляндию⁷⁴.

Органы НКВД Карелии пытались пресечь подобные настроения, выявить организаторов слухов среди финского населения. Так, в Интерпоселке в качестве организатора ими был определен Матти Николаевич Паюнен (1880 г. р., по профессии учитель), который стал проводить среди финнов активную агитацию за немедленное возвращение в Финляндию. С этой целью он написал заявление на имя Ю. Паасикиви в финскую миссию в Москве, где просил ускорить решение вопроса о выезде всех переселенных финнов из СССР в Финляндию. С данным заявлением М. Н. Паюнен обходил всех переселенцев и собирал под ним подписи⁷⁵.

Однако и после окончания войны и подписания мирного договора между СССР и Финляндией в положении интернированных финнов на территории Карелии мало что изменилось. Их надежды на быстрое возвращение домой не оправдывались. Финны продолжали трудиться на лесоучастках, но теперь без желания шли на работу, называя ее, как свидетельствуют архивные источники, «принудительным трудом под охраной вооруженных людей», считали, что «с ними обращаются как с рабами». Отношение к властям проявилось и в фактах массового невыхода интернированных на работу. В том же спецпоселке Кинтезьма 28 марта 1940 г. из 60 трудоспособных финских граждан на работу вышли только 6 человек⁷⁶. Основными причинами невыхода на работу были не только сложные бытовые условия и скудное питание, но и тяжелое моральное состояние, осознание того, что они не могут вернуться домой.

Однако финны и представить себе не могли, какая угроза возникнет перед ними после окончания советско-финляндской войны. В упомянутой нами выше докладной записке наркома внутренних дел Карело-Финской ССР М. И. Баскакова «О положении финского населения в спецпоселках на территории КФССР» от 30 апреля 1940 г., направленной им руководству НКВД СССР, был не только анализ ситуации, связанный с пребыванием финских граждан на территории СССР, но и содержалось ходатайство «о переселении всех прибывших с территории Финляндии финнов в Сибирь». Мотивировка этой позиции была стандартной для такого ведомства, как НКВД: «Иностранные разведки в дальнейшем будут использовать это финское население как базу для подрывной деятельности против СССР»⁷⁷.

И это в то время, когда уже отгремели последние залпы Зимней войны, когда в Москве проходили сложные переговоры об обмене финских и советских граждан. В карельских архивах пока не найден ответ Москвы на предложение М. И. Баскакова, но можно с уверенностью сказать, что оно не нашло поддержки в центре.

4 мая 1940 г. вышло постановление СНК СССР № 640-212 «О выезде из СССР жителей территорий, отошедших к Советскому Союзу на основании мирного договора между СССР и Финляндской Республикой, заключенного 12 марта 1940 г.»⁷⁸. В нем говорилось:

- «1. Разрешить жителям территорий, отошедших Советскому Союзу на основании мирного договора между СССР и Финляндией, заключенного 12 марта 1940 г., состоявшим в финляндском гражданстве, выехать в Финляндию до 1 июня 1940 г., если будет установлено советскими органами желание этих лиц выехать в Финляндию.
2. Разрешить лицам, указанным в ст. 1, вывезти лично им принадлежащее имущество в пределах нижеуказанных норм:
 - а) следующим железной дорогой — сверх ручного багажа багаж весом не свыше 50 кг для глав семьи и одиноких и 25 кг для каждого члена семьи;
 - б) следующим гужевым путем — личное имущество может быть помещено не более чем на двух одноконных подводах на одно хозяйство, и, кроме того, домашний скот и домашнюю птицу, однако не более двух лошадей или восьми оленей, одной коровы, одной свиньи, пяти голов овец или коз и десяти штук домашней птицы любых видов на одно хозяйство;
 - в) лицам специальных профессий, как-то: ремесленникам, медикам, рабочим, художникам, учителям и т. п. — предоставляется право вывезти сверх вышеуказанных норм предметы первой необходимости для их личной профессиональной деятельности.
3. Имущество, упомянутое в ст. 2, освобождается от обложения какими-то ни было пошлинами, налогами или сборами»⁷⁹.

Через десять дней после указанного постановления СНК СССР — 14 мая 1940 г. — в адрес председателя СНК Карело-Финской ССР П. В. Солякова поступило письменное распоряжение из Москвы:

«В развитии Постановления СНК СССР № 640-212 от 4 мая 1940 г. ...СНК СССР постановляет:

1. Для проведения в жизнь вышеуказанного постановления образовать комиссию из 3 человек в составе:
 - а) Председатель комиссии — комбриг Я. К. Котомин (НКВД);
 - б) Заместитель председателя — М. Ф. Иванов (зам. председателя СНК КФССР);
 - в) Член комиссии — Г. И. Тункин (Наркоминдел КФССР);
2. В задачу комиссии по эвакуации входит:
 - а) практическая реализация постановления СНК СССР от 4 мая с. г.;
 - б) выяснение числа, местонахождения и национальной принадлежности лиц, выразивших желание выехать, а также наблюдение за регистрацией таковых;
 - в) организация плавного хода эвакуации и наблюдение за ней»⁸⁰.

В этом постановлении ставились и конкретные задачи перед наркоматами: НКВД в 3-дневный срок должен был определить и организовать контрольно-

пропускные пункты для эвакуирующихся; Наркомпуть — предоставить необходимые транспортные средства по заявкам комиссии и др.⁸¹

Еще до того как данное постановление, предусматривающее конкретный механизм эвакуации финских граждан из СССР в Финляндию, было получено в Петрозаводске, нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия дал указание НКВД КФССР и УНКВД по Мурманской области за № 1799 от 8 мая 1940 г. о создании четырех комиссий по эвакуации финских граждан, выразивших желание выехать в Финляндию (по числу пунктов сосредоточения финнов). Комиссии создавались: в Петрозаводске (для расселенных в Интерпоселке), в Кондопоге (для расселенных в районе Кавгоры), в Ухте (для расселенных в Кинтезьме) и Мурманске (для расселенных в Ловозерском районе Мурманской области).

Каждая комиссия состояла из трех человек — двух сотрудников НКВД (по одному представителю от пограничных войск), а также: в Петрозаводске — представителя СНК КФССР, в Мурманске — представителя Мурманского областного Совета депутатов трудящихся⁸².

Одновременно были разработаны и маршруты эвакуирующихся финнов к государственной границе:

- 1) из районов Кавгоры и Интерпоселка: Петрозаводск — Суоярви — Вяртсиля;
- 2) из района Ухты (Кинтезьмы): Лонка — Юнтусранта;
- 3) из Ловозерского района: Мурманск, оттуда пароходом в Петсамо⁸³.

Для упорядочения работы местных комиссий по эвакуации финских граждан в Финляндию была разработана специальная инструкция, утвержденная наркомом внутренних дел СССР Л. П. Берией. В соответствии с ней комиссии на местах должны были в пределах своего района выяснить количество, местонахождение, род занятий и национальность лиц, подлежащих эвакуации, принимать заявления от тех, кто желает эвакуироваться, составить списки и подготовить людей к эвакуации. Согласно инструкции комиссии должны были также знакомить финнов с порядком и условиями эвакуации и следить, чтобы вывоз имущества и ценностей осуществлялся в соответствии с утвержденным списком предметов. Право самостоятельного решения об эвакуации в Финляндию предоставлялось лицам, достигшим 14 лет⁸⁴.

В первую очередь эвакуации подлежали нетрудоспособные, больные, инвалиды, старики, одинокие женщины и дети, а также лица, члены семей которых находились на территории Финляндии. Была установлена форма учета выезжающих в Финляндию, в ней указывались: фамилия, имя и отчество, год и место рождения, место жительства до 1 декабря 1939 г., национальность, гражданство, профессия и семейное положение⁸⁵.

Следует отметить, что подготовка к возвращению финских граждан на родину в Карелии проводилась в тесном взаимодействии СНК КФССР с органами НКВД, при этом последние начали подготовку значительно раньше. Руководствуясь Постановлением № 640-212 СНК СССР от 4 мая 1940 г. НКВД СССР издал 8 мая 1940 г. приказ № 1799 «Об эвакуации финподданных в Финляндию и вербовке загранагентуры». После его получения НКВД Карелии начал подготовку к возвращению интернированных финнов на родину и вербовке среди них агенты. Предположительно 9 мая 1940 г. у наркома внутренних дел КФССР М. И. Баскакова прошло оперативное совещание по данному приказу. Заслуживают вни-

мания участники совещания (11 человек): 7 сотрудников НКВД КФСР (зам. наркома Нефедов, начальники 2-го и 3-го отделов, секретариата Солоимский, Дубинин, Столяров, начальник 5-го отделения 3-го отдела Богданчиков, начальники Кондопожского и Пряжинского РО НКВД Медведев и Смирнов) и 4 сотрудника Управления пограничных войск НКВД Карельского округа (УПВ НКВД КО), из них 3 сотрудника 5-го (разведывательного) отдела (начальник 5-го отдела УПВ НКВД КО Баранников, начальник отделения 5-го отдела Мандель и помощник начальника отделения 5-го отдела Артемьев)⁸⁶. Начальник Калевальского райотдела НКВД С. А. Хитров не участвовал в совещании по одной простой причине — Калевала находилась слишком далеко от Петрозаводска и на поездку тратилось много времени.

Стенограммы совещания нет, однако тематика совещания и состав участников свидетельствуют о том, что на первом месте был вопрос о вербовке агентуры среди финских граждан. Многие из них должны были вернуться в родные места — приход Суомуссалми, в пограничный с СССР район, что представляло оперативный интерес и для пограничной разведки. Двое из присутствующих — Солоимский и Мандель — лично принимали участие в передаче интернированных финнов финской стороне 3 июня 1940 г.

Во исполнение приказа НКВД СССР № 1799 и указания наркома внутренних дел КФСР М. И. Баскакова Калевальский РО НКВД подготовил специальный план агентурно-оперативной работы в связи с эвакуацией, который затем был утвержден М. И. Баскаковым⁸⁷. В соответствии с этим планом начальник комендатуры в Кинтезьме сержант госбезопасности Канноев в период с 11 по 20 мая 1940 г. провел беседы с 24 финскими гражданами. Он интересовался их биографическими данными, наличием родственных и иных связей в Финляндии, СССР и других странах, спрашивал о родственниках в финской армии и шюцкоре, о связях финских граждан с национальными спецслужбами и др. Среди опрошенных были четыре финна, которые проверялись НКВД как шпионы и антисоветчики. По результатам каждой беседы Канноев составлял подробные справки⁸⁸. Беседы всегда проходили с глазу на глаз. Таким образом, в ходе бесед Канноев подбирал среди финских граждан будущих агентов. И он очень спешил, так как время возвращения финнов на родину неумолимо приближалось.

В Калевальском районе ответственным за эвакуацию финнов из Кинтезьмы в Финляндию назначили уполномоченного правительственной комиссии, начальника Калевальского райотдела НКВД С. А. Хитрова, о чем было доложено наркому иностранных дел СССР В. М. Молотову⁸⁹. В Кинтезьме подготовка к возвращению домой началась несколько позже, чем в Интерпоселке или в Кавгоре, где финнам объявили о возвращении домой соответственно 20 и 21 мая 1940 г.⁹⁰ Только 20 мая 1940 г. в 23:30 С. А. Хитрову по телеграфу поступило указание о подготовке документа на передачу финбеженцев Финляндии. Оно предписывало подготовить по одному экземпляру списка: 1) номер по порядку; 2) фамилия, имя, отчество; 3) год рождения; 4) место рождения и постоянное место жительства до 1 декабря 1939 г.; 5) профессия и специальность; 6) национальность и подданство; 7) есть ли документы о подданстве и какие, номер; 7) семейное положение; 8) примечание. В список вносились все без исключения члены семьи. Рекомендовалось обеспечить правильность данных, чтобы избежать претензий от финского правительства⁹¹.

Непосредственно подготовительная работа по эвакуации финграждан из Калевальского района Карелии в Финляндию была начата 22 мая 1940 г. Тогда все финны, проживавшие в спецпоселке Кинтезьма, были собраны в клубе и оповещены о постановлении СНК СССР. На собрании им был разъяснен порядок эвакуации. Местная комиссия путем личных переговоров с финнами выявляла желающих на добровольной основе вернуться на родину. За детьми с 14-летнего возраста признавалось право лично определить свое желание остаться в СССР или вернуться в Финляндию. В течение двух последующих дней от финских граждан поступило 184 заявления о возвращении в Финляндию и 5 заявлений о желании остаться в СССР⁹².

По результатам опросов Калевальское райотделение НКВД подготовило «Список финподданных, подлежащих эвакуации в Финляндию из Калевальского района Карело-Финской ССР» на 255 человек. Список составлялся со слов, так как ни у кого не было документов. Его подписали Хитров, Леонов и Мандель, соответственно председатель и члены комиссии⁹³.

Интернированные финны в спецпоселках Интерпоселке и Ковгоре отправились в путь соответственно 23 и 25 мая 1940 г. и к 1 июня они уже находились в Финляндии⁹⁵.

Эвакуацию финских граждан из Кинтезьмы председатель правительственной комиссии Котомин продлил до 10 июня 1940 г. Их передача в соответствии с его указанием должна была произойти на временном контрольно-пропускном пункте (КПП) Лонка 3—4 июня⁹⁴. Здесь не следует искать политических мотивов, все было намного проще и связано лишь с состоянием дорог: ждали, когда откроется ото льда система озер Куйто.

Финские граждане, возвращавшиеся на родину из спецпоселка Кинтезьма, находились в более сложном положении, чем их соплеменники в других спецпоселках Карелии. Маршрут движения и условия передвижения были значительно тяжелее, а скорость передвижения медленнее. Только 1 июня 1940 г. финские граждане из Кинтезьмы тронулись в путь.

Передача граждан с их имуществом производилась контрольно-пропускным пунктом по заранее составленным спискам с 10:00 до 22:30 3 июня 1940 г. Непосредственно передачу производили начальник КПП лейтенант Лосев, сотрудник 5-го отдела УПВО КО старший лейтенант Мандель, в качестве переводчика с советской стороны был использован старший оперуполномоченный 3-го отдела УГБ НКВД КФССР Александров. С финской стороны людей принимала комиссия во главе с майором Хяккиненем.

Окончательный итог работы по возвращению финнов на Родину подвел председатель государственной комиссии по эвакуации комбриг Я. К. Котомин. 1 июня 1940 г. он отправил отчет в НКВД СССР о результатах деятельности комиссии. В нем говорилось: «Всего было учтено финских граждан, подлежащих эвакуации, — 2 540 человек, из них по Карело-Финской ССР — 2 121; по Мурманской области — 312; по Ленинградской области — 107. На 31 мая 1940 г. передано Финляндии 2 134 человека, изъявили желание остаться в СССР 155 человек. Эвакуация закончена по всем пунктам поселения финских граждан, за исключением пункта Кинтезьма Калевальского района КФССР, по которому дана отсрочка до 10 июня. В Кинтезьме изъявил желание выехать 251 человек. 31 мая 1940 г. начинается перевозка этих финнов из Кинтезьмы в Ухту по озеру Куйто. Передача

их будет произведена на временном контрольно-пропускном пункте «Лонка» 3—4 июня 1940 г. Среди подлежащего передаче 251 человека имеются трое тяжелобольных, перевозка которых в данное время невозможна. Они будут переданы после выздоровления, о чем известят финские власти»⁹⁵.

Судя по архивным источникам, процесс эвакуации также не обошелся без потерь. В информации пограничников в Карело-Финский пограничный округ сообщалось: «В период с 25 мая по 3 июня 1940 г. эвакуировано финских граждан через КПП «Лонка» 255 человек, а также 16 лошадей. По дороге к границе умерли 2 человека и пали 16 лошадей. Через КПП «Вяртсиля» переправлены 1 755 человек, по дороге к границе умерли 3 человека»⁹⁶.

Как видно из приведенных выше документов, большинство финнов вернулось на Родину. В Советском Союзе осталось чуть более 150 человек, в основном по идейным соображениям. Практически все они направили письма в Президиум Верховного Совета СССР с просьбой о предоставлении им советского гражданства. Приведем одно из таких писем:

В Президиум Верховного Совета СССР
от финской гражданки, оставшейся
на территории Советского Союза,
Лемби-Марии Тухканен
г. Сортавала
19 мая 1940 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Я осталась на территории Советского Союза 22 марта 1940 г. исходя из моих истинных убеждений. В мирное время, а также во время войны я испытала много обид и несправедливости в Финляндии.

Прошу Президиум Верховного Совета СССР принять меня в подданство Советского Союза и дать мне гражданские права как гражданке СССР.

У моих детей есть желание учиться и развиваться. Здесь у них есть на это все возможности, чего нет в Финляндии. Поэтому как мать я уважаю ту страну, где нет классовых ограничений и всем людям дается право учиться.

Лемби Тухканен⁹⁷.

Однако трудности финского мирного населения после возвращения на Родину не закончились: людей ждала проверка в Финляндии в специальных карантинных лагерях.

Так, интернированных из Калевальского района после пересечения государственной границы сразу отправили в Миеслахти, где в здании училища был организован карантинный лагерь. Карантинный лагерь в Миеслахти был открыт по нескольким причинам: здесь врачи выясняли состояние здоровья финнов, вернувшихся из Кинтезмы, их лечили и усиленно кормили после перенесенной тяжелой зимы, одновременно они проходили санитарный контроль. Карантин держался две недели из-за страха властей, что финны могли привезти с собой инфекционные болезни. Кроме того, государственной полиции была предоставлена возможность допросить всех прибывших взрослых и выяснить все обстоятельства пребывания финнов в спецпоселке Кинтезма.

Государственная полиция в ходе допросов выявляла лиц, сотрудничавших в ходе Зимней войны с советскими органами, тех, кто служил в Финской народной армии, работал в комитетах народного трудового фронта, был завербован советской разведкой, НКВД для ведения шпионской деятельности.

По результатам допросов были задержаны 27 жителей Суомуссалми по подозрению в совершении государственной измены. Начались судебные процессы. Все задержанные после допросов в карантинном лагере в Миеслахти в июле — августе 1940 г. были осуждены уездным судом Хюрюнсальми за совершение государственной измены и приговорены к различным срокам лишения свободы.

За что были осуждены финские граждане? Как выяснил финляндский исследователь Ю. Кямярйнен, 13 человек обвиняли за вступление в Финскую народную армию: «вступил в ряды так называемой финской народной армии, зная, что указанная армия является воинским подразделением противника», 10 человек были осуждены за другие формы государственной измены. Под ними подразумевалось оказание помощи РККА в качестве проводников, сбор оружия и передача его противнику. Некоторым были предъявлены обвинения за оказание помощи противнику (работа продавцом в магазине, открытом РККА в д. Юнтусранта, подписание пропагандистских листовок и др.). Только один был осужден за то, что с оружием в руках участвовал в боях против финских войск в составе Народной армии. Еще одного осудили за шпионаж в пользу русских⁹⁸.

126

После окончания Зимней войны СССР вернул в Финляндию, по финским данным, 2 389 человек, их них: 1 757 жителей Суоярвского прихода, 305 из Петсамо (в настоящее время Печенга), 254 жителей прихода Суомуссалми и 73 человека с Карельского перешейка и островов Финского залива. Жителей Петсамо и островитян не привлекли к ответственности, из Суоярвского прихода только четырех человек привлекли к уголовной ответственности за государственную измену, а вот из Суомуссалми было осуждено 27 человек. Это говорит о том, что каждый шестой взрослый из вернувшихся жителей коммуны Суомуссалми был осужден за сотрудничество с советскими властями.

В чем причина столь высокого процента сотрудничества населения коммуны Суомуссалми с советскими властями? Ее следует искать в экономической и политической ситуации в коммуне. Население Суомуссалми в основном занималось сельским и лесным хозяйством. Хутора чаще всего были небольшими, поэтому получаемый от лесных работ дополнительный приработок был очень важным подспорьем в жизни местного населения. В то же время низкие заработки на лесозаготовках люди считали несправедливыми, что способствовало росту в коммуне ненависти к богатым и развитию социалистических идей⁹⁹.

Так называемый лесной коммунизм (коммунизм глухих деревень — *korpi-kommunismi*) был влиятельной силой в 1920—1930-е гг. в провинции Кайнуу. Накануне Зимней войны часть населения Суомуссалми придерживалась левых взглядов. На проходивших в 1939 г. парламентских выборах 39 % населения Суомуссалми проголосовало за Социал-демократическую партию, за которую проголосовали и коммунисты, так как коммунистические партии не были допущены к выборам (Коммунистическая партия Финляндии (КПФ) была запрещена. — С. В.).

В 1920-е гг. у КПФ одним из основных пунктов для переправки людей в СССР была д. Рухтинаансалми коммуны Суомуссалми, жители которой помогали перебежчикам переходить госграницу. И массированное наступление РККА

в Зимней войне именно через Кайнуу, по мнению отдельных финских ученых (Р. Хейккинен, М. Лакман и др.), было связано с крепкими позициями, которые там занимали крайне левые. Советское руководство, вероятно, надеялось на помощь населения Кайнуу¹⁰⁰. Исходя из вышесказанного, можно констатировать, что советские власти рассчитывали на проявление коллаборационизма со стороны части финского населения в период Зимней войны, и в первую очередь на тех жителей, которые проживали в северной части Финляндии.

В конечном итоге финские власти в ходе и после окончания Зимней войны привлекли к судебной ответственности за сотрудничество с советскими властями 45 жителей коммуны Суомуссалми, 6 человек были приговорены к высшей мере наказания, остальных приговорили к лишению свободы от 5 до 12 лет¹⁰¹.

Рассматривая данную проблему в контексте советско-финляндской войны 1939—1940 гг., прежде всего надо ответить на вопрос: был ли смысл в интернировании финских граждан от государственной границы вглубь территории Карелии и размещении их в спецпоселках республики? Большинство исследователей действия советских властей рассматриваются как репрессивный акт, направленный против финского народа. В подтверждение этой позиции приводятся серьезные аргументы: тяжелые жилищные условия, плохое питание и другие неблагоприятные факторы, о которых говорилось выше, привели к тому, что многие финны во время пребывания на советской территории заболели, десятки из них умерли.

Однако мы не можем согласиться со столь категоричной оценкой. При исследовании вопроса надо учитывать все аспекты данного эпизода Зимней войны. Стоит отметить, что проведенная акция не была изобретением СССР. Существовала и существует международная практика по интернированию иностранцев в период военных действий (достаточно вспомнить интернирование японцев в США после нападения Японии в декабре 1941 г. на американскую базу Перл-Харбор). Признавая факт агрессии Советского Союза против Финляндии в 1939—1940 гг. со всеми вытекающими негативными последствиями для народов обоих государств, надо сказать, что в сложившейся в тот период ситуации выселение финских граждан с захваченных Красной Армией территорий и размещение их в спецпоселках Карелии спасло жизнь сотням людей. Как бы тяжело ни приходилось иностранцам на чужой земле, все же они были обеспечены минимумом, необходимым для жизни (хлебом, кровом и медицинским обслуживанием), а главное — над их головами не свистели пули, рядом не взрывались снаряды. Надо помнить и то, что территории, где до войны проживали переселенные финны, в декабре 1939 г. — феврале 1940 г. были местами ожесточенных боев, отдельные населенные пункты по несколько раз переходили из рук в руки. И готовящееся на 11 февраля 1940 г. крупномасштабное наступление Красной Армии могло привести к несравненно большим потерям со стороны мирного гражданского населения.

Несмотря на все сложности проживания финнов на карельской земле, жизнь не остановилась. В спецпоселках Карелии в суровую зиму 1939/40 г. рождались юные финские граждане. Пока удалось по архивным источникам установить рождение 24 человек¹⁰².

В п. Кавгора-Гоймае родились семь человек: Пентти Александрович Ехконен, Мэри Александровна Койвунен, Бенъям Ильич Митрунен, Юрье Эйнович Хар-

тикайнен — родители до переселения проживали в д. Мойсенваара; Вели Дорофеевич Паяри — родители из д. Вегарус; Вилхо Александрович Хямюнен (Хяменен) — родители проживали в д. Койвоскюй; Кертту Ивановна Хаукка — родители из д. Кайкаваара.

В Кинтезьме на свет появились три человека. 4 марта 1940 г. Рауха Юговна Юнтунен, которая до войны проживала на хуторе Екеля, была направлена в Юшкoзерскую больницу, где родила дочку Майю. 12 марта 1940 г. родилась Ирина Ханасовна Таулувори. 22 апреля 1940 г. Мартта Контио из д. Лехтоваара родила сына Рейно¹⁰³.

В Интерпоселке родились 14 человек: Марта Ивановна Борды, Кертту Федоровна Лиркки — их родители до войны проживали в д. Найстенъярви; Габриэль Федоровна Миеттинен, Сулеви Павлович Сидоров, Мирья Григорьевна Максимова, Рейо Иванович Метенен, Сильви Антоновна Никунен, Рауха Ивановна Репо — родители проживали в д. Хюрсюля; Салме Алексеевна Кярки, Рейо Васильевич Корьяла, Лахья Игнатъевна Хяменен — родители из д. Хаутаваара; Алео Николаевич Континен — мать из д. Игнойла; Санни Матвеевна Нилосаари — мать из д. Нилосаари; Пирко Степанович Партанен — мать из д. Маймаламби¹⁰⁴.

Вполне вероятно, что новорожденных в спецпоселках Карелии было значительно больше.

Исследуя проблему об интернированных финнах на территории Советской Карелии в период Зимней войны 1939—1940 гг., нельзя не сказать и о роли в их судьбе органов НКВД СССР и Карелии. Впервые в своей истории НКВД Карелии пришлось «открыто работать» по такому большому количеству иностранцев, находившихся в зависимом от НКВД положении. Из документов ясно просматривается тщательный контроль этих органов за обстановкой среди выселенных финнов. Сотрудники вели активный поиск «агентов иностранных разведок и членов контрреволюционных организаций», в каждом интернированном видели потенциального «шпиона», стремились свести к минимуму контакты финских граждан с местным населением, что свидетельствовало о недоверии их не только к иностранцам, но и к советским людям. Причем «работу» по финским гражданам органы НКВД КАССР начали вести с первого дня советско-финляндской войны, используя возможности УПВ НКВД КО и особые отделы УГБ НКВД.

Особые отделы УГБ НКВД 8-й и 9-й армий информировали НКВД КАССР о переселяемых на территорию СССР интернированных финских гражданах, на которых имелась ранее полученная негативная информация: финские шпионы, шюцкоровцы, карельские беженцы, антисоветски настроенные лица и т. д. Так, 16 февраля 1940 г. Особый отдел УГБ НКВД 8-й армии направил в 3-й (контрразведывательный) отдел УГБ НКВД КАССР список из 44 финских граждан, интернированных в п. Интерпоселок, на которых имелись компрометирующие материалы¹⁰⁵.

Контроль за интернированными финскими гражданами на территории Карелии возлагался на райотделения НКВД по местам расположения поселков, куда были переселены финские граждане. За финское население в Интерпоселке отвечало Пряжинское райотделение НКВД (начальник П. М. Смирнов), в п. Кавгора-Гоймае — Кондопожское райотделение (начальник М. В. Медведев), в п. Кинтезьма — Калевальское райотделение (начальник С. А. Хитров).

В рамках Карелии всей работой по интернированным финнам руководил 3-й (контрразведывательный) отдел УГБ НКВД КАССР (начальник А. А. Дубинин) через районные отделения в Калевале, Кондопоге и Пряже. Так, уже 16 февраля 1940 г. А. А. Дубинин потребовал от начальников Пряжинского и Кондопожского райотделений НКВД срочно направить в Петрозаводск списки на финское население, переселенное с территории Финляндии в данные районы¹⁰⁶.

В работе с интернированными финнами перед НКВД стояли три основные задачи: выявление агентуры финской разведки и охраны, антисоветски настроенных лиц (которых считали потенциальными врагами советской власти), а также вербовка финских граждан.

Надо сказать, работа по иностранцам ничем не отличалась от работы по советским гражданам: жесткость, недоверие, подозрительность и основополагающий принцип — «человек всегда виноват».

В поиске шпионов среди интернированных финнов НКВД Карелии проявил заведомое усердие. Так, только Калевальским РО НКВД проверялось 25 финских граждан (21 мужчина и 4 женщины), из них 15 человек подозревались в проведении «антисоветской агитации», 10 — в «шпионаже», на всех были заведены учетные дела¹⁰⁷. Многие из них были арестованы. Если учесть, что на начало марта 1940 г. в спецпоселке Кинтезьма содержалось 263 человека, из них взрослого населения старше 16 лет 182 человека¹⁰⁸, то становится ясно, что каждый седьмой финн проверялся органами НКВД (13 %), над ним висел «дамоклов меч», его могли в любой момент арестовать и осудить.

Изучали, проверяли и арестовывали и пограничные войска. Так, в марте 1940 г., уже после окончания войны, Управление пограничных войск НКВД Карельского округа «разрабатывало» интернированных финнов, проживающих в Интерпоселке, по агентурному делу «Дезертиры». Эта «разработка» осуществлялась в отношении тех финнов, которые вынашивали желание выехать домой¹⁰⁹.

Все эти обвинения в отношении интернированных финнов были надуманы. Однако именно эти данные, как показано выше, легли в основу докладной записки наркома внутренних дел Карелии М. И. Баскакова от 30 апреля 1940 г. «О положении финского населения в спецпоселках на территории Карело-Финской ССР», направленной им в адрес руководства НКВД СССР, в которой он предлагал всех прибывших в Советскую Карелию с территории Финляндии финнов переселить в Сибирь, чтобы ликвидировать «базу для подрывной деятельности против СССР»¹¹⁰. Следует отметить, что это было уже второе обращение Баскакова в Москву. В архивных документах упоминается, что впервые он обращался с рапортом лично к наркому Л. П. Берии о переселении в Сибирь всех интернированных финнов с территории Финляндии еще в период военных действий. Однако текст данного рапорта Баскакова до настоящего времени не обнаружен¹¹¹.

Органы НКВД изначально оценивали финских граждан по классовому принципу и социальному положению. Больше всего вызывали недоверие зажиточные крестьяне, которые имели «крупные кулацкие хозяйства — от 5 до 15 коров, по несколько лошадей и применяли в хозяйстве наемную рабочую силу, имеют много земли (127 га), дом из 5 комнат», с подозрением относились и к крестьянам-середнякам. Их считали агентами иностранных специальных служб: «часть из них была несомненно оставлена финской разведкой в тылу со специ-

альными заданиями по шпионажу и диверсии, для проведения антисоветской работы, создавая тем самым базу для различного рода контрреволюционных формирований и подрывной деятельности»¹¹².

Кроме поиска шпионов, антисоветчиков и прочих врагов советской власти, была еще важная задача — вербовка агентуры среди интернированных финнов с целью их дальнейшего направления в Финляндию. Однако агентуры было мало. Так, 28 февраля 1940 г., критикуя положение с интернированными финнами в Калевальском районе, нарком внутренних дел КАССР М. И. Баскаков приказал «начальнику РО НКВД С. А. Хитрову немедленно приступить к развертыванию агентурной работы в поселке»¹¹³.

Здесь следует сказать о сложных отношениях между Калевальским районным отделением НКВД и Ухтинским (Калевальским) пограничным отрядом. Дело в том, что разведывательный отдел Калевальского погранотряда к этому времени среди финских граждан уже имел 16 агентов, которых не передал территориальному органу НКВД, а оставил себе и работал с ними вплоть до их выезда на родину¹¹⁴.

Однако сотрудник Калевальского РО НКВД сержант госбезопасности Канноев быстро исправил положение. Уже к 6 марта 1940 г. он завербовал первого агента среди интернированных, а к 8 апреля 1940 г. Калевальское райотделение НКВД уже привлекло к сотрудничеству по крайней мере восемь агентов из числа интернированных финнов, это: Киви, Корхонен, Хакка, Сеппянен, Вилхо, Хела, Юнтунен, Окунь¹¹⁵. Вербовку проводили и другие районные отделения НКВД Карелии. Однако выявить, сколько было завербовано интернированных финнов на территории Карелии в период и сразу после окончания Зимней войны, вероятно, навсегда останется тайной: ни одна спецслужба мира не раскрывает своих агентов¹¹⁶.

Вербовка агентов из числа финских граждан являлась главной задачей органов НКВД КАССР. Но, с другой стороны, архивные источники районных аппаратов НКВД Карелии показывают, что их сотрудники объективно излагали положение дел интернированных финнов в спецпоселках на территории Карелии. Нельзя не отметить деятельность начальника Калевальского районного отдела НКВД Карелии С. А. Хитрова, который неоднократно в течение 2,5 месяца (с 16 февраля по 24 апреля 1940 г.) информировал руководство о тяжелом положении переселенных в спецпоселке Кинтезьма. В своих докладных записках он просил об оказании помощи финским гражданам¹¹⁷.

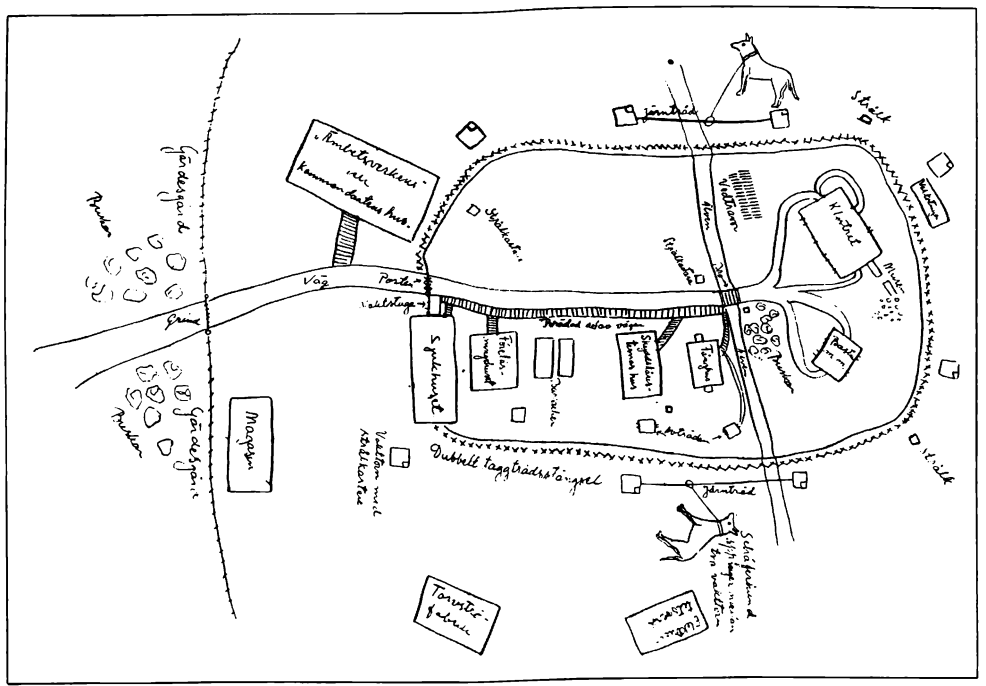
Взгляд на проблему только с одной стороны не позволяет полно и объективно представить картину происшедших событий. Необходимо продолжить поиск документов по данной теме в различных архивах как России, так и Финляндии. Интересно также проследить, как сложилась судьба интернированных: если о тех, кто возвратился в Финляндию, уже написано в финляндских исследованиях, то жизнь тех, кто остался жить в Советском Союзе и кого впереди ожидали еще более суровые испытания 1941—1945 гг., практически не изучена.

- 1 *Веригин С. Г.* Териокское правительство и его деятельность на территории Карелии в период Зимней войны, 1939—1940 гг. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1994. С. 60.
- 2 *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1968. С. 37.
- 3 См., например: *Haasio A., Hujanen E.* Tasavallan panttivangit. Evakuoimatta jääneiden suojärveläisten vaiheet talvisodan aikana. Jyväskylä; Suo-Säätiö, 1990. S. 20, 27; *Heiskanen P.* Saadun tiedon mukaan ...Päämajan johtama tiedustelu 1939—1945. Helsinki, 1989. S. 83.
- 4 *Haasio A., Hujanen E.* Tasavallan panttivangit... S. 20.
- 5 Ibid. S. 20, 22, 24, 27.
- 6 Kainuun Sanomat. 1939. 14.10.
- 7 105 päivää — Uhri ja valkoinen kuolema Kainuussa vv. 1939—1940. Kajaani, 1990. S. 60; *Siilasvuo P.* Kuhmo talvisodassa. Helsinki, 1944. S. 12; *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П., Кямярйнен Ю.* Заложники Зимней войны: (Интернированные финны на территории Калевальского района Советской Карелии в период Зимней войны 1939—1940 годов). Петрозаводск; Йоэнсуу; Суомуссалми, 2004. С. 50.
- 8 *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П., Кямярйнен Ю.* Заложники Зимней войны. С. 50.
- 9 105 päivää — uhri ja valkoinen kuolema Kainuussa vv. 1939—1940. Kajaani, 1990. S. 42, 59—60; *Siilasvuo* 1944, 12.
- 10 105 päivää — uhri ja valkoinen kuolema Kainuussa vv. 1939—1940. S. 62.
- 11 SA. Pr835/2. Hallintotoimisto (Tsto V) Rajaesikunta — Pohjois-Suomen Ryhmän Esikunta, sal. kirjeistöä 1.12.1939 — 7.3.1940, Evakuointitilannekatsauksia.
- 12 105 päivää — uhri ja valkoinen kuolema Kainuussa vv. 1939—1940. S. 68—71.
- 13 *Niemi A.* Hyrsylänmutkan siviilivankien kohtalot // Karjala. 1992. 17. 12.
- 14 См., например: *Haasio A., Hujanen E.* Tasavallan panttivangit... S. 20, 27; *Martikainen T.* Talvisodan evakot ja siviilisotavangit. Jyväskylä, 2000. S. 104.
- 15 Архив УФСБ РФ по РК, ф. 35, п/ф. 20, оп. 1, д. 60, л. 7, 10, 21.
- 16 Там же, л. 52.
- 17 Там же, д. 57, л. 49; д. 60, л. 10, 25, 45, 51—52, 79.
- 18 *Niemi A.* Hyrsylänmutkan siviilivankien kohtalot.
- 19 Архив УФСБ РФ по РК, ф. 35; п/ф. 20, оп. 1, д. 66, л. 66—69.
- 20 Тайны и уроки Зимней войны, 1939—1940: По документам рассекреченных архивов. СПб., 2000. С. 315; *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П., Кямярйнен Ю.* Заложники Зимней войны. С. 76.
- 21 *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П., Кямярйнен Ю.* Заложники Зимней войны. С. 77.
- 22 НА РК, ф. 1394, оп. 7, д. 16, л. 21; Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 2, ч. 4, л. 1.
- 23 Особые папки: Рассекреченные документы партийных органов Карелии, 1930—1956 гг. Петрозаводск, 2001. С. 53—54; Архив УФСБ РФ по РК, ФКРО, оп. 1, п. 66, л. 68, 109, 116; *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П., Кямярйнен Ю.* Заложники Зимней войны. С. 78.
- 24 НА РК, ф. 1394, оп. 7, д. 16, л. 21—25.
- 25 Там же, л. 15—18.
- 26 Там же, д. 7, л. 16—17.
- 27 Там же, л. 26.
- 28 Архив УФСБ РФ по РК, ФКРО, оп. 1, п. 66, л. 23.

- 29 КГАНИ, ф. 3, оп. 5, кор. 221, д. 446, л. 46.
- 30 Архив УФСБ РФ по РК, ф. 35, п/ф. 20, д. 66, л. 72; *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П., Кямярйнен Ю.* Заложники Зимней войны. С. 80.
- 31 Архив УФСБ РФ по РК, ф. 35, п/ф. 20, д. 66, л. 23.
- 32 Там же, л. 24—26.
- 33 Там же, д. 66 (подсчитано автором).
- 34 Там же, л. 26.
- 35 Там же, л. 27.
- 36 Там же, л. 1.
- 37 Там же, л. 1, 2.
- 38 Там же, л. 70—71.
- 39 Там же, л. 30—31.
- 40 Там же, л. 31.
- 41 Там же, л. 35.
- 42 *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П.* Интернированные финны // Север. 1995. № 3. С. 96.
- 43 Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 2, ч. 4, л. 50.
- 44 КГАНИ, ф. 3, оп. 5, кор. 221, д. 446, л. 1; Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 2, ч. 4, л. 9; *Макуров В. Г.* Зимняя война и жизнь некоторых граждан Финляндии в Карелии в 1939—1940 гг. // Новое в изучении Карелии: Сб. ст. Петрозаводск, 1994. С. 161.
- 45 НА РК, ф. 1394, оп. 7, д. 18, л. 6.
- 46 Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 2, ч. 4, л. 6, 9.
- 47 Там же, л. 329.
- 48 Там же, л. 19.
- 49 Там же, л. 32.
- 50 КГАНИ, ф. 3, оп. 5, кор. 221, д. 446, л. 1.
- 51 Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 2, ч. 4, л. 28.
- 52 КГАНИ, ф. 3, оп. 5, кор. 221, д. 446, л. 1.
- 53 Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 2, ч. 4, л. 35, 38—39.
- 54 Там же, л. 38.
- 55 Там же, д. 2, ч. 3, л. 37.
- 56 См., например: Там же, л. 11, 43; ч. 4, л. 5—6.
- 57 Там же, д. 2, ч. 4, л. 37.
- 58 Там же, л. 20.
- 59 Там же, л. 3, 19, 26.
- 60 Там же, л. 3.
- 61 Там же, д. 2, ч. 1, л. 8—13; ч. 4, л. 8.
- 62 Там же, д. 2, ч. 3, л. 42; ч. 4, л. 18.
- 63 *Kämäräinen J.* Ruhtinaansalmelaiset puna-armeijan armoilla talvisodan Suomussalmella. Joensuu, 2001. S. 12.
- 64 Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 2, ч. 3, л. 45.
- 65 Там же, ч. 4, л. 4.
- 66 Там же, л. 18, 31, 37; ч. 3, л. 47.
- 67 Там же, л. 57—58, 75.
- 68 Неизвестная Карелия: Документы спецорганов о жизни в республике, 1921—1940. Петрозаводск, 1997. С. 313; Архив УФСБ РФ по РК, ф. 35, п/ф. 20, оп. 1, д. 66, л. 68—72.

- 69 *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П., Кямярйнен Ю.* Заложники Зимней войны. С. 100 (подсчитано авторами).
- 70 Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 2, ч. 1, л. 3—8; ч. 4, л. 41—45, 47—48, 62.
- 71 *Kämäräinen J.* Ruhtinaansalmelaiset puna-armeijan armoilla talvisodan Suomussalmella. S. 12; *Martikainen T.* Talvisodan evakot ja siviilisotavangit. S. 115.
- 72 Неизвестная Карелия. С. 314.
- 73 Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 2, ч. 3, л. 4, 6; ч. 4, л. 17.
- 74 Там же, д. 66, л. 35.
- 75 Неизвестная Карелия. С. 312—313; Архив УФСБ РФ по РК, ф. 35, п/ф. 20, оп. 1, д. 60, л. 70.
- 76 Там же, д. 66, л. 57.
- 77 Неизвестная Карелия. С. 314; Архив УФСБ РФ по РК, ф. 35, п/ф. 20, оп. 1, д. 66, л. 57—58.
- 78 Архив УФСБ РФ по РК, ф. 35, п/ф. 20, оп. 1, д. 66, л. 76.
- 79 Там же, л. 84.
- 80 Там же.
- 81 Там же, л. 83—85.
- 82 *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П.* Интернированные финны. С. 99.
- 83 Архив УФСБ РФ по РК, ф. 35, п/ф. 20, оп. 1, д. 66, л. 75—81.
- 84 Там же.
- 85 Там же, л. 86.
- 86 Там же, ФКРО, оп. 1, п. 66, л. 97.
- 87 Там же, л. 95.
- 88 Там же, ФЛД, д. 2, ч. 4, л. 22—32.
- 89 Там же, л. 60.
- 90 *Haasio A., Hujanen E.* Tasavallan panttivangit... S. 83, 90.
- 91 Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 2, ч. 4, л. 51—52, 60.
- 92 Там же, л. 62—65; ФКРО, оп. 1, п. 66, л. 79—81.
- 93 Там же, ФЛД, д. 2, ч. 1, л. 23—30.
- 94 Там же, ФКРО, оп. 1, п. 66, л. 108.
- 95 Там же.
- 96 Там же, д. 66 (подсчитано автором).
- 97 *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П.* Интернированные финны. С. 100.
- 98 Цит по: *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П., Кямярйнен Ю.* Заложники Зимней войны. С. 150.
- 99 105 päivää — uhri ja valkoinen kuolema Kainuussa vv. 1939—1940. Kajaani, 1990. S. 72; *Heikkinen R., Lackman M.* Korpikansan kintereillä. Kainuun työväenliikkeen historia. Kainuun työväenliikkeen historiatoimikunta, 1986. S. 100—109.
- 100 *Heikkinen R., Lackman M.* Korpikansan kintereillä... S. 352.
- 101 Цит по: *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П., Кямярйнен Ю.* Заложники Зимней войны. С. 158.
- 102 Архив УФСБ РФ по РК, ф. 35, п/ф. 20, оп. 1, д. 66, л. 64, 172, 179, 247, 279.
- 103 Там же, ФЛД, д. 2, ч. 1, л. 23—30; ч. 4, л. 7—11, 46; *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П., Кямярйнен Ю.* Заложники Зимней войны. С. 100.
- 104 *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П.* Интернированные финны. С. 100 (подсчитано авторами).
- 105 Архив УФСБ РФ по РК, ФКРО, оп. 1, п. 66, л. 11; *Лайдинен Э. П.* Советская контрразведка против финской разведки на территории Карелии в 1939—1944 гг. С. 18. (Рукопись.)

- 106 Архив УФСБ РФ по РК, ФКРО, оп. 1, п. 66, л. 9; *Лайдинен Э. П.* Советская контрразведка против финской разведки... С. 18.
- 107 Архив УФСБ РФ по РК, ФКРО, оп. 1, п. 66, ФЛД, д. 2, ч. 4, л. 21; *Лайдинен Э. П.* Советская контрразведка против финской разведки... С. 18.
- 108 Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 2, ч. 4, л. 7; *Лайдинен Э. П.* Советская контрразведка против финской разведки... С. 18.
- 109 Архив УФСБ РФ по РК, ФКРО, оп. 1, п. 66, л. 65; *Лайдинен Э. П.* Советская контрразведка против финской разведки... С. 19.
- 110 Архив УФСБ РФ по РК, ФКРО, оп. 1, п. 66, л. 68; *Лайдинен Э. П.* Советская контрразведка против финской разведки... С. 19.
- 111 Архив УФСБ РФ по РК, ФКРО, оп. 1, п. 66, л. 72; *Лайдинен Э. П.* Советская контрразведка против финской разведки... С. 19—20.
- 112 Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 2, ч. 3, л. 17—18; ч. 4, л. 3—4; ФКРО, оп. 1, п. 66, л. 1; *Лайдинен Э. П.* Советская контрразведка против финской разведки... С. 20.
- 113 Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 2, ч. 4, л. 1; *Лайдинен Э. П.* Советская контрразведка против финской разведки... С. 20.
- 114 Архив УФСБ РФ по РК, ФКРО, оп. 1, п. 66, л. 33; *Лайдинен Э. П.* Советская контрразведка против финской разведки... С. 21.
- 115 Архив УФСБ РФ по РК, ФКРО, оп. 1, п. 66, л. 35—37, 48, л. 117—118; *Лайдинен Э. П.* Советская контрразведка против финской разведки... С. 21.
- 116 *Лайдинен Э. П.* Советская контрразведка против финской разведки... С. 21.
- 117 Архив УФСБ РФ по РК, ф. 35, п/ф. 20, оп. 1, д. 66.

1.5. Использование финских военнопленных в пропагандистских и разведывательных целях в годы Зимней войны

К моменту войны с Финляндией СССР уже имел определенный опыт содержания военнопленных армий противника (поляков, японцев и др.). Их содержание регулировалось изданными «Положениями о военнопленных». В период Зимней войны действовало два «Положения о военнопленных»: первое — утвержденное Постановлением ЦИК и СНК СССР № 46 от 19 марта 1931 г., почти полностью совпадавшее с текстом Женевской конвенции о содержании военнопленных от 27 июля 1929 г.; второе — утвержденное Экономическим советом СНК СССР от 20 сентября 1939 г. и определившее режим содержания всех категорий военнопленных, находящихся в СССР.¹

Руководство СССР требовало от Управления по делам военнопленных (далее — УПВ) НКВД СССР соблюдения этих правовых актов. Однако в практической

деятельности администрации лагерей принципы содержания военнопленных часто нарушались. Это выражалось в плохом бытовом обеспечении (размещение военнопленных в непригодных для проживания жилых помещениях, неполноценном питании, отсутствии необходимых условий и др.); не всегда квалифицированном медицинском обслуживании; неудовлетворительном обеспечении вещевым довольствием.

В целом, по сравнению с условиями содержания советских военнопленных в Финляндии², правовое положение финских военнопленных в основном соблюдалось. Анализ архивных данных показывает, что это даже вызывало недоумение у некоторых финских военнопленных, не рассчитывавших на такое отношение и содержание в советском плену.

С началом войны против Финляндии в полосе действий 7, 8, 9 и 14-й армий советских войск были созданы специальные пункты приема для финских военнопленных: Мурманский (на 500 чел.), Кандалакшский (на 500 чел.), Кемский (на 500 чел.), Сегежский (на 1 000 чел.), Медвежьегорский (на 800 чел.), Петрозаводский (на 1 000 чел.), Лодейнопольский (на 500 чел.) и Сестрорецкий (на 600 чел.). Для финских военнопленных были подготовлены четыре тыловых лагеря: Южский (Ивановская обл.) на 5 тыс. человек; Потьма (Мордовская АССР) на 6 тыс. человек; Грязовец (Вологодская обл.) на 2,5 тыс. человек; Путивль (Сумская обл.) на 4 тыс. человек³.

136

Предполагалось, что война станет для СССР победоносной, финская армия будет разгромлена, а все оставшиеся в живых военнослужащие взяты в плен. С этой целью надо было подготовиться к приему пленных. Эта задача была возложена на созданное в сентябре 1939 г. Управление по делам военнопленных НКВД СССР.

В конце декабря 1939 г. начальник этого управления майор госбезопасности П. Сопруненко рапортовал в Наркомат внутренних дел о готовности шести лагерей к приему финских военнопленных общим лимитом на 27 тыс. человек. Все эти лагеря уже «использовались» для приема военнослужащих польской армии, интернированных осенью 1939 г. в СССР в результате военных действий Красной Армии по присоединению к Советскому Союзу территорий Западной Белоруссии и Западной Украины⁴. В качестве резерва держали еще три лагеря — Карагандинский (Спасо-Заводской) (Казахская ССР) на 5 тыс. человек, Тайшетский (Иркутская обл.) на 8 тыс. человек и Велико-Устюженский (Вологодская обл.) на 2 тыс. человек.

Однако говорить о полной готовности было трудно. УПВ НКВД СССР не справлялось с поступавшей массой интернированных военнослужащих польской армии, к приему и размещению которой НКВД СССР с его отлаженным механизмом ГУЛАГа оказался практически не готов. Так, начальник Особого отдела НКВД, проведя инспекцию Южского лагеря, предназначенного для пленных финнов, отмечал в докладной записке на имя начальника УПВ П. Сопруненко, что лагерь не подготовлен для нормального содержания военнопленных⁵.

В решении этого вопроса советским властям «помогли» сами финны. Количество пленных было небольшим, на что явно не рассчитывало советское руководство. Так, по нашим подсчетам, за декабрь 1939 г. — март 1940 г. Петрозаводский приемный пункт военнопленных, один из самых крупных среди других действующих пунктов, принял от 8-й и 9-й армий только около 260 человек⁶. В итоге единственным лагерем для пленных финнов стал Грязовецкий лагерь (располо-

жен в 7 км от г. Грязовец). В книге учета этого лагеря значатся имена 600 финских военнопленных, но надо учесть, что в нем не указаны те, кто умер в советском плену. Сведения об умерших финнах в документах центрального аппарата и политотдела ГУПИ НКВД СССР отсутствуют.

Однако не всех пленных финнов отправляли в Грязовецкий лагерь. Проведенный нами анализ архивных документов, содержащихся в Архиве МВД РК (протоколы допросов военнопленных, состав этапных списков из Петрозаводского приемного пункта в Грязовецкий лагерь и др.), показывает, что раненых, тяжело больных, обмороженных военнослужащих оставляли в госпиталях г. Петрозаводска⁷. Кроме того, часть военнопленных финнов вообще не отправлялась в лагерь, а использовалась советскими органами для проведения пропагандистской и разведывательной деятельности.

В период Зимней войны финская пропаганда утверждала, что всех военнопленных большевики расстреливают или отправляют в Сибирь. Но это было не так. Как уже отмечалось, большинство финских военнопленных было отправлено в Грязовецкий лагерь. Сохранились воспоминания некоторых из них. Так, бывший военнопленный Тадеус Сарримо вспоминал: «Ухаживали за нами хорошо. Раненым давали чистые бинты, от холода сразу дали водки... По прибытии в лагерь дали щи, чай и гречневую кашу с подсолнечным маслом. Мы были сыты... Кормили в лагере в общем-то хорошо, только финские желудки не были приучены к щам, и военнопленные жаловались... В комнатах у военнопленных был шкаф, где они хранили хлеб и сахар. Санитарные условия были хорошие. Вшей было очень мало. Ночью люди играли в карты и шашки. Днем не работали...»⁸.

Небольшое количество сохранившихся архивных документов не позволяет нам дать обстоятельную картину жизни и быта финских военнопленных в СССР. Отчет старшего инспектора 4-го отдела УПВ НКВД, приехавшего с проверкой в Грязовецкий лагерь в начале февраля 1940 г., остался, по существу, единственным официальным документом, зафиксировавшим условия содержания пленных финнов. В нем отмечалось: «Помещения для военнопленных оборудованы нарами сплошной системы в один, два и три яруса в зависимости от состояния здания (ветхости и кубатуры воздуха)... Беспорядочное нагромождение нар, без соблюдения требуемых между ними проходов, имеет следствием скученность контингента и делает невозможным уборку помещений. На одного военнопленного приходится 0,6 кв. м, что крайне недостаточно... Одеяд и простыней для военнопленных нет»⁹.

Тяжелые бытовые условия органы НКВД старались компенсировать политической и культурно-воспитательной работой среди военнопленных. Большинство пленных финнов были выходцами из рабочих и крестьян — среды, близкой «стране победившего социализма». Поэтому в основу политической работы с пленными был положен тезис о том, что главная задача Красной Армии в военной кампании против Финляндии состоит в освобождении финских трудящихся от гнета помещиков и капиталистов. С этой целью еще в самом начале войны советская печать сообщила, что в финском г. Териоки, занятом частями Красной Армии, создано Народное правительство во главе с О. В. Куусиненом, которое опубликовало Декларацию Народного правительства Финляндии, объявило об образовании Финляндской Демократической Республики (ФДР), а также заключило Договор о взаимопомощи и дружбе между СССР и ФДР.

Советское руководство надеялось на поддержку правительства Куусинена со стороны финского населения. Определенная роль при этом отводилась и военнопленным. В карельских архивах нами изучены протоколы допросов более 260 финских военнопленных. Наряду с обычными вопросами, которые задавали следователи на пунктах приема военнопленных: к какой части принадлежите? какое имеется вооружение, снаряжение и обмундирование? каково настроение солдат? и т. д. — были и политические: что вы знаете о Народном правительстве Куусинена и его программе? знаете ли вы, что войну против СССР начала кровавая финская буржуазия? хотели бы вы остаться в СССР? и др.

На допросах следователи пытались также выявить среди финских военнопленных членов политических партий и организаций Финляндии, особенно их интересовали шюцкор и Карельское академическое общество. В Советском Союзе их считали контрреволюционными, антисоветскими организациями.

Вопрос о том, какова была прослойка шюцкора среди финских военнопленных, остается не выясненным. В. П. Галицкий считает ее незначительной, отмечая, что из 697 военнопленных финской армии (691 финн и 6 шведов), содержащихся в Грязовецком лагере в период с декабря 1939 г. по март 1940 г., было официально выявлено лишь 69 шюцкоровцев¹⁰. Однако проведенный нами анализ архивных документов этапных списков финских военнопленных из Петрозаводска в Грязовецкий лагерь не позволяет поддержать этот тезис. Прослойка шюцкора среди пленных колебалась от 1/4 до 1/3 всех пленных¹¹. Надо иметь в виду, что шюцкор для финляндской молодежи в 1930-е гг. был примерно такой же организацией, как комсомол для советских молодых людей. Поэтому довольно значительная часть молодежи Финляндии состояла в шюцкоре.

На наш взгляд, это разночтение в документах объясняется тем, что часть военнослужащих финской армии, зная интерес советских органов к шюцкору и Карельскому академическому обществу, пыталась скрыть свое членство в них. И если при первых допросах на пересыльных пунктах военнопленные признавались в принадлежности к этим организациям, то затем, попав в Грязовецкий лагерь, отрицали свое участие в них. Некоторые старались объяснить свое членство тем, что вступили в шюцкор по молодости и неопытности. Так, военнопленный из крестьян Яков Мойланен на допросе в Петрозаводском приемном пункте пленных 8 декабря 1939 г. заявил, что в шюцкор вступил необдуманно, по молодости совершив глупость. А теперь «осознал», что шюцкоровцы защищают не интересы рабочих и крестьян, а интересы буржуазии¹². Однако надо иметь в виду, что были и военнопленные, которые заявляли, что вступили в шюцкор добровольно, оказывая посильную помощь своей Родине. Об этом, например, сообщил следователю на допросе в этом же приемном пункте 9 декабря 1939 г. военнопленный Эйно Юлкунен, бывший учитель¹³.

Среди военнопленных встречались также члены Крестьянской партии Финляндии («Maalaisliitto»), женской организации «Lotta Svjard» («Лотта Свьярд») и даже Коммунистической партии Финляндии. Так, по этапному списку из Петрозаводского приемного пункта в Грязовецкий лагерь от 18 января 1940 г. из 29 военнопленных представляли: шюцкор — 7 человек, крестьянскую партию — 1, компартию — 1 (Онни Сааринен); по этапному списку от 5 января 1940 г. из 41 человека: шюцкор — 5 человек; Карельское академическое общество — 1; «Лотта Свьярд» — 1 (Сиркка Урасмаа)¹⁴.

В. П. Галицкий разделил финских военнопленных по политическим взглядам на три группы:

- 1) военнопленные, высказывавшие лояльное отношение к СССР, его политическому устройству, необходимости быть с ним в добрососедских отношениях и т. п. (около 20 % от общего числа как в период 1939—1940 гг., так и в период 1941—1944 гг.);
- 2) проявлявшие антисоветские, фашистские, крайне националистические настроения, во взглядах которых отражалось враждебное отношение к СССР, русским (около 15—20 % от общего числа);
- 3) военнопленные, занимавшие в условиях плена нейтральную позицию, так называемые молчуны, которые как в неофициальной, так и в официальной обстановке скрывали истинное отношение и к СССР, и к фашизму, занимали позицию «не нашим и не вашим» (около 60 % от общего числа). Однако представители этой группы, как правило, всегда ставили свои подписи под политическими воззваниями, подготовленными антифашистами для использования в пропагандистских целях (всевозможные документы, распространявшиеся среди военнопленных, военнослужащих и населения Финляндии и т. п.)¹⁵.

Между первой и второй группами шла упорная борьба за перетягивание на свою сторону военнопленных из третьей группы. Безусловно, администрация лагерей и их политический аппарат отдавали предпочтение первой группе, активно боролись с представителями второй и проводили разъяснительную работу среди третьей группы финских военнопленных. Систематически собирались данные о политико-моральном состоянии финских военнопленных. Потребителями этой информации были руководство НКВД СССР, Бюро военно-политической информации ЦК ВКП(б), 7-е управление ГлавПУРКА, секция Компартии Финляндии при Исполнительном комитете Коммунистического Интернационала (ИККИ). Так, на 21 февраля 1940 г. начальник Грязовецкого лагеря военнопленных докладывал руководству Управления по делам военнопленных и интернированных (УПВИ) НКВД СССР, что политико-моральное состояние финских военнопленных нормальное; положением в плену довольны; среди них ходят слухи о том, что не финны, а Красная Армия открыла огонь по своим войскам 26 ноября 1939 г.; регулярно проводится читка газет на финском языке; изучение их продолжается посредством бесед и т. п.; нужна помощь в организации библиотечки на финском языке; кинофильмы демонстрируются с субтитрами на финском языке и т. д.¹⁶

Начиная с февраля 1940 г. в списках военнопленных армии Финляндии стали выявляться добровольцы из Швеции, Норвегии и других стран. Так, согласно этапному списку военнопленных от 1 марта 1940 г. из Петрозаводского приемного пункта в Грязовецкий лагерь было отправлено 28 человек, среди них два шведа-летчика — командир эскадрильи Пер Стегнер и прапорщик-летчик Оне Юнг¹⁷. Несколько лет назад в Петрозаводске побывала группа кинематографистов из Швеции, которая снимала фильм об Оне Юнге. Члены группы обратились к нам с просьбой познакомиться с архивными материалами о нем. Удалось установить, что самолет О. Юнга был сбит под Ухтой (Калевалой), сам Юнг был направлен в Грязовецкий лагерь, а позже в ходе обмена военнопленных вернулся на Родину.

В допросах военнопленных армии Финляндии на приемных пунктах принимали участие члены редколлегии газеты «Kansan Valta» (печатный орган правительства Куусинена) и ее редактор Линко, а также представители Народного правительства. Особое внимание при допросах уделялось тем военнослужащим, которые добровольно сдались в плен Красной Армии. Справедливости ради стоит отметить, что таких было немного.

Анализ архивных документов показывает, что основная часть финских военнопленных не поддерживала идею создания Териокского правительства. Финны заявляли, что они защищают свою Родину от завоевания ее Советским Союзом¹⁸. Так, военнопленный Матти Андреевич Сайкконен, 1907 г. р., рабочий-пильщик, по происхождению из крестьян губернии Сортавала, при допросе на Сестрорецком приемном пункте ответил следователю: «Разговоры о том, что СССР не воюет с финским народом, — это ложь, борьба идет за самостоятельность финского народа. Что касается правительства Куусинена, то у нас есть законное правительство в Хельсинки»¹⁹.

Члены правительства Куусинена — министр внутренних дел Т. Лехен и министр сельского хозяйства А. Эйкия, проводившие в конце февраля 1940 г. беседы на Сестрорецком приемном пункте с финскими военнопленными, входившими в состав 62, 63 и 68-го стрелковых полков, 2-го берегового артполка и других соединений, сражавшихся в районе Выборга, отмечали: «В отличие от первой партии военнопленных, захваченных до прорыва линии Маннергейма, среди последних партий нет людей, которые бы верили в слабость Красной Армии; все говорят, что Финляндия потерпит поражение, что ей не устоять против огромного превосходства сил. Все военнопленные подчеркивают усталость трудящихся от войны, однако добровольный переход на сторону Красной Армии имел место лишь в единичных случаях. Программу правительства Куусинена считают пропагандой»²⁰.

Судя по архивным источникам, лишь небольшое число финских пленных дало свое согласие на сотрудничество с советскими политическими и разведывательными органами. По социальному составу в основном это были рабочие и крестьяне, многие из них — представители Социал-демократической партии. Так, среди военнопленных Сестрорецкого приемного пункта, которые добровольно сдались в плен и выразили желание к сотрудничеству с советскими властями, были: Карл Холстикко, социал-демократ с 1938 г.; Орво Пейтсамо, 1905 г. р., социал-демократ; Матвей Луома, добровольно сдался в плен и заявил, что верит в декларацию правительства Куусинена; А. Виртанен, перешел на сторону Красной Армии и согласился написать листовки на фронт; Ю. Пуссила, пожелал написать обращение к финским солдатам, и др.²¹

В числе военнопленных, которые прошли в декабре 1939 г. — январе 1940 г. через Петрозаводский приемный пункт пленных, также были те, кто добровольно сдался в плен и начал сотрудничать со следователями: Арви Лимантус, Анти Валтонен, Отто Лейкас, Ялмари Мустонен, Юхо Хуттунен, Отто Суутари, Арво Яко, Арне Кархонен и др. Так, Арне Кархонен, крестьянин-батрак из д. Селкоскюля прихода Суомуссалми, подписал подготовленное письмо, в котором призвал финских солдат с оружием в руках переходить на сторону Народного правительства Финляндии. В письме отмечалось, что Красная Армия идет в Финляндию с целью освободить финский народ от гнета капиталистов и помещиков²².

С помощью таких военнопленных создавались письма и обращения к солдатам финской армии. Часть из них в виде небольших по формату антивоенных листовок с портретами военнопленных забрасывали в тыл противника²³, другую часть — в качестве пропагандистских материалов — публиковали в органах печати Териокского правительства.

Приведем как пример две типичные листовки того времени:

Финские солдаты приветствуют Народное правительство.

Мы, солдаты финской армии, 12-й отдельной строительной роты, находясь в плену у Красной Армии, узнали о том, что в Финляндии, в г. Териоки, создано новое правительство, которое является действительным представителем и выразителем воли трудящихся. Это правительство даст мир финляндскому народу, установит контроль над крупными фабриками и заводами, уничтожит безработицу, голод и нищету трудового народа. Поэтому мы, как и каждый рабочий, крестьянин, солдат Финляндии, приветствуем новое Народное правительство и опубликованную им декларацию. Мы будем всеми силами помогать ему в осуществлении поставленных им задач.

Урьё Торикиака, Калле Лахти²⁴.

Финские солдаты! Спасайте свою жизнь! Прекращайте войну!

Мы, финские солдаты, убедились в том, что офицеры обманывали нас. Нам врал, что Советский Союз хочет захватить Финляндию с целью превратить ее в свою колонию. Нам врал, что Советский Союз разрушает культуру, порабощает свободных людей и уничтожает религию. Это все ложь. Мы в этом убедились, попав в плен. Красная Армия приняла нас как братьев. Нам здесь хорошо. Едим сытно, читаем литературу. С нами хорошо обращаются.

Финские солдаты! Кончайте войну! Поверните свое оружие против банды Маннергейма, которая гонит вас на смерть. Силы Красной Армии велики. Сопротивление бесполезно. Если хотите остаться в живых, сдавайтесь в плен! Переходите в Финляндскую народную армию!

Финские солдаты: Яакко Юхо Лоукко-Ярви, Ярл Хейкки Тамменмаа, Лео Юхо Нурмиранта, Кале Матти Аутиниеми, Микко Анти Хуухка, Ээро Абел Пенттинен, Кале Аатама Пекуринен, Арво Писсакки Яакко²⁵.

Вторая листовка была напечатана вместе с фотографией пленных финских солдат.

Советские политические органы пытались использовать финских военнопленных в своих пропагандистских целях и через радиопередачи на финском языке различных радиостанций. Активно работала радиостанция Народного правительства. Только с 1 по 28 января 1940 г. вышло 154 радиопередачи. Уже сам перечень их названий говорит о желании советской стороны расколоть финляндское общество, найти в нем поддержку правительству Куусинена: «Новый год — год побед!» (1 января), «День присяги Народной армии» (2 января), «Конституция Финляндии под сапогом реакции» (4 января), «Маннергейм — палач финского народа» (4 января), «Обращение к солдатам финской армии» (8 января), «В освобожденных деревнях Финляндии» (9 января), «Куда ведут страну белофинские генералы» (18 января) и др.²⁶ По радио неоднократно передавались обращения к финским солдатам членов Народного правительства и руководства Финской народной армии с призывом сложить оружие и прекратить сопротивление

Красной Армии. С 15 января 1940 г. практически ежедневно в радиопередачах стали зачитываться письма финских военнопленных.

В период Зимней войны резко увеличил число и объем передач на финском языке сектор оборонных передач Ленинградского радиокомитета. Значительное место в них также отводилось «пропагандистским выступлениям» финских военнопленных. Так, в отчете особой редакции вещания на финском языке за 1—19 февраля 1940 г. говорилось: «По радио выступили финские военнопленные Ярвинен и Суоминен. Была организована внестудийная передача из госпиталя военнопленных белофиннов в г. Сестрорецке»²⁷. Для повышения действенности радиопропаганды политические передачи часто сочетались с музыкальными. Например, 19 января 1940 г. сектор оборонных передач транслировал литературно-музыкальный концерт финской музыки, в ходе которого звучали воззвания финских военнопленных к солдатам и населению Финляндии с призывами сложить оружие и перейти на сторону Красной Армии²⁸.

Серьезное внимание в работе с военнопленными отводилось повышению их политического и культурного уровня. В Грязовецком лагере, где содержалась основная часть финских военнопленных, у финнов была изъята «шовинистическая литература» и Евангелие. Взамен был рекомендован список партийных трудов Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, Молотова, Берии, а также произведения классиков мировой и русской литературы: Сервантеса, Гёте, Верна, Пушкина, Тургенева, Чехова и др.

В. П. Галицкий называет следующие направления политической работы в Грязовецком лагере: проведение тематических бесед в соответствии с планами политического отряда лагеря; беседы по текущим вопросам международного и внутреннего положения Советского Союза; распространение литературы на финском языке и ее обсуждение; организация передвижных библиотек; демонстрация кинофильмов с соответствующими пояснениями и комментариями; создание актива военнопленных; целенаправленное и всестороннее изучение военнопленных посредством бесед с ними (групповых и индивидуальных); использование писем и заявлений военнопленных по различным вопросам; пропаганда Финской народной армии и склонение военнопленных к вступлению в ее ряды и т. д.²⁹

Однако следует заметить, что политическая и культурная работа среди финских военнопленных велась недостаточно активно и профессионально. Главная причина заключалась в отсутствии необходимого количества политработников, владевших финским языком. Так, 29 февраля 1940 г. старший инструктор политического отдела УПВИ НКВД СССР батальонный комиссар Лисовский в докладе о результатах проверки политической работы среди финских военнопленных Грязовецкого лагеря отметил необходимость отправить в этот лагерь 1—2 инструкторов со знанием финского языка. О. Куусинен и Т. Антикайнен в своей докладной записке в адрес Бюро военно-политической пропаганды ВКП(б) и в Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала также отмечали неудовлетворительную постановку пропаганды среди финнов в период войны 1939—1940 гг.³⁰ Все эти недостатки в дальнейшем были учтены в политической работе с финскими военнопленными в войне 1941—1944 гг.

Плен для финнов оказался недолгим. Уже в апреле 1940 г. между СССР и Финляндией начался обмен военнопленными.

Несмотря на все усилия советских органов, эффективность идеологической деятельности среди финских военнопленных была весьма низкой. Так, после многочисленных уговоров остаться в СССР, а иногда и угроз о том, что после возвращения в Финляндию военнопленные будут расстреляны, лишь небольшая часть финнов приняла решение остаться в Советском Союзе. По документам трудно установить точную цифру таких людей. В книге учета Грязовецкого лагеря из 600 финских военнопленных только 14 человек проходили с отметкой «добровольно остался в СССР»³¹. И в действительности их вряд ли было немногим больше.

В. П. Галицкий в монографии «Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939—1953 гг.)» по этому поводу пишет: «Из всего количества финских военнопленных осталось на постоянное жительство в СССР и приняло советское гражданство 20 граждан Финляндии, из них трое русских по национальности. Среди оставшихся в СССР были следующие финские военнопленные: Суутари Отто Матти, финн, 1910 г. р., приход Салми, служил в отдельном батальоне 2-й роты резерва, в плен попал 8 января 1940 г. в г. Салласа; Салминен Вилье-Еханнес, финн, 1915 г. р., п. Ямя, служил рядовым 6-й роты 62-го полка, попал в плен 28 февраля 1940 г. в районе Пеуро; Пуссила Юрье Хейкки, финн, 1916 г. р., д. Сипола, служил во 2-й роте 26-го полка, в плен попал 26 февраля 1940 г. в районе Вуюксенринта; Маннонен Леви Микко, финн, 1911 г. р., Выборгская губерния, служил в 7-й роте 31-го полка, в плен попал 12 декабря 1939 г. в районе Муолла, и др.»³².

С самого начала военных действий большой интерес к финским военнопленным стали проявлять и советские разведорганы. Уже в ходе первых допросов финнов на приемных пунктах военнопленных их сотрудники особое внимание уделяли «классово близким элементам — рабочим и крестьянам», никогда не состоявшим в шюцкоре, Карельском академическом обществе и других, как считали в СССР, антисоветских организациях. У таких лиц выясняли мотивы вступления в финскую армию, настроение, с которым они воевали, имеют ли данные люди родственников в СССР (прежде всего в Карелии) и т. п. Особым вниманием и доверием спецслужб пользовались те финны, которые добровольно сдались в плен Красной Армии. Как правило, они давали подробную информацию о составе и командовании своих частей, рассказывали о том, кто среди их сослуживцев состоял в шюцкоре и других военизированных формированиях, сообщали и другую полезную для советских органов информацию. Именно среди таких людей велась вербовка агентов.

В последние годы нам удалось познакомиться с некоторыми прежде секретными архивными документами периода Зимней войны. В карельских государственных и ведомственных архивах были обнаружены списки финских военнопленных, которые были завербованы органами НКВД в период Зимней войны, прошли соответствующую разведподготовку в СССР, а затем в качестве агентов в 1940—1941 гг. были заброшены на территорию Финляндии.

Анализ этих архивных материалов показывает, что эффективность вербовки и работы этих агентов на Родине была низкой. Большинство из них либо было арестовано спецорганами Финляндии, либо они сами после переброски в Финляндию добровольно обращались в эти органы, заявляя, что были завербованы НКВД. Многие «агенты» не только давали подробную информацию об их подготовке в разведшколах на территории СССР, раскрывали свои «задания», но и обещали сообщать в соответствующие органы, если на них выйдут «русские шпионы».

Так, Илмари Фагерстрем, член шюцкора, попал в плен в 1939 г., был завербован советскими спецслужбами и в 1940 г. заброшен в Финляндию. Сдался финским властям и обещал помощь в разоблачении русских разведчиков. Суло Ярвинен, будучи в плену в период Зимней войны, дал согласие на сотрудничество с советской разведкой. Однако после переправки его в Финляндию в 1940 г. сдался финской полиции, дал сведения о своей вербовке в СССР и обещал помощь в разоблачении «советских шпионов», если они выйдут на него. Тойво Муукка попал в плен в 1939 г. и дал согласие на сотрудничество с советскими спецслужбами. Прошел соответствующую подготовку в спецшколе НКВД и в 1940 г. с общей массой финских военнопленных был возвращен в Финляндию. Сразу признался финским следователям о том, что является «русским шпионом», рассказал о процессе вербовки и подготовке в спецшколе и обещал содействовать в раскрытии других советских разведчиков, если они будут искать контакты с ним³³.

Вместе с тем нельзя не учитывать и тот факт, что некоторые бывшие военнопленные могли не признаться финским властям об их вербовке советскими спецорганами и продолжить свою работу на них уже в период войны 1941—1944 гг. Вполне понятно, что данный материал до сих пор остается секретным.

Финские военнопленные периода Зимней войны использовались в основном на работах внутри Грязовецкого лагеря (работы по самообслуживанию, по благоустройству лагеря и своего быта и др.). Их труд на производстве вне лагеря фактически не применялся. Это можно объяснить незначительным количеством пленных, которые не могли принести большой пользы на объектах народного хозяйства или восполнить трудовые ресурсы страны. Кроме того, судя по архивным документам, НКВД не считал целесообразным лишний раз выводить пленных из мест их содержания.

Недолгим было время пребывания финнов в советском тылу. Согласно мирному договору между СССР и Финляндией от 12 марта 1940 г. предусматривался обмен военнопленными. Была создана смешанная комиссия по обмену военнопленных между СССР и Финляндией. Правительство СССР в состав этой комиссии включило комбрига Евстигнеева (представитель Красной Армии), капитана госбезопасности П. Сопруненко (начальник УПВИ НКВД СССР) и Г. Тункина (представитель Наркомата иностранных дел СССР). Правительство Финляндии в смешанную комиссию выделило генерала У. Койстинена (советник миссии), подполковника М. Тийанена и капитана А. Виитанена. Основными вопросами, которые должна была решать комиссия, были: порядок передачи военнопленных, наведение справок о пропавших без вести, определение срока передачи тяжелораненых и больных.

С 14 по 28 апреля 1940 г. в г. Выборге состоялось шесть заседаний смешанной комиссии по обмену военнопленными между СССР и Финляндией. Стороны сделали заявление о количестве военнопленных: в Финляндии, по официальным данным, находилось 5 395 советских военнослужащих, в СССР — 806 финских военнослужащих.

В. П. Галицкий в монографии пишет: «...ни Койстинен, ни Евстигнеев не располагали точными сведениями о количестве военнопленных. Уместно будет также напомнить, что в плен финские военнослужащие захватывались Красной Армией и после 12 марта 1940 г. Так, после 12:00 13 марта 1940 г. в районе Тамми-суо было захвачено в плен 10 финских военнослужащих, которые переданы

финским представителям 16 апреля 1940 г. О данном факте докладывалось начальнику Генерального штаба РККА командарму 1-го ранга Шапошникову». И далее он делает вывод, что всего было пленено 876 военнослужащих финской армии и 6116 военнослужащих Советской армии. Данные расхождения (в числе пленных. — С. В.) можно объяснить плохим учетом пленных и несвоевременным сообщением сводных данных членам смешанной комиссии³⁴.

Были также составлены списки раненых и больных (советских военнопленных — 170; финских — 53), которых передающая сторона обязывалась доставлять своими средствами до вагонов принимающей стороны. Первый обмен военнопленными состоялся 17 апреля 1940 г. на границе СССР и Финляндии в районе станции Вайниккала³⁵.

Помимо обмена военнопленными, комиссия решала и проблему розыска пропавших без вести. Финская сторона проявляла завидную настойчивость в этом вопросе. На каждом заседании ее представители делали запросы о всех пропавших без вести в годы войны, о гражданском населении, которое оказалось на оккупированной территории, уточняла неправильно записанные фамилии пленных. На ответ советской стороны об отсутствии у них того или иного человека запросы продолжались. В результате этой деятельности большинство пленных финнов смогло вернуться на Родину.

Как отмечает В. П. Галицкий, порядок обмена военнопленными был следующим: военнопленные сводились в группы по 400—1 000 человек и доставлялись в район Выборга (в основном передача осуществлялась на железнодорожной станции Вайниккала). Финские военнопленные из приемных пунктов и лагерей направлялись сначала или в Грязовецкий лагерь, или непосредственно на сборный пункт в районе г. Выборга. Перевозка осуществлялась по заявкам председателя советской комиссии комбрига Евстигнеева. Так, начальнику 3-го отдела штаба ЛВО комбригу Тулупову была направлена телеграмма-молния следующего содержания: «Прошу перевести 600 человек пленных финнов из лагеря военнопленных в Грязовец. Эшелон подать на станцию Грязовец Северной железной дороги из расчета, что он к 9:00 20 апреля 1940 г. должен быть на черте границы у станции Вайниккала на железной дороге Выборг — Симола. Эшелон конвоем и продовольствием будет обеспечен лагерем военнопленных НКВД»³⁶.

Рассредоточенность лагерей и приемных пунктов военнопленных на значительной территории северо-западной части СССР, в которых финские военнопленные содержались небольшими группами до середины марта 1940 г., затрудняла доставку военнопленных, поэтому требовалось их предварительное сосредоточение в 2—3 местах для удобства доставки в пункты передачи. В некоторых случаях финские военнопленные направлялись в пункты обмена непосредственно из приемных пунктов. Так, 16 апреля 1940 г. из Сестрорецкого приемного пункта представителю финской армии Вайнюля было передано 107 финских военнопленных (офицер — 1, младших сержантов — 7, капралов — 8, летчик-практикант — 1, рядовых — 90)³⁷.

Передача основной массы военнопленных осуществлялась 16, 20 и 26 апреля 1940 г.: непосредственно обмен проводился с советской стороны уполномоченными капитаном М. П. Зверевым и старшим политруком Н. Г. Шумиловым, с финской стороны — уполномоченным майором Вайнюля. Но передача финских военнопленных происходила и в начале мая 1940 г. Так, 6 мая 1940 г. из Пет-

розаводска в Выборг было направлено 7 финских военнослужащих, которые в период войны получили ранения и прошли лечение в петрозаводских госпиталях (из них: 1 офицер и 6 солдат)³⁸.

Благодаря взаимопониманию и хорошей слаженной работе всех членов советско-финляндской комиссии обмен военнопленных был осуществлен в течение одного месяца (16 апреля — 10 мая 1940 г.), что уменьшило время страданий финских и советских военнослужащих в плену³⁹.

В процессе обмена военнопленными решались и вопросы о возвращении им имущества. Так, 21 апреля 1940 г. финской стороне было передано 19 873 марки 55 пенни, принадлежавшие финским военнопленным, находившимся в советском плену. Финская сторона, в свою очередь, передала советскому составу смешанной комиссии ряд документов, изъятых у погибших во время боев советских солдат: партийные, комсомольские и профсоюзные билеты; паспорта, военные билеты, удостоверения личности и др.

Изучение проблемы нахождения финских военнопленных на территории СССР в период Зимней войны, как, впрочем, и позже в годы Великой Отечественной войны (в Финляндии ее называют война-продолжение) в российской историографии еще только начинается. Предстоит исследовать многие аспекты темы: проанализировать организацию приема и эвакуации финских военнопленных с линии фронта в тыловые районы СССР; рассмотреть документы, регулирующие пребывание военнопленных на территории Советского Союза (приказы УПВИ НКВД СССР, нормативно-правовые акты НКВД и Наркомата иностранных дел СССР относительно финских военнопленных и др.); определить правовое положение (статус) финских военнопленных по международному и советскому праву; дать характеристику социально-психологического климата среди пленных; раскрыть основные направления работы с ними и др.

Однако уже сейчас на основе имеющего материала можно отметить, что попытка советских политических и разведывательных органов использовать финских военнопленных в период советско-финляндской войны 1939—1940 гг. в своих целях не принесла ожидаемых результатов.

1 Галицкий В. П. Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939—1953 гг.). М., 1997. С. 21.

2 См. подробнее об этом: Pietola E. Sota Vangit Suomessa, 1941—1944. Jyväskylä, 1987.

3 Галицкий В. П. Финские военнопленные... С. 29.

4 Родина. 1995. № 12. С. 99.

5 ЦХИДК, ф. 1е, оп. 3, д. 3, л. 49; Родина. 1995. № 12. С. 99.

6 Подсчитано по данным: Архив МВД РК, особые папки, д. 1, 1/1, 2: т. 1 и 2.

7 Там же.

8 Из воспоминаний Тадеуса Сарримо «В плену в России», предоставленных финским историком Тимо Мальми. Цит. по: Родина. 1995. № 12. С. 100.

9 Цит по: Родина. 1995. № 12. С. 100.

10 Галицкий В. П. Финские военнопленные... С. 107.

- 11 Подсчитано автором по данным: Архив МВД РК, особые папки, д. 1, 1/1, 2: т. 1 и 2.
- 12 Там же, д. 1/1, т. 1, л. 6—8.
- 13 Там же, л. 19.
- 14 Там же, д. 2, т. 1, л. 12, 61, 63.
- 15 *Галицкий В. П.* Финские военнопленные... С. 107.
- 16 Там же.
- 17 Архив МВД РК, особые папки, д. 2, т. 1, л. 12.
- 18 РГАСПИ, ф. 522, оп. 1, д. 47, л. 4—31.
- 19 Там же, л. 8.
- 20 Там же, л. 70.
- 21 Там же, л. 14—58.
- 22 Архив МВД РК, особые папки, д. 1/1, т. 1, л. 44—67.
- 23 КГАНИ, ф. 3, оп. 5, д. 278, л. 18—19.
- 24 Там же.
- 25 ЦГАИПД, ф. 24, оп. 26, д. 4327, л. 154—155.
- 26 РГАСПИ, ф. 516, оп. 2, д. 33, л. 1—14.
- 27 ЦГАИПД, ф. 24, оп. 28, д. 943, л. 7—10.
- 28 РГАСПИ, ф. 516, оп. 2, д. 3, л. 15.
- 29 *Галицкий В. П.* Финские военнопленные... С. 112.
- 30 Там же. С. 114.
- 31 Родина. 1995. № 12. С. 101.
- 32 *Галицкий В. П.* Финские военнопленные... С. 67.
- 33 НА РК, ф. 287, оп. 2, ед. хр. 5, л. 4—165.
- 34 *Галицкий В. П.* Финские военнопленные... С. 57—58.
- 35 Родина. 1995. № 12. С. 104.
- 36 *Галицкий В. П.* Финские военнопленные... С. 62—63.
- 37 Там же. С. 63—64.
- 38 Архив МВД РК, особые папки, д. 1/1, т. 2, л. 28.
- 39 *Галицкий В. П.* Финские военнопленные... С. 64.

Глава 2. **КАРЕЛИЯ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД** **(март 1940 г. — июнь 1941 г.)**

148

2.1. Итоги советско-финляндской войны 1939—1940 гг. и образование Карело-Финской ССР

Итоги Зимней войны 1939—1940 гг. оказались малоутешительными для руководства СССР. В период военных действий так и не удалось реализовать основную стратегическую цель — осуществить экспорт социализма в Финляндию посредством созданного Москвой Народного правительства Куусинена. Однако ценой огромных материальных и людских потерь был решен главный территориальный вопрос, который ставился СССР перед Финляндией еще в ходе советско-финляндских переговоров 1938—1939 гг., — граница от Ленинграда была отодвинута.

Более того, положения Московского мирного договора между СССР и Финляндией от 12 марта 1940 г. ставили перед Финляндией более жесткие условия, чем те, которые выдвигались до войны. По договору к Советскому Союзу теперь отходили районы Северного и Западного Приладожья и весь Карельский перешеек, включая второй по величине город страны — Выборг. Новая граница была отодвинута на северо-запад гораздо дальше той линии, до которой дошла Красная Армия к концу Зимней войны (см. карту 4).

Переданные территории составляли примерно 11,1 % площади Финляндии и 0,22 % площади СССР. Финляндия лишилась трех городов (Выборг, Сортавала и Кексгольм) и двух поселков городского типа (Койвисто и Лахденпохья). На Карельском перешейке располагались 842 села, 124 завода, 20 187 поместий

и около 1 000 магазинов. До войны только в Выборге было 24 начальные школы и 12 средних учебных заведений. Это был экономический, торговый и культурный центр Финляндии¹.

В Северном Приладожье, отошедшем к Советскому Союзу, находилось 419 сел и очень много старых церквей, часовен и скитов. На острове Валаам в северной части Ладожского озера располагался Валаамский монастырь, который столетиями оставался центром паломничества. Очень многообразной была его экономическая поддержка для приходов православной церкви. При монастыре действовали различные артели и мастерские². По итогам Зимней войны Валаам также отошел к СССР.

На Северном побережье Ладожского озера находился основанный в 1634 г. город Сортавала. Он быстро развивался благодаря торговле с Восточной Финляндией и Беломорьем. Строительство Карельской железной дороги от Выборга до Сортавалы через Йоэнсуу в 1894 г. привело к экономическому расцвету города. Кексгольм же был основательно разрушен во время войны. Но главное, отошедшие к СССР районы имели большое значение для экономики Финляндии. Здесь находились 10,3 % посевных площадей Финляндии, 7,8 % плодородного лесного массива, заготавливалось 9 % кубометров древесины, вырабатывалось 26 % электроэнергии одной только ГЭС в Раухиала, производилось 25 % целлюлозы, 5,4 % бумаги и т. п.³

В целом Финляндия утратила восьмую часть полей и лесов, до трети водных ресурсов, пятую часть торговых путей и промышленности⁴. Новая линия границы перерезала Сайменский канал, который был жизненно важной артерией снабжения в Восточной Финляндии. Численность населения территорий, отошедших к СССР, к началу Зимней войны составляла почти 450 тыс. человек, или

около 12 % всего населения страны. Практически все финское население переселилось на запад, за новую границу, так что доставшаяся СССР территория оказалась без жителей.

В связи с включением в состав СССР новых финских территорий встал вопрос об их государственном устройстве. Необходимо было уточнить границы между Ленинградской областью и Карелией. При обычных обстоятельствах у слабо экономически развитой и малонаселенной (менее 500 тыс. человек) Карельской АССР не было преимуществ перед Ленинградом с его тремя с лишним миллионами жителей, мощным промышленным потенциалом и славой города трех российских революций в получении значительной части бывшей финской территории. Причем в борьбу за раздел новых районов руководство Ленинграда вступило еще до завершения советско-финляндской войны.

26 февраля 1940 г., за два дня до того как в Москве были выработаны окончательные условия мирного договора с Финляндией, председатель исполкома Ленинградского областного совета Н. Соловьев подготовил и направил в адрес А. А. Жданова проект Указа Верховного Совета СССР по Карельского перешейку. В документе предлагалось включить всю территорию Карельского перешейка в состав Ленинградской области и осуществить там национализацию земли, ее недр и лесов⁵.

В итоге Ленинградской области досталось лишь 4 тыс. кв. км прилегающих районов, в которых насчитывалось около 200 селений с 5 750 домами, 14 мелких предприятий и примерно 50 га пашни⁶. Только после завершения войны с Финляндией в сентябре 1944 г. руководство Ленинграда добилось своего, присоединив к области весь Карельский перешеек с г. Выборгом.

Принципиальное решение о преобразовании Карельской Автономной Советской Социалистической Республики (КАССР) в новую союзную республику было принято на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 24 марта 1940 г. и объяснялось это тем, что «к СССР по мирному договору с Финляндией отходят новые территории»⁷. На нем же для подготовки практических предложений по этому вопросу и определения границ между КФССР и РСФСР была создана комиссия в составе Жданова (председатель), Маленкова, Горкина, Солякова, Горбачева и Старостина. Через два дня комиссия представила в ЦК ВКП(б) перечень мероприятий по преобразованию КАССР в КФССР, а также проекты Закона СССР «О преобразовании КАССР в КФССР» и Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об установлении границы между КФССР и РСФСР». Данные документы с небольшими поправками были одобрены на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 27 марта 1940 г.⁸

31 марта 1940 г. VI сессия Верховного Совета СССР заслушала доклад А. А. Жданова, который, в частности, сообщил, что новые территории, «за малым исключением, примыкают к Карельской Автономной Советской Социалистической Республике и тяготеют к ней как по характеру естественных и исторических условий, так и по направлению своей народнохозяйственной деятельности. Поэтому, обсуждая вопрос о государственном устройстве новых территорий... Совет Народных Комиссаров в полной мере учел законные и справедливые пожелания трудящихся Карельской республики о том, чтобы территории... за исключением незначительной полосы, примыкающей непосредственно к Ленинграду, передать в состав Карельской Автономной Советской Социалистической Республики...»⁹.

VI сессия Верховного Совета СССР 31 марта 1940 г. постановила включить большую часть финских территорий, отошедших в результате Зимней войны от Финляндии к СССР, в состав Карелии и приняла Закон «О преобразовании КАССР в КФССР». В нем особо подчеркивалось, что новая союзная республика создана «по просьбам трудящихся и в соответствии с принципом свободного развития национальностей»¹⁰.

В соответствии с решениями VI сессии Верховного Совета СССР внеочередная сессия Верховного Совета КАССР, состоявшаяся 13—15 апреля 1940 г., приняла Закон «О преобразовании Карельской АССР в Карело-Финскую ССР», а также о выборах ее высших органов власти и избрала конституционную комиссию для разработки проекта Конституции Карело-Финской ССР¹¹.

Преобразование Карелии из автономной республики в союзную означало изменение ее государственно-правового статуса, расширение прав в области государственного, социально-экономического и культурного развития. Однако, по замечанию авторов коллективного труда «История Карелии с древнейших времен до наших дней», этот переход был совершен вопреки действующей тогда Конституции СССР 1936 г., согласно которой территория союзной республики не могла быть изменена без ее одобрения. Для выделения КАССР из состава России и преобразования в Карело-Финскую ССР требовалось согласие Верховного Совета РСФСР. Фактически же данный орган не рассматривал этот вопрос и одобрение на изменение своей территории не давал. Таким образом, оказалось, что Карельская автономная республика была преобразована в союзную с нарушением соответствующих норм Конституций СССР и РСФСР. По мнению авторов упомянутой работы, это был один из примеров того, как в условиях административно-командной системы политические расчеты ставились выше законов¹².

16 июня 1940 г. в Карелии состоялись выборы в Верховный Совет СССР и Верховный Совет КФССР. В них, согласно официальным итоговым данным, приняли участие 99,6 % избирателей, 98,5 % из которых проголосовало за «кандидатов блока коммунистов и беспартийных». Такие показатели характерны для того времени и предопределялись самим механизмом советской избирательной системы, условиями проведения выборов — безальтернативностью, жестким контролем за их проведением и учетом поведения каждого голосовавшего¹³.

На первой сессии Верховного Совета Карело-Финской ССР 9 июля 1940 г. была принята Конституция КФССР и утверждена новая граница между КФССР и РСФСР. Статьи новой Конституции зачитывались по-русски и по-фински¹⁴. Сессия избрала Президиум Верховного Совета КФССР и образовала правительство республики. Председателем Президиума Верховного Совета КФССР был избран бывший председатель Териокского правительства О. В. Куусинен, а «министр по делам Карелии» этого правительства П. С. Прокконен стал председателем СНК республики. Другие бывшие члены Народного правительства Финляндии — Т. Лехен, И. Лехтинен, А. Эйкия и А. Анттила вошли в Совет Национальностей Верховного Совета КФССР, избранного 16 июня 1940 г. Кроме того, они получили и другие важные государственные посты в Карелии: Т. Лехен был назначен директором Карело-Финского государственного издательства (после создания Карело-Финского государственного университета летом 1940 г. он станет первым его ректором); И. Лехтинен заняла пост наркома просвещения КФССР; А. Эйкия был назначен начальником Управления по делам искусств новой союзной республики; М. Розенберг был направлен на руководящую про-

пагандистскую работу в КФССР. А. Анттила стал командиром 71-й стрелковой дивизии, образованной на базе частей ФНА¹⁵.

Преобразования происходили и в других сферах общественно-политической и хозяйственной жизни. 24—27 апреля 1940 г. в Петрозаводске состоялся I съезд Коммунистической партии Карело-Финской ССР, который обсудил отчетный доклад обкома партии и определил основные задачи партийно-советских органов в связи с образованием Карело-Финской союзной республики и вхождением в нее новых районов, отошедших от Финляндии к СССР по условиям мирного договора от 12 марта 1940 г. Съезд избрал свои руководящие органы. Первым секретарем ЦК КП(б) республики стал Г. Н. Куприянов. 1—3 июля состоялся I съезд комсомола Карело-Финской ССР, который избрал первым секретарем ЦК ЛКСМ республики Ю. В. Андропова¹⁶.

Несмотря на внешнюю простоту при принятии решения об образовании новой союзной республики, в данном вопросе было немало трудностей. В соответствии с одним из критериев, автором которого являлся сам И. В. Сталин, население союзной республики должно было составлять не менее 1 млн. человек, в том числе не менее 50 % — коренное национальное население. По данным переписи 1939 г., в Карелии насчитывалось 468 898 человек, менее трети из них относились к коренным финно-угорским народам¹⁷. Иными словами, Карелия слабо тянула на статус союзной республики.

Следовало объяснить и второе слово в названии новой союзной республики. После сталинских репрессий 1930-х гг. на территории Карелии, согласно той же переписи 1939 г., осталось лишь 8 322 финна. В то же время в республике проживало 296 529 русских, 108 571 карел, 21 112 украинцев, и даже вепсов насчитывалось больше, чем финнов, — 9 388 человек¹⁸.

Но руководство и СССР, и новой союзной республики объясняли новое название (КФССР) тем, что к Карелии присоединили финские территории. Выступая на VI сессии Верховного Совета СССР 31 марта 1940 г. по вопросу преобразования КАССР в КФССР, секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов заявил: «В настоящее время КАССР входит в состав РСФСР. Но советская автономия, по определению т. Сталина, не есть застывшее и раз навсегда данное, она допускает самые разнообразные формы и степени своего развития. Включение в состав Карельской Автономной ССР новых территорий ставит перед Карелией новые задачи в деле ее дальнейшего народнохозяйственного и культурного развития. Эти задачи выдвигают на очередь вопрос о преобразовании Карельской АССР в союзную Карело-Финскую Социалистическую Советскую Республику. Именно таковы пожелания трудящихся Карельской республики»¹⁹.

Об этом же говорил и руководитель карельских коммунистов секретарь ЦК ВКП(б) КФССР Г. Н. Куприянов, выступая 24 апреля 1940 г. на I съезде КП(б) КФССР: «СНК СССР пошел навстречу пожеланиям трудящихся Советской Карельской Республики и включил эти территории (имеются в виду финские, отошедшие к СССР по договору 12 марта 1940 г. — С. В.) в состав Карелии. Из этого факта расширения территории, увеличения объема промышленности вытекает и другое пожелание трудящихся Карелии. О преобразовании Карелии в союзную советскую социалистическую республику»²⁰.

Официально новая союзная республика — КФССР — была образована «по пожеланиям трудящихся», однако ни с жителями республики, ни даже с ее руководс-

твом никакого совета не было. Это отметил позднее и сам первый секретарь ЦК КП(б) КФССР Г. Н. Куприянов, отбывший в первой половине 1950-х гг. срок по «ленинградскому делу». В своих неопубликованных воспоминаниях он пишет: «Сталин не спрашивал нашего мнения о том, надо ли создавать союзную республику, просто объявил свое решение. Мне было поручено написать проект решения политбюро о создании Карело-Финской республики и уточнить с А. А. Ждановым вопрос о границах между Ленинградской областью и Карело-Финской республикой. Г. М. Маленкову и мне было поручено подготовить и внести на утверждение политбюро вопрос о руководящих работниках новой союзной республики»²¹.

Проблему с увеличением населения в новой союзной республике руководство СССР предполагало решить за счет массового переселения жителей из других районов страны. Опыт такой переселенческой политики уже был накоплен в 1920—1930-е гг.

Сложнее обстоял вопрос с экономическим потенциалом новой союзной республики. Развитие промышленности и сельского хозяйства КАССР явно не соответствовали требованиям союзной республики. Поэтому в состав КФССР включили территорию всей бывшей автономной республики, а не только те 10 районов, в которых большинство составляли карелы. Тем самым был совершен отход от выдвинутых руководством СССР в начале советско-финляндской войны планов, в соответствии с которыми в будущую Финляндскую Демократическую Республику (ФДР) передавались только районы, заселенные преимущественно карельским населением²².

С присоединением новых районов территория Карелии увеличилась до 185,8 тыс. кв. км²³. Летом 1940 г. здесь было образовано семь новых районов: Выборгский, Кексгольмский, Куркиекский, Питкярантский, Сортавальский, Суоярвский, Яскинский и три сельских совета: Алакерттинский, Кайрольский, Куоляярвский, включенных в состав Кестеньгского района. Таким образом, количество районов в республике увеличилось до 26²⁴.

Бывшие финские территории, вошедшие в состав союзной республики, внесли наибольший экономический вклад в создание КФССР. Оценивая новое приобретение, зам. председателя СНК КФССР П. Соляков в июле 1940 г. заявил, что «эта сравнительно небольшая территория — лишь 34,8 тыс. кв. км (без водных пространств), но экономическое значение этих районов исключительно большое»²⁵. На присоединенной к Советскому Союзу территории насчитывалось 227 больших и малых предприятий, причем только целлюлозные комбинаты производили примерно столько же целлюлозы, сколько вырабатывалось на всей остальной территории СССР, причем лучшего качества²⁶. Имевшиеся 19 электростанций производили гораздо больше электроэнергии по сравнению с Советской Карелией. Только Раухиальская ГЭС на реке Вуокса вырабатывала около 92 тыс. кВт · ч, тогда как все 105 электростанций КАССР (из них 66 работали на дровах) в 1939 г. производили электроэнергии в 2 раза меньше — лишь 40,9 тыс. кВт · ч электроэнергии²⁷.

Велико было и сельскохозяйственное значение этой территории, на которой было учтено 255 тыс. га пашни с налаженным производством зерновых культур и овощей²⁸. В Советской Карелии к 1939 г. пахотные земли составляли только 66,9 тыс. га, почти в 4 раза меньше.

Сразу после окончания советско-финляндской войны 1939—1940 гг. и подписания Московского мирного договора между СССР и Финляндией 12 марта 1940 г. перед руководством СССР остро встали задачи проведения демаркации новой советско-финляндской границы, заселения и освоения новых территорий. Согласно Договору для проведения демаркации границы между СССР и Финляндией была создана Центральная советско-финляндская смешанная пограничная комиссия (СПК). Финская сторона предлагала, чтобы комиссия работала в п. Энсо или в г. Сортавала, но советская сторона остановилась на Выборге. В конечном итоге именно Выборг был определен местом работы СПК.

Финляндский посланник в Москве Ю. Паасикиви сообщил наркому иностранных дел В. М. Молотову, что финская делегация в СПК решила находиться на финской территории и для встреч с советской делегацией ежедневно приезжать в Выборг на автомобилях. Со 2 апреля 1940 г. СПК приступила к своей работе²⁹.

Самой сложной проблемой в СПК при работе по демаркации границы стал вопрос о п. Энсо и его целлюлозно-бумажном комбинате (ЦБК). Еще до образования комиссии 25 марта 1940 г. Ю. Паасикиви поставил вопрос об Энсо перед В. М. Молотовым. Он сообщил, что, по информации, полученной им из Хельсинки, советские войска заняли Энсо, который, по мнению финской стороны, согласно демаркационной линии должен находиться на финляндской территории. Молотов же заявил, что затронутая Паасикиви проблема должна быть разрешена в ходе работы смешанной советско-финляндской пограничной комиссии. Как только СПК начала свою работу, на одном из первых ее заседаний финляндская делегация поставила вопрос о передаче ей п. Энсо. Однако советская сторона в этом деле заняла жесткую позицию.

9 апреля 1940 г. Молотов вызвал в Наркомат иностранных дел Паасикиви и сообщил ему мнение советского правительства по вопросу о п. Энсо. Согласно протоколу по описанию границы, приложенного к Договору от 12 марта 1940 г., промышленные предприятия п. Энсо отошли к СССР, а сам поселок является составной частью данного экономического района. Поэтому, констатировал Молотов, советская сторона не может уступить финнам какую-либо часть Энсо, это экономически нецелесообразно и недопустимо. После неоднократных и настойчивых просьб Паасикиви пойти навстречу финнам в вопросе об Энсо и отклонения этих просьб советской стороной Паасикиви заявил, что сообщит об этом решении своему правительству³⁰.

17 апреля 1940 г. на встрече с Молотовым Паасикиви снова заявил, что согласно карте, приложенной к мирному договору от 12 марта 1940 г., граница в районе Энсо должна пройти юго-восточнее станции Энсо таким образом, чтобы промышленные предприятия этого района отошли к Финляндии. По мнению финской делегации в СПК, пограничная линия должна была быть проведена южнее промышленных предприятий. Паасикиви просил Молотова благожелательно решить эту проблему, учитывая, что при заключении мирного договора СССР руководствовался стратегическими, а не экономическими интересами. Финский дипломат оставил также Молотову памятную записку по данному вопросу³¹.

Однако советский нарком по иностранным делам был непреклонен. Он заявил, что вопрос о границе считается решенным, и это подтверждается протоколом по описанию границы, приложенным к мирному договору от 12 марта 1940 г. Согласно этому документу, промышленные предприятия отходят к Советскому

Союзу. Сама граница проходит не через п. Энсо, как утверждает финская сторона, а через железнодорожную станцию Энсо, которая находится западнее п. Энсо, оставляя сам поселок на стороне СССР. Что касается политических и экономических соображений, о которых упоминал Паасикиви, то, отметил Молотов, они действительно были главным образом стратегическими, но это не означает, что Советский Союз не интересуют экономические вопросы в районах, отошедших по мирному договору к СССР. Советский Союз уже сделал уступку Финляндии, передав ей район Петсамо, и на дальнейшие уступки финской стороне по вопросу передачи ей предприятий Энсо он пойти не может. Кроме того, Финляндия в период войны нанесла большой ущерб советской промышленности³².

Мотивы столь твердой позиции советского правительства по этому вопросу станут вполне понятны, если проанализировать экономический потенциал ЦБК в Энсо. Заводы, входившие в его состав, были очень важны для экономики Советского Союза.

В начале мая 1940 г. зам. начальника ГУЛАГа НКВД СССР майор госбезопасности Г. Орлов обратился к зам. председателя СНК СССР Н. А. Булганину с рапортом, в котором просил сделать все возможное по максимальному отдалению государственной границы от комбината Энсо, объясняя это особыми государственными обстоятельствами. Он писал: «Комбинат Энсо представляет из себя по своей мощности уникум (подчеркнуто в тексте Г. Орловым. — С. В.) в мировом производстве целлюлозы, так как он состоит из 5 самостоятельных больших предприятий (сульфитного завода, сульфатного завода, картонной фабрики, бумажной фабрики и хлорного завода). Общая стоимость этих предприятий составляет свыше 0,5 млрд. руб., а считая строящуюся гидроэлектростанцию в 100 тыс. кВт · ч порядка 700 млрд. руб. Производительность комбината Энсо по выпуску целлюлозы и картона равна 50 % всей целлюлозы по всему СССР в 1939 г.»³³.

Данный рапорт был отправлен в Наркомат иностранных дел с просьбой учесть важность комбината Энсо на переговорах с Финляндией по демаркации советско-финляндской границы. Зам. заведомо прибалтийских стран И. Маевский подготовил по этому вопросу справку на имя зам. наркома иностранных дел Деканозова. В ней говорилось, что зам. начальника ГУЛАГа НКВД СССР Г. Орлов, исходя из телефонных разговоров с начальником спецстроительства НКВД в г. Кексгольме Тимофеевым, приводит в своем рапорте не совсем точные данные по району Энсо, отошедшему к СССР. Госграница от комбината Энсо проходит на расстоянии не 300 м, как утверждает Орлов, а около 1 км. Более того, при уточнении границы советская делегация в СПК хотела еще дальше отодвинуть госграницу от заводов Энсо и в своей телеграмме на имя Молотова предлагала прирезать к СССР не только район п. Энсо (со всеми промышленными объектами), но и находящуюся вблизи возвышенность, важную в стратегическом отношении*.

Далее И. Маевский отмечал, что замечания Орлова о передаче финнам стекольного и спиртоводочного завода, железнодорожной стрелки станции Энсо, большей части акватории, где хранится около 600 тыс. куб. м леса, также не соответствует действительности. Все эти объекты остаются на территории СССР³⁴.

* По указанию В. М. Молотова советская делегация в СПК не стала настаивать на этой дополнительной прирезке территории, действуя строго в соответствии с границей, нанесенной на карте при подписании Мирного договора 12 марта 1940 г.

На основе подготовленных специалистами данных зам. наркома иностранных дел Деканозов отправил финскому посланнику в Москве Паасикиви специальную памятную записку по станции и комбинату Энсо. Об этой записке Паасикиви упомянул 28 апреля 1940 г. на очередной встрече с Молотовым, попросив передать вопрос об Энсо на обсуждение СПК, в которую могли бы быть привлечены эксперты с советской и финляндской стороны. При этом Паасикиви отметил, что на подписанных и приложенных к мирному договору экземплярах карт станция Энсо нанесена неправильно, так как в действительности она находится в 1—1,5 км севернее той линии, которая нанесена на упомянутую карту³⁵.

В. М. Молотов в очередной раз отклонил эту просьбу финского дипломата. Он опять заявил, что линия государственной границы проведена через станцию Энсо и эксперты тут ни при чем. Этот вопрос не входит в их компетенцию, а является прерогативой правительств двух стран. Карта с обозначением линии границы между СССР и Финляндией, на которую ссылался Паасикиви, подписана и советской, и финляндской сторонами, и вопрос об Энсо он считает исчерпанным³⁶.

Видя непреклонную позицию СССР по району Энсо, финляндская делегация в СПК попыталась добиться хотя бы частичных уступок: разделить п. Энсо на две части и одну отдать Финляндии. Советская сторона отвергла и этот компромиссный вариант. При этом она сослалась на второй пункт «Положения о смешанной пограничной комиссии», запрещающий какое-либо разделение населенных пунктов³⁷.

Более того, 15 мая 1940 г. на очередном заседании СПК советская делегация поставила вопрос о переносе линии госграницы вглубь территории Финляндии, обосновывая это тем, что на финской стороне оставались некоторые хозяйственные сооружения, принадлежащие поселку и его промышленным предприятиям. Чтобы «выпрямить» границу в районе Энсо (а фактически оставить весь комплекс ЦБК Энсо на территории СССР. — С. В.) советская сторона стала настаивать на прирезке имения Пелкала и д. Южная Рейкеля общей площадью 1,5 тыс. кв. км, отдавая за это два населенных пункта Похьела и Мюрэ с территорией в 12 раз большей, чем отходившие к Советскому Союзу финские районы³⁸. Приняв это заявление и изложенные в нем претензии, финская делегация пообещала запросить согласие по данному вопросу у своего правительства³⁹.

В дальнейшем, в ходе переговоров в СПК, уступая прямому давлению советской стороны, финская делегация потребовала предоставить Финляндии компенсацию за район Энсо не только за счет предложенных СССР населенных пунктов Похьела и Мюрэ, но и за счет территории реки Коймайоки, богатой лесом. Об этом финской стороной было заявлено на заседании СПК 17 июня 1940 г. Однако советская делегация не пошла на уступки, оставив за собой большие лесные массивы реки Коймайоки⁴⁰.

В ноябре 1940 г. после сложных многомесячных переговоров демаркация советско-финляндской границы была закончена, и смешанная советско-финляндская пограничная комиссия подписала в Иматре Протокол-описание прохождения линии государственной границы между СССР и Финляндией. 8 февраля 1941 г. были подписаны приложения к указанному Протоколу, а также карта границы. При этом было установлено, что пограничная линия определена и де-

маркирована на местности с учетом тех изменений, о которых условились оба правительства⁴¹.

10 мая 1941 г. правительство СССР утвердило все документы по демаркации границы (Протокол-описание прохождения линии государственной границы и карту этой границы). На следующий день в газетах было опубликовано согласованное с финляндской стороной коммюнике об окончании демаркации советско-финляндской границы.

Анализ опубликованных и архивных документов, связанных с проблемой демаркации советско-финляндской государственной границы по мирному договору от 12 марта 1940 г., показывает, что главным спорным вопросом в смешанной советско-финляндской пограничной комиссии был вопрос о поселке и комбинате Энсо. Финляндская делегация пыталась отстаивать интересы своей страны, приводя различные аргументы. Советская сторона вела переговоры фактически с позиции силы, добившись главного — присоединения всего района Энсо (и поселка, и ЦБК) к Советскому Союзу за счет уступок малозначительной для него территории двух населенных пунктов. При этом, как отмечал финляндский посланник в Москве Ю. Паасикиви, в Финляндии не сомневались, что СССР может в любой момент применить силу, если разногласия не удастся урегулировать мирными средствами⁴².

Большая часть бывших финских территорий вошла в состав Карело-Финской ССР. Петрозаводский профессор Ю. М. Килин пишет, что итоги создания новой союзной республики были подведены в октябре 1940 г. — составлен направленный в ЦК ВКП(б) паспорт городов КФССР. С территорией 177,7 тыс. кв. км (не включая водные пространства), из которых 41,1 тыс. кв. км составляла бывшая финляндская территория, новая союзная республика занимала по этому показателю восьмое место среди 16 образованных к тому времени республик (0,7 % всей территории СССР). Численность населения выросла к январю 1941 г. до 696 977 человек. Если бы в скором времени не началась Великая Отечественная война, то миллионный рубеж численности населения был бы вскоре достигнут, так как желающих работать на бывшей территории Финляндии было очень много — людей привлекали хорошие по советским меркам жилье и рабочие места⁴³.

Далее Ю. М. Килин отмечает, что в расчете на скорое решение «финского вопроса» для бывшей территории Финляндии, включенной в КФССР, был установлен особый порядок, запрещающий переименование городов, сел, железнодорожных станций, географических объектов. Особый порядок был установлен и в отношении бывших граждан Финляндии, пожелавших остаться в СССР. Уроженцы местности, отошедшей к СССР, не нуждались в получении специального решения о принятии гражданства СССР. Им автоматически выдавались советские паспорта⁴⁴. Правда, надо заметить, что таких людей было очень мало.

Таким образом, итоги Зимней войны внесли существенные изменения в развитие Карелии: во-первых, республика получила новый политико-правовой статус в результате преобразования ее из автономной в союзную Карело-Финскую ССР; во-вторых, благодаря присоединению отошедших от Финляндии районов существенно изменилась территория Карелии и количество ее административных единиц (районов, городов, поселков, деревень); в-третьих, значительно увеличился удельный вес многих отраслей промышленности и сельского хозяйства в экономике молодой союзной республики; в-четвертых, остро встала

задача по переселению на бывшие финские территории рабочих, колхозников, специалистов из других областей и республик Советского Союза для социально-экономического освоения этих районов, что неизбежно вело к значительному росту численности населения Карело-Финской ССР.

- 1 Смирнова Е. П. Заселение и освоение новых районов Карело-Финской ССР в 1940-е годы: Дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2006. С. 29.
- 2 Там же. С. 29.
- 3 Там же. С. 30; Vehviläinen O., Rzesewski O. A. Yksin suurvaltaa vastassa. Talvisodan poliittinen historia. Jyväskylä, 1997. S. 337.
- 4 Зимняя война, 1939—1940: Политическая история. Кн. 1. М., 1999. С. 24, 362.
- 5 ЦГАИПД, ф. 24, оп. 2в, д. 4241, л. 76—77; д. 4247, л. 179; Килин Ю. М. Карелия в политике Советского государства, 1920—1941. Петрозаводск, 1999. С. 218.
- 6 ЦГАИПД, д. 4246, л. 52—53; д. 4247, л. 179; Килин Ю. М. Карелия в политике Советского государства, 1920—1941. С. 218.
- 7 АПРФ, ф. 3, оп. 61, д. 378, л. 1.
- 8 Там же, д. 378, л. 2—15.
- 9 Бутвило А. И. Новейшая история государственного управления в Карелии, 1917—2007 гг. Петрозаводск, 2008. С. 61; Шестая сессия Верховного Совета СССР, 29 марта — 4 апреля 1940 г.: Стенограф. отчет. М., 1940. С. 47.
- 10 АПРФ, ф. 3, оп. 61, д. 378, л. 16.
- 11 Внеочередная сессия Верховного Совета КАССР, 13—15 апреля 1940 г.: Стенограф. отчет. Петрозаводск, 1940. С. 46, 47.
- 12 История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 590.
- 13 Там же. С. 592.
- 14 Лайне А. Карело-Финская Советская Социалистическая Республика и финны // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920—1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 229.
- 15 АПРФ, ф. 3, оп. 61, д. 378, л. 18.
- 16 История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 592.
- 17 АПРФ, ф. 3, оп. 61, д. 388, л. 158; КГАНИ, ф. 3, оп. 5, д. 279, л. 32—33.
- 18 Там же.
- 19 АВПРФ, ф. 06, оп. 2, д. 315, л. 72.
- 20 КГАНИ, ф. 8, оп. 2, д. 3, л. 4.
- 21 Неопубликованные воспоминания Г. Н. Куприянова. КГАНИ, ф. 5002, оп. 3, д. 297, л. 39—40.
- 22 См.: Декларация ФДР и Договор о взаимопомощи и дружбе между СССР и ФДР // Правда. 1939. 2 и 3 дек.
- 23 Покровская И. П. Население Карелии. Петрозаводск, 1978. С. 45, 103.
- 24 История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 590.
- 25 КГАНИ, ф. 8, оп. 2, д. 3, л. 22—24; Килин Ю. М. Карелия в политике Советского государства, 1920—1941. С. 219.
- 26 НА РК, ф. 1951, оп. 1, д. 4/20, л. 180—253; РГАЭ, ф. 4372, оп. 38, д. 689, л. 3; Килин Ю. М. Карелия в политике Советского государства, 1920—1941. С. 219.

- 27 РГАЭ, ф. 4372, оп. 38, д. 689, л. 200; *Килин Ю. М.* Карелия в политике Советского государства, 1920—1941. С. 220.
- 28 РГАЭ, ф. 4372, оп. 38, д. 689, л. 1—2.
- 29 АВПРФ, ф. 06, оп. 2, д. 315, л. 40.
- 30 Там же, л. 60; ф. 0135, оп. 25, д. 3, л. 52—53.
- 31 Там же, ф. 06, оп. 2, д. 315, л. 71, 98.
- 32 Там же, л. 72.
- 33 Там же, ф. 0135, оп. 23, д. 2, л. 66.
- 34 Там же, л. 63—64.
- 35 Там же, ф. 06, оп. 2, д. 315, л. 94—97.
- 36 Там же, л. 98.
- 37 Там же, ф. 0135, оп. 25, д. 3, л. 52—53.
- 38 Там же, л. 53.
- 39 Там же, оп. 23, д. 2, л. 69.
- 40 Там же.
- 41 Там же, ф. 06, оп. 2, д. 315, л. 40.
- 42 Цит. по: Зимняя война, 1939—1940: Политическая история. С. 24, 367.
- 43 *Килин Ю. М.* Карелия в политике Советского государства, 1920—1941. С. 220.
- 44 Там же.

2.2. Заселение и освоение новых районов Карело-Финской ССР после окончания советско-финляндской войны (март 1940 г. — июнь 1941 г.)

Сразу после окончания Зимней войны и подписания Московского мирного договора между СССР и Финляндией 12 марта 1940 г. перед руководством СССР остро встали вопросы заселения и освоения бывших финских территорий, отошедших по условиям этого договора к Советскому Союзу. Большая часть новых районов вошла в состав Карельской АССР, что явилось главным фактором преобразования республики из автономной в союзную — Карело-Финскую ССР. В республике летом 1940 г. было образовано семь новых районов: Выборгский, Кексгольмский, Куркиекский, Питкярантский, Сортавальский, Суоярвский и Яскинский.

Города и поселки на новой территории были разрушены как в ходе боевых действий в период Зимней войны, так и из-за того, что финны, покидая эти районы, жгли свои дома, выводили из строя промышленные предприятия, вывозили в Финляндию ценное оборудование заводов, фабрик, электростанций, имущество организаций и учреждений и др. Практически все финское население переселилось за новую границу на запад, так что отошедшие к СССР земли оказались безлюдными.

Согласно условиям мирного договора «экономические объекты» отошедших к СССР территорий должны были оставаться на своих местах. По интерпрета-

ции советской стороны в этих словах имелось в виду не только недвижимое имущество, но и сельскохозяйственное и личное имущество. Помимо этого, руководство государственных железных дорог Финляндии должно было передать из своего подвижного состава 75 паровозов и 2 тыс. вагонов. По мнению финнов, оборудование предприятий очень спорно относилось к «экономическим объектам», но Советский Союз потребовал его возвращения, а также передачи тех станков и агрегатов, которые были вывезены еще до заключения мира¹.

Председатель с советской стороны совместной финско-советской комиссии 26 октября 1940 г. рапортовал наркому иностранных дел СССР В. М. Молотову, что с финнами подписано соглашение о передаче оборудования таких объектов, как почта, телеграф, радиостанции, здания культуры, порты, маяки, а также электрооборудование, хозяйство дорог и городов, железных дорог, корабли и т. д. Также Финляндия обязалась вернуть СССР агрегаты, вывезенные ею с оборонных предприятий, или возместить их ценность деньгами. Комиссия определила общую стоимость их восстановления, а также вывезенного с них оборудования в 5 млн. 562 тыс. руб., и финны вынуждены были выплатить эту сумму Советскому Союзу².

11 ноября 1940 г. действующий представитель СССР в Финляндии П. Орлов доложил В. М. Молотову о том, что финское правительство обязалось вернуть вывезенное им оборудование как с Карельского перешейка, так и из Хакониеми, а также возместить стоимость восстановления испорченного оборудования. Сумма вознаграждения, предложенная Советским Союзом Финляндии, составляла примерно 94 млн. руб., или около 1 млрд. финских марок, и включала в себя: стоимость домов и зданий, разрушенных во время военных действий; стоимость восстановления возвращенного оборудования; частичную стоимость перепланировки некоторых предприятий; стоимость очистительных работ, совершенных на территориях, на которых находились разрушенные здания; стоимость невозвращенного оборудования³. Тот же П. Орлов позднее (19 ноября 1940 г.) предложил уменьшить требования выплат на 70 тыс. руб. В итоге Финляндия должна была заплатить 875 287 500 финских марок вместо 1 170 525 000. Финны характеризовали требования, выдвинутые Советским Союзом, как контрибуцию⁴.

К 1 декабря 1940 г. полностью был решен вопрос о возвращении оборудования, вывезенного финнами с Карельского перешейка. Советский Союз получил 802 железнодорожных вагона с машинами и агрегатами, 79 паровозов, 2 011 пустых вагонов и 100 машин. Большую ценность, по мнению советских специалистов, представляли паровозы, вагоны, электромоторы, насосы (более 3 000), станки и приборы целлюлозных и бумажных комбинатов, трансформаторы мощностью 75 тыс. кВт и грузовые автомобили. Вдобавок СССР получил примерно 150 т свинца, 7 кг золота и платины, 20 т ртути. Все это в дальнейшем дало возможность запустить на Карельском перешейке 25 промышленных предприятий, общая ценность которых составляла приблизительно 1,5 млрд. руб.⁵

Таким образом, в результате присоединения новых районов вместе с решением главной военно-стратегической задачи — переносом границы от Ленинграда — Советское правительство получало и определенные экономические выгоды. Однако надо иметь в виду, что экономика бывших финских территорий оказалась в упадке после окончания военных действий на Карельском перешейке и в Северном Приладожье и необходимо было приложить большие усилия для ее восстановления.

Уже в начале апреля 1940 г. в эти районы была направлена правительственная комиссия во главе с зам. председателя Экономического совета при СНК СССР Я. Чадаевым. В ее состав вошли заместители ряда наркоматов, позднее к комиссии присоединились представители Ленинградского обкома ВКП(б) и Леноблсполкома, ЦК КП(б) и СНК КФССР.

Председатель комиссии Я. Чадаев раз в пять дней обязан был докладывать в СНК СССР и Экономический совет при СНК СССР о результатах проделанной работы, одновременно получая новые указания центра. Комиссия обследовала состояние промышленности и транспорта, возможности энергетической базы, перспективы развития сельского хозяйства бывших финских территорий.

Именно эта комиссия, работая на месте и анализируя создавшуюся ситуацию, подготовила материалы и предложения для руководства партии и государства по освоению присоединенных к СССР районов. По нашим подсчетам, только за два месяца (апрель — май 1940 г.) СНК СССР, ЦК ВКП(б) и Экономический совет при СНК СССР приняли около 20 постановлений по данному вопросу⁶.

В своих отчетах и материалах в СНК СССР и ЦК ВКП(б) члены комиссии подчеркивали, что ведущая роль в хозяйстве отошедших к СССР территорий принадлежит лесной и целлюлозно-бумажной промышленности: здесь находились 13 лесозаводов, ряд мелких лесопильных предприятий, 2 фанерные фабрики в Сортавале и Лахденпохья, деревообрабатывающий комбинат в Хелюля и 11 целлюлозно-бумажных и картонных предприятий с производством около 500 тыс. т целлюлозы в год, в том числе крупнейший и наиболее современный в Европе ЦБК в Энсо. Комиссия отметила, что по мощности целлюлозно-бумажные предприятия, отошедшие к КФССР, выдвигаются на первое место среди союзных республик СССР⁷.

Весной 1940 г. на территории, присоединенной к Карелии, начались работы по восстановлению предприятий промышленности, транспорта и связи, по строительству МТС, созданию совхозов и колхозов, учреждений здравоохранения и культуры. Сложность этого процесса заключалась в том, что почти все значительные предприятия были сильно разрушены во время советско-финляндской войны. На многих из них приходилось заново строить целые цеха.

Одним из первых решений руководства новой союзной республики по присоединенным территориям стало постановление СНК КФССР от 8 апреля 1940 г. «О санитарно-оздоровительных мероприятиях на территории районов бывших военных действий и пограничных районов КФССР». По нему Наркомздрав и Наркомхоз республики должны были организовать из местного населения рабочие бригады в составе от двух до пяти человек на каждый из семи новых районов, оснастив их необходимым инвентарем и спецодеждой. В свою очередь для руководства санитарно-оздоровительными мероприятиями в районных центрах организовывались комиссии в составе пяти человек из Временного управления: председатель и представители райздравотдела, райкоммуналдела, ветнадзора и местной воинской части⁸.

Рабочие бригады должны были очистить территории, захоронить трупы людей и лошадей, прохлорировать загрязненные участки, промыть и прохлорировать колодцы, очистить кюветы и дороги и т. д. Санитарные мероприятия следовало провести на территории районных центров, поселков, местности вокруг них в радиусе до 5 км и дорог, соединяющих эти населенные пункты, а также придо-

рожной полосы до 500 м в обе стороны⁹. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 565-194 от 20 апреля 1940 г. на проведение санитарно-оздоровительных работ правительство СССР выделило 2 млн. руб.¹⁰ К очистке новых территорий приступили уже в мае 1940 г.

Но еще до этой работы, сразу же после окончания боевых действий, войска Красной Армии начали собирать и хоронить трупы погибших солдат. Петербургский исследователь В. Н. Степаков, ссылаясь на воспоминания очевидцев тех событий, пишет: «Это было невероятно тяжелое дело. Сами солдаты, участвовавшие в этом, свидетельствовали о безобразном отношении к павшим во время войны бойцам. «Окопы были обложены трупами», — вспоминал один из солдат. Сбор погибших воинов продолжался вплоть до лета 1940 г.»¹¹.

Органами государственной власти в новых районах КФССР стали созданные сразу после войны временные управления. Они обязаны были «создать на территории этих районов нормальные условия жизни и обеспечить пуск находящихся там промышленных и культурно-бытовых предприятий» до выборов в местные Советы депутатов трудящихся¹². Структурно временные управления в новых районах Карелии, как и Советы депутатов трудящихся, состояли из отделов. Так, с самого начала организации временных управлений в каждом из них были созданы финансовый отдел, отдел народного образования, отдел здравоохранения, торговый отдел, земельный отдел, коммунальный отдел и дорожный отдел.

Председателями временных управлений были назначены: И. И. Иванов (Выборг), М. А. Фалькин (Выборгский район), С. М. Максимов (Сортавала), А. И. Романов (Сортавальский район), Л. П. Жарков (Яскинский район), А. И. Тарасов (Суоярвский район), А. М. Куткевич (Питкярантский район) и А. И. Горбачев (Куркиекский район). К 1 июня 1940 г. на руководящую работу во временные управления новых районов КФССР было направлено 73 человека. Кроме этого, главами волостей, на которые поделили районы, стали 37 уполномоченных¹³.

Объем работ, возложенных на временные управления, постоянно возрастал, и в сентябре 1940 г. правительство КФССР приняло постановление «Об утверждении состава временных управлений городов и районов», согласно которому в этих органах местной власти было увеличено количество отделов и, соответственно, возросла численность их работников¹⁴. К имеющимся отделам добавились: плановый отдел, отдел местной промышленности, отдел НКВД и некоторые другие.

Во всех новых районах КФССР временно были созданы оргбюро ЦК КП(б) КФССР, исполнявшие функции районных комитетов партии. Позднее был сформирован аппарат 7 райкомов и 3 горкомов партии, 7 райисполкомов и 3 горисполкомов Советов депутатов трудящихся. Эти органы были укомплектованы партийно-советскими кадрами «старых районов» Карелии, при этом большую помощь оказал Ленинградский горком ВКП(б)¹⁵. В присоединенных к Карелии районах летом и осенью 1940 г. шел процесс образования профсоюзных, комсомольских и других организаций.

В сентябре 1940 г. ЦК КП(б) КФССР принял решение о проведении выборов в партийные и советские органы во вновь организованных районах на территории, отошедшей от Финляндии к Советскому Союзу и присоединенной к Карелии¹⁶. В новых районах прошли первые партийные конференции. Они подвели итоги работ по освоению этих территорий, определили задачи партийных организаций на будущее и избрали районные и городские комитеты КП(б) КФССР.

Первыми секретарями городских и районных комитетов партии стали: Г. И. Седов (Выборгский ГК), Н. А. Рибковский (Выборгский РК), А. В. Кяргин (Кексгольмский ГК), А. Д. Головня (Кексгольмский РК), В. И. Каргопольцев (Яскинский РК), Н. А. Богданов (Сортавальский ГК), М. В. Каджиев (Сортавальский РК), Д. Ф. Туфляков (Питкярантский ГК), Г. И. Чесноков (Питкярантский РК), Н. М. Лобанов (Суоярвский РК) и Г. Г. Мирошниченко (Куркиекский РК)¹⁷.

С 15 октября 1940 г. в Карело-Финской ССР началась избирательная кампания по выборам в районные, городские, сельские и поселковые Советы депутатов трудящихся. В районах, вошедших в состав Карелии, выборы в местные органы советской власти проводились впервые. К их началу Президиум Верховного Совета КФССР с помощью временных управлений определил на новой территории точные границы 7 районов, 7 городов, 81 сельсовета и 6 рабочих поселков. Здесь должны были избрать 2 200 депутатов в 101 Совет¹⁸.

Выборы состоялись 15 декабря 1940 г. За «блок коммунистов и беспартийных» проголосовало 98 % избирателей. Первыми председателями городских и районных Советов депутатов трудящихся стали председатели временных управлений городов и районов новых территорий: Н. А. Сидоров (Кексгольмский райсовет), Н. А. Николаев (Кексгольмский горсовет), Л. П. Жарков (Яскинский райсовет), А. И. Тарасов (Суоярвский райсовет), М. А. Фалькин (Выборгский райсовет), А. М. Куткевич (Питкярантский райсовет), А. И. Романов (Сортавальский райсовет) и др.¹⁹

В итоге к концу осени — началу зимы 1940 г. был сформирован аппарат партийных, советских и хозяйственных организаций, которые возглавили процесс экономического возрождения экономики бывших финских районов.

В деле освоения новых территорий правительство СССР самое пристальное внимание уделяло восстановлению и развитию целлюлозно-бумажной промышленности. Здесь насчитывалось 11 крупных целлюлозно-бумажных и картонных предприятий. Производственная мощность всех ЦБК составляла примерно 500 тыс. т продукции в год²⁰. Удельный вес по выпуску продукции бывших финских ЦБК составлял 40—45 % всей целлюлозно-бумажной промышленности Советского Союза. Таким образом, Карело-Финская ССР выдвинулась на первое место среди союзных республик по объему производства целлюлозы. В мире СССР стал занимать четвертое место (поднялся с седьмого места) после США, Швеции и Германии, а по выпуску сульфатной целлюлозы — третье место после США и Швеции²¹.

16 апреля 1940 г. было принято постановление Экономического совета при СНК СССР № 531 «О восстановлении и пуске целлюлозных фабрик, отошедших к СССР от Финляндии». В нем утверждался план мероприятий по восстановлению ведущих предприятий отрасли: комбината в Энсо, целлюлозного завода в Питкяранте, ЦБК в Йоханнесе, бумажной фабрике в Ляскеля, сульфитно-целлюлозных заводов в Кексгольме (Приозерске)²². Приказом Наркомата внутренних дел СССР эти работы были поручены НКВД СССР. Восстановление ЦБК планировалось закончить за 1—2 месяца, не позднее 15 июня 1940 г. Для руководства и проведения ремонтно-монтажных работ на предприятиях целлюлозно-бумажной промышленности новых районов КФССР было организовано Управление строительства и исправительно-трудового лагеря, руководителем которого назначили начальника Беломоро-Балтийского комбината старшего майора госбезопасности М. М. Тимофеева²³.

В этот же день, 16 апреля 1940 г., по приказу наркома внутренних дел СССР Л. П. Берии на Карельском перешейке было организовано Спецстроительство, которым управлял целлюлозно-бумажный отдел ГУЛАГа НКВД СССР. Шестой пункт этого приказа гласил: «Начальнику ГУЛАГа НКВД т. Чернышеву для немедленно-го начала работы выделить комплексные строительно-монтажные бригады за счет лучших лагерников, работающих на строительстве ЦБ заводов. Одновременно направить в пункты восстановления заводов не позже 21 апреля с. г. 5 эшелонов по 1 200 человек в каждом из состава ближайших лагерей и колоний»²⁴.

Общая стоимость восстановительных работ по предприятиям целлюлозно-бумажной промышленности новых районов составила 160 млн. руб. В конце апреля 1940 г. в качестве рабочей силы сюда начали привозить заключенных, вскоре их численность достигла 10 тыс. человек²⁵.

20 апреля 1940 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло специальное постановление «Об отпуске средств на восстановление и пуск целлюлозно-бумажных фабрик, отошедших к СССР от Финляндии». В нем Наркомату финансов СССР предлагалось отпустить из резервного фонда СНК СССР на восстановление предприятий целлюлозно-бумажной промышленности 45 млн. рублей, в том числе: 30 млн. руб. ГУЛАГу НКВД СССР для производства восстановительных работ; 15 млн. руб. Наркомату леса СССР на обеспечение этих предприятий сырьем²⁶.

В этот же день вышло совместное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 56-194с «О мероприятиях по Карело-Финской ССР», в котором Наркомфину, Наркомзему, Наркомлесу и другим наркоматам СССР предлагалось незамедлительно оказать СНК КФССР необходимую финансовую и материальную помощь, а также направить в новые районы специалистов, рабочих и колхозников из других регионов страны для пуска предприятий, создания колхозов и совхозов²⁷.

Но самым важным решением по заселению и освоению бывших финских территорий, отошедших к СССР после Зимней войны, стало совместное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 896 «О мероприятиях по восстановлению хозяйства в новых районах КФССР и Ленинградской области», принятое 28 мая 1940 г. Согласно этому объемному документу, включающему 41 пункт, все промышленные предприятия были разделены между союзными и республиканскими наркоматами, на которые и возлагались конкретные задачи по их пуску и дальнейшей эксплуатации. Постановление предусматривало ассигновать на указанные мероприятия 168,2 млн. руб. Последний 41-й пункт документа обязывал наркомов союзных наркоматов, секретарей ЦК КП(б) КФССР и Ленинградского обкома ВКП(б) взять под личный контроль выполнение этого постановления, оказав практическую помощь новым районам в подборе кадров, укреплении советского и партийного аппарата²⁸.

Данное решение определяло и задачи по переселению жителей на новые территории. Переселенческое управление при СНК СССР должно было переселить в районы, отошедшие к КФССР, 40 тыс. семей колхозников, по 20 тыс. в 1940 и 1941 гг. Ввоз колхозников предполагалось осуществить из трудоизбыточных регионов СССР: Белорусской ССР, Чувашской, Мордовской и Татарской АССР, Рязанской, Калининской, Смоленской, Орловской, Кировской и Вологодской областей. В постановлении предусматривался целый комплекс мероприятий по оказанию помощи колхозникам и колхозам: обеспечение приема и размещения колхозников, наделение их приусадебными участками и инвентарем; колхозы

предполагали снабдить необходимым количеством семян картофеля и овощей, а также сельскохозяйственной техникой. В новых районах КФССР намечалось создать 5 МТС²⁹.

Направление наркоматами СССР и РСФСР рабочих и специалистов на предприятия промышленности новых районов КФССР (май 1940 г.)³⁰

<i>Наркомат</i>	<i>Рабочие</i>	<i>ИТР</i>	<i>Всего (чел.)</i>
Наркомлес СССР	500	80	580
Наркомстройматериалов СССР	600	25	625
Наркомлегпром СССР	80	10	90
Наркомтекстильпром СССР	200	15	215
Наркомместпром РСФСР	500	30	530
Наркомпищепром СССР	400	30	430
<i>Итого</i>	2 280	190	2 470

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 896 «О мероприятиях по восстановлению хозяйства в новых районах КФССР и Ленинградской области» от 28 мая 1940 г. обязало общесоюзные и республиканские наркоматы направить рабочих и специалистов для работы на предприятиях, расположенных на новых территориях.

Но это были только первые шаги в решении кадровой проблемы для промышленности новых территорий. Государственная плановая комиссия при СНК СССР во главе с Я. Чадаевым после обследования здесь объектов промышленности, энергетики, транспорта и связи определила общую потребность в рабочей силе для народного хозяйства в новых районах Карело-Финской ССР в 94 525 человек, в том числе: рабочих — 70 086; ИТР — 11 709; прочих специалистов — 12 730. На 1940 г. потребность была рассчитана на 43 886 человек, в том числе: рабочих — 31 266; ИТР — 2 864, прочих специалистов — 9 756³¹.

В процессе освоения новых территорий приходилось сталкиваться с многочисленными трудностями. Для пуска в действие мощных ЦБК на Карельском перешейке, в Северном и Западном Приладожье требовалось, прежде всего, обеспечить их сырьем — деловой древесиной, а также направить на предприятия необходимое количество специалистов и рабочих.

К 1939 г. лесная промышленность КАССР с трудом справлялась с внутренними нуждами республики и экспортными поставками в другие регионы страны. В упомянутом выше постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 20 апреля 1940 г. «О мероприятиях по Карело-Финской ССР» решено было выйти из этого трудного положения, построив железную дорогу Суоярви — Юшкозеро протяженностью около 150 км, чтобы обеспечить подачу древесины на ЦБК из северо-западных районов республики, богатых лесом³².

Что касается снабжения предприятий новых районов КФССР техникой и трудовыми ресурсами, то здесь огромную помощь оказал Ленинград. Только на Карельский перешеек для восстановления предприятий целлюлозно-бумажной промышленности из Ленинграда и Ленинградской области выехало 8 тыс. рабо-

чих. Заказы на поставку оборудования для КФССР выполняли многие ленинградские заводы: «Электросила» им. С. М. Кирова, завод им. 2-й Пятилетки, завод им. Рошалья, «Насос» и др.³³

В процессе экономического освоения бывших финских территорий одной из самых острых проблем была кадровая. На этих территориях практически не осталось местного населения. Весной 1940 г. по всей стране началась вербовка специалистов на предприятия и учреждения новых районов КФССР. Она проходила под руководством обкомов и горкомов ВКП(б). Уже в апреле 1940 г. временные управления этих районов были завалены потоком писем и телеграмм от добровольцев, желавших работать на бывших финских территориях. В итоге их стало так много, что комиссии по регулированию организационного набора рабочих при СНК КФССР пришлось разъяснять, что «направление на работу в новые районы производится только путем отбора необходимых квалификаций непосредственно на действующих предприятиях и учреждениях» и что все поступившие в комиссию заявления отправлены руководителям предприятий и учреждений, где работает заявитель. После этого поток добровольцев уменьшился, но это не означало, что завершилась кампания по вербовке рабочей силы. Наоборот, она только усилилась, но шла планомерно, в соответствии с запросами того или иного временного управления³⁴.

Большую помощь в решении кадровой проблемы оказали Ленинградский обком и горком ВКП(б). По просьбе первого секретаря Карельского обкома партии Г. Н. Куприянова глава Ленинградского горкома А. А. Кузнецов направил для работы в новых районах Карелии 12 опытных партийных и советских работников. Среди них были Г. И. Седов, Н. Я. Панарин, Е. Н. Никифорова, Н. А. Рибковский, С. В. Зеленков, Н. А. Николаев, Л. Е. Генин³⁵. Также Ленинградский горком ВКП(б) направил на восстанавливаемые предприятия Карельского перешейка и Северного Приладожья 1 223 рабочих различных специальностей³⁶.

В КФССР проблему кадров частично пытались решить и за счет демобилизованных красноармейцев. 29 мая 1940 г. секретарь ЦК КП(б) Г. Н. Куприянов направил в ЦК ВКП(б) А. А. Жданову, А. А. Андрееву и Г. М. Маленкову письмо, в котором отмечалось, что «среди красноармейцев воинских частей, расположенных на территориях, отошедших к нам от Финляндии, имеется много желающих остаться после службы в РККА на постоянное место жительства в этих районах... Для заселения новых районов республики красноармейский состав был бы наиболее ценен со всех точек зрения: а) это значительно ускорило бы заселение; б) значительно уменьшило бы расходование денежных и транспортных средств на перевозку; в) пограничные районы были бы заселены проверенным, надежным составом. И, наконец, всех демобилизованных можно было бы приписать к расположенным там воинским частям и в случае необходимости возвратить их в строй»³⁷.

И такое разрешение ЦК ВКП(б) было получено. 2 июля 1940 г. постановление Политбюро ЦК ВКП(б) дало возможность ЦК КП(б) КФССР провести необходимую работу по оставлению демобилизованных красноармейцев на постоянное местожительство в КФССР³⁸.

5—6 сентября 1940 г. были подведены промежуточные итоги заселения новых районов Карелии. Городское население к этому времени насчитывало 120 тыс. человек. Только за август — сентябрь 1940 г. в новые районы было переселено и приехало добровольно 80 тыс. человек³⁹.

Наибольшие результаты в восстановлении экономики бывших финских территорий были достигнуты предприятиями целлюлозно-бумажной промышленности. Для их восстановления и пуска в строй кроме Спецстроительства ГУЛАГа НКВД в Ленинграде было организовано Главное управление целлюлозно-бумажной промышленности новых районов КФСР (Главкарелбумпром), начальником которого в апреле 1940 г. назначили зам. наркомлеса СССР Л. П. Грачева⁴⁰. Экономический совет при СНК СССР утвердил сроки пуска ЦБК на территории, отошедшей к Советскому Союзу от Финляндии: первым из них планировали пустить ЦБК в Питкяранте в августе 1940 г., последним — ЦБК в Харлу — в феврале — марте 1941 г. Восстанавливать предприятия должны были в том виде, в котором они существовали ранее без всяких технологических изменений⁴¹.

К восстановлению разрушенных комбинатов Спецстроительство ГУЛАГа НКВД приступило 1 мая 1940 г. С первых дней работы оно столкнулось с рядом трудностей, вызванных, прежде всего, тем, что территории предприятий были завалены обломками конструкций, входы в цеха забаррикадированы, большинство объектов заминировано. В помещениях комбинатов находилось большое количество взрывчатых веществ, неразорвавшихся бомб, а также оружия. На стройках в Питкяранте и Иоханнесе полностью отсутствовал жилой фонд, поселки были сожжены. В результате Спецстроительству пришлось в течение первых 25 дней заниматься расчисткой территории, разминированием и жилищным строительством⁴².

Самым мощным из всех предприятий отрасли являлся комбинат в п. Энсо, располагавшийся в Яскинском районе на реке Вуоксе: его продукция составляла примерно 160 тыс. т целлюлозы, 25 тыс. т картона и 2 тыс. т бумаги в год. Его мощность была в 1,5 раза больше Сегежского ЦБК⁴³. Оборудование ЦБК в Энсо

и рабочий поселок возле него сохранилось хорошо. Но финны при отступлении увезли с предприятия все электроприборы и некоторые ценные детали, а также основные технические материалы.

С момента начала восстановительных работ на комбинат были направлены специалисты с ленинградского завода им. 2-й Пятилетки. В процессе детального обследования оборудования комбината они столкнулись с большими трудностями: необходимо было реконструировать бумагоделательные машины самых разнообразных конструкций. И хотя финнам уже после войны пришлось вернуть оборудование на комбинат, однако оно пришло без схем, чертежей и пояснений для сборки. Особенно много усилий было затрачено при работе над сложной машиной «Энсовит», предназначенной для склейки картона.

Несмотря на все трудности, восстановительные работы на основных объектах ЦБК в Энсо были закончены уже во второй половине октября 1940 г. В это же время началось апробирование оборудования. По предложению сегежцев в январе 1941 г. коллективы трех крупнейших ЦБК Карелии — Сегежи, Энсо и Кондопоги — заключили договор о социалистическом соревновании и обратились с призывом ко всем работникам целлюлозно-бумажной промышленности республики последовать их примеру⁴⁴. Это позволило улучшить показатели восстановления ЦБК в Энсо, а также производительность всех трех комбинатов.

Вторым по мощности предприятием целлюлозно-бумажной промышленности являлся ЦБК в Кексгольме. Он был рассчитан на выпуск 83 тыс. т сульфитной целлюлозы. При отступлении финны взорвали значительную часть производственных корпусов и оборудования комбината, а также силовой станции, сожгли биржу и ряд складов химического сырья. Под руководством директора ЦБК Лебедева коллектив строителей целлюлозного завода в течение 10 дней проложил высоковольтную линию передач с Раухиальской ГЭС к предприятию. Это позволило досрочно получить нужным строительству ток, намного раньше срока пустить паросиловую станцию при комбинате⁴⁵.

Однако восстановить ЦБК в Кексгольме в срок, намеченный на декабрь 1940 г., Спецстроительство не сумело. К тому же качество ремонта было очень низким. Спецстроительство восстанавливало только то оборудование, которое подверглось взрывам: все остальное ремонтировалось поверхностно. Это приводило к частым перебоям в работе комбината.

Важное значение в возрождающейся целлюлозно-бумажной промышленности должен был играть ЦБК в Питкяранте, чья довоенная мощность составляла 40 тыс. т целлюлозы в год. Главный технолог предприятия того периода Н. А. Струнников вспоминал, что завод и рабочий поселок возле него сильно пострадали в период Зимней войны, а город Питкяранта был почти полностью разрушен. В трубопроводах, котлах и других агрегатах была заморожена вода и целлюлозная масса, что значительно испортило их большую часть. Измерительные приборы и пусковая аппаратура частично были сняты и увезены, частично выведены из строя⁴⁶.

К ремонту цехов предприятия приступили в мае 1940 г., а срок пуска ЦБК в эксплуатацию был установлен на август 1940 г. Восстанавливать завод приехали специалисты из Ленинграда: электрики с трансформаторного завода «Ленэнерго», рабочие с Кировского завода, бригада монтажников с завода бумагодела-

тельных машин им. 2-й Пятилетки. Руководили восстановительными работами главный инженер А. П. Лобаницкий и главный технолог Н. А. Струнников⁴⁷.

Однако срок пуска в эксплуатацию ЦБК в Питкяранте был сорван: Спецстроительство стало сдавать цеха предприятия только в конце октября — ноябре 1940 г. Причин тому было немало, среди них недостаток квалифицированных кадров и низкая трудовая дисциплина. Нехватка рабочих на предприятии объяснялась медленным строительством жилого фонда. На решение этой проблемы государство выделило 800 тыс. руб., но до октября 1940 г. из этой суммы не было израсходовано ни рубля⁴⁸.

Крупнейшим на Карельском перешейке ЦБК являлся комбинат в Иоханнесе, мощность которого составляла 40 тыс. т целлюлозы и 5 тыс. т бумаги в год. Предприятие подверглось сильным разрушениям в годы войны, а поселок при ЦБК был полностью сожжен. В апреле 1940 г. на комбинат прибыли первые рабочие и строители. Срок сдачи ЦБК был установлен на сентябрь 1940 г., однако фактически комбинат вступил в строй действующих предприятий только в январе 1941 г. Тормозила восстановление необеспеченность ЦБК в полной мере рабочей силой, так, в октябре 1940 г. комбинат был укомплектован рабочей силой всего наполовину⁴⁹. Главной причиной такого положения стало отсутствие жилья.

К восстановлению бумажной фабрики в п. Ляскеля с производственной мощностью 20 тыс. т бумаги в год Спецстроительство ГУЛАГа НКВД приступило в апреле 1940 г. Правительством был установлен срок сдачи предприятия в эксплуатацию в ноябре 1940 г., однако восстановительные работы были завершены только к началу января 1941 г. Причины этого явления были теми же, что и на других предприятиях, — нехватка людей и техники.

Помимо общей нехватки рабочих рук, одной из причин задержки ремонтных мероприятий на ЦБК в новых районах КФССР стало отсутствие у многих работников профессий целлюлозно-бумажной промышленности. В первую очередь на разрушенные предприятия направлялись рабочие тех специальностей, которые необходимы были для их восстановления: слесари, токари, плотники и др. По этой причине количество работников данных профессий было значительно больше, чем рабочих основных производственных профессий целлюлозно-бумажной промышленности.

Кроме того, предприятия «выхода» часто направляли малоквалифицированные кадры, оставляя лучших мастеров на собственных предприятиях. Так, действующие в стране целлюлозно-бумажные комбинаты прислали на крупнейший на новых территориях ЦБК в Энсо всего 35 специалистов своей отрасли⁵⁰.

Это обстоятельство вызывало необходимость организации обучения и переподготовки прибывших на ЦБК кадров как с отрывом, так и без отрыва от производства. На всех комбинатах была создана широкая сеть школ, курсов и кружков узкой специализации. Большую помощь руководству предприятий в этой работе оказали опытные мастера производства: С. А. Финкельштейн, А. А. Белобородов (Энсо); Кузнецов, Ненастьев, Копанцев (Иоханнес) и др. В октябре 1940 г. при комбинате в Энсо и бумажной фабрике в Ляскеля были открыты школы фабрично-заводского ученичества, в которых были организованы группы для подготовки кадров по всем специальностям целлюлозно-бумажной промышленности.

Несмотря на продолжавшиеся восстановительные работы, уже осенью 1940 г. ЦБК в Энсо, Иоханнесе, Кексгольме, Ляскеля и Питкяранте, входившие в систе-

му Главкарбумпрома, стали сдавать Союзбумсбыту первую продукцию. К началу октября 1940 г. от ЦБК в Энсо было получено 120 т оберточной бумаги, 520 т картона и 94 т энсонита (многослойного строительного картона), от Ляскельской фабрики — 70 т оберточной бумаги⁵¹.

Следует отметить, что работы по восстановлению предприятий целлюлозно-бумажной промышленности в новых районах КФСР протекали в особых условиях, которые определялись: во-первых, большой значимостью этих ЦБК для экономики страны и отсюда срочностью проводимых на них ремонтных мероприятий; во-вторых, тем, что на комбинатах в восстановительном процессе участвовали две организации — Спецстроительство ГУЛАГа НКВД и Управление по эксплуатации предприятий Главкарелбумпрома, которые не были подчинены друг другу и не связаны между собой договорными отношениями. Это не способствовало эффективному процессу восстановления ЦБК. Так, Спецстроительство ГУЛАГа НКВД, на которое постановлениями правительства СССР были возложены работы по ремонту новых предприятий, неоднократно по ходу строительства самостоятельно принимало решения без привлечения специалистов из Управления по эксплуатации предприятий. В результате этого часто возникала путаница и недопонимание в планах восстановительных работ на ЦБК.

В итоге начальным периодом пуска и освоения новых предприятий целлюлозно-бумажной промышленности явился в основном IV квартал 1940 г. С начала 1941 г. количественные показатели выпуска продукции всех комбинатов стали расти, улучшалось и ее качество. ЦБК перестали получать претензии от потребителей.

Результаты восстановительных работ этой отрасли были подведены на V пленуме ЦК КП(б) КФСР, который состоялся в Петрозаводске 23—25 мая 1941 г. Было отмечено, что все целлюлозно-бумажные предприятия дают продукцию. Комбинаты Главкарелбумпрома выполнили план I квартала 1941 г. по бумаге на 108,6 %, а план апреля 1941 г. — на 108,3 %. Лучших результатов достиг ЦБК в Иоханнесе, который выполнил план I квартала 1941 г. на 112,1 %, а план апреля 1941 г. — на 132,2 % с хорошим качеством продукции при соблюдении полного ассортимента. ЦБК в Энсо освоил выпуск вискозной целлюлозы по новым режимам, ЦБК в Кексгольме стал производить высококачественную целлюлозу марок «прима» и «экстра», ЦБК в Питкяранте освоил выпуск беленой древесной сульфатной целлюлозы⁵².

Вместе с тем V пленум ЦК КП(б) КФСР отметил ряд существенных недостатков в работе предприятий целлюлозно-бумажной промышленности. План I квартала 1941 г. по выпуску валовой продукции был выполнен комбинатами на 90,8 %. Среди отстающих были Питкярантский ЦБК, выполнивший план I квартала 1941 г. всего лишь на 25,1 %, и ЦБК в Энсо — 73 %⁵³.

Эффективное развитие ЦБК на новых территориях Карело-Финской ССР во многом зависело от обеспечения их сырьем, которое поставляла лесная промышленность. Важной отраслью этой промышленности стало лесопиление, хотя, надо отметить, оно было развито меньше, чем целлюлозно-бумажное производство.

На бывшей финской территории насчитывалось 13 лесозаводов на 39 рам и ряд мелких лесопильных установок. Из них в 1940 г. планировалось пустить в эксплуатацию более мощные и обеспеченные сырьем 11 лесозаводов на 35 рам, в том числе завод при Питкярантском ЦБК на 6 рам, завод в Суоярви на 5 рам, завод в Выборге на 4 рамы, 2 завода в Кексгольме на 7 рам и др. При работе

в одну смену все эти лесозаводы могли дать около 500 тыс. куб. м пиломатериалов при потребности 800 тыс. куб. м сырья. Новые предприятия этой отрасли нуждались в 1 850 рабочих и 450 инженерно-технических работниках и других категориях персонала⁵⁴.

Постановлением Экономического совета при СНК СССР № 646 от 8 мая 1940 г. лесозаводы в Суоярви, Питкяранте, Сортавале, Кексгольме, Салми, Койвисто, лесозавод на реке Шуя и другие были переданы в состав треста «Карелдрев» Наркомлеса СССР. Для восстановления и пуска этих предприятий трест «Карелдрев» обеспечивался материальными, финансовыми и трудовыми ресурсами⁵⁵.

Первые шаги в восстановлении лесопильных предприятий были сделаны уже в апреле 1940 г. К этому времени был пущен в эксплуатацию лесозавод в Суоярви. Это предприятие в значительной степени снабжало шпалами и лесоматериалами строительство железной дороги Петрозаводск — Суоярви. Что касается других предприятий отрасли лесопиления, то к 1 января 1941 г. вступили в строй действующих три лесопильных завода в Питкярантском районе: 6-рамный в Питкяранте, 2-рамный в Салми и 1-рамный в Мийнале; сортавальский 3-рамный лесозавод и др.⁵⁶ В целом за межвоенный период большинство лесопильных заводов было восстановлено, и лишь небольшая часть из них так и не приступила к работе из-за отсутствия или недостатка сырья.

Деревообрабатывающая промышленность являлась составной частью лесной отрасли и была представлена в новых районах двумя фанерными фабриками в Лахденпохья и Сортавале, мебельной фабрикой в местечке Хелюля (6,4 км от Сортавалы) и катушечной фабрикой в Выборге. Восстановление и сроки ввода в строй действующих этих предприятий были определены постановлением № 645 Экономического совета при СНК СССР от 8 мая 1940 г. «О восстановлении и пуске лесопильно-перерабатывающих и фанерных предприятий, отошедших от Финляндии»⁵⁷.

Восстановительные работы на фанерной фабрике в Лахденпохья были закончены, в основном, к 25 июня 1940 г. Было установлено все необходимое оборудование, хотя оно и требовало большого капитального ремонта. Но поскольку сроки на восстановление предприятия были сжатыми, а запасные части отсутствовали, то все машины и станки смонтировали в том виде, в каком его вернули финны. Капитальный ремонт изношенного оборудования начали только в 1941 г. Запасные части для станков и машин по заказу изготавливались в Ленинграде⁵⁸. Самой большой проблемой для Лахденпохской фанерной фабрики в межвоенный период оставалась нехватка специалистов: 90 % работников никогда раньше не трудились на фанерном производстве⁵⁹. Эту проблему пытались решить организацией кружков техминимума.

К началу 1941 г. стали выдавать продукцию и другие предприятия деревообрабатывающей промышленности: фанерная фабрика в Сортавале, мебельная фабрика в Хелюля, Выборгская катушечная фабрика.

Для обеспечения сырьем предприятий целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности на новых территориях КФССР необходимо было значительно расширить лесозаготовки. Общая минимальная потребность в древесине предприятий этих отраслей составляла примерно 4,2 млн. куб. м в год: из них цельного леса надо было заготавливать 2,2 млн. куб. м, пиловочника — 1,1 млн. куб. м и дров — 0,9 млн. куб. м. Общая же потребность народного хозяйства

новых районов КФССР в древесине (включая капитальное строительство, жилищно-коммунальное хозяйство и др.) составляла 5,8 млн. куб. м в год⁶⁰.

Лишь небольшую часть данного количества сырья можно было заготовить на месте: по подсчетам специалистов, лишь около 1,6—1,8 млн. куб. м⁶¹. Основную массу цельного леса и дров необходимо было завозить из других районов Карелии. При этом надо было учитывать и то обстоятельство, что в 1940 г. значительная часть лесов Ленинградской области передавалась в водоохранную зону и были значительно сокращены местные лесозаготовки. Поэтому на лесные массивы Карелии легла дополнительная задача по обеспечению древесины соседней области.

В связи с этими обстоятельствами, по генеральной схеме использования лесных богатств Северо-Западного региона СССР, разработанной Гипролестрансом, предусматривалось увеличить удельный вес лесозаготовок в Карело-Финской ССР с 41 % в 1941 г. до 63 % в 1942 г., а в Ленинградской области снизить с 44 до 23 %. Абсолютный объем лесозаготовок в Карело-Финской ССР должен был возрасти с 12 млн. куб. м в 1940 г. до 21 млн. куб. м в 1942 г.⁶²

Экономический совет при СНК СССР 8 мая 1940 г. принял постановление № 647 «Об организации лесозаготовок в районах Карело-Финской ССР, отошедших к СССР от Финляндии»⁶³. Согласно ему был организован трест «Сердобольлес» (Сортавала) в структуре Наркомлеса СССР, задачей которого стало обеспечение лесопродукцией целлюлозно-бумажных комбинатов, лесопильных и фанерных заводов, мебельных фабрик, а также снабжение круглым лесом всех предприятий, расположенных на территории Карело-Финской ССР. К июлю 1940 г. в составе этого треста насчитывалось семь леспромхозов (Ляскельский, Питкярантский, Салминский, Найстенъярвский, Лахденпохский, Суоярвский и Лоймольский), в которых трудилось около 1 тыс. рабочих.

Для увеличения лесозаготовок в республике по инициативе правительства КФССР был создан еще один лесозаготовительный трест «Выборглес», подчиненный Наркомлесу СССР, объединивший 6 леспромхозов и 20 лесопунктов. К концу лета 1940 г. этот трест был полностью обеспечен техникой и рабочей силой⁶⁴.

Таким образом, к осени 1940 г. на территории Карело-Финской ССР к уже имеющимся трем трестам («Южкареллес», «Севкареллес» и «Карелдрев») добавилось еще два лесозаготовительных предприятия — «Сердобольлес» и «Выборглес», 13 леспромхозов и 1 лесхоз.

Однако бюро ЦК КП(б) КФССР признало нецелесообразным наличие такого большого количества лесозаготовительных организаций на территории республики и приняло решение направить ходатайство в ЦК ВКП(б) о ликвидации треста «Выборглес», 5 леспромхозов и 1 лесхоза с передачей функций ликвидированного треста «Сердобольлесу», в составе которого предполагалось образовать 8 леспромхозов: Суоярвский, Найстенъярвский, Питкярантский, Кексгольмский, Выборгский, Яскинский, Сортавальский и Хийтольский⁶⁵.

Поставка древесины на предприятия целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности КФССР во второй половине 1940 г. далеко не соответствовала утвержденным планам, что создавало трудности в их работе. Наряду с объективными обстоятельствами (нехватка специалистов и рабочих, недостаток техники и др.) существовали и субъективные причины. В своих решениях по

промышленным предприятиям, которые находились на бывших финских территориях, ЦК ВКП(б) и СНК СССР разделили их между союзными и республиканскими наркоматами. При этом большая часть предприятий передавалась центру. С этим не было согласно руководство новой союзной республики, особенно когда речь шла о лесном комплексе.

Секретарь ЦК КП(б) КФССР Г. Н. Куприянов и зам. председателя СНК КФССР П. В. Соляков в июне 1940 г. обратились в СНК СССР и Экономический совет при СНК СССР с просьбой передать тресты «Южкареллес», «Севкареллес» и «Карелдрев», входившие в систему Наркомата леса СССР, в подчинение Наркомлесу КФССР, обосновывая это предложение необходимостью более быстрого и эффективного освоения лесных богатств и промышленных предприятий лесной промышленности в новых районах⁶⁶. Затем они же представили в правительство СССР проект постановления СНК СССР «О реорганизации системы Наркомлеса в Карело-Финской ССР». Исходя из него, в подчинение Наркомлеса КФССР из Наркомлеса СССР переходили не только три выше перечисленных треста, но и тресты «Выборглес» и «Сердобольлес» со всеми входящими в них предприятиями. Кроме того, по этому проекту Наркомлес СССР обязан был после восстановления и пуска, но не позднее 1 августа 1940 г., передать Наркомлесу КФССР фанерные заводы в Лахденпохья, Сортавале и Вяртсиля⁶⁷.

Центральные органы — Госплан СССР (зам. председателя В. Н. Емченко) и Наркомлес СССР (нарком Ф. В. Сергеев) — первоначально отклонили это ходатайство. Они мотивировали свою позицию тем, что лесные ресурсы КФССР имеют не только республиканское, но и общесоюзное значение. В их ответе на предложение руководителей КФССР отмечалось: «Продукция лесозаготовок идет по следующим направлениям: 13 % оседает на месте (дрова и шпалы), около 30 % перерабатывается на лесопильных заводах треста «Карелдрев» и в виде пиломатериалов направляется на внутренний рынок, 57 % древесины вывозится за пределы республики и частично перерабатывается на целлюлозно-бумажных предприятиях. КФССР является важнейшим районом снабжения лесом и лесоматериалами ряда отраслей союзной промышленности Ленинградской области, Украинской и Белорусской ССР. В перспективе роль КФССР в снабжении лесом увеличится»⁶⁸.

20 июля 1940 г. эта точка зрения была подтверждена в письме зам. председателя СНК СССР Н. А. Булганина, адресованного председателю СНК КФССР П. С. Проконену и секретарю ЦК КП(б) КФССР Г. Н. Куприянову: «СНК СССР отклоняет Ваше ходатайство о реорганизации лесной промышленности КФССР и считает этот вопрос исчерпанным постановлением СНК СССР и ЦК КП(б) № 896 от 20 мая 1940 г. «О мероприятиях по восстановлению хозяйства в новых районах КФССР и Ленинградской области» и Экономсовета при СНК СССР № 647 от 8 мая 1940 г. «Об организации лесозаготовок в районах КФССР, отошедших от Финляндии»»⁶⁹.

Несмотря на отрицательные ответы центра, партийно-советское руководство КФССР продолжало настойчивую борьбу за права республики на промышленные предприятия, находившиеся на бывших финских территориях. 20 сентября 1940 г. секретарь ЦК КП(б) КФССР Г. Н. Куприянов направил письмо в ЦК ВКП(б) А. А. Жданову, А. А. Андрееву и Г. М. Маленкову, в котором резко критиковал Наркомлес СССР за то, что тот проводил реорганизацию лесной промышленности на территории семи новых районов КФССР, не согласуя этот вопрос с республиканскими организациями и вопреки их воли⁷⁰.

В этом противостоянии центральных и республиканских органов руководство СССР встало на сторону последних. По-видимому, после политического решения о создании КФССР было важно укрепить новую союзную республику экономическими ресурсами. 20 октября 1940 г. вышло постановление СНК СССР № 2088 «О лесозаготовительных организациях Карело-Финской ССР». В нем, в частности, говорилось о передаче трестов «Южкареллес», «Севкареллес» и «Сердобольлес» со всеми лесными массивами и предприятиями, находившимися в системе Наркомлеса СССР, в ведение Наркомлеса КФССР⁷¹.

Эти решения положительно сказались на развитии лесозаготовительной отрасли республики в конце 1940 — первой половине 1941 г. Несмотря на некоторые трудности, правительству КФССР, в основном, удалось обеспечить деловой древесиной динамично развивавшиеся ЦБК, фанерные и мебельные комбинаты, лесозаводы, большинство из которых довольно быстро наладили процесс ее бесперебойной переработки.

Одной из наиболее развитых отраслей экономики на бывших финских территориях являлась энергетическая промышленность. Здесь находилось 19 электростанций, как тепловых, так и станций, базировавшихся на энергии рек. Большинство из них имели местное значение, заключавшееся в удовлетворении потребности в электроэнергии ближайших городов, поселков, отдельных предприятий и организаций.

Наряду с этим в присоединенных районах располагались две мощные электростанции в Раухиала и Энсо, значение которых выходило далеко за пределы местного энергобаланса. Так, Раухиальская ГЭС на реке Вуоксе близ Выборга вырабатывала около 92 тыс. кВт · ч, тогда как все 105 электростанций КАССР производили электроэнергию в 2 раза меньше — лишь 40,9 тыс. кВт · ч⁷².

В целом энергетическая база новых территорий была сильно повреждена. Ее восстановление требовало больших средств и усилий. Ремонт электрооборудования начали вскоре после окончания боевых действий, так как скорейшее восстановление энергетического хозяйства являлось основой для быстрого возрождения всех остальных отраслей экономики (промышленности, сельского хозяйства, жилищно-коммунального хозяйства, учреждений культуры и здравоохранения).

Уже в начале апреля 1940 г. в Раухиалу из Ленинграда прибыла большая группа специалистов во главе с В. А. Макаровым, который позднее стал директором ГЭС. Одна группа работников из Ленэнерго (инженеры Васильев, Авербух, Крупкин, Попов, Комаров и Архипович) должны были изучить ГЭС и все ее оборудование. Другая, более многочисленная, группа эксплуатационников, среди которых были В. Н. Соколов, В. Л. Леонтьев, Ф. М. Кошмин, Ганцев, Смолин, Батанов и другие, начали на станции восстановительные работы⁷³.

20 апреля 1940 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление № 556-195с «О строительстве высоковольтной линии передачи Раухиала — Ленинград и восстановлении энергоснабжения г. Выборга», согласно которому устанавливались сроки строительства линий передачи и подачи электроэнергии городу на Неве⁷⁴. Начальником строительства был назначен К. Н. Пяртман. Уже в августе 1940 г. на Раухиальской ГЭС были приведены в полную готовность все ее сложные гидротехнические сооружения⁷⁵.

Линию электропередачи Раухиала — Ленинград должны были сдать в октябре 1940 г. Строители уложились в срок: Раухиальская ГЭС дала первый ток городу

на Неве 29 сентября. Высоковольтную линию соорудили менее чем за пять месяцев. Строители работали в очень сложных природных условиях: на протяжении 157-километровой трассы они сумели преодолеть лесные чащи, скалы, болота, реки и озера. На строительстве было занято более 1 500 рабочих. ГЭС обеспечила получение Ленинградом дополнительной мощности к началу осенне-зимнего 1940/41 г. сезона. В дальнейшем город стал получать ежедневно от новой ГЭС примерно 1 млн. кВт · ч электроэнергии, что дало возможность вырабатывать в сутки дополнительно промышленной продукции на 5 млн. руб.⁷⁶

В п. Энсо на реке Вуоксе финны начали строительство крупной ГЭС мощностью до 100 тыс. кВт · ч. На момент передачи Советскому Союзу она была построена на 60 %⁷⁷. По строящейся ГЭС 16 мая 1940 г. было принято специальное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР, в котором утверждались сроки ввода ее в строй действующих электростанций. На полную мощность — 100 тыс. кВт · ч. — она должна была выйти к 1 января 1942 г.⁷⁸

Несмотря на большое значение данной электростанции для экономики Карелии и Ленинградской области, ее восстановление и строительство шло медленно. Основная причина этого заключалась в недостатке рабочей силы. Так, к 15 августа 1940 г. на стройке работало 575 человек из необходимого количества в 1,5 тыс. человек. Большинство из них приехало из Ленинграда (200 человек) и Ленинградской области (240 человек)⁷⁹. К началу Великой Отечественной войны ГЭС в Энсо так и не успели пустить в строй действующих.

Что касается других объектов энергетического хозяйства в новых районах КФСР, то их восстановление отставало от утвержденных планов. Например, к концу лета 1940 г. в Питкярантском и Куркиекском районах не пустили в эксплуатацию ни одной электростанции. В других районах к осени 1940 г. до конца не провели учет имевшихся ГЭС, а ряд из них, особенно микроэлектростанций, даже не выявили. Большим недостатком было также то, что многие из них находились в бесхозном состоянии⁸⁰.

Для исправления данного положения СНК КФСР обязал временные управления присоединенных районов обеспечить недопущение расхищения имущества предприятий энергетической отрасли, а также дал задание Наркомхозу в кратчайшие сроки взять на учет все имевшиеся на этой территории электростанции с проведением их полной инвентаризации⁸¹.

В результате восстановительных мероприятий в энергетической отрасли к началу Великой Отечественной войны в новых районах КФСР начали работать и давать ток все крупные ГЭС (кроме Энсо) и ТЭС, которые обеспечивали электроэнергией промышленные предприятия и населенные пункты Карельского перешейка и Северного Приладожья.

Важное значение для развития экономики новой союзной республики приобретали предприятия промышленности строительных материалов и горнодобывающей отрасли, которые находились на бывших финских территориях. Управлением промышленности строительных материалов при СНК КФСР к июлю 1940 г. были пущены в строй действующих кирпичные заводы близ Сортавалы и Курканиэми, а также полностью подготовлен к эксплуатации карьер розового гранита в Выборге. Кроме того, в окрестностях Выборга были восстановлены кирпичные заводы, выпускающие красный кирпич, бетонный и израсцовый

заводы и др. Начались разработки Рускеальского мраморного карьера и восстановление построенного на его базе известкового завода.

Большой удельный вес в экономике новых районов КФССР играли предприятия местной промышленности и промышленной кооперации. Местная промышленность насчитывала более 30 предприятий, в число которых входили 6 типографий; 7 промкомбинатов, включавших мельницы, драночные и столярные мастерские; войлочный завод, трикотажная фабрика, валяльный завод производительностью 100 тыс. валенок в год, 6 кожевенных заводов; шерстопрядильная и шерстоткацкая фабрика, 2 механические мастерские. Большинство работников для предприятий местной промышленности новых районов было направлено из Ленинградской области⁸². К началу 1941 г. в эксплуатацию было пущено более 20 предприятий этой отрасли.

Для обеспечения населения новых районов необходимыми услугами надо было развивать промкооперацию. Уже в апреле 1940 г. Карелпромсовет начал проводить работу по восстановлению предприятий этой отрасли. В Сортавале и Выборге были созданы разнопромысловые союзы, объединившие также предприятия Кексгольма, Антреа и Суоярви. Эти союзы сразу же наметили план организации сети разнопромысловых артелей: швейно-трикотажной, кожевенной, деревообрабатывающей, строительной и пищевой с цехами хлебопечения, производства воды, маслобойным и сыроваренным производством. Они же должны были открыть в новых районах парикмахерские, фотоателье, часовые мастерские, мастерские металлических изделий и др.⁸³ Несмотря на большие трудности периода восстановления, большинство предприятий промкооперации успешно работали, удовлетворяя нужды населения новых районов КФССР в товарах широкого потребления и предоставляя ему необходимые услуги.

На бывших финских территориях, вошедших в состав КФССР, до войны хорошо была развита рыбная промышленность. Здесь имелось большое количество рек и озер, богатых рыбой. В северной части Ладожского озера из промысловых рыб обитали: ряпушка, сиг, корюшка, лосось, паляя, судак, щука, лещ, окунь, язь и плотва. Те же виды водились и в водоемах Карельского перешейка. В Финском заливе были благоприятные условия для обитания кильки, в особенности салаки, составлявшей до 80 % всего морского улова. Для отошедших от Финляндии территорий было характерно два типа рыболовства — морское в Финском заливе и озерное — в северной части Ладожского озера, а также во внутренних водоемах Карельского перешейка. После войны на побережье Ладожского озера и Выборгского залива сохранилась часть рыболовецкого флота.

В 15 км от Кексгольма на Ладожском озере располагался рыбоводный завод на 5 млн. мальков лосося и сига, который не пострадал во время военных действий⁸⁴. Сразу после перехода этого предприятия к Карелии оно было принято Севзапрыводом и начало работать. Еще 2 рыбоводных завода располагались на реке Туломайоки в 12 км от Салми (для разведения лосося) и на озере Янисъярви (для разведения сига). Оба эти предприятия при пуске их в эксплуатацию могли дать до 75 млн. мальков рыбы. Однако вплоть до июля 1940 г. они никем не осваивались⁸⁵. В Сортавале и Выборге имелось также консервное производство.

По оценке правительства КФССР, для развития рыбной промышленности новых районов сюда необходимо было переселить 2 тыс. рыбаков и примерно 500 рабочих для обработки рыбы⁸⁶. Рыбтресту Наркомата рыбной промышленности рес-

публики был передан весь сохранившийся промысловый флот, судоремонтные мастерские, склады, орудия лова и другое оборудование. Уже в апреле 1940 г. эта организация начала сбор инвентаря, восстановление и освоение всего рыбацкого хозяйства, прежде всего в Сортавале и Кексгольме. Для укомплектования бригад рыбаками Наркомат рыбной промышленности СССР начал производить вербовку за пределами Карелии, а Рыбтрест — в Беломорском районе республики.

Летом 1940 г. в Салминском, Сортавальском и Кексгольмском районах началась организация райрыбхозов, которые занимались вербовкой рыбаков и созданием рыболовецких хозяйств⁸⁷. В конце августа 1940 г. в район Северного Приладожья из Астрахани и Кубани прибыли первые 140 рыболовецких семей. К сентябрю 1940 г. их количество выросло до 300 семей. К этому времени в районе было создано 4 крупных рыболовецких колхоза: «Ленинский путь» (62 хозяйства) и «Маяк социализма» (35 хозяйств) разместились на острове Тулон близ Сортавалы; третий — «Красный кубанец» (102 хозяйства) — располагался на острове Мантсинсаари в Питкярантском районе; четвертый — им. 50-летия т. Сталина находился на острове Сарола в Куркиекском районе⁸⁸. Этим хозяйствам предстояло осваивать рыбные богатства Северного Приладожья. У основной массы новых колхозников-рыбаков имелся богатый опыт рыбодобычи в Каспийском и Азовском морях, они хорошо владели орудиями лова.

Для обслуживания этих колхозов Наркомат рыбной промышленности КФССР организовал вблизи Сортавалы Северо-Ладжскую моторно-рыболовецкую станцию, а для обработки рыбы были открыты 3 рыбозавода, имевших несколько приемных пунктов в местах лова.

В создании рыболовецких хозяйств не обошлось без трудностей. Многочисленные проблемы в организации лова и хозяйственном устройстве переселенцев приводили к большому количеству жалоб с их стороны, а 30 семей из колхоза «Красный кубанец» и вовсе выехали на прежнее место жительства⁸⁹. Данные случаи негативно влияли на дальнейшее проведение вербовки и переселения рыбаков из Азово-Черноморского региона в Карелию. Но, в целом, весной 1941 г. рыболовецкие колхозы начали полноценный лов рыбы в Ладжском озере, Финском заливе и внутренних водоемах Карельского перешейка.

Пищевая промышленность новых районов Карелии была представлена 23 крупными и средними предприятиями, в их числе: большой мельничный комбинат с элеватором в Выборге, элеватор и сахарный завод в районе Антреа, 7 мельниц, 7 хлебозаводов и крупных хлебопекарен, 2 пивоваренных завода (в Выборге и Сортавале), завод фруктовых вод в Сортавале, мыловаренный завод, табачная и парфюмерная фабрики в Выборге⁹⁰. Значительная часть предприятий в результате военных действий была разрушена, с некоторых из них финны при отступлении увезли оборудование. Но уже к лету 1940 г. большинство предприятий этой отрасли было восстановлено и пущено в эксплуатацию.

Из предприятий мясомолочной промышленности присоединенных к Карелии территорий следует выделить 2 маргариновых завода в Выборге, маслодельный завод в районе Антреа, сыроваренный завод в Суоярви, 2 колбасных комбината и 2 молокозавода⁹¹. Большая часть этих предприятий начала свою деятельность только с весны 1941 г., когда на них стало поступать сырье от местных колхозов и совхозов.

Большое значение для быстрого освоения новых районов Карело-Финской ССР имело развитие на этой территории предприятий транспорта и связи. Их восстановление началось сразу после окончания войны и подписания мирного договора между СССР и Финляндией.

На присоединенных территориях имелась хорошо развитая сеть железных и шоссейных дорог, а также водных путей. Так, длина только железных дорог составляла около 900 км⁹². Столица Карело-Финской ССР имела связь практически с любым населенным пунктом отошедших от Финляндии районов благодаря тому, что данная местность была насыщена шоссейными и грунтовыми дорогами хорошего качества. Сеть автогужевых дорог на Карельском перешейке и в Северном Приладожье составляла примерно 6 тыс. км⁹³.

Огромное значение в восстановлении хозяйства новых районов имела железная дорога Петрозаводск — Суоярви. Решение о начале строительства было принято ЦК ВКП(б) и СНК СССР еще в ходе Зимней войны (22 декабря 1940 г.) и имело, прежде всего, военные цели⁹⁴. По этому решению Народный комиссариат путей сообщения (НКПС) должен был перебросить на стройку 4 тыс. рабочих и ИТР со строек № 50 Коноша — Архангельск и Московских строительных трестов, а также направить 3 машино-путевые станции и 2 строительно-монтажных поезда. НКВД обязан был выделить для строительства этой дороги 3 тыс. заключенных из близкорасположенных лагерей, а Наркомат обороны — 3,5 тыс. военнослужащих из железнодорожных войск. Стройка была обеспечена шпалами, пиломатериалами, топорами, оборудованием⁹⁵.

В период суровых морозов, в рекордно короткий срок — за три месяца — было завершено строительство дороги. 14 марта 1940 г. из Петрозаводска в Суоярви прошел первый поезд. После Зимней войны эта железная дорога была достроена и широко использовалась для дальнейшего освоения бывших финских территорий, включенных в состав СССР, а столица республики была соединена с железнодорожной магистралью Сортавала — Выборг.

К концу апреля 1940 г. было восстановлено железнодорожное сообщение между Суоярви и Сортавалой. 26 июля 1940 г. в Сортавалу прибыл первый прямой пассажирский поезд из Ленинграда, и между двумя городами установилось регулярное железнодорожное сообщение.

В освоении новых территорий важное место отводилось развитию водного транспорта. Из-за невозможности вывести большую часть крупных и мелких судов из Выборгского залива и Ладожского озера финны их потопили. После окончания военных действий поднятием кораблей со дна водоемов занимался ЭПРОН. Эта организация направила в новые районы бригады водолазов, которые стали работать около Тронгсунда, Выборга, Сортавалы, Кексгольма и острова Валаам. За первые пять месяцев деятельности, связанной с постоянным риском стать жертвой расставленных финнами мин, эпроновцы подняли 16 пароходов и других потопленных судов (не считая катеров, шлюпок и других мелких единиц). Многие из них к осени 1940 г. были отремонтированы и переданы Выборгскому морскому торговому флоту и Выборгскому речному пароходству.

В межвоенный период были восстановлены порты в Выборге, Тронгсунде, Сортавале и Кексгольме. В начале сентября 1940 г. Северо-Западное пароходство организовало регулярное сообщение между Ленинградом, островом Валаам

и Сортавалой⁹⁶. В следующем месяце вступили в строй действующих судоремонтные заводы в Выборге и Сортавале.

Связь между столицей КФССР Петрозаводском и новыми районами устанавливалась также посредством автомобильного транспорта. Управление автотранспорта при СНК республик организовало в Выборге, Антреа, Кексгольме, Сортавале, Куркиеки и Суоярви отделения автотранспорта и обеспечило их персоналом и автомашинами. Уже 14 апреля 1940 г. было открыто автобусное сообщение по маршруту Петрозаводск — Сортавала протяженностью 301 км.

Вместе с восстановлением автотранспортного хозяйства в новых районах Карело-Финской ССР шло налаживание и связи. Все виды связи, кроме автоматической телефонной станции в Сортавале, были разрушены во время войны. Для ее восстановления Наркомат связи СССР направил в новые районы республики более 700 специалистов.

Уже в начале апреля 1940 г. столица КФССР имела телефонную связь с Суоярви, Питкярантой, Кексгольмом и Выборгом. К ноябрю 1940 г. связистам удалось пустить в эксплуатацию 10 телефонных станций и 7 телеграфов, открыть 7 районных контор связи. Связисты телефонизировали крупные промышленные предприятия, сельсоветы, совхозы, смонтировали во всех районных центрах радиоузлы. В Сортавале начала работать первая в республике автоматическая телефонная станция на 800 номеров⁹⁷.

Шло налаживание и почтовой связи. В новых городах и поселках создавались почтовые управления и агентства для оказания населению таких услуг, как доставка газет и журналов, рассылка и доставка писем и телеграмм. Одними из первых открылись почтамты в Выборге, Сортавале, Ляскеля и Питкяранте, которые уже в апреле 1940 г. производили все операции по своему профилю. К ноябрю 1940 г. было открыто 46 почтовых отделений, из них 19 на селе⁹⁸.

Вместе с тем надо отметить, что налаживание связи в новых районах, особенно между поселками, шло очень тяжело. Так, в Сортавальском районе к началу осени 1940 г. колхозы почти полностью не обслуживались почтовой связью. К этому времени здесь даже не были намечены пункты почтовых агентств, в результате чего отдаленные от районного центра поселки были лишены возможности вести переписку и получать газеты и журналы. Такое положение дел наблюдалось в большинстве населенных пунктов сельских местностей новых районов⁹⁹.

Если, несмотря на все объективные трудности, процесс восстановления промышленности, транспорта и связи в новых районах Карело-Финской ССР шел, в целом, достаточно успешно, то значительно сложнее обстояли дела в аграрной сфере. При этом следует подчеркнуть, что эти районы имели большое экономическое значение для сельского хозяйства республики.

По данным комиссии, проводившей с 24 июня по 20 июля 1940 г. инвентаризацию земель на бывших финских территориях, в новых районах располагалось 200 тыс. га сельскохозяйственных угодий, из них пашни с налаженным производством зерновых культур и овощей около 178 тыс. га и естественных сенокосов около 24 тыс. га, сосредоточенных по преимуществу вдоль северного побережья Ладожского озера¹⁰⁰. В Советской Карелии в это время пахотные земли составляли почти в 3 раза меньшую площадь — только 66,9 тыс. га¹⁰¹.

Бывшая финская территория отличалась разнообразием высеваемых зерновых и бобовых сельскохозяйственных культур: здесь сеяли пшеницу, рожь, овес, ячмень, горох. Так как финское сельское хозяйство данного региона имело животноводческое направление, то посевы овса преобладали над остальными культурами. Кроме того, в ряде мест выращивали фрукты и овощи, очень распространены были посевы многолетних трав, особенно многоукосного красного клевера.

Сельскохозяйственные угодья были разбросаны в виде хуторных полей или полей помещичьих имений среди лесных массивов, озер и невозделанных земель. При этом на бывшей финской территории имелось достаточно большое количество крупных фермерских хозяйств, на базе которых в дальнейшем планировалось организовать совхозы молочно-животноводческого направления¹⁰².

Военные действия привели к тому, что весь скот на бывшей финской территории был либо угнан, либо уничтожен, большинство жилых и производственных построек на селе сожжены или приведены в негодность, сельскохозяйственные машины и инвентарь испорчены. Практически все население переехало на запад за новую границу.

18 мая 1940 г. комиссия Наркомзема СССР во главе с заместителем наркома Батамировым вместе с президентом АН СССР Н. И. Вавиловым и большой группой научных сотрудников Пушкинского сельскохозяйственного института под руководством заместителя наркома зерновых и животноводческих совхозов СССР И. П. Панкова выехала в новые районы Карельского перешейка для определения путей скорейшего освоения земельных фондов и уточнения вопросов организации здесь совхозов и колхозов.

После завершения работы комиссия дала следующее заключение: «Новые районы Карело-Финской ССР имеют большие перспективы в смысле развития сельского хозяйства и потребуют много специалистов, которые здесь найдут широкие возможности для применения своих знаний и опыта»¹⁰³.

Предполагалось, что мелкие земельные участки до 2 га вследствие их разбросанности в связи с хуторским землепользованием перейдут под индивидуальные огороды рабочих и служащих (3 % пашни — около 1,5 тыс. га). Примерно 5 % пашни, или около 11 га, будет запущено в связи с пограничным положением и отдаленностью отдельных хуторских участков от основных массивов пашни. В наиболее крупных хозяйствах с землепользованием от 50 га и выше будут созданы совхозы и колхозы¹⁰⁴.

Для быстрого решения вопроса о посеве картофеля и овощей весной 1940 г. в новых районах КФСР, где отсутствовало гражданское население, были мобилизованы военнослужащие из частей, дислоцированных на этих территориях. Военные выделили также тракторы, транспортные средства, лошадей. В результате удалось провести посадку картофеля на площади в 3 200 га и овощей — на 135 га¹⁰⁵. Причем это было сделано в основном силами воинских частей.

Правительство Карело-Финской ССР в деле сельскохозяйственного возрождения новых районов основное внимание, прежде всего, уделило созданию здесь совхозов животноводческого направления для обеспечения городов молоком и мясом. Всего планировалось организовать 23 совхоза данного профиля¹⁰⁶. Уже 9 апреля 1940 г. СНК КФСР принял решение о создании 3 совхозов молочно-

мясного направления в Сортавальском, Питкярантском и Суоярвском районах, куда незамедлительно выехали три работника, назначенные директорами вновь созданных совхозов, для организации производства¹⁰⁷.

Уже в мае 1940 г. Сортавальским временным управлением в местечке Валеала на месте бывшего помещичьего имения был создан первый животноводческий совхоз. В июне этого же года в 30 км от Сортавалы, близ станции Ляскеля, создали еще одно хозяйство — совхоз «Харлу». Рядом с ним располагались два ЦБК, поэтому первоочередной задачей совхоза стало обеспечение рабочих и служащих этих предприятий продукцией животноводства, а также овощами и ягодами. За новым хозяйством закрепили 5 тыс. га земли, из них 1 тыс. — пахотных¹⁰⁸.

По постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 1228 от 10 сентября 1940 г. был организован Выборгский совхоз № 1 на базе бывших финских имений. Он должен был снабжать население города Выборга мясом, молоком и овощами. За совхозом закрепили земельную площадь в размере 5 500 га, в том числе пашни 1 700 га. В Кексгольмском районе к июлю 1940 г. было организовано 4 совхоза — 3 животноводческого направления и 1 свекловодческий¹⁰⁹.

В процессе создания совхозов на новых территориях возникали многочисленные трудности. Многие образованные хозяйства не могли сразу приступить к работе, с одной стороны, потому, что жилые и производственные постройки часто были заняты воинскими частями, с другой стороны, временные управления этих районов в противовес постановлениям ЦК ВКП(б) и СНК СССР нередко самостоятельно принимали решения, отдавая закрепленные за совхозами помещения и постройки другим организациям.

В результате работы по организации совхозов широко развернули только в августе 1940 г., создав 12 совхозов: Выборгский № 1 и № 2, «Кавантсаари», «Куркие-

ки», «Остамо», «Пюхьярви», «Райселя», «Салми», Сортавальский № 1 и № 2, в Суоярви и Харлу. Одновременно в течение месяца — с 15 августа по 15 сентября 1940 г. — был проведен завоз скота в новые хозяйства и проведено комплектование их руководящими кадрами, специалистами и рабочими¹¹⁰.

Важнейшим направлением в освоении сельского хозяйства новых территорий стало переселение сюда колхозников из других регионов СССР. Для организации и руководства этой деятельностью по постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР № 896 «О мероприятиях по восстановлению хозяйства в новых районах Карело-Финской ССР» от 28 мая 1940 г. был создан Переселенческий отдел при СНК КФССР. Согласно этому же постановлению для сельскохозяйственного освоения новых районов планировалось переселить всего 40 тыс. семей: 20 тыс. семей в 1940 г. (II квартал — 5 тыс., III квартал — 12 тыс., IV квартал — 3 тыс. семей) и 20 тыс. семей в 1941 г. Переселение колхозников и колхозов наметали произвести из ряда областей и республик Советского Союза: Белорусской ССР, Чувашской, Мордовской и Татарской АССР, Рязанской, Калининской, Смоленской, Орловской, Кировской и Вологодской областей¹¹¹. Этим же постановлением определялся план заселения по семи новым районам республики на 1940 г.

План заселения новых районов Карело-Финской ССР в 1940 г.¹¹²

Район	План на 1940 г.	План на II кв.	План на III кв.	План на IV кв.
Выборгский	3 500	1 000	2 200	300
Яскинский	1 800	500	1 000	300
Кексгольмский	4 000	1 200	2 200	600
Сортавальский	3 600	800	2 200	600
Питкярантский	1 500	400	1 000	100
Суоярвский	3 400	600	2 000	800
Куркиекский	2 200	500	1 400	300
Всего	20 000	5 000	12 000	3 000

Свою деятельность Переселенческий отдел при СНК КФССР начал с организации и укомплектования кадрами как республиканского отдела, так и отделов при районных временных управлениях. Эта работа была сопряжена с большими трудностями, вызванными тем, что ощущалась нехватка необходимого количества руководящих и квалифицированных работников. Тем не менее первым делом этих отделов стало то, что они послали в области и республики «выхода» представителей от каждого района¹¹³. Переселение планировали провести в коллективном порядке — путем переселения целых колхозов или групп колхозников.

Для знакомства с условиями ведения хозяйства и выбора земельных участков в новых районах областям и республикам «выхода» предоставлялось право посылать предварительно своих представителей — «ходовков». 11 июня 1940 г. в Выборг прибыли первые 42 «ходока» из Череповецкого и Мяксинского районов Вологодской области. Они осмотрели земли в Иоханнесе, Сяккиярви и Куркиеки. Вслед за ними в заселяемые районы КФССР практически ежедневно стали прибывать

представители из различных регионов СССР. В подавляющем большинстве «ходоки» сразу же после осмотра земель закрепляли их за своими колхозами¹¹⁴.

Переселенцам, прибывавшим в колхозы и совхозы новых районов Карелии, советское государство оказывало определенную помощь. Колхозникам предоставлялась продовольственная ссуда сроком на два года в размере до 3 ц на семью. Также переселенческим хозяйствам выделялась семенная ссуда в соответствии с их посевными планами. Бескоровным колхозникам предоставлялся кредит на приобретение коров сроком на пять лет, который погашался начиная со второго года. Кроме того, колхозники-переселенцы получали ссуду на хозяйственное обзаведение в сумме 300 руб. на семью.

Переезжающим в новые районы передавались в собственность оставшиеся здесь дома и надворные постройки с погашением их оценочной стоимости равными частями в течение восьми лет, начиная с третьего года после вселения. Вне районов боевых действий после ухода финского населения оставались совершенно неповрежденные целые деревни. Оставившие их хозяева надеялись, что скоро вернуться и поэтому забирали с собой лишь самое необходимое из того, что были в состоянии вывезти. Практически в каждом хозяйстве имелись многочисленные постройки — амбары, конюшни, коровники, бани, сараи¹¹⁵. В результате строиться большинству переселенцев первой волны не было необходимости.

Одна из проблем сельскохозяйственного освоения новых территорий состояла в том, что землепользование здесь было исключительно хуторным. Советская система сельского хозяйства требовала организации коллективного землепользования, которое определяло расселение поселкового типа. Поэтому в присоединенных районах Карелии летом 1940 г. была проведена большая работа по определению центров колхозов и отводу им земель для дальнейшего создания поселений.

В новых районах КФСР планировалось за 1940—1941 гг. организовать примерно 500 колхозов и завести около 20 тыс. голов скота. Для обслуживания хозяйств предполагалось создать 25 МТС, причем 10 из них — в 1940 г. Каждая МТС должна была получить по 70 тракторов¹¹⁶.

В июле 1940 г. в присоединенные районы стали прибывать эшелоны с колхозниками. Первые 76 семей переселенцев из Череповецкого района Вологодской области приехали в Выборгский район, 110 семей из Мяксинского района этой же области — в Куркиекский район. В итоге в Выборгском районе в 1940—1941 гг. было организовано 53 колхоза, 4 совхоза, 3 МТС и 11 рыболовецких артелей, а в Куркиекском — 75 колхозов и 1 животноводческий совхоз¹¹⁷.

В Сортавальский район первые 40 семей колхозников из Белоруссии прибыли 16 июля 1940 г. Один из переселенцев вспоминал: «До нас здесь были посланные нами ходоки. Они осмотрели внимательно места нового нашего жительства, подобрали место для поселения. Мы знали, что финны вырезали весь скот, все хозяйство надо заводить заново. Зная это, мы привезли с собой 16 лошадей, 50 коров, 6 рабочих волов, много свиней и другого скота»¹¹⁸. Уже к сентябрю 1941 г. в Сортавальском районе было создано 64 переселенческих колхоза, которым предварительно дали следующие направления: животноводческо-зерновые — 32; животноводческие — 3, животноводческо-овощные — 26, райсемхозы — 1, рыболовецкие — 2¹¹⁹.

Большая работа проводилась по переселению колхозов в Кексгольмский район, в основном это были хозяйства из Орловской и Калининской областей. В 1940 г. здесь планировалось организовать 49 колхозов, в том числе 5 рыболовецких. В начале августа 1940 г. в этот район прибыли первые 278 семей переселенцев. Колхозники также привезли с собой скот и сельскохозяйственный инвентарь. Так, колхоз «Безбожник», полностью переселившийся на новые земли Карело-Финской ССР из Великолукского района Калининской области привез с собой 133 головы крупного рогатого скота, 46 лошадей и много различного сельхозинвентаря. Планы были перевыполнены, и к сентябрю 1940 г. в Кексгольмском районе было организовано уже 74 колхоза, объединивших 2 840 семей¹²⁰.

В Яскинский район колхозники переселялись в большинстве своем из Кировской и Рязанской областей, Татарской АССР и Белорусской ССР. К сентябрю 1940 г. сюда прибыло 884 семьи, которые создали 34 колхоза. В Суоярвском районе к концу 1940 г. было организовано 19 колхозов, совхоз «Суоярвский» и 1 МТС. На территории Питкярантского района в 1940—1941 гг. создали 35 колхозов, 1 совхоз и 1 МТС¹²¹. Большая часть колхозников в новые районы КФССР была переселена в течение двух месяцев — в августе и сентябре 1940 г.

Процесс сельскохозяйственного освоения присоединенных территорий шел очень сложно. Об этом говорят многие докладные записки спецорганов руководству республики. Так, в докладной записке НКВД КФССР от 6 сентября 1940 г. отмечалось, что результаты мероприятий по приему переселенцев остаются крайне неудовлетворительными: не хватает автотранспорта для перевозки людей, поезда простаивают, плохо поставлено снабжение переселенцев товарами первой необходимости, недостает жилья и т. д. Например, в Выборге автотранспортное отделение выделило всего 6—8 автомашин, чтобы вывезти колхозников к местам их вселения. Таким образом, из-за недостатка транспорта 25 августа 1940 г. у прибывшего в этот город эшелона осталось 52 семьи, которые должны были отправиться в поселок. На следующий день выяснилось, что на автобазе нет бензина, в результате чего колхозники трое суток просидели на вокзале. А в это время подошел еще один поезд со 101 семьей¹²². Подобная ситуация была характерна и для других районов Карелии.

Основными недостатками в приеме и хозяйственном устройстве колхозников, по мнению председателя СНК КФССР П. С. Прокконена, являлось неумение переселенческих отделов и райисполкомов в достаточной степени сочетать работу по приему и хозяйственному устройству переселенцев с другими хозяйственными задачами, в результате чего возник ряд трудностей в размещении прибывших колхозников¹²³. Так, в новых районах к тому времени как начали прибывать переселенцы не был закончен учет сохранившихся домов, надворных построек и земельных угодий, что, несомненно, препятствовало четкому проведению заселения.

Имели место и такие факты, когда первую партию приехавших колхозников из одной местности Белоруссии (например, из Могилевской, Витебской и Полеской областей) поселили в Сортавальском районе, а вторую партию оттуда же — в Куркиекском районе. Естественно, в подобных ситуациях среди переселенцев начало проявляться недовольство: ведь их фермы и даже часть семей были размещены в Сортавале, а сами колхозники — в Куркиеки. Указанные факты, а также недостаточное проведение во вновь созданных хозяйствах раз-

яснительной и организационной работы создавали условия, когда колхозники, поселенные в одном месте, самовольно переезжали в другие населенные пункты без ведома переселенческих отделов, а ряд семей просто исчез¹²⁴.

В процессе переселения были и другие недостатки. Крайне неудовлетворительно проводился отбор колхозников в местах «выхода». В списки переселенцев часто включали людей, которые никогда не работали в сельском хозяйстве и не владели необходимыми специальностями. В результате они, приезжая на новые места, уходили работать либо на промышленные предприятия, либо в организации, либо возвращались на родину, что несомненно тормозило сельскохозяйственное освоение данных территорий.

Еще одним недостатком процесса переселения было занесение на территорию Карелии эпидемических заболеваний. Так, колхозники из Татарской АССР занесли сыпной тиф в Яскинский район. Помимо этого, в республике появились такие заболевания, которых раньше здесь не было. Например, чувашские переселенцы перенесли в Куркиекский район трахому — к концу декабря 1940 г. болело 25 % населения района¹²⁵.

В конце июля — начале августа 1940 г. вновь созданные хозяйства начали уборку озимой ржи. На этих работах переселенцы также столкнулись со многими проблемами: не хватало жаток и рабочей силы. Так, в Кексгольмском районе из-за необеспеченности жатками пришлось часть сенокосилок с работы на лугах перевести на косовицу ржи. В Салминском районе тоже убирали рожь сенокосилками с приспособленными к ним жатвенными установками¹²⁶.

Несмотря на то что новые колхозы и совхозы начали уборку яровых и озимых культур в срок, многие хозяйства вели жатву крайне медленно. Главной причиной этого стала нехватка сельскохозяйственного инвентаря. В свою очередь, на бывших финских хуторах и в деревнях было разбросано множество уборочных машин, телег, молотилок и других орудий. Однако приведением их в порядок долго никто не занимался. Например, на весь Салминский район к концу августа 1940 г. не было ни одной мастерской по ремонту сельскохозяйственного инвентаря¹²⁷.

Намеченный план сельскохозяйственного освоения присоединенных от Финляндии районов полностью выполнить не удалось. В докладной записке «Об итогах работы по заселению и сельскохозяйственному освоению новых районов за 1940 г. и мероприятиях, проводимых в 1941 г.» от 21 февраля 1940 г. председатель СНК КФССР П. С. Прокконен отметил, что к 1 января 1941 г. в КФССР прибыло колхозников-переселенцев: всего хозяйств — 15 305; человек — 68 560, из них трудоспособных — 32 254. Следовательно, намеченный годовой план был выполнен лишь на 76,5 %¹²⁸.

В итоге к июню 1941 г. в новых районах Карело-Финской ССР было создано 418 колхозов, 14 МТС и 12 совхозов, которые весной 1941 г. провели посевную кампанию, однако большинство из них находились только в стадии формирования, испытывая острый недостаток как в людях, так и в технике¹²⁹.

Наряду с восстановлением промышленных предприятий, организаций транспорта и связи, созданием колхозов и совхозов в новых районах Карело-Финской ССР шел процесс возрождения учреждений образования и культуры, организаций здравоохранения, объектов жилищно-коммунального хозяйства.

В результате всех мероприятий 1940 г. в первой половине 1941 г. в новых районах КФССР были полностью или частично восстановлены и введены в эксплуатацию основные промышленные предприятия. В конце 1940 г. в КФССР на восстановленных предприятиях работало уже около 15 тыс. рабочих и инженерно-технических работников.

Сельскохозяйственное освоение районов, отошедших к Советскому Союзу от Финляндии в 1940—1941 гг., происходило значительно труднее, чем восстановление и пуск предприятий промышленности. Так, например, рабочих, желавших переехать на новые территории КФССР, оказался переизбыток, а план переселения колхозников не был выполнен ни в 1940 г., ни в 1941 г. Другим проблемным вопросом стало создание в новых районах республики коллективных хозяйств. Несмотря на то что колхозов было организовано большое количество, многие из них оставались малочисленными, не имели устава сельскохозяйственной артели, были плохо оснащены орудиями труда, что влияло на их производительность.

Однако в созданных колхозах к началу Великой Отечественной войны трудилось уже 32 тыс. человек. И хотя освоение новых сельскохозяйственных угодий происходило не очень быстрыми темпами, в итоге оно привело к значительному увеличению посевных площадей в республике и росту основных показателей сектора сельского хозяйства в экономике КФССР.

С наступлением 1941 г. среди переселенцев стали распространяться слухи об угрозе приближающейся войны, и многие из них захотели вернуться на родину. Весной 1941 г., как свидетельствуют неопубликованные воспоминания первого секретаря ЦК КП(б) Г. Н. Куприянова, было неофициально решено приостановить заселение новых территорий в связи с нарастанием военной опасности¹³⁰.

К началу 1941 г. общая численность населения в новых районах республики, по данным Статистического управления КФССР, достигла 197 600 человек¹³¹. К этому времени в Выборгском районе проживало 18 тыс. человек; в Кексгольмском — 22,5 тыс.; в Куркиекском — 16,7 тыс.; в Питкярантском — 13 тыс.; в Сортавальском — 25 тыс.; в Суоярвском — 14,5 тыс.; в Яскинском — 26,8 тыс. Крупными промышленными центрами Карелии стали города Выборг, Сортавала и Кексгольм, в которых проживало соответственно 38,2 тыс., 12,6 тыс. и 10,3 тыс. человек¹³². В целом по республике накануне Великой Отечественной войны численность населения составляла примерно 700 тыс. человек¹³³.

Однако времени для полного заселения и освоения новых территорий, отошедших от Финляндии к СССР после Зимней войны по Московскому мирному договору от 12 марта 1940 г., не хватило. Этот процесс был прерван начавшейся Великой Отечественной войной.

1 Rassila V. Suomen poliittinen historia (1809—1975). 2 osa. Vuodet 1905—1975 / V. Rassila, E. Jutikkala, K. K. Kulka. Porvoo; Helsinki; Juva, 1977. S. 214; Смирнова Е. П. Заселение и освоение новых районов Карело-Финской ССР в 1940-е годы: Дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2006. С. 31.

- 2 Смирнова Е. П. Заселение и освоение новых районов Карело-Финской ССР в 1940-е годы. С. 31.
- 3 Vladimirov V. Kohti talvisotaa. Helsinki, 1995. S. 250; Смирнова Е. П. Заселение и освоение новых районов Карело-Финской ССР в 1940-е годы. С. 32.
- 4 Смирнова Е. П. Заселение и освоение новых районов Карело-Финской ССР в 1940-е годы. С. 32.
- 5 Там же.
- 6 РГАЭ, ф. 4372, оп. 38, д. 689, л. 1—2.
- 7 Там же.
- 8 НА РК, ф. 1394, оп. 7, д. 1/5, л. 76.
- 9 Там же, л. 78.
- 10 Смирнова Е. П. Заселение и освоение новых районов Карело-Финской ССР в 1940-е годы. С. 36.
- 11 Степаков В. Н. После «Ворошиловского залпа» // Красное знамя. 1992. 14 апр.
- 12 Смирнова Е. П. Заселение и освоение новых районов Карело-Финской ССР в 1940-е годы. С. 37.
- 13 НА РК, ф. 1394, оп. 3, д. 168, л. 153; Смирнова Е. П. Заселение и освоение новых районов Карело-Финской ССР в 1940-е годы. С. 37.
- 14 Смирнова Е. П. Заселение и освоение новых районов Карело-Финской ССР в 1940-е годы. С. 37.
- 15 НА РК, ф. 3435, оп. 2, д. 196, л. 104.
- 16 Ленинское знамя. 1940. 7 сент.
- 17 КГАНИ, ф. 8, оп. 1, д. 32, л. 158; НА РК, ф. 3435, оп. 1, д. 10, л. 1—2.
- 18 Ленинское знамя. 1940. 17 окт.
- 19 КГАНИ, ф. 8, оп. 1, д. 34, л. 126—127.
- 20 РГАЭ, ф. 4372, оп. 38, д. 689, л. 1—2.
- 21 КГАНИ, ф. 8, оп. 1, д. 69, л. 8—9.
- 22 РГАЭ, ф. 4372, оп. 38, д. 689, л. 1—2; КГАНИ, ф. 8, оп. 9, д. 2, л. 1.
- 23 ГАРФ, ф. 9401, оп. 1а, д. 63, л. 1—2.
- 24 Там же, л. 3—4.
- 25 Килин Ю. М. Карелия в политике Советского государства, 1920—1941. Петрозаводск, 1999. С. 229.
- 26 АПРФ, ф. 3, оп. 61, д. 380, л. 100.
- 27 Там же, л. 87—88; ГАРФ, ф. 5446, оп. 24а, д. 2647, л. 6—8.
- 28 АПРФ, ф. 3, оп. 61, д. 380, л. 108—109; РГАЭ, ф. 4372, оп. 38, д. 689, л. 48—49.
- 29 АПРФ, ф. 3, оп. 61, д. 380, л. 104—105; ГАРФ, ф. 5446, оп. 24, д. 1911, л. 25.
- 30 РГАЭ, ф. 4372, оп. 38, д. 689, л. 58.
- 31 Там же, л. 176.
- 32 Там же, л. 7.
- 33 Ленинградская правда. 1940. 22 мая.
- 34 Степаков В. Н., Балашов Е. А. В «новых районах»: Из истории освоения Карельского перешейка, 1940—1941 гг., 1944—1950 гг. СПб., 2001. С. 28.
- 35 Куприянов Г. Н. Во имя Великой Победы: Воспоминания. Петрозаводск, 1985. С. 15.
- 36 КГАНИ, ф. 8, оп. 1, д. 51, л. 59.
- 37 АПРФ, ф. 3, оп. 61, д. 380, л. 128.

- 38 Там же, л. 127.
- 39 Очерки истории Карельской организации КПСС. Петрозаводск, 1974. С. 312.
- 40 ГАРФ, ф. 6757, оп. 1, д. 29, л. 294.
- 41 Там же, л. 335.
- 42 Смирнова Е. П. Заселение и освоение новых районов Карело-Финской ССР в 1940-е годы. С. 50.
- 43 КГАНИ, ф. 8, оп. 1, д. 10, л. 136.
- 44 Очерки истории Карельской организации КПСС. С. 316.
- 45 НА РК, ф. 1394, оп. 3, д. 168, л. 182; Красная Карелия. 1940. 21 июня.
- 46 «Длинный берег» нашей надежды: К 80-летию ЦЗ «Питкяранта». Петрозаводск, 2001. С. 22.
- 47 «Длинный берег» нашей надежды. С. 27; Индустриализация Северо-Западного района в годы второй и третьей пятилеток (1933—1941): Док. и материалы. Л., 1969. С. 197.
- 48 Смирнова Е. П. Заселение и освоение новых районов Карело-Финской ССР в 1940-е годы. С. 55.
- 49 Индустриализация Северо-Западного района... С. 197.
- 50 Смирнова Е. П. Заселение и освоение новых районов Карело-Финской ССР в 1940-е годы. С. 59.
- 51 Ленинское знамя. 1940. 8 окт.
- 52 Народное хозяйство Карелии, 1926 — июнь 1941 г.: Док. и материалы / Сост. Л. И. Вавулинская. Петрозаводск, 1991. С. 8.
- 53 Там же. С. 85.
- 54 КГАНИ, ф. 8, оп. 1, д. 10, л. 136—137.
- 55 ГАРФ, ф. 5446, оп. 24а, д. 3937, л. 29.
- 56 Там же, д. 52, л. 65.
- 57 РГАЭ, ф. 4372, оп. 28, д. 689, л. 1.
- 58 КГАНИ, ф. 8, оп. 1, д. 462, л. 59.
- 59 Смирнова Е. П. Заселение и освоение новых районов Карело-Финской ССР в 1940-е годы. С. 68.
- 60 Там же. С. 70.
- 61 Красное знамя. 1940. 23 июля.
- 62 Смирнова Е. П. Заселение и освоение новых районов Карело-Финской ССР в 1940-е годы. С. 71.
- 63 РГАЭ, ф. 4372, оп. 28, д. 689, л. 1.
- 64 Ленинское знамя. 1940. 23 авг.
- 65 ГАРФ, ф. 5446, оп. 24а, д. 1979, л. 8—9.
- 66 Там же, д. 1945, л. 17, 27.
- 67 Там же.
- 68 Там же, л. 9—10.
- 69 Там же, л. 29.
- 70 Там же, д. 1979, л. 8.
- 71 Там же, л. 10.
- 72 КГАНИ, ф. 8, оп. 1, д. 10, л. 134.
- 73 Ленинградская правда. 1940. 10 апр.; Трибуна стахановца. 1940. 29 дек.
- 74 РГАЭ, ф. 4372, оп. 28, д. 689, л. 1.

- 75 Ленинградская правда. 1940. 27 апр.; Ленинское знамя. 1940. 29 авг.
- 76 Очерки истории Ленинграда: В 7 т. Т. 4. М.; Л., 1964. С. 405; Ленинское знамя. 1940. 1 окт.
- 77 РГАЭ, ф. 4372, оп. 38, д. 689, л. 3.
- 78 КГАНИ, ф. 8, оп. 1, д. 191, л. 1, 17.
- 79 Там же, л. 1—2.
- 80 НА РК, ф. 1978, оп. 1, д. 1/3, л. 35.
- 81 Там же, л. 36.
- 82 КГАНИ, ф. 8, оп. 1, д. 10, л. 138—139; д. 51, л. 11.
- 83 Смирнова Е. П. Заселение и освоение новых районов Карело-Финской ССР в 1940-е годы. С. 86.
- 84 КГАНИ, ф. 8, оп. 1, д. 10, л. 140.
- 85 Красная Карелия. 1940. 5 июля.
- 86 КГАНИ, ф. 8, оп. 1, д. 10, л. 140.
- 87 Там же, д. 51, л. 10.
- 88 Там же, д. 467, л. 54.
- 89 Там же, л. 19.
- 90 Смирнова Е. П. Заселение и освоение новых районов Карело-Финской ССР в 1940-е годы. С. 91.
- 91 Там же. С. 92—93.
- 92 РГАЭ, ф. 4372, оп. 38, д. 689, л. 2.
- 93 КГАНИ, ф. 8, оп. 1, д. 69, л. 2.
- 94 НА РК, ф. 1978, оп. 1, д. 1/3, л. 8; РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 1018, л. 4.
- 95 ГАРФ, ф. 5446, оп. 24а, д. 2031, л. 7—8.
- 96 Ленинское знамя. 1940. 7 сент.
- 97 Смирнова Е. П. Заселение и освоение новых районов Карело-Финской ССР в 1940-е годы. С. 100.
- 98 КГАНИ, ф. 8, оп. 1, д. 10, л. 151.
- 99 Смирнова Е. П. Заселение и освоение новых районов Карело-Финской ССР в 1940-е годы. С. 102.
- 100 Там же. С. 103.
- 101 Веригин С. Г. Образование Карело-Финской ССР и освоение «новых территорий» в 1940—1941 гг. // Республика Карелия: 80 лет в составе Российской Федерации: (становление и развитие государственности). Петрозаводск, 2000. С. 22.
- 102 РГАЭ, ф. 4372, оп. 38, д. 689, л. 3.
- 103 Степаков В. Н., Балашов Е. А. В «новых районах»: Из истории освоения Карельского перешейка, 1940—1941, 1944—1950 гг. СПб., 2001. С. 32—33.
- 104 РГАЭ, ф. 4372, оп. 38, д. 689, л. 200—201.
- 105 ГАРФ, ф. 5446, оп. 24, д. 1925, л. 13.
- 106 РГАЭ, ф. 4371, оп. 38, д. 689, л. 9.
- 107 КГАНИ, ф. 8, оп. 1, д. 10, л. 152—153.
- 108 Смирнова Е. П. Заселение и освоение новых районов Карело-Финской ССР в 1940-е годы. С. 106.
- 109 Там же.
- 110 Там же. С. 107—108.
- 111 ГАРФ, ф. 5446, оп. 24, д. 1911, л. 25—26.

- 112 КГАНИ, ф. 8, оп. 1, д. 195, л. 24.
- 113 Там же, д. 202, л. 1—5.
- 114 Смирнова Е. П. Заселение и освоение новых районов Карело-Финской ССР в 1940-е годы. С. 109.
- 115 Балашов Е. А. Карельский перешеек: Земля неизведанная. СПб., 1998. С. 51.
- 116 РГАЭ, ф. 4372, оп. 38, д. 689, л. 9.
- 117 Смирнова Е. П. Заселение и освоение новых районов Карело-Финской ССР в 1940-е годы. С. 112.
- 118 Красная Карелия. 1940. 27 июля.
- 119 Смирнова Е. П. Заселение и освоение новых районов Карело-Финской ССР в 1940-е годы. С. 113.
- 120 Там же.
- 121 Там же. С. 113—114.
- 122 Неизвестная Карелия: Док. спецорганов о жизни республики, 1921—1940 гг. / Сост. А. В. Климова, В. Г. Макуров, А. Т. Филатова; Науч. ред. В. Г. Макуров. Петрозаводск, 1997. С. 318.
- 123 НА РК, ф. 1392, оп. 7, д. 5/40, л. 30.
- 124 Смирнова Е. П. Заселение и освоение новых районов Карело-Финской ССР в 1940-е годы. С. 116—117.
- 125 КГАНИ, ф. 8, оп. 1, д. 161, л. 26.
- 126 Смирнова Е. П. Заселение и освоение новых районов Карело-Финской ССР в 1940-е годы. С. 117—118.
- 127 Ленинское знамя. 1940. 21 авг.
- 128 НА РК, ф. 1394, оп. 7, д. 5/40, л. 25.
- 129 КГАНИ, ф. 8, оп. 1, д. 19ф, л. 29—40; НА РК, ф. 1394, оп. 7, д. 5/40, л. 27, 33.
- 130 Неопубликованные рукописи Г. Н. Куприянова. КГАНИ, ф. 5002, оп. 3, д. 283, л. 6.
- 131 АПРФ, ф. 3, оп. 61, д. 380, л. 127.
- 132 НА РК, ф. 1411, оп. 2, д. 1095, л. 22; Карельская АССР за 50 лет: Стат. сб. Петрозаводск, 1967. С. 8.
- 133 История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 592.

2.3. Политическое и социально-экономическое развитие Карелии между двумя войнами

Преобразование Карельской автономной республики в союзную — Карело-Финскую ССР существенно повлияло на ее политическое и социально-экономическое развитие. В Карелии стало меняться отношение к финнам и финскому языку. Ряд исследователей считают межвоенный период развития республики временем второй финнизации Карелии*. Так, по мнению профессора Петрозаводского госуниверситета Ю. М. Килина, ее суть была изложена в решениях Политбюро ЦК ВКП(б) от 27 марта 1940 г., в которых был принципиально решен вопрос о создании новой союзной республики. Финскому языку возвращался статус государственного, и он становился, наряду с русским, языком делопроизводства. В Петрозаводске с 10 апреля 1940 г. следовало организовать выпуск республиканской газеты на финском языке. Кроме того, предусматривались широкие мероприятия по его изучению в КФСР, в том числе перевод всех национальных учебных заведений с карельского на финский язык обучения. В Петрозаводске был учрежден государственный университет, в котором преподавание научных дисциплин должно было идти на финском языке¹.

* Первая финнизация происходила в 1920-е — середине 1930-х гг., когда Карельскую Трудовую Коммуну, а с 1923 г. и Карельскую автономную республику возглавляли красные финны (Э. Гюлинг, Г. Ровио, А. Нуортева и др.).

В решении Политбюро ЦК ВКП(б) говорилось также о том, что партийные организации Карело-Финской республики должны широко разъяснять трудящимся, что именно финский язык, понятный карельскому населению, может и должен стать главным средством подъема национальной культуры, роста науки, литературы, искусства и создания кадров советской интеллигенции в КФССР². В документе было указано, что первоочередной задачей партийных и советских организаций КФССР является всесторонняя подготовка для различных областей государственного управления, хозяйства и культуры кадров, владеющих финским языком³.

К этому моменту прошло немногим более двух лет после запрещения в республике финского языка, который в период репрессий 1937—1938 гг. был объявлен непонятным для карел. Теперь же руководство СССР резко меняло свой курс. Ю. М. Килин в этой связи отмечает: «Финский язык был реабилитирован после репрессий 1937—1938 гг. в начале 1939 г., когда в ходе подготовки войны с Финляндией была начата политическая работа среди финского населения на родном для него языке. В марте 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б) был обозначен поворот в национальной и языковой политике, поскольку борьба с “местным национализмом” стала опасной для политического режима»⁴. Трудно согласиться с тезисами уважаемого профессора о том, что эта борьба угрожала существующей власти, а также с тем, что в начале 1939 г. советское руководство начало подготовку к войне с Финляндией (тогда еще продолжались советско-финляндские переговоры по пограничным вопросам и существовала надежда на мирное разрешение конфликта), но автор абсолютно прав, что именно XVIII съезд ВКП(б) стал поворотным в политике по отношению к «местному буржуазному национализму».

В период Зимней войны в декабре 1939 г., в ходе подготовки к политической работе среди населения Финляндии, в Карелии было начато изучение финского языка партийно-советским руководством республики: в Петрозаводске и районах были организованы языковые курсы и осуществлено издание учебника финского языка⁵.

После окончания советско-финляндской войны 1939—1940 гг., получив новые указания из Москвы, секретарь Карельского обкома ВКП(б) П. И. Котельников отправил в райкомы и горкомы партии письмо, в котором была поставлена задача «добиться того, чтобы наш партийный и советский актив понял необходимость овладения финским языком, то есть чтобы он понял, что это вытекает из перспектив развития КФССР и потребностей развития карело-финской культуры»⁶.

9 июня 1940 г. бюро ЦК КП(б) КФССР приняло решение «организовать при КФГУ с 15 октября 1940 г. особый факультет по изучению финского языка на 55 человек с индивидуальным обучением на дому». Список из 52 зачисленных на спецфакультет возглавил председатель Госплана КФССР Б. С. Альперович, первый секретарь ЦК КП(б) республики Г. Н. Куприянов был в нем двадцатым, а руководитель комсомольской организации КФССР Ю. В. Андропов, будущий Генеральный секретарь ЦК КПСС, оказался в списке на пятидесятом месте. В число зачисленных вошли 12 наркомов, 6 начальников управлений, все секретари ЦК⁷.

К 1 января 1941 г. в 102 школах и кружках финский язык изучали 1 263 руководителя разных уровней. 21 декабря 1940 г. в ЦК ВКП(б) был направлен отчет об ус-

пехах 55 студентов специального факультета Карело-Финского госуниверситета. Согласно докладу, «обучение проходит нормально». Однако довольно скоро, в марте 1941 г., все же пришлось признать, что на изучение языка в упомянутых спецгруппах отрицательно влияет недостаточная мотивация. Последняя попытка вдохнуть жизнь в изучение финского языка была предпринята незадолго до начала войны (имеется в виду война между СССР и Финляндией 1941—1944 гг. — С. В.), однако война положила конец этим попыткам⁸.

Финский язык следовало изучать и личному составу 71-й стрелковой дивизии (с. д.), дислоцированной в КФССР. Приказом наркома обороны СССР от 31 марта 1940 г. корпус Финской народной армии расформировывался к 5 апреля того же года. Первыми были демобилизованы добровольцы, а затем из рядового и начальствующего состава «армии Куусинена» была сформирована 71-я с. д., которую разместили в Петрозаводске. Рядовой состав дивизии в основном представляли карелы, финны и вепсы. В сентябре 1940 г. штаб дивизии предложил нижестоящим штабам «изучать финский язык... ежедневно не меньше 2 часов в неделю в часы, не занятые по плану боевой подготовки». Для освоения 300-часовой программы было запасено достаточное количество учебников Е. П. Лаатикайнена и О. В. Куусинена. Первыми приступили к занятиям в октябре 84 человека начсостава (4 группы)⁹.

Важным направлением программы финнизации Карелии стало создание в Петрозаводске Карело-Финского государственного университета с преподаванием научных дисциплин на финском языке. Ю. М. Килин в этой связи пишет: «Это предложение оказалось невыполнимым, поскольку осуществленная в 1937—1938 гг. кампания по борьбе с “буржуазным национализмом” не только унесла жизни многих финнов — носителей языка, проживавших в Карелии, но и поставила финский язык вне закона: прекратилось его преподавание в учебных заведениях, не выходили газеты, журналы, книги на этом языке. В результате указание ЦК ВКП(б) о преподавании научных дисциплин в КФГУ, образованном на базе пединститута, на финском языке не было выполнено как по причине отсутствия кадров преподавателей, так и студентов, владевших финским языком. I съезд КП(б) КФССР в апреле 1940 г., одобрив сначала решение ЦК партии, все же в последний момент отменил резолюцию, предусматривавшую издание необходимой литературы и учебников на финском языке к сентябрю 1940 г., указав, что “для вуза учебников на финском языке в три месяца не создать”»¹⁰.

Наиболее существенной частью программы финнизации Карелии в межвоенный период было изменение языка преподавания в национальных школах. 28 мая 1940 г. бюро ЦК КП(б) КФССР утвердило список мероприятий по переводу карельских школ на финский язык обучения. Это было сложным делом, так как три предыдущих года шел обратный процесс — запрет финского языка в национальных школах и перевод их на карельский язык обучения. Одновременный перевод 167 начальных, 42 неполных средних и 13 средних карельских школ привел к острому недостатку преподавательских кадров. Эту проблему предполагалось решить несколькими способами. С 10 июня 1940 г. были организованы курсы подготовки учителей на 60 человек из числа ранее работавших в школах и репрессированных в 1937—1938 гг. Кроме этого, были организованы курсы переподготовки учителей начальных классов для 200 человек и преподавателей финского языка (60 человек). Наркомат просвещения КФССР обратился в Ленинградский обком партии с просьбой направить из Ленинградской облас-

ти 100 учителей начальных классов и 50 преподавателей-предметников, владеющих финским языком¹¹.

В результате всех мероприятий к 1940/41 учебному году финнизация карельских учебных заведений в основном была завершена. Из 806 школ КФССР преподавание на финском языке велось в 206 школах. В них насчитывалось 15 314 учащихся. Из 3 317 учителей республики 619 были карелами и 272 — финнами¹².

28 июля 1940 г. бюро ЦК КП(б) КФССР приняло решение о переводе делопроизводства в советских, партийных, судебных, хозяйственных и других учреждениях и организациях республики с карельского языка на финский. Руководителям республиканских учреждений и организаций было предписано направлять письменные указания в национальные районы республики одновременно на финском и русском языках¹³.

Составной частью политики финнизации Карелии в 1940—1941 гг. являлся процесс коренизации государственного и партийного аппарата. Импульс коренизации в Карелии был дан образованием союзной республики. Только с мая по декабрь 1940 г. количество выдвинутых «националов» возросло до 1 530 человек. Проще всего было обеспечить выдвижение национальных кадров в системе Советов. Из 133 депутатов Верховного Совета КФССР 45 человек, или 33,8 %, составляли карелы, финны и вепсы. Высокий показатель был и в местных Советах — 29,5 % (1 683 депутата из 5 699)¹⁴. Более скромными были результаты коренизации в органах, обладавших реальной властью: партийных комитетах всех уровней и структурах исполнительной власти.

Попытка проведения политики финнизации нашла яркое отражение и в прессе. С апреля 1940 г. начинается перевод ряда средств массовой информации республики на финский язык. 9 апреля Карельский обком партии запросил райкомы и горкомы партии о том, «на каких языках должны выходить районная газета, многотиражки и стенные газеты и что необходимо для перестройки». Райкомы и горкомы партии должны были сообщить и о том, «поймет ли коренное население районную газету, если ее сразу же перевести с карельского на финский язык». При этом предлагался и готовый вариант ответа. В северных районах (Калевальский, Кестеньгский, Ругозерский, Ребольский, Тунгудский) можно было сразу перейти с карельского на финский язык и печатать материалы на финском и русском языках. В южных районах (Олонецкий, Пряжинский, Ведлозерский и Петровский) необходимо было, взяв за основу русский язык, постепенно «расширять процент печатного материала на финском языке»¹⁵.

С 1 июля 1940 г. вместо журнала «Karjala» (на карельском языке) стал выходить журнал «Rupaliiri» («Красное знамя») на финском языке. Газеты северных районов КФССР, ранее выпускавшиеся на карельском языке, были переведены на финский язык. С 1 января 1941 г. на финском языке стали выходить газеты Олонецкого, Петровского, Пряжинского и Ведлозерского районов¹⁶.

Кроме средств массовой информации, программа финнизации нашла свое воплощение также в кинопрокате, театре и литературе. В мае 1940 г. в «целях широкого показа национального народного творчества» было решено в течение месяца создать при Карельском радиокомитете карело-финский национальный хор в составе 30 человек, финскую вокальную группу в составе 6 человек и группу чтецов. 21 октября 1940 г. бюро ЦК КП(б) КФССР распорядилось создать в Карелии фильмофонд на финском языке из 34 классических советских кинокар-

тин. В начале 1941 г. в Петрозаводске начала работу бригада ленинградской фабрики «Ленфильм» для дублирования на финский язык разрешенных к показу фильмов. В ноябре 1940 г. был образован Государственный финский театр, в труппу которого было зачислено 23 финна и 5 карел. По причине недостатка квалифицированных актерских кадров на работу в театр были мобилизованы лесозаготовители, рабочий-столяр и радист. Впрочем, в будущем положение должна была исправить созданная при Ленинградском театральном институте национальная студия КФСР в составе 30 человек¹⁷.

Ю. М. Килин, изучавший данный вопрос, отмечает, что самой сложной была проблема издания литературы на финском языке. В памяти были свежи репрессии, а списки подлежащих изъятию книг неблагонадежных авторов регулярно поступали в библиотеки. Никто не хотел рисковать, и в программу дозволенного литературного чтения (литература на финском языке. — С. В.) были включены произведения некоторых финских писателей, которые к этому времени уже умерли, а при жизни относились к писателям-реалистам. Среди них были А. Киви, П. Пяйвяринта, Э. Лейно. В список были включены и два «финских советских писателя» — А. Эйкия и Л. Хело¹⁸.

Советским руководством принимались и другие меры, направленные на финнизацию Карелии. В мае — июне 1940 г. было решено переселить в Карелию финское население из Мурманской области. Наряду с финнами предполагали переселить также проживавших на Кольском полуострове выходцев из стран Балтии, поляков, немцев, норвежцев и др. В государственных и ведомственных архивах Москвы и Петрозаводска имеются документы об этих перемещениях. Данные в них совпадают в том, что переселенцы с Кольского полуострова на поездах доставлялись сначала на станцию Медвежья Гора Карело-Финской ССР, где они распределялись по районам республики, прилегающим к Онежскому озеру, — Пудожскому, Медвежьегорскому, Шелтозерскому и Заонежскому. Однако в этих архивах приводятся разные сведения о количестве перемещенных лиц.

Судя по архивным источникам, хранящимся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), 23 июня 1940 г. нарком НКВД СССР Л. П. Берия издал приказ № 00761 «О переселении из г. Мурманска и Мурманской области граждан инонациональностей». В нем отмечалось: «В соответствии с решением правительства на НКВД СССР возложено переселение из г. Мурманска и Мурманской области в КФСР и Алтайский край 3 215 семейств — 8 617 граждан инонациональностей. Начальнику Управления НКВД по Мурманской области майору госбезопасности т. А. Ф. Ручкину в 5-дневный срок, начиная с 25 июня, объявить всем подлежащим о дне переселения, новом месте жительства и порядке переселения. Переселение начать 5 июля 1940 г., окончить 10 июля 1940 г., с учетом погрузки ежедневно 2 эшелонов»¹⁹.

Что касается Карелии, то по данному постановлению в республику планировалось переселить 2 540 семей в составе 6 973 человека (финны, эстонцы, латыши, норвежцы, литовцы и шведы). Переселенцев предполагали разместить в следующих районах: Заонежский — 600 хозяйств; Пудожский — 700 хозяйств; Медвежьегорский — 340 хозяйств и Шелтозерский — 900 хозяйств²⁰. Третий пункт этого постановления гласил: «Наркому внутренних дел КФСР майору госбезопасности т. Баскакову немедленно командировать ответственных работников НКВД в районы расселения переселенцев для проверки готовности переселенцев и принятия мер к устранению выявленных недочетов»²¹.

Переселение было проведено четко в сроки, указанные в приказе наркома НКВД СССР Л. П. Берии. По неполным данным, из Мурманска и Мурманской области всего было переселено 7 120 граждан иностранных национальностей, из них больше всего финнов — 4 033 человека; а также эстонцев — 1 532, латышей — 639, норвежцев — 92, литовцев — 39 человек и т. д. Среди переселенных были даже два армянина и одна турчанка²². Например, из Кировского района было переселено 1 320 семей (3 182 человека), из Кандалакши — 143 семьи (344 человека), из Мурманска — 200 семей (600 человек)²³. Процесс переселения людей с Кольского полуострова осуществлялся 3-м (контрразведывательным) отделом Управления госбезопасности НКВД СССР по Мурманской области под руководством лейтенанта госбезопасности Берковича²⁴.

Необходимо иметь в виду, что лица иностранных национальностей были переселены в Мурманскую область из различных районов СССР в 1920—1930-е гг. в качестве спецпоселенцев. Кроме того, многие финны, так же как шведы и норвежцы, проживали на Мурмане с конца XIX — начала XX в., часть из них участвовала в строительстве Николаевской (ныне — Октябрьской) железной дороги. В советское время все они вносили свой вклад в формирование промышленной индустрии Мурманской области.

Руководство страны в условиях надвигающейся войны стремилось освободить пограничные районы от возможной «пятой колонны», под которой понимались граждане, национальность которых не входила в состав национальностей СССР: шведы, норвежцы, эстонцы, латыши, литовцы и др. Фактически данная акция Советского правительства свидетельствовала о депортации граждан и нарушала действующее законодательство.

Интересно, что в упомянутом выше приказе наркома НКВД СССР № 00761 нет ни одного слова о переселении из Мурманской области лиц финской национальности, хотя это решение в первую очередь коснулось финнов. Можно предположить, что с образованием Карело-Финской ССР и началом второго этапа финнизации Карелии финны на короткое время перестали быть гражданами «иностранной национальности».

Накануне переселения СНК КФССР разработал свою программу приема переселяемых в республику лиц с Кольского полуострова. В соответствии с ней граждан, прибывших из Мурманской области, предполагалось направить в четыре района КФССР: Заонежский район — 1 000 семей, из них: Шуньга — 250, Толвуя — 60, Кузаранда — 205, Типиницы — 225, Кижы — 200, Сенная Губа — 60; Пудожский район — 1 000 семей, из них: Песчаное — 175, Семеново — 825; Шелтозерский район — 250 семей, из них: Шокша — 60, Шелтозеро — 130, Рыбрека — 60; Медвежьегорский район — 290 семей, все — в Медвежьегорск²⁵. Как видим, правительство КФССР не очень доверяло переселенцам из Мурманской области: все они, включая финнов, направлялись в тыловые районы республики, подальше от государственной границы. Фактически людей обманули. Многим из них при отъезде из Мурманской области говорили, что их переселят на территорию, отошедшую от Финляндии к СССР по мирному договору от 12 марта 1940 г., в промышленные районы: Сортавалу, Кексгольм и др.²⁶

В Карелии подготовку к приему переселенцев из Мурманской области начали в двадцатых числах июня 1940 г. Однако республика была не готова к приему

такого большого количества людей. 27 июня 1940 г. председатель СНК КФССР П. В. Соляков обратился к начальнику Переселенческого управления СНК СССР Чекменеву с просьбой о срочном выделении кредита в сумме 424 тыс. руб., необходимых для приема переселенцев, из них 200 тыс. рублей предполагалось направить на транспортные расходы и 224 тыс. руб. — на ремонт жилья²⁷.

25 июня 1940 г. нарком внутренних дел КФССР М. И. Баскаков отдал приказ № 0034 о подготовке к встрече переселенцев из Мурманской области. В районы переселения были направлены оперативные группы по пять оперработников в каждой. Ответственными за проведение операции были назначены: по Зонежскому району — начальник следственной части старший лейтенант государственной безопасности (ГБ) А. М. Кузнецов; по Шелтозерскому району — зам. начальника 3-го спец. отдела лейтенант ГБ Г. Г. Гольдберг; по Медвежьегорскому району — начальник Медвежьегорского РО НКВД лейтенант ГБ Н. Т. Безбородов и ст. моб. инспектор сержант ГБ П. Д. Мухранова; по Пудожскому району — начальник 1-го отделения 3-го отдела УГБ лейтенант ГБ А. И. Питкус и начальник Пудожского РО младший лейтенант ГБ А. М. Федотов. Они заранее, уже 26 июня 1940 г., прибыли на места, получив команду разработать конкретный план агентурно-оперативных мероприятий по обслуживанию прибывающих переселенцев, оказать практическую помощь аппаратам райотделений в организации и налаживании агентурной работы среди переселенцев с ежедневным докладом в НКВД КФССР со дня их прибытия²⁸. Все эти мероприятия, осуществлявшиеся органами НКВД, показывают, что к переселенцам подходили как к весьма «опасному элементу».

Всего в Карелию прибыло не менее восьми эшелонов с переселенцами, которых насчитывалось более 7 тыс. человек. Все эшелоны сопровождалась сотрудниками органов безопасности, которые на железнодорожной станции Медвежья Гора под расписку передавали людей представителю СНК КФССР Дееву. Далее переселенцы направлялись к местам будущего проживания на пароходах или машинах. После прибытия на место их по списку принимал сотрудник НКВД республики. Так, в Шелтозерском районе переселенцев принимал младший лейтенант госбезопасности С. И. Горевских²⁹.

Большинство среди прибывших на жительство в республику людей были финнами. Например, в эшелоне № 2 (переселенцы из Мончегорска, Апатитов, Зашейка) находилось 346 семей — 1 300 человек, из них почти половина — финны (610 человек), а также: эстонцы — 338, литовцы — 5, латыши — 91, норвежцы — 4, швед — 1 и др. В Пудожский район КФССР к 16 июля 1940 г. прибыло 600 семей — 1 872 человека. Из них финнов было больше половины — 1 192 человека; остальные — эстонцы (388), латыши (138), норвежцы (9) и др.³⁰

В основном финны, переселяемые из Мурманской области в Карелию, были квалифицированными специалистами. Поэтому, несмотря на их «сомнительное происхождение», они пользовались спросом у руководителей промышленных и строительных объектов еще до прибытия в республику. Так, исполняющий обязанности начальника Управления пути Беломорско-Балтийского комбината (ББК) Орехов 12 июня 1940 г. (переселение началось только в начале июля) обращался в Медвежьегорский районный исполнительный комитет (РИК) и РК ВКП(б) с просьбой выделить в его распоряжение 100 семей из прибывающих трудпереселенцев³¹.

Вместе с тем следует заметить, что в спешке и неразберихе, которые сопровождали переселение, часто возникали ситуации, когда многие квалифицированные рабочие, прибывшие с Кольского полуострова в Карелию, не могли найти работу по специальности, что приводило к ухудшению их материальных и бытовых условий и в итоге способствовало росту недовольства среди переселенцев³². Многие переселенцы обращались с жалобами в СНК КФССР по вопросам неустроенности быта и непредоставления работы по специальности. Но постепенно эту проблему решали партийные и советские органы Карелии: переселенцев направляли на строительство ББК, на предприятия камнедобывающей промышленности и др.

А. Лайне, исследовавший данную проблему по документам российских архивов, пишет: «Обнаруженные мной списки не являются полными, однако можно предположить, что среди переселенных было около 2 000 финнов. В начале 1941 г. численность финнов в КФССР составляла 12 544 человека, то есть возросла по сравнению с данными переписи КАССР 1939 г. (8 322 чел.) на 4 232 человека. Можно предположить, что речь главным образом идет о принудительном переселении финнов из Мурманской области, подтверждение чему наверняка может быть найдено в упомянутых архивах. Было также какое-то количество освобожденных из тюрем, например в связи с набором в Народную армию, однако точное их число остается пока неизвестным»³³.

Знакомство с архивными документами Москвы и Петрозаводска по данному вопросу дает возможность утверждать, что численность финнов, переселенных в КФССР летом 1940 г. с Кольского полуострова, была несколько выше той, которую приводит А. Лайне, — около 3 тыс. человек. Учитывая, что большинство из переселенных в 1940—1941 гг. в республику людей являлись финнами по национальности, можно говорить о данном процессе как о составной части общей программы финнизации Карелии.

Кроме того, переселение финнов, как и граждан других «инонациональностей» СССР из Мурманской области в Карелию, можно рассматривать как их депортацию, т. е. насильственное переселение отдельных лиц или групп населения с места постоянного проживания в другие районы страны. Следует отметить, что еще в марте 1939 г. первый секретарь Мурманского обкома ВКП(б) С. А. Петров в записке на имя И. В. Сталина в связи с началом строительства оборонных объектов на Кольском полуострове поставил вопрос о переселении из Полярного, Кольского и Саамского районов Мурманской области 545 финских и 81 норвежского колониста, которые рассматривались как потенциальные шпионы³⁴. Однако тогда предложение С. А. Петрова не получило одобрения в Москве. Но уже через несколько месяцев — в июле 1940 г. — оно было реализовано.

На вопрос, какие причины повлияли на принятие решения Советского правительства о переселении так называемых инонациональностей из Мурманской области в Карелию и другие регионы страны, есть разные точки зрения. Мурманский историк Л. М. Романов считает, что это связано со стремлением властей освободить пограничные районы страны от «пятой колонны»³⁵. Московский исследователь Н. Бугай, изучая процессы депортации населения в масштабах всего СССР, отмечает, что в 40—50-е гг. депортация использовалась как средство ослабления этнической напряженности в том или ином регионе СССР³⁶.

Соглашаясь с высказанными утверждениями историков о том, что данные факторы несомненно повлияли на переселение людей, отметим, что все было зна-

чительно сложнее. Советское правительство, вероятно, учитывало то обстоятельство, что к лету 1940 г. военно-политическая обстановка на Европейском Севере резко обострилась: во-первых, неудачно для СССР окончилась советско-финляндская война 1939—1940 гг.; во-вторых, немецкие войска, оккупировав Норвегию, вышли к северным границам с СССР и уже просматривались контуры нападения Германии на мурманском направлении; в-третьих, 1 сентября 1939 г. началась Вторая мировая война и чувствовалось, что избежать ее Советскому Союзу не удастся. Именно эти факторы и повлияли на решение Советского правительства провести переселение лиц «инонациональностей» из Мурманской области в Карелию и Алтайский край летом 1940 г., освободив пограничные районы от возможной «пятой колонны» противника. И хотя в упомянутом выше приказе Л. П. Берии № 00761 о переселении нет ни одного слова о лицах финской национальности, этот процесс затронул прежде всего финнов.

Проведенный нами анализ осуществления программы финнизации Карелии в межвоенный период (март 1940 г. — июнь 1941 г.) позволяет поддержать вывод, сделанный Ю. М. Килиным в монографии «Карелия в политике Советского государства, 1920—1941»: «Программа финнизации Карелии, диктуемая политической необходимостью, была с самого начала нереалистичной и невыполнимой в своем первоначальном варианте. Отчитавшись об осуществлении некоторых мероприятий, руководство КФССР значительно модифицировало указания Москвы. К выполнению наиболее одиозного пункта программы — изучению финского языка всем населением Карелии так и не приступили»³⁷.

В отличие от программы финнизации, более существенные успехи в межвоенный период были достигнуты в сфере социально-экономического развития Карелии. Образование новой союзной республики — Карело-Финской ССР — после окончания советско-финляндской войны 1939—1940 гг. дало серьезный импульс для подъема ее экономики.

К началу 1940-х гг. Карелия превратилась в один из развитых индустриально-аграрных регионов СССР. В общем объеме народного хозяйства республики удельный вес промышленности составлял свыше 80 %. В 1940 г. доля Карело-Финской ССР в общесоюзной вывозке лесных материалов равнялась 4,5 %, в производстве бумаги — 6 %, целлюлозы — 7 %, бумажных мешков — 65 %, пегматита — 70 %³⁸.

Особенно интенсивно развивалась промышленность по заготовке и переработке огромных запасов леса. Заготовка деловой древесины возрастала из года в год и к 1941 г. составляла 30 % продукции всей валовой промышленности Карелии. Правда, в связи с советско-финляндской войной 1939—1940 гг. лесозаготовительная промышленность переживала определенные трудности. В 1940 г. вывозка древесины по сравнению с 1939 г. снизилась на 28 %, но уже за пять месяцев 1941 г. лесозаготовительные предприятия вывезли леса даже больше, чем за тот же период 1939 г. За январь — май 1941 г. вывозка древесины достигла почти 7 млн. куб. м. На лесозаготовительных предприятиях стало больше автомашин, погрузочных и сплочных механизмов. В 1940 г. механизированная вывозка древесины составила 23 % всей годовой вывозки³⁹.

Авторы коллективной монографии «История Карелии с древнейших времен до наших дней» также отмечают, что были достигнуты определенные успехи в механизации и рационализации лесовывозки. Большое распространение получи-

ли тракторно-лежневые, автолежневые, автогрунтовые дороги. Расширилось применение в лесу гусеничных тракторов. В лесозаготовительной промышленности Карелии появились новые специальности. В 1940 г. на лесозаготовках работали 397 шоферов и 393 тракториста. Однако тракторы работали только зимой, остальное время года они не использовались из-за плохих дорог. Техника часто ломалась. Не хватало запасных частей, и машины простаивали в ожидании ремонта. Основная нагрузка по-прежнему ложилась на гужевую силу. Во второй половине 1930-х гг. на лесовывозке работало более 5 тыс. лошадей⁴⁰.

Заготовка леса в конце 1930-х — начале 1940-х гг. велась еще во многом вручную, хотя производительность труда лесорубов повышалась за счет внедрения технически более передовых орудий труда. Прежде всего речь идет о лучковых пилах. К концу 1930-х гг. «лучковки» полностью вытеснили старые двуручные пилы: в 1940 г. с их помощью было заготовлено 90—95 % всей древесины⁴¹. Однако надо отметить, что в целом производительность труда на лесозаготовках росла медленно.

В лесозаготовительной промышленности выявлялись и другие негативные тенденции, проявившиеся в одностороннем характере ее развития. Ориентируясь прежде всего на обслуживание мирового рынка, она оказалась достаточно отчужденной от собственного внутреннего рынка. Значительная часть древесины вывозилась из КФСР в необработанном виде. Добиться существенного роста выпуска пиломатериалов и переработки леса на месте (производство мебели, изготовление лыж и др.) в межвоенный период не удалось. В южной Карелии фактическая лесосека значительно превышала расчетную, что вело к истощению лесных богатств этой части республики.

Накануне Великой Отечественной войны, наряду с главной отраслью экономики республики — лесной, динамично развивались и другие отрасли промышлен-

ности: целлюлозно-бумажная, машиностроительная, энергетическая, горная, строительных материалов, рыбная, пищевая.

Особую роль в экономике республики стала играть целлюлозно-бумажная промышленность. Продолжалось строительство Сегежского и второй очереди Кондопожского целлюлозно-бумажных комбинатов, расширялось производство на всех предприятиях этой отрасли. Существенный вклад в развитие лесной и целлюлозно-бумажной промышленности КФССР внесли бывшие финские территории (Карельский перешеек и Северное Приладожье), вошедшие в состав новой союзной республики. Здесь находились 13 лесозаводов, ряд мелких лесопильных предприятий, 2 фанерные фабрики в Сортавале и Лахденпохья, деревообрабатывающий комбинат в Хелюля и 11 целлюлозно-бумажных и картонных предприятий с производством около 500 тыс. т целлюлозы в год, в том числе крупнейший и в то время один из самых современных в Европе ЦБК в Энсо⁴². В межвоенный период большинство предприятий целлюлозно-бумажной промышленности в присоединенных к республике районах было восстановлено и введено в эксплуатацию. В 1940 г. удельный вес этой отрасли в общем объеме производства КФССР составил 12,1 %⁴³.

Большое развитие в Карело-Финской ССР в 1940—1941 гг. получила энергетика. Наряду с ГЭС, которые строились в республике, значительный вклад в развитие энергетической базы внесли электростанции бывших финских территорий. Имевшиеся на этих территориях 19 электростанций производили гораздо больше электроэнергии по сравнению с Советской Карелией 1939 г.⁴⁴ К началу Великой Отечественной войны большинство ГЭС в новых районах были восстановлены и стали давать электроэнергию.

Определенные достижения имелись в развитии железнодорожного, автомобильного и водного транспорта. К 1940 г. общая протяженность железных дорог в республике достигла 1 400 км. Вступил в строй Беломорско-Балтийский канал, который стал важнейшей водной магистралью страны. Шоссеиные дороги связали многие населенные пункты края.

В связи с бурным развитием промышленности в годы первых пятилеток на базе рабочих поселков создавались новые города — Кондопога, Беломорск, Медвежьегорск. Петрозаводск, ставший столицей новой союзной республики — Карело-Финской ССР, являлся крупным промышленным и культурным центром на Северо-Западе Советского Союза. При этом следует отметить, что в городах и промышленных центрах катастрофически не хватало жилья.

В конце 1930-х — начале 1940-х гг. в республике сложилось несколько крупных промышленных районов. Уже к концу первой пятилетки ведущим из них стал юго-западный (Кондопога — Петрозаводск), удельный вес которого в хозяйстве края поднялся с 39 до 53 %. Здесь было создано бумажное производство, развивалась металлообрабатывающая промышленность, наращивались лесозаготовки. Вторым промышленным центром стала зона Беломорско-Балтийского канала. В 1932 г. в средней Карелии концентрировалось 45 % лесопильного производства, также активно развивалась рыбная промышленность. На юго-востоке Карелии преимущественное развитие получила промышленность стройматериалов⁴⁵.

Однако в развитии индустрии Карелии наблюдались и негативные тенденции. Низкая производительность труда, плохое качество продукции, высокая себес-

тоимость производимых изделий были характерны для многих промышленных предприятий республики. Кроме того, характер экономики Карелии, сложившийся к концу 1930-х — началу 1940-х гг. во многом носил «лагерный характер». Это ярко видно на примере деятельности Беломорско-Балтийского комбината в развитии лесной промышленности Карелии. Уже в 1937 г. на ББК приходилось 35 % всего объема лесозаготовок и около 12 % производства пиломатериалов⁴⁶.

Авторы «Истории Карелии с древнейших времен до наших дней» отмечают: «В системе Белбалткомбината развивалась лесопильная и деревообрабатывающая промышленность. Помимо Медвежьегорского и Сегежского лесозаводов, принятых от треста «Карелдрев» в 1934 г., ББК построил Пиндушский, Сунозерский и Летнереченский лесозаводы. Кроме того, комбинат имел две мебельные фабрики в Медвежьегорске и Надвоицах, 10 однорамных лесозаводов передвижного типа и 19 шпалорезок. Было развито лесохимическое производство: велась заготовка смолы, дегтя, угля. В 1940 г. Наркомлес произвел 412 тыс. куб. м (42 %) пиломатериалов, НКВД — 360 тыс. (36 %), прочие организации — 215 тыс. куб. м (22 %). Таким образом, заключенными производилось более трети продукции лесопильной промышленности Карелии⁴⁷.

В предвоенные годы хозяйственная деятельность структур НКВД расширялась. Большую роль труд заключенных сыграл в развитии швейного, кожевенного, мебельного и других производств, создававших товары народного потребления⁴⁸.

С одной стороны, «лагерная экономика» обеспечивала государству строительство крупных индустриальных объектов, позволяла развивать новые отрасли экономики, наращивать производство, прежде всего в добывающей промышленности. С другой стороны, ставка на массовое использование труда заключенных обрекала экономику на малоэффективное развитие.

К началу 1940-х гг., в основном, были преодолены трудности коллективизации сельского хозяйства. Для оказания технической помощи колхозам было создано 35 машинно-тракторных станций. Посевная площадь составляла 109,6 тыс. га. Повышалась продуктивность сельского хозяйства.

Наиболее отстающей отраслью сельского хозяйства Карелии по-прежнему являлось животноводство. Хотя за три года третьей пятилетки поголовье скота в республике несколько возросло, а количество животноводческих ферм в колхозах увеличилось в 2,5 раза и составило в 1940 г. более 2 тыс., но только треть колхозных ферм имела установленный для них на этот год минимум поголовья скота⁴⁹.

Создание коллективного сельскохозяйственного производства в деревне позволяло государству увеличить объем государственных заготовок сельскохозяйственной продукции, обеспечить лесозаготовительную и другие отрасли промышленности трудовыми ресурсами.

Период конца 1930-х — начала 1940-х гг. характеризуется также размахом капитального строительства. В первом полугодии 1941 г. на промышленных предприятиях республики осваивались и вводились в эксплуатацию новые производственные мощности. В феврале 1941 г. была введена в строй вторая очередь Кондопожской гидроэлектростанции. В результате мощность ГЭС увеличилась более чем в 2 раза. В июне 1941 г. было завершено строительство второй очереди Кондопожского ЦБК. К концу 1941 г. намечалось завершить строительство еще нескольких крупных объектов: второй очереди Сегежского ЦБК, вторых путей

Кировской железной дороги от Лодейного Поля до станции Сорокская. Заканчивалось сооружение железной дороги Сорокская — Обозерская, начатое в 1940 г. Эта новая железная дорога связывала две важные железнодорожные магистрали — Кировскую и Северную⁵⁰.

Государство стремилось активизировать инициативу и самостоятельность трудящихся. Повышение образования и квалификации работников стало рассматриваться в качестве важного источника экономического роста. В Карелии шло формирование системы массового начального и среднего образования.

Важную роль в плановом обеспечении промышленности квалифицированными кадрами стала играть система государственных трудовых резервов. С осени 1940 г. идет создание сети ремесленных училищ. В республике действовало 5 ремесленных училищ и 19 школ ФЗО с общим числом учащихся 5 546 человек. Состоявшийся весной 1941 г. первый выпуск дал народному хозяйству более 2 300 квалифицированных рабочих по 47 специальностям⁵¹.

В конце 1930-х — начале 1940-х гг. широкое распространение получило социалистическое соревнование, поощрявшее инициативу и творческое отношение к трудовой деятельности. По примеру передовых предприятий страны на Онежском заводе широко развернулось движение новаторов-многостаночников, на лесозаводах — соревнование рамщиков за совмещение профессий, на Кировской железной дороге — лунинское движение. На лесозаготовках стали создавать сквозные бригады пятнадцатитысячников. Такие бригады в составе девяти человек (6 рубщиков и 3 трелевщика) заготавливали и трелевали по 15 тыс. куб. м древесины в год⁵².

С ростом экономики республики происходил расцвет культуры и подъем благосостояния трудящихся Карелии. Рост материального благосостояния населения выражался не только в повышении зарплаты, но и в увеличении расходов государства на здравоохранение, социальное обеспечение, жилищное строительство. За годы третьей пятилетки в республике были построены десятки новых больниц, поликлиник и амбулаторий, что привело к снижению заболеваемости среди населения.

К концу 1930-х гг. завершилась ликвидация неграмотности. По данным переписи 1939 г., число грамотных в Карельской АССР в возрасте от 9 лет и старше составляло 85 %. По грамотности Карелия заняла второе место среди советских республик⁵³. Заметные успехи были достигнуты в области профессионально-технического и высшего образования, в развитии науки, литературы и искусства.

Как уже отмечалось ранее, важным событием в культурной жизни новой союзной республики стало открытие 1 сентября 1940 г. в соответствии с постановлением СНК СССР № 1209 от 10 июля 1940 г. Карело-Финского государственного университета в составе историко-филологического, физико-математического, биологического и географо-гидрологического факультетов. Первым ректором университета стал Тууре Лехен, красный финн, который после поражения рабочей революции в Финляндии эмигрировал в Советскую Россию. В период Зимней войны Т. Лехен вошел в состав Териокского правительства, заняв пост министра внутренних дел, а после войны работал главным редактором Госиздата Карело-Финской ССР.

Накануне Великой Отечественной войны в двух высших и 12 средних учебных заведениях республики обучалось 2 367 человек⁵⁴.

22—25 декабря 1940 г. в Петрозаводске состоялся первый съезд писателей Карело-Финской ССР, который подвел итоги и наметил перспективы развития литературы в республике. Республиканская писательская организация к этому времени насчитывала 25 литераторов — прозаиков, поэтов, народных сказителей, создававших произведения на русском, карельском и финском языках. Ответственным секретарем правления Союза писателей был избран поэт А. Эйкия⁵⁵.

В 1939 г. были созданы Союз композиторов Карелии и Карельская государственная филармония. Накануне Великой Отечественной войны большое развитие получило театральное искусство. В Петрозаводске работало три театра (Республиканский русский драматический театр, Государственный финский драматический театр, Театр кукол), в Медвежьегорске — Театр музыкальной комедии, передвижные драматические театры работали в Кондопоге, Сегеже, Кемии, Сортавале, Выборге и в Калевальском районе⁵⁶.

Развитие экономики и культуры в республике, в свою очередь, сопровождалось ростом населения и изменениями в социальном и национальном масштабе. Накануне Великой Отечественной войны на территории республики проживало свыше 700 тыс. человек. По переписи 1939 г. из общего числа населения русские составляли 63,2 %, карелы, финны и вепсы — 27 %, другие национальности — 10 %; городского населения насчитывалось 32 %, сельского — 68 %⁵⁷.

Однако процесс динамичного и поступательного социально-экономического развития Карелии в начале 1940-х гг. был прерван начавшейся Великой Отечественной войной.

- 1 Килин Ю. М. Карелия в политике Советского государства, 1920—1941. Петрозаводск, 1999. С. 221.
- 2 РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 1021, л. 32—33.
- 3 Там же, л. 32.
- 4 Килин Ю. М. Карелия в политике Советского государства, 1920—1941. С. 221.
- 5 КГАНИ, ф. 8, оп. 1, д. 3ф, л. 98.
- 6 Килин Ю. М. Карелия в политике Советского государства, 1920—1941. С. 221.
- 7 Килин Ю. М. Карелия в политике Советского государства, 1920—1941. С. 222; Лайне А. Карело-Финская Советская Социалистическая Республика и финны // В семье единой: Национальная политика большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920—1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 230.
- 8 Лайне А. Карело-Финская Советская Социалистическая Республика и финны. С. 231; Килин Ю. М. Карелия в политике Советского государства, 1920—1941. С. 222.
- 9 Килин Ю. М. Карелия в политике Советского государства, 1920—1941. С. 223.
- 10 Там же.
- 11 Там же. С. 225.
- 12 КГАНИ, ф. 8, оп. 1, д. 216ф, л. 17.
- 13 Килин Ю. М. Карелия в политике Советского государства, 1920—1941. С. 227.
- 14 Там же. С. 226.
- 15 Там же.
- 16 КГАНИ, ф. 8, оп. 1, д. 24, л. 86.
- 17 Килин Ю. М. Карелия в политике Советского государства, 1920—1941. С. 227.
- 18 Там же.
- 19 ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, д. 1, л. 207.
- 20 Там же, л. 208.
- 21 Там же, л. 209; Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Переселение из Мурманской области в Карелию в 1940 году. С. 4. (Рукопись.)
- 22 Подсчитано по: Архив УФСБ РФ по РК, ФКРО, оп. 1, д. 68, 69, 70; Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Переселение из Мурманской области в Карелию в 1940 году. С. 7.
- 23 Архив УФСБ РФ по РК, ФКРО, оп. 1, д. 68, 69; Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Переселение из Мурманской области в Карелию в 1940 году. С. 6—7.
- 24 Архив УФСБ РФ по РК, ФКРО, оп. 1, д. 68; Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Переселение из Мурманской области в Карелию в 1940 году. С. 8.
- 25 НА РК, ф. 1394, оп. 3, д. 3/20, л. 1, 2.
- 26 НА РК, ф. 1394, оп. 3, д. 3/20, л. 122; Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Переселение из Мурманской области в Карелию в 1940 году. С. 8—9.
- 27 НА РК, ф. 1394, оп. 3, д. 3/20, л. 49; Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Переселение из Мурманской области в Карелию в 1940 году. С. 11.
- 28 Архив УФСБ РФ по РК, ФРД, оп. 20, д. 1, л. 4—7; Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Переселение из Мурманской области в Карелию в 1940 году. С. 12.
- 29 НА РК, ф. 1394, оп. 3, д. 3/20, л. 108; Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Переселение из Мурманской области в Карелию в 1940 году. С. 12—13.
- 30 НА РК, ф. 1394, оп. 3, д. 3/20, л. 20; Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Переселение из Мурманской области в Карелию в 1940 году. С. 12.
- 31 НА РК, ф. 1394, оп. 3, д. 3/20, л. 108; Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Переселение из Мурманской области в Карелию в 1940 году. С. 12—13.

- 32 НА РК, ф. 1394, оп. 3, д. 3/20, л. 122; *Лайдинен Э. П., Веригин С. Г.* Переселение из Мурманской области в Карелию в 1940 году. С. 13.
- 33 *Лайне А.* Карело-Финская Советская Социалистическая Республика и финны. С. 231—232.
- 34 *Романов Л. М.* Взаимоотношения между партийными организациями и органами НКВД Кольского полуострова в конце 30-х — начале 40-х годов // *Вопросы истории Европейского Севера: Сб. науч. ст. Петрозаводск, 1994.* С. 51.
- 35 Там же. С. 51.
- 36 *Бугай Н.* Север в политике переселения народов // *Север. 1991.* № 4. С. 93.
- 37 *Кишин Ю. М.* Карелия в политике Советского государства, 1920—1941. С. 228.
- 38 *Очерки истории Карелии. Т. 2.* Петрозаводск, 1964. С. 332.
- 39 Там же. С. 329.
- 40 *История Карелии с древнейших времен до наших дней.* Петрозаводск, 2001. С. 522—523.
- 41 Там же. С. 523.
- 42 РГАЭ, ф. 4372, оп. 38, д. 689, л. 1—2.
- 43 *Филимончик С. Н.* Форсированная индустриализация Карелии (1929—1930-е гг.) // *История экономики Карелии. Кн. 2: Экономика Карелии советского периода (1917—1991 гг.).* Петрозаводск, 2005. С. 91.
- 44 РГАЭ, ф. 4372, оп. 38, д. 689, л. 3.
- 45 *Филимончик С. Н.* Форсированная индустриализация Карелии... С. 92.
- 46 *История Карелии с древнейших времен до наших дней.* С. 533.
- 47 Там же.
- 48 Там же. С. 533—534.
- 49 *Очерки истории Карелии. Т. 2.* С. 330—331.
- 50 Там же. С. 331.
- 51 *Очерки истории Карельской партийной организации.* Петрозаводск, 1974. С. 313—314.
- 52 *Очерки истории Карелии. Т. 2.* С. 327—328.
- 53 Там же. С. 336.
- 54 *История Карелии с древнейших времен до наших дней.* С. 592; *Очерки истории Карельской партийной организации.* С. 319.
- 55 *История Карелии с древнейших времен до наших дней.* С. 592.
- 56 *Очерки истории Карелии. Т. 2.* С. 339.
- 57 *Карельская АССР: 60 лет: Стат. сб.* Петрозаводск, 1980. С. 8; *Покровская И. П.* Население Карелии. Петрозаводск, 1978. С. 12, 18—19, 103—104; *Очерки истории Карелии. Т. 2.* С. 335.

Глава 3.

СОВЕТСКАЯ КАРЕЛИЯ В ПЕРИОД ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА КАРЕЛЬСКОМ ФРОНТЕ (1941—1944)

208

3.1. Перестройка политической и социально-экономической жизни республики на военный лад в начальный период Великой Отечественной войны (июнь — декабрь 1941 г.)

С первых часов Великой Отечественной войны вся политическая и социально-экономическая жизнь Карелии стала перестраиваться на военный лад. Уже в 7 часов утра 22 июня 1941 г. открылось заседание бюро ЦК КП(б) КФССР, на котором была зачитана поступившая из ЦК ВКП(б) шифрограмма с сообщением о внезапном нападении Германии на Советский Союз и предложением немедленно развернуть работу согласно заранее подготовленному мобилизационному плану. После заседания бюро состоялось совещание наркомов, начальников управлений и их заместителей. Около 10 часов утра во все районы выехали работники ЦК КП(б) и СНК КФССР для оказания практической помощи местным партийно-советским организациям в проведении военно-организационных мероприятий¹.

Сразу после выступления В. М. Молотова по радио на территории республики прошли массовые митинги и собрания, на которых жители Карелии заявляли о своей готовности встать на защиту Родины. 22 июня состоялся многотысячный митинг в Петрозаводске, на котором выступили председатель горсовета Ф. В. Ба-

лагуров, первый секретарь ЦК ЛКСМ республики Ю. В. Андропов, студент университета С. Е. Криворучко и др. На следующий день митинги состоялись на всех предприятиях и в учреждениях города. Так, на Онежском заводе секретарь горкома партии Н. А. Дильденкин обратился с призывом к рабочим отстоять Родину. Его поддержали старый большевик Х. Г. Дорошин, сталевар мартеновского цеха Н. И. Колчин. «Нам навязали войну, — заявил Н. И. Колчин, — и мы будем вести ее до полной победы. Мы, сталевары, обещаем давать больше высококачественной стали, чтобы разбить фашистских разбойников»².

Движимые патриотическим чувством, тысячи граждан Карелии выразили желание вступить в ряды действующей Красной Армии. Многие прямо на митингах и собраниях подавали заявления с просьбой направить их на фронт. По сообщению военного комиссара КФССР И. М. Макарова, 22 июня к концу дня на призывные пункты явилось 60 % подлежащих призыву в армию, а поздно вечером 23 июня мобилизация военнообязанных первой очереди в основном завершилась³.

Только в первый месяц войны свыше 10 тыс. жителей республики подали заявления о добровольном вступлении в Красную Армию. Вместе с мужчинами в армию добровольно уходили и многие девушки-комсомолки. Первый секретарь ЦК ЛКСМ КФССР Ю. В. Андропов писал в 1942 г. в журнале «Смена»: «Нередко уходили сразу целыми организациями (так сделали комсомольцы больницы города Беломорска), иногда по очереди. Один за другим, но в результате оказывалось — все ушли на фронт»⁴. Всего за 1941—1945 гг. Вооруженные силы страны добровольно и по мобилизации получили из Карелии около 100 тыс. человек, которые сражались на всех фронтах Великой Отечественной войны.

Одновременно с проведением мобилизации военнообязанных развернулась большая работа по формированию истребительных батальонов, частей народно-

го ополчения и партизанских отрядов. Истребительные батальоны в республике, как и в стране в целом, стали формироваться согласно принятому СНК СССР специальному постановлению от 24 июня 1941 г. «Об охране предприятий и учреждений и создании истребительных батальонов» для организации необходимой охраны в прифронтовой полосе военных и народнохозяйственных объектов, а также борьбы с вражескими диверсантами. Создание истребительных батальонов в республике в основном завершилось в начале июля 1941 г. По данным на 7 июля 1941 г., всего насчитывалось 38 батальонов с общей численностью состава 4 325 человек. К осени 1941 г. общая численность бойцов-истребителей увеличилась до 5 641 человека. Общее руководство истребительными батальонами возлагалось на секретаря ЦК КП(б) КФССР А. С. Варламова, заместителя председателя СНК В. В. Стефанихина и наркома госбезопасности М. И. Баскакова. Истребительные батальоны несли охрану населенных пунктов, мостов и особо важных объектов, поднимались по боевой тревоге и выходили на преследование и ликвидацию обнаруженных вражеских десантов и диверсионных групп⁵.

В начальный период войны в организации и деятельности истребительных батальонов по борьбе с диверсионными группами противника имелись и определенные недостатки. Сформированные батальоны испытывали острый недостаток в вооружении, обмундировании, предметах гигиены и др. Многие бойцы не имели военной подготовки, среди них оказывались те, кто не соответствовал службе по своему физическому состоянию, в том числе старики, подростки, инвалиды.

26 июля 1941 г. приказом наркома НКВД КФССР М. И. Баскакова была организована учеба бойцов сформированных истребительных батальонов. В нерабочее время они изучали материальную часть оружия, обучались стрельбе, тактике и т. д. Была разработана и утверждена программа боевой и политической под-

готовки личного состава истребительных батальонов. Первоначально бойцы обучались и использовались без отрыва от производства. Они трудились на своих предприятиях и только в случае необходимости выходили на боевые операции. Но уже с августа 1941 г. каждый месяц стали проводить 3-дневные сборы с отрывом от производства и учебно-боевые тревоги с выходом в поле для решения тактических и специальных задач. Постановлением СНК и ЦК КП(б) КФССР от 27 июля 1941 г. весь личный состав истребительных батальонов был переведен на казарменное положение, что позволило лучше организовать боевую и политическую учебу, повысить мобилизационную готовность батальонов⁶.

Создаваемые истребительные батальоны намечалось использовать для охраны населенных пунктов и промышленных объектов, для борьбы с вражескими диверсиями и воздушными десантами противника. Однако летом и осенью 1941 г. в силу сложившейся тяжелой обстановки на фронте истребительные батальоны сражались вместе с частями Красной Армии под Колатсельгой, Ведлозером, Крошнозером, Медвежьегорском и в других местах⁷. Как правило, истребительные батальоны действовали против превосходящих сил противника, несли тяжелые потери, но они с честью выполнили свой долг перед Родиной.

Так, по сводкам НКВД КФССР за июль — декабрь 1941 г. «сводный истребительный батальон в составе 354 человек, созданный из Медвежьегорского, Пудожского, Беломорского, Кемского и Сегежского батальонов, с 28 сентября по 1 октября участвовал вместе с частями Красной Армии в боях с противником по обороне г. Петрозаводска... в течение 4 суток боем сдерживал регулярные части противника... 28 октября по распоряжению командования армейской группы медвежьегорского направления сводный Петрозаводско-Медвежьегорский истребительный батальон в составе 362 человек был направлен на оборону г. Медвежьегорска, где и находился до 5 ноября 1941 г., ведя непрерывные бои с белофиннами»⁸.

После стабилизации линии Карельского фронта к концу 1941 г. отпала необходимость нахождения истребительных батальонов на казарменном положении. Приказом НКВД КФССР от 24 февраля 1942 г. истребительные батальоны снимались с казарменного положения и переводились по месту работы и жительства бойцов. Значительная часть бойцов была направлена в партизанские отряды и разведывательно-диверсионные группы НКВД КФССР.

Еще одной формой патриотического подъема населения Карелии в период войны стало создание частей народного ополчения. Инициатива формирования ополченческих подразделений родилась в конце июня 1941 г. у жителей Ленинграда. В начале июля к организации народного ополчения приступили трудящиеся Москвы. Председатель ГКО И. В. Сталин в речи по радио 3 июля призвал к созданию народного ополчения в каждом городе, которому угрожало нашествие врага. 5 июля 1941 г. ЦК КП(б) и СНК КФССР приняли постановление «О создании отрядов народного ополчения». Руководство ополчением возлагалось на секретаря ЦК Компартии А. С. Варламова, заведующего военным отделом ЦК Н. Ф. Карахаева и военного комиссара республики И. М. Макарова. Народное ополчение состояло из добровольцев, пожелавших с оружием в руках защищать свою Родину. К началу августа 1941 г. в республике уже действовало 3 полка, 32 батальона и 5 отдельных рот ополчения, в которых состояло свыше 22 тыс. бойцов. Ополченцы несли охрану важных объектов, дорог, мостов и т. п., а в первые месяцы войны использовались и в качестве резерва для пополнения войск на фронте⁹.

В городах и районах республики организацией отрядов народного ополчения занимались первые секретари горкомов и райкомов партии, председатели исполкомов Советов депутатов трудящихся и военные комиссары. Так, в Тунгудском районе этим делом занимались первый секретарь райкома партии М. И. Климушков, председатель райисполкома П. С. Акимов и военком Е. И. Хахаев; в Пудожском районе — первый секретарь райкома партии А. З. Алешин, председатель райисполкома П. К. Бугнина и военком А. А. Нифантов. Для оказания практической помощи на местах республиканские руководящие органы направили своих представителей в районы. Например, первый секретарь ЦК ЛКСМ Ю. В. Андропов принял активное участие в создании ополчения в Пряжинском, Ведлозерском, Петровском и Олонецком районах¹⁰.

В начале войны, когда ситуация на Карельском фронте была крайне тяжелой и ощущался явный недостаток в личном составе воинских подразделений Красной Армии, народное ополчение стало важным источником пополнения действующих советских войск на Севере страны. К концу 1941 г. наступление немецких и финских войск на Карельском фронте было остановлено, обстановка окончательно стабилизировалась и отряды народного ополчения влились в военно-учебные пункты, созданные согласно постановлению ГКО «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР» от 17 сентября 1941 г. Принятие этого постановления в начале Великой Отечественной войны было вызвано необходимостью непрерывного пополнения Красной Армии боевыми резервами. Все население, способное носить оружие, следовало обучить военному делу.

20 сентября 1941 г. бюро ЦК Компартии республики разработало практические мероприятия по выполнению постановления по организации всеобщего обучения. Районные комитеты партии утвердили командиров и политруков учебных подразделений и на всех предприятиях и в учреждениях организовали регулярное проведение воинских занятий. Всего за первые два года войны на пунктах всеобщего обучения и в массовых оборонных организациях прошли обучение 14 365 автоматчиков, снайперов и минеров. Часть из них получила направление в действующую армию¹¹.

Трудящиеся Карелии с первых дней Великой Отечественной войны включились в патриотические движения в помощь фронту. Они горячо подхватили инициативу передовых рабочих Москвы и других крупных промышленных центров страны по добровольному сбору личных средств в Фонд обороны. Рабочие и служащие ежемесячно вносили в него часть заработка, сбережения, драгоценности, облигации государственных займов. Они внесли в Фонд обороны Родины, по далеко не полным данным, свыше 20 млн. руб. деньгами и около 1 млн. руб. облигациями¹².

За годы войны труженики республики подписались на государственные займы, внесли на строительство танков и самолетов свыше 126 млн. руб. личных сбережений. Танковые колонны «Карельский колхозник», «Железнодорожник Кировской магистрали», боевые самолеты «Карело-Финский донор», «Карельский пионер», «Комсомолец Карелии» и другие, построенные на личные сбережения трудящихся Карелии, сражались с вторгнувшимися захватчиками на земле и в воздухе¹³.

Патриотические движения трудящихся Карелии по оказанию всемерной помощи фронту, так же как и всех народов СССР, явились яркой демонстрацией

политической и социальной сплоченности советского общества, нерушимого единства фронта и тыла. Они умножали силы народа в борьбе с вторгнувшимися захватчиками и в конечном счете стали главными факторами, обеспечившими победу Советского Союза над нацистской Германией и ее союзниками.

Наряду с изменениями в политической и социальной сферах республики с первых дней Великой Отечественной войны стала перестраиваться на военный лад и экономика Карелии. Начавшаяся война коренным образом изменила содержание и направление деятельности партийных, советских, профсоюзных, комсомольских и других общественных организаций по руководству промышленностью, строительством, транспортом и сельским хозяйством. Главное внимание в их работе было нацелено на перестройку всех отраслей народного хозяйства на военный лад для удовлетворения нужд фронта.

Ядром административно-командной системы управления экономикой, созданной в 1930-е гг., являлась коммунистическая партия, под руководством которой работали все государственные и общественные организации. Условия военного времени требовали централизации руководства, утверждения железной дисциплины во всех звеньях государственного аппарата. В этой связи значительно повышалась роль партийных организаций республики и прежде всего бюро ЦК КП(б) КФССР в решении сложных экономических задач. Коммунисты выносили на партсобрания наиболее важные вопросы перестройки хозяйственной жизни, стремились активнее влиять на этот процесс. Так, 15 июля 1941 г. состоялось собрание актива Петрозаводской городской партийной организации. На нем были определены конкретные меры по строительству оборонительных рубежей на подступах к Петрозаводску. Руководство этими работами было возложено на секретаря ЦК КП(б) КФССР А. С. Варламова, зам. председателя СНК республики В. В. Стефанихина и секретаря Петрозаводского горкома партии Н. А. Дильденкина¹⁴.

Перестройка экономики на военный лад потребовала от партийных организаций республики изменить формы и методы работы, сделать упор на применение административного ресурса. Как и по всей стране, в Карелии создаются чрезвычайные органы — политотделы МТС и совхозов. В соответствии с указаниями ЦК ВКП(б) принимаются меры по улучшению деятельности политорганов на транспорте, учреждается институт партийных организаторов (парторгов) ЦК КП(б) в леспромхозах, на лесопунктах и лесобиржах. В целях повышения оперативного влияния на работу промышленных предприятий республики по выполнению планов и обеспечению нужд фронта партийные организации усилили контроль за деятельностью администрации предприятий.

В режиме командно-административной системы работали и органы государственной власти — Советы депутатов трудящихся. С началом Великой Отечественной войны на первый план в работе Советов всех уровней также выдвигаются вопросы перестройки экономики на военный лад. На сессиях местных Советов, заседаниях исполкомов районных и городских Советов, Президиума Верховного Совета КФССР рассматривались важнейшие аспекты работы промышленных предприятий, колхозов и совхозов республики. Так, на заседаниях Президиума Верховного Совета КФССР в течение первого года войны были заслушаны отчеты Калевальского, Пудожского и Тунгудского районных Советов по выполнению производственных планов промышленными предприятиями и колхозами этих районов в военный период.

Перестраивали свою деятельность и профсоюзные организации. В январе 1942 г. бюро ЦК Компартии республики специально рассмотрело вопрос о работе профсоюзов Карелии в условиях войны. В решении бюро подчеркивалось, что основная задача профсоюзов состоит в том, чтобы быть первыми помощниками партии, направлять усилия рабочих и всех трудящихся в помощь фронту¹⁵.

В перестройке экономики в начальный период Великой Отечественной войны огромную роль сыграло то обстоятельство, что в довоенный период была создана мощная промышленная и военная база, утверждена плановая система хозяйствования. Основная часть средств производства находилась в руках Советского государства, что позволяло сконцентрировать все материальные и финансовые ресурсы и направить их на удовлетворение потребностей фронта.

Руководство республики уже в первые дни войны перераспределило материальные и финансовые средства с учетом складывающейся обстановки. 5 июля 1941 г. было принято постановление СНК КФССР «О выделении средств Управлению делами СНК на особые нужды», согласно которому из республиканского бюджета за счет уменьшения ассигнований на другие, менее важные статьи, Управлению делами СНК КФССР было выделено 110 тыс. руб. для проведения оборонных мероприятий¹⁶.

Военная обстановка потребовала внести изменения и в систему планирования. 11 июля 1941 г. было принято постановление СНК КФССР «Об уточнении плана производства на III квартал и июль месяц 1941 г.», утвердившее новый план производства валовой продукции по наркоматам, районам и кооперативной промышленности республики в целях лучшего обеспечения нужд фронта¹⁷. Правительство Карелии, учитывая сложную обстановку на фронте и отступление советских войск от границы вглубь территории республики, приняло решение о проведении структурной перестройки экономики, в частности был ликвидирован трест «Сердобольлес», а его предприятия и леспромпхозы включены в состав треста «Южкареллес». Заместителям председателя СНК КФССР М. Я. Исакову и М. Ф. Иванову и председателю Госплана республики Б. С. Альперовичу было поручено проверить наличие и потребность в рабочей силе в каждой отрасли промышленности, произвести перераспределение высвобождающихся кадров между отраслями, обеспечив, в первую очередь, те отрасли и предприятия, которые работали на удовлетворение нужд фронта¹⁸. Кроме того, в целях успешного выполнения заданий для фронта правительство республики предложило наркоматам и ведомствам ввести с 12 июля 1941 г. удлинённый рабочий день продолжительностью 11 часов.

Чрезвычайные военные условия заставили руководство республики принять решение о сокращении управленческого аппарата. По постановлению СНК КФССР «О сокращении управленческого аппарата центральных учреждений Карело-Финской ССР» от 22 августа 1941 г. аппарат наркоматов был сокращен на 361 человека¹⁹. Значительно повышалась требовательность к кадрам. Одними из главных методов работы с кадрами становились административные: снятие с работы, выговоры и отдача под суд. Все эти решения позволяли начать перестройку экономики Карелии на военный лад, с учетом складывающейся обстановки на фронте.

С первых дней Великой Отечественной войны Карелия становится прифронтовой республикой, первоочередная задача которой — создание оборонительных

сооружений, способных помочь частям Красной Армии в отражении агрессии на Северо-Западе страны. Большую помощь фронту оказало население Карелии летом и осенью 1941 г. на строительстве оборонительных сооружений, военных аэродромов и других объектов. Люди почти круглосуточно работали в лесах, жили в палатках и землянках, испытывали острый недостаток в одежде, обуви и пище. В сентябре — октябре 1941 г. на оборонительном строительстве трудилось свыше 20 тыс. жителей Карелии²⁰. Возведение оборонительных рубежей развернулось вдоль всей линии фронта и включало 7 полевых строителей. Рабочие объединялись в отделения, взводы, батальоны. Каждое полевое строительство и каждый батальон имели штаб. Во главе подразделений стояли командиры и политработники.

Большую политическую работу среди строителей оборонительных рубежей проводили партийные организации республики. ЦК КП(б) КФССР создал политотдел Оборонстроя, начальником которого был назначен секретарь Кондопожского райкома партии А. Я. Ястребов. 80 партийных работников, в том числе 11 секретарей райкомов партии, утверждены заместителями начальников строительных участков по политической части.

В своих воспоминаниях первый секретарь ЦК КП(б) республики Г. Н. Куприянов называет особо отличившихся на оборонном строительстве: работницу артели «Кустпромшвей» Анну Григорьевну Ерофееву, домашнюю хозяйку Марию Федоровну Артюшину, помощника машиниста депо станции Петрозаводск Егора Алексеевича Платонова, работницу треста кафе-столовых Марию Петровну Родину, рабочих Онежского завода Алексея Николаевича Кузнецова и Григория Васильевича Захарова, работницу музея Наталью Михайловну Сарафанову и многих других. Все они перевыполняли нормы на земляных работах в 1,5—2 раза²¹. При этом необходимо сказать, что большинство гражданского населения, занятого на строительстве оборонительных сооружений, было мобилизо-

вано в порядке трудовой повинности и невыполнение норм выработки грозило им принятием административных мер.

Надо отметить и довольно высокий процент заключенных среди работавших на строительстве оборонительных сооружений для Карельского фронта. Так, в ноябре 1941 г. в составе 6-го управления Оборонстроя насчитывалось 10 450 человек, из которых заключенные составляли больше половины — 6 438 человек²².

Итогом самоотверженного труда жителей республики стало то, что в кратчайшие сроки были построены тысячи блиндажей и дзотов, вырыты сотни окопов и противотанковых рвов на огромном протяжении фронта от Баренцева моря до Ладоги. Опираясь на оборонительные рубежи, советские войска смогли оказать более упорное сопротивление противнику, сдержать его продвижение вглубь страны.

Также трудящиеся республики оказали большую помощь войскам Карельского фронта в строительстве аэродромов и шоссейных дорог. В короткие сроки было сооружено несколько аэродромов, причем некоторые из них на топких болотистых местах. На строительстве аэродромов летом 1941 г. трудилось свыше 2 тыс. жителей Карелии, в основном это были женщины и молодежь²³.

В первые месяцы войны перед Карелией стояла и другая ответственная задача — в короткий срок закончить строительство железнодорожной линии Сорокская — Обозерская, протяженностью 357 км, которая проходила по малообжитому западному побережью Белого моря и соединяла Кировскую и Северную железные дороги. В декабре 1941 г. немецкие и финские войска захватили участок Кировской железной дороги от станции Масельгская до станции Лодейное Поле. С этого момента и до конца войны на Севере железнодорожная ветка Сорокская — Обозерская была единственным звеном, связывавшим г. Мурманск и северный участок Кировской железной дороги с остальной железнодорожной сетью страны.

Строительство этой железнодорожной линии начали еще в период Зимней войны. 30 декабря 1939 г. нарком НКВД СССР Л. П. Берия подписал приказ № 001546 «О строительстве ж. д. линии Сорокская — Обозерская», по которому на строительство направлялось 50 тыс. заключенных вместе с рабочим инструментом, инвентарем и предметами лагерного обихода²⁴. К развернутому строительству этой линии приступили только в феврале 1940 г., и к началу Великой Отечественной войны сквозное движение не было открыто. Лишь на отдельных участках ходили рабочие поезда и балластные вертушки со скоростью 5—10 км в час. Рабочих рук и механизмов явно не хватало. Ввиду того что в военный период дорога приобрела стратегическое значение и промедление ее достройки грозило тяжелыми последствиями, ЦК КП(б) КФССР и СНК республики приняли срочные меры по оказанию помощи строителям. На этот участок были направлены несколько тысяч рабочих, необходимые материалы, тракторы, автомашины и другая техника. На сооружении дороги трудились лучшие кадры железнодорожников-строителей, использовались заключенные Беломорско-Балтийского комбината (ББК), привлекалось и население республики. В сентябре 1941 г. железнодорожная линия Сорокская — Обозерская вступила в строй.

Самоотверженно, не жалея сил, налаживали железнодорожники работу этой ветки. Большой вклад в функционирование дороги внесли путейцы-инженеры В. Н. Константинов, Ю. А. Ароев, начальник дистанции пути Г. Д. Лелюхин, П. Я. Монахов, начальник путевой колонны С. С. Батанов, начальник мастерс-

ких П. А. Васильев, диспетчер А. А. Исаков, руководители Сумпосадского паровозного депо Н. Н. Крутовский и К. А. Рязанов. За образцовое выполнение заданий военного командования начальник Малошуйской дистанции Георгий Дмитриевич Лелюхин и начальник путевой колонны Семен Семенович Батанов были награждены орденами Красной Звезды²⁵.

В течение всей войны железнодорожная ветка Сорокская — Обозерская обеспечивала снабжение Карельского фронта и Северного флота военным снаряжением и подкреплениями из центральных областей страны. Через Мурманский порт, северный участок Кировской железной дороги, а затем Сорокскую — Обозерскую линию в центральные районы СССР шли военные грузы союзников по антигитлеровской коалиции.

С началом Великой Отечественной войны, когда экономика Карелии стала перестраиваться на военный лад, были предприняты попытки организовать собственное производство отдельных видов оружия и боеприпасов для нужд фронта. В ноябре 1941 г. было учреждено специальное совещание для рассмотрения данных вопросов в составе председателя Президиума Верховного Совета республики О. В. Куусинена, председателя СНК КФССР П. С. Прокконена, секретаря ЦК КП(б) КФССР П. С. Солякова. Постановлением ЦК КП(б) и СНК КФССР в декабре 1941 г. создается Управление военной промышленности республики во главе с зам. председателя СНК М. Ф. Ивановым. Однако в условиях прифронтовой полосы в неприспособленных мастерских развернуть производство вооружения в достаточном количестве и должного качества не удалось. В начале 1942 г. предприятия военной промышленности прекратили выпуск вооружения²⁶.

На производство продукции для фронта переходили многие предприятия республики. Одним из первых перестроил свою работу коллектив Онежского машиностроительного и металлургического завода. Наряду с увеличением выпуска снарядов — основного вида своей оборонной продукции — завод стал выполнять и более сложные военные заказы: в короткие сроки коллектив предприятия освоил выплавку высококачественной стали, идущей на нужды авиационной промышленности. В мастерских Сегежского ЦБК и Кировской железной дороги, на Повенецком судоремонтном заводе начался выпуск пистолетов-автоматов, минометов, мин, гранат.

Производство нескольких десятков видов оборонной продукции освоили лесозаводы. Промкомбинаты и артели промкооперации выпускали саперный инструмент, армейские котелки и т. п., ремонтировали оборудование и чинили обувь для бойцов фронта. Работники Кировской железной дороги начали оборудовать бронепоезда и бронеплощадки.

По мобилизационному плану перестраивали свою работу и ремонтные предприятия Карелии. Ремонтные мастерские, предприятия автотранспорта и местной промышленности приступили к ремонту танков, тракторов, моторов, автомашин и вооружения для Карельского фронта. На базе мастерских Сегежского комбината и эвакуированного сюда из Петрозаводска оборудования авторемонтного завода было создано новое авторемонтное предприятие. Уже к концу 1941 г. этим заводом и другими предприятиями республики было отремонтировано более 500 автомашин. К середине 1942 г. производственная мощность Сегежского авторемонтного предприятия в 3 раза превысила мощность всех авторемонтных предприятий Наркомата автомобильного транспорта республики накануне войны.

Помимо изготовления вооружения и ремонта боевой техники, гражданские предприятия республики поставляли Карельскому фронту целый ряд другой продукции и прежде всего лыжи, которые в условиях Севера играли большую роль в выполнении боевых задач. Вновь начала изготавливать армейские лыжи Петрозаводская лыжная фабрика, уже имевшая опыт выполнения военных заказов в период советско-финляндской войны 1939—1940 гг. В октябре — ноябре 1941 г. Кемский и Шальский лесозаводы, быстро освоив новое производство, дали фронту 50 тыс. пар лыж, еще 10 тыс. пар лыж было изготовлено в это же время на предприятиях Медвежьегорского и Беломорского районов Карелии.

Экономика прифронтовой республики своевременно реагировала на все потребности и запросы Красной Армии. Когда в начале зимы 1941/42 г. на Карельском фронте возникла острая нужда в маскхалатах, на их изготовление были мобилизованы все пошивочные мастерские Карелии. В дело пошли наличные хлопчатобумажные ткани, а также простыни, которые добровольно собирало население. В течение зимы 1941/42 г. первоочередные задачи снабжения войск фронта маскхалатами были в основном разрешены.

С начала войны стала осуществляться перестройка и сельского хозяйства республики. Несмотря на все трудности и проблемы этой отрасли экономики, бойцы действующей армии получали необходимые продукты питания, которые могли дать в тот период труженики села Карелии.

218

Перестройка народного хозяйства Карелии на военный лад шла полным ходом, однако завершить ее полностью не удалось. Отступление Красной Армии летом и осенью 1941 г. потребовало провести эвакуацию населения республики и перебазировать на восток промышленные предприятия, имущество колхозов и совхозов тех районов, которые оказались под угрозой оккупации противником.

Конкретные задачи по проведению в СССР эвакуации населения, оборудования промышленных предприятий, имущества колхозов и совхозов были определены в постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 июня 1941 г. «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества» и в директиве ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 29 июня 1941 г. «Партийным и советским организациям прифронтовых областей». Основные положения директивы были изложены в выступлении по радио председателя ГКО и СНК СССР, секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина²⁷.

В Карелии непосредственное руководство эвакуацией было возложено на Республиканскую комиссию по эвакуации, созданную по решению ЦК КП(б) КФССР и приступившую к работе в начале июля 1941 г. в составе: секретарь ЦК Компартии республики П. В. Соляков, заместитель председателя СНК М. Ф. Иванов и секретарь Президиума Верховного Совета КФССР Т. Ф. Вакушкин. Комиссия принимала решения об эвакуации, определяла ее сроки для населения и промышленных предприятий, утверждала планы и графики эвакуации, распределяла транспорт и т. д.²⁸ На местах эвакуацией занимались районные и городские комитеты партии и исполкомы местных Советов. Для большей организованности в деле эвакуации Республиканская комиссия рассматривала и утверждала планы эвакуации по каждому в отдельности крупному и среднему предприятию, затем план в целом по району или городу и, наконец, по группе прифронтовых районов.

С самого начала войны объективно возникла потребность повышения роли местных советских и хозяйственных органов в управлении и планировании ра-

боты промышленных предприятий. И хотя существовавшая административно-командная система требовала безусловного подчинения приказам и указаниям центра, обстоятельства заставляли их проявлять больше инициативы, брать на себя ответственность, самостоятельно принимать решения, иногда вступавшие в противоречие с указаниями центральных хозяйственных органов. Уже в первые месяцы войны, в ходе работы по эвакуации оборудования и имущества промышленных предприятий, колхозов и совхозов Карелии в тыловые районы страны Республиканской комиссии по эвакуации пришлось вставать на путь прямых нарушений некоторых приказов и распоряжений общесоюзных наркоматов. Так, в начале войны НКВД СССР отдал приказ по ГУЛАГу эвакуировать вглубь страны все лесные предприятия ББК, а затем и весь комбинат. Однако Республиканская комиссия по эвакуации 19 июля 1941 г. приняла решение запретить Управлению ББК демонтировать и вывозить телефонные линии, так как они были нужны в то время и фронту, и республике.

В июле 1941 г. комиссия запретила также демонтаж и эвакуацию оборудования электростанций из Медвежьегорска и Кемь, вывоз оборудования типографии, деревоотделочного комбината и механических мастерских из Медвежьегорска²⁹, считая, что эти предприятия должны продолжать работу.

Наркомлес СССР в начале августа 1941 г. издал приказ об эвакуации всех деревообрабатывающих предприятий республики, за исключением Шальского лесопильного завода (Пудожский район), из прифронтовой полосы. Учитывая, что эти предприятия должны были давать значительную продукцию для фронта в зимних условиях (лыжи, теплушки, бани и др.), правительство республики и Республиканская комиссия по эвакуации задержали эвакуацию оборудования Кемского и Беломорского лесопильных заводов, их транспортного парка и рабочих³⁰. Как показали дальнейшие события, это было правильное решение, хотя оно и нелегко далось руководителям Карелии. После стабилизации Карельского фронта в конце декабря 1941 г. все эти предприятия активно работали в условиях прифронтовой полосы в течение всего периода войны.

Эвакуация населения из приграничных районов Карелии началась уже с первых дней войны. По решению Республиканской комиссии эвакуации подлежали, прежде всего, детские учреждения и дети до 16 лет вместе с родителями. Трудоспособное население оставалось на уборке урожая и оборонных работах. Однако позже, в связи с продвижением противника вглубь советской территории, началась эвакуация и взрослого населения, проходившая в очень сложных условиях. Вражеские самолеты обстреливали поезда на железных дорогах, бомбили пароходы и баржи на Онежском, Ладожском и других озерах, шоссе, по которым в тыл эвакуировалось мирное гражданское население. В результате бомбежек погибло много женщин и детей³¹.

С 1 июля 1941 г., на основании указания НКВД СССР, началась эвакуация заключенных, работавших в системе ББК. В числе первых подлежали эвакуации «наиболее опасные элементы»: осужденные за контрреволюционную деятельность, иностранные подданные, а также лица «определенных национальностей» (немцы, финны и др.*). Водным и железнодорожным транспортом было вывезено

* Выселению в тыловые районы страны подлежали, прежде всего, представители национальностей тех стран, которые выступили против СССР на стороне фашистской Германии (советские немцы, финны, венгры, румыны и др.).

24 880 заключенных в Архангельскую, Вологодскую, Кировскую, Ярославскую и другие области³².

Там, где противник успел перерезать дороги, население уходило в советский тыл самостоятельно — окружными путями, по лесным дорогам и тропам. Так, организовано ушло в тыл немало колхозников Сегозерского, Ведлозерского, Кестеньгского и некоторых других районов республики. Многие жители Калевальского, Ребольского и ряда других приграничных районов, где отсутствовали железнодорожные и водные пути, уходили в тыл пешком, оставляя свои дома и бросая имущество³³.

В соответствии с положением об эвакуации рабочих и их семей, следующих вместе с предприятием, каждый рабочий имел право взять 160 кг груза на себя и по 40 кг на каждого члена семьи. На время эвакуации сохранялась средняя заработная плата за три месяца³⁴. На новых местах большинство эвакуированных предприятий при помощи местных органов власти восстанавливалось и начинало выпуск оборонной продукции.

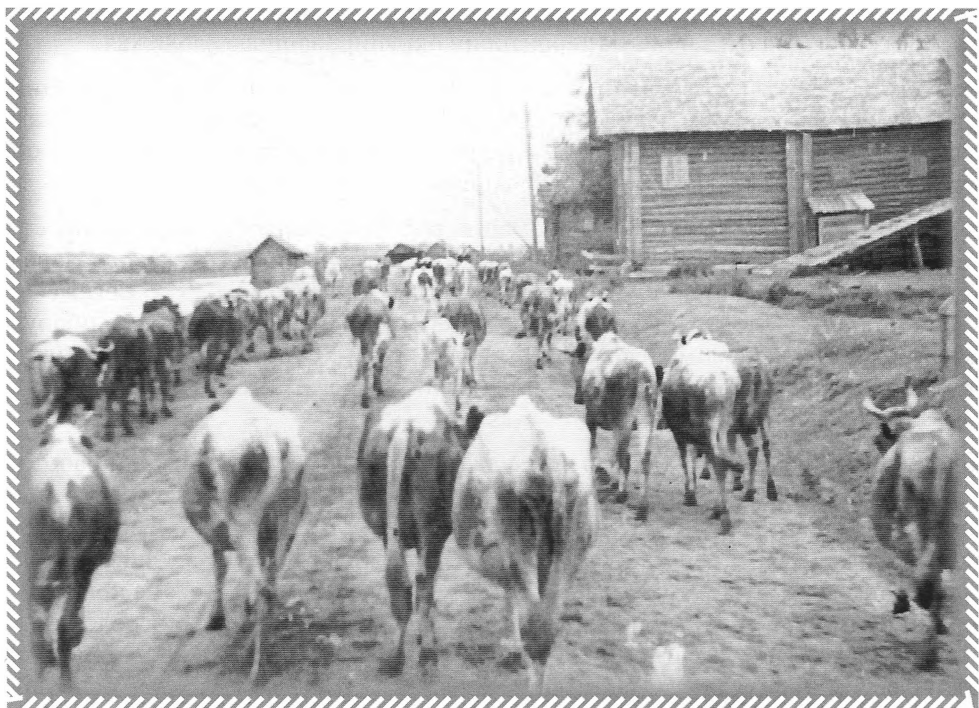
Так, первые эшелоны с оборудованием Онежского завода прибыли в Красноярск в августе 1941 г. Люди неделями не покидали строительную площадку, сутками не спали: рыли котлованы под фундаменты, воздвигали корпуса, строили котельную, проводили железнодорожную ветку. Уже в октябре 1941 г. онежцы отправили на фронт первую партию снарядов, а в декабре 1941 г. объем продукции завода в 1,5 раза превысил максимальный уровень производства мирного времени.

Значительную роль в эвакуации промышленного оборудования предприятий и населения сыграли железнодорожники Кировской железной дороги и водники Карелии. В течение июля — ноября 1941 г. железнодорожники вывезли свыше 8 тыс. вагонов с промышленным оборудованием. Одновременно с этим они переправили на другие дороги страны более сотни вагонов и 127 паровозов. Остальные паровозы в течение всей войны эксплуатировались на северном, не захваченном противником, участке Кировской магистрали. Водники республики в летний период 1941 г. перевезли в тыловые районы страны более 200 тыс. т ценных грузов и около 250 тыс. жителей.

Однако полностью транспортные проблемы при проведении эвакуации не были решены. На это неоднократно указывалось в решениях, отчетах и докладных записках Республиканской комиссии по эвакуации. Так, в ноябре 1941 г. в отчете комиссии в Президиум Верховного Совета КФССР отмечалось, что главные трудности при эвакуации состояли в недостатке, а иногда и отсутствии необходимого количества железнодорожных вагонов и судов флота, средств автотранспорта. Все автохозяйства работали на нужды фронта, флот был отобилизован в военные флотилии, а железнодорожный транспорт с перегрузкой работал для армии³⁵.

Особую трудность представляла эвакуация в тыловые районы страны скота и сельхозмашин колхозов, совхозов и МТС. Животных приходилось гнать сотни километров, обеспечивая их в пути кормами и оказывая ветеринарную помощь. Преодолевая эти проблемы, работники сельского хозяйства республики смогли переправить около 150 тыс. голов скота в Архангельскую, Вологодскую области и Коми АССР.

Эвакуация в Карелии в целом прошла успешно и в сжатые сроки. Всего, по неполным данным, из республики эвакуировалось свыше 530 тыс. человек. Трудя-

щиеся Карелии выехали в Вологодскую, Архангельскую, Свердловскую, Горьковскую, Новосибирскую, Челябинскую и другие области, Коми, Башкирскую, Чувашскую, Удмуртскую, Татарскую республики. На новых местах они включились в трудовую деятельность по оказанию помощи фронту.

Вместе с тем в полном объеме выполнить план по эвакуации населения Карелии не удалось. Так, в Заонежском районе остались тысячи людей, которые не смогли из-за налетов авиации противника и ранних морозов декабря 1941 г., сковавших льдом западное побережье Онежского озера, вовремя эвакуироваться на восточный берег озера. Кроме того, бездеятельность проявили республиканские и местные органы власти, которые в течение лета и осени 1941 г. не эвакуировали жителей Заонежского полуострова с западного берега Онежского озера на восточный берег. В дальнейшем население Заонежья испытало на себе все тяготы и лишения финской оккупации.

В советской и российской историографии Карелии периода Великой Отечественной войны до последнего времени отсутствовали точные цифры населения, которое осталось на территории оккупированного финнами Заонежского полуострова. Дело заключалось в том, что карельские ученые не смогли обнаружить эти данные в карельских архивах. И только знакомство с материалами финляндских архивов позволило закрыть еще одно «белое пятно» в истории Карелии военного периода. По данным одной из первых переписей населения Карелии, проведенной финскими оккупационными властями в марте 1942 г., на территории Заонежского полуострова проживало: всего населения — 18 295 человек; из них ненационалы (русские и другие не финно-угорские национальности) — 17 910; остальные народы относились к финно-угорским национальностям: карелы — 276, эстонцы — 31,

Однако полностью уничтожить на месте все оборудование и имущество предприятий и организаций республики, которое не успели эвакуировать, не удалось. Главный энергетик Онежского завода А. Н. Брызгалов по этому поводу за-

мечает: «В Петрозаводске “малому заводу” (то оборудование, которое осталось работать после эвакуации. — С. В.) пришлось работать недолго, потому что город окружали вражеские войска. Железная дорога между Петрозаводском и Ленинградом была перерезана. Пришло распоряжение — завод закрыть, принять меры к эвакуации оставшегося персонала. Много ценного оборудования — прокатный стан, самоходные электрифицированные металлургические ковши, молоты, паровые котлы, прессы, грузоподъемные устройства, множество станков механических цехов онежцы вынуждены были оставить на месте, так как другого выхода уже не было»⁴⁰.

Часть оборудования предприятий и организаций республики, главным образом то, которое транспортировалось пароходами БОПа и Оборонстроя, попала в руки финнов. Так, около Мегоострова (северная часть Онежского озера) финские войска захватили 19 судов: пароходы «Восток», «Металлист», «Связиск», им. Розы Люксембург, моторный катер «Дзержинец» и речной трамвай № 2,

принадлежавшие БОПу, а также пароходы «Шолопасть», «Волгарь», «Астраханка», «Рыбница» и моторный катер «Водник», принадлежавшие Оборонстрою⁴¹.

Кроме пароходов, финским воинским частям удалось захватить несколько барж с нефтью, товарами Петроторга и Заготзерна, в том числе лихтер № 162 с оборудованием и товарами Оборонстроя (стройматериалы, инструменты, хозяйственный инвентарь, металл, горюче-смазочные материалы (ГСМ), а также картофель, овощи, муку и т. д. на сумму 278 102 руб.). Некоторые баржи с оборудованием типографии им. Анохина, частью оборудования Соломенской ГЭС и Петрозаводского узла связи были потоплены противником⁴².

Многие из недостатков в процессе эвакуации были вызваны тем, что в сложной обстановке начального периода войны руководители ряда наркоматов, городов и районов растерялись, а некоторые поддались панике. Руководство Калевальского (Ухтинского), Сегозерского, Ведлозерского, Прионежского и Заонежского районов не смогло четко и вовремя организовать эвакуацию людей, вывоз скота, зерна и различных товаров. Руководителей Калевальского района, после того как финны в начальный период военных действий на Севере Карелии заняли три населенных пункта, охватила паника, и они начали отъезд раньше, чем последовал приказ, не организовав работу по вывозу в тыл населения и отводу скота. Эта паника перекинулась затем и на жителей района⁴³.

Неорганизованно прошла эвакуация в июле 1941 г. из г. Сортавала. В специальном сообщении НКВД КФССР в ЦК Компартии республики «О недостатках в проведении эвакуации г. Сортавала» отмечалось, что «в результате созданной, не вызывавшейся сложившейся обстановкой, поспешности в городе возникла паника, приведшая к причинению государству крупного материального ущерба. Руководящие работники городских учреждений в служебных столах и шкафах побросали много служебных документов. Председатель горсовета тов. Лезин забыл в столе штамп и печать горсовета, а работники горсовета и ГК КП(б) бросили пишущие машинки. После выезда из города руководителей и аппаратов торгующих организаций Военторга, Карелторга, Леспромторга, Карелпотребсоюза и других хозяйственных организаций оказались брошенными сотни тонн муки, десятки тонн крупы, кондитерские изделия, в большом количестве жиры, сахар, консервы, табак, папиросы, промтовары, вино, водка и т. д.»⁴⁴.

Ряд наркоматов плохо заботились о сохранности подлежащего эвакуации имущества и его своевременном вывозе. 200 штук саней, изготовленных предприятиями Наркомместпрома в Заонежском и Шелтозерском районах, остались не вывезенными и достались финнам. Отдельные наркоматы (стройматериалов, местной промышленности и др.) в середине декабря 1941 г. не знали, где и в каком состоянии находится эвакуированное с их предприятий оборудование⁴⁵.

Руководство республики отмечало недостатки и в работе центральных хозяйственных органов. Так, почти полную безучастность к делу эвакуации своих предприятий проявил Наркомат бумажной промышленности СССР. Эвакуация ЦБК из прифронтовых районов Карелии проходила без его работников, только по инициативе республиканских и местных органов управления. Представители этого наркомата и его главков ни разу не появились в республике⁴⁶.

Однако, несмотря на все трудности и проблемы в проведении эвакуации в Карелии, учитывая постоянно меняющуюся обстановку на северо-западном участке

фронта летом и осенью 1941 г. и быстрое продвижение финских войск вглубь советской территории, ее итоги можно считать вполне удовлетворительными. К концу 1941 г. из 328 эвакуированных предприятий (без ББК и Кировской железной дороги) 139 уже работали в тыловых районах страны. Остальные находились в стадии монтажа.

Оставшееся на оккупированной финскими войсками территории Карелии оборудование промышленных предприятий было незначительным. Несмотря на все попытки, финским властям так и не удалось организовать промышленное производство в сколько-нибудь значительных масштабах.

К концу 1941 г. экономика Карелии, как и всей страны, была перестроена на военный лад. Этот процесс имел следующие особенности:

Во-первых, перестройка осуществлялась в условиях отступления советских войск во второй половине 1941 г. от государственной границы вглубь территории страны. В результате многим предприятиям Карелии процесс перестройки завершить не удалось и они эвакуировались в восточные районы СССР. Часть предприятий пришлось уничтожить.

Во-вторых, в первые месяцы войны немецким (на севере республики) и финским войскам удалось оккупировать две трети территории Советской Карелии, в экономическом отношении более развитой по сравнению с районами, оставшимися вне зоны оккупации. В не занятых противником районах республики до войны производилось менее одной пятой промышленной продукции, в 1942 г. здесь проживало примерно 75 тыс. человек, или 11 % населения Карелии довоенного периода.

В связи с временной оккупацией финскими войсками столицы КФССР г. Петрозаводска (финские войска вошли в столицу республики 1 октября 1941 г.) государственные и партийные органы республики переехали сначала в г. Медвежьегорск, а затем в г. Беломорск, ни на один день не прекращая своей деятельности, направленной на руководство экономикой Карелии, на мобилизацию всех ее ресурсов для оказания всемерной помощи фронту.

В-третьих, промышленные предприятия, учреждения и организации, колхозы и совхозы Карелии, оставшиеся на неоккупированной территории, длительное время (с декабря 1941 г. до середины 1944 г.) находились в непосредственной близости к фронту. Им часто приходилось работать в условиях вражеских бомбежек, под угрозой нападений диверсионных отрядов противника. Все это создавало дополнительные сложности для проведения необходимых работ во всех отраслях экономики и представляло опасность для жизни советских тружеников.

Таким образом, с первых дней Великой Отечественной войны население Карело-Финской ССР, оказавшееся в сложных прифронтовых условиях, в той или иной форме активно участвовало в защите своего края, демонстрируя стойкость, мужество и патриотизм. В конечном итоге это стало важным фактором, обеспечившим перелом в войне Советского Союза против Финляндии и Германии на северо-западном участке фронта.

- 1 КГАНИ, ф. 5425, оп. 1, д. 185, л. 35; НА РК, ф. 3435, оп. 3, д. 3, л. 17—18; *Куприянов Г. Н.* Во имя великой Победы: Воспоминания. Петрозаводск, 1985. С. 22.
- 2 Ленинское знамя. 1941. 22 и 23 июня; Карелия в годы Великой Отечественной войны, 1941—1945: Док. и материалы. Петрозаводск, 1975. С. 17, 20—22; История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 593.
- 3 История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 594.
- 4 *Андропов Ю. В.* Избранные речи и статьи. М., 1983. С. 21.
- 5 История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 595.
- 6 *Чумаков Г. В.* Истребительные батальоны Карелии в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. // Подвигу жить в веках: Материалы военно-ист. конф., посв. 60-летию освобождения Карелии от фашистских захватчиков. Петрозаводск, 2004. С. 34—35.
- 7 Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., 1984. С. 152.
- 8 История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 596.
- 9 Там же. С. 597; *Макуров В. Г.* Формирование народного ополчения Карелии в годы Великой Отечественной войны // Война и память народа: Материалы науч. конф. преподавателей и студентов КГПУ, посв. 60-летию освобождения Карелии от фашистской оккупации (21—23 апреля 2004 г.). Петрозаводск, 2004. С. 6—7; *Он же.* Народное ополчение и всеобщее военное обучение населения Карелии в годы Великой Отечественной войны // Подвигу жить в веках. С. 39.
- 10 *Макуров В. Г.* Народное ополчение и всеобщее военное обучение населения Карелии в годы Великой Отечественной войны. С. 40.
- 11 История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 597.
- 12 Там же. С. 630.
- 13 История экономики Карелии: В 3 кн. Кн. 2: Экономика Карелии советского периода (1917—1991 гг.) / Л. И. Вавулинская, С. Г. Веригин, О. П. Илюха, С. Н. Филимончик. Петрозаводск, 2005. С. 109.
- 14 КГАНИ, ф. 8, оп. 11, д. 748, л. 1.
- 15 Там же, оп. 4, д. 17, л. 8.
- 16 НА РК, ф. 1394, оп. 7, д. 46, л. 37.
- 17 Там же, л. 55—56.
- 18 Там же, л. 58.
- 19 Там же, л. 92.
- 20 КГАНИ, ф. 8, оп. 2, д. 19, л. 55.
- 21 *Куприянов Г. Н.* От Баренцева моря до Ладоги. Л., 1972. С. 52.
- 22 Неизвестная Карелия, 1941—1956. Петрозаводск, 1999. С. 35.
- 23 История экономики Карелии. Кн. 2. С. 97.
- 24 ГАРФ, ф. 9401, оп. 1а, д. 37, л. 288—289.
- 25 *Харитонов С. Ф., Звягин Ю. К.* Мурманская. Кировская. Октябрьская. Петрозаводск, 1996. С. 79.
- 26 История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 599; НА РК, ф. 1394, оп. 3, д. 306, л. 127.
- 27 Коммунистическая партия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., 1970. С. 37—40; *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне. М., 1948. С. 9—17.
- 28 История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 602; КГАНИ, ф. 8, оп. 11, д. 648.

- 29 НА РК, ф. 1394, оп. 7, д. 71, л. 57—58.
- 30 Там же, л. 58—59.
- 31 История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 602.
- 32 НА РК, ф. 1394, оп. 7, д. 69, л. 58.
- 33 Морозов К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Петрозаводск, 1983. С. 50.
- 34 Улитин С. Д. Европейский Север России в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Петрозаводск, 2004. С. 99.
- 35 НА РК, ф. 1394, оп. 7, д. 71, л. 57—58.
- 36 Vaestotoimisto / ItakarSE, T 2970/12, SA.
- 37 НА РК, ф. 1394, оп. 7, д. 51, л. 18.
- 38 Брызгалов А. Н. Онежский завод. Петрозаводск, 1957. С. 60.
- 39 НА РК, ф. 1394, оп. 7, д. 71, л. 63—64.
- 40 Брызгалов А. Н. Онежский завод. С. 60.
- 41 НА РК, ф. 1394, оп. 7, д. 13, л. 19.
- 42 Там же, л. 20; д. 73, л. 38—43, 48.
- 43 Там же, д. 71, л. 64.
- 44 Неизвестная Карелия: Док. спецорганов о жизни республики, 1941—1956 гг. / Сост. С. С. Авдеев, А. В. Климова, В. Г. Макуров. Петрозаводск, 1999. С. 17.
- 45 НА РК, ф. 1394, оп. 7, д. 13, л. 65—65.
- 46 Там же, л. 59.

3.2. Экономика Карелии в годы Великой Отечественной войны (январь 1942 г. — лето 1944 г.)

В результате проведенной эвакуации промышленных предприятий и оккупации финскими войсками наиболее развитой в экономическом отношении территории Карелии произошло резкое сокращение выпуска промышленной продукции республики по сравнению с довоенным уровнем: к концу 1941 г. он упал до 10,1 %. В районах, не занятых финскими войсками, насчитывалось лишь около 20 небольших промышленных предприятий¹. В этих условиях необходимо было наладить работу оставшихся промышленных предприятий, рационально использовать трудовые ресурсы.

В годы войны особое значение приобрело развитие лесной промышленности Карелии, так как фронту, оборонной промышленности, транспорту и стройкам в больших объемах требовались деловая древесина и дрова. Однако положение отрасли к концу 1941 г. было крайне сложным. Из 46 довоенных лесозаготовительных и лесосплавных предприятий на не оккупированной противником территории продолжали свою деятельность только шесть. Основные средства производства лесной промышленности уменьшились на 80 %. В 1942 г. в лесу работали только 15 тракторов и 21 автомашина, что составляло 5 % от довоенного уровня.

Резко сократилась и численность рабочих, составившая к концу 1941 г. немногим более 3 тыс. человек, причем 70 % из них впервые пришли на лесные деяния

ки. Если до войны на лесозаготовительных предприятиях женщины составляли 25 % общей численности рабочих, то в 1942 г. — уже 50—60 %. По сравнению с 1940 г. резко снизилась производительность труда: на заготовке древесины примерно на 60 %, на вывозке — до 70 %. Около 40 % рабочих не могли выполнять плановые нормы выработки. Объем лесозаготовок в 1942 г. по сравнению с 1940 г. сократился более чем в 10 раз².

В конце 1941 — начале 1942 г. паровозный парк Кировской железной дороги перешел с угольного топлива на дровяное, что поставило перед лесной промышленностью республики еще одну сложную задачу. Но, несмотря на огромные трудности, лесная промышленность Карелии смогла ее решить и обеспечить дровяным топливом Кировскую магистраль. Тем самым труженики леса освободили сотни железнодорожных вагонов, необходимых для перевозки угля, и позволили сэкономить тысячи тонн дефицитного топлива, в котором страна в то время очень нуждалась.

Для решения задач по обеспечению фронта древесиной потребовалось расширить производственную базу отрасли и в сложных условиях войны в неосвоенных северо-восточных лесных массивах республики организовать новые предприятия. Так, в зоне железнодорожной линии Сорокская — Обозерская был образован Сумский леспромхоз в составе Маленгского, Колежемского и Вирандозерского лесопунктов.

Труженики леса, подавляющее большинство которых в период войны составляли женщины и молодежь, работали без выходных, по 10—12 часов в сутки. В условиях нехватки техники и преобладания ручного труда они не только выполняли, но и перевыполняли установленные нормы: из года в год, в течение всего военного периода, добивались увеличения заготовки и вывозки древесины. В 1943 г. ее было заготовлено почти в 2 раза больше, чем в 1942 г., а в 1944 г. — более чем в 2 раза по сравнению с 1943 г. Всего за 1941—1945 гг. лесозаготовители Карелии дали стране 5 млн. куб. м леса³.

В борьбе за выполнение плана лесозаготовок республики участвовали колхозники, служащие, коллективы различных предприятий и учреждений. Железнодорожники своими силами обеспечили часть заготовок дров для Кировской железной дороги. В сборе аварийной древесины участвовало большинство трудоспособного населения Карелии. Осенью 1942 г. прошли воскресники по заготовке дров для Москвы.

Существенную роль в развитии экономики в период войны играло социалистическое соревнование. Оно достигло широкого размаха и охватило все отрасли народного хозяйства республики, но прежде всего его ведущую отрасль — лесную промышленность. Участники республиканской конференции молодых лесозаготовителей, которая состоялась 25—26 октября 1943 г. в г. Беломорске, обратились ко всем рабочим лесной промышленности Карелии с призывом развернуть борьбу за выработку 200 дневных норм за 145 рабочих дней осенне-зимнего лесозаготовительного сезона 1943/44 г. (с 1 октября 1943 г. по 1 апреля 1944 г.). Выработка 200 норм в сезон означала, что каждый рабочий должен выполнять производственное задание ежедневно не менее чем на 137 %. Этот почин нашел отклик — уже в декабре 1943 г. в соревнование за выработку 200 норм вступило 1 500 рабочих. Широкий размах получило создание комсомольско-молодежных бригад: на 1 октября 1943 г. их насчитывалось 35, в конце осенне-зимнего сезона 1943/44 г. — 168, в осенне-зимний сезон 1944/45 г. — уже 386⁴.

Стремление молодежи работать с максимальной отдачей нашло свое отражение в движении комсомольско-молодежных бригад за присвоение звания «фронтовых». Это звание присваивалось бригадам, систематически выполнявшим дневные нормы выработки на 150 % и более. За годы войны ЦК ЛКСМ и Наркомлес республики присвоили почетное звание «фронтовых» 121 бригаде, в том числе бригадам Анны Тарасовой и Матрены Лангуевой (Чупинский леспромхоз), Татьяны Махониной (Сумский леспромхоз) и др. 124 молодых рабочих удостоились звания «Лучший лесоруб Карело-Финской ССР»⁵.

Одним из зачинателей движения передовиков производства в лесной промышленности стал депутат Верховного Совета СССР Петр Готчиев. В течение двух месяцев он обучил профессии лесоруба 45 молодых рабочих. Среди его учеников оказалась Анна Фомина, карелка из Пряжинского района. Она в короткий срок овладела нелегкой профессией лесоруба и стала перевыполнять нормы выработки в 2—3 раза. Бригаде А. Фоминой было присвоено звание «фронтowej», а сама она за самоотверженную работу удостоена ордена Ленина и звания «Лучший лесоруб Карело-Финской ССР»⁶.

В годы войны в лесной промышленности республики широкое распространение получили фронтовые месячники. Инициаторами первого фронтового месячника в ознаменование боевых успехов Красной Армии в Сталинградской битве выступили бригадиры-новаторы Петр Готчиев, Анна Фомина, Алина Корхонен, Лаури Кяркяйнен, Маркиан Зуев. Объявленный с 20 января 1943 г. фронтовой месячник поддержали многие лесорубы и возчики, которые перевыполнили месячное задание более чем в 2 раза. Такие фронтовые месячники проводились и в последующий период войны.

Большую роль в годы Великой Отечественной войны играла деревообрабатывающая промышленность Карелии. Перестройка работы ее предприятий велась с учетом запросов фронта. Уже в конце 1941 — начале 1942 г. лесозаводы освоили производство свыше 40 видов военной продукции: винтовочных и автоматных лож, стандартных домиков (теплушек), лыж, ящиков для артиллерийских снарядов и др. Только в 1942 г. лесозаводы республики отправили на Карельский и другие фронты свыше 1 млн. корпусов для противотанковых и противопехотных мин и ящиков для артиллерийских снарядов. Весомый вклад в работу отрасли внесли организаторы выпуска военной продукции: секретарь ЦК КП(б) КФССР П. В. Соляков, секретарь Беломорского горкома партии Н. А. Дильденкин, управляющий трестом «Карелдрев» А. М. Кутиков, директор Беломорского лесозавода С. П. Попов и главный инженер П. И. Пребышевский, директор Кемского лесозавода А. Я. Дроздов и др.⁷

Рабочие лесозаводов трудились не считаясь со временем, многие из них ежедневно перевыполняли нормы выработки. Станочница-фрезеровщица Беломорского лесозавода А. И. Конечная обслуживала одновременно три станка и ежедневно вырабатывала полторы-две нормы при высоком качестве продукции. Станочница этого предприятия С. С. Усова, жена фронтовика и мать троих детей, при выполнении важного оборонного задания давала по три нормы за смену. 60 лучших рабочих завода за самоотверженный труд были награждены орденами и медалями Советского Союза⁸. Коллектив завода дважды за годы войны завоевывал переходящее Красное Знамя ВЦСПС и Наркомлеса Союза ССР.

Что касается целлюлозно-бумажной промышленности республики, то в период войны на не оккупированной противником территории она была практически свернута. Оборудование целлюлозно-бумажных комбинатов с Карельского перешейка и из Северного Приладожья, а также Кондопожского ЦБК в основном удалось эвакуировать в тыловые районы страны.

Большая часть оборудования Сегежского ЦБК также была демонтирована и вывезена на восток, а предприятие перешло на выпуск военной продукции. После стабилизации ситуации на Карельском фронте к концу 1941 — началу 1942 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 22 октября 1942 г. приняли решение о восстановлении первой очереди комбината к апрелю 1943 г. Строительно-монтажные работы велись в тяжелых условиях зимы 1942/43 г. при острой нехватке квалифицированной рабочей силы и специалистов, но первую очередь комбината удалось пустить в срок⁹. Однако полностью восстановить предприятие удалось только после окончания войны.

Самоотверженно работали в годы войны труженики и других отраслей народного хозяйства республики. Рыбная промышленность Карелии в связи с военными действиями временно потеряла богатые промысловые районы (Финский залив, Ладожское озеро, Сегозеро и др.). В 2 раза сократилось число предприятий отрасли и рыболовецких колхозов. В сентябре 1941 г., когда над Петрозаводском нависла угроза оккупации, Наркомат рыбной промышленности был вынужден перебазироваться в Пудожский район (Шальский рыбозавод, в устье реки Водлы). Здесь же первоначально был сосредоточен и весь рыболовный флот Карелии.

Однако обстановка на фронте продолжала усложняться, к тому же флот мог оказаться замороженным во льдах в зимнее время, поэтому было принято решение часть судов самоходного флота направить из Онежского озера через Беломорско-Балтийский канал в Белое море. Первый отряд, возглавляемый С. М. Ломовым, имел задачу выяснить возможность перехода флота по каналу и подготовить в Беломорске опорный пункт для размещения Наркомата рыбной промышленности. Второй отряд, возглавляемый начальником производственного отдела наркомата А. С. Гашковым, также дошел до Беломорска без потерь. Последняя группа судов вышла из Шалы 27 октября 1941 г. Этому отряду пришлось пробираться по северной части канала уже через льды. В пути следования суда обшили стальными листами, а последний участок пути был пройден с помощью ледокола, пришедшего из Архангельска. В Беломорск переехала и основная группа сотрудников Наркомата рыбной промышленности¹⁰.

В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 6 ноября 1941 г. о военнизации рыболовного флота страны система рыбной промышленности республики была переведена на военное положение. В марте 1942 г. создается военизированная флотилия Наркомата рыбной промышленности Карелии, начальником которой был назначен нарком рыбной промышленности В. К. Саккеус.

Флотилия действовала тремя дивизионами: первый (командир В. К. Саккеус) — в бассейне Белого моря (база — Беломорск); второй (командиры — Н. Д. Носов и А. З. Алешин) — в бассейнах Онежского озера, Водлозера и других озер (база — Пудож); третий (командиры — С. М. Ломов и М. М. Морозов) — в бассейне Баренцева моря (база — Териберка). Дивизионы подразделялись на отряды. Командирами и комиссарами отрядов флотилии являлись Ф. М. Морозов, Н. К. Кутчиев, П. В. Редькин, Ф. З. Миронов, С. С. Гашков и др.¹¹

Большинство рыбаков в начальный период войны ушло в армию, а их место заняли женщины. Одной из первых пришла на морской промысел рыбачка колхоза «Беломор» (с. Нюхча) М. А. Предина. Ее примеру последовали колхозницы А. П. Постникова и Т. И. Смагина из рыболовецкой артели «Океан» (с. Сухое). По-ударному трудились на мотоботах А. Е. Кононова из колхоза «Заря Севера» (с. Колежма), М. В. Суворова из колхоза «Волна» (с. Шижня), М. П. Зарубина и А. П. Осипова из колхоза «Выг» (с. Выгозеро) и многие другие¹².

В начале 1942 г. руководством страны было разрешено возвратить в республику карельских рыбаков, эвакуированных в Архангельскую и Вологодскую области. По решению правительства СССР и Военного совета Карельского фронта в отряды военизированной флотилии возвратили рыбаков из воинских частей. Все эти меры позволили стабилизировать кадровый состав рыбаков и значительно увеличить вылов рыбы в военный период.

В начале войны карельские рыбаки промышляли в Белом море, весной 1942 г. флот был переведен в Баренцево море. На Баренцевом море родилось соревнование за вылов на каждого рыбака по 1 тыс. пудов рыбы за сезон. В нем отличилась бригада Н. М. Немчинова, звено А. Н. Ефремовой и другие, давшие по 1 400—1 500 пудов на человека. Многие рыболовецкие колхозы перевыполняли плановые задания в 2—3 раза.

Однако главной базой добычи рыбы в военный период по-прежнему оставалось Белое море. Несмотря на тяжелые военные условия, улов рыбы не уменьшился по сравнению с довоенными годами. Особенно удачной на Белом море была суровая зима 1941/42 г., когда подошли массовые косяки полярной трески (сайки). Эта рыба заходит в Белое море крайне редко, с большими промежутками, иногда через несколько десятков лет. Более 12 тыс. ц рыбы, в том числе полярной

трески, выловили рыбаки за зимний период 1941/42 г., что стало значительной помощью Красной Армии.

Рыбаки Карелии в течение всех лет войны мужественно, часто под бомбежками вражеской авиации, осуществляли лов рыбы. Выполнив план 1942 г. более чем на 150 %, они дали стране и фронту сверх задания тысячи центнеров продукции. Всего за три года войны рыбаки республики выловили 190 400 ц рыбы, 123 270 ц из них передали воинам Карельского фронта¹³. Зимой 1943 г. из Карелии были отправлены тысячи центнеров рыбы в блокадный Ленинград. Добыча рыбы на одного рыбака увеличилась в республике с 25,1 ц в 1941 г. до 59,8 ц в 1943 г.¹⁴

В народном хозяйстве Карелии военного времени важное место занимали промышленность строительных материалов, местная промышленность и промкооперация. В период войны для удовлетворения потребностей фронта в строительных материалах, слюде и керамическом сырье потребовалось создать новые и восстановить старые предприятия промышленности строительных материалов республики. В IV квартале 1942 г. данная отрасль дала в 7 раз больше продукции, чем в I квартале того же года. Выполняя задания ГКО, промышленность строительных материалов Карелии поставляла работавшим на оборону предприятиям страны слюду, пегматит и полевой шпат. С 1942 по 1944 г. объем промышленного производства названного сырья возрос почти в 2 раза. Однако в целом по промышленности строительных материалов объемы производства к концу войны по сравнению с довоенным уровнем резко сократились: в 1945 г. кирпича было произведено 5,4 млн. штук, тогда как в 1940 г. — 24,9 млн. штук, строительной извести соответственно — 1,9 тыс. т и 6,6 тыс. т¹⁵.

Перестраивали свою работу на выпуск продукции для фронта предприятия местной промышленности и артели промкооперации. Предприятия местной промышленности Карелии с первых недель войны стали выпускать саперный инструмент, армейские кухни, котелки, крепления для лыж, печи-временки и другую продукцию.

К ноябрю 1941 г. в составе Совета промысловой кооперации (Промсовета) КФССР насчитывалось 18 действующих предприятий: 7 деревообрабатывающих, 3 швейных, 1 металлообрабатывающее, 7 многопромысловых¹⁶. Часть из них осталась на неоккупированной территории республики, другая эвакуировалась в Архангельскую, Молотовскую (ныне — Пермскую), Кировскую и другие области.

Швейные предприятия Промсовета приняли необходимые меры для расширения пошива и ремонта белья и одежды для Красной Армии. С этой целью они активно привлекали к работе надомников из числа домашних хозяек. Беломорский, Кемский и Пудожский разнотропкомбинаты начали изготовление для воинских частей полушубков, маскхалатов, ватных фуфаяк и брюк, вещевых мешков, патронташей, капотов к автомашинам, лыжных креплений, сумок для гранат и другой продукции¹⁷.

В годы Великой Отечественной войны большую роль в экономике Северо-Западного региона страны играла Кировская железная дорога. Железнодорожники магистрали в сложный военный период проявили патриотизм и мужество. Условия, в которых им приходилось работать, оказались чрезвычайно сложными: дорога проходила вдоль линии Карельского фронта, причем в некоторых местах в непосредственной близости от нее (в районе Лоухи — 30 км). Пытаясь

во что бы то ни стало парализовать магистраль, вражеская авиация беспрерывно бомбила железнодорожные станции, перегоны и мосты. Диверсионные группы врага, пользуясь тем, что дорога проходила по малонаселенной и лесистой местности близко от фронта, совершали налеты на разъезды, закладывали мины под железнодорожное полотно. Железнодорожники проявляли мужество, находчивость и умение, чтобы перевозить под бомбежками составы, обезвреживать мины и неразорвавшиеся бомбы, быстро восстанавливать разрушенные участки железнодорожного пути.

Большое значение в годы войны приобрела станция Лоухи, которая непосредственно обслуживала кестеньгское направление Карельского фронта. Командующий Карельским фронтом К. А. Мерецков в своих воспоминаниях писал: «Гитлеровское командование перебросило сюда значительные силы авиации, чтобы мощными бомбардировками сломить стойкость защитников станции Лоухи, однако все было напрасно. К осени 1941 г. немцы и финны перешли к обороне. Когда я приехал в Лоухи (в начале 1944 г. — С. В.), мне рассказали об одном любопытном эпизоде. В начале 1942 г. во время налета вражеской авиации был сбит немецкий бомбардировщик, а летчик, выбросившийся на парашюте, взят в плен. На допросе он развязно заявил (тогда еще немецкие пленные вели себя нагло и вызывающе), что ему, между прочим, довелось в своей жизни бомбить три “Л”, игравшие важную роль во Второй мировой войне: Лондон, Ленинград, Лоухи. Этот случай по-своему иллюстрирует то значение, которое придавало фашистское командование станции Лоухи, и те мысли, которые в этой связи внушались действовавшим здесь немецким военным служащим»¹⁸.

В результате систематических и ожесточенных бомбардировок на станции не осталось ни одного неповрежденного здания. Рабочие жили в землянках в лесу, в стороне от линии дороги, проявляя трудовой героизм и мужество. Умело руководил работой начальник станции Лоухи П. М. Васильев. Так, 11 ноября 1941 г. он под бомбами противника спас 22 цистерны с горючим, получив при этом серьезные ожоги¹⁹.

В феврале 1942 г. была подвергнута сильной бомбардировке с воздуха станция Энгозеро. Противник разрушил все станционные пути, вывел из строя связь. Прямым попаданием были разбиты несколько вагонов ремонтников. Однако, несмотря на продолжающийся налет, начальник ремонтной колонны С. С. Батанов сумел организовать всех рабочих на быстрое восстановление разрушенного железнодорожного пути. Он был восстановлен всего за несколько часов, и движение поездов на этом участке магистрали было обеспечено.

Ликвидацией последствий бомбардировок на Кировской железной дороге занимались специальные восстановительные поезда, которые по первому требованию направлялись на устранение повреждений железнодорожного пути. На наиболее опасных участках магистрали график движения поездов составлялся так, чтобы максимально использовать для работы ночное время.

Активно работала в годы войны железнодорожная ветка Сорокская — Обозерская, которая соединяла Кировскую и Северную железные дороги и обеспечивала поставки грузов союзников из Мурманска в регионы Советского Союза. Во второй половине декабря 1941 г., направляясь из Лондона через Мурманск в Москву, по этой линии проехал министр иностранных дел Великобритании А. Иден. Он сделал остановку на станции Малошуйская и встретился с железнодорожниками.

Как вспоминают ветераны-железнодорожники С. Ф. Харитонов и Ю. К. Звягин, «его (Идена. — С. В.) интересовало буквально все — содержимое пайка рабочих, наши семьи, налеты вражеской авиации, размеры разрушений. Но неизменно разговор возвращался к самой линии Сорокская — Обозерская. Он не мог понять, откуда взялась эта линия, не обозначенная ни на одной карте. Спросил, когда и за сколько времени ее построили. Мы ответили. Иден остановился, подумал и, обращаясь к генералу Кларку, сказал: “Темп”. Возвратившись в Лондон и делясь впечатлениями о поездке, А. Иден, в частности, заявил своим соотечественникам: “...из своего собственного опыта я могу сказать, что Геббельс ошибается — железная дорога в полном порядке, не повреждена и работает гладко, хорошо”»²⁰.

Выполняя поставленные задачи, железнодорожники Кировской магистрали в период Великой Отечественной войны неоднократно завоевывали первенство во Всесоюзном соревновании. Четыре лучших железнодорожника — машинист депо станции Кемь Иван Петрович Першукевич, диспетчер Масельгского отделения Евгений Ильич Меккелев, стрелочница станции Алакуртти Анна Петровна Жаркова и начальник Кировской железной дороги Павел Николаевич Гарцуев — удостоились звания Героя Социалистического Труда, а 618 передовиков — орденов и медалей Советского Союза. Умелым руководителем магистрали в военный период проявил себя заместитель начальника Кировской железной дороги Вольдемар Матвеевич Виролайнен, который в послевоенные годы возглавил правительство республики.

В тяжелом положении в военный период оказались предприятия связи. Из-за потери большей части территории Карелии, а также в результате военно-мобилизационных мероприятий их количество резко сократилось. Так, в 1945 г. насчитывалось всего 285 предприятий связи (почта, телефон, телеграф) по сравнению с 346, имевшимися к началу войны. Число радиоточек сократилось с 26 тыс. до 12 тыс.; радиоприемников — с 1 тыс. до 200; телефонов (в городской и сельской местности) — с 7,2 тыс. до 5,5 тыс.²¹

Особенно сложные задачи в годы войны пришлось решать труженикам сельского хозяйства Карелии. Финские войска оккупировали южные районы республики с наиболее развитым сельским хозяйством. Из 1 443 колхозов, насчитывавшихся до войны, вне зоны оккупации осталось лишь 133, из 43 МТС и 710 тракторов — соответственно 7 и 145. Упали все количественные и качественные показатели сельскохозяйственного производства. Если в 1940 г. посевная площадь составляла 109,6 тыс. га, то в 1942 г. — лишь 13 тыс. га²². поголовье скота сократилось в несколько раз и весной 1942 г. составляло только 5—10 % довоенного уровня. Колхозы и совхозы испытывали острый недостаток в семенах и сельскохозяйственных машинах.

Сельское хозяйство лишилось основной массы кадров механизаторов, что особенно тяжело отразилось на состоянии дел в колхозах в первый период войны. К 1942 г. в них насчитывалось всего около 3 тыс. трудоспособных, из них 2,5 тыс. составляли женщины²³. Они возглавили многие колхозы, фермы, бригады, звенья. Так, Агния Ивановна Клевина заменила ушедшего на фронт председателя колхоза «Возрождение» (Беломорский район). Благодаря неутомимому труду А. И. Клевиной и ее помощников — бригадиров Т. И. Батировой и Т. Г. Воробьевой, колхоз вышел в число передовых хозяйств в республике. Успешно руководили колхозами Ирина Павловна Фомина («Парижская коммуна», Пудожский

район), Зоя Николаевна Чупиева («Океан», Беломорский район), Федосия Лукьяновна Сидорова («Красная звезда», Лоухский район), Александра Ивановна Шилова (им. Калинина, Пудожский район)²⁴.

В экстремальных условиях Великой Отечественной войны развитие сельского хозяйства во многом зависело от умелой его организации. Однако в первые месяцы войны Наркомат земледелия республики и райкомы партии не сумели перестроить работу в соответствии с новыми военными условиями. Ни одно из плановых заданий первого года войны выполнено не было. Деятельность Наркомата земледелия была подвергнута острой критике на пленуме ЦК КП(б) КФССР (июль 1942 г.) и на третьей сессии Верховного Совета республики (февраль 1943 г.). Принятые на них документы определили конкретные меры помощи колхозам. Так, в 1943 г. во время проведения весеннего сева ЦК КП(б) и СНК КФССР направили в колхозы более 50 уполномоченных, 130 коммунистов осуществляли агитационно-массовую работу среди колхозников²⁵. Большую роль в преодолении трудностей в сельском хозяйстве сыграли чрезвычайные органы — политотделы МТС и совхозов, созданные в Карелии, как и по всей стране, в соответствии с решениями ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1941 г. «Об организации политотделов в МТС и совхозах»^{*}.

В целях укрепления дисциплины и своевременного проведения всех сельскохозяйственных работ СНК СССР и ЦК ВКП(б) в апреле 1942 г. приняли постановление «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней»²⁶. Впервые этот минимум распространялся и на подростков 12—16 лет. К концу этого года все колхозники республики выполнили обязательный минимум трудодней, а более половины — свыше двух минимумов. В 1945 г. выработка на одну женщину-колхозницу составила 247 трудодней, или два с половиной минимума²⁷.

Надо отметить, что выполнение минимума трудодней в военный период обеспечивалось не только высокой отдачей тружеников села, но и принудительными мерами. Председатели правлений колхозов и бригадиры должны были передавать суду тех колхозников, которые без уважительных причин не выполняли минимума трудодней, а в случае сокрытия этих фактов сами несли судебную ответственность.

В тяжелых военных условиях колхозникам часто приходилось проявлять смекалку и инициативу. Не хватало лошадей, и на полевых работах в качестве тягла стали использовать крупный рогатый скот (быков и яловых коров). При этом следует иметь в виду, что колхозы, выполняя план по пахоте, проигрывали на молоке.

Примеры инициативы колхозников приводит в своих воспоминаниях нарком земледелия республики в годы Великой Отечественной войны И. А. Миронов: «Колхозы увеличили план посадки картофеля и овощей. Но при этом встал вопрос — где взять семена? В качестве посадочного материала стали применять не целые клубни картофеля, а лишь верхушки: крупные клубни резали на несколько частей по количеству ростков. Картофелепосадочных машин было мало, а посадка картофеля требовала много рабочих рук, тем более что десятки гектаров надо было засеивать не цельными клубнями, а их верхушками. Специалисты Пудожской МТС применили новый оригинальный способ посадки: про-

^{*} В 1943 г., в условиях коренного перелома в войне, необходимость в политотделах как чрезвычайных органах отпала, и в мае 1943 г. ЦК ВКП(б) принял решение о их ликвидации.

изводили маркировку поля, потом по линии, проложенной маркером, раскладывали клубни или верхушки клубней и заделывали их тракторным окучником. Окучивание и междурядную обработку производили тоже тракторным окучником. Это небольшое рационализаторское приспособление сокращало потребность в рабочей силе, давало возможность лучше обрабатывать поля, способствовало повышению урожайности²⁸.

Не умаляя роль совхозов и колхозов, которые обеспечивали основные поставки продовольствия на фронт, следует отметить, что в военный период возросло значение индивидуальных подсобных хозяйств колхозников и рабочих совхозов. Так, если общая посевная площадь зерновых культур в Карелии к 1945 г. по сравнению с 1940 г. уменьшилась с 43,4 тыс. до 27,9 тыс. га (совхозов — с 3,6 тыс. до 2,2 тыс. га; колхозов — с 39,5 тыс. до 25,2 тыс. га), то посевная площадь личных подсобных хозяйств за эти же годы увеличилась — с 0,3 тыс. до 0,5 тыс. га²⁹. То же самое можно сказать и о посевной площади под овощные культуры: в целом по республике с 1940 по 1945 г. она уменьшилась с 1,4 тыс. до 1,2 тыс. га, тогда как в личных подсобных хозяйствах за этот же период произошел рост с 0,1 тыс. до 0,3 тыс. га³⁰. Продукция личных подсобных хозяйств не только помогла многим колхозникам Карелии выжить в тяжелый военный период, но и направить часть продовольствия в действующую армию.

Как уже отмечалось ранее, большая часть предприятий, колхозов и совхозов Карелии в июле — сентябре 1941 г., в период отступления Красной Армии, была эвакуирована в тыловые районы страны — прежде всего в Архангельскую и Вологодскую области, центральные районы России, а также на Урал и в Сибирь.

Флагман карельской индустрии — Онежский машиностроительный и металлургический завод начал эвакуацию в Красноярск в июле 1941 г., а уже в октябре он произвел и отправил на фронт первую партию артиллерийских снарядов. За самоотверженный труд коллективу завода в период войны неоднократно присуждалось Красное знамя ГКО³¹. Главный энергетик Онежского завода, депутат Верховного Совета республики А. Н. Брызгалов, выступая на третьей сессии Верховного Совета КФССР 14 февраля 1943 г., говорил о работе предприятия в эвакуации: «Ведя упорную работу на трудовом фронте, мы с неослабеваемым вниманием следим за продвижением нашей доблестной Красной Армии. На каждую крупную победу на фронте стахановцы предприятия отвечают новыми производственными победами — индивидуальными и коллективными. Так, например, в ответ на успешное действие на Сталинградском фронте целая смена прессошников установила невиданный в истории нашего предприятия рекорд штамповки, дав 220 % сменного плана. Для этого на рабочие места встали все мастера, бригадиры и организовали работу так, что штамповка шла ни на минуту не останавливающимся потоком»³².

В 1944 г. объем производства продукции на предприятии увеличился в 7 раз по сравнению с довоенным. В годы Великой Отечественной войны коллектив Онежского завода (в Красноярске он работал под № 863) дал сверх плана сотни вагонов боеприпасов. Как пишет в своих воспоминаниях председатель СНК КФССР П. С. Прокконен, «не было случая, чтобы завод в течение всех лет войны не перевыполнил напряженный план выпуска боеприпасов»³³.

Коллектив завода, находясь в глубоком тылу, принимал активное участие в патриотических движениях в помощь фронту. Рабочие и служащие вносили сред-

тва на постройку танковой колонны «Красноярский рабочий», перечисляли деньги на приобретение новогодних подарков для бойцов Красной Армии. В течение всех лет эвакуации коллектив Онежского завода шефствовал над госпиталем, находившемся в школе № 36 г. Красноярска³⁴.

Раньше установленного срока и в больших объемах начала производство в г. Кирове эвакуированная сюда Петрозаводская лыжная фабрика. Активно работали в тылу и другие эвакуированные из Карелии предприятия.

После стабилизации линии Карельского фронта в конце 1941 — начале 1942 г. и в связи с необходимостью расширения производственной деятельности по выполнению военных заказов руководство республики пыталось вернуть ряд эвакуированных предприятий на неоккупированную территорию Карелии или в Северо-Западный регион РСФСР (Архангельскую и Вологодскую области). Однако оно не всегда находило понимание со стороны местных партийных и советских органов. Более того, часть эвакуированных предприятий не была восстановлена на новых местах, а прибывшее из Карелии оборудование, несмотря на протесты руководства республики, передано местным промышленным предприятиям и организациям.

Особенно это было характерно для предприятий системы Промсовета КФССР. В июле — августе 1941 г. многие из них были эвакуированы в Кировскую, Молотовскую (ныне Пермскую) и другие области. 12 мая 1942 г. ГКО СССР принял постановление № 1732, в котором были определены большие задачи по подготовке зимнего обмундирования для нужд Карельского фронта на территории КФССР, возложив их выполнение на Промсовет республики. Когда руководство Карелии направляло ходатайства в Кировский, Молотовский и другие обкомполкомы с просьбой о возврате оборудования и рабочего состава предприятий

Промсовета на его основную базу — станцию Емцы Северной железной дороги (Архангельская область), то оно, как правило, получало отказ³⁵.

Все это вынуждало председателя СНК КФССР П. С. Прокконена неоднократно в течение 1942—1943 гг. обращаться с просьбами в правительство СССР, к заместителю председателя СНК А. Н. Косыгину. Так, 14 июня 1942 г. Прокконен писал: «В августе 1941 г. в г. Молотов было эвакуировано оборудование швейной и трикотажной фабрик г. Выборга и швейно-трикотажной мастерской г. Сортавала вместе с личным составом, входившим в систему Промсовета КФССР. Несмотря на все наши обращения, Молотовский облсовет не счел нужным восстановить предприятия, отобрал оборудование и распределил его среди различных организаций, нарушив его целостность. Часть оборудования до последнего времени не использовалась (находилось на складах). СНК КФССР просит дать распоряжение Молотовскому облисполкому о немедленном возврате оборудования фабрик, что позволит выполнить задачи, возложенные на Промсовет КФССР»³⁶. Только после вмешательства центра оборудование и рабочий состав эвакуированных предприятий Промсовета республики, хотя и не полностью, был возвращен из Молотовской и других областей в Карелию и на основную базу Промсовета в период войны — станцию Емцы Архангельской области.

Перестройка экономики республики на военный лад, эвакуация населения и предприятий в восточные районы страны, организация оборонительных работ летом и осенью 1941 г. и другие мероприятия требовали необходимого финансового обеспечения. От финансовой политики правительства Карелии во многом зависело развитие экономики в военный период, успешность работы тыла, бесперебойное снабжение фронта всем необходимым. Однако доходы бюджета республики летом 1941 г. резко сократились. Значительно уменьшились объемы розничного товарооборота, а вместе с ними и поступления в бюджет налога с оборота. Резко сократилось число промышленных предприятий, что повлекло за собой прекращение платежей в бюджет. Налоги с населения упали до самых низких показателей в связи с эвакуацией³⁷.

Военные условия заставили принять экстренные меры по пополнению бюджета. Были введены новые налоги и сборы с населения. Их доля в республиканском бюджете выросла с 7,3 до 17 % и более в годы войны. В ноябре 1941 г. был введен налог на холостяков, одиноких и бездетных граждан, с 1 января 1942 г. — специальный военный налог. Кроме того, были пересмотрены ставки действующих налогов в сторону увеличения³⁸. Но введение государством этих чрезвычайных мер по финансовому обеспечению экономики полностью не решало проблему. В годы войны возникла острая необходимость поиска новых источников финансирования экономики. Одним из важнейших путей пополнения бюджета стали средства населения.

Трудящиеся Карелии горячо подхватили инициативу передовых рабочих Москвы и других крупных промышленных центров страны по добровольному сбору личных средств в Фонд обороны страны. Рабочие и служащие ежемесячно вносили в него часть заработка, сбережения, драгоценности, облигации государственных займов.

Республиканская газета «Ленинское знамя» в конце июля 1941 г. писала: «Ежедневно в Карело-Финскую контору Государственного банка поступают от населения драгоценности, деньги, облигации в Фонд обороны нашей Родины.

В Наркомфин СССР конторой Государственного банка отправлено 13 посылок с золотыми и серебряными вещами, внесенными в Фонд обороны гражданами Петрозаводска. Сейчас Карело-Финская контора Государственного банка и его отделения открыли специальный счет в Фонд обороны нашей великой Родины, куда идут все поступления»³⁹. В это же время в газете появился раздел «В Фонд обороны Родины», в котором печатались сообщения о добровольных взносах жителей Карелии в Фонд обороны.

Кроме того, рабочие и служащие предприятий и учреждений Карелии ежемесячно вносили в Фонд обороны однодневный и двухдневный заработок. В начале 1942 г. «Ленинское знамя» сообщало: «Работники Петрозаводской городской конторы связи единодушно решили отчислить однодневный заработок в Фонд обороны страны. Рабочие и служащие Госбанка и Наркомфина КФСР приняли решение о ежемесячном отчислении в Фонд обороны однодневного заработка до окончания войны»⁴⁰.

Одновременно с рабочими и служащими Карелии активно включилось в создание Фонда обороны страны и колхозное крестьянство. Понимая, что фронт нуждается не только в вооружении и боеприпасах, но и в продовольствии, труженики села вносили в Фонд обороны как из коллективных хозяйств, так и из личных запасов зерно, мясо, молоко, яйца, ягоды, овощи. Так, несмотря на ограниченные продовольственные ресурсы, только в 1943 г. они сдали в Фонд обороны 730 ц зерна, 404 ц картофеля и овощей, а в 1944 г. — свыше 40 тыс. ц картофеля⁴¹.

Жители Карелии принимали активное участие в подписке на государственные военные займы. Эти займы были одним из важнейших военно-экономических мероприятий государства во время войны. Люди знали, что деньги, полученные от займа, будут направлены на строительство военной техники, так необходимой фронту.

Когда началась Великая Отечественная война, подписка на очередной государственный заем третьей пятилетки уже закончилась. Но уже в первые недели войны было решено провести дополнительную подписку. Чтобы привлечь дополнительные денежные средства на оборону страны в апреле 1942 г., Советское правительство приняло решение о выпуске Государственного военного займа на сумму 10 млрд. руб. сроком на 20 лет⁴². Трудящиеся республики организованно начали осуществлять подписку на военный заем 1942 г.

Эта работа находилась в центре внимания ЦК КП(б) и СНК КФСР. В районы были направлены специальные уполномоченные для оказания помощи местным партийным и советским организациям. Хотя подписка на займы в годы войны являлась делом добровольным, партийные органы использовали и административные методы в осуществлении этой кампании. Так, уполномоченный Карпов в докладной записке на имя председателя СНК КФСР П. С. Прокконена и секретаря ЦК КП(б) П. В. Солякова «О ходе реализации Государственного займа 1942 г. по Пудожскому району» от 20 апреля 1942 г. формулировал предложения по реализации займа: провести в районе закрытые партийные собрания по этому вопросу и добиться 100%-го охвата населения района подпиской на военный заем⁴³.

В свою очередь, ЦК КП(б) КФСР в докладной записке в ЦК ВКП(б) «Об итогах реализации Государственного военного займа 1942 г.» отмечал: сумма подписки на заем среди рабочих и служащих составила 11 млн. 472 тыс. руб., или 109,2 %

к месячному фонду зарплаты и 99,3 % к контрольному заданию без воинских частей; охвачено подпиской 99,7 % общего количества рабочих и служащих по республике; среди колхозников — 510 тыс. руб., или 102 % к контрольному заданию⁴⁴.

Большим вкладом в государственный военный бюджет стали поступления от реализации среди населения билетов денежно-вещевых лотерей. За период войны было проведено четыре таких лотереи, в которых активное участие принимали жители Карелии.

Всего за годы Великой Отечественной войны труженики Карелии внесли в Фонд обороны Родины, по далеко не полным данным, свыше 20 млн. руб. деньгами и около 1 млн. руб. облигациями⁴⁵.

Составной частью общенародного движения за создание Фонда обороны СССР стало патриотическое движение советского народа по сбору средств на вооружение для Красной Армии и Военно-Морского Флота. По инициативе рабочих Беломорского лесозавода и рыбаков-колхозников с. Вирма Беломорского района в Карелии развернулся сбор средств на постройку танковой колонны. «По примеру тамбовских и саратовских колхозников у нас появилось горячее желание создать свою танковую колонну, — писали в своем обращении колхозники артели «Труженик», — сделать все для фронта, все для победы. Мы ничего не пожалеем для того, чтобы помочь Красной Армии скорее очистить советскую землю от немецко-финских захватчиков»⁴⁶. Эти слова беломорских колхозников отражали стремление всего народа Карелии. Сбор средств на танковую колонну проходил в обстановке большого политического и производственного подъема.

Так, 16 января 1943 г. колхозник рыболовецкого колхоза «Путь Ленина» Кемского района С. М. Миронов отправил открытое письмо в ГКО СССР о своем личном вкладе в победу над врагом. Из 50 прожитых лет потомственный помор 40 лет провел в море. В 1942 г. он выловил в Баренцевом море 1 500 пудов рыбы, что в 5 раз превысило сезонный план. С. М. Миронов писал: «Я имею семерых детей. Старший сын Александр бьет немцев в рядах Красной Армии. Второй сын Сергей, 16 лет, помогает мне на промысле. Остальные дети маленькие, трое из них учатся в школе. Работая честно в колхозе, я накопил 10 тыс. руб. Теперь я считаю, что мало помогать Родине одним трудом. Я хочу помочь Родине в тяжелую годину всем, что имею. В Государственный банк на строительство танковой колонны «Карельский колхозник» я перевел все свои сбережения — 10 тыс. рублей»⁴⁷. Охотник колхоза «Путь к свету» Пудожского района А. И. Вирозеров передал в фонд обороны 25 тыс. руб. личных сбережений.

В формировании в годы войны этого важнейшего источника финансирования экономики принимали участие не только отдельные граждане, но и целые коллективы. Так, железнодорожники Кировской магистрали передали в начале 1943 г. на строительство самолетов, танков и бронепоездов 1 млн. 140 тыс. руб.⁴⁸

Свой вклад в финансовое обеспечение экономики Карелии в военный период внесли комсомольцы и молодежь республики. На постройку танковой колонны и эскадрильи самолетов «Комсомолец Карелии» комсомольцы республики собрали 1 165 976 руб. Пионеры и школьники внесли 105 тыс. руб. и 22 500 руб. облигациями на постройку танковой колонны и самолета «Карельский пионер»⁴⁹. 25 апреля 1943 г. на имя первого секретаря ЦК ЛКСМ Ю. В. Андропова пришла телеграмма председателя ГКО СССР И. В. Сталина с выражением благодарности

молодежи республики за работу по сбору средств в помощь Красной Армии. В телеграмме говорилось: «Передайте комсомольцам и молодежи Карело-Финской ССР, собравшим 1 млн. 191 тыс. руб. на строительство вооружения для Красной Армии, мой горячий привет и благодарность Красной Армии»⁵⁰. Средства, собранные населением в военный период, стали важнейшим источником финансирования экономики Карелии.

Одной из наиболее сложных проблем развития народного хозяйства Карелии в военный период являлась нехватка кадров. В связи с войной резко сократилось число рабочих и специалистов, занятых в промышленности, на транспорте и особенно в сельском хозяйстве. На промышленных предприятиях Карелии к концу 1941 г. осталось 40—45 % рабочих кадров от довоенного уровня⁵¹. Правительству республики пришлось принимать срочные меры по пополнению и закреплению рабочей силы в народном хозяйстве. На период войны вводилась трудовая мобилизация населения для проведения первоочередных работ. Женщины, заменив ушедших на фронт мужчин, стали основной силой во всех отраслях народного хозяйства.

Республиканская газета «Молодой большевик» опубликовала обращение 18-летней комсомолки из Медвежьегорска Раисы Власовой «Девушки, будем матросами!». Она писала воинам фронта: «Идите смело в бой, бейте врага, а за тыл не бойтесь, здесь остаемся мы — ваши помощники, ваша смена. Надеемся на нас — не остановятся паровозы, не погаснут домны, по-прежнему по рекам, озерам и морям будут плавать пароходы — идите смело в бой!»⁵². Многие девушки откликнулись на этот призыв комсомолки. Свыше ста девушек овладели профессиями рулевых, кочегаров, матросов и стали работать на судах Беломорско-Онежского пароходства.

Домашняя хозяйка Ксения Козина стала первой женщиной-смотрительницей маяка в Беломорско-Онежском пароходстве, а через некоторое время в пароходстве уже около 40 женщин были заняты на обслуживании маяков и баке-нов⁵³. Летом 1941 г. свыше 750 домохозяек работали на сплаве⁵⁴. «66 студенток Петрозаводского государственного университета трудились на Онежском заводе, 500 девушек занимались на курсах трактористов и шоферов. В с. Ладва Прионежского района в начале июля 1941 г. стала работать школа механизации сельского хозяйства. По путевкам ЦК ЛКСМ республики сюда прибыло 90 девушек. На Ильинском лесозаводе многих квалифицированных рабочих, ушедших на фронт, заменили женщины. Подручные работницы освоили профессию рамщика. На погрузке сырья стали работать женщины-домохозяйки. Несмотря на дефицит рабочей силы, завод не ослабил темпов производства, выполнил полу-годовой план почти на 150 %»⁵⁵.

К концу войны в лесной промышленности Карелии среди рабочих женщины составляли 76 %, на рыбных промыслах — 52 %. Важнейшим и мобильным трудовым резервом экономики в военный период стали молодежь и подростки. За годы войны нижний возрастной предел рабочих был снижен с 16 до 14 лет, а в сельском хозяйстве — до 12 лет. Такими чрезвычайными мерами в военный период решали проблему пополнения трудовых ресурсов для экономики республики.

Одной из важнейших задач по обеспечению функционирования экономики в период Великой Отечественной войны стала подготовка новых рабочих кадров, которые пришли во все отрасли народного хозяйства. На предприятия рес-

публики в годы войны было принято свыше 5 тыс. молодых рабочих, в том числе 2 тыс. студентов вузов и учащихся средних учебных заведений; 2 329 юношей и девушек прибыли на производство по путевкам комсомола⁵⁶.

От привлеченных на производство недостаточно квалифицированных работников требовалось быстрое овладение сложными профессиями и повышение квалификации. На предприятиях республики развернулось обучение новых кадров. Большинство школ ФЗО и ремесленных училищ в период войны оказались в эвакуации, поэтому новое пополнение проходило обучение на различных курсах, в школах передового труда (стахановских школах). Действенным средством обучения молодых рабочих в годы войны стало привлечение к этому процессу старых опытных кадров. Ветераны помогали молодежи в кратчайшие сроки овладеть сложнейшими профессиями, выполнять и перевыполнять производственные задания.

Особенно острой была проблема обеспечения квалифицированной рабочей силой предприятий лесной промышленности. Так, на 1 ноября 1942 г. вместо необходимых 4 840 рабочих в наличии имелось лишь 3 400. В осенне-зимний период 1943/44 г. республике предстояло дать леса в 3 раза больше, чем в 1942 г., при обеспеченности рабочей силой лишь на 60 %⁵⁷. Кроме того, в лес пришли женщины и молодежь, не знакомые с производственными процессами. Наблюдалась большая текучесть рабочей силы. В течение 1944 г., например, на предприятия прибыло 12 076 новых рабочих, а убыло 12 595⁵⁸. Несмотря на эти трудности, руководство отрасли сумело в короткий срок организовать обучение нескольких тысяч рабочих для лесной промышленности. Только в течение 1942 г. получили или повысили квалификацию более 80 % рабочих путем индивидуального, бригадного обучения и краткосрочных курсов. Кроме того, все вновь прибывшие рабочие в течение 15—20 дней знакомились с приемами работы на лесозаготовках. Все это позволило в определенной мере разрешить сложную проблему кадров.

Раскрывая проблему развития экономики Карелии в военный период, нельзя не остановиться на вопросе об уровне жизни населения. В условиях Великой Отечественной войны произошло резкое снижение уровня жизни населения, сократилось производство товаров народного потребления, значительно уменьшился розничный товарооборот государственной и кооперативной торговли, ухудшилось продовольственное снабжение населения. В первые месяцы войны в стране была введена карточная система на хлеб и другие продовольственные товары. Чрезвычайно серьезной в условиях Севера стала проблема снабжения населения продовольствием.

Партийные, советские и профсоюзные организации республики провели большую работу по организации системы снабжения жителей продуктами питания, распределения хлеба по карточкам. В то же время, понимая, что государство не сможет решить проблему с продовольствием в годы войны, были приняты меры по развитию подсобных хозяйств при промышленных предприятиях, созданию коллективных огородов рабочих и служащих, сбору грибов и ягод, отстрелу лосей и ловле рыбы, изготовлению хвойного настоя, богатого витамином С.

В период войны подсобные хозяйства промышленных предприятий и организаций стали играть существенную роль в обеспечении рабочих и служащих продовольствием. Только за первый военный год их число в республике возросло

в 8 раз. К лету 1942 г. насчитывалось 237 подсобных хозяйств, при этом посевная площадь увеличилась более чем в 5 раз и составила 1 300 га. В докладной записке на имя зам. председателя СНК СССР А. И. Микояна «Итоги работы подсобных хозяйств КФССР за 1942 г.» отмечалось, что в 1942 г. от подсобных хозяйств было получено 713 ц зерновых, 11 932 ц картофеля, 13 797 ц овощей; в них имелось 446 голов крупного рогатого скота и 1 189 голов свиней⁵⁹.

Подсобные хозяйства республики увеличивали темпы своего развития весь военный период. Посевная площадь их, например, в 1943 г. возросла по сравнению с 1942 г. более чем на 40 %, а сбор картофеля и овощей — почти в 2 раза; количество коллективных и индивидуальных огородов увеличилось в 3 раза⁶⁰.

В рационе питания жителей Карелии всегда большое место занимала рыба. В условиях войны она становилась важнейшим источником общественного питания. В этой связи в районах республики при многих предприятиях и организациях (Сегежский ЦБК, ОРС при БОПе, Карелфинпотребсоюз и др.) были организованы подсобные рыболовецкие хозяйства и райрыбхозы. Только за первый год войны их число возросло в 3 раза по сравнению с довоенным периодом. В 1942 г. 16 рыболовецких подсобных хозяйств выловили 674 т рыбы⁶¹.

Все эти предпринятые в военный период меры пополняли источники общественного питания, однако не могли полностью решить проблему продовольствия. Суровые условия Севера, скудный продовольственный паек военного времени не могли не сказаться на здоровье населения республики: росло количество заболеваний, связанных с недоеданием и голодом, увеличивалась смертность, особенно среди детей, упала рождаемость.

Приходилось искать и использовать все возможные в тот период источники питания. Для повышения качества питания был организован сбор ягод и грибов, установлена норма для каждого работника: собрать не менее 20 кг грибов и 10 кг ягод на человека в год. По Карелии только в 1942 г. было заготовлено 275,5 т грибов (в том числе сухих 2,931 кг) и 260 т ягод⁶². Ягоды и грибы сдавались в общий фонд торговым организациям и столовым. Так накапливались тысячи тонн полезных продуктов. Использовали также щавель, крапиву, морскую капусту. Наряду с этим в течение войны проводился сбор лекарственных растений и хвой. Специализированные предприятия изготавливали витаминный настой из хвойной лапки, который выдавался в каждой столовой, что в значительной мере предупредило заболеваемость населения цингой.

В период войны для пополнения продовольственных запасов республики также широко использовали отстрел лосей и дичи. Только в 1942 г. охотники сдали государству 104,9 т лосиного мяса и 3 327 штук дичи⁶³.

Среди всего населения республики в наиболее сложном положении оказались семьи фронтовиков, инвалиды и дети-сироты. Труженики Карелии вместе со всем советским народом на протяжении всех лет войны оказывали им всевозможную помощь. Значительная часть помощи семьям фронтовиков шла из общественных фондов, созданных в военный период по инициативе самого населения. Такие фонды образовывались из различных добровольных поступлений и отчислений организаций, обществ, а также отдельных лиц. Так, в справке Военного отдела ЦК КП(б) республики «Об итогах проведения декады помощи семьям военнослужащих и партизан» от 13 апреля 1943 г. отмечалось, что в марте 1943 г. жители

республики внесли из своих сбережений в Фонд помощи семьям фронтовиков 362 500 руб. наличными и свыше 197 625 руб. облигациями государственных займов. Из этой суммы была оказана помощь 623 семьям в сумме 71 030 руб.⁶⁴

В годы войны в Карелии, как и по всей стране, проводились недели, декады, месячники помощи семьям фронтовиков. В них участвовали предприятия и учреждения, колхозы и совхозы, различные организации и отдельные граждане. Так, в период с 10 по 20 марта 1943 г. в республике проводилась декада помощи семьям фронтовиков и партизан. Обследование 9949 семей позволило выявить нуждаемость людей в предоставлении и ремонте жилья, устройстве трудоспособных на работу, а детей в детские учреждения, обеспечении продовольствием, одеждой, обувью и т. д. В результате проделанной работы семьям военнослужащих была оказана следующая помощь: определено на работу 383 человека, устроено детей фронтовиков в детские учреждения с бесплатным содержанием свыше 250 человек, вновь открыто 4 детсада на 175 мест, прикреплено к столовым и молочным кухням 390 детей, собрано продуктов питания свыше 89 778 кг, выделено земельных участков для индивидуальных огородов общей площадью 10,6 га для 333 семей, выдано различных промтоваров 977 семьям, отремонтировано 958 пар старой обуви и выдано 276 пар новой, отремонтированы квартиры 164 семьям и т. д.⁶⁵

В 1943 г. семьям военнослужащих, находившимся на неоккупированной территории Карелии, было выделено 25,6 ц картофеля, 600 кг ягод, предоставлены участки земли под огороды и семена для посева.

В наиболее тяжелом положении оказались те семьи, которые были эвакуированы из республики в восточные районы страны. Они попали в крайнюю нужду: как правило, эти семьи находились в тяжелых жилищных условиях, за время войны износилась одежда и обувь, из-за чего в зимнее время взрослые не имели возможности выходить на работу, а дети посещать школу. Не имея собственного хозяйства, эвакуированные семьи не могли обеспечить себя питанием: взрослые и дети были истощены, пухли от голода. Высока была смертность, особенно среди детей и подростков.

В течение всех лет войны в военную столицу Карелии — г. Беломорск в адрес партийного и советского руководства республики шли коллективные и индивидуальные письма-жалобы из Свердловской, Челябинской, Архангельской, Вологодской, Кировской и других областей о бедственном положении эвакуированных. Архивные документы свидетельствуют о том, что СНК КФССР и ЦК КП(б), как правило, оперативно реагировали на эти жалобы. В регионы эвакуации посылались представители республики, которые на местах обследовали обстановку и вносили свои предложения руководству.

В 1942—1943 гг. в тыловые регионы страны с инспекцией выезжали: в Архангельскую область — зам. председателя Президиума Верховного Совета КФССР М. В. Горбачев, в Челябинскую область — заслуженный врач республики, депутат Верховного Совета КФССР М. Д. Иссерсон, в Кировскую область — секретарь Беломорского горкома КП(б) М. В. Шавкун, в Вологодскую область — депутат Верховного Совета Карелии Т. И. Вознесенская и др. Однако действенность этих поездок была невысокой. Местные власти для отчета в центр принимали решения по улучшению положения эвакуированных, но большинство их не выпол-

нялось. Ответы, которые приходили в адрес руководства республики, были стандартными — все находится в таком тяжелом положении.

В качестве примера можно привести Свердловскую область. После неоднократных обращений о тяжелом положении эвакуированных в этой области (в ней в годы войны проживало более 10 тыс. жителей Карелии) в августе 1942 г. туда был отправлен зав. сектором кадров промышленности и транспорта ЦК КП(б) Н. М. Санков. После проверки на месте и возвращения в Карелию он направил на имя секретаря ЦК КП(б) КФССР Г. Н. Куприянова и председателя Президиума Верховного Совета республики О. В. Куусинена докладную записку «О положении населения, эвакуированного из КФССР в Свердловскую область». В ней отмечались тяжелые жилищные условия эвакуированных, неудовлетворительное снабжение продовольствием, предметами первой необходимости и медикаментами, плохие отношения между эвакуированными и местным населением. Многие из местных жителей считали эвакуированных виновниками резкого ухудшения их экономического положения⁶⁶.

На основании этой записки руководство республики направило письмо в адрес Свердловского обкома партии и облисполкома с требованием принять ответственные меры по улучшению положения эвакуированных из Карелии. Местные власти оперативно отреагировали на него, и 16 февраля 1943 г. было принято решение исполкома Свердловского облсовета «О мероприятиях по улучшению обслуживания эвакуированного населения, размещенного в Свердловской области», в котором определялись мероприятия по исправлению этой тяжелой ситуации. Однако положение эвакуированных не улучшилось, жалобы из Свердловской области продолжали поступать в республику. В марте 1943 г. в область был направлен помощник зав. секретариатом СНК КФССР А. А. Битенбиндер, который в докладной записке руководству Карелии констатировал, что существенных изменений в положении эвакуированных не произошло⁶⁷.

Однако, несмотря на эти тяжелые условия, эвакуированное из Карелии население трудилось в восточных районах страны, внося свой вклад в экономику государства.

1 История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 618; Морозов К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Петрозаводск, 1983. С. 135—136.

2 История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 599.

3 Там же. С. 620; Карельский фронт в Великой Отечественной войне, 1941—1945 гг. М., 1984. С. 159.

4 История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 620.

5 Ленинское знамя. 1944. 25 февр.

6 Незабываемое: Воспоминания о Великой Отечественной войне. Петрозаводск, 1974. С. 323—326.

7 Прокконен П. С. Героизм народа в дни войны: Воспоминания. Петрозаводск, 1974. С. 72.

8 Ленинское знамя. 1944. 29 июня.

9 Карельская АССР. 60 лет: Стат. сб. Петрозаводск, 1980. С. 17—18.

- 10 Незабываемое: Воспоминания о Великой Отечественной войне. С. 338.
- 11 Там же; История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 622; КГАНИ, ф. 8, оп. 4, д. 17, л. 421—422.
- 12 Прокконен П. С. Героизм народа в дни войны. С. 72.
- 13 КГАНИ, ф. 8, оп. 13, д. 109, л. 1—2.
- 14 История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 623; Карелия в годы Великой Отечественной войны, 1941—1945: Док. и материалы. Петрозаводск, 1975. С. 133.
- 15 Карельская АССР. 60 лет. С. 49.
- 16 НА РК, ф. 1394, оп. 7, д. 6/51, л. 24—25.
- 17 Там же, л. 24.
- 18 Мерецков К. А. На службе народу: Страницы воспоминаний. М., 1968. С. 348.
- 19 История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 624.
- 20 Цит. по: Харитонов С. Ф., Звягин Ю. К. Октябрьская фронтовая: Воспоминания железнодорожников о работе Октябрьской магистрали в годы Великой Отечественной войны, 1941—1945. Л., 1970. С. 79—80.
- 21 Карельская АССР. 60 лет. С. 55.
- 22 КГАНИ, ф. 8, оп. 12, д. 1, л. 184.
- 23 НА РК, ф. 1831, оп. 3, д. 451, л. 70; д. 466, л. 1.
- 24 История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 625.
- 25 КГАНИ, ф. 8, оп. 13, д. 321, л. 7.
- 26 Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР. 1942. № 61.
- 27 Шушкин Н. Н., Улитин С. Д. Союз рабочих и крестьян в Великой Отечественной войне. Л., 1977. С. 102.
- 28 Незабываемое. С. 345.
- 29 Карельская АССР. 60 лет. С. 49—50.
- 30 Там же. С. 49.
- 31 История Карелии в документах и материалах: Советский период. Петрозаводск, 1992. С. 258; КГАНИ, ф. 8, оп. 14, д. 366, л. 78—81.
- 32 Третья сессия Верховного Совета Карело-Финской ССР, 13—15 февраля 1943: Стенограф. отчет. Петрозаводск, 1943. С. 91—93.
- 33 Незабываемое. С. 298.
- 34 КГАНИ, ф. 533, оп. 11, д. 30а, л. 6, 20.
- 35 НА РК, ф. 1394, оп. 3, д. 67/504, л. 11.
- 36 Там же, л. 40.
- 37 Финансы Карелии. Петрозаводск, 2002. С. 114.
- 38 Там же. С. 116.
- 39 Ленинское знамя. 1941. 31 июля.
- 40 Там же. 2 авг.
- 41 Шушкин Н. Н., Улитин С. Д. Союз рабочих и крестьян в Великой Отечественной войне. С. 149.
- 42 Синицын А. М. Всенародная помощь фронту. М., 1975. С. 192.
- 43 НА РК, ф. 1394, оп. 3, д. 72/545, л. 3—11.
- 44 Карелия в годы Великой Отечественной войны, 1941—1945. С. 173.
- 45 История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 630; Карелия в годы Великой Отечественной войны, 1941—1945. С. 192.

- 46 Карелия в годы Великой Отечественной войны, 1941—1945. С. 180.
- 47 Макуров В. Г. Военная летопись Карелии, 1941—1945. Петрозаводск, 1999. С. 35; История Карелии в документах и материалах: Советский период. С. 256—257.
- 48 Карелия в годы Великой Отечественной войны, 1941—1945. С. 184.
- 49 Шпак А. А. Подвиг юности: Комсомол Карелии в Великой Отечественной войне. Петрозаводск, 1984. С. 233; Карелия в годы Великой Отечественной войны, 1941—1945. С. 194.
- 50 Цит. по: Макуров В. Г. Военная летопись Карелии, 1941—1945. С. 40.
- 51 Улитин С. Д. Европейский Север России в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Петрозаводск, 2004. С. 104.
- 52 В грозные годы: Док. и материалы о героических подвигах женщин Карелии в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Петрозаводск, 1970. С. 140; Морозов К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). С. 41.
- 53 Ленинское знамя. 1941. 17 июля.
- 54 НА РК, ф. 1943, оп. 1, д. 14, л. 10.
- 55 Карелия в годы Великой Отечественной войны, 1941—1945. С. 62.
- 56 Шпак А. А. Подвиг юности: Комсомол Карелии в Великой Отечественной войне. С. 195.
- 57 История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 619; КГАНИ, ф. 8, оп. 12, д. 63, л. 152.
- 58 История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 620; НА РК, ф. 2716, оп. 1, д. 180, л. 104.
- 59 НА РК, ф. 1394, оп. 3, д. 68/512, л. 22—26; д. 67/504, л. 91.
- 60 Морозов К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). С. 163.
- 61 НА РК, ф. 1394, оп. 3, д. 68/512, л. 23; д. 67/504, л. 91.
- 62 Там же, л. 28.
- 63 Там же, л. 38 об.
- 64 Карелия в годы Великой Отечественной войны, 1941—1945. С. 188.
- 65 Макуров В. Г. Военная летопись Карелии, 1941—1945. С. 35.
- 66 НА РК, ф. 1215, оп. 1, д. 12/99, л. 33—36.
- 67 Там же, л. 41—49.

3.3. Особенности партизанского движения в Карелии в 1941–1944 гг.

История партизанского движения в Карелии в период военных действий между СССР и Финляндией в 1941–1944 гг. продолжает оставаться в центре внимания исследователей как в России и Карелии¹, так и в соседней Финляндии². При этом следует иметь в виду, что в настоящее время в Финляндии эта работа проводится в несколько ином ракурсе. Прежде всего исследуются действия советских партизан на территории Финляндии против гражданского населения в годы Второй мировой войны³. В 1999 г. в Финляндии даже создали общественную организацию «Гражданское население — ветераны войны-продолжения» (Jatkosodan siviiliveteraanit ry), которую возглавила финская писательница Тююне Мартикайнен. Организация представляет интересы финского мирного гражданского населения, пострадавшего от советских партизан. Она стремится привлечь внимание общественности к рейдам советских партизан в тыл Финляндии, в результате чего, по ее оценкам, погибло 176 мирных граждан⁴.

Большой общественный резонанс в Финляндии и в Карелии получила книга Вейкко Эрккиля «Замалчиваемая война. Нападения советских партизан на финские деревни», вышедшая в Хельсинки в 1999 г.⁵ Данная работа — результат расследования, проведенного автором в 1995–1998 гг. За это время В. Эрккиля совершил 34 поездки в Россию, встретился с 19 бывшими партизанами, участвовавшими в рейдах на территорию Финляндии, из которых наиболее важными

свидетелями считал бойца отряда «Большевик» Валентина Смирнова, командира группы Николая Дмитриенко, руководителя разведки отряда «Большевик Заполярья» Анатолия Голубева и медсестер Валентину Дерябину и Хельгу Лобух, а также оставшихся в живых командиров карельских партизанских отрядов «Большевик Заполярья» и «Большевик» — Александра Смирнова и Георгия Калашникова.

В. Эркиля утверждает в книге, что партизаны убили 147 мирных финляндских жителей. Основной причиной нападения партизан на гражданские объекты, по его мнению, был страх не выполнить задание⁶. При этом он цитирует слова командира отряда «Полярник» Д. Подоплекина: «Если бы мы вернулись, не выполнив задания, то пошли бы под трибунал» — и Александра Смирнова: «Наше правительство с утра до вечера требовало смерти врагу»⁷.

Вторая возможная причина, по мнению В. Эркиля, заключалась в том, что с помощью террора партизан против мирных финляндских жителей Советское правительство стремилось запугать Финляндию и таким образом заставить ее выйти из войны⁸.

В причинах жестокого отношения советских партизан к гражданскому населению Финляндии попытались разобраться карельские исследователи Г. В. Чумаков и А. Н. Ремизов. В книге «Бригада. История 1-й партизанской бригады Карельского фронта» они пишут:

«Во-первых, в первый год войны партизаны старались не вступать ни в какие контакты с местным финским населением. Правила действий разведывательно-диверсионных групп в глубоком вражеском тылу требовали сохранения скрытности. Вместе с тем сложности с продовольствием, вызванные продолжительностью таких рейдов, толкали партизан на заходы в малые отдаленные населенные пункты. Других источников пополнения запасов у них не было. Это неизбежно создавало конфликтные ситуации, которые нередко заканчивались для мирных жителей трагично.

Во-вторых, многие жители приграничной полосы Финляндии имели боевое оружие, которое получили от властей для самообороны. Поэтому в глазах партизан они переставали быть просто мирными гражданами и воспринимались как безусловные враги...

В-третьих, в условиях бескомпромиссной ожесточенной войны под воздействием целенаправленной пропаганды у советских людей формировался образ коварного и жестокого врага, не заслуживающего никакой пощады... Призыв «Убей немца!» в условиях Карельского фронта трансформировался в лозунг «Убей белофинна!».

В-четвертых, с лета 1943 года действия партизан против мирных жителей в приграничной полосе Финляндии вытекали из установки руководства партизанского движения Карельского фронта на создание невыносимых условий жизни и хозяйственной деятельности, используя для этого любые средства...

В-пятых, в 1942—1943 годах в связи с острой нехваткой личного состава в партизанских отрядах Карельского фронта, вызванной большими потерями в ходе боевых действий, в качестве пополнения стали прибывать люди из лагерей и тюрем. Они рассматривали партизанские отряды как своего рода «штрафные

роты”, а пребывание в них как вынужденное, чтобы искупить свою вину кровью. Такие партизаны готовы были, не задумываясь, выполнять любые приказы командиров.

В-шестых, в рейдах против мирных поселений в составе партизанских отрядов принимали участие финны и саамы, жившие в СССР. Нередко они относились к своим соплеменникам даже более непримиримо, чем остальные партизаны»⁹.

Что касается финской стороны, то, по ее мнению, действия советских партизан в Финляндии могут рассматриваться как военные преступления, подпадающие под положения Гаагской конвенции и не имеющие срока давности. В Финляндии высказывались даже требования предать суду тех, кто повинен в неблагоприятных действиях против мирного населения. Ряд финских организаций и политических деятелей обращались в МИД и прокуратуру Финляндии с требованием расследовать деятельность советских партизан.

Боль финских граждан вполне понятна, но ведь в нашей стране в годы войны погибли не десятки, как в Финляндии, а миллионы мирных жителей. И в то же время вопрос о «виновности» советских партизан как военных преступников, на наш взгляд, не может ставиться в принципе. В международном праве дан четкий ответ: преступниками Второй мировой войны, совершившими в те годы преступления, являются Германия и союзные с ней государства.

На наш взгляд, вопрос о партизанах является историческим, и не надо переводить его в плоскость политики. Это тупиковая проблема. Не следует идти по принципу око за око: жертвы финского мирного населения, злодеяния финнов в Карело-Финской ССР, концлагеря в Карелии, малолетние узники войны... Война — эта всегда трагедия. Не оправдывая имевшие место действия советских партизан по уничтожению мирного населения, рискнем высказать следующее. Если поначалу партизаны, совершая рейды на территорию Финляндии, не уничтожали мирное население, то вскоре они были вынуждены это делать, чтобы спастись самим, так как финские граждане докладывали о партизанах военным властям, которые в свою очередь принимали меры по их уничтожению. Мы сожалеем и скорбим о всех жертвах войны.

Одновременно следует отметить и противоположные примеры. Еще в 1941 г. бойцы партизанского отряда «Вперед» отказывались уничтожать машины с ранеными фашистами, поскольку это является нарушением международного права¹⁰.

Об этом же говорит в своих воспоминаниях, приведенных в книге К. В. Гнетнева «Тайны лесной войны», и Д. С. Александров, который в период войны в этом партизанском отряде был пулеметчиком, командиром отделения, политруком взвода и комиссаром. Он отмечает, что в одном из походов в глубокий тыл противника отряд начал голодать и в поисках продовольствия зашел на финскую территорию. После пополнения запасов встал вопрос: что делать с финнами, которые находились на хуторе, оставлять их в живых было опасно. Командир отряда «Вперед» К. В. Бондюк отдал приказ расстрелять финнов. Д. С. Александров отказался. Комиссар отряда В. И. Поташев и заместитель командира по разведке Н. М. Щербаков потребовали от командира расстрелять Д. С. Александрова за невыполнение приказа. Но Бондюк не согласился с ними¹¹.

Д. С. Александров вспоминает: «Мы вернулись в наш тыл, и осенью, как это было принято, состоялось большое совещание командного состава всех парти-

Но на совещании комсостава партизанских отрядов Карельского фронта дело повернулось неожиданным образом. Бондюка и Поташева буквально разнесли за дикий случай расстрела мирных жителей населенного пункта. Мне Пивоев рассказывал, что критика была очень жесткой, причем как со стороны высшего командования, так и от командиров других партизанских отрядов. Может быть, поэтому вопрос о моем расстреле или наоборот — о награждении орденом — больше никогда и не поднимался»¹².

Этот факт, приведенный Д. С. Александровым, еще раз доказывает, что вопрос о жертвах среди финского гражданского населения, который усиленно поднимают некоторые историки, писатели и организации в Финляндии, является более сложным, чем это официально преподносится общественному мнению в соседней стране. На наш взгляд, его следует рассматривать в исторической плоскости, с привлечением ученых России, Финляндии и Германии, способствуя тем самым укреплению российско-финляндско-германских отношений. Представляется важной инициатива Исторического общества Финляндии исследовать силами историков России и Финляндии действия советских партизан в Финляндии в 1941—1944 гг. Планируется, что с финской стороны совместную исследовательскую работу возглавит известный финляндский профессор Охто Маннинен. Хочется выразить надежду, что результаты совместных исследований позволят ответить на многие волнующие нас вопросы и будут способствовать укреплению и развитию двусторонних отношений.

27—29 сентября 2002 г. в г. Соданкюля (Финляндия) проходил международный семинар-примирение «Мир — единственная наша возможность»¹³, в котором приняли участие историки, юристы, судмедэксперты и другие специалисты из Финляндии, России, Швеции и Польши. Все искали пути примирения в таком сложном вопросе, как результаты деятельности советских партизан на территории Финляндии в 1941—1944 гг.

Ни в коем случае не оспаривая героизм и мужество партизан Карельского фронта и не стремясь осуществить ревизию партизанского движения в республике, попытаемся рассмотреть некоторые особенности партизанского движения в Карелии, его недостатки и выявить проблемы, которые, на наш взгляд, требуется раскрыть для понимания сути партизанского движения на севере России.

После начала Великой Отечественной войны разведывательно-диверсионным подразделениям и партизанским отрядам, которым предстояло действовать на занятой противником территории, стали уделять огромное внимание. Директи-

ва СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. «О мобилизации всех сил и средств на разгром фашистских захватчиков», выступление Сталина по радио 3 июля 1941 г. и постановление ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 г. «Об организации борьбы в тылу германских войск» предполагали в числе прочего создание в тылу противника «невыносимых условий» для врага и его пособников, формирование партизанских отрядов и диверсионных групп для взрывов мостов, железных дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов и обозов¹⁴.

Для руководства разведывательно-диверсионными группами НКВД СССР, действующими в тылу противника, 5 июля 1941 г. была организована Особая группа при наркоме НКВД во главе со старшим майором госбезопасности П. А. Судоплатовым. 3 октября 1941 г. Особая группа была преобразована во 2-й отдел НКВД, который 18 января 1942 г. был преобразован в 4-е управление НКВД (разведка, террор, диверсии в тылу противника). 2-е отделение 2-го отдела указанного управления вело работу на территории КФССР. Кроме того, в состав 4-го управления входил штаб истребительных батальонов и партизанских отрядов. 2-е отделение штаба занималось партизанскими отрядами¹⁵.

Для руководства и координации боевой деятельности партизанского движения на территории Советского Союза 30 мая 1942 г. был создан специальный военно-боевой орган — Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД), который подчинялся Ставке Верховного Главнокомандования¹⁶. На местах создавались республиканские и областные штабы партизанского движения, которые возглавляли секретари или члены ЦК компартий союзных республик, секретари крайкомов и обкомов. Наиболее мощным партизанское движение было в Белорусской ССР, Украинской ССР, Орловской, Смоленской, Ленинградской, Калининской и Брянской областях РСФСР. Главные усилия партизаны направляли на нарушение коммуникаций противника, освобождение и удержание районов в тылу противника, разведку тыла противника, содействие наступающим советским войскам. Важной формой партизанских действий были рейды партизанских формирований по тылам противника¹⁷.

Организационно партизаны объединялись в самостоятельные отряды, полки, бригады и соединения. Однако основной организационной и боевой единицей был партизанский отряд. Его структура определялась численностью, личным составом, количеством и составом вооружения, географическими условиями и характером выполнявшихся задач. Численность отрядов колебалась от 20—70 до 150—200 человек. Отряд возглавлялся командиром и комиссаром, имел штаб, заместителей командира по разведке, по диверсиям, помощника командира по снабжению. Имелись партийные и комсомольские организации¹⁸.

Партизанские отряды в Карелии начали создаваться в июле 1941 г. Решением бюро ЦК Компартии КФССР для их формирования 2 июля 1941 г. была создана тройка в составе секретаря ЦК КП(б) КФССР А. С. Варламова, заместителя председателя СНК КФССР М. Я. Исакова и наркома госбезопасности М. И. Баскакова¹⁹. Позднее, 6 августа 1941 г., состоялось совещание республиканской тройки по организации партизанских отрядов с участием представителя Главного Командования северо-западного направления генерал-майора А. Анттила. Участники совещания единодушно высказались за немедленное создание постоянно-оперативного штаба по руководству партизанской борьбой в составе ответственных представителей от ЦК КП(б) КФССР, НКВД республики и военного командования. Решением ЦК Компартии республики 11 августа 1941 г. такой

штаб по руководству партизанскими отрядами (ШРПО) был создан в составе: командир партизанских отрядов республики — зам. председателя СНК КФССР М. Я. Исаков, помощник командира — капитан госбезопасности В. И. Демин, начальник штаба — зам. начальника разведывательного отдела 7-й армии майор А. Г. Сычев²⁰. Это был первый на территории СССР специальный региональный межведомственный штаб по руководству партизанским движением.

Штаб размещался в здании НКВД и связь с отрядами поддерживал через районные отделения наркомата. В октябре 1941 г. штаб был распущен, и непосредственную работу по руководству боевой деятельностью партизан стал осуществлять созданный 4-й отдел НКВД КФССР, который возглавил бывший начальник войск Калининского погранокруга комбриг Сергей Яковлевич Вершинин²¹.

Таким образом, с первых дней войны партизанское движение в Карелии и в Заполярье формировалось как централизованная и организационная сила, решающая конкретные задачи в интересах действующей Красной Армии. В нашем регионе эта черта проявилась особенно ярко. Важнейшую роль в создании и руководстве партизанскими отрядами в первые месяцы войны, наряду с партийными комитетами, играли органы государственной безопасности, которые действовали на Карельском фронте в тесном контакте с местными партийными комитетами и военным командованием. Практический вклад чекистов в развитие партизанского движения выразился в подборе кадров для партизанских отрядов; в обеспечении отрядов оружием и снаряжением; в организации тайных баз с продовольствием и боеприпасами на оккупированной территории; в организации разведывательных и контрразведывательных мероприятий в интересах партизанских формирований; в организации и поддержке связи партизан с Большой землей и во многом другом. В течение первого года войны НКВД республики фактически руководил боевой деятельностью партизанских отрядов на Карельском фронте²².

На командную и политическую работу подбирались наиболее грамотные и опытные в военном и политическом отношении работники партийного, советского и хозяйственного актива. Как правило, партизанские отряды возглавляли ответственные работники ЦК, оперативные сотрудники НКВД назначались на должности заместителей командиров отрядов по разведке, работники местных партийно-советских органов — комиссарами. В числе первых командиров и комиссаров были 11 секретарей райкомов и горкомов партии и 16 руководящих работников республики²³. Вместе с тем следует отметить, что у руководства отрядов отсутствовал опыт ведения партизанских, военных, разведывательных действий.

В июне 1942 г., после создания в Москве Центрального штаба партизанского движения, руководство партизанскими отрядами Карелии было передано созданному штабу партизанского движения Карельского фронта, начальником которого стал генерал-майор С. Я. Вершинин.

В партизанском движении Карелии можно отметить три характерных этапа, обусловленных обстановкой на фронте, положением на оккупированной территории и тактикой боевых действий партизан. Первый этап охватывает период с июля до начала декабря 1941 г., когда войска фронта вели тяжелые оборонительные бои. Это этап зарождения и организационного оформления партизанского движения, его становления. Второй этап, охватывающий период с декабря 1941 г. до июня 1944 г., — время стабильной обороны войск Карельского фронта,

когда партизаны расширяли зону своих действий путем длительных и кратковременных рейдов по тылам врага. Они действовали не только на оккупированных территориях Карелии, но и совершали походы на территорию Финляндии. На этом этапе определялась организационная структура партизанских сил, сложились командные кадры, вырабатывались основные принципы и тактика партизанской войны. Третий этап связан с осуществлением решающих наступательных операций войск Карельского фронта. Он охватывает период от начала наступления советских армейских частей в июне 1944 г. до полного освобождения Карелии от финских войск в сентябре 1944 г.²⁴

В отличие от других регионов Советского Союза, где развернулось партизанское движение, в Карелии были свои специфические особенности.

Во-первых, это отсутствие поддержки со стороны местного населения. На оккупированной территории республики проживало немногим более 86 тыс. человек, в основном женщины, старики, дети, которые, естественно, не могли участвовать в вооруженной борьбе. При этом тысячи советских граждан находились в местах принудительного содержания. Из многих населенных пунктов жители были перемещены в Петрозаводск и заключены в концлагеря. Причиной такого принудительного переселения, как отмечалось в одном из отчетов Военного управления Восточной Карелии (ВУВК), являлось партизанское движение, которое стало настолько «оживленным», что оккупанты «приняли меры по эвакуации населения». В таких условиях нельзя было рассчитывать на создание, пополнение и снабжение партизанских отрядов с помощью жителей оккупированных районов²⁵.

Во-вторых, длительная стабильность линии фронта позволила противнику оттянуть с переднего края обороны значительные силы, укрепить старые и создать новые гарнизоны, усилить охрану коммуникаций, что значительно затруднило проход партизанских отрядов во вражеский тыл и их боевые действия²⁶. Партизаны лишались главного — возможности проведения быстрых, скрытных и внезапных операций.

В-третьих, известные трудности представлял для партизан и суровый климат — длинная снежная зима с сильными морозами, летом частые дожди, постоянная сырость, белые ночи, кроме того, бездорожье, леса и болота, многочисленные озера и реки²⁷.

Эти особенности определили формы и методы партизанской войны в Карелии:

- ✎ постоянно действующие и основные базы партизанских отрядов находились в тыловых районах Карелии, а их деятельность носила характер периодических выходов в тыл противника на межоперационных разрывах, сроком на 15—20 дней²⁸. Чтобы выполнить ту или иную задачу, приходилось дважды пересекать линию фронта, преодолевая расстояние от 300 до 500 км²⁹;
- ✎ своеобразие условий сказалось и на форме организации партизанских отрядов: как правило, действовали отряды численностью до 100 бойцов³⁰;
- ✎ невозможность использования в условиях Карелии крупных партизанских формирований, что показал рейд бригады Григорьева. Летом 1942 г. бригада (командир И. А. Григорьев, комиссар Н. П. Аристов) в составе шести отрядов: пяти отрядов пудожской оперативной группы («Боевые друзья», «За Родину», им. Тойво Антикайнена, «Буревестник», им. Чапаева), одного отряда ребольской оперативной группы («Мстители»), минометной роты, пулеметного

и разведывательного взводов общей численностью 648 человек провела глубокий рейд в тыл врага. Перед бригадой стояла боевая задача: разгромить штаб 2-го финского армейского корпуса в районе Поросозера и разрушить здесь коммуникации противника. Поход продолжался 57 дней, по лесам и болотам прошли почти 700 км. По данным российских исследователей, бригада 26 раз вступала в бой с финнами и причинила им значительный урон в живой силе (до 750 солдат и офицеров) и технике. Однако и бригада понесла большие потери — немногим более 100 человек возвратилось на базу. Это объяснялось тем, что такому крупному соединению невозможно было скрытно перейти линию фронта, а затем успешно маневрировать во вражеском тылу. Поэтому в октябре 1942 г. бригада была расформирована, и каждый партизанский отряд вновь стал действовать самостоятельно. Периодически, когда проводилась та или иная более крупная операция, несколько партизанских отрядов объединялись под единым командованием³¹;

- ✱ в партизанском движении Карелии не было той массовости и активности, как в Украине, Белоруссии, Орловщине, Брянщине и других регионах, где партизанам удавалось вызывать на себя действия дивизий фашистской Германии³²;
- ✱ партизанские отряды действовали не только на оккупированных территориях Карелии, но и совершали походы на территорию Финляндии. Так, в апреле 1944 г. партизанским отрядом кандалакшской опергруппы во время операции на территории Финляндии были захвачены в плен шесть финнов, которых передали в 19-ю армию³³;
- ✱ оперативная обстановка вынуждала использовать партизан не по назначению. Так, на первоначальном этапе войны их привлекали к боевым операциям при обороне Петрозаводска и Медвежьегорска³⁴.

Были свои особенности и в организации партизанского движения.

Количество партизанских отрядов постоянно увеличивалось и выросло с 13 отрядов на 25 июля 1941 г. до 18 в сентябре 1943 г. и 19 отрядов в 1944 г. В марте 1942 г. появился отряд «Красное знамя», а в ноябре — «Комсомолец Карелии». Кроме того, на Карельский фронт прибывали отряды, сформированные в Архангельской («Полярник», «Большевик», «Сталинец») и Вологодской («За Родину») областях. В марте 1944 г. из Ленинградской области прибыл партизанский отряд «Ленинградец». Кроме партизанских отрядов, имелись также три диверсионные группы по 15 человек в каждой³⁵.

Общая численность партизан постоянно менялась. 25 июля 1941 г. в партизанских отрядах Карелии сражался 1 471 человек, в основном из числа местного населения. С учетом значительных потерь в боях 1941 г., а также ухода части партизан в ряды Красной Армии партизанские отряды Карелии постоянно пополнялись свежими кадрами. Всего в 1942—1944 гг. сражаться в северных лесах прибыли 2 366 бойцов, в том числе 533 из Архангельской области, 292 из Мурманской, 234 из Ленинградской, 120 из Вологодской области. Пополнение прибывало и из других районов страны: Свердловской, Ярославской, Иркутской областей, Красноярского края, Коми АССР, г. Ташкента. В 1944 г. в партизанских отрядах насчитывалось 1 700 человек³⁶.

В начале войны партизанские отряды комплектовались и пополнялись кадрами преимущественно из районов КФССР и Вологодской области. Позднее пополне-

ние прибывало из других областей, частично направлялось Центральным штабом партизанского движения, а также подбиралось командованием штаба партизанского движения Карельского фронта, в том числе из бывших заключенных прямо из ИТЛ, срок заключения которых подходил к концу. Так, в марте 1943 г. из исправительно-трудовых колоний НКВД в штаб партизанского движения Карельского фронта прибыло 175 человек, в частности из Архангельского ИТК — 66 человек, Каргопольского — 55, Яринлага — 12, Севдвинлага — 5 и т. д. Из них 77 человек были осуждены за бытовые преступления, 66 — за должностные, остальные — за уголовные³⁷.

Подобный состав отрядов стал одной из причин того, что военная контрразведка констатировала значительную засоренность личного состава партизанских отрядов различным неблагонадежным элементом³⁸.

Пополнение поступало необученным, приезжали люди, не знакомые с местными условиями, в связи с чем на учебном пункте штаба партизанского движения особое внимание обращалось на подготовку к боевым действиям в условиях севера — хождению на лыжах, умению ориентироваться на местности и т. п.³⁹ Отсутствие подготовленных кадров и партизанского, военного, разведывательного опыта приводили к дополнительным людским потерям. В 1941 г. ощущалась нехватка минеров, радистов, разведчиков и других специалистов. Поэтому с самого начала войны остро встал вопрос подготовки кадров для партизанских отрядов. Одного лишь желания и готовности для ведения успешной борьбы за линией фронта было недостаточно. Требовались соответствующая специальная подготовка, знание методов партизанской деятельности как командным, так и рядовым составом партизанских формирований.

Лучше остальных по характеру своей профессиональной деятельности для этой работы были пригодны сотрудники органов госбезопасности и пограничники. Именно поэтому на чекистов и была в первую очередь возложена обязанность по подготовке и обеспечению партизанских отрядов необходимыми командными кадрами и другими специалистами.

В Карелии с первых дней в руководство создаваемых партизанских отрядов в обязательном порядке включались кадровые сотрудники НКВД-НКГБ. Они назначались, как правило, на должность помощника командира по разведке, а иногда и на должность командира отряда. Например, командиром отряда «Боевой клич» был назначен ст. оперуполномоченный КРО НКВД КФССР М. В. Медведев. Помощниками командиров отрядов являлись сотрудники НКВД А. Е. Богданов, Н. Н. Богданов, В. Е. Абоимов, В. Г. Юриков, Л. Г. Степанов, П. Г. Ларин, В. И. Абрамов, А. Н. Совалков⁴⁰.

Для подготовки диверсантов и разведчиков 7 июля 1941 г. при НКГБ КФССР была организована специальная (особая) школа. В октябре 1941 г. спецшкола насчитывала в своем составе 159 человек, объединенных в четыре отряда. Возглавлял школу В. М. Федоров, а с конца декабря — лейтенант-пограничник Д. И. Колесник. В марте 1942 г. школа была преобразована в специальный отряд НКВД⁴¹. К концу 1941 г. обучение в спецшколе прошли 196 человек. Но почти все они были использованы при комплектовании отдельных диверсионных групп и спецотряда НКВД⁴². С июля по октябрь 1941 г. в партизанский отряд «Красный онежец» были переданы в составе двух диверсионных групп 26 выпускников спецшколы⁴³. В марте 1942 г. при реорганизации спецшколы небольшая часть курсантов

была передана в партизанские отряды. В июне 1942 г. при создании штаба партизанского движения (ШПД) при Военном совете Карельского фронта еще около 15 бойцов спецотряда НКВД были направлены в распоряжение ШПД.

В силу своей ведомственной принадлежности спецшкола НКВД республики не могла кардинально решить проблему обеспечения партизанских отрядов кадрами специалистов⁴⁴. Поэтому в августе 1941 г. после появления республиканского штаба по руководству партизанскими отрядами (ШРПО) во главе с зам. председателя Совнаркома Карелии М. Я. Исаковым была организована специальная школа ЦК КП(б) КФССР для подготовки командного состава и рядовых бойцов для партизанских отрядов. Начальником школы был назначен батальонный комиссар Трунов, комиссаром — политрук Богданов. К концу года в школе обучалось 75 курсантов, из которых 72 были финнами и карелами. Однако уже в декабре 1941 г. задача школы резко меняется — в ней начинают готовить партийно-советских и хозяйственных работников. Это было связано, вероятно, с тем, что в конце октября 1941 г. постановлением бюро ЦК КП(б) республики ШРПО был распущен. Непосредственное руководство боевой деятельностью партизанами было поручено недавно созданному 4-му отделу НКВД КФССР (начальник отдела комбриг С. Я. Вершинин), который, в свою очередь, подчинялся 2-му отделу НКВД СССР во главе с генералом П. А. Судоплатовым. Официальная передача руководства партизанскими отрядами от ШРПО к НКВД КФССР была осуществлена 18 ноября 1941 г. По новой учебной программе основное время отводилось на изучение «Краткого курса ВКП(б)» — 300 часов, а на военную и специальную подготовку планировалось лишь 180 часов⁴⁵. И все же отдельные выпускники этой школы направлялись на подпольную работу и в партизанские отряды. Но проблема систематической подготовки квалифицированных партизанских кадров продолжала оставаться нерешенной.

Лишь в августе 1942 г. в соответствии с постановлением ГКО от 30 мая 1942 г. при вновь созданном штабе партизанского движения на Карельском фронте по приказу зам. народного комиссара обороны СССР, армейского комиссара 1-го ранга Е. Щаденко был сформирован учебный пункт (школа) для подготовки партизанских кадров⁴⁶.

Учебный пункт был размещен в Сегеже. Первым его начальником был назначен старший лейтенант Я. М. Бондаренко, комиссаром — батальонный комиссар А. М. Прунцев. С октября 1942 г. школу возглавил майор Д. И. Колесник, который являлся начальником штаба 1-й партизанской бригады в период ее летнего похода в тыл врага. Первоначально из Москвы предписывалось организовать учебу по следующим направлениям: командиры партизанских отрядов (30 чел.), начальники штабов партизанских отрядов (30 чел.) и инструктора-руководители диверсионных групп (40 чел.). Но Карельский ШПД изменил профиль подготовки кадров первого набора. Было решено в сентябре — октябре 1942 г. наладить обучение по тем специальностям, в которых ощущалась наибольшая потребность. Это — инструктора подрывного дела (до 40 чел.), командиры взводов и отделений (до 160 чел.), рядовые бойцы вновь формируемых отрядов (до 240 чел.), хотя по штату количество учащихся не должно было превышать 100 человек⁴⁷.

Начало учебы было назначено на 6 сентября 1942 г. В короткий срок с 28 августа по 5 сентября командно-преподавательский состав смог подготовить базу для приема курсантов⁴⁸. Уже 31 августа в школу прибыла первая группа партизан из Архангельска в количестве 106 человек. 3—6 сентября прибыли еще 99 человек из Вологды, 47 человек из Свердловска, 40 человек из Иркутска, 46 человек из Красноярского края и 104 человека из Коми АССР. Всего же численность курсантов составила 469 человек. Из них более 80 % составляли коммунисты и комсомольцы. Все они были разделены на четыре курса, включавших 11 учебных групп. При формировании групп учитывалось образование, состояние здоровья, предыдущая служба в армии, возраст, волевые качества и морально-политическое состояние⁴⁹. Утвержденная республиканским ШПД программа обучения предусматривала следующие сроки: для командиров взводов — 28 учебных дней, для командиров отделений — 25, для инструкторов-подрывников — 28, для рядовых бойцов — 21 учебный день.

Учебный день длился 10 часов. В основу обучения бралось то, что нужно было для успешной борьбы в тылу врага. Занятия проводились по группам. Особое внимание уделялось тактической подготовке. Несмотря на организационные трудности, за время обучения первого набора курсантов срывов занятий не было, хотя и ощущалась острая нехватка в учебной литературе, недостаточный педагогический опыт у преподавателей, трудности со снабжением. Молодые партизаны ответственно и добросовестно относились к учебе, лишь 13 человек были отчислены из школы. 15 октября 1942 г. состоялся первый выпуск партизанской школы. Было подготовлено 30 командиров взводов, 72 командира отделения, 32 инструктора-подрывника, 30 сандружинниц и 294 рядовых бойца. Это была самая большая за годы войны группа партизан, одновременно получивших специальную подготовку⁵⁰. Следующие наборы в партизанскую школу были уже гораздо меньше⁵¹.

В зимний период 1942/43 г. в школе начали подготовку разведывательных подразделений для партизанских отрядов. Были поставлены задачи: научить пар-

тизанских разведчиков технике бесшумного захвата, допроса, обыска и конвоирования вражеских военнослужащих; искусству маскировки; умению вести наблюдение и ориентированию на местности. Кроме того, при подготовке и разведчиков, и рядовых бойцов дополнительное внимание уделялось владению лыжами, на что выделялось до 90 учебных часов⁵². По итогам проверки, проведенной ШПД в конце января 1943 г., работа учебного пункта была признана успешной. 21 февраля 1943 г. состоялся очередной выпуск курсантов по программе командиров отделений в количестве 22 человек⁵³. А всего за период с декабря 1942 г. по апрель 1943 г. в школе прошли переподготовку 25 командиров взводов, 24 командира отделения, 59 подрывников-минеров, 44 радиста, 84 других специалиста⁵⁴. Весной 1943 г., накануне летнего периода боевой деятельности, на базе учебного пункта были проведены краткосрочные сборы для командиров, комиссаров и начальников штабов всех партизанских отрядов. Партизанская школа накопила необходимый опыт, укрепила свою материальную базу. Ее деятельность приняла непрерывный, плановый характер. Постоянно обучались в школе от 20 до 40 человек. Срок учебы по основным специальностям составлял 21—25 дней. Типовые программы включали в себя тактическую, огневую, строевую, топографическую, политическую подготовку; изучение подрывного, противохимического и санитарного дела, уставов. Общий объем занятий — 190—200 часов.

Весной 1944 г., накануне летнего наступления советских войск на Карельском фронте, на базе партизанской школы были проведены специальные сборы и тактические занятия с командно-политическим составом партизанских отрядов и офицерами ШПД. Например, в апреле — мае 1944 г. через инструктивные сборы прошли 177 человек⁵⁵. Одновременно в мае — июне 1944 г. силами преподавательского состава школы были организованы и проведены занятия с личным составом почти всех партизанских отрядов в местах их базирования.

Помимо партизанских кадров, подготовленных в учебном пункте при Карельском ШПД, отряды получали специалистов из центральных школ. Так, с сентября 1942 г. по март 1943 г. из Москвы в Карелию были направлены 93 человека⁵⁶.

Деятельность республиканской партизанской школы завершилась в октябре 1944 г., когда был расформирован штаб партизанского движения при Военном совете Карельского фронта. Начиная с осени 1942 г. практически все пополнение партизанских отрядов проходило обязательную специальную подготовку в учебном пункте ШПД. За время своего существования школа подготовила для партизанского движения в Карелии и Заполярье свыше 2 тыс. человек по различным военным специальностям⁵⁷.

С учетом развития обстановки все партизанские отряды на Карельском фронте были объединены в оперативные группы и к 1944 г. дислоцировались на основных направлениях фронта: мурманском, кандалакшском, ребольском, ухтинском и петрозаводском:

- ✱ на мурманском направлении в п. Лутта, в 200 км к югу от Мурманска, дислоцировалась мурманская оперативная группа в составе двух партизанских отрядов — «Советский Мурман» и «Большевик Заполярья», сформированных в Мурманской области;
- ✱ на кандалакшском направлении в п. Лесной, в 100 км от железнодорожной станции Зашеек, дислоцировалась кандалакшская оперативная группа,

в состав которой входили три партизанских отряда («Полярники», «Большевик», «Сталинец», организованные в Архангельской области) и одна диверсионная группа;

- ✎ на ухтинском направлении в п. Хайкала, в 136 км от Кеми, дислоцировалась ухтинская оперативная группа из трех партизанских отрядов («Красный партизан», «Боевой клич» и «Комсомолец Карелии»). В апреле 1944 г. в п. Рабочеостровск из Ленинградской области прибыл партизанский отряд «Ленинградец»;
- ✎ на ребольском направлении дислоцировалась ребольская оперативная группа из четырех партизанских отрядов: «Красный онежец», «Вперед», «Железняк» — в п. Лехта, в 36 км от станции Сосновец, и «Мстители» — в г. Сегежа. Кроме того, в Сегеже находилась спецшкола ЦК КП(б) КФССР;
- ✎ на петрозаводском (пудожском) направлении в п. Марнаволлок, в 200 км от 16-го разъезда, дислоцировалась пудожская (южная) оперативная группа, в состав которой входили шесть партизанских отрядов («Буревестник», им. Тойво Антикайнена, «Боевые друзья», им. Чапаева, «Красный заонежец», «За Родину» (из жителей Вологодской области)) и две диверсионные группы — Широкова и Шувалова⁵⁸.

Такая дислокация определяла существенную особенность партизанского движения — территориальную отдаленность штаба партизанского движения Карельского фронта, который находился в Беломорске, от отделов и партизанских отрядов. Военная контрразведка отмечала слабую оперативность штаба, его оторванность от непосредственных задач фронта. Все руководство боевыми действиями отрядов со стороны штаба, по сути дела, заключалось в сборе сведений (по радио). Представители штаба, находившиеся в районе действий, получали приказы и руководствовались указаниями командования Красной Армии. Сам штаб непосредственно руководил лишь несколькими отрядами⁵⁹. Это создавало трудности в управлении партизанскими отрядами, в координировании общими операциями. Порой отряды были представлены сами себе. Поэтому штаб партизанского движения не в полной мере выполнял отведенную ему роль — органа управления партизанским движением Карельского фронта.

Партизанская война в Карелии во многом отличалась от партизанского движения в других регионах страны. В апреле 1944 г. Управление контрразведки СМЕРШ Карельского фронта отмечало специфические особенности партизанского движения на Карельском фронте. Они состояли в отсутствии постоянно действующих баз в тылу противника, данные базы имелись только в тылу РККА. Партизанские отряды, по существу, действовали по типу диверсионных групп. Продолжительность пребывания в тылу противника зависела от характера выполняемого задания и в среднем исчислялась 15—20 сутками⁶⁰.

Одна из проблем партизанской войны в Карелии состояла также и в том, что не всегда существовала взаимосвязь боевой деятельности партизанских отрядов с боевыми действиями частей Карельского фронта. Так, 26 августа 1944 г. штаб партизанского движения Карельского фронта дал приказ командиру партизанского полка майору Юдину выйти в тыл противника в составе партизанских отрядов «Боевой клич», «Ленинградец», «Мстители». Данных об обстановке в тылу противника и расположении его войск в намеченном месте перехода командир полка не получил, поскольку штаб партизанского движения ими не располагал.

Кроме того, штаб не согласовал вопрос о рейде полка Юдина с командованием Красной Армии. 31 августа 1944 г. полк достиг намеченного места сосредоточения — в 6 км от передовой линии обороны 32-й отдельной лыжной бригады. Командование бригады, не зная о рейде, приняло их за диверсионный отряд противника и отдало приказ об окружении и уничтожении. После долгих разбирательств была внесена ясность в сложившуюся ситуацию, 2 сентября инцидент был разрешен, командование армии отдало приказ не разоружать партизанский полк, а задержанные командиры были отпущены. По данному факту Управление контрразведки СМЕРШ Карельского фронта докладывало начальнику Главного управления контрразведки СМЕРШ НКО комиссару государственной безопасности 2-го ранга В. С. Абакумову^{*61}.

В книге К. В. Гнетнева «Тайны лесной войны» приводятся воспоминания медицинской сестры партизанского отряда «Вперед» Н. Н. Пастушенко (Сидоровой): «Однажды зимой подходим к реке Чирка-Кемь, уже думаем о переправе. Вдруг видим — на сопочке костры горят. А подошли же очень близко, поздно останавливаться или возвращаться — нас обязательно обнаружат. И тогда все закричали: “За Родину!”, “За Сталина!”, начали стрельбу и побежали в атаку. А с сопочки по-русски с матом: “Вы что, с ума сошли!” Оказалось, армейская разведка переправилась и отдыхает»⁶². Об этом же эпизоде в книге рассказывает и комиссар этого партизанского отряда Д. С. Александров: «Однажды возвращаемся на базу, выходим к одному болоту и видим — за болотом горка, а на горке костры. Ага, думаем, противник, сейчас мы его долбанем! Развернулись цепью, перешли болото, на гору уже до половины поднялись. Осталось совсем недалеко — будем атаковать. Политрук Георгий Герасимов поднимается и орет: “За Сталина! Вперед!” По всей нашей цепи автоматы разом — трах! А с горки, от костров вдруг по-русски: “Мать вашу-перемать! Не стреляйте! Свой!” Оказалось, наша армейская разведка отдыхает. Вот тебе и “за Сталина!”»⁶³.

Расширение партизанского движения в Карелии с 1942 г. заставило финское военное командование принять дополнительные меры противодействия ему. В справке 2-го отдела ЦШПД «Агентурная обстановка на временно оккупированной территории Карело-Финской ССР на 1 августа 1942 г.» отмечается, что для борьбы с партизанами созданы специальные части, которые носят название «контрпартизанские» и получают централизованное руководство из штаба войсковых частей. Представление о контрпартизанских частях дает в своих показаниях военнопленный капрал Коснинен, захваченный в плен партизанами на ухтинском направлении: «Командиром контрпартизанской роты является капитан Туомала. Расположена она следующим образом: в районе Ренкюля — 60 человек, в районе Кестеньги — 30 человек, Вуониска — 30 человек. Всего в роте 170 человек. Рота вооружена автоматами и винтовками, кроме этого, имеет две бронемашины, которые вооружены 45-миллиметровой пушкой и двумя пулеметами. Задачи контрпартизанской роты — охрана дорог и населенных пунктов, а также борьба с партизанами. Рота сформирована из числа пограничников и кадровых солдат, преимущественно шюэкоровцев»⁶⁴.

* Абакумов Виктор Семенович (1908—1954), генерал-полковник, в органах безопасности с 1932 г., зам. наркома обороны СССР, начальник ГУКР СМЕРШ НКО СССР, министр госбезопасности СССР. Арестован 12.07.1951 г., приговорен ВКВС СССР 19.12.1954 г. в Ленинграде к высшей мере наказания. Расстрелян, не реабилитирован.

Далее в справке указывается: «Более крупные вооруженные силы для борьбы с партизанами противник бросает в том случае, если обнаружит партизан. Для быстрой переброски он, как правило, использует автомашины. В своих тылах, отдаленных от фронта, например в Шелтозерском, Прионежском, Кондопожском и Заонежском районах, противник вынужден держать более крупные специальные части по охране коммуникаций. На этом участке фронта охрану несут олонечкая и 2-я онежская береговые бригады, расположенные небольшими гарнизонами (150, 100, 50 человек) по основным населенным пунктам, охраняющим побережье Онежского озера.

Эти бригады состоят из трех батальонов каждая, с количеством людей 450—600 человек. Вооружены они в основном винтовками, но хорошо оснащены станковыми пулеметами. Так, например, один батальон имеет до 120 немецких станковых пулеметов крепостного типа и, кроме того, минометы. Это обусловлено тем, что они предназначены для обороны берега из специальных гнезд с небольшим сектором обстрела.

Кроме этих частей, в районе Шуньги Заонежского района имеются два кавалерийских полка «Уима» и «Хями». В этих полках по 4 эскадрона, в эскадроне 4 взвода, из которых один пулеметный. В каждом взводе имеются 1—2 ротных миномета. В эскадроне 200 человек кавалеристов, но лошадей только 35—40 на эскадрон.

В Заонежском районе имеется также рота полицейских. По побережью расположены батареями 2 артиллерийских полка, на вооружении которых орудия преимущественно полевого типа, в некоторых местах имеются орудия береговой обороны или же орудия, снятые с военных судов»⁶⁵. Данные, приведенные в этой справке, показывают, какой сильный противник противостоял партизанам Карельского фронта.

Вместе с тем следует отметить, что приведенные в справке 2-го отдела ЦШПД «Агентурная обстановка на временно оккупированной Карело-Финской ССР на 1 августа 1942 г.» сведения о том, что в финской армии в годы войны были созданы специальные «контрпартизанские части» для преследования карельских партизан, не подтверждаются данными финляндских военных и государственных архивов. Финляндские исследователи партизанского движения тоже не пишут об этом. И только в работе Сеппо Суденниemi «Тайная война» отмечается, что на севере Финляндии в районе Салла — Савукоски в тылу германских войск действовала финская часть — особый отряд «Сау», который занимался преследованием советских партизан, действовавших на территории Финляндии⁶⁶. На наш взгляд, финские воинские части, которые сталкивались с действиями карельских партизан, из своих сил выделяли специальные подразделения для преследования партизан Карельского фронта.

При изучении проблем партизанской войны в Карелии естественно встает вопрос об эффективности партизанских действий. Следует признать, что она не всегда была на должном уровне. Многие боевые задачи на первоначальном этапе войны выполнены не были. В организации партизанской деятельности имелись серьезные недостатки. Плохо велась разведка, допускалась несогласованность действий руководства 4-го отдела НКВД и военного командования в условиях быстро меняющейся обстановки, отсутствовала надежная связь

с партизанскими отрядами, командный и рядовой состав недостаточно был обучен военному делу⁶⁷.

Так, по данным военной контрразведки партизанский отряд «Вперед» в 1943 г. совершенно не имел результатов, ни одна операция не закончилась успехом. В первой половине 1944 г. отряды «Большевик Заполярья» и «Красный Мурман» совершили три выхода в тыл противника, отряды «Красный онежец» и «Железняк» — четыре выхода, не уничтожив при этом ни одного солдата противника и не выполнив ни одного боевого задания. Тогда же ни одного задания не выполнил отряд «Красный партизан». Партизанский отряд «Ленинградец» за три месяца 1944 г. не сделал ни одного выхода в тыл противника. В течение июля и первой декады августа 1944 г. все 19 партизанских отрядов проводили боевые операции в тылу противника на различных участках Карельского фронта. Однако, как свидетельствуют архивные источники, достигнутые успехи были незначительны, а часть отрядов действовала безуспешно⁶⁸.

В 1944 г. были те же проблемы, что и в 1941 г. Невыполнение отрядами поставленных перед ними боевых задач, а также неудачные боевые действия являлись следствием плохой организации партизанской разведки гарнизонов противника, их дислокации и численного состава⁶⁹. Так, в 1941 г. жесткую характеристику деятельности одного из отрядов дал сотрудник 4-го отдела НКВД, указавший в рапорте, что отряд по своим действиям в тылу противника своего назначения не оправдал: «Почти все походы в тыл противника оканчивались простым путешествием по лесам и болотам. Особенно характерен рейд на тракт Паданы — Сельга — 140-й км. Без единого выстрела»⁷⁰. В апреле 1944 г. Управление контрразведки СМЕРШ Карельского фронта констатировало, что большую часть времени партизанские отряды находятся как бы на подготовке и отдыхе (в основном) на своих постоянно действующих базах, т. е. в нашем тылу⁷¹.

С материалами и выводами военной контрразведки Карельского фронта о действиях карельских партизан в период войны согласны не все исследователи. Так, К. В. Гнетнев в книге «Тайны лесной войны» оспаривает мнение одного из офицеров советской военной контрразведки о низкой эффективности действий партизанского отряда «Вперед» в 1943 г. Он пишет: «Куда же тогда отнести операцию по разгрому финского гарнизона в Мергубе и уничтожение стратегически важного моста через реку Чирка-Кемь в Андроновой Горе? Эта блестящая операция, одна из наиболее ярких за все три года лесной войны, была осуществлена в ночь с 10 на 11 марта 1943 года и буквально потрясла моральный дух противника. Командование финских войск долго искало и нашло все-таки способ возмездия: массированную бомбардировку 20 августа 1943 года села Лехта, где базировались отряды ребольского направления. Предупреждения финнов о том, что “за Мергубу вам прощения не будет”, финская разведка в листовках, нацепленных на кусты у дорог, приносила в окрестности партизанской Лехты задолго до бомбардировки. В том победном походе сводным отрядом партизан командовал командир отряда “Вперед” К. В. Бондюк, а его отряд шел головным в колонне»⁷². По мнению автора, нельзя говорить о невысоком эффекте партизанской войны, сравнивая партизанское движение с результативностью армейских операций. Перед партизанами ставились особые цели и задачи.

И все-таки с учетом изложенного выше встает вопрос: насколько соответствуют доклады штаба партизанского движения Карельского фронта в ЦШПД в Москву о потерях, нанесенных противнику в период войны, истинным потерям финских войск от ударов карельских партизан? Партизан отряда «Красный онежец» М. И. Захаров вспоминал: «Бой — это вообще особое состояние. В бою не чувствуешь, как течет время, там многое не так. И уж, конечно, никто не считает: убил — не убил. Товарищи рядом, сам цел, и слава богу! В каждом донесении наши командиры докладывали в штаб: уничтожено столько-то солдат и офицеров противника. С точностью до человека. Но кто, где и когда считал? И как это можно сделать реально? В лесу, на болоте, во время, когда и отряд, и противник постоянно движутся? Ответ: никто, нигде и никак»⁷³.

Проводя сравнение потерь, которые, по данным штаба партизанского движения, нанесли карельские партизаны финским войскам в период войны, с данными армейского командования Карельского фронта, приходишь к выводу, что некоторые цифры в отчетах штаба являются явно завышенными. Впрочем, это было характерно и для финской стороны. Так, финское командование в одном из служебных документов, составленном в ноябре 1942 г., оценивало потери партизанской бригады А. И. Григорьева в летнем походе 1942 г. в 588 убитых и 24 попавших в плен⁷⁴. Однако, согласно советским документам, известно, что в поход бригада вышла в составе 648 человек, возвратилось в наш тыл 178 человек⁷⁵. Так что и финны завышали потери карельских партизан.

Не до конца изученным является и вопрос о потерях партизан Карельского фронта в период войны. К. В. Гнетнев пишет: «Партизанскую войну в Карелии трудно сравнить с чем-либо по трудности и жестокости. По статистике, за три года войны каждый второй партизан погиб, умер от истощения или ран, пропал без вести в лесах и болотах, подорвал здоровье непосильными нагрузками и был отчислен из строя»⁷⁶. Партизан отряда «Боевые друзья» И. А. Комиссаров вспоминает: «Нам эта победа досталась очень большой ценой. В нашем партизанском отряде “Боевые друзья” за год потери убитыми и ранеными достигали

30 человек, то есть треть численности. Иначе говоря, каждый третий боец отряда в течение года выходил из строя. Что касается меня, то я каждый год получал тяжелое ранение»⁷⁷.

Основные потери в личном составе партизаны понесли в начале Великой Отечественной войны, помогая действующей армии в отражении атак противника. Так, по приказу Военного совета Карельского фронта в течение ноября — декабря 1941 г. партизанские отряды «Большевик», «Боевые друзья» и Олонецкий партизанский отряд вместе с воинскими подразделениями обороняли г. Медвежьегорск. В этих кровопролитных боях против превосходящего противника партизанские отряды потеряли до 80 % личного состава. Большие потери были в партизанском отряде «Дзержинец», который принимал участие в боях на Карельском перешейке при обороне г. Выборга⁷⁸.

Как вспоминал первый секретарь ЦК КП(б) Карело-Финской ССР, член Военного совета Карельского фронта Г. Н. Куприянов, в первые месяцы войны «убыль людей в партизанских отрядах была большая. Они несли потери в боях с противником и вынуждены были посылать людей группами и поодиночке в распоряжение командиров частей»⁷⁹. Эту практику пришлось прекращать специальным приказом по фронту, иначе отрядам грозило «растаскивание» по армейским подразделениям. Известен факт, когда командир 27-й дивизии генерал-майор Г. К. Козлов настоятельно требовал у Военного совета Карельского фронта разрешения передать ему партизанский отряд «Вперед» в качестве разведроты. Генерал был буквально покорен мужеством и стойкостью партизан в оборонительных боях с 14-й финской дивизией в районе Большой Тикши⁸⁰.

В последующие годы войны (1942—1944) наиболее значительные потери партизан были связаны, прежде всего, с просчетами и ошибками командования, как это случилось с походом бригады И. А. Григорьева летом 1942 г. 14 июня 1942 г. командование бригады получило от только что созданного 30 мая 1942 г. штаба партизанского движения при Военном совете Карельского фронта приказ о выходе в полном составе с 29 июня в глубокий тыл противника в район Сегозеро — Поросозеро сроком на два месяца. В приказе штаба партизанского движения перед бригадой были поставлены сложные, практически не выполнимые задачи:

«Первое: Не обнаруживая себя преждевременными партизанскими действиями, напасть на штаб 2-го АК в Поросозере, захватить пленных и штабные документы, уничтожить живую силу и склады.

Второе: Выполнив первую задачу, приступить к постоянному нарушению коммуникаций противника сроком на 20 дней в следующих пунктах: силами двух отрядов — шоссейные дороги Поросозеро — Юстозеро, Поросозеро — Пряккила, Поросозеро — Спасская Губа; силами двух отрядов — железную и шоссейную дороги Медвежьегорск — Кондопога и шоссейную дорогу Кяппесельга — Уница; силами двух отрядов — железнодорожную и шоссейную дорогу Петрозаводск — Суоярви и шоссейные дороги Петрозаводск — Пряжа, Петрозаводск — Кондопога и Петрозаводск — Спасская Губа.

Третье: Выполнив вторую задачу, сосредоточить отряды бригады в районе Кондопоги, совершить налет на Кондопогу, уничтожить штаб 7-го АК, станцию и железнодорожные пути, военные учреждения и живую силу противника, захватить пленных и штабные документы, после чего отойти.

Четвертое: После выполнения третьей задачи сроком на 12 дней повторить выполнение второй задачи»⁸¹.

Всего, по официальным документам, на момент выхода в рейд бригада состояла из шести партизанских отрядов, взвода разведки, хозяйственного взвода и штаба бригады. В поход вышли 648 человек. Командир бригады — майор И. А. Григорьев, комиссар — ст. политрук Н. П. Аристов, начальник штаба — капитан Д. И. Колесник.

Этот героический и одновременно трагический поход, который сами партизаны называли «голодным», хорошо показан в романе-хронике карельского партизана-писателя Д. Я. Гусарова «За чертой милосердия»⁸², а также в книге Г. В. Чумакова и А. Н. Ремизова «Бригада. История 1-й партизанской бригады Карельского фронта»⁸³. Отметим его наиболее важные моменты. За время похода бригада прошла по лесам и болотам свыше 700 км, имела 26 столкновений с противником. По советским официальным данным, в боях с партизанами финны потеряли убитыми свыше 750 человек и ранеными до 1 200 человек (однако надо иметь в виду, что в финских источниках даются другие — намного меньшие — цифры потерь своих войск). Но и партизаны понесли тяжелый урон. По отчетам, составленным сразу после похода, потери составили: убитые — 213 человек, умершие от голода — 85 человек, пропавшие без вести — 156 человек, утонувшие — 7 человек, расстрелянные по приговору тройки — 9 человек, перешел к финнам — 1 человек. Таким образом, не вернулось из рейда 470 партизан. В наш тыл вышло всего 178 человек, в том числе 53 раненых⁸⁴.

Ни одна из боевых задач, поставленных в приказе штаба партизанского движения перед бригадой, не была выполнена. Но в этом нет вины участников партизанского похода. Партизаны сделали все, что могли, и даже больше того, чем позволяли сложившиеся во время похода обстоятельства. Основная ответственность за неудачи и потери этого рейда лежит как на штабе партизанского движения под руководством комбрига С. Я. Вершинина, так и на командовании Карельского фронта в лице члена Военного совета фронта Г. Н. Куприянова. Именно они поставили перед бригадой заведомо неосуществимые задачи, разработали план операции без учета конкретной обстановки и не смогли организовать обеспечение, прежде всего продовольственное, в ходе рейда бригады.

Причины проведения такой широкомасштабной операции партизан на Карельском фронте летом 1942 г. до сих пор не названы. По этому вопросу существуют разные точки зрения. Так, историки Г. В. Чумаков и А. Н. Ремизов в статье «Первая партизанская бригада» высказывают следующее мнение: «Можно утверждать, что чисто военной необходимости в ее организации не было. Скорее всего, при принятии решения сказались субъективные факторы. Штаб партизанского движения при Военном совете Карельского фронта, возглавляемый комбригом С. Я. Вершининым, вероятно, хотел с первых дней существования продемонстрировать свою активность и эффективность. В этом вопросе штаб получил поддержку члена Военного совета фронта, первого секретаря ЦК КП(б) Г. Н. Куприянова, который рассматривал партизанское движение прежде всего как объект партийного руководства и контроля. Таким образом, ускоренная подготовка к походу началась лишь за две недели до установленного срока. Было проведено перевооружение бригады. Тяжелые станковые пулеметы и минометы были заменены на легкие ручные пулеметы, а трофейное оружие было замене-

но на отечественное. Значительно пополнены запасы патронов, гранат, взрывчатки. Перед выходом в поход на вооружении бригады имелось: ручных пулеметов — 47, автоматов — 89, винтовок — 427, пистолетов — 87. Каждый партизанский отряд получает радиостанцию. Минометная рота и пулеметный взвод расформируются и их личный состав распределяется по отрядам. Все партизаны проходят медицинский осмотр, и непригодные по состоянию здоровья к длительному походу отчисляются. С армейских складов бригада получает продовольствие сухим пайком по существующим нормам на 20 суток. В последние 10 дней перед выходом в тыл во всех отрядах ведется усиленная политико-воспитательная работа (партийные, комсомольские, общие собрания). Прибывший в бригаду член Военного совета Карельского фронта Г. Н. Куприянов провёл вручение правительственных наград за зимние операции»⁸⁵.

В книге К. В. Гнетнева «Тайны лесной войны» приводятся воспоминания разведчиков-партизан Ивана Комиссарова и Василия Касьянова, которые в середине 1970-х гг. встречались с бывшим первым секретарем ЦК КП(б) КФССР, членом Военного совета Карельского фронта генералом Г. Н. Куприяновым, который приезжал в Карелию на презентацию своей книги «За линией Карельского фронта». Куприянов рассказал тогда, что в 1942 г. со стороны Карельского фронта планировалось наступление наших войск с целью освобождения Ленинграда из блокады. Сюда были оттянуты войска численностью до 250 тыс. бойцов. Подзревали об этом и финны, которые также сконцентрировали свои войска на этой линии фронта. Партизанскую бригаду в этой операции планировали действовать для дезорганизации тыла противника. Но, как это часто бывало на войне, планы изменились. Войска сняли и перебросили под Сталинград, а чтобы противник не догадался о перемене в плане, было решено пожертвовать бригадой: пусть, мол, воюет; финны подумают, что, наверное, не зря такую силу бросили к ним в тыл, значит, какое-то серьезное дело заворачивается. По словам Куприянова, «партизаны свою задачу выполнили — финны не отзывали с нашего фронта ни одной воинской части. Ну а цена... Мы ведь “за ценой не постоим...”»⁸⁶.

Далее Гнетнев пишет: «Были ли у Верховного Командования такие планы или их не было, и имеем ли мы дело с мифами, нам еще предстоит узнать. Может быть, ничего подобного в реальности и не существовало, а генералами в Беломорске двигало понятное и вполне земное желание попасть в сводку Совинформбюро, отметить громкими боевыми делами перед Верховным Главнокомандующим. И недрогнувшей рукой они бросали на гибель сотни партизан»⁸⁷.

Так или иначе, поход бригады И. А. Григорьева в июне — августе 1942 г. оставляет много вопросов, которые требуют от историков дальнейшего изучения этой проблемы. Но факт остается фактом, партизаны выполняли сложнейшую боевую задачу, свято веря, что она необходима для Родины.

Одной из проблем партизанского движения в Карелии в период войны являлось плохое вооружение партизанских отрядов. К. В. Гнетнев в этой связи пишет: «В июле 1941 года, то есть с момента создания первых отрядов и позже, бойцов вооружали со складов, оставшихся, вероятно, с начала 20-х годов, со времен оккупации Русского Севера разношерстными войсками Антанты. Это были бельгийские винтовки, немецкие карабины, английские пулеметы “люис”, немецкие пулеметы “браунинг” и прочее морально и физически устаревшее оружие.

Даже отечественных винтовок-трехлинеек, производство которых было налажено в России с конца XIX века, явно не хватало. А в тех отрядах, где они появлялись, винтовками вынуждены были вооружать девчонок-медсестер, которые не знали, как их носить, — зимой приклад чертил по снегу, а летом цеплялся за корни деревьев. Снабдить их другим оружием могли далеко не везде»⁸⁸.

Положение с вооружением партизанских отрядов стало меняться с 1942 г. В составе сформированного 30 мая 1942 г. штаба партизанского движения при Военном совете Карельского фронта был создан 5-й отдел материально-технического обеспечения. В партизанских отрядах появилось отечественное вооружение: десятизарядные полуавтоматические СВТ (самозарядная винтовка Токарева), автоматы ППШ (пистолет-пулемет Шпагина) и ППД (пистолет-пулемет Дегтярева), легкий автомат ППС (партизаны называли его «козья ножка»), пистолет «ТТ», гранаты Ф-1 («лимонка») и РГД. Но многие партизаны предпочитали им трофейный финский автомат «суоми». Так, партизан Б. С. Воронов вспоминал: «Это был хороший автомат. Во-первых, его можно было легко разбирать и собирать. Во-вторых, он был очень надежен и одинаково уверенно работал в мороз и в любую непогоду. Калибр «суоми» имел 9 мм и был тяжелым, из-за чего некоторые отказывались его носить. Я же проходил с этим автоматом всю войну. К другим достоинствам его можно отнести хороший бой и почти полное отсутствие отдачи». Партизан отряда «Боевые друзья» И. А. Комиссаров автомат «суоми» считал лучшим автоматом Великой Отечественной войны»⁸⁹.

Слабо изученной стороной партизанского движения в Карелии (это можно отнести и к другим регионам страны) является вопрос о том, как и какими методами в условиях военного времени поддерживалась дисциплина и порядок в партизанских отрядах. К. В. Гнетнев в «Тайнах лесной войны» пишет: «Командир

партизанского отряда, комиссар и заместитель по разведке в походных условиях, во время выполнения боевого задания в тылу врага составляли так называемую тройку военно-полевого суда. Она имела право применять высшую меру наказания, установленную в государстве за тягчайшие преступления, — иными словами, собственным решением расстрелять любого бойца за тот или иной проступок. И отдельные командиры в партизанских отрядах правом этим активно пользовались. Достаточно сказать, что за время 57-суточного похода первой партизанской бригады по решению тройки было расстреляно девять бойцов»⁹⁰. Далее в книге читаем: «Летом 1942 года командир партизанского отряда “Вперед” К. В. Бондюк расстрелял партизана за кражу сухаря уже на нашей территории, тогда, когда отряд находился в деревне Березово, в расположении пограничной части. И сам Бондюк, и члены его тройки понимали, что здесь их юрисдикция закончилась, и дело о краже должен рассматривать военный трибунал. Тем не менее приговор был вынесен и немедленно приведен в исполнение»⁹¹.

Партизаны ожидали, что штаб партизанского движения накажет командира за самоуправство. Но этого не произошло. «Дело кончилось лишь крепкой проработкой и вынесением ему строгого выговора, — пишет в книге воспоминаний политрук отряда Г. А. Герасимов. — В штабе партизанского движения учли боевые заслуги молодого подполковника и приняли во внимание, что этот бесмысленно жестокий приговор он вынес, “находясь в тяжелейшем духовном и физическом состоянии”»⁹².

К. В. Гнетнев дает свое объяснение подобным фактам: «Ответ на вопрос: почему в штабе партизанского движения Карельского фронта так снисходительно смотрели на многочисленные факты проявления жестокости в партизанских отрядах, — а среди них известны расстрелы, добивание раненых бойцов, оставление их, ослабевших от истощения, на поле боя или во время походов, — станет понятнее, если посмотреть, кто им руководил, каков его собственный жизненный опыт. Начальник штаба Сергей Яковлевич Вершинин — кадровый чекист, который в самые жуткие годы массовых “посадок”, “высылки” и расстрелов занимал высокие должности в НКВД. В частности, с 1937 по 1938 год был начальником Управления НКВД по Рязанской области. В Карелию он прибыл вообще с должности начальника концлагеря в Норильске. То есть его подпись можно обнаружить под сотнями расстрельных дел. Не думаю, что такого “закаленного” чекиста можно было хоть чем-нибудь разжалобить»⁹³.

В книге «Тайны лесной войны» К. В. Гнетнев приводит воспоминания партизан о жестких методах по наведению и поддержанию порядка в партизанских отрядах. При знакомстве с этими трагическими страницами военной истории хорошо видно, что ветераны четко отделяют те случаи, когда жестокость командиров была продиктована объективной необходимостью борьбы в тылу врага, от того, когда она выходила за рамки общепринятых человеческих норм и вызывала неприятие и осуждение со стороны партизан.

Партизан отряда «Железняк» С. П. Татаурщиков рассказал о публичной казни одного из партизан за воровство продуктов, которая произошла во время похода этого отряда в тыл противника в 1943 г.: «Мы восприняли эту показательную казнь как что-то крайне неприятное. Но все понимали, что за дело. Воровство продуктов среди партизан всегда считалось величайшим преступлением. Представьте себе, что в походах мы постоянно недоедали. Мало того что молодым

мужикам все время в движении, в действии и нормы-то не хватало, так ведь еще постоянно приходилось экономить. Мы просто голодали. А тут воровство. Это воспринималось как дикость, как нечто за гранью нашего понимания... Сон на посту и воровство продуктов — вот два преступления, о которых я знаю и которые карались смертью. Все партизаны об этом помнили. Я сознательно не говорю о предательствах, случаи которых бывали в других отрядах. Это вообще для нас было за гранью мыслимого». Партизан отряда «Вперед» Д. С. Александров отмечает: «Война в лесу была иногда настолько тяжелой, что требовала от партизан невероятных, просто сверхчеловеческих усилий. Однажды в одном из очередных трудных походов у нас в отряде был расстрелян боец за то, что уснул на посту. Нас все время предупреждали об ответственности часового. Каждый помнил случаи, когда финны вырезали целые подразделения, находившиеся на отдыхе. Скажем, на колвасозерской дороге из-за этого погиб целый взвод А. Ф. Лешинкина, и только случай позволил спастись троем, в том числе Н. Н. Пастушенко (Сидоровой)»⁹⁴.

В 1944 г. партизанская война в Карелии приобрела иной характер. Партизанские отряды получили ценный опыт боевых действий в тылу врага, их действия отличались большей слаженностью, они были лучше вооружены и экипированы. Финские карательные отряды, созданные в каждом гарнизоне из специально подготовленных солдат для преследования партизан после выполнения ими боевых задач, были расформированы. А когда преследование все-таки осуществлялось, партизаны научились жестко отсекаать их.

Важным показателем успешности и результативности партизанского движения в Карелии на завершающем этапе войны является показатель безвозвратных потерь среди личного состава партизанских отрядов. Так, согласно советским официальным документам, в 1942 г. было убито и умерло (от болезней, голода, истощения и др.) — 532 человека, пропало без вести — 301; в 1943 г. убито и умерло — 220 человек, пропало без вести — 131; а за десять с половиной месяцев 1944 г. (с 1 января по 15 октября 1944 г.) эти показатели значительно снизились: убито и умерло — 129 человек, пропало без вести — 39⁹⁵.

За неделю до заключения перемирия с Финляндией, 12 сентября 1944 г., было принято решение о расформировании штаба партизанского движения Карельского фронта. Вечером того же дня партизанским отрядам мурманского и кандалакшского направлений, вышедшим в начале сентября 1944 г. в тыл противника, были даны радиогаммы о немедленном возвращении на свои базы. В сентябре 1944 г. партизанское движение в Карелии прекратило свое существование: одна часть бойцов партизанских отрядов была направлена в действующую армию, другая — по местам прежнего жительства. 8 октября 1944 г. в освобожденном Петрозаводске состоялся парад партизан. Однако штаб партизанского движения Карельского фронта продолжал свою работу даже после ликвидации в ноябре 1944 г. Карельского фронта. 2 декабря 1944 г. штаб из Беломорска для окончательной ликвидации перевели в Петрозаводск⁹⁶.

Конечно, масштаб и результативность партизанского движения в Карелии в период войны трудно сравнивать с партизанской войной в Белоруссии, Брянской, Смоленской и других областях страны. Однако, в целом, партизанскую войну в Карелии в 1941—1944 гг. нельзя отнести к незначительному явлению и не оценить ее вклад в общий военный успех Карельского фронта. В сложных климати-

ческих и природных условиях Севера, будучи вооруженными и экипированными хуже, чем финские и немецкие солдаты, не имея возможности использовать дороги, без поддержки артиллерии и авиации, при отсутствии на оккупированной территории баз боевого и продуктового снабжения карельские партизаны показали себя грозной силой.

38 месяцев длилась самоотверженная борьба партизан Карелии. По данным штаба партизанского движения Карельского фронта, за три года войны партизаны осуществили более тысячи боевых операций, уничтожили более 15 тыс. вражеских солдат и офицеров, разгромили 53 гарнизона противника, организовали 31 крушение воинских эшелонов, взорвали 151 мост, 314 автомашин, 78 складов, уничтожили много другого имущества врага⁹⁷. В конечном итоге они выиграли лесную войну у опытного противника, каким являлись финские войска. Сила партизан стала особенно ощущаться на заключительном этапе военных действий на Севере — в 1943—1944 гг. Именно в этот период финны начинают отказываться от преследования партизанских отрядов после выполнения ими боевых операций в тылу врага.

1 Веригин С. Г., Лайдinen Э. П. Некоторые особенности партизанского движения в Карелии в 1941—1944 гг. // Партизанская война в Карелии: Сб. ст. и материалов / Военно-ист. об-во; отв. ред. Г. В. Чумаков. Петрозаводск, 2005. С. 6—30; Чумаков Г. В., Ремизов А. Н. Бригада: История 1-й партизанской бригады Карельского фронта. Петрозаводск, 2007; Кулагин О. И. Организация связи в партизанских отрядах Карельского фронта в период Великой Отечественной войны // Партизанская война в Карелии. С. 31—43; и др.

2 См., например: *Seppälä H. Neuvostopartisaanit toisessa maailmansodassa*. Helsinki, 1971; *Martikainen T. Partisaanien siviiliuhrit*. Värisuora; Kemi, 2002; и др.

3 См., например: *Erkkilä V. Vaiettu sota. Neuvostoliiton partisaanien iskut suomalaisiin kyliin*. Helsinki, 1999; *Martikainen T. Partisaanien siviiliuhrit*; и др.

4 STT — Juha Raippalinn. Partisaanisodassa surmattiin 176 siviiliä // *Warkauden lehti*. 2002. 16. tammikuuta.

5 *Erkkilä V. Vaiettu sota. Neuvostoliiton partisaanien iskut suomalaisiin kyliin*.

6 Ibid. S. 20, 54.

7 Ibid. S. 109, 224.

8 Ibid. S. 224, 266.

9 Чумаков Г. В., Ремизов А. Н. Бригада: История 1-й партизанской бригады Карельского фронта. С. 90—91.

10 Авдеев С. С. Первый партизанский год: По материалам НКВД // Карелия. 2002. 11 июля. С. 12.

11 Гнетнев К. В. Тайны лесной войны: Партизанская война в Карелии 1941—1944 годов в воспоминаниях, фотографиях и документах. Петрозаводск, 2007. С. 261.

12 Там же. С. 262.

13 *Rauha on ainoa mahdollisuudemme. Partisaanisodan kansainvalinen sovitusseminaari*. Sodankylä, 2002.

- 14 Колпакиди А., Прохоров Д. Внешняя разведка России. СПб.; М., 2001. С. 41—42.
- 15 Там же. С. 42—43.
- 16 Военный энциклопедический словарь. М., 1993. С. 802.
- 17 Там же. С. 540.
- 18 Там же.
- 19 Макуров В. Г. Военная летопись Карелии, 1941—1945. Петрозаводск, 1999. С. 10.
- 20 Архив УФСБ РФ по РК, ФСДП, оп. 1, д. 101, л. 298.
- 21 Авдеев С. С. Первый партизанский год: По материалам НКВД. С. 12.
- 22 Чумаков Г. В., Ремизов А. Н. Первая партизанская бригада // Партизанская война в Карелии. С. 46.
- 23 История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 643; Авдеев С. С. Первый партизанский год: По материалам НКВД. С. 12.
- 24 История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 644.
- 25 Там же. С. 645.
- 26 Там же. С. 649.
- 27 Там же. С. 645.
- 28 Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 1, ч. 4, л. 43.
- 29 История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 645.
- 30 Там же.
- 31 Там же. С. 645—646.
- 32 Военный энциклопедический словарь. С. 540.
- 33 Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 1, ч. 4, л. 105.
- 34 Авдеев С. С. Первый партизанский год: По материалам НКВД. С. 12.
- 35 Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 1, ч. 4, л. 2, 43; История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 647, 650.
- 36 Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 1, ч. 4, л. 43; История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 647, 650.
- 37 Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 1, ч. 4, л. 30, 120.
- 38 Там же, л. 43.
- 39 История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 647.
- 40 См.: Архив УФСБ РФ по РК, ФСДП, оп. 1, д. 98, л. 154—161.
- 41 Там же, ф. 6, д. 315, л. 30; ФДОУ, д. 9/1, л. 11, 32, 50.
- 42 Там же, ф. 2, д. 120, л. 49.
- 43 Там же, ФСДП, оп. 1, д. 111, л. 50.
- 44 Чумаков Г. В. Подготовка кадров для партизанских отрядов на Карельском фронте в период Великой Отечественной войны. С. 1. (Рукопись.)
- 45 КГАНИ, ф. 219, оп. 1, д. 15, л. 7.
- 46 Там же, ф. 213, оп. 1, д. 153, л. 25.
- 47 Чумаков Г. В. Подготовка кадров для партизанских отрядов на Карельском фронте в период Великой Отечественной войны. С. 2.
- 48 КГАНИ, ф. 213, оп. 1, д. 153, л. 31; д. 259, л. 2.
- 49 Там же, д. 259, л. 11—13.
- 50 Там же, л. 15.
- 51 Чумаков Г. В. Подготовка кадров для партизанских отрядов на Карельском фронте в период Великой Отечественной войны. С. 2.

- 52 КГАНИ, ф. 213, оп. 1, д. 262, л. 76.
- 53 Там же, д. 259, л. 40.
- 54 Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: Военно-ист. очерк / Отв. ред. А. И. Бабин. М., 1984. С. 168.
- 55 КГАНИ, ф. 213, оп. 1, д. 751, л. 75.
- 56 Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. С. 168.
- 57 Чумаков Г. В. Подготовка кадров для партизанских отрядов на Карельском фронте в период Великой Отечественной войны. С. 2.
- 58 Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 1, ч. 1, л. 14; ч. 4, л. 2, 9, 43; *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П.* Особенности партизанского движения в Карелии в 1941—1944 гг. // Партизанская война в Карелии. С. 24.
- 59 Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 1, ч. 4, л. 31, 67; *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П.* Особенности партизанского движения в Карелии в 1941—1944 гг. С. 25.
- 60 Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 1, ч. 4, л. 30; *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П.* Особенности партизанского движения в Карелии в 1941—1944 гг. С. 25.
- 61 Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 1, ч. 4, л. 82—84.
- 62 *Гнетнев К. В.* Тайны лесной войны. С. 207—208.
- 63 Там же. С. 191.
- 64 РГАСПИ, ф. 69, оп. 1, д. 744, л. 22—27; *Попов А.* НКВД и партизанское движение. М., 2003. С. 268—274.
- 65 Там же.
- 66 *Sudenniemi S.* Salaisen sodan varjot. Tiedustelu-ja desanttitoiminta Talvi-ja jatkosodassa. Helsinki, 1987. S. 410.
- 67 *Авдеев С. С.* Первый партизанский год: По материалам НКВД. С. 12.
- 68 Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 1, ч. 4, л. 25, 43, 67; *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П.* Особенности партизанского движения в Карелии в 1941—1944 гг. С. 27.
- 69 Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 1, ч. 4, л. 43; *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П.* Особенности партизанского движения в Карелии в 1941—1944 гг. С. 27.
- 70 *Авдеев С. С.* Первый партизанский год: По материалам НКВД. С. 12.
- 71 Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 1, ч. 4, л. 30.
- 72 *Гнетнев К. В.* Тайны лесной войны. С. 5.
- 73 Там же. С. 69.
- 74 КГАНИ, ф. 8, оп. 13, д. 257, л. 36—37.
- 75 Там же, ф. 213, оп. 1, д. 40, л. 75—76.
- 76 *Гнетнев К. В.* Тайны лесной войны. С. 9.
- 77 Там же. С. 271.
- 78 Архив УФСБ РФ по РК, ФСДП, оп. 1, д. 120, л. 4—49.
- 79 *Куприянов Г. Н.* За линией Карельского фронта. Петрозаводск, 1978. С. 58—60.
- 80 *Гнетнев К. В.* Тайны лесной войны. С. 43.
- 81 *Чумаков Г. В., Ремизов А. Н.* Первая партизанская бригада. С. 68—69.
- 82 *Гусаров Д.* За чертой милосердия. Петрозаводск, 1983.
- 83 *Чумаков Г. В., Ремизов А. Н.* Бригада: История 1-й партизанской бригады Карельского фронта.
- 84 КГАНИ, ф. 213, оп. 1, д. 40, л. 75; *Чумаков Г. В., Ремизов А. Н.* Первая партизанская бригада. С. 80.
- 85 Там же. С. 66—67.

- 86 Гнетнев К. В. Тайны лесной войны. С. 217—218.
- 87 Там же. С. 218.
- 88 Там же. С. 60—61.
- 89 Там же. С. 64, 67.
- 90 Там же. С. 246.
- 91 Там же. С. 247.
- 92 Герасимов Г. А. Партизанские километры. Петрозаводск, 1982. С. 114.
- 93 Гнетнев К. В. Тайны лесной войны. С. 247—248.
- 94 Там же. С. 250—251; 258.
- 95 КГАНИ, ф. 213, оп. 1, д. 808, л. 8.
- 96 Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 1, ч. 4, л. 102; ч. 6, л. 221.
- 97 Там же, л. 651.

3.4. Деятельность органов НКВД-НКГБ КФСР по организации разведывательно-диверсионной работы в тылу финских войск в 1941–1944 гг.

Деятельность органов НКВД-НКГБ Карело-Финской ССР по организации разведывательно-диверсионной работы в тылу финских войск, в том числе и разведгрупп на Карельском фронте, направляемых чекистами за линию фронта в период военных действий 1941–1944 гг., остается слабо изученной в отечественной историографии. До конца 1980-х гг. лишь в отдельных публикациях в периодической печати, мемуарах, художественных изданиях и специальных сборниках рассказывалось о деятельности некоторых разведчиков¹. Что касается научной литературы по данной теме, то она стала появляться только в последние годы. Среди публикаций можно отметить небольшую по объему статью петрозаводского исследователя С. С. Авдеева, посвященную вопросам подготовки и деятельности бойцов спецотряда НКВД-НКГБ КФСР в тылу врага². К изданию подготовлена работа Э. П. Лайдинена «Советская контрразведка против финской разведки на территории Карелии в 1939–1944 гг.»³.

Настоящий раздел монографии является одной из первых попыток представить в обобщенном виде на основе анализа рассекреченных материалов карельских государственных и ведомственных архивов (Архив УФСБ РФ по Республике Карелия, Архив МВД РК и др.) картину борьбы органов НКВД-НКГБ КФСР против ок-

купантов и, прежде всего, процесс подготовки и деятельности разведывательно-диверсионных групп НКВД-НКГБ КФССР в тылу финских войск в 1941—1944 гг.

Нападение нацистской Германии и ее союзников на СССР 22 июня 1941 г. заставило военно-политическое руководство страны кардинально пересмотреть свое отношение к разведывательно-диверсионной деятельности в тылу противника. Уже 1 июля 1941 г. нарком госбезопасности СССР В. Н. Меркулов подписал директиву № 168 о задачах органов безопасности в условиях военного времени, в которой, в частности, говорилось: «...в захваченных врагом районах надо создать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу...» Эта же мысль прозвучала и в выступлении по радио 3 июля 1941 г. председателя ГКО СССР И. В. Сталина: «...в захваченных врагом районах создать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу и срывать все их мероприятия...» В постановлении ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 г. «Об организации борьбы в тылу германских войск» подчеркивалось: «...задача заключается в том, чтобы создать невыносимые условия для германских интервентов... уничтожать захватчиков и их пособников...»⁴. Фактически был отдан приказ на проведение террора и диверсий в тылу противника и указаны категории лиц, которые подлежали уничтожению.

5 июля 1941 г. нарком внутренних дел Л. П. Берия подписал приказ № 00882 о создании при НКВД СССР Особой группы, перед которой ставились следующие задачи: разработка и проведение разведывательно-диверсионных операций против гитлеровской Германии и ее сателлитов; организация подпольной и партизанской войны; создание нелегальных агентурных сетей на оккупированной территории; руководство специальными радиоиграми с немецкой разведкой с целью дезинформации противника⁵. Начальником Особой группы был назначен Павел Анатольевич Судоплатов*, его заместителем — Наум Исаакович Эйтингон.

При Особой группе было создано воинское подразделение, включавшее два полка, которые делились на батальоны, отряды и спецгруппы. В октябре 1941 г. войска Особой группы были преобразованы в отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (ОМСБОН), ставшую первым соединением отечественного «спецназа».

Сама Особая группа НКВД СССР в этом же месяце была реорганизована во 2-й отдел, который в свою очередь в январе 1942 г. был преобразован в 4-е управление НКВД СССР. В республиканских и областных управлениях НКВД, в том числе и в Карело-Финской ССР, были созданы опергруппы (в августе 1941 г. преобразованные в 4-е отделы), на которые и возлагались задачи по формированию и руководству деятельностью истребительных батальонов, партизанских отрядов и диверсионных групп, организации разведки районов их вероятной деятельности⁶.

* Судоплатов Павел Анатольевич (1907—1996), комиссар госбезопасности. С 1925 г. работал в органах ОГПУ-НКВД-НКГБ, один из руководителей советской внешней разведки, специалист по террору. В 1938 г. в Роттердаме (Нидерланды) ликвидировал лидера украинских националистов Е. Коновальца, в 1939—1940 гг. руководил подготовкой операции «Утка» по ликвидации Л. Д. Троцкого. С января 1942 г. начальник 4-го отдела НКВД-НКГБ СССР. Руководил партизанскими и разведывательно-диверсионными операциями в ближнем и дальнем тылу противника, координировал работу агентурной сети на территории Германии и ее союзников.

С самого начала Великой Отечественной войны НКГБ КФССР приступил к активной организации агентурной и диверсионной работы за линией фронта. Она включала в себя следующие направления: подготовка и оставление на территории, которой угрожала оккупация, нелегальных резидентур и агентов-одиночек для контрразведывательной работы; формирование и переброска в ближайший тыл финских войск разведывательных групп для сбора сведений о противнике; засылка диверсионных групп на коммуникации врага для уничтожения живой силы и дезорганизации тыла наступавших финских воинских частей.

Уже 23 июня 1941 г. начальникам Выборгского, Сортавальского, Яскинского, Суоярвского, Ребольского, Калевальского и Кестеньгского районных отделов НКГБ, а 27 июня — Кексгольмского и Ухтинского отделов были даны указания об оставлении агентуры для разведывательно-диверсионной работы на территории, которую противник мог захватить.

В ноябре 1941 г. начальник карельской разведки майор госбезопасности Г. И. Кудрявцев в «Отчете о проделанной работе разведотдела НКВД КФССР по состоянию на 10 ноября 1941 г.» докладывал, что отделом подготовлена резидентура для оставления в г. Медвежьегорске в случае занятия его противником. Одной из задач резидентуры является «подготовка и проведение террористических актов над представителями командования, разведки и органов власти противника»⁷. За день до захвата финскими войсками г. Петрозаводска НКГБ КФССР оставил в городе 8 агентов, одному из которых (Ситникову) была поставлена задача «по совершению террористических и диверсионных актов в отношении врага и его живой силы»⁸. Всего при отступлении частей Красной Армии в оккупированных районах Карелии, включая г. Петрозаводск, был оставлен 61 агент⁹.

Однако, как показали дальнейшие события (быстрое наступление финских войск, недостатки в подготовке агентуры, отсутствие надежной связи, предательство отдельных агентов, переселенческая политика финских оккупационных властей), свою деятельность эта агентура не развернула и существенной роли в зафронтной работе не сыграла. Практика привлечения агентов-одиночек к совершению террористических актов себя также не оправдала.

В первые месяцы войны негативное влияние на организацию деятельности агентурной работы органов безопасности Карелии, как и других прифронтовых регионов страны, оказывало то обстоятельство, что они вынуждены были решать задачи по силовой поддержке обороняющихся воинских частей, формированию, в том числе за счет оперативного состава, истребительных батальонов и партизанских отрядов (до образования в июне 1942 г. при Военном совете Карельского фронта штаба партизанского движения).

Направление диверсионных групп в тыл противника стало применяться с самого начала войны. Уже 12 июля 1941 г. наркомом госбезопасности КФССР Баскаковым и заместителем командующего тылом 7-й армии Киселевым издается «Боевой приказ № 1» о направлении спецгруппы НКГБ в составе 25 человек с диверсионным заданием на территорию Финляндии в район Лиекса — Йоэнсуу. Во время рейда в оперативный тыл противника группа взорвала мост и склад боеприпасов в д. Лубосалми, уничтожила две грузовые автомашины, заминировала 3 км дороги, повредила в нескольких местах телефонные провода, вышла в расположение советских войск, потеряв трех человек в ходе боестолкно-

вений с группами преследования. Примерная нагрузка на бойца составила около 25 кг (винтовка — 4,5 кг, 120 патронов — 2,6 кг, четыре гранаты РГД, ВВ — 1 кг, продукты — 14 кг и др.). В отчете командира группы был высказан ряд предложений по улучшению оснащения будущих диверсионных групп.

Анализ данной и других «ходов» в тыл противника в первые недели войны показал настоятельную необходимость более тщательно вести подготовку диверсионных групп для заброски их за линию фронта. И уже в июле 1941 г. в НКГБ КФССР была организована специальная (особая) диверсионная школа. СНК республики 8 июля 1941 г. утвердил подготовленную разведотделом «Ориентировочную смету расходов по подготовке лиц специального назначения», в которой указывалось, что курсы рассчитаны на семь дней (по 40-часовой программе), количество курсантов — 27 человек, преподавателей — 2 человека. Численность курсантов в первые полгода войны постоянно увеличивалась: в октябре 1941 г. школа состояла из четырех отрядов по три группы в каждом и насчитывала 154 человека, а к концу 1941 г. школу окончили 196 человек и было сформировано 15 диверсионных групп. Школа имела две грузовые машины, катер и моторную лодку. Руководил школой начальник 4-го отдела комбриг С. Я. Вершинин¹⁰.

После организации в октябре 1941 г. 4-го отдела все диверсионные кадры, за исключением районных отделений (РО), вошли в спецотряд школы особого назначения НКВД, который дислоцировался до конца войны в с. Шижня Беломорского района республики.

Подбор кадров в спецотряд производился отделами НКГБ на предприятиях, в различных учреждениях и организациях на добровольной основе, как правило, из числа молодежи. При этом учитывались профессиональные качества кандидата, проверялась его благонадежность и «политическая лояльность». Затем по письменному ходатайству наркомата («направляем список лиц, давших согласие на работу по выполнению спецзаданий в тылу врага») принималось распоряжение СНК КФССР, которое направлялось руководителям предприятий: «Работающий у Вас (Ф. И. О.) временно призван для выполнения особых заданий, связанных с обороной страны. Сохраните за ним занимаемую должность и зарплату»¹¹.

Привлекались к выполнению заданий и отдельные заключенные, осужденные за незначительные преступления, а также чекисты, арестованные в годы репрессий, а с началом войны подавшие заявления о посылке их на фронт. Им оформляли освобождение, и они направлялись в распоряжение НКГБ КФССР.

Возможность использования этого контингента для диверсионной работы в тылу противника в июле 1941 г. обосновывал в рапорте на имя наркома государственной безопасности КФССР М. И. Баскакова начальник отделения КРО НКГБ республики Я. Х. Каган. Он передал список заключенных ОИТК НКВД КФССР, осужденных за незначительные преступления (подчеркивалось, что не за контрреволюционные), проявивших себя стахановцами в ИТЛ, имеющих положительные характеристики и выразивших желание отправиться на фронт добровольцами¹².

Интересное обоснование целесообразности использования заключенных приводит в своем заявлении на имя секретаря ЦК КП(б) КФССР, члена Военного совета Карельского фронта Г. Н. Куприянова сотрудник НКВД Креков: «В органах

НКВД мне приходилось работать над деклассированным преступным элементом. Часть из этой категории (осужденные за мелкие преступления) молодых, здоровых людей, имеющих твердый и решительный характер, неплохие умственные способности, имеет возможность принять непосредственное участие в защите Родины, вернуться в семью уже не преступником. После тщательной военной и политической подготовки из них можно сформировать группу для выполнения любых боевых заданий. Вооружение этого контингента при наличии заградительных заслонов исключает возможность проявления трусости или измены»¹³.

Так же, как и в партизанские отряды, бойцы в спецотряд особой школы НКВД КФССР отбирались и в соседних регионах (часто это приходилось делать с «боем»). Например, в январе 1942 г. в распоряжение 4-го отдела для комплектования диверсионных групп прибыло 25 человек из Архангельской области, в том числе 6 работников милиции. Так как здоровых, как правило, не отдавали, то уже по прибытии в Беломорск, который после оккупации Петрозаводска финскими войсками стал военной столицей республики, было «отбраковано» по состоянию здоровья 7 человек (один даже оказался с ампутированными пальцами ног)¹⁴.

По состоянию на 1 ноября 1942 г. численность спецотряда составляла 87 человек, из них:

- а) по социальному положению: служащие — 40, рабочие — 45, колхозники — 2;
- б) по партийности: члены (кандидаты) партии — 22, комсомольцы — 35;
- в) по возрасту: до 28 лет — 41, до 22 лет — 22, до 18 лет — 24;
- г) по национальности: русские — 63, карелы — 9, украинцы — 5, финны — 2, вепсы — 2, другой национальности — по 1 человеку.

Состав спецотряда постоянно менялся. Многие бойцы погибали на заданиях, попадали в плен к финнам, некоторые спецгруппы пропадали без вести. Пополнение отряда в период всей войны шло, прежде всего, за счет тех бойцов, чьи родственники находились на оккупированной территории и кого можно было использовать в агентурной работе. Часть бойцов спецотряда направляли в распоряжение штаба партизанского движения при Военном совете Карельского фронта, и наоборот — за счет партизанских отрядов пополняли состав спецотряда НКВД КФССР.

Всего с мая по ноябрь 1942 г. из отряда выбыло по различным причинам 77 человек, в том числе было убито и пропало без вести — 26, ранено — 13, отчислено по состоянию здоровья и в партизанские отряды — 15, в военкомат — 15, на учебу — 5. Прибыло в отряд 17 человек¹⁵.

На 1 июня 1942 г. в 4-м отделе НКВД КФССР насчитывалось 278 человек, зачисленных на довольствие, в том числе: специальный диверсионный отряд — 156 человек; нелегальные резидентуры — 72; прошедшие двухмесячную подготовку в НКВД — 25; прошедшие подготовку радистов — 10 человек.

Обучение бойцов в спецшколе НКВД КФССР проводилось ежедневно с 10:00 до 22:00 по специальной программе, включавшей в себя военную (устав пехоты, боевое оружие, подрывное дело, топография, самбо, медпомощь) и оперативную (разведка, основы партизанской тактики, методы работы финской контрразведки) подготовку. В основу политической подготовки брались публикации в газе-

тах, выступления лекторов парторганов, изучались доклады руководителей страны и республики. Подготовка к парашютному делу (теория и прыжки) проходила в г. Онега Архангельской области, при этом часть бойцов из-за страха отказывалась прыгать. Подготовка радистов в первое время велась на полугодовых курсах в Москве, но уже в 1942 г. 8 девушек окончили в Беломорске курсы, организованные при 4-м отделе, в 1943 г. таких было 10 человек; в 1944 г. — 13¹⁶.

Снабжение продпайками и вооружением бойцов спецотряда особой школы НКВД КФСР осуществлялось по нормам 4-го управления НКВД СССР со склада хозяйственного отдела по нарядам и накладным. Обоснованные рапорта-заявки (по количеству людей, задачам, нормам) подавались оперработниками начальнику 4-го отдела за пять дней до выхода группы на задание. При недостатке пайков и снаряжения они взаимнообразно запрашивались у начальника тыла Карельского фронта. Использовались также и природные ресурсы: отстрел лосей (по разрешениям), ловля рыбы, сбор грибов и ягод.

Первые заброски диверсионных групп за линию фронта, анализ их деятельности в тылу противника и возвращения на базу позволили определить оптимальное количество вооружения, боеприпасов и продовольствия, которое должны были брать с собой бойцы, отправляясь на задание. Примером расчета вооружения и снабжения 10-дневного рейда диверсионной группы из 14 человек может служить документ, утвержденный наркомом НКВД 13 октября 1941 г.:

- а) вооружение: винтовка-карабин (маузер) — 9 шт. (патронов — 900 шт.), винтовка СВД-40 — 5 шт. (патронов — 500 шт.), пистолет-пулемет ППД — 1 шт. (патронов — 210 шт.), ручных гранат РГД — 33—60 шт., ВВ (тол) — 12 кг (запалов — 15 шт.), бикфордов шнур — 10 м, противопехотных мин с капсюлями — 15 шт.;
- б) продовольствие: мясные консервы — 90 банок, суп-пюре гороховый — 10 кг, колбаса — 15 кг, сахар — 6 кг, сухари — 45 кг, чай — 0,4 кг, соль — 1,5 кг, махорка — 90 пачек, спирт — 10 л, спички — 60 коробков¹⁷.

Кроме осуществления диверсионно-разведывательной деятельности в тылу противника, бойцы спецшколы использовались и для решения других боевых задач. Так, в декабре 1941 г. 77 человек в составе шести групп в полном боевом снаряжении были переданы в оперативное подчинение начальнику транспортного отдела НКВД Кировской железной дороги для патрулирования участка Сорокская — Нюхча в целях предотвращения диверсионных актов со стороны финских войск.

Всего с июля 1941 г., с момента создания спецшколы, по июнь 1942 г. (до реорганизации 4-го отдела) диверсионные группы совершили 35 боевых походов (кроме участия в двух походах сводного партизанского отряда Журиха). В результате было убито 49 солдат и офицеров противника, уничтожено 9 автомашин, взорвано 19 мостов, сожжено 49 домов, захвачены 2 пленных и 1 секретный документ. В 10 случаях задания по различным причинам, прежде всего из-за столкновения с финнами, выполнить не удалось¹⁸.

На 15 марта 1942 г. за образцовое выполнение боевых заданий командования, проявленные при этом доблесть и мужество 32 бойца спецотряда были награждены: орденами Красной Звезды — 13 человек; Красного Знамени — 8; медалью «За отвагу» — 2; «За боевые заслуги» — 9 человек.

В начале 1942 г., после провала гитлеровского «блицкрига», в целях усиления разведывательно-диверсионной деятельности в тылу противника НКВД СССР принял меры по перестройке зафронтовой работы органов безопасности. Приказом наркома от 18 января 1942 г. для проведения специальной работы в тылу врага было организовано 4-е управление (руководитель П. А. Судоплатов). 1 июня 1942 г. утверждено новое положение о четвертых отделах территориальных органов, перед которыми ставились следующие задачи:

- ✱ внедрение агентов в разведывательные и административные органы противника на оккупированной территории и подготовка маршрутников;
- ✱ создание нелегальных резидентур на оккупированной территории, восстановление связи с оставшейся там агентурой;
- ✱ создание нелегальных резидентур на территории, которой угрожала оккупация;
- ✱ организация деятельности диверсионно-разведывательных групп в тылу врага.

В условиях стабилизации линии Карельского фронта и конкретизации задач по разведывательной работе в тылу противника НКВД КФССР также начал перестройку этой деятельности. В марте 1942 г. спецшкола особого назначения НКВД КФССР была реорганизована, наиболее подготовленные бойцы отобраны в спецотряд НКВД, остальные переведены в партизанские отряды. Начальником спецотряда НКВД был назначен старший лейтенант Колесник¹⁹. Приказом наркома НКВД КФССР М. И. Баскакова от 9 июня 1942 г. уже сокращенный спецотряд, состоящий из четырех взводов, был передан в подчинение 3-му (агентурному) отделению вновь созданного 4-го отдела НКВД КФССР и использовался в дальнейшем для сопровождения разведчиков в тыл врага и совершения в отдельных «ходках» диверсий на коммуникациях финских войск.

На 3-е (агентурное) отделение 4-го отдела НКВД КФССР была возложена задача подготовки специальных мероприятий по диверсии и террору в тылу противника. В целях секретности диверсия и террор в документах были зашифрованы буквами: «Д» — диверсия, «Т» — террор. Так, в сентябре 1942 г. член Военного совета Карельского фронта бригадный комиссар Г. Н. Куприянов утвердил разработанный 4-м отделом НКВД КФССР «План проведения специальных мероприятий по «Т» и «Д» на временно оккупированной противником территории на период октябрь и ноябрь 1942 года». Этим планом, в частности, предусматривалось уничтожение Шелтозерской комендатуры, коменданта и полицейских (всего 20 человек), совершение террористических актов над старостами Шелтозерского района Изотовым, Широковым и др.²⁰

В целях лучшей организации работы по заброске на оккупированную финнами территорию разведгрупп, подготовленных НКВД, штабом партизанского движения в августе 1942 г. в Пудожье создается оснащенный радиостанцией переправочный пункт 4-го отдела в составе 5 оперработников во главе с заместителем начальника отдела Я. Х. Каганом²¹. Были определены три основных способа переброски спецгрупп в тыл противника: переход линии фронта пешим порядком (зимой — на лыжах); десантирование с транспортных самолетов фронтовой авиации; переправа за линию фронта водным путем на катерах Онежской (Шала) и Ладожской флотилий.

До переброски групп через линию фронта (в основном использовался свирский участок фронта) сотрудники особых отделов договаривались с военными о времени и пункте пропуска, организации ложной «активности» их разведки на переднем крае обороны, паролях для обратного выхода. Однако при использовании этого способа переброски бойцов (всего было осуществлено 26 «ходок») случались и «накладки», когда возвращающихся разведчиков НКВД встречали военные контрразведчики и допрашивали их с пристрастием как вражеских шпионов.

При выброске с двухместного самолета (29 «ходок») выбирался край большого болота, летчики наблюдали за раскрытием всех парашютов, о чем по возвращении на аэродромы (использовались карельские аэродромы Сегежа, Сосновец, Водлозеро и Алеховщина в Ленинградской области) докладывали сопровождавшему группу сотруднику НКВД. Безопасность этого способа по сравнению с первым была выше, так как разведчики реже попадали в финские засады. Однако случалось, что иногда парашюты не раскрывались и бойцы погибали, так и не приступив к выполнению задания.

При выброске катерами (23 «ходки») последние не доходили до берега несколько сотен метров, бойцы высаживались в резиновые лодки, которые затем утапливали камнями или маскировали, а весла прятали в лесу.

Несмотря на то что на Карельском фронте не было сплошной линии фронта, стыки оборонительных рубежей тщательно охранялись финскими караулами и патрулями, минировались дороги, тропы и дома, использовалась светоракетная сигнализация²². Поэтому разведчикам в суровых климатических условиях Карелии приходилось в длительных походах преодолевать бездорожье, многочисленные озера и реки.

Анализ документальных материалов, прежде всего архивных источников, которые сравнительно недавно были рассекречены и стали доступны исследователям, позволяет выделить три основных этапа в деятельности разведывательно-диверсионных групп 4-го отдела НКВД-НКГБ КФССР в период военных действий на Карельском фронте: I этап — вторая половина 1941 г. — начало 1942 г. — решение боевых и диверсионных задач в начальный период войны; II этап — 1942 г. — массовая заброска спецгрупп при недостатке опыта и информации об обстановке на оккупированной финнами территории Карелии; III этап — 1943—1944 гг. — более эффективная работа по добыванию информации о военных и административных органах противника и проведению диверсионных операций.

Первый период разведдеятельности 4-го отдела оказался наиболее трудным, так как многое приходилось начинать с «нуля»: заново выяснять наличие на оккупированной территории агентуры и преданных советской власти людей; выявлять и привлекать к работе лиц, располагавших надежными связями в тылу противника (а таких лиц по обе стороны фронта было не так и много²³). При этом приходилось учитывать, что на оккупированной финнами территории Карелии остались в основном женщины, старики и дети, использование которых в оперативных целях было достаточно проблематичным²⁴.

На организации работы сказывался также жесткий полицейский режим, установленный финскими оккупантами: в Петрозаводске практически все русское население было заключено в лагеря; в оккупированных деревнях в каждом доме имелся список проживающих; населению выдавались специальные паспорта; с 21:00 вводился комендантский час; разрешение на перемещение между

деревнями выдавалось только старостами. По ночам выставались караулы, регулярно проводились облавы с собаками. В зимнее время вокруг деревень прокладывалась контрольная лыжня, велось наблюдение с самолетов.

Наряду с политикой заигрывания с национальным населением (финны, карелы, вепсы) финские оккупационные власти принимали суровые меры к лицам, заподозренным в оказании помощи партизанам и разведчикам: их заключали в тюрьмы, судили и часто расстреливали прямо на глазах у односельчан. Это не могло не сказываться на населении, оказавшемся на оккупированной финнами территории.

До перелома в ходе войны многие местные жители боялись встреч с партизанами и разведчиками, отказывались принимать их и давать какую-либо информацию. Как правило, в состав разведгрупп включали бойцов, которые имели родственников на оккупированной территории. Но, обратившись к родственникам, разведчики часто слышали: «Уходи, а не то нас убьют». В довершение ко всему имелись случаи предательства как среди местных жителей, так и среди разведчиков, которые шли на уговоры родных и сдавались финским оккупационным властям. В связи с этим в «Инструкции для разведчиков» говорилось: «Вопросы конспирации должны быть в центре внимания, так как от них зависит успех выполнения задания. Вы должны быть осторожны на каждом шагу, но осторожность не должна переходить в трусость, ибо трусость, паникерство несовместимы со званием советского разведчика. Всякая попытка идти на сделку с врагом является предательством интересов Родины, советского народа и покрывает имя труса величайшим позором. Оружие применять в крайнем случае, стремясь вырваться или покончить с собой»²⁵.

У финнов не хватало совершенных радиопеленгаторов, поэтому точно определить место расположения разведчиков они могли не всегда, радисты попадали в плен чаще в ходе облав или из-за предательства. В случае захвата разведчиков финскими властями предусматривалось «согласие на сотрудничество», но без выдачи товарищей и существа задания. Необходимо было говорить, что о задании знает только командир. Предусматривался и вариант радиоигр, когда разведчик, попавший в плен, «передавал информацию» под контролем финнов, но должен был подать условный сигнал, что работает под диктовку.

Так, 4 апреля 1944 г. на территорию Финляндии в район Суомуссалми была заброшена на самолете группа «Соседи» в составе Андрея Иевлевича Юнтунена, Эссы Омеевича Кемпайнена и Рейно Ласеевича Пехконена с задачей собрать данные о деятельности Суомуссалминского пункта финской разведки и его агентуры. 16 апреля группа была захвачена финнами, которые попытались начать радиоигру с советскими органами безопасности. Однако их планы не осуществились: 19 апреля радист дал сигнал, что работает под диктовку противника. Началась очередная радиоигра с финской разведкой, которая длилась около двух месяцев. В ходе расследования, проведенного уже после войны, было установлено, что 16 апреля группа пошла на хутор к родственникам агента Корпи. При попытке установления с ними связи последние выдали группу противнику²⁶.

Однако так происходило не всегда. Радиоигры в период войны проводила и финская сторона. Например, 10 марта 1944 г. на территорию оккупированного Пряжинского района Карелии была заброшена группа «Приятели» (агенты Юсси, Кедровский и Ковалев). Как стало известно уже после освобождения

Петрозаводска в конце июня 1944 г., группа провалилась, разведчики были арестованы и содержались в Петрозаводской тюрьме. Финская сторона провела радиоигру с НКГБ КФССР. С 30 марта по 21 июня 1944 г. радист группы Кедровский работал под диктовку противника, передавая дезинформацию о деятельности Петрозаводской школы финской разведки, при этом он не дал никаких условных сигналов²⁷.

Как правило, за месяц до выхода на задание отобранные в группу заброски разведчики выводились в изолированные пункты (Сегежа, Руйга, Летний и др.), где под руководством оперработника проходили совместную подготовку по специальным планам, согласованным с НКГБ СССР (в отдельных случаях в них вносились существенные коррективы). Отрабатывалось задание, легенда каждого разведчика (на случай захвата — «шли как военная разведка»), при необходимости изготавливались документы на вымышленные фамилии, изучалась обстановка в районе действия (маршруты движения, схемы, расположение домов, списки жителей, рекомендательные письма, пароли для связи), совершались тренировочные походы и сеансы радиосвязи.

Добытая разведчиками информация о противнике передавалась в разведотдел штаба Карельского фронта и в отделы НКГБ КФССР, которые осуществляли «разработку» граждан, подозреваемых в шпионаже или антисоветской деятельности.

Для направления в тыл противника разведгруппы комплектовались из 2—3 человек, реже — 5—6 человек, хорошо знавших район действий, располагавших там связями, владевших финским или карельским языком. Всего за три года войны, как следует из архивных данных, было направлено 145 разведчиков.

Первой успешно проведенной операцией стала заброска в январе 1942 г. группы «Табор» в Заонежский район. Группа состояла из трех цыган (старик с женой и их невестка), которые на лошади, запряженной в сани, по льду Онежского озера достигли Большого Клименецкого острова, в течение недели объехали много деревень и собрали подробную информацию о дислокации и численности финских гарнизонов, об обстановке на оккупированной территории. Эта дерзкая операция окончилась успешно лишь потому, что в первое время финны не создали в районе жесткого режима. Но после разгрома партизанской бригадой, направленной вскоре в Заонежский район, девяти финских гарнизонов противник принял ответные меры: население с восточного побережья было переселено либо вглубь территории Заонежья, либо направлено в лагеря Петрозаводска, передвижение между деревнями было строго ограничено. На войне «учились» обе стороны.

Успешно действовала в тылу противника группа «Косачи» в составе Евгения Ильича Меккелева, Николая Ивановича Филатова и Бориса Павловича Балина. Она была заброшена 9 сентября 1942 г. на территорию оккупированного Сегозерского района и имела задание добыть сведения о Медвежьегорске и его окрестностях, о положении местного населения и войсковых частей финнов в этом районе. Разведчики находились в тылу противника 18 дней, получив ценную информацию. В районе Кяппесельги группа была обнаружена финнами, которые стали преследовать разведчиков, намереваясь взять их живыми. Однако разведчики оказали сопротивление, уничтожили четырех финских солдат и оторвались от преследования. В общей сложности группа прошла по тылам финских войск 350 км, последние семь дней, когда закончились продукты,

разведчики питались грибами и ягодами²⁸. Следует отметить, что в начальный период войны таких примеров эффективной деятельности разведывательно-диверсионных групп в тылу финских войск было немного.

Второй этап — 1942 г. — характеризуется массовой заброской спецгрупп в тыл финских войск. Однако большинство разведгрупп возвратилось, не выполнив задания, а половина из них попала в плен. Основной причиной неудач явились слабые знания оперативными работниками местной обстановки, недостатки в подготовке разведчиков. Кроме того, имелись факты предательства как среди местных жителей, так и среди разведчиков.

Группа «Боевики» в составе Ивана Матвеевича Мянду и Александры Васильевны Егоровой 13 октября 1942 г. на катерах была переброшена в Петрозаводск с задачей установить судьбу ранее переброшенных агентов, вербовки новых, а также сбора разведданных. Группа не выполнила задание, была пленена финнами во время переправы. Мянду пошел на сотрудничество с финнами (позднее он был увезен в Финляндию, его судьба неизвестна), а Егорова сидела в финской тюрьме и вернулась в СССР после репатриации²⁹. Спецгруппа (арх. № 598) в количестве 8 человек под командованием Бориса Александровича Минина 7 сентября 1942 г. была переброшена в район д. Ялгуба Прионежского района с задачей сопроводить агента Птицына в Петрозаводск и разгромить финскую комендатуру в п. Соломенное (пригород Петрозаводска). По данным агента Птицына, радист группы сдался в плен финнам и выдал всю группу³⁰.

Многие спецгруппы НКВД КФССР, заброшенные в тыл финских войск в 1942 г., пропали без вести. Так, группа «Супруги» в составе Ивана Георгиевича Липпоне-на и Марии Александровны Алтуховой в апреле 1942 г. на лыжах была направлена на оккупированную территорию Заонежского района с задачей сбора разведданных. С момента выброски группы о ней не было никаких сведений. То же произошло и с группой «Товарищи» в составе Сергея Петровича Федорова и Ивана Михайловича Трофимова, заброшенной на территорию этого же района 27 декабря 1942 г. с задачей установить связь с оставшейся там агентурой, провести вербовку новых агентов и собрать разведывательную информацию. Группа пропала без вести³¹. Спецгруппа «Гранит» в составе Михаила Гавриловича Трантина, Ивана Федоровича Белоусова и Розы Николаевны Пиджаковой 26 апреля 1942 г. была заброшена на оккупированную территорию Шелтозерского района. С момента выброски группы никаких данных о ней в центре не имелось³². Как выяснилось позднее, группа разведчиков была выдана Р. Н. Пиджаковой³³.

Группа «Лесогвардейцы» в составе Кости Вильберга, Отто Пакаринена, Юхо Ахья, Кале Хершансона и Пекки Онтуева 12 августа 1942 г. была заброшена в Финляндию с задачей установить связь с дезертирами финской армии, которых называли «лесогвардейцы», организовать их в отряд и проводить диверсионную деятельность в тылу финских войск. Разведчики в течение 30 дней находились на территории Финляндии, но задание не выполнили. Местные жители пытались задержать группу. В перестрелке был легко ранен К. Вильберг, и группа возвратилась обратно. 14 сентября 1942 г. эта же группа, имея то же задание, вторично была заброшена самолетом на территорию Финляндии. Связь с ней не была установлена, и судьба группы неизвестна³⁴.

Анализ неудовлетворительной деятельности разведывательно-диверсионных групп был проведен на совещании в НКВД КФССР в ноябре 1942 г. На нем отме-

чалось, что многие работники 4-го отдела разведработой ранее не занимались, поэтому допускали «роковые ошибки». Была проанализирована наработанная практика работы в 1942 г., выработаны новые принципы и система подготовки разведкадров. В марте 1943 г. уже отмечались некоторые положительные сдвиги, хотя все же требовалось улучшить работу переправочного пункта.

По мере накопления опыта, более глубокого и тщательного изучения обстановки на оккупированной финскими войсками территории Карелии росла и эффективность проводимых в 1943—1944 гг. мероприятий. Изменилось и отношение местного населения, которое в большинстве случаев уже шло навстречу разведчикам. Об этом свидетельствует и финский генеральный штаб, который в своем документе от 17 марта 1944 г. «Тактические и другие сведения о противнике» констатировал: «Несмотря на успешные действия наших частей против партизан (под ними финны имели в виду и разведчиков), не везде правильно понимается необходимость готовности для отражения их действий, не говоря уже о гражданском населении...»³⁵.

В качестве успешной деятельности в Заонежском районе можно привести примеры выполнения заданий в январе, а затем в октябре 1943 г. разведгруппами «Овод» и «Мстители». Разведчики разгромили штабы в деревнях Лонгасы и Ламбасручей, уничтожили 4 сотрудников Военного управления Восточной Карелии, 3 полицейских и 14 солдат, захватили штабные документы. Но, к сожалению, и сами понесли потери: в последнем бою погибло 5 человек.

Финны установили, что в этих операциях принимал участие отважный разведчик Алексей Михайлович Орлов, на розыск которого были мобилизованы значительные силы финской контрразведки, в том числе предатели из местного населения. Финским солдатам за поимку Орлова было обещано вознаграждение и отпуск домой. Но разведчик был неуловим: за время войны он совершил 11 походов в тыл врага и действовал там по несколько месяцев.

Можно привести примеры успешной деятельности разведывательно-диверсионных групп и в других районах Карелии, оккупированных финскими войсками.

После длительной подготовки в августе 1943 г. на территорию Шелтозерского района 4-м отделом НКВД КФСР была переброшена агентурная группа «Аврора» (другое название — агентурная группа «База № 2»), которая, потеряв радиостов, соединилась с подпольной группой Д. М. Горбачева и до апреля 1944 г. активно действовала по сбору разведданных об оборонительных сооружениях на западном побережье Онежского озера и на свирском участке фронта.

В своей работе разведчики опирались на старосту д. Горное Шелтозеро Дмитрия Егоровича Тучина и на актив из числа молодежи. Связь с Тучиным была установлена 24 августа 1943 г. Староста оказывал существенную помощь группе: без него разведчикам вряд ли удалось бы так долго и успешно действовать на оккупированной территории Шелтозерского района. Группа нелегально проживала в доме Тучина, а с наступлением холодов разведчики выстроили землянку в лесу, подальше от деревни. По заданию группы Тучин собирал разведывательные данные как по району, так и по Петрозаводску, куда выезжал по служебным делам³⁶.

О деятельности разведывательно-диверсионной группы «Аврора» 4-й отдел НКГБ КФСР регулярно докладывал народному комиссару госбезопасности

СССР В. И. Меркулову и начальнику 4-го управления НКВД-НКГБ СССР П. А. Судоплатову. В центральном аппарате НКВД СССР высоко оценивали работу этой агентурной группы. Возможности Тучина заинтересовали 4-е управление, готовившего мероприятие по ликвидации начальника штаба Военного управления Восточной Карелии³⁷.

Именно поэтому 24 мая 1944 г. начальник 4-го управления НКГБ СССР комиссар госбезопасности П. А. Судоплатов и заместитель начальника 1-го отдела 4-го управления НКГБ СССР полковник госбезопасности Б. А. Рыбкин* направили наркомом госбезопасности КФССР А. М. Кузнецову** указание (№ 4/1/3894) о ликвидации начальника штаба Военного управления Восточной Карелии генерал-майора Й. В. Араюри*** и предложили свой план с использованием Тучина. Выбор последнего Москва обосновывала рядом причин: во-первых, он как староста пользовался доверием у врага, мог свободно ездить в Петрозаводск, где имел знакомых; во-вторых, по своему положению мог найти предлог для посещения здания штаба Араюри, чтобы познакомиться с расположением служебных помещений, системой охраны, обслуживающим персоналом; в-третьих, как бывший комендант домов СНК КФССР наверняка мог иметь знакомых среди обслуживающего персонала здания штаба Араюри³⁸.

Планом также предусматривалось завербовать человека среди обслуживающего персонала, через которого установить точное расположение служебного и личного помещения Араюри, его образ жизни и т. п. для разработки соответствующего плана. При этом П. А. Судоплатов и Б. А. Рыбкин не настаивали на своих предложениях, а давали возможность НКГБ КФССР проявить инициативу по ликвидации Араюри: «Если у вас имеются другие возможности в Петрозаводске для выполнения вышеуказанной операции без привлечения Тучина, то можно будет провести эту разработку иным путем», — и просили сообщить свои соображения по существу данного дела³⁹.

Карельский исследователь истории спецслужб Э. П. Лайдинен в этой связи пишет: «Встает вопрос, зачем надо было ликвидировать Й. В. Араюри? Конец войны очевиден. С 1943 г. финская сторона зондировала возможность выхода из войны. В 1944 г. начались переговоры. Однако 19 апреля 1944 г. Финляндия отклонила советские условия перемирия, и переговоры прекратились. Противодействие политике войны вступило в новую фазу. У населения Финляндии и в армии нарастали открытость суждений и действий в пользу мира, а среди политической оппозиции правительственному курсу усилилась решимость добиться выхода страны из войны путем установления прямых контактов с Советским Союзом. Полагаю, что СССР в полной мере владел обстановкой в Финляндии и прикладывал все силы для вывода Финляндии из войны. Однако ситуация после прекра-

* Рыбкин Борис Аркадьевич, он же Ярцев Борис Николаевич, настоящее имя — Рывкин Борух Аронович (1899—1947), с сентября 1935 г. под псевдонимом Кин работал в качестве легального резидента ИНО НКВД в Хельсинки, в 1939—1940 гг. — начальник 6-го, 8-го отделений 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР, с 1941 по 1945 г. — начальник 4-го отдела 1-го управления НКГБ СССР, резидент в Стокгольме, зам. начальника 1-го отдела 4-го управления НКГБ СССР, полковник госбезопасности.

** Кузнецов Андрей Михайлович (04.11.1901—23.11.1971). С 31 июля 1943 г. по 10 сентября 1950 г. — нарком, министр госбезопасности КФССР.

*** Араюри Йохан Виктор, генерал-майор, с июня 1942 г. по август 1943 г. — начальник штаба Военного управления Восточной Карелии.

шения переговоров изменилась. Это, вероятно, одна из причин намерения ликвидации руководителя ВУВК, преследовавшая следующие цели: надавить на неуступчивых финнов, запугать руководство Финляндии, сделать его сговорчивее и заставить пойти на переговоры и выход из войны»⁴⁰.

На наш взгляд, можно согласиться с точкой зрения Э. П. Лайдинена, который, анализируя данный вопрос, отмечает, что, по всей видимости, на появление подобного приказа во многом повлиял пример известного боевика 4-го управления НКГБ СССР Н. Н. Кузнецова, который в 1943 г. провел несколько успешных террористических актов в отношении германского руководства на оккупированной Украине: расстрелял имперского советника Ганса Гелля и его адъютанта, заместителя гауляйтера Украины Эриха Коха, генерала Германа Кнута, ликвидировал президента верховного суда А. Функа; похитил и вывез из Ровно командующего карательными войсками на Украине генерала фон Ильгена, были и другие эксцессы⁴¹.

Э. П. Лайдинен называет причины, по которым покушение на Араюри не состоялось: «Во-первых, приказ на ликвидацию Араюри поступил в секретариат НКГБ КФССР (Беломорск) только 24 июня 1944 г. В то время как финские войска уже 17 июня приступили к всеобщей эвакуации из Петрозаводска и рано утром 28 июня последние финские солдаты покинули Петрозаводск, а в 10 часов утра того же дня передовые отряды Онежской военной флотилии в рамках Свирско-Петрозаводской операции (21.06—09.08.1944) высадились в город. Во-вторых, НКГБ КФССР не располагал точными сведениями о положении в оккупированном Петрозаводске. Так, генерал-майор Й. В. Араюри еще в августе 1943 г. покинул Петрозаводск, вместо него начальником ВУВК был назначен бывший начальник Олонецкого округа полковник Олли Палохеймо, который находился на

указанной должности вплоть до окончания оккупации Петрозаводска. В-третьих, 4-й отдел НКГБ КФСР не располагал возможностями для выполнения вышеуказанного приказа вследствие отсутствия у НКВД-НКГБ КФСР опыта проведения подобных террористических операций, опытных кадров из числа сотрудников и агентуры, необходимой подготовки»⁴².

Несмотря на неудачу в вопросе ликвидации начальника штаба ВУВК генерал-майора Араюри, которая, на наш взгляд, была вызвана объективными обстоятельствами, в целом деятельность агентурной группы «Аврора» на оккупированной территории Шелтозерского района в 1943—1944 гг. следует признать весьма результативной.

Что касается Д. Е. Тучина, то карельскими исследователями он признан одним из главных лиц, которые сотрудничали с советскими разведчиками в период войны на территории оккупированного Шелтозерского района. Тучин в течение длительного времени укрывал и помогал получать информацию группе разведчиков и подпольному Шелтозерскому райкому партии во главе с Д. М. Горбачевым⁴³. Он стал одним из героев известной повести О. Н. Тихонова «Операция в зоне “Вакуум”»⁴⁴.

Вместе с тем, по архивным документам финских оккупационных властей, Д. Е. Тучин являлся одним из самых лояльных сторонников финского режима, оказывал всевозможную помощь властям. В 1942 г. в составе группы старост из оккупированных районов Карелии он ездил в Финляндию, встречался с президентом Рюти и главнокомандующим Маннергеймом⁴⁵. Тучин был одним из тех старост, которые до самого последнего момента пребывания финнов на территории Шелтозерского района агитировали местное население за эвакуацию в Финляндию. Он даже был награжден финской медалью за помощь в поимке десанта.

Не следует забывать и тот факт, что Д. Е. Тучин пошел на контакты с советскими разведчиками и подпольщиками только в августе 1943 г., когда уже наметился явный перелом в войне и было ясно, что планы Финляндии по присоединению к ней Восточной Карелии провалились. Будучи умным человеком, он не мог не задумываться о том, что ждет его как старосту и представителя финской администрации в Шелтозерском районе после освобождения района советскими войсками от финской оккупации.

Весьма странной выглядит смерть Д. Е. Тучина. Он трагически погиб вскоре после окончания войны, будучи зам. председателя Суоярвского райисполкома: вывалился из кузова грузовой машины прямо под колесо. О. Н. Тихонов в «Операции в зоне “Вакуум”» пишет: «Смерть Тучина — одна из загадок, от которой у автора нет ключей. Один: диверсия финской контрразведки, которая не могла ему простить... Другие: месть предателей, пытавшихся замести следы. Третьи: просто автомобильная катастрофа. И немые архивы — одна строчка за месяцы поисков: “Умер от раздавливания грудной клетки”»⁴⁶.

Проанализировав все известные материалы по Д. Е. Тучину, в том числе архивные источники и финскую литературу, мы выдвигаем свою версию: Тучин вполне мог быть двойным агентом, который слишком много знал о тайнах как советской, так и финской разведок, и вследствие этого был устранен сотрудниками НКВД КФСР. Подчеркнем, что данный тезис является только нашим предположением и не претендует на истину в последней инстанции.

Вместе с тем примерно ту же мысль проводит финляндский исследователь Х. Сеппяля, который пишет: «Шелтозерский комендант капитан Лаури Орисля в июле (имеется в виду июль 1944 г. — С. В.) в отчете об эвакуации писал, что местное население соблюдало спокойствие, но "...к сожалению, один инцидент все же произошел. Староста деревни Миенкюля (Горное Шелтозеро. — С. В.) Мийтро Пилвехинен, или Тучин, который очень усердно помогал нашему руководству и награжден медалью за помощь в поимке десанта, попросился с нами в Финляндию. Но его истеричная жена не согласилась на переезд, а Пилвехинен в одиночку не согласился уехать. После этого, чтобы как-то оправдать себя в глазах русских, он организовал из местного населения 'шайку', задачей которой было противодействовать финнам". Далее Орисля рассказывает, что "шайка" застрелила одного полицейского. При преследовании ее двое были задержаны, а самого Пилвехинена поймать не удалось. Орисля никак не верил, что Пилвехинен мог быть агентом, настолько он был старательным»⁴⁷.

Далее Х. Сеппяля отмечает: «Лейтенант Монтонен хорошо знал Пилвехинена по работе в Военном управлении и допускал, что в самом конце он мог организовать какое-то сопротивление, но поначалу вызывал полное доверие... В списках партизанских отрядов нет упоминаний о создании партизанских отрядов в Шелтозере и Сегозере в конце войны. Судя по всему, в Шелтозере все же работала подпольная группа. *Тучин-Пилвехинен искусно служил двум хозяевам и поддерживал подпольную группу в Шелтозере*»⁴⁸ (курсив наш. — С. В.).

О том, что Д. Тучин являлся двойным агентом, пишет и финляндский исследователь Г. Розен: «Из Шелтозерского района в Финляндию ушло 199 человек, даже староста деревни Горное Шелтозеро *Мийтро Пилвехинен (Miitro Pilvehinen), который, как позже стало известно, являлся двойным агентом, хотел выехать в Финляндию, однако против этого была его жена. Чтобы поправить свое положение в глазах русских, он в последний момент застрелил финского военного полицейского и перебежал на сторону русских*»⁴⁹ (курсив наш. — С. В.).

Не выдерживает критики утверждение некоторых российских исследователей о том, что Тучин был специально оставлен для разведработы на территории Шелтозерского района еще до оккупации его финскими войсками. Так, В. Степаков в книге «Русские диверсанты против "кукушек"» пишет: «Горбачев вышел на связь к Д. Е. Тучину, оставленному на оседание за месяц до оккупации и работавшему старостой в деревне Горное Шелтозеро»⁵⁰ (курсив наш. — С. В.). Никаких архивных данных об этом не обнаружено. Кроме того, весьма странно и то, что если Тучин был оставлен в качестве разведчика летом 1941 г., то почему советские разведчики вышли на него только через два года — в августе 1943 г.? Нельзя согласиться и с мнением историка А. Б. Широкограда, который назвал Д. Е. Тучина «карельским Штирлицем»⁵¹.

Кроме разведгруппы «Аврора», на заключительном этапе военных действий на Карельском фронте необходимо отметить успешную деятельность и других разведывательно-диверсионных групп НКВД КФССР в тылу финских войск. Так, в сентябре 1943 г. разведгруппа «Парус» заминировала железнодорожное полотно на важном участке Кировской железной дороги между станциями Медгора и Кондопога, в результате два воинских эшелона финнов были пущены под откос. В мае 1944 г. группа «Мстители», находившаяся в тылу противника в Кондопожском районе, приняла на свою базу 17 партизан, которые в ходе активных боевых действий уничтожили 12 военных автомашин, перерезали основную

коммуникацию Медвежьегорской группы войск противника. Разведчиками этой группы был захвачен и доставлен за линию фронта сотрудник финской контрразведки, переводчик охранного отделения штаба главной квартиры финской армии лейтенант Николай Иванович Павлов. По его показаниям было арестовано 18 человек агентуры и полиции из числа местных жителей, вставших на путь сотрудничества с финскими властями, получены ценные данные о работе финских контрразведывательных органов⁵².

В мае — июне 1944 г. (до самого освобождения) в Ведлозерском районе активно действовала группа «Дублеры». Через родственников и местных патриотов, в том числе старост ряда деревень, разведчики собирали ценные сведения о строительстве финнами оборонительных рубежей, прибытии дополнительных сил (в д. Салменица был обнаружен отряд из 250 финских шведов), интенсивности перевозки грузов, которые немедленно передавались в разведотдел штаба Карельского фронта. Аналогично работала в Сегозерье группа «Лесники».

Однако и на третьем, более успешном этапе деятельности разведгрупп НКВД КФССР (1943—1944) были характерные ошибки и недостатки предшествующих периодов, имелись факты предательства и трусости.

18 августа 1943 г. группа «Земляки» самолетом была переброшена в Олонецкий район с задачей связаться с оставшейся там агентурой, организовать базу и собрать разведывательные данные. Группа не выполнила задание, была предана одним из разведчиков — Михаилом Никифоровичем Леонтьевым (после войны он был осужден на 20 лет)⁵³. На территорию этого же района 27 октября 1943 г. самолетом была заброшена группа «Южные» в составе Унто Петровича Кайпанена, Николая Васильевича Кошкина и Татьяны Алексеевны Пешеходовой. Из-за предательства Т. А. Пешеходовой группа была захвачена финнами и не выполнила задание. Кайпанен и Кошкин по приговору финского суда были расстреляны. Пешеходова по репатриации вернулась после войны в СССР и была осуждена на 20 лет⁵⁴.

В апреле 1944 г. на оккупированную территорию Прионежского района самолетом была выброшена группа «Боевики» в составе Виктора Павловича Петрова, Михаила Васильевича Попова, Унто Петровича Хакканена, Сергея Егоровича Алексева и Анны Ивановны Ивановой с задачей создать базу на территории района для проведения диверсионной работы. Группа не выполнила задание: из-за предательства Ивановой все разведчики были обнаружены и убиты. Иванова после войны была арестована и осуждена советским судом⁵⁵.

Как показывает анализ архивных документов, многие спецгруппы НКВД КФССР не выполняли задание вследствие нерешительности или трусости разведчиков. Так, спецгруппа «Сокол» в составе Михаила Ивановича Серова и Николая Ивановича Филатова зимой 1943 г. дважды направлялась на оккупированную территорию Заонежского района с задачей завербовать родственника Филатова и собрать разведданные, но в обоих случаях, дойдя до берега противника, из-за трусости и нерешительности выйти на берег не решилась. Группа «Лесники» в составе Василия Петровича Дорофеева и Ивана Амосовича Тукачева 18 мая 1944 г. самолетом была переброшена в тыл противника на территорию Сегозерского района с целью сбора разведданных. Группа находилась за линией фронта 40 дней и по рации передала некоторые сведения о противнике. Но действовала очень нерешительно, больше сидела в лесу, хотя финские части уже начали отступление. Только по радиogramме из центра группа вышла из леса и явилась

в райотделение, когда район был освобожден от финнов и уже действовали советские органы⁵⁶.

Группа «Разведчики» в составе Ивана Ивановича Лаукканена, Ивана Николаевича Артукова и Якова Кондратьевича Семенова 4 апреля 1944 г. была десантирована в тыл противника на территорию Калевальского района с задачей разведки гарнизонов финских войск и движения транспорта по дороге Юнтусранта — Войница. Группа не выполнила задание: И. И. Лаукканен разбился при приземлении (не раскрылся парашют), а Артуков и Семенов находились в тылу более полугода, сидели в лесу, никаких данных не собрали и вышли из леса спустя три месяца после окончания военных действий на севере Карелии⁵⁷. Группа «Торпеда» в составе Григория Ивановича Романова и Марии Михайловны Гридиной 19 мая 1944 г. самолетом была заброшена на территорию Олонецкого района с целью сбора данных о противнике. Однако разведчики не выполнили задание и скрывались в лесу до тех пор, пока финны не покинули территорию района⁵⁸.

Разведывательно-диверсионной деятельности органов НКВД Карелии на Севере в период военных действий 1941—1944 гг. противостояли серьезные противники — финская и немецкая разведки.

К началу вступления в войну против СССР на стороне Германии Финляндия располагала развитыми разведывательными и контрразведывательными органами. Разведку против СССР вело Управление военной разведки (разведывательный, иностранный и контрразведывательный отделы) и ее периферийные органы — разведывательные отделения в городах: Лаппенранта — ленинградское направление, Йюэнсуу — петрозаводское направление, Каяни — беломорское направление, Рованиemi — мурманское направление. В годы войны управление возглавляли полковники Ларс Меландер (1937—1942) и Аладар Паасонен (1942—1944)⁵⁹.

Со стабилизацией линии фронта началась позиционная война. Для решения своих задач финскому военно-политическому руководству постоянно требовались новые сведения о Красной Армии и ее планах. Одним из способов получения информации было использование разведки. Однако, как показали дальнейшие события, ведение войсковой разведки в советской прифронтовой полосе не обеспечивало получения необходимой информации, возможности технической и легальной разведки были ограничены, а агентурная разведка оказалась не готовой к решению задач в новых условиях.

В то же время, рассчитывая на быструю победу в «молниеносной войне», финская военная разведка не создавала разведывательных школ для широкомасштабной подготовки агентуры. Столкнувшись с нехваткой информации о противнике, финны стали испытывать недостаток агентурных кадров. Эта явилось одной из основных причин создания разведывательных школ по подготовке разведчиков, радистов и диверсантов. При их создании финнам пришлось начинать фактически с нуля, при этом они столкнулись с большими проблемами. Отсутствие подготовленных преподавательских кадров, практического опыта и отработанных методов широкомасштабной подготовки агентуры стало основной причиной задержки создания финнами разведывательных школ и растянутости по времени подготовки агентуры, а также сказалось на результатах деятельности. Правда, финская разведка оказывала помощь немецкой разведке в подготовке и заброске в июне 1941 г. разведывательной группы «Эрна» в Эстонию, однако самостоятельно приходилось все делать впервые⁶⁰.

Для изучения немецкого опыта осенью 1941 г. начальник военной разведки Финляндии полковник Л. Меландер выезжал в Таллин, где находилась германская разведшкола, а через год начальник Петрозаводской разведшколы Р. Раски с аналогичным заданием выезжал в Прагу.

В конце 1941 — начале 1942 г. на территории Финляндии и оккупированной части территории Карелии финская и германская разведки создали шесть разведывательных школ: в Петрозаводске и Рованиemi (по две школы), Медвежье-горске и Суомуссалми.

Петрозаводская школа финской разведки, или Петрозаводская разведшкола, была самой крупной. Она появилась в Петрозаводске в ноябре 1941 г. Весной (в апреле — мае) 1942 г. Петрозаводская разведшкола размещалась в зданиях лесотехникума, которые находились на юго-западной окраине города. По разным данным, в школе было подготовлено до 300 агентов⁶¹.

В школе работало более 10 преподавателей. Основой руководящего и преподавательского состава стали бывшие сотрудники так называемого отдела Раски — временного отдела допросов военнопленных Управления военной разведки, который был создан в первые дни войны: Б. Карппела (Карпов), В. Мармо (Форсблом), И. Вахрос (Вахромеев), позже к ним присоединился белоэмигрант П. Соколов. Руководили школой Р. Раски и Ю. Палко (Поляков). Все они были выходцами из России, покинувшими страну после 1917 г. Для передачи немецкому командованию информации, полученной агентурой, к разведшколе был прикомандирован сотрудник германской разведки.

Петрозаводская разведшкола финской военной контрразведки начала действовать в конце 1942 г., но просуществовала недолго, в школе подготовили всего около 15 агентов⁶².

Рованиемская школа финской разведки, или Рованиемская разведшкола, находилась в 36 км севернее г. Рованиemi в сторону Петсамо на берегу озера Сильмаселькя. В школе работало 12 человек, в основном финны, в разной степени владеющие русским языком. Начальником школы назначили начальника Рованиемского разведотделения капитана Паатсало (он же Райло, он же Карра, он же Равельдо). В 1943 г. в школе обучалось 33 человека. Занятия начались в декабре 1941 г., однако проходили нерегулярно, курсантов часто использовали на хозяйственных работах. Поэтому срок обучения длился от двух до восьми месяцев с декабря 1941 г. по август 1942 г. Вместе с тем первые заброски начали осуществлять в марте 1942 г.⁶³

В 9 км от Рованиemi находилась и разведывательно-диверсионная школа (школа разведчиков-радистов) немецкой разведки. Она была создана в феврале 1943 г. при 20-й немецкой армии. В школе готовили разведчиков, диверсантов и радистов, способных действовать в условиях севера. Всего в школе обучалось 52 курсанта. Комплектовалась школа в основном агентами, прошедшими обучение в разведывательно-диверсионных школах Вяцати и Вихула (Латвия, Эстония).

Агенты в школе были разбиты на пять групп: ленинградскую, петрозаводскую, кандалакшскую, мурманскую и архангельскую. Такая разбивка производилась для лучшей подготовки агентов к действиям на определенном участке фронта. Каждая группа состояла из 4—8 агентов и проходила подготовку самостоятельно. Срок обучения — 1—3 месяца.

Зимой все диверсанты усиленно занимались лыжной подготовкой. До направления агентов в тыл Советской Армии они проверялись на боевой работе по разведке переднего края советской обороны и захвату «языка». После такой проверки они считались пригодными и надежными для работы в тылу Советской Армии.

Суомуссалмская школа финской разведки при Каянском разведотделении, или Суомуссалмская разведшкола, была создана в конце 1941 — начале 1942 г. Она находилась в 4 км от Суомуссалми, на южном берегу озера Киантоярви, справа от шоссе на Каяни. Разведшкола занимала три небольших барака, в одном из которых жили курсанты. В школе работало 9 человек. Начальником разведшколы был лейтенант Каломаа Валто. Общее руководство деятельностью разведшколы осуществлял майор П. Мартина — начальник Каянского разведотделения⁶⁴.

Определенного распорядка дня в Суомуссалмской разведшколе не было, занятия проходили нерегулярно. Полной загрузки учебного дня не было. Первые два месяца курсанты занимались ежедневно по два часа теоретическими вопросами. Кроме того, ежедневно тренировались в ходьбе на лыжах. Одновременно курсанты использовались на хозяйственных работах, что явилось одной из причин растянутости срока подготовки.

Единственную разведгруппу из 2 человек (Артур Парк и Тойво Топпинен) Суомуссалмская разведшкола забросила в тыл РККА в ночь на 16 июля 1942 г. 28 июля 1942 г. разведчиков задержали и позже расстреляли. На этом деятельность разведшколы завершилась. Генерал Р. Хейсканен считает, что «деятельность разведшколы была прекращена из-за отсутствия кандидатов». Однако с этим мнением не согласен Э. П. Лайдинен, который считает, что в финских лагерях содержались тысячи советских военнопленных и выбор был более чем достаточный. Основная причина закрытия разведшколы, по его мнению, — неэффективность ее деятельности⁶⁵.

Разведывательная школа при 2-м отделении финской военной полиции г. Медвежьегорска, или Медвежьегорская разведшкола, размещалась в двухэтажном деревянном здании бывшего железнодорожного детсада на берегу реки. В школе работало 6 человек, все финны, некоторые из них владели русским языком. Начальник разведшколы, младший лейтенант Кауппинен, одновременно являлся начальником лагеря военнопленных «РЕ» и помощником начальника Медвежьегорской военной полиции.

Характерным отличием этой разведшколы от других было то, что все курсанты жили в лагере военнопленных «РЕ» на общих основаниях, их под конвоем из лагеря водили в разведшколу на занятия под видом направления на работу⁶⁶.

Из вышеизложенного усматривается, что основная нагрузка по подготовке и заброске агентуры ложилась на Петрозаводскую и Рованиемскую разведшколы. Суомуссалмская и Медвежьегорская разведшколы просуществовали недолго и существенной роли не сыграли.

Разведывательные задачи забрасываемой агентуре ставил разведывательный отдел Главной Ставки. Они включали: сбор сведений военного характера и данных о состоянии промышленных предприятий, работающих на оборону, а также о железнодорожном, шоссеином и водном транспорте; сбор данных о политико-моральном состоянии Красной Армии и населения советского тыла; выявление тактических и стратегических планов командования Красной Армии

и др. Кроме того, финская разведка готовила агентуру для внедрения в действующую Красную Армию для сбора разведданных⁶⁷.

Агентура направлялась в ближний и глубокий тыл Карельского и Ленинградского фронтов — Беломорск, Сегежу, Пудож, Мурманск, Кандалакшу, а также населенные пункты Ленинградской, Архангельской, Мурманской и Вологодской областей⁶⁸.

Для выполнения задания финская разведка отводила разведчикам 12—14 дней, в отдельных случаях срок выполнения задания увеличивался до месяца. По истечении указанного срока разведчик должен возвращаться обратно, при этом финны настаивали на возвращении агентуры даже в том случае, если задание выполнено на 5 % или вовсе не выполнено.

Довольно часто разведка проводилась в интересах дальнейшего осуществления диверсий в тылу Красной Армии. В 1941—1944 гг. финны вместе с германскими разведслужбами провели ряд операций на Карельском и Ленинградском фронтах («Кемаль», «Карелия», «Ревматизм» и др.) по уничтожению Мурманской железной дороги и Сорокской — Обозерской железной дороги, соединяющей Мурманскую и Архангельскую железные дороги, а также маяков на советском побережье Ладожского озера и Финского залива, однако все они закончились неудачей. При этом всем операциям предшествовала разведка объектов диверсии.

Начальниками разведшкол были опытные разведчики (Р. Раски, Ю. Палко, П. Мартина, Х. Паатсало и др.), работавшие в финских спецслужбах с 1920-х гг. Преподавателями являлись в основном финны, многие из них владели русским языком, были среди них и выходцы из России. В Петрозаводской разведшколе начиная со второй половины 1942 г. преподаватели набирались из числа советских военнопленных — офицеров РККА⁶⁹.

Все разведывательные школы комплектовались исключительно советскими военнопленными, находившимися в лагерях Финляндии. При этом финская разведка при подборе курсантов в разведшколу в основном использовала крайне тяжелое и зависимое положение советских военнопленных.

Во всех школах финской разведки агентуру готовили по двум направлениям: разведчиков и разведчиков-радивов, однако обучение их обычно было совместным. Срок подготовки составлял от двух до восьми месяцев. На занятиях изучали радио, шифровальное и подрывное дело, топографию, способы ведения разведки, структуру Красной Армии и ее вооружение, органы НКВД, осуществляли стрелковую и строевую подготовку. Теоретическую часть изучали в классах, практические занятия проходили в поле⁷⁰.

Агентура перебрасывалась в тыл группами из 2—3 человек с рацией, соответствующими документами и легендами. Способы заброски были разными и зависели от места дислокации разведшколы. Разведчики Петрозаводской разведшколы забрасывались в тыл противника воздушным путем, редко водным или сухопутным. Суомуссалмская школа своих агентов забрасывала только воздушным путем. Рованиемская разведшкола направляла агентуру в тыл Красной Армии пешим порядком через линию фронта в сопровождении группы финских солдат-разведчиков. Медвежьегорская разведшкола переправляла агентуру в советский тыл через линию фронта пешим порядком под видом бежавших из финских лагерей военнопленных⁷¹.

Финские агенты забрасывались в тыл РККА под видом военнослужащих — бойцов или командиров Красной Армии. Вся забрасываемая в советский тыл агентура была одета в красноармейскую форму с соответствующими знаками отличия. Кроме того, агентура снабжалась оружием, положенным по табелю соответствующих воинских категорий, часами советского или иностранного производства, компасами, советскими деньгами и продуктами питания — сухим пайком на период выполнения задания. Продукты питания были, как правило, финскими или немецкими⁷².

Агенты были снабжены крупными суммами советских денег, предназначенных для выдачи вознаграждения советским гражданам, которых удастся привлечь для шпионской работы в пользу Финляндии, а также на личные расходы разведчиков, связанные с приобретением продуктов питания и оплатой ночлега.

Для осуществления контактов с разведшколами руководители финской разведки определяли агентам два способа связи: личное возвращение агента через линию фронта в распоряжение финских частей с собранными разведсведениями и радиосвязь. Радиосвязь использовалась довольно широко. Каждой агентурной паре выдавалась рация, в большинстве случаев советского производства, типа «Север», отрабатывались позывные и время связи.

Основная тяжесть по противодействию финской и немецкой разведкам на северо-западе СССР легла на управления третьих отделов Наркомата обороны и третьих отделов Военно-Морского Флота (позже управления контрразведки СМЕРШ), Карельского, Ленинградского и Волховского фронтов, Балтийского и Северного флотов, а также контрразведку НКВД (позже НКГБ) КФССР и Управления НКВД (НКГБ) СССР по Ленинградской, Мурманской, Архангельской и Вологодской областям.

Благодаря активной деятельности советской контрразведки большинство мероприятий финской и германской разведок на северо-западе СССР были сорваны: разведкам противника не удалось осуществить ни одной серьезной диверсии в тылу РККА. Заброшенная в советский тыл агентура ограничивалась сбором информации визуальным путем и «в темную»⁷³.

С первых дней советская контрразведка предпринимала усилия по внедрению своих людей в финские разведшколы. В марте 1942 г. Управление контрразведки СМЕРШ Карельского фронта внедрило в Косолмский разведывательный пункт финской разведки своего разведчика — Степана Дмитриевича Гуменюка, который успешно работал в финской разведке до конца 1944 г. и только в мае 1945 г. вернулся на родину. Благодаря его успешной деятельности советские органы безопасности владели информацией о Петрозаводской разведшколе, ее сотрудниках, курсантах, а также арестовали многих из заброшенных финских агентов⁷⁴. Советские разведчики внедрялись и в другие разведшколы.

Внедрение в Петрозаводскую разведшколу, а также аресты финских агентов позволили карельской контрразведке уже к июлю 1943 г. получить информацию на 64 агента Петрозаводской разведшколы: биографические данные, псевдонимы, даты заброски, характер заданий. Была также получена информация о руководителях, преподавателях и курсантах других разведшкол противника, формах и методах работы германской и финской агентурных разведок на северо-западе СССР.

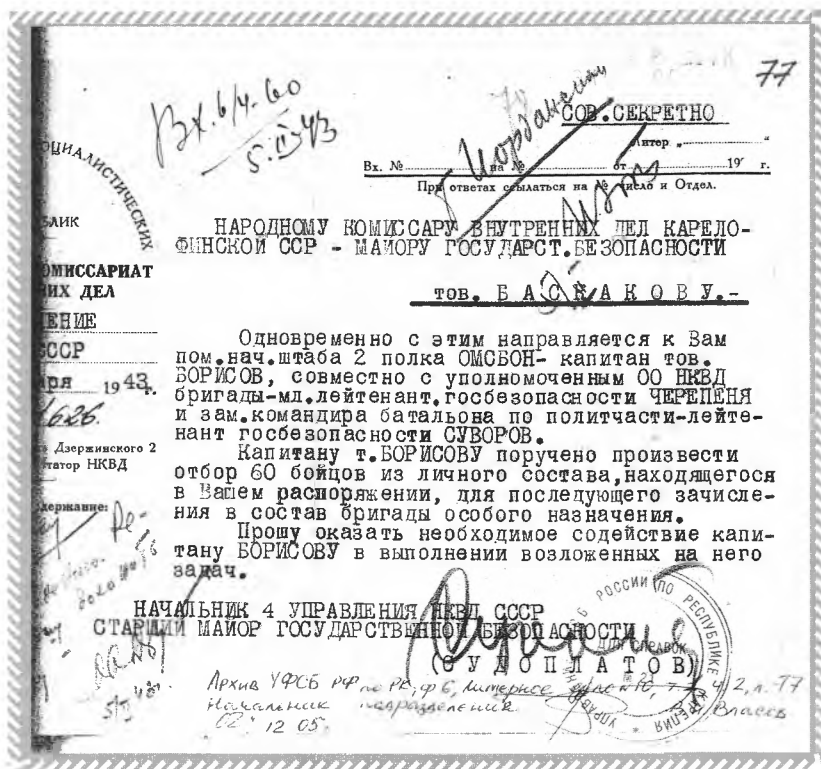
Задачи ликвидации или уничтожения разведывательных школ противника находились в центре внимания советской контрразведки весь период войны на Севере. Впервые вопрос об уничтожении Петрозаводской школы финской разведки официально обсуждался в конце сентября 1942 г. Именно тогда 4-й отдел НКВД КФССР совместно с ЦК КП(б) КФССР разработал «План проведения специальных мероприятий по “Т” и “Д” на временно оккупированной противником территории на период октябрь и ноябрь 1942 г.». Вторым пунктом плана был предусмотрен «Разгром школы разведчиков в г. Петрозаводске в районе лесного техникума». Для этого 4-й отдел к 15 октября 1942 г. планировал подготовить разведывательно-диверсионную группу численностью 25 бойцов для заброски их в тыл противника средствами Онежской флотилии. 27 сентября 1942 г. план был согласован с наркомом внутренних дел КФССР майором ГБ М. И. Баскаковым и 2 октября 1942 г. утвержден членом Военного совета Карельского фронта бригадным комиссаром Г. Н. Куприяновым⁷⁵.

Однако по каким-то причинам план НКВД КФССР не был осуществлен. Можно предположить, что в дело вмешалась Москва, которая посчитала, что данный вопрос надо решать на более высоком уровне и сама захотела принять участие в разгроме Петрозаводской школы финской разведки. Это подтверждается следующими событиями.

25 октября 1942 г. заместитель начальника 4-го управления НКВД СССР старший майор госбезопасности Н. И. Эйтингон запросил руководство НКВД КФССР в кратчайший срок выслать все материалы о финской разведывательной школе в г. Петрозаводске: численность и расположение охраны, план занятых школой зданий и план прилегающей местности, внутренний распорядок и режим постоянного и переменного состава⁷⁶. После изучения полученных из КФССР документов с целью проведения операции по разгрому Петрозаводской разведшколы в конце 1942 г. в составе отдельного мотострелкового батальона особого назначения 4-го управления НКВД СССР был сформирован спецотряд под названием «Суоми» (командир — капитан П. Б. Борисов). В конце марта 1943 г. весь отряд в количестве 42 человек был передан в оперативное подчинение 4-му отделу НКВД КФССР.

Однако формирование отряда затянулось на полгода, что связано с доукомплектованием спецотряда бойцами местной специальной школы (47 человек) из числа советских финнов и карел, хорошо владевших финским языком. С этой целью весной 1943 г. оперработники 4-го отдела НКВД КФССР выезжали в г. Челябинск для подбора кадров из молодых финнов, эвакуированных из Карелии в 1941 г. (так называемые трудоармейцы), которых предполагалось использовать в составе специального отряда отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН) 4-го управления НКВД СССР.

О действиях отряда «Суоми» в Карелии у исследователей нет единого мнения. Так, С. С. Авдеев весьма невысоко оценивает результаты деятельности отряда «Суоми». Он пишет: «Целью создания отряда было проведение специальных операций по финским разведорганам. Однако формирование отряда затянулось на полгода, его бойцы вместо боевой подготовки занимались строительством жилого дома НКВД в г. Беломорске и лишь в сентябре 1943 г. приняли участие в боевой операции, заминировав 5 км участка железной дороги в районе станции Илемсельга. В результате непродуманных вариантов отхода (рация не ра-

ботала), при постоянном преследовании противником, преодолев пешим порядком в течение двух недель 360 км, отряд вышел в Беломорск»⁷⁷.

Несколько иную позицию занимает Э. П. Лайдинен. Он отмечает: «После формирования отряд Борисова дважды направлялся в тыл противника для проведения диверсии среди финских войск и оба раза успешно выполнил задания. Так, в сентябре 1943 г. бойцы спецотряда «Суоми» приняли участие в боевой операции, заминировав 5 км участка железной дороги в районе ст. Илемсельга (Кондопожский район)»⁷⁸.

Однако подчеркнем, что отряд «Суоми» так и не был использован для своего прямого назначения — уничтожения Петрозаводской разведшколы и в ноябре 1943 г. был отозван в Москву⁷⁹. Время было упущено. Более того, по мнению финляндских исследователей, к концу 1942 г. финская разведка получила данные о намерениях НКВД КФСР по уничтожению разведывательной школы и в марте 1943 г. Петрозаводская разведшкола из Петрозаводска была переведена в район озера Шотозеро (Пряжинский район Карелии), откуда осенью 1943 г. передислоцирована в Руоколахти (Финляндия)⁸⁰.

Для выявления деятельности Петрозаводской разведшколы противника 4-й отдел НКВД (НКГБ) КФСР направлял в тыл финских войск подготовленные разведывательные группы. Так, группа «Виктория» в составе Владимира Львовича Попова, Киприяна Матвеевича Поташева и Анны Ивановны Макушевой 26 октября 1943 г. катерами Онежской флотилии была направлена на оккупированную территорию Прионежского района с задачей выявления деятельности Петрозаводс-

кой разведшколы и организации нелегальной резидентуры. Группа не выполнила задание: Попов сдался в плен, позднее были задержаны и другие члены группы⁸¹. С аналогичным заданием 25 октября 1943 г. в Шелтозерский район была заброшена агентурная группа «Соратники», однако и она не выполнила задание.

В связи с переводом весной 1943 г. Петрозаводской разведшколы на территорию оккупированного Пряжинского района уже 2 ноября 1943 г. на территорию оккупированного Ведлозерского района самолетом была заброшена группа «Кама» в составе Константина Васильевича Манзырева, Семена Андреевича Вавулова и Евдокии Михайловны Сергеевой с задачей организации нелегальной резидентуры, выявления практической деятельности и кадров Петрозаводской разведшколы, а также вербовки агентуры из окружения Петрозаводской разведшколы. Из-за предательства С. А. Вавулова группа не выполнила задание. Манзырев и Сергеева были убиты в перестрелке с финнами. После войны Вавулов был осужден советским судом⁸².

Но не только Петрозаводская школа финской разведки была объектом пристального внимания советских органов безопасности. Советские спецслужбы интересовались и другими разведшколами.

Так, 27 августа 1942 г. в Финляндию была заброшена группа «Марс» в количестве 19 человек, перед которой была поставлена задача проникнуть в район Рованиemi на хутор Вессало, разгромить финскую разведывательную школу, захватить одного из главных сотрудников и привести его на советскую сторону. Но уже 4 сентября группа вернулась обратно, не дойдя до места назначения и не выполнив задания.

Как отмечалось выше, 4 апреля 1944 г. самолетом на территорию Финляндии в район Суомуссалми была заброшена группа «Соседи» в составе Андрея Иевлевича Юнтунена, Эссы Омеевича Кемпайнена и Рейно Ласеевича Пехконена с задачей выявления деятельности Суомуссалмской разведшколы и сбора данных о деятельности Суомуссалмского пункта финской разведки и его агентуры. Задание группа не выполнила. 16 апреля она была захвачена финнами. Юнтунен и Кемпайнен были расстреляны, Пехконен был осужден финским судом, но после войны возвратился в СССР⁸³.

Общие итоги деятельности спецгрупп и отдельных агентов НКВД за годы войны были приведены в справке «О деятельности разведывательно-диверсионных групп органов госбезопасности КФССР в тылу противника в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». За три военных года диверсионными группами было сделано 89 боевых выходов в тыл финских войск. В результате их деятельности было разгромлено 7 гарнизонов противника, убито 467 солдат, офицеров и чиновников оккупационных властей; уничтожено 28 автомашин, 2 самолета, 10 складов с боеприпасами и продовольствием, взорвано и повреждено 62 моста. Кроме разведывательно-диверсионных групп, в тылу финских войск для агентурной работы было использовано 233 человека. Добытые разведчиками данные военного характера оперативно использовались штабом Карельского фронта и штабом партизанского движения.

После освобождения территории республики от финских войск на основании данных зафронтовой агентуры было арестовано свыше 150 человек — агентов разведывательных и контрразведывательных органов противника, активных предателей и пособников финских оккупационных властей⁸⁴.

Как показали события, успешно осуществлялись операции по разгрому мелких гарнизонов, штабов противника и совершению диверсий на его коммуникациях. Активные же действия по финским спецорганам после неудачных попыток в 1941—1942 гг. не проводились⁸⁵.

За весь период войны результаты оказались следующие: вернулось — 45 разведчиков; погибло при переправах — 22; пропало без вести — 36; попало в плен — 109 (из них изменников Родины — 14, осуждено финнами к расстрелу — 11 человек).

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1944 г. за образцовое выполнение спецзаданий 23 разведчика НКВД-НКГБ КФССР были награждены: орденом Красного Знамени — 3 человека; орденом Красной Звезды — 8; орденом Отечественной войны — 8; медалью «За отвагу» — 4 человека.

Разведывательно-диверсионная деятельность в тылу противника могла быть более результативной, если бы удалось избежать ряда недостатков: несогласованности и порой нерационального использования сил и средств НКГБ КФССР, разведштаба Карельского фронта, штаба партизанского движения (выход на одних и тех же лиц, работа в условиях провала у «соседей» и др.).

Кроме того, как отмечалось в докладной записке «Об агентурно-оперативной работе 4-го отдела НКГБ КФССР» в июле 1944 г., стремительное наступление частей Карельского фронта, которое началось 21 июня 1944 г., заставило финские войска быстро отступать и по этой причине все находившиеся в тылу противника советские оперативные группы оказались на территории, занятой Красной Армией. Они не успели отступить с частями противника в его тыл для продолжения работы⁸⁶.

4-му отделу НКВД-НКГБ КФССР в период войны не удалось добиться больших успехов и в уничтожении высших должностных лиц финского оккупационного режима и их пособников. За это НКВД-НКГБ Карелии неоднократно подвергался критике со стороны 4-го управления НКГБ СССР. Так, на заключительном этапе военных действий П. А. Судоплатов и Б. А. Рыбкин в одном из документов в адрес министра государственной безопасности А. М. Кузнецова резко критикуют работу 4-го отдела НКГБ КФССР, указывая, в частности: «В работе отдела продолжают иметь место ранее отмеченные нами недостатки (слабая работа по “Т”, не ведется диверсионная работа)»⁸⁷.

Справедливости ради отметим, что не всегда эта критика из центра была обоснована. 4-е управление НКВД-НКГБ СССР, ставя перед НКВД-НКГБ КФССР сложные задачи по проведению разведывательно-диверсионной деятельности в военный период, часто подходило к оккупированной территории Карелии так же, как и к другим временно оккупированным советским территориям (Белоруссии, Смоленской, Брянской и другим областям). Однако финский оккупационный режим был даже более строгим, чем немецкий: практически все русское население было заключено в концентрационные или трудовые лагеря, а в деревнях установлен жесткий контроль за передвижением сельских жителей. Финские оккупационные власти принимали самые суровые меры к лицам, заподозренным в оказании помощи партизанам и разведчикам: их заключали в тюрьмы, судили и часто расстреливали прямо на глазах у односельчан. Все это не могло не сказываться на населении, оказавшемся на оккупированной финнами территории Карелии. Необходимо также учитывать, что на оккупированной финнами территории Карелии в 1941—1944 гг. находилось всего около

86 тыс. человек: в основном женщины, старики и дети, использование которых в оперативных целях было достаточно проблематично.

К осени 1944 г. по указанию начальника 4-го управления НКГБ СССР П. А. Судоплатова 4-м отделом НКГБ КФСР для работы на территории Финляндии было подготовлено 29 агентов, владеющих финским языком и хорошо знакомых с жизнью и бытом соседней страны. Многие из них имели родственников в Финляндии⁸⁸. Однако развернуть эту работу не удалось, так как в сентябре 1944 г. страна вышла из войны и было заключено перемирие между СССР и Финляндией.

- 1 Воробьев Н., Кондратьев Ф., Яровой А. Ухожу на задание: Очерки. Петрозаводск, 1974; Куприянов Г. Н. За линией Карельского фронта. Петрозаводск, 1975; Бацер Ис., Кликачев А. Позывные из ночи: Повесть о разведчиках. Петрозаводск, 1977; Тихонов О. Н. Операция в зоне «Вакуум»: Докум. повесть. Петрозаводск, 1979; Чекисты Карелии: Ст., очерки, рассказы / [Сост. В. А. Журавлев]. Петрозаводск, 1982; Яровой А. Ф., Тихонов О. Н. Дублеры: Хроника одной чекистской операции. Петрозаводск, 1984; Чекисты Карелии: Ст., очерки, рассказы / Сост. А. П. Тигушкин. Петрозаводск, 1986; Чекисты Карельского фронта в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: Докум. очерки и воспоминания / [Сост. А. Богданов и др.]. Петрозаводск, 1988.
- 2 Авдеев С. С. Деятельность советских спецгрупп на Карельском фронте в тылу противника (1941—1944 гг.) // Карелия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: Материалы респ. науч.-практ. конф., посв. 55-летию Победы в Великой Отечественной войне (28 апреля 2000 г.). Петрозаводск, 2001. С. 9—22.
- 3 Лайдинен Э. П. Советская контрразведка против финской разведки на территории Карелии в 1939—1944 гг. (Рукопись.)
- 4 Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1: Начало (22 июня — 31 августа 1941 года). М., 2000. С. 136—138; 161—165; 343.
- 5 Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. С. 186; Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль, 1930—1950-е годы. М., 2003. С. 197.
- 6 Погоний Я. Лубянка, 2: Из истории отечественной контрразведки. М., 1999. С. 230.
- 7 Лайдинен Э. П. НКВД-НКГБ против генерала Араюри (террор НКВД-НКГБ КФСР в годы Великой Отечественной войны) // История и культурное наследие Северного Приладожья: взгляд из России и Финляндии: Материалы 2-й Междунар. науч.-практ. конф., посв. 100-летию со дня рождения известного музейного деятеля и краеведа Северного Приладожья Т. А. Хаккарайнена и 375-летию Сортавалы (11—13 июня 2007 г., Сортавала). Петрозаводск, 2007. С. 138; Архив УФСБ РФ по РК, ФСДП, оп. 1, п. 102, л. 250—251.
- 8 Архив УФСБ РФ по РК, ФСДП, оп. 1, п. 102, л. 241.
- 9 Там же, д. 302, л. 2.
- 10 Там же, л. 2; литер. дело 9, л. 30.
- 11 Там же, литер. дело 9, л. 117.
- 12 Там же, литер. дело 10, л. 38, 39.
- 13 Там же, л. 181.
- 14 Там же, литер. дело 9, л. 212.
- 15 Там же, л. 164.

- 16 Архив УФСБ РФ по РК, ФСДП, ф. 2, д. 95, л. 153.
- 17 Там же, литер. дело 9, л. 29, 205.
- 18 Там же, л. 246.
- 19 Там же, ФДОУ, д. 9, т. 1, л. 50.
- 20 *Лайдинен Э. П.* НКВД-НКГБ против генерала Араюри... С. 138—139; Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 10, т. 1, ч. 3, л. 1—2.
- 21 Там же, ф. 2, д. 93, л. 25.
- 22 Карельский фронт в годы Великой Отечественной войны. М., 1984. С. 111, 164, 172.
- 23 По обе стороны Карельского фронта: Док. и материалы. Петрозаводск, 1995. С. 267, 411.
- 24 Неизвестная Карелия: Док. спецорганов о жизни республики, 1941—1956 гг. Петрозаводск, 1999. С. 48, 52, 61, 62.
- 25 *Авдеев С. С.* Деятельность советских спецгрупп на Карельском фронте в тылу противника (1941—1944 гг.). С. 16.
- 26 Архив УФСБ РФ по РК, ФСДП, оп. 1, д. 302, л. 23, 24.
- 27 Там же, ФКРО, оп. 1, д. 95, л. 111—113.
- 28 Там же, ФСДП, оп. 1, д. 302, л. 4.
- 29 Там же, л. 11.
- 30 Там же, л. 17.
- 31 Там же, л. 12, 20.
- 32 Там же, л. 17.
- 33 Там же, ФКРО, оп. 1, п. 98, 351.
- 34 Там же, л. 20.
- 35 Там же, ф. 2, д. 95, л. 136.
- 36 Там же, ФКРО, оп. 1, п. 95, л. 26—40.
- 37 Там же, ф. 2, д. 95, л. 144.
- 38 *Лайдинен Э. П.* НКВД-НКГБ против генерала Араюри... С. 139—140.
- 39 Там же. С. 140.
- 40 Там же.
- 41 Там же. С. 141.
- 42 *Лайдинен Э. П.* НКВД-НКГБ против генерала Араюри... С. 141.
- 43 См.: История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 640—641.
- 44 *Тихонов О. Н.* Операция в зоне «Вакуум».
- 45 Архив УФСБ РФ по РК, ФСДП, оп. 1, д. 117, л. 64.
- 46 *Тихонов О. Н.* Операция в зоне «Вакуум». С. 215.
- 47 *Сеппяля Х.* Финляндия как оккупант в 1941—1944 годах // Север. 1995. № 6. С. 125.
- 48 Там же.
- 49 *Rosen G.* Suomalaisina Itä-Karjalassa. Sotahallinnon ja Suomen Punaisen Ristin yhteistoiminta 1941—1944. Jyväskylä, 1998. S. 235—236.
- 50 *Степаков В.* Русские диверсанты против «кукушек». М., 2004. С. 111.
- 51 *Широкоград А. Б.* Финляндия — Россия: Три неизвестные войны. М., 2006. С. 314—315.
- 52 Архив УФСБ РФ по РК, ФКРО, оп. 1, п. 95, л. 119.
- 53 Там же, ФСДП, оп. 1, д. 302, л. 10.
- 54 Там же, л. 21.

- 55 Архив УФСБ РФ по РК, ФКРО, оп. 1, д. 302, л. 23.
- 56 Там же, л. 9, 12.
- 57 Там же, л. 21.
- 58 Там же, л. 23.
- 59 *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П.* Агентурная разведка армий фашистской Германии и Финляндии на Северо-Западе Советского Союза в 1941—1944 гг. // Подвигу жить в веках: материалы военно-ист. конф., посв. 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Петрозаводск, 2005. С. 84.
- 60 *Лайдинен Э. П.* Советская контрразведка против финской разведки на территории Карелии в 1939—1944 гг. С. 67—68.
- 61 *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П.* Агентурная разведка армий фашистской Германии и Финляндии на Северо-Западе Советского Союза в 1941—1944 гг. С. 85.
- 62 Там же. С. 86.
- 63 *Лайдинен Э. П.* Советская разведка против финской разведки на территории Карелии в 1939—1944 гг. С. 83.
- 64 Там же. С. 90.
- 65 *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П.* Агентурная разведка армий фашистской Германии и Финляндии на Северо-Западе Советского Союза в 1941—1944 гг. С. 86.
- 66 Там же. С. 86.
- 67 Там же; Архив УФСБ РФ по РК, ф. Секретариат, оп. 1, п. 120, л. 29; ФЛД, д. 21, л. 5, 54.
- 68 Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 22, л. 35; д. 25, т. 1—3: материалы; д. 29, т. 1, л. 200; д. 32, л. 8; *Чижевский Т. А.* На мурманском направлении // Документы свидетельствуют: Армейская контрразведка в годы войны. С. 121; *Хлобустов О.* Финские командос в советском тылу // Новости разведки и контрразведки. 2000. № 13—14. С. 15; *Heiskanen R.* Saadun tiedon mukaan ...Päämajan johtama tiedustelu 1939 —1945. Helsinki, 1989. S. 182.
- 69 *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П.* Агентурная разведка армий фашистской Германии и Финляндии на Северо-Западе Советского Союза в 1941—1944 гг. С. 86; НА РК, ф. 287, оп. 2, ед. хр. 10, л. 91, 106, 190, 194; Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 22, л. 32; д. 25, т. 2, л. 458; ФДТМ, д. 8307, л. 26, д. 8309, л. 65; ФЛД, д. 22, л. 32; д. 25, т. 2, л. 319; д. 25, т. 3.
- 70 Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 21, 22, 25, т. 1—3; д. 32, л. 5; *Хлобустов О.* Спецназ Суоми против Красной Армии // Независимое военное обозрение. 2000. № 31. С. 5; *Ямпольский В.* Финны — «агрессоры или освободители?»: Из истории разведывательно-диверсионной деятельности финских спецслужб в годы Второй мировой войны // Карелия. 1994. № 40; *Хлобустов О.* Финские командос в советском тылу. С. 15.
- 71 *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П.* Агентурная разведка армий фашистской Германии и Финляндии на Северо-Западе Советского Союза в 1941—1944 гг. С. 87.
- 72 *Лайдинен Э. П.* Советская контрразведка против финской разведки на территории Карелии в 1939—1944 гг. С. 107.
- 73 *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П.* Агентурная разведка армий фашистской Германии и Финляндии на Северо-Западе Советского Союза в 1941—1944 гг. С. 87.
- 74 НА РК, ф. 287, оп. 2, ед. хр. 10, л. 20; Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 25, т. 4, л. 8—10; *Леонов И. Я., Смирнов Н. Т.* В стане врага // Документы свидетельствуют: Армейская контрразведка в годы войны. С. 180—210.
- 75 *Лайдинен Э. П.* Советская контрразведка против финской разведки на территории Карелии в 1939—1944 гг. С. 156—157.
- 76 Там же. С. 157.
- 77 *Авдеев С. С.* Деятельность советских спецгрупп на Карельском фронте в тылу противника (1941—1944 гг.). С. 11; Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 10, л. 37, 59, 78.

- 78 Лайдинен Э. П. Советская контрразведка против финской разведки на территории Карелии в 1939—1944 гг. С. 157.
- 79 Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 10, л. 37, 59, 78; д. 10, т. 1, ч. 2, л. 5; *Веригин С. Г.* Деятельность разведывательно-диверсионных групп НКВД (НКГБ) Карелии в тылу финских войск (1941—1944 гг.) // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 2005. С. 128; *Судоплатов П.* Разведка и Кремль. М., 1996. С. 149.
- 80 *Heiskanen R.* Saadun tiedon mukaan... S. 182; *Rislakki J.* Erittäin salainen. Vakoilu Suomessa. Helsinki, 1982. S. 250.
- 81 Архив УФСБ РФ по РК, ФСДП, оп. 1, д. 302, л. 22.
- 82 Там же, л. 21.
- 83 Там же, л. 23, 24.
- 84 Там же, л. 2 и 3.
- 85 Там же, ф. 2, д. 95, л. 153.
- 86 Там же, ФКРО, оп. 1, п. 96, л. 113.
- 87 Там же, п. 95, л. 105.
- 88 Там же, л. 170.

Глава 4. **ОККУПИРОВАННЫЕ РАЙОНЫ КАРЕЛИИ** **В 1941—1944 гг.**

306

4.1. Организация финского оккупационного режима на территории Карелии в военный период

Итоги советско-финляндской (Зимней) войны 1939—1940 гг., потеря Карельского перешейка и Приладожской Карелии, оценивались в Финляндии как несправедливые и ущемляющие национальные интересы страны. В обществе зрели настроения о возвращении потерянных земель, как только для этого сложатся подходящие условия.

После Зимней войны руководство Финляндии идет на сближение с Германией, так как стали ясны планы Гитлера напасть на Советский Союз. На протяжении 1940 — весны 1941 г. проходили немецко-финляндские совещания. Финляндия на этих переговорах стремилась определить свою собственную роль в будущей войне: отвечать за участок фронта от Финского залива до Ухты. За состояние фронта к северу от нее ответственность должна была лежать на Германии.

По мере приближения войны между Германией и Советским Союзом у правящих кругов Финляндии возрастает интерес и к Восточной Карелии*. Они надеялись в будущей войне не только вернуть земли Финляндии, утраченные по Московскому мирному договору от 12 марта 1940 г., но и расширить территорию

* Восточной Карелией в Финляндии считается территория, определенная Тартуским мирным договором 1920 г., между Финляндией и Советской Россией к востоку от Финляндии: по реке Свирь, побережьям Онежского озера и Белого моря. Это примерно границы нынешней Республики Карелия.

за счет Восточной Карелии. Вновь воскресли планы о Великой Финляндии: о возможности включить родственные финнам народы Карелии (карелы, вепсы, ингерманландцы) в число финляндских жителей, осуществить то, что не удалось сделать Финляндии на рубеже 1920-х гг.

Еще до начала войны против СССР в апреле 1941 г. президент Финляндской Республики Ристо Рюти дал задание членам национальных организаций подготовить научные исследования о будущем Восточной Карелии, на основании которых можно было бы доказать Германии, что данный регион исторически, национально и культурно принадлежит Финляндии¹. Ряд таких исследований был выполнен. За несколько недель до начала военных действий заместитель председателя Карельского академического общества (КАО) доктор Рейно Кастрен представил план устройства будущей администрации Восточной Карелии, предусматривающий постепенное включение этой территории в состав Финляндии².

Предвоенные планы финских военных расходились относительно границ территории, которую следовало бы присоединить. Генерал Аксель Айро заявил о необходимости возврата к «естественным», или «историческим», границам Финляндии (Ладога — Свирь — Онежское озеро — Белое море). А его оппонент генерал Эрик Хейнрих считал их слишком «южными»³. Однако сам факт необходимости «освобождения» Восточной Карелии в Финляндии сомнений не вызывал.

Газета «Uusi Suomi», финляндский правительственный орган, заявляла, что «Карелия является неразрывной частью Финляндии. Финляндия не может сложить оружия, пока не будет освобождена вся Карелия». Другая финская газета «Karjala» писала, что «Финляндия имеет неоспоримое право на большую часть Советской России, не говоря уже о Карелии, до Свири, Онежского озера и Белого моря»⁴.

В Финляндии приказ К. Г. Маннергейма от 10 июля 1941 г. о том, что он «не вложит свой меч в ножны» до тех пор, пока не будет освобождена Восточная Карелия, был принят с воодушевлением. Этот приказ являлся копией распоряжения самого же Маннергейма от 1918 г. и восходил к давней идее объединения соплеменников: финнов и карел под эгидой Великой Финляндии⁵. В действительности за пафосным приказом Маннергейма скрывались стратегические и экономические факторы. Проходившая через Карелию Мурманская железная дорога и Беломорско-Балтийский канал, одно из крупнейших в стране производств бумаги и неисчерпаемые запасы леса делали регион весьма привлекательным для Финляндии. Кроме того, потеря финнами Карельского перешейка заставляла обеспечить жильем и продовольствием 400 тыс. человек, эвакуированных с этой территории⁶.

22 июня 1941 г. нацистская Германия напала на Советский Союз, военные действия развернулись по всему восточному фронту. В тот же день немецкие самолеты нанесли удар по Советскому Союзу с территории Финляндии.

На севере СССР военные действия начались 29 июня 1941 г. с наступления немецкой армии «Норвегия» (позже — армия «Лапландия», а с середины июля 1942 г. — 20-я горная армия). Противник наносил главный удар по Мурманску, а также вел наступательные бои на севере Карелии (на кестеньгском и кандалакшском направлениях).

В ночь с 30 июня на 1 июля 1941 г. финские войска вторглись на территорию СССР в приграничных районах Карелии и на Карельском перешейке. Финским и германским войскам противостояли войска Северного, а с августа 1941 г. — Карельского фронта.

К началу декабря 1941 г. противник был остановлен на рубеже от южного участка Беломорско-Балтийского канала до станции Масельгская и западнее Кировской железной дороги по линии Ругозеро — Ухта — Кестеньга — Алакуртти — Мурманск. Эта линия советско-финляндско-германского фронта оставалась практически неизменной до июня 1944 г. (см. карту 5).

Таким образом, к концу 1941 г. две трети всей территории Карело-Финской СССР оказались оккупированными финскими и немецкими войсками. На декабрь 1941 г. численность гражданского населения, проживающего на оккупированной территории, составляла 86 119 человек, в том числе «национального населения» (финно-угорского) — 35 919 человек, «ненационального населения» (русских и представителей других народов, не относящихся к финно-угорским народам) — 50 200 человек⁷.

Главные идеи плана включения Карелии в состав Финляндии нашли свое воплощение в осуществлении политики Военного управления Восточной Карелии (ВУВК), созданного по приказу главнокомандующего финской армией Маннергейма от 15 июля 1941 г., на оккупированной финскими войсками территории Советской Карелии в 1941—1944 гг. Командиром управления был назначен подполковник Вийне Котилайнен, который до войны занимал должность исполнительного директора фирмы АО «Энсо-Гутцайт». В тот же день В. Котилайнен обратился к гражданам захваченных районов Советской Карелии и объявил, что принял на себя руководство оккупированной территорией и что с этого времени каждый ее житель обязан выполнять требования финских военных властей. В перечне требований (из восьми пунктов) местным жителям запрещалось иметь любое оружие и радиоаппаратуру, находиться на улице ночью (с 21 часа вечера до 6 часов утра), присваивать или портить оставшееся государственное (колхозное) имущество, хранить или распространять политические книги. Гражданскому населению предлагалось продолжить свою обычную работу и предоставить опись имущества, а оставшимся советским солдатам немедленно сдаться в плен. За нарушение данных требований грозили разного рода наказания, вплоть до смертной казни⁸.

Штаб управления сначала находился в г. Миккели, затем, до конца 1942 г., в Йонэсуу (Финляндия), а позднее, с 15 марта 1943 г., в Петрозаводске. Территория, подчиненная управлению, была разделена на три округа: Олонецкий (начальник — полковник Урхо-Кейо Сихвонен, месторасположение — с. Видлица), Масельгский (начальник — подполковник Вейкко Ваясенен, временное расположение — с. Реболы) и Беломорский (начальник — подполковник Вилье-Вейкко Палохеймо, временное расположение — Куусамо)⁹.

Структура округов ВУВК была изменена в 1942 г.: был упразднен Масельгский округ — два его района переданы в Беломорский округ, три района — в Олонецкий округ¹⁰. В августе 1943 г. штабы ВУВК и Олонецкого округа были объединены¹¹.

Каждый из округов делился на районы, а они в свою очередь на более мелкие административные единицы — участки во главе с комендантом. Комендант руководил всей административной, военной и хозяйственной жизнью участка. В наиболее крупных деревнях были уполномоченные Военного управления и их помощники — старосты, как правило, из представителей местного населения¹². В отдельную административную единицу был выделен г. Петрозаводск,

главой Военного управления города стал капитан Миика Симойоки, который непосредственно подчинялся ВУВК.

Аппарат управления был весьма мощным. К концу 1941 г. в нем работало 2 917 сотрудников. Управление имело отделы: командный, противовоздушной обороны, административный, полицейский, надзора за населением, экономический, просвещения, финансово-контрольный, врачебно-санитарный и комендантский¹³ (см. Приложение 2).

Все руководящие должности, как в центральном аппарате Военного управления Восточной Карелии, так и в районных администрациях, занимали, как правило, финны — офицеры и чиновники, прибывшие в оккупированные районы Советской Карелии из Финляндии.

Начальниками районов в основном назначали людей, имевших юридическое образование, прежде всего ленсманов, а местными начальниками — полицейских констеблей. В списке, составленном в июле 1941 г., были названы кандидаты на административные должности даже в Кеми и Беломорске, которые финны так и не смогли захватить.

Финляндский исследователь Юкка Куломаа отмечает, что местный колорит Военному управлению придавала совещательная комиссия, в составе 12 членов, при начальнике ВУВК, составленная из бежавших после революции из Восточной (Российской) Карелии в Финляндию политически благонадежных карел. Задача комиссии заключалась в оказании помощи ВУВК при выработке принципиально важных решений. Никакими полномочиями для самостоятельного принятия решений этот орган, существовавший отдельно от других структур штаба ВУВК, не обладал. На рассмотрение комиссии поступало очень мало вопросов, и ее деятельность не оказала существенного влияния на ход событий¹⁴.

В документах карельских ведомственных архивов эта структура называется Советом при ВУВК, при этом подчеркивается, что в его состав вошли карелы, ушедшие из Восточной Карелии в Финляндию в начале 1920-х гг., в большинстве своем участники так называемых племенных войн. Председателем Совета стал Пробус (Прокопий) Рахикайнен, уроженец д. Юшкозеро Калевальского района, бывший организатор восстания в 1921 г. в Ухтинском районе, член президиума Карельского академического общества с 1927 г. Членами совета являлись: Василий Кейняс, уроженец с. Реболы, участник «каравантюры», председатель правления Восточно-Карельского комитета; Микко Карвонен, уроженец с. Кестеньга, участник «каравантюры», член президиума Центрального союза карельских клубов (Керхо); Ласси Кунтиярви (Кундозеров), уроженец с. Оланга Кестеньгского района, организатор восстания в 1921 г. в Кестеньгском районе, секретарь Центрального союза карельских клубов (Керхо); Пауль Ипатти (Игнатьев), уроженец Ребольского района, участник «каравантюры», член правления Союза племенных воинов; Нийло Кирикки (Кириков), уроженец Ругозерского района, участник «каравантюры», член Союза племенных воинов и др.¹⁵

На низовую административную работу — на должности поселковых комендантов и сельских старост финские оккупационные власти подбирали лиц из местного населения. Большинство из тех, кто соглашался на такое сотрудничество, было недовольно существовавшим до войны советским режимом или пострадало от него (коллективизация, борьба с церковью, политика террора во второй

половине 1930-х гг. и др.), некоторые участвовали в открытой борьбе против советской власти в период Гражданской войны в Карелии и эмигрировали в начале 1920-х гг. в Финляндию. Однако были и те, кто шел на сотрудничество с оккупационными властями, спасая свою жизнь и жизнь своих родных и близких.

В 1942 г. после завершения формирования на захваченной территории Карелии органов местной власти Военное управление Восточной Карелии организовало экскурсию старост из Олонецкого, Пряжинского, Заонежского, Ведлозерского и других оккупированных районов республики в Финляндию. Всего ездило 26 человек. Они посетили ряд заводов и организаций Хельсинки и других финских городов. Карельские старосты встречались с главнокомандующим финской армией К. Г. Маннергеймом и президентом страны Р. Рюти¹⁶.

Первый начальник ВУВК В. Котилайнен занимал эту должность до июня 1942 г., затем на должность начальника ВУВК был назначен полковник (впоследствии генерал-майор) Йохан Виктор Араюри. В августе 1943 г. Араюри вернулся на должность начальника полиции Хельсинки, которую занимал до войны. Место начальника ВУВК в августе 1943 г. занял бывший начальник Олонецкого округа подполковник (впоследствии полковник) Олли Палохеймо, эту должность он занимал до ликвидации ВУВК¹⁷.

Основу оккупационной политики составлял тезис о том, что коренными жителями Карелии являются только карелы, финны, вепсы и другие финно-угорские народы. Русские, проживавшие на этой территории, по мнению военного и политического руководства Финляндии, были переселены сюда насильно. Исходя из этого, присоединенную к Финляндии Восточную Карелию планировалось превратить в территорию, заселенную только финно-угорскими народами, а русских и представителей других этнических групп, считавшихся мигранта-

ми, предполагали выселить из Карелии в захваченные немцами другие регионы Советского Союза.

Финляндский историк А. Лайне отмечает, что в конце 1941 г. зам. начальника административного отдела ВУВК военный чиновник В. Мерикоски выезжал в Германию с целью ознакомления с работой административного управления Германии на оккупированных восточных территориях. На переговорах обсуждалась возможность еще до окончания германо-советской войны переселить гражданское русское население с оккупированной территории Карелии в Германию, а родственное (финно-угорское) население с оккупированной Германией территории СССР переселить в Восточную Карелию (т. е. провести обмен населением). Однако, вероятно, отсутствие транспортных возможностей по перемещению населения было главной причиной того, что данный обмен не состоялся¹⁸.

Как уже было сказано, в начальный период войны финским войскам удалось оккупировать две трети территории Советской Карелии. Однако гражданское население, оказавшееся на ней, было значительно меньшим, чем ожидали финны. Регистрация оставшегося населения осуществлялась по мере продвижения финских войск вглубь территории республики и была закончена в конце 1942 г. Но уже к концу 1941 г. стало известно, сколько жителей осталось в регионе. На 21 декабря 1941 г., по данным финских исследователей, было зарегистрировано 86 119 человек, из которых родственными финнам были 35 919 человек¹⁹, в большинстве своем женщины, старики и дети. В дальнейшем численность колебалась незначительно — в пределах нескольких тысяч за весь период оккупации. По оценке финского историка Х. Сеппяля, к концу оккупации в 1944 г. численность населения составляла 83 385 человек, из которых русские составляли 47 %, карелы — 39 %²⁰.

Те же цифры по национальному составу населения, только более подробно, приводит и другой финляндский исследователь А. Лайне. Он пишет: «На 1 января 1944 г. на оккупированной Карелии проживало 83 385 человек, из них национальное (родственное) население составляло 41 875 человек (50,2 %): карелы — 32 987 (39,6 %); веписы — 7 120 (8,5 %); ингерманландцы — 720 (0,9 %); финны — 683 (0,8 %); эстонцы — 194 (0,2 %); мордва — 156 (0,2 %); другие — 15 (менее 0,1 %). Ненациональное население — 41 150 человек (49,8 %): русские — 39 975 (46,7 %); украинцы — 1 049 (1,3 %); белорусы — 990 (1,2 %); поляки — 166 (0,2 %); татары — 141 (0,2 %); латыши — 71 (0,1 %); немцы — 21 (менее 0,1 %); другие — 97 (0,1 %)»²¹.

Российские исследователи в основном подтверждают эти цифры, отмечая, что в это число входило не только население, проживавшее до войны в Карелии, но и жители Ленинградской области, не успевшие эвакуироваться и оказавшиеся на оккупированной территории²². По справкам начальника разведотдела НКВД КФССР, на начало февраля 1943 г. на оккупированной территории Карело-Финской ССР находилось от 80 до 90 тыс. советских граждан²³.

Военное управление Восточной Карелии, исходя из утвержденных основ национальной политики на оккупированной территории, предполагало собрать все русское население в определенных местах и затем выселить за пределы Карелии в другие районы Советского Союза, которые должна была захватить Германия. С этой целью для русского населения стали создаваться концентрационные лагеря.

Военная администрация Восточной Карелии разделила все оставшееся на свободе население по национальному принципу на две основные группы: коренное, или привилегированное, население (карелы и другие финно-угорские народы) и некоренное, или непривилегированное, население (русские и другие не финно-угорские народы).

Этот подход ВУВК отразился и на расселении жителей, оказавшихся на оккупированной территории. Так, чиновники ВУВК считали неприемлемым то обстоятельство, что первоначально в оккупированном Петрозаводске родственное финнам и ненациональное население проживало смешанно. Ю. Куломаа отмечает: «Вскоре по приказу начальника Петрозаводского района эти группы были расселены так, что ненациональное население стало проживать в основном в той части города, которая располагалась к югу, а родственное финнам — к северу от реки Лососинки. Переселение обосновывалось причинами безопасности и, кроме прочего, необходимостью обеспечить отвыкание национальных детей от языка “рюсся”»²⁴.

Разделение населения оккупированной Карелии на коренное (финно-угорское) и некоренное (русское) проявлялось также при распределении продовольствия и выплате заработной платы. Военное управление Восточной Карелии выдавало неработающему свободному населению продукты по карточкам. Первые нормы были такими: финнам и карелам давали в день 300 г муки и 400 г сахара в месяц; русским же полагалось в день только 200 г муки и 250 г сахара в месяц.

Вне зависимости от национальности работающие дополнительно получали по 150 г хлеба в день. В октябре 1941 г. карелам выдали по 500 г сахара, а русским — только до 300 г²⁵. Эти нормы в отдельных оккупированных районах были разные и постоянно менялись. Так, нормы продуктов в Петровском районе для финнов и карел составляли 500 г хлеба в день и 950 г жиров в месяц, тогда как для русских — 350 г хлеба и 750 г жиров соответственно²⁶.

Из отчета Военного управления Восточной Карелии о состоянии распределения продуктов питания за декабрь 1941 г. следует, что неработающее карельское население могло получить по продовольственным карточкам следующие продукты: мука — 7,5 кг, сахар — 1 кг, маргарин — 150 г, картофель — 15 кг. В ноябре и декабре еще полагалось мясо — на 15 марок. Русское население могло получать такую же норму, как и карелы, за исключением муки, ее они получали на 1,5 кг меньше. Работающие карелы и русские получали дополнительно по 4,5 кг муки и 350 г маргарина в декабре, а также мяса на 15 марок в ноябре и декабре 1941 г.²⁷

Национальный принцип выдерживался и при выплате заработной платы. Штаб Военного управления Восточной Карелии утвердил расценки работ, производимых местным населением на оккупированной территории, установив, что русским и прочим инородным рабочим выплачивается 50—60 % от расценок, утвержденных для финнов и карел. Например, плотники-карелы получали 7—10 марок в час, тогда как русские — 4,9—7 марок; женщины на разных работах соответственно: 3,5—6 и 2,5—4 марки в час. Финская женщина на оккупированной территории Карелии получала такую же зарплату, как и высокооплачиваемый специалист-мужчина²⁸.

Устанавливая нормы снабжения и расценки на производимые работы в зависимости от национальности, оккупационный режим пытался стимулировать «финнизацию» местного населения. Так, финны обнаружили очень мало финно-угорского населения в Петрозаводске, Кондопожском районе, Заонежье. Многие люди с карельскими фамилиями объявляли себя русскими, не желали получать паспорта для карел. Тогда власти увеличили для лиц, имеющих карельские паспорта, хлебную и продовольственную нормы в 2 раза, заметно повысили им заработную плату, давали лучшие земельные и сенокосные угодья. Кто имел паспорт карела, получал по 7—8 марок в час, тогда как русские за аналогичную работу получали 2—3 марки²⁹.

Проведенный нами анализ воспоминаний представителей коренного населения Карелии, переживших финскую оккупацию республики в 1941—1944 гг., показывает, что экономическое положение карел и вепсов в военный период было даже лучше, чем в первые послевоенные годы. Так, житель карельской деревни Пихтолахти Ведлозерского района Тойво Иосифович Вяйзянен вспоминает: «Мы не голодали ни в первый, ни во второй, ни в третий, и еще запасы зерновых остались до сорок шестого. Впервые нас голод застал весной сорок седьмого года. А так жили на своем»³⁰.

Жительница вепсского села Шелтозеро Таисия Ивановна Максимова на вопрос: «Если сравнить, как жилось при финнах и после освобождения, когда было лучше?» — ответила: «Большая разница. У финнов, хоть и у чужих мы были, чужие ведь они были, так они хоть кормили нас. Мы и сытые, и хоть кое-как, но одевались. А после войны сколько у нас всего было... Сказать вам — вы и не поверите.

Первый год после войны я еще в школе училась, так дали отрез белого ситца, этот ситец мама покрасила в розовый цвет, и это было одно-единственное платье. Ничего не было — голая, босая, чего тут после войны было у нас, ой-ой-ой. При финнах я была и обутая, и одетая. Были сапоги, а при своих ничего нельзя было достать. И достать нельзя было, и денег не было. В колхозе работали, так что уж тут. Финны человечнее отнеслись»³¹. И таких примеров и высказываний можно привести много. Вместе с тем, подчеркнем, это касалось только финно-угорского населения Карелии, которое в будущем должно было стать частью населения «Великой Финляндии».

Национальный подход в политике ВУВК по отношению к населению, оказавшемуся на оккупированной территории, ярко проявился и в организации здравоохранения. Ю. Куломаа в этой связи пишет: «В течение двух недель после захвата Яанислинны (так финны называли Петрозаводск. — С. В.) вопросы здравоохранения решались с помощью армии. В середине октября 1941 г. на средства, выделенные Красным Крестом, была открыта больница для гражданских лиц, в которой могли проходить лечение только жители города, относившиеся к народам, родственным финнам... Для ненационального населения лечебный пункт открылся только в середине ноября 1941 г., после того как относившаяся к этой категории населения русская женщина-врач согласилась заниматься врачебной практикой... Развитие медицинского обслуживания улучшало положение в основном представителей национального населения, поскольку дискриминация по национальному признаку сохранялась в этом секторе до самого конца оккупации... В ноябре 1943 г. больница для ненационального населения была ликвидирована, и оказание медицинской помощи сосредоточилось в цен-

тральной больнице переселенческого лагеря № 6, в которой насчитывалось 120 больничных мест. Что касается стационарного лечения ненациональных детей, то оно было организовано явно хуже, чем лечение детей представителей родственных финнам народов. Еще в начале мая 1944 г. больничные койки для ненациональных детей отсутствовали полностью, и в детскую городскую больницу их помещали только в исключительных случаях. Ненациональные дети не были охвачены работой детских консультаций и не наблюдались патронажными сестрами. Только в конце весны в центральной лагерной больнице организовали пять детских мест»³².

Местное финно-угорское население рассматривалось в качестве будущих граждан Великой Финляндии. Для реализации этой цели была развернута мощная пропагандистская работа. Как отмечает финский историк А. Лайне, оккупационный режим стремился побудить карельский народ к феннофильству, дать «знание об исторической задаче финского племени в его противодействии вековому стремлению России захватить Финляндию»³³.

С первых дней оккупации финское военное командование специально выделило офицеров по культурной деятельности, чья задача состояла в проведении просветительной и пропагандистской деятельности среди карельского населения. В специальной инструкции им указывалось: «1. Пробудить сочувствие к карельскому народу среди финских солдат, которые должны относиться к карелам не как к своим врагам, а как к своему родственному братскому народу. Убедить карел, что финские войска пришли освобождать находящийся под гнетом русских карельский народ. 2. Доказать карельскому населению, что русские на карельской земле не в силах были построить крепкое устойчивое хозяйство. Разъяснить, что русские использовали средства не для развития карельского народного хозяйства, а для мировой революции. 3. Объяснить, что карельское население должно спокойно продолжать работу на прежних местах...»³⁴.

В структуре Военного управления Восточной Карелии был создан 2-й отдел — просвещения (Valistustoimisto), который ведал вопросами организации школьной сети, пропаганды и агитации, печати и религиозного культа³⁵. В проводимых отделом мероприятиях следовало отмечать незначительность результатов Советского Союза для карел, подчеркивать национальное и естественное единство Финляндии и Карелии. Как пишут финские исследователи, в просветительной работе проглядывалась идеология Карельского академического общества, исходившая из противостояния финского и славянского начал, финно-угорских народов с русскими³⁶.

Важнейшими средствами воздействия на местное финно-угорское население были газеты и радио. Органом Военного управления Восточной Карелии стала газета «Vapaa Karjala» («Свободная Карелия»), издававшаяся на финском языке один раз в неделю на протяжении всех лет оккупации. Первый ее номер вышел в августе 1941 г. тиражом в 5 тыс. экземпляров. К концу этого года тираж достиг 10 тыс. экземпляров, а в 1943 г. составлял уже 11 700 экземпляров.

В оккупированном Петрозаводске газета «Vapaa Karjala» распространялась бесплатно, а с конца 1941 г. — при посредничестве отделов районного штаба и народных школ³⁷. В 1942 г. здесь расходилось около 800 экземпляров, что, как считалось, почти точно соответствовало числу национальных семей. В газете сообщалось о положении в Финляндии, ее истории, о событиях за рубежом, этапах борьбы за

освобождение Карелии и восстановление края. Также в каждом номере печатались материалы на религиозные темы. Статьи в основном публиковались на финском языке, но использовались и карельские диалекты. О том, как принималась «Vараа Karjala» населением и сколько людей ее читало, данных нет. По мнению А. Лайне, ее значение для большинства населения, очевидно, было несущественным. В особенности это касалось велсов, которые, вероятно, с трудом понимали финский язык, к тому же значительная часть людей старшего поколения была неграмотной³⁸.

Ю. Куломаа пишет: «Считалось, что “Vараа Karjala” не удовлетворяет информационные потребности Яанислинны, и в дополнение к ней необходимо было иметь местное издание. Чтобы компенсировать этот недостаток, в 1942 г. было выпущено четыре номера брошюры «Valistustoimiston tiedotuksia» («Сообщения отдела просвещения (пропаганды)»), которая, впрочем, спустя некоторое время уступила куда более действенному средству массовой информации — радио»³⁹.

С 1942 г. Военное управление стало выпускать газету «Paatenan Viesti» («Паданские вести») на финском языке тиражом 1 400 экземпляров. За выход газеты отвечал местный офицер по просветительской работе. Первый ее номер вышел в марте 1942 г., издавалась газета один раз в неделю. Всего вышло в свет около ста номеров. Последний номер датирован 10 июня 1944 г.⁴⁰

Главное направление деятельности и «Vараа Karjala», и «Paatenan Viesti» состояло в принижении русского народа и возвеличивании идеи Великой Финляндии. Обе газеты оставляли вне внимания русское население.

А. Лайне, говоря об издании газет на оккупированной территории Карелии, отмечает, что карельские беженцы в ВУВК или члены совещательной комиссии

также хотели иметь свою газету. В октябре 1941 г. они высказали пожелание об издании газеты тиражом 10 тыс. экземпляров с периодичностью два раза в месяц. ВУВК выделило деньги только на три номера газеты «Itä-Karjala» («Восточная Карелия»), что вызвало раздражение членов совещательной комиссии. Однако позже финансовый вопрос разрешился, и газета издавалась в период всей оккупации. Вышло 45 номеров⁴¹.

Что касается русских жителей, то в издававшейся для военнопленных газете «Северное слово» в 1943 и 1944 гг. выпускали приложения для гражданского населения. Эти материалы также носили чисто пропагандистский характер, подчеркивали роль финнов в Восточной Карелии. Так, в начале 1943 г. газета писала: «Прошедший 1942 год имел большое значение в развитии и подъеме Восточной Карелии. Финское Военное управление освобожденной Карелии продолжило работу по освобождению населения от большевистского рабства. Многое было сделано в области улучшения материального положения, а также дано хорошее начало для поднятия экономического положения населения до уровня остальной Финляндии. Со стороны финского военного командования и Красного Креста особое внимание было уделено санитарной деятельности. К концу года в Восточной Карелии функционировали 2 больших финских больницы, 3 меньших размеров, 2 родильных дома, 11 амбулаторий и 7 санитарных пунктов... Все это свидетельствует о стремлении коренных финнов помочь своим братьям по крови и создать им достойную человека свободную жизнь в освобожденной Карелии»⁴².

Эта газета под рубрикой «Дневник войны» регулярно давала информацию «об успехах» германской армии и ее союзников, под рубрикой «В освобожденных областях» рекламировала «успехи» немецкой оккупационной администрации. На страницах газеты подробно рассказывалось о жизни в Финляндии: целые полосы занимали статьи о финских городах, государственном устройстве страны, общественных деятелях Финляндии. Основной объем информации носил антисоветский и антикоммунистический характер. Даже в рубрике «В часы досуга» и «Юмор» публикуемые кроссворды, ребусы, загадки носили пропагандистский характер. Почти в каждом номере помещались карикатуры на Сталина и других советских руководителей⁴³.

Большую роль в сфере культурно-просветительной работы финские оккупационные власти отводили радио. «Радио Олонца» («Aunuksen radio») основало военное командование. Но уже в августе 1941 г. отдел просвещения Военного управления Восточной Карелии счел необходимым подчеркнуть, что программы, предназначенные для гражданского населения, должны быть в его руках. В октябре 1941 г. «Радио Олонца» переехало в Петрозаводск в находящийся там радиопункт.

Военное управление позаботилось и о том, чтобы у пропагандистских радиопередач была по возможности большая аудитория. В марте 1942 г. на оккупированной территории было 84 радиоточки, власти организовали 900 коллективных прослушиваний, в которых приняли участие 16 тыс. человек. К весне 1944 г. только в Петрозаводске насчитывалось уже более тысячи радиоточек⁴⁴.

А. Лайне отмечает, что радио имело более важное значение в информационной деятельности, чем газеты. Радиоприемники начали раздавать сразу же после оккупации, как в частные дома, так и в административные учреждения. Вла-

дельцы радиоточек должны были организовывать прослушивание радиопередач для населения, «для просвещения которых... были подарены радиоприемники». О прослушивании радиопередач ежемесячно готовили отчеты... не только для выявления правильности использования радио, но и для выяснения вопроса, как население было заинтересовано в радиопередачах. К 1944 г. в деревнях было установлено 140 радиоточек. Кроме того, в отдельных населенных пунктах устанавливали центральную радиоточку, поскольку частных радиоприемников не хватало⁴⁵.

В начале 1942 г. лишь 15 % программ «Радио Олонца» были предназначены для гражданского населения, позже уже около половины программ стало ориентироваться на жителей Карелии. Первая программа, предназначенная для восточных карел, вышла 8 февраля 1942 г., затем передачи выходили три раза в неделю: по воскресеньям (45—50 мин.), вторникам и пятницам (30—50 мин.), их можно разделить на пять групп: I — география и природа: в программе было много интервью с карелами-путешественниками; II — язык: подчеркивалось, что язык является признаком национальности, финский язык — общий для Финляндии и Восточной Карелии, единственным официальным языком Карелии может быть только финский язык, карельский язык является лишь наречием финского языка; III — передачи, посвященные эпосу «Калевала», который является великим общим эпосом финского племени, в калевальской культуре нет насильственно придуманной границы между Карелией и Финляндией; IV — история карельского народа, доклады о расцвете карельского племени, которое существовало еще более 1 000 лет назад; V — современность карельского племени. На первоначальном этапе в передачах использовался и русский язык, однако в апреле 1942 г. от него отказались. Одновременно увеличили объем вещания на карельском языке, сначала его использовали только в новостях. К новостям примыкала программа «Pagisemmo vahazen» («Поговорим немного») для карел. Для вепсов по воскресеньям выходил обзор новостей за неделю на вепском языке⁴⁶.

Ю. Куломаа в русском издании книги «Финская оккупация Петрозаводска» отмечает: «С помощью новой техники (имеется в виду радио. — С. В.) стало возможно сделать город и всю Восточную Карелию более широко известными. Уже в ноябре 1941 г. финляндская общественность могла услышать первый концерт, проведенный в актовом зале Петрозаводского университета. В последующем радиопрограммы записывались, кроме прочего, и в народных школах. Весной 1942 г. в радиосети Яанислинны стали транслировать популярную детскую передачу “Markus-setä” (“Дядюшка Маркус”))»⁴⁷.

Другой финляндский исследователь Х. Сеппяля пишет: «Радио преследовало ту же цель — внушить карелам, что они являются частью финского народа. Для этого использовались разные приемы. Иногда передачи носили остронационалистический характер. Исходили они в основном от членов АКС (Карельского академического союза. — С. В.). К примеру, Лаури Хюппенен так обратился к карельской молодежи: “Ваша родина не Россия, а Великая Финляндия — общий дом и единое отечество для финнов”. В 1942 г. стало заметно, что пропаганда идеи родственности с финнами и постоянная ругань Советского Союза не дали ожидаемых результатов. Передачи, организованные АКС, были с явным перехлестом. Финны также далеко не сразу поняли, что часть местного населения оставалась верна коммунистическим идеалам. И поэтому с 1942 г. основной пафос в передачах был направлен уже против партизан»⁴⁸.

В 1943 г., по мнению Х. Сеппяля, характер передач вновь изменился, что было вызвано сложившейся военно-политической обстановкой. Передачи стали носить более спокойный и доверительный характер, начала исчезать идея присоединения Карелии к Финляндии. Тем не менее до лета 1944 г. штаб Военного управления все же продолжал свои воспитательные передачи⁴⁹.

Средством усиления финского влияния на местное финно-угорское население становилось и школьное обучение. В конце октября 1941 г. на территории, подчиненной ВУВК, было введено всеобщее обязательное образование для всех детей родственных финнам народов в возрасте от 7 до 15 лет. 5 января 1942 г. было обнародовано постановление об основах народной школы в Восточной Карелии. Языком обучения во всех школах становился финский язык. По этой причине русские дети оставались за бортом народной школы вплоть до конца 1943 г. К концу 1941 г. было основано уже 53 народные школы, в которых насчитывалось 4 700 учеников. В 1944 г. количество школ выросло до 112, в них работал 331 преподаватель и обучалось 8 393 ученика, т. е. около четверти всего родственного финнам населения посещало школу⁵⁰.

Русские школы стали открывать только в 1943 г., что объяснялось сложившейся для финнов неблагоприятной обстановкой на фронте. В Петрозаводске одна русская школа была создана для детей, находящихся на свободе, и пять школ — для детей, находящихся в лагерях. К концу оккупации уже насчитывалось 15 школ для русских детей, 7 из них находились в лагерях. В них было 87 учителей и 3 тыс. учеников⁵¹. Однако русские дети с неохотой шли в школы, организованные финнами.

Что касается народных школ для финно-угорского населения, то, как отмечает финляндский исследователь Ю. Куломаа, проблем здесь было много. Не хватало учебных пособий, например сначала вообще не имелось букварей. Работе мешало и то, что дети были плохо одеты, неважно питались, а в зимние морозы классы были «почти невыносимо холодными». К тому же было заметно, что и к самому обучению в школе дети не относились серьезно, а их поведение оставляло желать лучшего: многие стандарты поведения, характерные для финских школ, этим детям были неизвестны, например построение на линейках, выход на улицу на переменах, тихое поведение в коридорах и классах и т. д. Так, хотя температура в классах была терпимой, дети сидели на уроках в верхней одежде. В школу ученики приходили либо задолго до начала занятий, либо в течение дня, когда выполняют обязанности по дому; нередко пропускали уроки по незначительным и часто выдуманым причинам. Сопровождать таких учеников в школу должны были другие ученики, а сами учителя после уроков посещали их на дому. Во время уроков на вопросы учителя дети отвечали одно временно, мало того, могли громко обсуждать свои дела, и тогда в классе стоял невыносимый шум. Преподавателям было трудно заставить себя слушать⁵².

И все-таки основная проблема заключалась в том, что подавляющее большинство учеников народных школ, открытых оккупационными властями для учеников финно-угорской национальности, не владело финским языком. В этой связи Ю. Куломаа пишет: «Большая часть учащихся говорила только на русском языке, которым их учителя не владели. Несмотря на то что в качестве переводчиков использовались ученики, владевшие финским языком или карельским диалектом, языковый барьер сильно затруднял процесс обучения. Тем не менее по ито-

гам весенней четверти 1942 г. считалось, что все ученики довольно сносно понимали финский язык, а в старших классах на нем в какой-то степени умели и писать. И все же разговорная речь для многих учеников по-прежнему представляла трудность. С целью большей эффективности самостоятельного освоения языка учащимся предоставлялась возможность переписки со своими сверстниками из Финляндии. В конце учебного года по всем предметам, а также в поведении отмечались изменения к лучшему. В 1944 г. достижения в этой сфере считались весьма удовлетворительными»⁵³.

В народных школах для финно-угорского населения большое внимание в учебных планах и программах уделялось мировоззренческим предметам: истории, географии, финскому языку и религии. «Книгу о Великой Финляндии», подготовленную к печати советником Министерства образования Финляндии К. Мерикоски, использовали в качестве учебника по истории и географии. В 1942 г. был издан учебник «Моя страна — Великая Финляндия». В финских учебниках во время войны были сделаны специальные дополнения для учащихся народных школ Восточной Карелии. В обучении преобладало финское национальное воспитание, а сам учебный процесс был направлен на пропаганду идеи Великой Финляндии, которая включала бы и территорию Советской Карелии.

Преподаватели истории пытались доказать, что советская государственная система ничего не сделала для карельского населения, что русские были и остаются извечными врагами финнам и родственным им народам. История Восточной Карелии преподавалась как часть истории Финляндии.

Преподавание географии хорошо укладывалось в два слова — Великая Финляндия. Учителя старались доказать, что Восточная Карелия должна стать состав-

ной частью этого государства. А. Лайне отмечает, что в программе для национальных школ по географии подчеркивалось, что дети должны понять путем изучения географии, что Великая Финляндия является той страной, которую надо защищать и во имя которой надо работать⁵⁴.

Большое внимание в обучении детей финские оккупационные власти отводили также религии, считая ее одним из действенных средств антикоммунистического воздействия на молодежь. Религиозное обучение рассматривалось как важная составляющая в воспитании защиты Родины. По мере оккупации Карелии и установления нового режима сюда направлялись военные священники, которые начали крестить восточных карел. В ходе крещения местного населения проявилось противоречие между церквями, которое разрешил главнокомандующий К. Г. Маннергейм своим временным запретом крещения православных карел в лютеранскую веру. В результате в первый учебный год религиозное обучение в народных школах было неконфессиональным, т. е. не признавало ни лютеранскую, ни православную веру⁵⁵.

Неконфессиональное обучение было решено начать с изучения Библии. Учебный день начинался и заканчивался молебнами. По мнению Л. Кокконена, для детей участие в молебнах поначалу было мучительным, особенно когда их проводили военные священники. Молебны были долгими, и детям, недостаточно владеющим финским языком, в течение длительного времени приходилось слушать священника, который говорил об абсолютно незнакомых понятиях⁵⁶.

В начале 1942 г. было получено указание на осуществление конфессионального религиозного обучения. И тут большой проблемой стала нехватка преподавателей православной религии, при этом все желающие были приняты на работу. В результате преподавание православной религии удалось начать только в начале весны 1943 г. Кроме преподавателей религии, которые подчинялись церкви, за учебный процесс также отвечали помощники пастора и нанимаемые церковью за зарплату так называемые «вращающиеся» (kiertavat) преподаватели религии. В русскоязычных школах тоже пытались дать религиозное образование. Однако сделать это оказалось весьма сложно, так как сами преподаватели (русские) плохо знали христианское учение. Конфессиональное обучение стремились организовать путем размножения инструкций о проведении учебных занятий. Кроме того, суть обучения разъяснялась преподавателям на ежемесячных преподавательских курсах (совещаниях). Однако результаты были незначительными⁵⁷.

Одной из характерных особенностей обучения детей на оккупированной территории Советской Карелии было повышенное внимание к практическим занятиям. Для девочек, например, это была различная домашняя работа: вышивание, приготовление еды и т. д., все то, что позволило бы в будущем стать хорошей женой и матерью. Такая направленность контрастировала с советской школой, где внеучебная деятельность была посвящена формированию «коллективных» черт (летние лагеря, военные игры и пр.)⁵⁸.

Рюрик Петрович Лонин, вепс по национальности, посещавший в годы оккупации народную школу в Шелтозерском районе, вспоминая уроки труда, отмечает: «Девушек учили вышивать, а нас, парней, учили столярничать. Были привезены навесные столярные станки, они были в том же доме, где столовая, и они висели на стенах, на петлях, чтобы можно было поднимать. Два что ли урока

труда было, и учитель спрашивала, кто желает сделать для дома и что. Я однажды сказал: «Я изготовил бы грабли». Грабли-то всегда были нужны: скот, для сенокосов. Она мне говорит: «Давай я нарисую чертеж, какой фасон у грабель. Есть ли дома палка для грабель?» Я говорю: «Может быть, и есть». — «Сбегай, принеси палку и по моему чертежу будешь делать грабли». Я изготовил, сделал грабли и домой отдал эти грабли. Кто поварешки, кто что делал, разное»⁵⁹.

Многие люди, посещавшие народные школы в период оккупации, в своих воспоминаниях отмечают большую роль уроков физкультуры. Так, Владимир Степанович Яршин, житель с. Шелтозеро, вспоминает: «Зимой они ребят заставляли заниматься спортом, лыжами. Каждый день ты должен был ходить. Такой порядок. Первый год-то не было этого. Первый год пока организация, да и лыж не было, а вот второй, третий год, три года тут уже каждый ученик школы должен пройти пять — десять километров на лыжах. Или по лыжне, которая идет здесь, вокруг лыжня сделана, или в залесье проехать, отметить у старосты, что был там. Или в Горное Шелтозеро проехать. Если сам любишь, то подальше, в Вехручей, семь километров. Но все чтобы было без обмана. В этом отношении они заставляли в зимнее время ребят, чтобы они все время были в движении, чтобы не зря кормили»⁶⁰.

По мнению финских авторов, повышению популярности народных школ среди местного финно-угорского населения способствовало то обстоятельство, что при них стали открывать столовые, где учеников бесплатно кормили. Первые школьные столовые были открыты в январе 1942 г., в феврале их насчитывалось 54, а в марте — 64⁶¹.

Ю. Куломаа в книге «Финская оккупация Петрозаводска» пишет: «С целью на-иболее эффективной реализации принципа обязательного школьного обучения

к осени 1942 г. были подготовлены полные списки детей школьного возраста Петрозаводского района и с акционерным обществом «Вако» был заключен договор, в соответствии с которым по продовольственным карточкам учеников хлебопродукты выдавались только в случае наличия на них отметки школы»⁶².

Большое внимание в обучении детей оккупационные власти отводили внеучебной воспитательной работе, которая началась летом 1942 г. и значительно расширилась к лету следующего года. Сильным стимулятором к расширению этой деятельности было положение с продовольственными товарами. Летом 1943 г. при каждой школе создавались огороды (приусадебный участок) с соткой на каждого ученика, всего было выделено около 7 тыс. соток. Кроме того, свыше 5 700 учеников имели свой кружковский (клубный) участок земли. Однако все это распространялось только на национальное население⁶³.

Оккупационные власти пытались организовать и обучение молодежи финно-угорских национальностей, вышедшей из школьного возраста. В Петрозаводске в марте 1942 г. было открыто национальное училище, в котором планировалось проводить занятия три раза в неделю в вечернее время. Вскоре учеба, основанная на принципе добровольности, прекратилась из-за недостаточного к ней интереса. Занятия возобновились только в конце 1942 г., и теперь все жители города в возрасте от 15 до 19 лет были обязаны посещать их два раза в неделю. Наряду с финским языком, считавшимся основным предметом, в училище преподавались национальные искусства, домоводство, садоводство и гимнастика⁶⁴.

А. Лайне тоже пишет об этом учебном заведении, но, в отличие от Ю. Куломаа, называет его Петрозаводским лицеем: «Осенью 1942 г. в Петрозаводске был создан Петрозаводский лицей, количество учащихся в лицее к концу периода оккупации увеличилось до 180, учеба была трехгодичной»⁶⁵.

Ю. Куломаа в книге «Финская оккупация Петрозаводска» пишет: «Для молодежи, отправленной на строительство оборонительных сооружений, были организованы занятия, в частности по финскому языку, национальным искусствам и трудовому обучению... Особенно большими масштабами привлеченной молодежи отличался сельскохозяйственный кружок, открывшийся весной 1942 г., — уже с начала работы в нем насчитывалось более 400 человек... Начиная с конца 1943 г. музыкально одаренные дети смогли получать бесплатное образование в открытом тогда в Яанислинне музыкальном училище. Для получения профессионального образования весной 1943 г. при поддержке акционерного общества “Vako” (“Вако”) в городе появилось профтехучилище, в котором сначала открыли курсы продавцов для “Вако”. В 1943 г. в училище числилось 130 учеников. После пожара в апреле 1944 г. оно закрылось»⁶⁶.

Кроме того, в период войны в различные школы и народные училища, а также на курсы в Финляндию была отправлена большая группа карельской молодежи.

Курсы для детей родственных финнам национальностей в народных училищах Финляндии сначала планировали организовать в народном училище Нииттюлахти в Пюхяселькя недалеко от Йюэнсуу. Однако в конце концов курсы основали в сельской мужской школе Сиикасалми в Липери. Первые курсы открылись 27 октября 1941 г., продолжительность их была 7 недель, на них обучалось 52 молодых восточных карела. Учителями являлись преподаватели из училища в Нииттюлахти, мужской школы Сиикасалми и направленные на курсы офицеры ВУВК. Всего успели сделать 6 выпусков, последний — в конце апреля 1944 г., на

каждом курсе обучалось по 40 человек. Таким образом, около 250 молодых карел прошли обучение в народных училищах Финляндии. Кроме того, еще несколько десятков учились в других финских учебных заведениях: средней школе (лицее) в Ловииса, торговом училище в Куопио, некоторых школах (сельских хозяйек), сельских мужских школах и др.⁶⁷

Важнейшая цель курсов состояла в том, чтобы молодежь могла познакомиться с условиями жизни в Финляндии. Поэтому наряду с учебой проводили многочисленные экскурсии. Считали, что сравнение условий жизни в Финляндии и России повлияет больше, чем какое-либо другое средство пробуждения финского сознания у карельской молодежи⁶⁸.

В процессе организации школьного обучения на оккупированной территории финские власти решали проблему кадрового состава преподавателей. Учителя в народных школах для национального населения на оккупированной территории Карелии в основном были из Финляндии. Осенью 1941 г. в Финляндии был проведен набор учителей для работы в Восточной Карелии. Из 630 претендентов было отобрано 128 человек. С 3 по 9 ноября 1941 г. для них были организованы курсы при Хельсинкском университете⁶⁹.

Ю. Куломаа в этой связи отмечает: «Подыскать учителей не составило большого труда — желающих оказалось так много, что только десятую их часть смогли принять на подготовительные курсы. Учителя, отправлявшиеся в Восточную Карелию, должны были обладать патриотическими и христианскими убеждениями, а принадлежность к организациям “Шюэкор” или “Лотта Свьярд” считалась преимуществом. В ноябре первые десять прошедших отбор для работы в Яанислинне учителя во главе со старшим преподавателем прибыли в город»⁷⁰.

Особую группу составляли учителя, работавшие в школах в советское время. Их направляли для обучения в Финляндию, полагая, что путем краткосрочных курсов удастся вытравить из них коммунистическое мировоззрение. Так, в конце 1941 г. финские власти стали собирать в Петрозаводске бывших советских учителей, в большинстве своем карел и вепсов, со всей оккупированной территории Карелии. В декабре 1941 г. они были направлены в Финляндию в учительский лагерь Миеслахти вблизи Каяни. Всего прибыло 59 женщин и 13 мужчин. Преподавателями этого учительского лагеря стали откомандированные Военным управлением Восточной Карелии офицеры, педагоги по специальности. Кроме того, в качестве преподавателей выступали учителя г. Каяни и Сортавальской семинарии, эвакуированной в Каяни. Начальником курсов был назначен лейтенант (доктор) М. Коскиниemi. После окончания курсов бывшие советские учителя вернулись обратно на оккупированную территорию Карелии для работы в народных школах⁷¹.

Штаб ВУВК не совсем доверял советским учителям, прибывшим на курсы в Миеслахти. Просветительский отдел ВУВК 18 декабря 1941 г. подписал приказ, в котором определялся надзор за курсантами:

- ✎ на курсах строго придерживаться разработанной программы, все изменения вносить только с разрешения ВУВК;
- ✎ раз в месяц делать отчет о курсах;
- ✎ на курсах, кроме ежедневника, вести также журнал наблюдений, в который вносить замечания по учебному процессу, его результатах, о курсантах и их развитии;
- ✎ курсантам запрещалось выходить за территорию училища без разрешения, если кому-то требовалось выехать в другое место, следовало получить разрешение ВУВК;
- ✎ особое внимание уделялось военной организации курсов⁷².

Преподавательские курсы в Миеслахти, в которых проходили переподготовку советские учителя, затем перевели в народное училище Ямса, где они действовали с осени 1942 г. до конца летних курсов 1943 г. Осенью 1943 г. курсы перевели в семинарию Раума. Количество преподавателей (курсантов) постоянно увеличивалось. На весенних курсах 1944 г. училось 100 преподавателей. Во время эвакуации финнов из Восточной Карелии учителя были на каникулах дома (имеется в виду территория Восточной Карелии. — С. В.), в Финляндию уехало только 40 человек⁷³.

Процесс образования в некоторой степени коснулся и военнотружеников финских частей, дислоцированных на территории оккупированной Карелии. В оккупированном Петрозаводске фронтовым офицерам разрешалось сдавать экзамены в университет. В. Пихламяки, военный министр Финляндии в 1980-е гг.,

вспоминал, как в марте 1944 г. они с товарищами приехали в Петрозаводск держать экзамены по немецкому языку и встретили в городе немало преподавателей из Хельсинкского университета. На несколько дней были забыты фронт, окопы, трудная и грязная солдатская жизнь⁷⁴.

Еще раз отметим, что вся система образования, описанная выше, касалась только родственных финнам народов — карел, вепсов, ингерманландцев. Обучение «ненационального» населения первоначально вообще не планировалось. Ситуация изменилась лишь в 1943 г., когда стали открываться начальные школы для ненациональных детей свободного населения, а также школы в концлагерях.

Пропаганде идеи Великой Финляндии среди местного населения была подчинена и культурно-просветительная работа Военного управления Восточной Карелии. Началась она с изъятия у жителей, а также из библиотек советской литературы. Опись книг, подлежащих уничтожению, составляла 157 листов⁷⁵. Для искоренения «нежелательной литературы» в народных школах было организовано соревнование по сбору «коммунистической литературы» на русском и финском языках⁷⁶. В общей сложности школьники собрали около 50 тыс. книг⁷⁷. Вместо изъятной советской литературы была привезена финская. К концу 1941 г. на оккупированной территории Советской Карелии было открыто три библиотеки. В отчете Военного управления Восточной Карелии за декабрь 1941 г. значилось, что «библиотеки использовались удовлетворительно, главным читателем является молодежь. Более всего читаются иллюстрированные издания, популярные произведения и, особенно, молодежные книги и сказки»⁷⁸.

Финские власти организовали также демонстрацию киносеансов. В конце 1941 г. Военным управлением Восточной Карелии был получен киноаппарат, который

возили на санях⁷⁹. Первые кинотеатры были открыты в начале 1942 г. Билет стоил пять марок, но практиковался и бесплатный просмотр кинолент, которые носили ярко выраженный пропагандистский характер⁸⁰.

Ю. Куломаа отмечает, что в 1942 г. в оккупированном Петрозаводске был создан «театр Яанислинны», в репертуаре которого в 1943 г. значились 17 различных пьес, показанных в течение года 129 раз. Среди гражданского населения иногда распространялись бесплатные билеты в театр. По инициативе любителей музыки были сформированы хоры и симфонический оркестр, который гастролировал и в Финляндии, часть концертов транслировалась по радио. На организованных Главной ставкой финской армии гастрольях в городе побывали многие ведущие деятели эстрады и других видов искусства. Весной 1944 г. состоялись гастрольи Финской оперы⁸¹.

Важным средством идеологического воздействия на местное население захваченной Карелии являлись праздники, которые устраивали оккупационные власти. В Петрозаводске для их проведения часто использовалась площадь Кирова. Главной темой праздников была пропаганда «финских традиций и национального духа». Первым крупным мероприятием такого рода стало празднование Дня независимости Финляндии 6 декабря 1941 г., который отмечался на всей оккупированной финнами территории Карелии. В этот день в Петрозаводске в зале театра собрались 400 местных жителей и около 200 солдат. Они стоя впервые слушали гимн Великой Финляндии, написанный А. Сонниным, затем участвовали в праздничном концерте и богослужении. В феврале 1942 г. в Петрозаводске отмечались Дни «Калевалы»: в городском театре звучали доклады, песни, была показана инсценировка по мотивам народного эпоса⁸².

Также масштабно отмечались дни матери, финского флага, день рождения маршала Маннергейма, праздник урожая, освобождения деревень и др.⁸³ Очень часто праздники устраивались в народных школах. В отчете Военного управления Восточной Карелии за декабрь 1941 г. указывалось, что «в смысле обработки настроения населения праздники сыграли значительную роль»⁸⁴.

Что касается религиозного воспитания местного финно-угорского населения, то его целью было усиление финского влияния в Восточной Карелии. Лютеранские круги Финляндии хотели обратить карел в свою веру. Все представители Карельского академического общества и военный епископ, работавшие на оккупированной территории Карелии, были сторонниками лютеранства. Правда, сотрудники Военного управления Восточной Карелии понимали, что Карелия традиционно была православным регионом. И тем не менее православные священники были в худшем положении по сравнению с лютеранскими. Так, в 1943 г. последние относились по категории оплаты к 28–29-м разрядам, тогда как православные только к 25-му разряду⁸⁵.

Первый священник-лютеранин был назначен в Петрозаводск в ноябре 1941 г., первый православный священник прибыл сюда в декабре 1941 г. В этом же месяце накануне Рождества прошло первое богослужение в Крестовоздвиженской церкви города⁸⁶. К концу 1941 г. в Восточной Карелии служили 9 лютеранских священников и 4 их помощника, 9 православных священников и 2 их помощника⁸⁷.

Как отмечают финские исследователи, сначала существовали проблемы с организацией церковных служб. Так, в Петрозаводске из-за отсутствия подходящего помещения для богослужения лютеранский священник проводил службы в зале

народной школы. Позднее для этих целей было предоставлено бывшее здание Дома Красной Армии⁸⁸. В населенных пунктах, оккупированных финнами, для проведения служб использовались клубы и здания школ. В конце 1941 г. 7 тыс. экземпляров Нового Завета было распространено по округам Военного управления Восточной Карелии. Также местному населению были розданы молитвенники, сборники духовных песен, церковные календари, православные и лютеранские газеты, изданные в Финляндии, крестики, восковые свечи и др.⁸⁹

Учитывая протесты карельского населения против обращения его в лютеранство, главнокомандующий финскими войсками К. Маннергейм 24 апреля 1942 г. издал приказ, согласно которому запрещалась пропаганда смены конфессий и жители Карелии получали право свободно выбирать православную или лютеранскую веру⁹⁰. К концу 1943 г. к церкви приобщилось 48 % находившегося на свободе населения Восточной Карелии, из них национального — 66 %, ненационального — 24 %. Православную церковь посещало 45 % населения, лютеранскую — 3 %⁹¹. Эти цифры показывают, что традиционная православная вера оставалась для карел определяющей и в годы оккупации. Сами финские исследователи признают, что религиозное воспитание на протяжении трех лет не в силах было перебороть веру местного населения в правоту советского строя, религиозная работа не дала заметных результатов⁹².

Попытка финнизации карельского населения ярко проявилась и в топонимике. Отдел просвещения Военного управления Восточной Карелии, ведавший изменением названий, уже в августе 1941 г. предложил переименовать Петрозаводск в Янислинна (Крепость на Онего), а Кемь в Виенанлинна (Крепость Беломорья). Обосновывалось это великофинляндскими мотивами. Кемь (Кеми) в Финляндии уже была, а Великой Финляндии два одноименных города были ни

к чему. Петрозаводск же просто хотели лишить русского названия. Новые имена было решено дать этим городам сразу после их захвата.

Петрозаводск был переименован 1 октября 1941 г., Кемь же переименовать не удалось, так как взять город финские войска не смогли. Олонец по инициативе Военного управления был переименован в Аунуслинна (Крепость Олонии), при этом было использовано карельское название города — Аунус. На некоторых финских картах военного времени можно увидеть, что и Лодейное Поле, которого не достигли финские войска, было переименовано в Пеллонлинна.

Осенью 1941 г. ВУВК направило в оккупированные районы рекомендательные списки о переименовании улиц в городах и селах Восточной Карелии. Для этого предлагались имена героев так называемых племенных войн и происходящей войны, а также имена героев национального эпоса «Калевала». Новые названия улиц в Петрозаводске были утверждены Военным управлением в конце 1942 г. Их оказалось около 90. Так, ул. Ленина стала называться Карельской, ул. Герцена — Олонецкой, ул. Кирова — Калевальской, ул. Анохина — Егерской, ул. Дзержинского стала носить имя Вяйнямейнена, ул. Комсомольская — Сампо, ул. Горького — Воина-соплеменника и т. д.

Ю. Куломаа, раскрывая основные направления национальной политики финских оккупационных властей, отмечает: «“Финнизация” города (имеется в виду Петрозаводск. — С. В.) включала в себя также и удаление из общественных мест памятников советским вождям, о чем в ноябре 1941 г. был отдан соответствующий приказ. Монументы Ленина и Кирова, а также другие советские памятники подлежали демонтажу без повреждения их частей и складированию с целью их дальнейшего использования. Не было необходимо сохранять только памят-

ник Сталину на краю площади Кирова, и отдельными частями этого монумента была заполнена находившаяся рядом большая яма. Художественные скульптуры, напротив, должны были остаться на местах. Весной 1942 г. наиболее ценные экспонаты Карельского государственного музея были отобраны для отправки в запасники Хельсинкского музея “Атенеум” и Военного музея Финляндии»⁹³.

Цель была прежняя — усилить финское влияние в Восточной Карелии, вбить клин между финно-угорским и русским населением. Газета оккупационной администрации «*Varaa Karjala*» 12 февраля 1943 г. по этому поводу писала: «У каждого карела есть основание радоваться исчезновению следов большевизма, позднее это будет сделано и в других городах Восточной Карелии. Появившиеся в названиях улиц национальные мотивы возвещают, что Восточная Карелия освободилась от оков русска»⁹⁴.

С первых недель оккупации сотрудники Военного управления Восточной Карелии стали обращать внимание на имена, даваемые при крещении детям. Оказалось, что осенью 1941 г. детям карел и вепсов по-прежнему давали русские имена. Олонецкий штаб Военного управления потребовал от священнослужителей разъяснить населению, что подобные имена абсолютно неуместны для Финляндии, детям следовало давать финские имена. Был издан список одобренных православной церковью финских имен. В официальной печати пропагандировался поступок военнослужащего Фомина, который дезертировал из Красной Армии и сменил фамилию на Хоминен⁹⁵. Есть и более известный для исследователей случай: староста деревни Горное Шелтозеро Дмитрий Тучин получил имя Мийтро Пилвехинен (*pilve* — туча)⁹⁶. Но лишь немногие жители Карелии в период оккупации сменили свои фамилии и имена на финские. За 1941—1944 гг. таких оказалось 2 263 человека, т. е. лишь 5,6 % националов⁹⁷.

Важную роль в культурно-просветительной работе среди финно-угорского населения оккупированной Карелии в период войны по воспитанию у него чувства единства Финляндии и Восточной Карелии, формированию представлений об общности истории и судеб финского, карельского и вепсского народа играло Карельское академическое общество. Оно было создано в 1922 г. студентами — участниками так называемых племенных войн. Входила в него и часть тех карел, которые по разным причинам в 1922 г. бежали с территории Восточной Карелии в Финляндию.

Авторы книги «История карельского народа» отмечают: «За короткий период в начале 1922 г. в Финляндию бежало свыше 12 000 восточных карел. Многие, очевидно, уходили от надвигавшихся военных действий, но несомненно, что бежали и от большевистской мести, голода и советской власти. Ранее в Финляндию перебралось из Восточной Карелии около 3 500 человек»⁹⁸. В Советском Союзе Карельское академическое общество считалось крайне реакционной националистической организацией, которая ставила задачу отторгнуть от СССР территорию Восточной Карелии и присоединить ее к Финляндии.

Члены этого общества были широко представлены в аппарате ВУВК, а заместителем начальника ВУВК в момент его создания стал председатель правления общества подполковник Г.-Р. Нордстрем. В период войны численность членов этого общества достигла 3 тыс. человек. В 1942 г. правление Карельского академического общества переехало из Хельсинки в оккупированный Петрозаводск и здесь отметило свой 20-летний юбилей⁹⁹.

Национальная политика Военного управления Восточной Карелии на оккупированной территории стала меняться в 1943 г., когда финское военное руководс-

тво начало осознавать, что Германия не победит в войне против Советского Союза, а ведущие страны антигитлеровской коалиции договорились на Тегеранской конференции о принципах заключения мира. Было отменено национальное размежевание при распределении продуктов питания и оплаты труда среди гражданского населения Восточной Карелии. С 1943 г. стали открывать школы для русских детей. После голодной катастрофы 1942 г. из лагерей были освобождены тысячи русских, чтобы они могли свободно проживать в деревнях, правда, не смешиваясь с карельским населением. Пайки для оставшихся в лагерях были увеличены, а сами концлагеря переименовали в лагеря для перемещенных лиц.

Уже осенью 1943 г. штабом Военного управления Восточной Карелии был разработан план эвакуации с оккупированной территории. Эвакуации подлежало только родственное население (по предварительным оценкам, около 43 тыс. человек). Русскоязычное население предполагалось оставить по месту жительства или в концлагерях. Летом 1944 г. в планы эвакуации были внесены изменения. В приказе финского военного командования местное население уже не подлежало обязательной эвакуации. В случае, если жители будут двигаться в Финляндию по собственной инициативе, им следовало оказать помощь. Что касается эвакуации скота, то Министерство сельского хозяйства и ветеринарная служба, опасаясь заболеваний скота, запретили перегонять коров из Карелии в Финляндию.

Результаты национальной политики финских властей на оккупированной территории Советской Карелии, отношение к ней местного населения ярко проявились на заключительном этапе военных действий на Севере, когда в ходе наступления советских войск летом 1944 г. началось отступление финских воинских частей, а вместе с ним и эвакуация местных жителей.

По данным финских источников, на оккупированной территории Карелии к лету 1944 г. оставалось 83 540 местных жителей. Из них 68 453 человека проживали в населенных пунктах, 14 926 — в переселенческих лагерях, 162 человека — в концентрационных лагерях. Около половины — 41 803 человека — относились к родственным финнам народам (карелы, вепсы, ингерманландцы)¹⁰⁰.

С оккупированной территории Карелии в Финляндию эвакуировалось 2 799 человек, или только 3,35 % всего населения зоны оккупации, из них представителей родственных финнам народов — 2 196 человек (1 422 карела, 314 вепсов, 214 финнов, 176 ингерманландцев, прочих — 70), других народов — 603 (244 русских, 259 украинцев, прочих — 100)¹⁰¹. Есть данные и по Петрозаводску. Когда в конце июня 1944 г. финские войска покидали город, с ними ушли только 487 человек из 7 589 свободных жителей¹⁰².

Количество людей, переселившихся в Финляндию, было незначительным. Местные жители, несмотря на массированную националистическую пропаганду, остались верны советскому строю и не захотели переезжать в чужую страну, тем более такую, которая находилась на грани военного поражения. Следует иметь в виду и то, что у многих жителей оккупированных финнами районов Карелии в рядах Красной Армии сражались отцы, мужья, братья, сыновья, которых ждали домой после окончания войны.

Но для некоторой части населения эвакуация была неизбежной: для тех, кто находился на службе у финских оккупационных властей и боялся привлечения

к суду за предательство; для женщин, состоявших в браке с финнами или мужчинами, ушедшими в родственные батальоны; для самих бойцов этих батальонов.

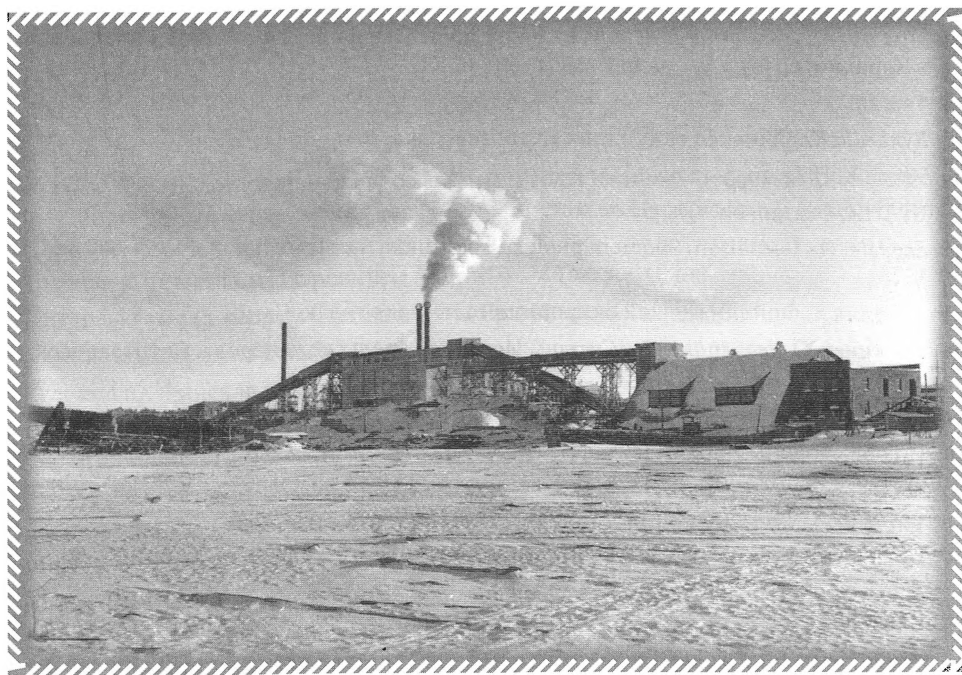
В целом можно отметить, что национальная политика финского оккупационного режима в Карелии в 1941—1944 гг., направленная на разделение населения по национальному признаку (на финно-угорское и русское), не принесла желаемых результатов, привлечь на свою сторону советских карел, вепсов, финнов не удалось. Более того, те, кого пришли освобождать от «русской неволи», сами с оружием в руках вместе с русским и другими народами Советского Союза отстаивали независимость своей страны.

- 1 Сеппяля Х. Финляндия как оккупант в 1941—1944 годах // Север. 1995. № 4—5. С. 98—99.
- 2 Лайне А. Гражданское население Восточной Карелии под финляндской оккупацией во Второй мировой войне // Карелия, Финляндия и Заполярье во Второй мировой войне. Петрозаводск, 1994. С. 42.
- 3 Laine A. Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa, 1941—1944. Helsinki, 1982. S. 75—76.
- 4 Цит. по: Морозов К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Петрозаводск, 1983. С. 75.
- 5 Laine A. Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa, 1941—1944. S. 60.
- 6 Осипов А. Ю. Оккупационный режим Финляндии в Советской Карелии // Устная история в Карелии: Сб. науч. ст. и источников. Вып. 3: Финская оккупация Карелии (1941—1944) / Науч. ред. А. В. Голубев, А. Ю. Осипов. Петрозаводск, 2007. С. 23—24.
- 7 Laine A. Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa, 1941—1944. S. 106.
- 8 По обе стороны Карельского фронта: Док. и материалы. Петрозаводск, 1995. С. 72—73.
- 9 Архив УФСБ РФ по РК, ф. 6, литер. дело 12, т. 1, л. 27, 27 об.
- 10 Laine A. Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa, 1941—1944. S. 73.
- 11 Ibid.
- 12 КГАНИ, ф. 2730, оп. 1, д. 212, л. 11.
- 13 Там же, ф. 213, оп. 1, д. 389, л. 15; НА РК, ф. 804, оп. 1, д. 3, л. 1.
- 14 Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941—1944. Петрозаводск, 2006. С. 44.
- 15 Архив УФСБ РФ по РК, ф. 6, литер. дело 12, т. 3. л. 116, 116 об.
- 16 Там же, ФСДП, оп. 1, д. 117, л. 63—64.
- 17 Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941—1944. С. 53.
- 18 Laine A. Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa, 1941—1944. S. 121—122.
- 19 Сеппяля Х. Финляндия как оккупант в 1941—1944 годах. С. 102; Лайне А. Национальная политика финских оккупационных властей в Карелии // Вопросы истории Европейского Севера: (проблемы социальной экономики и политики: 60-е годы XIX—XX в.): Сб. науч. ст. Петрозаводск, 1995. С. 100.

- 20 Сеппяля Х. Финляндия как оккупант в 1941—1944 годах. С. 103.
- 21 Laine A. Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa, 1941—1944. S. 106.
- 22 Морозов К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). С. 77; Макуров В. Г. Петрозаводск в годы суровых испытаний, 1941—1945. Петрозаводск, 2005. С. 29.
- 23 Архив УФСБ РФ по РК, ф. 35, п/ф. 20, д. 117, л. 50.
- 24 Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941—1944. С. 99.
- 25 Там же. С. 107.
- 26 КГАНИ, ф. 8, оп. 1, д. 1094, л. 56.
- 27 Из отчета финского Военного управления Восточной Карелии о состоянии дел за декабрь 1941 года // По обе стороны Карельского фронта. С. 164.
- 28 КГАНИ, ф. 8, оп. 1, д. 1127, л. 23.
- 29 Там же, оп. 14, д. 376, л. 46, 50.
- 30 Устная история в Карелии. Вып. 3. С. 113.
- 31 Там же. С. 81.
- 32 Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941—1944. С. 115—116.
- 33 Лайне А. Национальная политика финских оккупационных властей в Карелии. С. 102—103.
- 34 Архив УФСБ РФ по РК, ф. 35, п/ф. 20, оп. 1, д. 82, л. 159—160.
- 35 КГАНИ, ф. 8, оп. 1, д. 1127, л. 34—36.
- 36 Лайне А. Национальная политика финских оккупационных властей в Карелии. С. 103; Сеппяля Х. Финляндия как оккупант в 1941—1944 годах // Север. 1995. № 6. С. 115.
- 37 Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941—1944. С. 172.
- 38 Там же. С. 172—173.
- 39 Там же. С. 173.
- 40 Laine A. Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa, 1941—1944. S. 168.
- 41 Ibid. S. 168.
- 42 В единении со свободной Финляндией — будущее Восточной Карелии // Северное слово. 1943. 30 янв. С. 3.
- 43 Северное слово. 1942—1944 // НА РК.
- 44 Сеппяля Х. Финляндия как оккупант в 1941—1944 годах. С. 119.
- 45 Laine A. Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa, 1941—1944. S. 169.
- 46 Ibid.
- 47 Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941—1944. С. 174.
- 48 Сеппяля Х. Финляндия как оккупант в 1941—1944 годах. С. 118.
- 49 Там же.
- 50 Лайне А. Национальная политика финских оккупационных властей в Карелии. С. 103.
- 51 Сеппяля Х. Финляндия как оккупант в 1941—1944 годах. С. 116.
- 52 Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941—1944. С. 179.
- 53 Там же. С. 180.

- 54 Laine A. Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa, 1941—1944. S. 181.
- 55 Ibid. S. 183.
- 56 Ibid.
- 57 Ibid. S. 184.
- 58 Голубев А. В. Повседневная жизнь женщин в годы Великой Отечественной войны на оккупированных территориях Карелии: к постановке проблемы // Устная история в Карелии. Вып. 3. С. 11.
- 59 Интервью с Рюриком Петровичем Лониным // Там же. С. 108.
- 60 Интервью с Владимиром Степановичем Яршиным // Там же. С. 186.
- 61 Куломаа Ю. Город на Онего // Набат Северо-Запада. 1991. 3—31 мая. С. 4—5.
- 62 Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941—1944. С. 179.
- 63 Laine A. Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa, 1941—1944. S. 190.
- 64 Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941—1944. С. 181.
- 65 Laine A. Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa, 1941—1944. S. 178.
- 66 Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941—1944. С. 181.
- 67 Laine A. Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa, 1941—1944. S. 192.
- 68 Ibid. S. 193.
- 69 По обе стороны Карельского фронта. С. 207.
- 70 Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941—1944. С. 177.
- 71 Архив УФСБ РФ по РК, ФТДМ, оп. 2, д. 8303, л. 292.
- 72 Hölsä M. Itäkarjalaisopettajia Suomessa jatkosodan aikana. Itä-Karjalan sotilashallintoeskunnan opettajaleiri, 1941—1944. Saarijarven Offset OY, 2000. S. 37.
- 73 Laine A. Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa, 1941—1944. S. 198.
- 74 Петрозаводск и петрозаводчане в годы Великой Отечественной войны / Авт.-сост. С. Г. Веригин, В. П. Судачков. Петрозаводск, 2005. С. 62.
- 75 НА РК, ф. 805, оп. 1, д. 17, л. 1—157.
- 76 Куломаа Ю. Город на Онего. С. 4—5.
- 77 Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941—1944. С. 174.
- 78 По обе стороны Карельского фронта. С. 196.
- 79 Там же. С. 197.
- 80 Куломаа Ю. Город на Онего. С. 4—5.
- 81 Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941—1944. С. 174.
- 82 Петрозаводск и петрозаводчане в годы Великой Отечественной войны. С. 59.
- 83 По обе стороны Карельского фронта. С. 415.
- 84 Там же. С. 167.
- 85 Сеппяля Х. Финляндия как оккупант в 1941—1944 годах. С. 119.
- 86 Куломаа Ю. Город на Онего. С. 4—5.
- 87 По обе стороны Карельского фронта. С. 168.
- 88 Куломаа Ю. Город на Онего. С. 4—5.
- 89 По обе стороны Карельского фронта. С. 208.

- 90 Сеппяля Х. Финляндия как оккупант в 1941—1944 годах. С. 118.
- 91 Там же. С. 118; Лайне А. Национальная политика финских оккупационных властей в Карелии. С. 105.
- 92 Там же.
- 93 Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941—1944. С. 177.
- 94 Varaa Karjala. 1943. 12.02.
- 95 КГАНИ, ф. 2730, оп. 1, д. 117, л. 11.
- 96 Seppälä H. Itsenäisen Suomen puolustuspolitiikka ja strategia. Porvoo; Helsinki, 1991. S. 105.
- 97 Сеппяля Х. Финляндия как оккупант в 1941—1944 годах. С. 119.
- 98 Киркинен Х., Невотайнен П., Сихво Х. История карельского народа. Петрозаводск, 1998. С. 254.
- 99 Архив УФСБ РФ по РК, ФКРО, оп. 1, д. 82, л. 135.
- 100 По обе стороны Карельского фронта. С. 541—553; Макуров В. Г. Петрозаводск в годы суровых испытаний, 1941—1945. С. 33.
- 101 Сеппяля Х. Финляндия как оккупант в 1941—1944 годах. С. 126.
- 102 Петрозаводск и петрозаводчане в годы Великой Отечественной войны. С. 61.

4.2. Социально-экономическое положение оккупированных районов Карелии в 1941–1944 гг.

Несмотря на все трудности и проблемы в проведении эвакуации в Карелии, ее итоги, учитывая постоянно меняющуюся обстановку на северо-западном участке фронта летом и осенью 1941 г. и быстрое продвижение финских войск вглубь советской территории, можно считать вполне удовлетворительными. Большинство промышленных предприятий, имущество колхозов и совхозов удалось эвакуировать в тыловые районы страны. К концу 1941 г. из 328 эвакуированных предприятий (без Беломорско-Балтийского канала и Кировской железной дороги) 139 уже приступили к работе, остальные находились в стадии монтажа.

Согласно распоряжению советского руководства в начале Великой Отечественной войны при отступлении войск Красной Армии и оставлении территории противнику все ценное имущество, которое не удавалось эвакуировать, подлежало уничтожению. Председатель ГКО СССР И. В. Сталин в своем выступлении по радио 3 июля 1941 г. заявил о проведении тактики «выжженной земли». Это указание неукоснительно выполнялось на всей территории, которой угрожал захват войсками Германии и ее союзников, в том числе и на территории Советской Карелии. После проведения эвакуации оставшееся на оккупированной финскими войсками территории Карелии оборудование промышленных предприятий было незначительным.

Заниматься экономическим развитием оккупированных районов Карелии, восстановлением промышленных предприятий, проведением лесозаготовок и другими мероприятиями должен был промышленный отдел Военного управления Восточной Карелии (ВУВК).

Захватив в начале октября 1941 г. Петрозаводск (в период оккупации город был переименован финнами в Яанислинна — Крепость на Онего), в том же месяце финские оккупационные власти создали специальную комиссию и провели строительную инвентаризацию для оценки состояния промышленных предприятий и учреждений города. По сведениям комиссии, из 60 самых больших каменных зданий, расположенных в центре города, в общей сложности было уничтожено 30—40 %. В отчете, составленном чиновниками Военного управления Восточной Карелии в 1944 г., ущерб, нанесенный Петрозаводску после оставления его советскими войсками осенью 1941 г., был оценен примерно в 40 %, а в докладе помощника начальника ВУВК по юридическим вопросам Вели Мерикоски говорилось, что 75 % зданий было сожжено. Хотя, как отмечает финляндский исследователь финской оккупационной политики в Карелии в период Второй мировой войны Юкка Куломаа, документальных подтверждений столь большого числа уничтоженных зданий не обнаружено¹.

В докладе комиссии по строительной разведке г. Петрозаводска в октябре 1941 г. также отмечалось, что эвакуация и уничтожение промышленных предприятий были проведены очень основательно. Лыжная фабрика, лесозавод со складами лесоматериалов и основная часть предприятий пищевой промышленности были сожжены, а ремонтные мастерские почти полностью опустошены. Из станков Онежского завода сохранились лишь остатки, а большая часть его зданий лежала в развалинах. На территории завода, впрочем, осталось большое количество стальных заготовок. Сохранились слюдяная фабрика, хлебозавод, часть зданий мясокомбината и завод по переработке рыбы. Две из трех гидроэлектростанций города были разрушены, а в третьей демонтировано оборудование. Правда, предполагалось, что одна турбина и генератор уцелели. Теплоэлектростанции в устье реки Лососинки и в Соломенном были взорваны. В какой-то степени могла функционировать только маломощная дизельная электростанция. Распределительная сеть и трансформаторные подстанции частично сохранились. Считалось, что небольшую водопроводную сеть с ее оборудованием можно восстановить².

Осенью 1941 г. после захвата почти двух третей территории Советской Карелии перед финскими оккупационными властями встала первоочередная задача проведения восстановительных и ремонтных работ, направленных на поддержание жизнеобеспечения как армейских подразделений, так и гражданского населения. Для централизации работ по восстановлению районов Олонецкой (Южной) Карелии 11 ноября 1941 г. по поручению Главной ставки была создана организация, называвшаяся «Олонецкий строительный округ», которая приступила к работе в начале 1942 г. Штаб округа разместился в Петрозаводске, а в качестве рабочей силы в город были переброшены подразделения военных строителей, общая численность которых в январе 1942 г. составила около 400 человек. В сентябре того же года она достигла максимума — около 1 тыс. человек. В качестве вспомогательной рабочей силы использовались военнопленные. Как отмечает Ю. Куломаа, впоследствии зона ответственности организации увеличилась, охватив всю оккупированную территорию Восточной Карелии, при этом наиболее

крупные работы проводились в г. Янислинна (Петрозаводск) и его окрестностях. К самым важным объектам относились электростанции и промышленные предприятия, армейские казармы и другие здания для расквартирования войск, а также базы снабжения³.

Самым крупным проектом стал ремонт и восстановление частично разрушенного лесопильного завода и электростанции в Соломенном. Из общих затрат строительного округа на восстановительные работы в Восточной Карелии (около 15 млн. финских марок) расходы на это строительство составили треть всех средств, выплаченных в виде зарплат и затраченных на закупку материалов. В оккупированном Петрозаводске наиболее значимыми были капитальный ремонт здания акционерного общества «Вако», хлебозавода и здания штаба Военного управления Олонецкого округа. Кроме того, подразделения строительных войск выполнили почти все работы по прокладке в городе водопроводных и отопительных труб, а также оказали помощь в выполнении некоторых других наиболее сложных видов работ⁴.

Строительный отдел штаба Петрозаводского района, позднее переименованный в архитектурный отдел технического бюро, частично обеспечивал ремонт зданий и учреждений, использовавшихся Военным управлением, а также обеспечивал проведение всех ремонтных работ в квартирах местных жителей. Дома, находившиеся в плохом состоянии, требовали ремонта: в 1942 г. было принято чуть менее 800 заказов на выполнение ремонтных работ, в 1943 г. — более 900. В апреле 1942 г. в качестве рабочей силы к ним привлекалось 225 человек, в том числе 120 заключенных концлагерей. В конце года их численность сократилась до 189 человек, а в декабре 1943 г. — до 85 человек. Работы по сносу зданий Пет-

розаводска, признанных непригодными для эксплуатации, были начаты силами заключенных в начале 1942 г. Необходимые для ремонта кирпичи собирали, разбирая сгоревшие здания, а в 1943 г. их стали накапливать в большом количестве для нужд армии. К середине октября на развалинах и с недостроенных зданий было собрано около 1,5 млн. штук кирпичей. Эта работа продолжалась и в 1944 г. В связи с большим расходом кирпичей пришлось разбирать даже ценные объекты, например поврежденную гостиницу «Северная»⁵.

Ю. Куломаа в книге «Финская оккупация Петрозаводска, 1941—1944» пишет: «Улицы Яанислинны (Петрозаводска) были преимущественно без твердого покрытия и дренажных канав, а часть их представляла собой проложенные на местности непроезжие дороги. В связи с нехваткой трудовых ресурсов обслуживание дорог ограничивалось лишь самыми необходимыми работами: текущим ремонтом, рытьем канав и подсыпкой песком. В 1943 г. мост на Свирской улице (переименованная финнами Вытегорская улица) был отремонтирован с помощью армии. Поскольку основной порт находился примерно в 6 км от города, в Ужесельге, было признано необходимым восстановить часть разрушенных причалов городской пристани. Лишь летом 1942 г. приступили к более тщательному изучению состояния водопровода, что оказалось сложной задачей, поскольку не нашли никаких схем. Большая часть жителей воду для своих нужд брала из водоразборных колонок, колодцев или родников. Водокачка железной дороги была отремонтирована еще предыдущей осенью, а пробная эксплуатация водопроводной системы началась в июне — июле 1942 г. В конце года к системе было подключено около 30 зданий, а в 1943 г. — около 80, и, по всей видимости, все они использовались Военным управлением или армией. Поиск отрезков небольшой канализационной сети велся еще и в 1943 г. Кроме того, в небольшом количестве строились новые сети»⁶.

Восстановительные и ремонтные работы на промышленных объектах оккупированной территории Карелии требовали большого количества стройматериалов, в частности кирпичей. Для реализации этой задачи ВУВК была возобновлена работа на Томицком, Кондопожском и Соломенском кирпичных заводах. Рабочей силой эти предприятия обеспечивались прежде всего за счет заключенных концлагерей.

Важнейшим условием восстановления промышленного производства на оккупированной территории Карелии являлось возрождение энергетики. Решить проблему было сложно, так как большинство электростанций при эвакуации были или взорваны, или выведены из строя. Так, после захвата Петрозаводска и Кондопоги финны обнаружили, что с Кондопожской ГЭС, которая до войны являлась основным поставщиком электроэнергии в город, было вывезено почти все оборудование.

Но уже с осени 1941 г. финны приступили к восстановлению частично сохранившейся гидроэлектростанции в устье реки Лососинки. По инициативе фортификационного отдела Главной ставки в Соломенном на месте демонтированной электростанции началось строительство небольшой теплоэлектростанции. Позднее, когда расчеты показали, что ее мощности будет недостаточно, там была построена более крупная ТЭС. Гидроэлектростанцию на реке Лососинке пустили в строй в феврале, небольшую ТЭС в Соломенном — в июне, а более мощную ТЭС — в октябре 1942 г. В ноябре того же года вступила в строй гидроэлектростанция и на территории Онежского завода (Лососинка-2)⁷. Но и после

этого не удалось полностью удовлетворить потребность в электроэнергии, в связи с чем ее отпуск на городские нужды приходилось ограничивать.

В связи с недостатком промышленного сырья в Финляндии слюдяную фабрику, здания которой не подверглись разрушению, пустили в строй уже в ноябре 1941 г. На ее территории была обнаружена партия сырья, а в концлагере был выявлен бывший технический директор фабрики, оказавший экспертную помощь. Крупных инвестиций это производство не требовало, поскольку обработка слюды в основном производилась вручную. В декабре 1941 г. Главная ставка передала предприятие в управление акционерному обществу «Суомен Минерали». Весной 1944 г. на слюдяной фабрике работало около 200 свободных жителей, но известно, что ранее привлекались и заключенные концлагерей⁸.

Восстановление лесопильного завода в Соломенном завершилось в конце 1942 г., в апреле 1943 г. он был передан лесному отделу штаба Олонецкого округа. До войны на лесозаводе насчитывалось 6 пилорам, после восстановления — лишь 2, но при планировании производственных помещений учитывалось расширение производства в будущем. Лесозавод произвел в 1943 г. 4 млн. 345,6 тыс. куб. м пиломатериалов, из которых основная часть, очевидно, была поставлена армии. В конце года здесь работали до 100 свободных местных жителей и около 30 военнопленных⁹.

Восстановить наиболее важное промышленное предприятие Петрозаводска — Онежский завод из-за эвакуации оборудования и частично разрушенных производственных зданий было невозможно, и в сохранившихся помещениях разместились армейские ремонтные мастерские. В Соломенном в 1943 г. были организованы подчиненные лесному отделу верфь и ремонтная мастерская. В период деятельности Олонецкого строительного округа у него, как и у штаба Петрозаводского района, имелась собственная столярная фабрика, которая позднее пе-

решла в подчинение строительного отдела штаба ВУВК. В Ужесельге действовал завод по производству чурок для газогенераторных двигателей, который весной 1944 г. производил треть этого вида продукции всей Финляндии¹⁰.

Советские разведывательно-диверсионные группы и отдельные агенты, направляемые в период войны в тыл финских войск, помимо других целей, имели задачу собирать сведения о социально-экономических мероприятиях оккупационного режима. Секретариат НКВД КФСР на основе этих данных регулярно готовил справки руководству республики о положении в оккупированных районах Карелии и отдельно по г. Петрозаводску. Эти справки, сохранившиеся в Архиве УФСБ РФ по РК, дают представление о попытках финских властей наладить социально-экономическую жизнь на захваченных территориях.

Так, в справке по г. Петрозаводску от 10 декабря 1943 г. отмечалось, что за период оккупации белофиннами восстановлены: слюдяная фабрика, 10-й и 11-й цеха Онежского металлургического завода, в которых ремонтируются орудия и минометы, авторемзавод, хлебозавод, ГЭС-5, рыбзавод, лимонадный завод, восстанавливается Соломенская ГЭС¹¹. При этом в документе подчеркивалось, что финны восстанавливают только те предприятия, которые могут работать на оборону. На Онежском заводе ремонтировались орудия, минометы и пулеметы, работала мастерская по ремонту танков и бронеавтомобилей, на авторемонтном заводе производился ремонт автомашин воинских частей, хлебозавод выпекал хлеб преимущественно для воинских частей. В составе рабочих большую часть составляли представители родственных финнам национальностей¹².

В справке по Заонежскому району, датированной также 1943 г., говорилось, что ввиду внезапного занятия района противником и из-за отсутствия транспортных средств основные ценности торговых и заготовительных организаций, оборудование промпредприятий, скот, зерно, фураж, сельскохозяйственный инвентарь остались на оккупированной территории и используются финскими властями¹³.

Судя по архивным документам, аналогичная ситуация, когда значительная часть оборудования промышленных предприятий, скота и сельхозинвентаря колхозов и МТС осталась на оккупированной территории, была характерна для Шелтозерского, Ведлозерского и других районов республики¹⁴.

Экономическая политика финских оккупационных властей была направлена на интенсивную заготовку карельского леса и вывоз его в Финляндию для строительства военных объектов. Прежде всего восстанавливались лесозаводы и лесопилки на бывших финских территориях, отошедших к СССР после Зимней войны 1939—1940 гг., — на Карельском перешейке, в Северном и Западном Приладожье. Заготовкой леса, в основном, занимались заключенные концлагерей, которые были организованы на оккупированной территории Карелии.

Военное управление Восточной Карелии надеялось организовать лесную отрасль хозяйства таким образом, чтобы не только удовлетворить собственные потребности в древесине, но и получить прибыль «для оплаты расходов по управлению оккупированной территорией». В структуре штаба ВУВК, кроме промышленного отдела, специально было создано и бюро лесного хозяйства¹⁵.

Финляндский исследователь Хельге Сеппяля в книге «Финляндия как оккупант в 1941—1944 годах» отмечает, что каких-либо сведений об использовании ка-

рельского леса финнами нет, поскольку действующие военные подразделения не вели учета. Из документов штаба Военного управления все же видно, что использованию лесов отводилась центральная роль¹⁶. Уже осенью 1941 г. штаб дал указание об использовании лесов. Сразу же были перечислены участки вырубок и произведена инвентаризация заготовленного леса. Доставшийся в качестве военной добычи лес был очень нужным. Полностью эту добычу учесть невозможно, поскольку пришедшие в Карелию войска использовали заготовленную древесину и материалы без жалости и учета¹⁷.

И все же, используя разные источники, Х. Сеппяля попытался подсчитать объемы заготовок леса, осуществленных финнами на оккупированной территории Карелии, приводя цифры по производству бревен, дров, шпал, баланса, древесного угля и др. При этом он подчеркивает, что объемы рубок были наверняка большими. К тому же производились и другие материалы, например: свыше 600 тыс. кг смолы, примерно 135 тыс. кг скипидара, а также 1 млн. 555 тыс. гектолитров автомобильного и кузнечного угля. Упомянутые данные не отражают всех вырубок, так как лес брали для своих нужд действующие части, а также подразделения, которые рубили лес и для Финляндии. К примеру, в Финляндии и Карелии осенью 1942 г. было заготовлено 1 242 190 куб. м дров. Сюда входит древесина, вырубленная на военных субботниках в Карелии. К концу 1942 г. только военные вырубili примерно 60 тыс. куб. м леса. В 1943 г. армия продолжала заготовку древесины, однако размеры ее неизвестны¹⁸.

Финские войска использовали большое количество древесины для строительства так называемых домов для братьев по оружию (имеются в виду немецкие войска, находившиеся в северной части Финляндии и на севере Карелии. — С. В.). В 1942 г. было построено 883 бревенчатых сруба, 60 домов отправлено в северную Финляндию. Количество домов, построенных в 1943 г., неизвестно, но

о масштабах строительства говорит тот факт, что на оккупированной территории работали отдельные домостроительные заводы¹⁹.

Помимо проведения вырубок, Военное управление продавало лес на корню финским предприятиям, в частности АО «Питкяранта», АО «Торасьезн Саха», АО «Сайка», АО «Лаатокан Пуу» и АО «Карпа». На корню проданный лес исчислялся сотнями тысяч стволов. Военное управление в больших объемах передавало лес не только вооруженным силам, но и государственным железным дорогам. В Финляндию было отправлено, в частности, 650 тыс. различных бревен, свыше 220 тыс. шпал, более 200 тыс. куб. м древесины для целлюлозно-бумажной промышленности, а также меньшие партии других видов древесины²⁰.

Во время оккупации Советской Карелии ВУВК стремилось не только производить вырубку и заготовку леса, отправлять его в Финляндию или использовать для потребностей армии, но и организовать его переработку на месте. В 1942 г. древесину перерабатывали на 22 обжиговых участках, 12 смолокуренных заводах, а также на 8 предприятиях, заготавливавших живичный материал. Особенно важное значение имело производство газогенераторного угля для машин. В 1942 г. его было произведено примерно 53 тыс. гектолитров. За то же время смолы было произведено 95 тыс. кг, кузнечного угля 28 900 гектолитров и живицы 51 225 кг, которая была продана АО «Пихкатуоте». В северной Карелии в 1942 г. также работало 6 лесопилок. В Видлице работали сушилка и завод столярных изделий. Видлицкий завод изготавливал двери, окна, лодки и сани²¹.

345

Одна из главных задач ВУВК на оккупированной территории Карелии заключалась в том, чтобы ее население, прежде всего национальное, которое проживало свободно, само обеспечивало бы свое существование. Поэтому в число важнейших направлений деятельности входило развитие сельского хозяйства.

Комендант Военного управления еще в самом начале стратегического наступления, 14 августа 1941 г., направил в действующую армию инструкцию, согласно которой первоочередной задачей была замена колхозной собственности на землю частной. Затем последовал указ о праве собственности для населения Карелии, но речь в указе шла только о карелах. Введение данного указа в жизнь началось после завершения наступления, а в некоторых случаях и раньше²².

Финляндский исследователь А. Лайне отмечает, что провозглашенный курс был воспринят как военными, так и местным населением буквально. Войска, занимающие районы, декларировали освобождение населения от «большевистского ига», а следовательно, и от колхозной организации. Люди, которые начали растаскивать колхозное добро еще до названного указа, стали делить между собой собственность коллективных хозяйств уже «официально»²³. Однако, как только улеглась неразбериха начального этапа, растаскивание колхозного имущества было прекращено, а общественные хозяйства восстановили утраченный был скот и инвентарь посредством изъятия его у населения²⁴.

Переход к созданию частных крестьянских хозяйств первоначально рассматривался оккупационной администрацией как задача послевоенного времени. Условия военной обстановки требовали создания такой организации сельского хозяйства, которая бы давала наибольшую отдачу для финляндского государства: обеспечивала продовольствием как воинские соединения, так и местных жителей. В этой связи решено было сначала сделать ставку на коллективную обработку земли.

Значительная часть обрабатываемых площадей в течение всего периода оккупации оставалась в пользовании ВУБК. Обработка данных земель осуществлялась на основе прежней хозяйственной системы. Приказом Военного управления колхозы и совхозы были сохранены под названием «общественные хозяйства» и «государственные хозяйства». К концу 1941 г. на оккупированной территории Карелии существовало 591 коллективное хозяйство²⁵.

Судя по архивным документам, образованные общественные (коллективные) хозяйства унаследовали характерные для колхозов отрицательные черты: люди по-прежнему не чувствовали себя заинтересованными в результатах своего труда. Нередкими были случаи уклонения населения от работы, для пресечения которых оккупационные власти применяли и физические наказания²⁶. Ситуация осложнялась также и тем, что на протяжении всех лет оккупации ощущался острый дефицит кадров руководителей общественных хозяйств. Так, к концу 1941 г. один финн-руководитель приходился на четыре общественных хозяйства²⁷. Вместе с тем отметим, что ставка на общественные хозяйства в первые месяцы оккупации Карелии была вполне оправданной: постепенный переход к личным хозяйствам проходил без падения сельскохозяйственного производства.

Параллельно с налаживанием работы коллективных хозяйств ВУБК начал подготовку к осуществлению курса на создание частных крестьянских хозяйств на оккупированной территории Восточной Карелии. Приказом главнокомандующего К. Маннергейма от 20 сентября 1941 г. для разработки основ послевоенной организации земельной собственности был образован комитет под председательством начальника штаба ВУБК В. А. Котилайнена. К октябрю 1942 г. комитет разработал план, главной целью которого провозглашалось «появление в Восточной Карелии крепкого и хозяйственно независимого национального крестьянского населения». Представители «чуждых национальностей» (не финно-угорское население Карелии. — С. В.) не могли получить право собственности на землю²⁸.

Были определены категории населения, которым предоставлялось право бесплатного приобретения участков:

- ✧ национальное население Восточной Карелии, занимавшееся сельскохозяйственным трудом;
- ✧ иммигранты из Восточной Карелии, проживавшие в Финляндии, а также их вдовы и дети;
- ✧ участники борьбы за освобождение Восточной Карелии и защиты Финляндии, их вдовы и дети²⁹.

Для других групп населения устанавливалась умеренная плата за землю, но не более половины ее оценочной стоимости. Все это, по мнению авторов проекта, позволило бы создать благоприятные условия для притока рабочей силы на завоеванные территории. Переезжавшие в Восточную Карелию получили бы право на жительство, а следовательно, и право собственности лишь на 10 лет после приезда. Этот срок должен был показать, прижились ли они на новом месте и в состоянии ли нормально обрабатывать землю.

А. Лайне отмечает: «Авторы проекта предполагали наделять участками только тех, кто был способен вести хозяйственную деятельность, однако для населения Восточной Карелии (имелось в виду национальное население. — С. В.) и со- племенников-эмигрантов считалось возможным дать послабление в этом воп-

росе. Земельные владения не должны были превышать размеры, необходимые для обеспечения благосостояния семьи крестьянина. Максимальная площадь участка, образовавшегося из полевого и лесного угодий, составляла бы 30 га. Лесное угодье должно было быть таким, чтобы в год на нем можно было бы вырубить не менее 70 и не более 250 куб. м древесины. Чем больше владелец получал леса, тем меньше поля, и наоборот. Водоемы Восточной Карелии должны были остаться в государственной собственности»³⁰.

Данный план должен был реализовываться в послевоенное время. В период оккупации Советской Карелии было принято решение выделять населению участки во временное пользование (бесплатно) или в аренду.

Для осуществления передачи земли в частную собственность главнокомандующий Маннергейм 29 января 1942 г. издал приказ, по которому в Карелии могли дать землю во временное пользование живущим или жившим там карелам, людям, родственным финнам по национальности, а также жителям Финляндии, которые были способны ее обрабатывать. Русские такого права были лишены³¹.

Исследуя данную проблему, А. Лайне пишет: «Через месяц в письме коменданта Военного управления были даны разъяснения по этому вопросу. Наделение участками не должно было вызвать снижения уровня сельскохозяйственного производства, поэтому администрации предписывалось «тщательно выяснить, какие полевые площади Военное управление могло наиболее производительно обрабатывать». Иными словами, в военное время, когда необходимо было снабжать армию, военнопленных и заключенных, ставка первоначально делалась на общественные хозяйства, о создании наиболее благоприятных условий для личных хозяйств речи тогда не велось. В письме также оговаривалось ограничение размеров участка: он не должен быть больше, чем его получатель мог нормально обрабатывать. Ненационалы не могли стать пользователями земли. Для финнов это, впрочем, тоже не было предусмотрено, за исключением личного состава Военного управления и работавших в Восточной Карелии продавцов, учителей и др.»³².

К этой же проблеме обращался и финляндский исследователь Х. Сеппяля. В книге «Финляндия как оккупант в 1941—1944 годах» он отмечает: «На основании приказа главнокомандующего приступили к разделу земли. Посевные площади были распределены так, что у Военного управления оказалось 24 323 гектара, у действующих военных подразделений — 11 734 и у частных землевладельцев — 7 563 гектара. Всего 43 620 гектаров. Цифры говорят о том, что из Военного управления получился крупный землевладелец... Раздача земель в частное пользование продолжалась, поскольку опыт их использования оказался положительным. К концу оккупации в частном пользовании было уже 12 722 гектара обрабатываемых земель, прочих земель было примерно 17 800 гектаров»³³.

Для образования личных крестьянских хозяйств в период оккупации территории Восточной Карелии несколько раз производилось распределение земли. Первое распределение обрабатываемых площадей под участки было осуществлено весной 1942 г., последний раздел состоялся в июне 1944 г.³⁴

Для получения надела земли следовало подать заявление, после утверждения которого подписывался договор о выдаче земли в пользование. В нем фиксировались размеры и место участка, оговаривалось право пользователя пасти личный скот на общественном пастбище и косить сено в определенном месте.

Договор содержал множество условий, при наличии которых он мог быть расторгнут, вплоть до ведения пользователем земли «распутной жизни»³⁵.

Анализ документов показывает, что желание оккупационной администрации не связывать себя долгосрочными обязательствами вытекало из переходного характера аграрной политики на оккупированной территории Советской Карелии. При этом земля во временное пользование выдавалась бесплатно.

По мнению А. Лайне, всем желающим получить участки в пользование была предоставлена возможность это сделать. По его подсчетам, количество заявлений о наделении землей, поданных в 1942 г., примерно совпадало с числом выделенных отрезков³⁶.

Национальное свободное население Восточной Карелии активно брало землю в личное пользование. Этому процессу способствовали, на наш взгляд, две основные причины: во-первых, наличие достаточно большого количества земли и инвентаря в оккупированных районах республики, в которых в качестве свободных жителей проживало около 60 тыс. человек, т. е. в 5 раз меньше, чем до войны; во-вторых, сами условия военного времени формировали у населения заинтересованность в получении земли. После того как в конце 1941 — первой половине 1942 г. люди вынуждены были жить практически впроголодь, было понятно, что гораздо лучше и надежнее самим позаботиться о своем собственном обеспечении. Поэтому национальное население оккупированных районов Карелии готово было взять землю даже на не слишком выгодных условиях. Чаще всего выделенные для пользования земли были ограниченных размеров, так что большинство создаваемых личных крестьянских хозяйств не могло полностью обеспечить себя продовольствием. А. Лайне отмечает, что средняя площадь выделенных участков в период всех лет оккупации оставалась относи-

тельно небольшой — 1,4 га³⁷. Однако это вполне устраивало Военное управление, поскольку давало возможность привлекать пользователей земли на другие необходимые для оккупационных властей работы.

Эффективность экономической политики ВУВК в области сельского хозяйства снижалась из-за отношения к ненациональному населению. Землю русские и представители других народов получили только в 1943 г. и то не в бесплатное пользование, а лишь в качестве права на аренду. В Заонежье, где в основном проживало русское население, по данным подпольщиков и партизан, аренда носила принудительный характер³⁸.

По сведениям, приведенным в работе А. Лайне «Два лика Великой Финляндии», первоначальные размеры арендованных участков были очень невелики — от 1 до 3 соток на одного человека, выращивали на них лишь капусту и картофель. Однако к концу оккупации площадь земельных отрезков достигла более чем 1 га; всего появилось около 2 250 участков на площади 2 850 га. Плата за аренду колебалась от 100 до 300 марок, по другим данным, она достигала около 2 тыс. марок за 1 га³⁹.

По-видимому, именно высокая арендная плата могла стать причиной того, что местные жители не были заинтересованы в получении земли в больших размерах и брали в обработку лишь небольшие участки. Увидев, что население не желает брать землю на предложенных военной администрацией условиях, финские власти ввели аренду в принудительном порядке. И лишь в начале 1944 г. ненациональному населению было предоставлено право брать землю не в аренду, а в бесплатное пользование, как и финно-угорским народам Карелии, но эта мера, по мнению А. Лайне, имела больше пропагандистское, чем хозяйственное значение⁴⁰.

Финляндские исследователи положительно оценивают мероприятия Военного управления Восточной Карелии в области сельского хозяйства, считая, что национальное крестьянство получало собственную землю и избавлялось от ненавистных им колхозов.

Интересно, что в воспоминаниях карел и вепсов, проживавших в сельских районах республики во время финской оккупации, обязательно присутствует сюжет о том, как финны раздавали колхозную землю их семьям и как эти семьи хозяйствовали на своей земле. Так, жительница с. Каскесручей Валентина Васильевна Харитоновна на вопрос «Финны разделили между населением старые колхозные поля?» ответила: «Да, наши для себя обрабатывали... наши мамы сеяли, все надо было для себя делать»⁴¹. Житель с. Шелтозеро Рюрик Петрович Лонин вспоминает: «Но голода не было, потому что был скот, коровы были почти у каждого в хозяйстве, овцы, куры. Голода мы не видели. Вот после войны уже, когда обратно наши русские пришли, мало давали нам по карточкам, был у некоторых голод. Финнов все считали врагами, но голода не было. Сажали картошку. Колхозы все были ликвидированы, и колхозная земля была роздана частным хозяйствам. Частники сажали для себя и рожь, и овес. Ну, работы было очень много, самим питаться и жить — работы было много»⁴². Тойво Иосифович Вяйзьянен в своем интервью также отметил этот факт: «Поля не успели сжечь. Финны распределили поля между жителями. И они собирали там урожай. Потом семьям финны раздали определенные участки земли для обработки, и мы сами обрабатывали. У нашей семьи было полтора гектара, я помню»⁴³.

Сразу после освобождения Карелии от финской оккупации колхозники, прежде всего в карельских и вепсских районах, на собраниях часто высказывались против работы в колхозах: «Нельзя ли еще годик пожить без колхозов и собрать урожай единолично со своих участков?», «Мы проживем без колхозов, жили же мы при финнах без колхозов»⁴⁴. Естественно, что подобные высказывания, особенно в условиях тяжелого положения в сельском хозяйстве считались антисоветскими и люди, допускавшие подобные мысли, могли понести наказание.

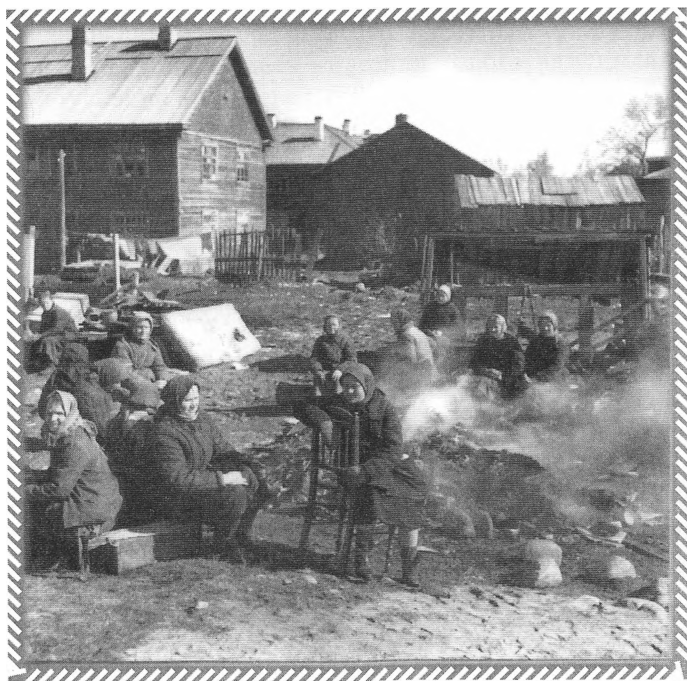
Что касается скота, то обеспечение им личных крестьянских хозяйств проходило в два этапа. На стадии установления оккупационного режима практиковалась передача животных во временное бесплатное пользование, при этом заключался договор на передачу трофейного скота. Из документов следует, что скот передавался крестьянам на содержание: он мог использоваться на работах в общественном хозяйстве, а мог быть даже изъят по решению властей. В случае смерти скота крестьянин был обязан «компенсировать нанесенный Военному управлению ущерб»⁴⁵. По всей видимости, передача скота во временное бесплатное пользование рассматривалась как временная и вынужденная мера: зимой 1941/42 г. общественные хозяйства были не в состоянии нормально содержать скот.

С весны 1942 г. начинается второй этап: вместе с выделением земельных участков национальному населению начинается продажа общественного скота и инвентаря. Лошадь можно было купить по цене от 3 тыс. до 25 тыс. марок; корову — от 1,5 тыс. до 5 тыс. марок; телегу — за 150—200 марок. Покупатели, которым не хватало денег для приобретения скота, могли получить кредит⁴⁶. В итоге к концу 1944 г. лошадь была в каждом четвертом крестьянском хозяйстве, одна корова приходилась на семь человек⁴⁷.

Исследуя данный вопрос, Х. Сеппяля отмечает, что точных сведений о численности скота на оккупированной территории нет, поскольку, как это подтверждают источники, много животных прирезали наступающие части, также остались невыясненным, сколько его изъяли у местного населения. Исследователь называет следующие данные по домашнему скоту на конец 1942 г.: всего лошадей — 6 537; коров — 9 009; овец — 4 569; свиней — 1 492. Значительная часть скота находилась в ведении Военного управления. С другой стороны, Военное управление за полтора года передало много коров владельцам арендованных участков⁴⁸.

А. Лайне описывает схему взаимоотношений между крестьянскими хозяйствами и оккупационной администрацией. Во-первых, подсчитывался урожай, который должен быть получен с данного участка. Затем определялось, на какое время хозяйствам хватит этих запасов. При этом исходили из следующих норм: картофель — 25 кг в месяц на человека; зерно — 15 кг в месяц на взрослого и 7,5 кг — на ребенка. Эти нормы значительно превышали размеры пайков наемных работников. Если объем планируемого урожая оказывался большим, чем требовалось для самообеспечения в течение года, то «излишки», определенные по этой методике, хозяйство обязано было сдать. Население понимало эту операцию как «налог». Если же хозяйству не хватало своих продуктов на год, то на оставшееся время выдавали карточки. На те продовольственные товары, которые не производились в личном хозяйстве, карточки выделялись в течение всего года, как и остальному населению⁴⁹.

Анализ архивных документов, содержащих донесения подпольщиков и партизан с оккупированной территории, показывает, что они не только добывали

информацию, но и пытались оценить происходящее, в том числе и созданную финскими властями систему сельского хозяйства. А. Лайне в книге «Два лика Великой Финляндии» приводит донесение одного из подпольщиков, который отмечал, что «при этой системе степень урожайности отдельных хозяйств при подсчете во внимание не принималась. В результате получалось, что по учету властей хозяйство можно считать полностью обеспеченным своим хлебом на год по установленным нормам, тогда как фактически хлеба хватало лишь на 6—7 месяцев... Это хозяйство было обречено на голод. Население не заинтересовано в расширении посевных площадей. Вследствие чего ряд пригодных участков остаются не обработанными»⁵⁰.

Далее исследователь пишет: «Надо заметить, что, с другой стороны, такая система давала стимул для лучшей обработки земли в личных хозяйствах. И все же, учитывая, что для крестьянина переход от довоенной колхозной системы к работе на своей земле не мог быть легким, тем более что лучшие земли оставались у общественных хозяйств, с этим мнением следует во многом согласиться. Так, к декабрю 1942 г. появились пользователи земли, которые уже съели или продали свой летний урожай, что вызывало эмоциональную реакцию представителей Военного управления. Комендант Олонецкого округа О. Палохеймо считал, что “это нельзя понять”, поэтому, “кто все съел, тот пусть голодает или висит на шее у родственников, а о выдаче им продовольственных карточек не может быть и речи”»⁵¹.

Анализ сложившейся системы сельского хозяйства на оккупированной территории Карелии в 1941—1944 гг. показывает, что личные крестьянские хозяйства целиком зависели от ВУВК. Только у Военного управления можно было приобрести семена в случае их нехватки, а также скот и инвентарь. Для того чтобы

это сделать, пользователю земли требовались деньги, которые он мог получить, работая в общественных хозяйствах и других организациях. Излишков урожая, продав которые, крестьянин мог бы заработать приличную сумму денег, при такой системе не было. Таким образом, оккупационная администрация, решая проблему самообеспечения местного населения, в то же время была застрахована от оттока рабочей силы из государственных хозяйств.

В период оккупации территории Советской Карелии финские власти наряду с развитием сельского хозяйства пытались возродить рыбный промысел, который они считали традиционным для карел. Все рыбопромысловые снасти и принадлежности финны отнесли к категории военной добычи. В первом списке реквизированного имущества было много наименований: 3 812 сетей, 773 мережи, 175 неводов и 628 лодок. К концу 1941 г. список этот пополнился⁵².

Штаб Военного управления создал специальную рыболовную организацию, которая находилась в его подчинении и под его пристальным надзором. Штаб выдавал снасти местным рыболовам, забирая за это треть улова. Рыбаки не имели права продавать улов, он подлежал сдаче на рыбоприемные пункты. Правила вылова рыбы были жесткими, но они разрешали отлов рыбы для своих нужд в водоемах близ поселения. В 1942 г. на рыбоприемные пункты было сдано 535 621 кг рыбы. Непосредственно потребителям продали 147 тыс. кг рыбы, АО «Вако» передали 200 300 кг, рыбакам — 116 тыс. кг, армии — 40 тыс. кг, Военному управлению — примерно 32 300 кг рыбы. Местное население получило небольшую часть от вылова на приемных пунктах или через магазины «Вако»⁵³.

Большое значение для финских оккупационных властей имели железные дороги. В работе «Финская оккупация Петрозаводска, 1941—1944» Ю. Куломаа пи-

шет: «Для Восточной Карелии в декабре 1941 г. был создан новый линейный отдел с центром в Янислинне. Город был самым важным транспортным узлом на оккупированной территории: здесь железная дорога из Финляндии соединялась с дорогой, идущей на юг, к реке Свирь, а также с идущей до Медвежьегорска на север Мурманской дорогой, по которой осуществлялись все снабженческие перевозки для войск масельгского направления. Участок железной дороги Суоярви — Петрозаводск, разрушенный советскими войсками при отступлении, был восстановлен уже в октябре 1941 г., и сообщение с Финляндией стало занимать меньше времени к весне 1942 г., когда был введен особый скорый поезд Хельсинки — Янислинна. В нормальных условиях путь занимал чуть менее суток. Этот вид деятельности требовал очень много рабочей силы. В конце марта 1944 г. на службе управления железной дороги в городе состояли 405 финнов и в различных военных железнодорожных подразделениях — 345. Кроме того, в ведомостях на получение зарплаты за май 1944 г. числилось около 100 свободных горожан»⁵⁴.

Кроме восстановления железных дорог, оккупационные власти определенное внимание уделяли и строительству автомобильных дорог. Так, в Заонежье в конце 1943 г. велось строительство и улучшение автомобильных дорог общей протяженностью более 200 км⁵⁵.

Кроме возрождения экономической жизни, с осени 1941 г. после оккупации значительной части территории Карелии перед финскими властями встала задача организации системы социального обеспечения населения, и прежде всего свободного национального населения, к которому относились финно-угорские народы Карелии. Эта задача возлагалась на отдел снабжения и торговли ВУВК. Заключенные концлагерей и лица, находившиеся в местах принудительного содержания, прежде всего русские, оказались за бортом этой системы. ВУВК исходило из принципа, что свободное население само должно было обеспечить свое существование. Исходя из этого с ноября 1941 г. районные штабы ВУВК прекратили выдачу продуктовых карточек для жителей оккупированных районов. Предполагалось, что они будут приобретать продукты за деньги.

За организацию розничной торговли в оккупированной Карелии на правах монополии отвечало акционерное общество «Вако» (Vako Oy), образованное четырьмя крупными финляндскими оптовыми фирмами: СОК (Центральная организация кооперативов Финляндии), ОТК (Акционерная оптовая торговля), «Кеско» и «Туко». Деятельность «Вако» контролировали чиновники ВУВК, ответственные за снабжение населения.

Финский исследователь Осмо Хюютя в книге «Жемчужина финских земель» отмечает, что договор о создании АО «Вако» (уставной капитал — 10 млн. финских марок) был подписан 12 августа 1941 г. Центр АО находился в д. Видлица. Название «Vako» было производным от сокращения слов «Vienan-Aunuksen kauppaosakeyhtiö» (Торговая компания «Беломорск — Олонец» или «Беломорская-Олонецкая Карелия». — С. В.). Руководителем «Вако» был выбран магистр экономики лейтенант Аарне Коскело, который в 1937—1940 гг. возглавлял фирму «АО Питкяранта»⁵⁶.

Для деятельности «Вако» наиболее значимым было открытие магазинов в Восточной Карелии, в которых продавались продовольственные и промышленные товары. Из продовольственных товаров самым важным являлся хлеб, кроме него

в магазинах продавали также соль, жиры, мясо и сахар; из промышленных товаров — одежду, обувь и др. Существенная роль в торговле отводилась продаже строительных материалов — гвоздей, петель, оконных стекол, цемента, а также рабочего инструмента — молотков, топоров, лопат и др.⁵⁷ Первый магазин открыли 17 сентября 1941 г. в Видлице. В день открытия в магазине были мука, ножи, вилки, ложки, ковши, ведра, карандаши и бумага. Затем магазины открыли в Колатсельге, Кинелахте и других населенных пунктах Восточной Карелии⁵⁸.

Финляндский исследователь Ю. Куломаа о деятельности «Вако» пишет следующее: «На первом этапе следовало открывать один продуктовый магазин на 1 000—2 000 человек. Для привлечения коммерсантов предлагались очень выгодные условия приобретения лицензий на торговую деятельность. Первый магазин «Вако» (в Петрозаводске. — С. В.) открылся в ноябре 1941 г. на улице Ленина (переименована финнами в Карельскую улицу), а затем в этом же месяце приступили к работе еще два. В конце 1943 г. в городе насчитывалось пять бакалейных магазинов, три мясные лавки, молочные магазины, по продаже тканей и книжные магазины, три мужские парикмахерские и мастерские по ремонту обуви. Кроме того, в Соломенном и в двух концлагерях имелись торговые точки. Находившееся на улице Мякикату трехэтажное здание было приведено в порядок и отдано под магазины, жилье и конторские помещения»⁵⁹.

В середине декабря 1941 г. в Петрозаводске и Олонце появились первые книжные магазины, где также продавали бумагу. Позже такой магазин появился и в Медгоре. Газетные киоски были открыты в Петрозаводске и Олонце. Всего к концу 1941 г. в Восточной Карелии АО «Вако» открыло 47 магазинов. Через год их было уже 82⁶⁰.

Кроме осуществления торговли, в обязанности «Вако» входила организация работы ресторанов, кафе и гостиниц. Естественно, предназначались они, прежде всего, для финских военнослужащих и чиновников ВУВК.

Первый кафетерий открыли в декабре 1941 г. в Видлице. К середине лета 1942 г. были открыты кафе в Видлице (второе), в Коткозере, Нурмойле и Самбатуксе — все в Олонецком округе. В конце октября 1941 г. в Олонце открылась первая гостиница-ресторан «Олонец». Кроме того, в городе был основан и так называемый народный ресторан. В Петрозаводском округе кафе были открыты в Пряже и Колатсельге⁶¹.

В Петрозаводске в начале 1942 г. в бывшем общежитии университета открылась гостиница «Янислинна», а в апреле того же года в служебном здании на улице Мякикату — «ресторан высшего класса». В южной части города позже открылся ресторан «Укко». В области обслуживания «Вако», несмотря на монополию, вынуждено было терпеть присутствие таких организаций, как «Лотта Свьярд» и Союз солдатских клубов, которые, следуя за армией, распространили свою деятельность на Восточную Карелию. Например, весной 1942 г. потребности гарнизона обслуживали Дом офицеров, шесть солдатских клубов, 11 кафе-закусочных, содержащихся лоттами, и гостиница-ресторан «Лоттахови». Однако обе эти организации были обязаны приобретать у акционерного общества «Вако» торговые лицензии и покупать товары при его посредничестве⁶².

Кроме розничной торговли, АО «Вако» располагало и другими предприятиями по производству продуктов и напитков: хлебопекарнями, скотобойнями, колбасным цехом, цехом по производству прохладительных напитков, рыбным засолочным цехом⁶³.

Так, в начале 1942 г. при помощи финских мастеров и 40 рабочих-карел в Петрозаводске был запущен хлебозавод, где ежедневно выпекали 25—30 тыс. кг хлеба. Основная часть продукции уходила в армию, но хлеб поступал и в магазины, рестораны и столовые АО «Вако». Вторая пекарня была открыта в Олонце, где выпекали 5 тыс. кг хлеба, главным образом для армии. Рядом с пекарнями строили цеха по выпуску прохладительных напитков. В Петрозаводске для этого использовался бывший цех по выпуску соков, где производили 2 тыс. бутылок в день⁶⁴.

В октябре 1941 г. в Олонце основали скотобойню, в Петрозаводске скотобойня была открыта в декабре 1941 г. Рядом со скотобойнями создавали колбасные цеха и фабрики-кухни. В колбасных цехах на новом оборудовании выпускали различные сорта колбас, которые поставлялись в армию и магазины АО «Вако»⁶⁵.

Ю. Куломаа в своем исследовании отмечает: «В период оккупации АО “Вако” стало одним из главных работодателей в Петрозаводском районе. Весной 1944 г. на него, в дополнение к финнам, работало около 400 свободных горожан, а также, возможно, и лагерники. В хозяйственном отношении деятельность общества была прибыльной, и в течение всего периода оккупации его бизнес развивался по восходящей линии. Часть прибыли передавалась Военному управлению и различным организациям на общественно полезные нужды. Самую большую сумму получило открытое в 1943 г. Восточно-Карельское профтехучилище, в котором, помимо прочего, из карел готовили служащих “Вако”. Представлялось логичным, что пожертвованные средства главным образом, если не полностью, направлялись на нужды родственных финнам народов»⁶⁶.

О. Хюютия в исследовании «Жемчужина финских земель» также подчеркивает успешную экономическую деятельность АО «Вако» в период оккупации Советской Карелии. Так, в 1941 г. общий торговый оборот компании составлял 17,2 млн.

финских марок, в 1942 г. он возрос до 237 млн., а в 1943 г. достиг 298,2 млн. финских марок⁶⁷. Автор приводит и численность людей, работавших в период оккупации в АО «Вако»⁶⁸:

Работники АО «Вако»	1941 г.	1942 г.	1943 г.
Финны	—	426	460
Карелы	—	373	473
Русские	—	236	297
Всего	402	1 035	1 230

Одним из важных направлений в деятельности ВУВК в период оккупации Карелии была организация здравоохранения, которое, прежде всего, заботилось о национальном свободном населении. В качестве главной задачи стояло предотвращение распространения эпидемических заболеваний.

В течение двух недель после захвата Петрозаводска вопросы здравоохранения решались с помощью армии. В середине октября 1941 г. на средства, выделенные Красным Крестом, была открыта больница для гражданских лиц, в которой могли проходить лечение только жители города, относящиеся к народам, родственным финнам. Вначале в ней имелось лишь 10—15 больничных коек, а персонал состоял из медсестры, патронажной сестры и двух военных медсестер (лотт). В тот же месяц приступили к работе родильный дом и аптека. Для ненационального населения лечебный пункт открылся только в середине ноября 1941 г., после того как русская женщина-врач согласилась заниматься врачебной практикой. При лечебном пункте действовало родильное отделение, а весь персонал состоял из местного населения⁶⁹.

Ю. Куломаа пишет: «Первый финский городской врач приступил к работе в январе 1942 г., а весной 1943 г. в Яанислинну прибыл второй врач. Увеличилась также и численность представителей других категорий медицинского персонала: в июне 1944 г. на службе районного штаба состояли два стоматолога, девять медсестер, две патронажные сестры и две акушерки. Количество больничных коек преобразованной в городскую больницу бывшей национальной больницы для гражданских лиц увеличилось до 40, что считалось достаточным. Для пациентов с заболеваниями зубов действовала стоматологическая поликлиника. В связи с большой численностью детского населения на решение проблем детского здравоохранения пришлось обратить особое внимание. В январе 1942 г. под контролем городского врача была открыта детская больница Яанислинны на 25 больничных коек, число которых затем увеличилось до 35. Детские консультации стали функционировать с весны 1943 г. Осенью 1942 г. открылся туберкулезный диспансер Восточной Карелии на 60 коек. В результате такой целенаправленной деятельности организация здравоохранения на оккупированной территории стала во многом напоминать систему, существовавшую в самой Финляндии»⁷⁰. С тезисом финляндского исследователя можно согласиться с одной поправкой: развитие медицинского обслуживания улучшало положение только национального населения. Русское население находилось в тяжелейших условиях и не получало необходимой медицинской помощи.

С осени 1941 г. после оккупации значительной части Карелии началось формирование почтовой службы. В октябре 1941 г., получив согласие главнокомандующего, Государственный совет Финляндии одобрил составленный в штабе ВУВК план организации почты. Ю. Куломаа в этой связи отмечает, что согласно этому плану в штабе организовывался почтовый отдел, а на территории, подчиненной ВУВК, — необходимое количество почтовых контор, отделений, станций и точек, а также система почтово-багажной и конной доставки и сеть сельских почтальонов... Почтовая контора Яанислинны была организована в середине октября 1941 г., весной следующего года на захваченной территории начала работать почтовая автомобильная служба. В июне 1944 г. на почте работали 42 человека, все — граждане Финляндии⁷¹.

С момента оккупации финнами части территории Карелии началось распространение деятельности финляндских финансовых организаций, что объяснялось как потребностями военной администрации, так и армии. Ю. Куломаа отмечает: «Контора Финляндского банка, которая должна была облегчить финансовое обслуживание войск, открылась в Петрозаводске уже в октябре 1941 г. Банковскими услугами пользовались, очевидно, в основном граждане Финляндии. Интерес к хранению денег в сберегательных банках пытались привить и местному населению, например через народные школы, но результаты оказались незначительными. К апрелю 1942 г. только финны-ингерманландцы сделали вклады в конторе Национального акционерного банка на улице Ленина, из карел и вепсов — никто. В дальнейшем положение не улучшалось. Проблема заключалась, конечно, еще и в том, имелись ли вообще у населения финские марки, которые можно было бы положить в банк»⁷².

Оценивая социально-экономическую деятельность ВУБК на оккупированной территории Советской Карелии в 1941—1944 гг., следует отметить, что торговый дефицит в сочетании с административным определением уровня зарплаты неизбежно повлек за собой существенные перекосы в денежном обращении. Так, в августе 1942 г. жители Шелтозерского района показывали подпольщикам хранившиеся в сундуках пачки денег по 2—3 тыс. марок, на которые просто нечего было купить. Нередко люди, оказывающие содействие подпольщикам, отказывались от предлагаемой им денежной помощи, заявляя, что эти деньги не стоят той бумаги, которая на них затрачена⁷³.

ВУБК предпринимало определенные меры, чтобы изъять у населения скопившуюся массу денег и пустить ее в оборот. К таким мероприятиям следует отнести распродажу населению колхозного скота по относительно высоким ценам. Но результативность этой политики была низкой.

Косвенным доказательством неспособности ВУБК урегулировать ситуацию с денежным обращением являются материалы газеты «Северное слово», издававшейся для населения Восточной Карелии и военнопленных. В номере газеты от 30 января 1943 г. целая полоса вышла под лозунгом «Бережливость — залог зажиточности и благополучия». Материалы полосы говорили о том, что «встречаются люди, у которых после всех расходов на покупку причитающихся по карточкам пайков от заработка остается крупная сумма. Вот им-то и не мешает подумать, что делать с оставшимися деньгами»⁷⁴.

Вследствие дефицита товаров в торговой сети и наличия у свободного населения излишней массы денег на оккупированной территории Карелии начинает расцветать «черный рынок». Местные жители торговали друг с другом, а еще больше с финскими солдатами, которые имели возможность пожить за счет армейских складов. К тому же финны, в отличие от местного населения, были более заинтересованы в накоплении денег. Особенно интенсивной торговля между местными жителями и солдатами стала к концу оккупации. Население скупало у финнов военную форму, обувь, бензин и продукты. Оккупационные власти вынуждены были прибегать к обыскам у местных жителей с целью поиска проданного солдатами обмундирования⁷⁵.

Зачастую деньги переставали быть средством торговли и происходил переход к натуральному обмену. В этом процессе складывались даже натуральные эквиваленты: пол-литра водки можно было обменять на 1 кг масла, или на 2 пачки сигарет, или на 4 пачки папирос⁷⁶.

Подводя итоги экономической деятельности Военного управления Восточной Карелии, следует отметить, что, несмотря на все попытки, ему так и не удалось в оккупированных районах республики в 1941—1944 гг. организовать промышленное производство в сколько-нибудь значительных масштабах. Военная обстановка требовала от оккупационных властей основное внимание уделять следующим отраслям экономики: сельскому хозяйству, от состояния которого зависело обеспечение продовольствием гражданского населения и заключенных в концлагерях; лесной промышленности, которая должна была, по мнению ВУБК, приносить прибыль; дорожному строительству, развитие которого обеспечивало потребность армии в транспортном сообщении.

Во взаимоотношениях с местным населением ВУБК опиралось, главным образом, на административные методы: трудовую повинность, нормированное распреде-

ление товаров и др. Использование же экономических рычагов предпринималось лишь в ограниченных масштабах. С одной стороны, неизбежные в условиях войны товарный дефицит и обесценивание денег сужали базу для экономического стимулирования труда. С другой стороны, и сама политика оккупационной администрации, в частности почасовая оплата труда и сдерживание цен на низком уровне, вела к сужению рыночных механизмов. Кроме того, труд заключенных концлагерей, который широко использовался в военный период, был малоэффективен и малопроизводителен. В лучшем случае он позволял лишь поддерживать жизнеобеспечение армии и населения, оказавшегося в оккупации.

Социальная политика оккупационного режима в основном касалась только родственного финнам свободного населения, а ненационалы (русские и представители других национальностей) по существу находились вне системы социальной защиты.

-
- 1 Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941—1944. Петрозаводск, 2006. С. 38—39.
 - 2 Там же. С. 38—40.
 - 3 Там же. С. 151.
 - 4 Там же. С. 152.
 - 5 Там же. С. 153.
 - 6 Там же. С. 153—154.
 - 7 Там же. С. 159.
 - 8 Там же. С. 162.
 - 9 Там же.
 - 10 Там же. С. 162—163.
 - 11 Архив УФСБ РФ по РК, ФСДП, оп. 1, д. 117, л. 1, 1 об.
 - 12 Там же, ФКРО, оп. 1, д. 95, л. 75 об.
 - 13 Там же, л. 6, 6 об.
 - 14 Там же, л. 9, 9 об., 10, 24, 24 об.
 - 15 Laine A. Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa, 1941—1944. Helsinki, 1982. S. 72.
 - 16 Сеппяля Х. Финляндия как оккупант в 1941—1944 годах // Север. 1995. № 6. С. 111.
 - 17 Там же. С. 112.
 - 18 Там же.
 - 19 Там же.
 - 20 Там же.
 - 21 Там же. С. 113.
 - 22 Сеппяля Х. Финляндия как оккупант в 1941—1944 годах // Север. 1995. № 6. С. 110.
 - 23 Laine A. Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa, 1941—1944. S. 269.
 - 24 Ibid.
 - 25 КГАНИ, ф. 213, оп. 1, д. 174, л. 2.
 - 26 Там же, ф. 273, оп. 1, д. 27, л. 7.

- 27 КГАНИ, ф. 213, оп. 1, д. 27, л. 7.
- 28 *Рогаткин Д.* Финская оккупация Карелии. Петрозаводск, 1991. С. 21.
- 29 Там же.
- 30 *Laine A.* Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa, 1941—1944. S. 278—283.
- 31 *Сенпяля Х.* Финляндия как оккупант в 1941—1944 годах. С. III.
- 32 *Laine A.* Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa, 1941—1944. S. 278—283.
- 33 *Сенпяля Х.* Финляндия как оккупант в 1941—1944 годах. С. III.
- 34 *Laine A.* Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa, 1941—1944. S. 278—283.
- 35 КГАНИ, ф. 213, оп. 1, д. 176, л. 119.
- 36 *Laine A.* Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa, 1941—1944. S. 272.
- 37 Ibid. S. 234.
- 38 КГАНИ, ф. 2730, оп. 1, д. 117, л. 6.
- 39 *Laine A.* Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa, 1941—1944. S. 274.
- 40 Ibid. S. 274.
- 41 Устная история в Карелии: Сб. науч. ст. и источников. Вып. 3: Финская оккупация Карелии (1941—1944) / Науч. ред. А. В. Голубев, А. Ю. Осипов. Петрозаводск, 2007. С. 94.
- 42 Там же. С. 101.
- 43 Там же. С. 113.
- 44 *Вавулинская Л. И.* Начало восстановления народного хозяйства в освобожденных от оккупации районах Карелии // Подвигу жить в веках: Материалы военно-ист. конф., посв. 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Петрозаводск, 2005. С. 99.
- 45 КГАНИ, ф. 213, оп. 1, д. 176, л. 117.
- 46 Там же, ф. 2730, оп. 1, д. 103, л. 7.
- 47 *Seppälä H.* Suomi miehittäjänä, 1941—1944. Helsinki, 1989. S. 58.
- 48 *Сенпяля Х.* Финляндия как оккупант в 1941—1944 годах. С. 110—111.
- 49 *Laine A.* Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa, 1941—1944. S. 235.
- 50 Ibid. S. 274.
- 51 Ibid. S. 277.
- 52 *Сенпяля Х.* Финляндия как оккупант в 1941—1944 годах. С. III.
- 53 Там же.
- 54 Там же. С. 167.
- 55 КГАНИ, ф. 2730, оп. 1, д. 6, л. 11.
- 56 *Hyttiä O. Helmi Suomen maakuntien joukossa. Suomalainen Itä-Karjala, 1941—1944.* Helsinki, 2008. S. 236—237.
- 57 Ibid.
- 58 Ibid. S. 237.
- 59 *Куломаа Ю.* Финская оккупация Петрозаводска, 1941—1944. С. 163—164.
- 60 *Hyttiä O. Helmi Suomen maakuntien joukossa...* S. 238—239.

- 61 Ibid. S. 240.
- 62 Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941—1944. С. 164.
- 63 Laine A. Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa, 1941—1944. S. 226.
- 64 Huuttiä O. Helmi Suomen maakuntien joukossa... S. 240.
- 65 Ibid. S. 242.
- 66 Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941—1944. С. 164—165.
- 67 Huuttiä O. Helmi Suomen maakuntien joukossa... S. 243.
- 68 Ibid. S. 243.
- 69 Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941—1944. С. 114.
- 70 Там же. С. 114—115.
- 71 Там же. С. 166.
- 72 Там же.
- 73 КГАНИ, ф. 2730, оп. 1, д. 105, л. 31.
- 74 Северное слово. 1943. 30 янв. С. 2.
- 75 КГАНИ, ф. 2730, оп. 1, д. 198, л. 12.
- 76 Там же, д. 214, л. 4.

4.3. Финские концентрационные (переселенческие) лагеря и места принудительного содержания на оккупированной территории Карелии в военный период

В 1941—1944 гг. финские войска оккупировали две трети территории Советской (Восточной) Карелии, на которой осталось, как уже отмечалось ранее, около 86 тыс. местных жителей, считая и перемещенных из Ленинградской области.

Оккупационная политика финских властей предполагала различные подходы к местным жителям в зависимости от их происхождения. Родственные финнам в этническом отношении карелы, вепсы, представители других финно-угорских народов должны были остаться на своей территории и стать будущими гражданами Великой Финляндии. Этнически не родственные финнам местные жители, в основном русские, рассматривались как иммигранты, ненационалы или инонационалы (эти термины использовались в документах финских властей), которые должны были покинуть Карелию навсегда.

Такое разделение местного населения на коренное, национальное, и некоренное, ненациональное, имело практическое значение при определении места жительства, распределении продовольствия и зарплаты. Оно также означало, что простые русские люди, живущие в деревнях, не могли смешиваться с при-

вилегированными карелами, вепсами, ингерманландцами и другими финно-угорскими народами.

Для изоляции инационалов по приказу главнокомандующего финской армией маршала Маннергейма от 8 июля 1941 г. на оккупированной территории русское население следовало отправлять в концентрационные лагеря¹. Подобным образом оккупационная администрация намеревалась осуществлять контроль над «некоренным» населением Восточной Карелии.

В связи с данным приказом Н. И. Барышников в книге «Пять мифов в военной истории Финляндии, 1940—1944 гг.» отмечает: «Наличие такого приказа Маннергейма все время тщательно скрывалось в официальной финской историографии, хотя указанный документ существует и хранится в Военном архиве Финляндии. Это секретный приказ № 132, подписанный главнокомандующим 8 июля 1941 г., за день до перехода в наступление финских войск — карельской армии в направлении севернее Ладожского озера. В пункте четыре приказа говорилось: “Русское население задерживать и отправлять в концлагеря”»².

Военное управление Восточной Карелии, исходя из утвержденных основ национальной политики на оккупированной территории, в своем распоряжении от 21 июля 1941 г. предполагало собрать все русское население в определенных местах и затем выселить за пределы Карелии в другие районы Советского Союза, которые должна была захватить Германия. С этой целью для русского населения стали создаваться концентрационные лагеря.

Статистика, составленная бюро по народонаселению, свидетельствует, что уже к концу 1941 г. в концлагерях было около 20 тыс. человек, в подавляющем большинстве русских. Наибольшее их количество пришлось на начало апреля 1942 г. — около 24 тыс. человек, или около 27 % всего населения, находившегося в зоне оккупации. Это довольно высокий процент с точки зрения международного права. К концу 1942 г. численность населения в концлагерях заметно уменьшилась, как из-за большой смертности в лагерях, так и из-за того, что часть людей освободили или отправили в трудовые лагеря. После этого на протяжении всех оставшихся месяцев оккупации численность колебалась между 15 тыс. и 18 тыс. человек, составляя около 20 % всего попавшего в оккупацию населения³.

Для русского населения Олонецкого округа, а также жителей Вологодской и Ленинградской областей, переселенных на оккупированную территорию Советской Карелии в начальный период войны, были созданы концентрационные лагеря в деревнях Видлица, Ильинское, Кавгозеро, Погранкондуши, Паалу и Усланка, а также шесть концлагерей в г. Петрозаводске⁴. Всего же в период финской оккупации Карелии было создано 14 концлагерей для гражданского населения (См. Приложение 3).

По мнению известного финляндского историка А. Лайне, «финские концлагеря нельзя сравнивать с концлагерями в Германии. Более точное их название — “лагеря для перемещенных лиц”»⁵. Этой же точки зрения придерживается большинство финляндских исследователей. Одновременно А. Лайне считает, что в широком смысле слова финские лагеря можно охарактеризовать как лагеря для интернированного русского населения, где содержались «ненационалы» до их предстоящего выселения из Восточной Карелии⁶. Однако термин «лагеря для интернированных» так и не вошел в научный оборот.

Крупнейшим центром сосредоточения концентрационных лагерей стал Петрозаводск. Через две недели после захвата города штаб 7-го армейского корпуса финской армии издал приказ о создании в городе концентрационного лагеря на 10 тыс. человек. Поначалу лагерь, поделенный затем на четыре лагеря, располагался на южной окраине города: на Кукковке — лагерь № 1, на Северной точке — лагерь № 2, в районе лыжной фабрики — лагерь № 3 и на Голиковке — лагерь № 4. Поскольку «мест» оказалось недостаточно, в ноябре организовали еще два лагеря в северо-западной части города: в «Красной деревне» — лагерь № 5 и на Перевалочной бирже — лагерь № 6⁷ (см. карту № 6).

Финляндский исследователь Ю. Куломаа, объясняя причины того, почему Петрозаводск стал центром финских лагерей, пишет: «Выбор Петрозаводска в качестве места изоляции населения объяснялся несколькими факторами практического свойства. Город находился достаточно далеко от линии фронта, и здесь было проще организовать размещение людей и их охрану. Снабженческие перевозки можно было осуществить по железной дороге, «ведь здесь они (заключенные концлагерей. — С. В.) готовы к отправке за границу (т. е. за пределы границы Великой Финляндии, в Россию, на территорию к югу от реки Свирь. — С. В.), когда ситуация достигнет такой стадии, что от них можно будет избавиться», как отмечал в ноябре 1941 г. начальник отдела по делам населения штаба ВУВК. Кроме того, русское население представляло собой практическую ценность в качестве рабочей силы, что, как свидетельствуют формулировки приказов об организации лагерей, также принималось в расчет с самого начала⁸.

Из секретного отчета финского Военного управления Восточной Карелии (ВУВК) о состоянии дел за декабрь 1941 г. следует, что «на территории Олонецкого округа было создано 7 концлагерей, из них: 3 находились в ведении армейских корпусов, 4 подчинялись окружному управлению». Всего же на территории Восточной Карелии для гражданского населения было создано 14 концлагерей, в которых содержались русские женщины, старики и дети. По мнению карельского историка К. А. Морозова, исключительно жестокий режим был установлен в так называемых лагерях спецназначения в Кутижме, Киндасове, Вилге, Видлице, Колвасозере, Святнаволоке, Лососинном. За колючей проволокой оказалась примерно треть населения оккупированной части Карелии⁹.

Ю. Куломаа в работе «Финская оккупация Петрозаводска, 1941—1944» отмечает, что представителей «национального» населения изолировали в концентрационных и переселенческих лагерях в очень небольших количествах в сравнении с «ненационалами», так, например, в апреле 1942 г. русские составляли 96 % всех изолированных. «Националов» насчитывалось в общей сложности лишь 621 человек, большинство из них были карелами, признанными в результате проверок обрусевшими в языковом отношении. Впоследствии они были освобождены¹⁰.

Только спустя полгода после организации концлагерей в мае 1942 г. Военное управление Восточной Карелии утвердило регламент о концентрационных лагерях, в котором говорилось: «1. В концлагерях содержатся: а) лица, относящиеся к ненациональному населению, проживающие в тех районах, где их пребывание во время военных действий нежелательно; б) политически неблагонадежные лица, относящиеся к национальному и ненациональному населению; в) в особых случаях и другие лица, пребывание которых на свободе нежелательно. Лица, названные в пунктах а) и б), должны содержаться в разных лагерях

или в отдельно находящихся отделениях одного лагеря...»¹¹. Контакты заключенных с гражданскими лицами были запрещены. Как показали события, большинство людей попадало в лагеря по пункту а), т. е. лица, не относящиеся к родственным финнам народам.

В ноябре 1943 г., когда произошел перелом в ходе войны, по утвержденному главнокомандующим Маннергеймом представлению начальника ВУВК было изменено название тех концентрационных лагерей, в которых помещалось население районов, входивших в зону военных действий. Вместо «концентрационных» их стали называть «переселенческими», а «концентрационными» остались только лагеря в поселках Колвасозеро и Киндасово. Там содержалось неблагонадежное, с точки зрения оккупационных властей, гражданское население: в п. Колвасозеро — представители родственных финнам национальностей, а в п. Киндасово — представители других национальностей¹². Однако принципиальной разницы между этими категориями лагерей не было.

Это признают и сами финляндские исследователи. Так, Ю. Куломаа пишет: «В качестве своего рода косметического нововведения в ноябре 1943 г. стали использовать термин “переселенческий лагерь”, который, как полагали, больше соответствовал сложившимся обстоятельствам. После этого концентрационными лагерями стали называться только места изоляции политически неблагонадежных лиц. В действительности проведение этого мероприятия, очевидно, вызывалось внешнеполитическими причинами и усиливавшейся пропагандой (имеется в виду советская пропаганда. — С. В.), направленной против оккупации. Никаких реорганизаций за этим не последовало»¹³.

Территория всех лагерей густо обносилась колючей проволокой в несколько рядов. На углах выстраивались наблюдательные вышки, на которых круглые сутки стояли вооруженные финские солдаты. Кроме этого, вдоль колючей проволо-

ки ходили патрули, а у входа находился часовой, вооруженный автоматом. Охране запрещалось вести беспричинные разговоры и вступать в какие-либо отношения с лагерниками. Выход из лагеря запрещался под угрозой расстрела¹⁴.

Внутренняя организация петрозаводских лагерей строилась следующим образом. Комендантом лагеря назначались старшие домов, которые должны были следить за порядком в домах и квартирах и ежедневно докладывать коменданту о происшествиях. В 7 часов утра бригады заключенных отправлялись на работу. Рабочий день длился с 8 до 16 часов с 20—30-минутным перерывом на обед. По возвращении с работ заключенные могли привлекаться к коллективным внутрилагерным работам. После 20 часов передвижение по лагерю прекращалось. Применялись телесные наказания, особенно часто за самовольный выход за пределы лагеря¹⁵.

Условия проживания заключенных в петрозаводских концлагерях были исключительно тяжелыми. Финляндский исследователь Ю. Куломаа так описывает эту ситуацию: «Концлагеря были размещены в рабочих кварталах на окраинах города, где находились крупные (бревенчатые) строения... В лучших из них были квартиры из одной комнаты и кухни, худшие представляли из себя низкие бараки, где по обе стороны темного центрального коридора находились убогие комнаты с плитой... Согласно декабрьскому рапорту (1941 г.) все строения, по крайней мере в лагере № 5, требовали ремонта... В двадцатиметровой комнате часто размещались трое взрослых и четверо детей, что означало менее трех квадратных метров на человека»¹⁶. Согласно советским источникам, на одного человека приходился один квадратный метр жилплощади¹⁷.

Показания заключенных, находившихся в концлагерях, также свидетельствуют о тяжелых условиях проживания. Людей насильно загоняли в бараки по несколько семей в одну комнату. При этом заставляли отдавать личные вещи, снимали одеяла, часы, чемоданы, продукты питания¹⁸. У сгоняемых в лагерь людей отбирали имущество, скот и отдавали их «освобожденным братьям по крови». Бараки обносились двумя рядами колючей проволоки, выставлялась охрана. На воротах лагерей висели угрожающие напоминания о том, что вход и выход из лагерей запрещен под угрозой расстрела. Население содержалось в антисанитарных условиях. Люди спали на полу без всякой подстилки. Медицинская помощь не оказывалась¹⁹.

В воспоминаниях Е. В. Лахиной, содержавшейся в концлагере № 5 г. Петрозаводска, говорится о тяжелых жилищно-бытовых условиях заключенных этого лагеря: «В помещениях в 15—20 кв. м проживало от 6 до 7 семей. Бани и прачечной в лагере не было... Мыла совершенно не выдавали. Среди заключенных наблюдалась массовая вшивость. Нечеловеческие условия жизни в лагере повлекли за собой развитие эпидемий — цинги, дизентерии, сыпного тифа»²⁰. В воспоминаниях Булдаковой, находившейся в концлагере в п. Ильинский, отмечается: «Лагерь располагался на территории лесозавода, был обнесен двумя рядами колючей проволоки и охранялся часовыми. Разместили нас в бараках. В каждой комнате стоял стол, сколоченный из досок, возле него две скамейки, в углу у дверей плита, у стены — голые нары. Финны проверяли наличие людей в бараках и ночью»²¹.

Финское руководство с самого начала войны вынашивало планы экономического использования ненационального населения. На оккупированной финнами территории Советской Карелии была введена всеобщая трудовая обязан-

ность для лиц от 15 до 60 лет*. Труд заключенных применялся как внутри лагерей, так и за их пределами, в том числе на отдаленных участках и на сельскохозяйственных работах. Первоначально регламентации труда заключенных не существовало и все семь дней в неделю были рабочими. Оплата труда в 1941—1942 гг. не предусматривалась²². Позднее стали платить от 3 до 7 финских марок в день, затем еще больше — до 20 марок²³.

В рассказе ленинградца К. И. Богданова, 1915 г. р., бывшего узника концлагеря № 2 г. Петрозаводска, подчеркивается: «Рабочий день в лагере длился с 6 часов утра до 8 часов вечера. Причем вечерняя работа, производившаяся в зоне лагеря, носила чисто издевательский характер. Людей заставляли производить совершенно бессмысленную работу: перетаскивать с места на место тяжелые камни, переносить с места на место изгородь и т. п. Бесцельность этой работы была настолько очевидна, что люди шли на ее выполнение с ужасом»²⁴.

Еженедельный выходной день был введен в лагерях с конца марта 1942 г. С мая 1942 г. рабочий день заключенных ограничивался 8 часами. К концу оккупации к труду привлекалось от 1/4 до 1/3 общего количества заключенных²⁵. Эффективность труда заключенных была низкой, что обуславливалось голодом и болезнями людей. Широко применялись наказания — избиения заключенных за невыполнение норм выработки, за неправильную укладку дров в поленницы, недостаточную почтительность к чинам охраны. В руки Чрезвычайной государственной комиссии попало письмо бывшего студента Хельсинкского университета рядового 7-го пограничного егерского батальона Салминена, который писал следующее: «Вчера расстреляли двух русских, отказывавшихся при-

* Следует отметить, что такая же всеобщая трудовая обязанность для лиц от 15 до 60 лет была введена и на территории Финляндии.

ветствовать нас. Уж мы покажем этим русским!»²⁶. Одной из мер наказания являлось также лишение пайка на двое-трое суток и заключение в карцер.

Финские охранники не щадили и детей. За малейшие проступки их избивали резиновыми плетками, и это явление носило массовый характер. В каждом лагере была должность палача, в обязанности которого входило наказание заключенных по приказу коменданта. Были случаи избиения и даже расстрела детей, выходивших из зоны лагеря, чтобы выпросить кусочек хлеба²⁷. Леонид Новиков (концлагерь № 5 г. Петрозаводска) вспоминает: «Ребята моего возраста стали проникать за проволоку, чтобы раздобыть что-нибудь из еды. Опасно это было. Надзиратели за это били резиновыми плетками, а часовые стреляли без предупреждения. Меня однажды ранили в ногу, когда я пролезал под проволоку. Рана долго не заживала»²⁸. И. Анисковичу было двадцать лет, когда его в сентябре 1941 г. заключили в один из лагерей в п. Ильинский вместе с отцом-инвалидом и шестью сестрами. В своих воспоминаниях он пишет: «Если ты только подходил близко к изгороди, тебе стреляли в ноги. Если кто-то пытался убежать, в него стреляли. Раз один из мальчиков попытался. Его расстреляли и оставили висеть вниз головой на изгороди для устрашения других. Однажды, когда пятеро юношей пытались убежать, финны вырезали ножами на их спинах звезды. Только один из них остался в живых»²⁹.

В лагерях устраивали «показательные» порки. Л. М. Яманина (Фомина) вспоминает: «Однажды нас всех согнали к воротам штаба, чтобы мы смотрели, как бу-

дут наказывать нашу маму. Она ушла за проволоку, чтобы достать для нас, голодных, какой-нибудь еды. Она лежала на телеге, а рядом стояли дети, на глазах у которых ей устроили порку резиновой плеткой»³⁰. В рассказе А. Ярицына отмечается: «...из дома, что сейчас стоит на ул. Олонецкой в Петрозаводске, время от времени доносились страшные крики. Там истязали и пытали людей. Туда доставляли виновных в нарушении лагерного режима или тех, кого охранникам хотелось считать таковыми. Такому избиению мог подвергнуться каждый, ибо никто не мог предвидеть, к чему придерется надзиратель. В доме через дорогу жил начальник лагеря. Он любил музыку. Когда крики истязаемых уж очень досаждали ему, он включал радиоприемник и сразу уносился мыслями в аккуратный особнячок в родной Суоми»³¹.

Насмешкой над людьми были «упражнения» финских «цирюльников». Л. Трошева (Олыпова) из концлагеря № 5 пишет: «...нас, детей, стригли своеобразно: машинкой прогоняли полосу от лба до затылка, а остальную часть оставляли». Она вспоминает и о медицинских манипуляциях по сбору крови у заключенных, в том числе и у детей: «Помню комнату, где на столе было много стеклянных сосудов с кровью. До сих пор перед глазами стоит человек в белом халате, который вонзил мне в грудь, чуть ниже ключицы, иглу. И так повторялось несколько раз. Эти процедуры у меня каждый раз заканчивались потерей сознания. Я и теперь не могу без содрогания видеть медицинские шприцы»³².

На оккупированной финнами территории Советской Карелии существовала также дискриминация ненационального населения в продовольственном обеспечении и в оплате труда. Особенно тяжелым было положение с продовольственным обеспечением весной — летом 1942 г., когда запасы урожая 1941 г. практически закончились. В апреле 1942 г., например, всем группам населения хлеба выдавалось по 165 г в день³³. В 1942—1943 гг. в день на человека выдавалось 300 г хлеба из муки с древесной примесью и 50 г гнилой колбасы на 3 дня³⁴. Для заключенных концлагерей определялось два вида продовольственных норм: А — для неработающих и В — для работающих. Установленные нормы продовольственных пайков являлись теоретическими, поскольку не имелось возможности обеспечивать их соответствующим количеством продуктов. С сентября 1943 г. заключенные получали по 200—300 г хлеба, состоящего на 50 % из несъедобных примесей, иногда давали по 50 г порченной колбасы или кусочек заплесневелого сыра на 3 дня, изредка 50 г конины. В поисках пищи люди весной из-под снега извлекали убитых зимой и осенью кошек и собак и ели их мясо с червями, охотились за крысами, лягушками, били из рогаток ворон. Некоторым удавалось воровать из ясель финских лошадей картофельную шелуху, но за это жестоко избивали³⁵.

Во всех без исключения воспоминаниях бывших узников финских концлагерей говорится о том, что они вели голодное существование. Голод гнал людей за ключую проволоку, их не могли удержать ни наказание, ни страх смерти. Обычно за пределы лагеря посылали детей, потому что им легче было проскочить мимо охраны. Иногда солдаты, жалея детей, выделяли им из своего пайка хлеба или каши. Малолетняя узница петрозаводского концлагеря В. А. Семко вспоминает: «Весной 1942 г. весь лагерь переболел цингой, а дети — корью. Свиристывала дизентерия... Ежедневно умирало 10—15 человек. Кормили очень плохо. Выдавали немного хлеба с какой-то примесью и граммов 50 гнилой колбасы на 3 дня. Есть постоянно хотелось...»³⁶.

О том, что мирные жители, заключенные в период оккупации в концлагеря, голодали, свидетельствуют показания и самих финнов. Пленный финский солдат 13-й роты 20-й пехотной бригады Тойво Арвид Лайне рассказывал: «В первых числах июня 1944 г. я был в Петрозаводске. На станции Петрозаводск я видел лагерь для советских детей. В лагере помещались дети от 5 до 15 лет. На детей было жутко смотреть. Это были маленькие живые скелеты, одетые в невообразимое тряпье. Дети были так измучены, что даже разучились плакать и на все смотрели безразличными глазами»³⁷. И все это происходило в 1944 г., тогда как официальные финские источники заявляли об улучшении продовольственной ситуации с ноября 1943 г.

Несколько иную картину обеспечения лагерников Петрозаводска продовольствием представляет Ю. Куломаа в книге «Финская оккупация Петрозаводска, 1941—1944»: «Общее улучшение продовольственной ситуации осенью 1942 г. отразилось также на положении в лагерях. В начале октября был отменен наименее калорийный А-паек. По всей видимости, на это решение повлияли помимо гуманитарных соображений причины самого практического свойства, например необходимость повышения низкой производительности труда. В дальнейшем помимо повышения норм, по-видимому, и распределение стало осуществляться более эффективно. С целью получения дополнительного продовольствия весной 1942 г. в лагерях стали устраиваться огороды, и к 1944 г. эта деятельность получила весьма широкое развитие. Кроме прочего, обрабатывались 40 га пашенных земель совхоза № 4, были разработаны целинные земли на территории лагерей и в прилегающих к ним местностях, а в лагерях № 2 и 5 занимались животноводством. Весной 1943 г. на территории двух лагерей были открыты две продовольственные точки акционерного общества «Вако», в которых продавались промышленные товары и такие ненормируемые продукты питания, как рыба и квашеная капуста»³⁸.

Во многих воспоминаниях узников финских концлагерей отмечается, что медицинская помощь заключенным практически не оказывалась, лекарств было мало. А. А. Ильин, переведенный в марте 1942 г. в лагерь № 1 заведующим больницей, рассказывал, что из всех постельных принадлежностей в лагерьной больнице были лишь бумажные матрацы, бумажные подушки и рваные грязные одеяла, которые больные приносили с собой. Наволочки и простыни отсутствовали. Питание больных поначалу не отличалось от питания других заключенных, но со временем для них стали выделять немного молока. Лишь после приезда комиссии (имеется в виду комиссия Красного Креста. — С. В.) с проверкой положение с лекарствами и питание больных несколько улучшилось. Появились финские врачи, говорящие по-русски, хотя отношение к русскому медперсоналу оставляло желать лучшего³⁹.

Об этой проблеме более подробно пишет Ю. Куломаа в своем исследовании: «Судя по показаниям людей, занимавших руководящие должности в лагере № 1, ситуация с медицинским обслуживанием поначалу была очень тяжелой. Главный врач Восточной Карелии Вале в апреле 1942 г. также оценивал ситуацию как неудовлетворительную, поскольку в лагерях отсутствовало даже самое простое оборудование... Уже зимой 1941—1942 гг. во всех лагерях были открыты поликлиники и дополнительные больницы. Импульсом для дальнейшего развития медицинского обслуживания в концлагерях стали случаи сыпного тифа, выявленные в лагерях военнопленных, расположенных в Южной Карелии. Рас-

пространение этой опасной болезни среди гражданского населения и большого по численности гарнизона Яанислинны могло привести к серьезным последствиям. По этой причине лагеря попали под более пристальный контроль финских специалистов, и в апреле 1942 г. врача Олонецкого округа с двумя другими военными врачами назначили ответственными за состояние здравоохранения в них. Кроме того, врачу примыкавших к городу территорий, должность которого учредили в июне 1942 г., вменили в обязанность вникать в вопросы ухода за больными и общей гигиены лагерей»⁴⁰.

Весной 1942 г. в 3 лагерных больницах насчитывалось в общей сложности 85 больничных коек, обслуживали их русские — 5 врачей, 4 фельдшера, 11 медсестер, 7 акушерок и 12 человек младшего медицинского персонала. В июле 1942 г. в лагерях имелось 7 больниц, из которых 3 — для инфекционных больных, с общим количеством коек — 162. Первый финский лагерный врач прибыл в Яанислинну в январе 1943 г., когда, несмотря на профилактические меры, началась эпидемия сыпного тифа. В помощь ему были командированы также финские медсестры, а весной в качестве сменщика в лагеря направили еще одного врача. В 1943 г. в лагерях насчитывалось 195 больничных мест; в лагерных больницах за год прошло лечение 2 500 человек, а число побывавших на приеме у фельдшеров превысило 33 тыс. На заключительном этапе оккупации в каждом лагере помимо поликлиники имела своя больница. При центральной лагерной больнице, находившейся в концлагере на Перевалке, функционировало отдельное венерическое отделение, где можно было получить и стоматологическую помощь»⁴¹.

Как отмечает Ю. Куломаа, весной 1942 г. стали проводиться массовые прививки населения. Не считая детей младшего возраста, от брюшного тифа стремились привить всех — как свободное население, так и заключенных концлагерей. Кроме того, части жителей были сделаны прививки от оспы, а медицинскому

персоналу и прививки от сыпного тифа. Затем детям стали делать прививки от дифтерии и туберкулеза. Прививочные мероприятия продолжались и в 1944 г.⁴²

Однако все эти мероприятия слабо отражались на положении заключенных, так как нехватка продовольствия резко ухудшала их состояние. В результате голода и массовых эпидемических заболеваний во всех концлагерях была исключительно высокая смертность: по воспоминаниям бывших узников финских концлагерей, ежедневно умирали десятки людей, трупы которых свозились на кладбище 2—3 раза в неделю. Вот что рассказали об этом очевидцы. А. П. Коломенский, находившийся в петрозаводском концлагере № 5 с 1 декабря 1941 г. по 28 июня 1944 г., в обязанность которого входило вывозить из лагеря трупы, сообщил: «Работая возчиком, я вывозил из лагеря умерших на кладбище “Пески”, расположенное в 5 км от г. Петрозаводска. По моим записям, в мае 1942 г. умерло 170 человек, в июне — 171, в июле — 104, в августе — 152. Всего с мая по 31 декабря 1942 г. умерло в нашем лагере 1 014 человек...»⁴³. Как отмечает историк М. И. Семиряга, уровень естественной смертности в финских концлагерях в 1942 г. был даже выше, чем в немецко-фашистских (13,75 % против 10 %) ⁴⁴. Смертность свободного населения Карелии в 1942 г. составила 2,6 %, жителей в Финляндии — 1,31 %. К концу оккупации положение удалось стабилизировать. Уровень смертности в 1944 г. составил 1,38 % ⁴⁵.

До сих пор нет точных данных о том, сколько советских людей погибло в финских концлагерях для гражданского населения. Финский историк А. Лайне отмечает, что «за летние месяцы 1942 г. около 4 500 человек из 22 000 умерло от недоедания и болезней. Осенью ситуация стабилизировалась и уже не ухудшалась» ⁴⁶. По данным финляндского исследователя Г. Розена, в петрозаводских лагерях в 1942 г. умерло 3 017 человек, что составило около 15 %, а во всех лагерях до конца 1942 г. умерло 3 516 человек, в основном это были старики и дети ⁴⁷. Ю. Куломаа приводит свои цифры умерших в петрозаводских концлагерях в 1941—1944 гг. в книге «Финская оккупация Петрозаводска, 1941—1944»: «Согласно докладу, составленному после войны по поручению Союзной контрольной комиссии, в лагерях г. Яанислинна (Петрозаводск. — С. В.) умерли 4 003 человека, из которых 3 467 человек — в 1942 г. В 1943 г. смертность в лагерях составила 442—458 человек и в период с января по июнь 1944 г. — в общей сложности 73 человека» ⁴⁸.

Финский исследователь Х. Сеппяля пишет: «На самом деле мы не знаем, сколько советских людей умерло в наших концлагерях, не знаем, сколько находящихся на свободе людей умерло во время войны, и не знаем, сколько карел и вепсов, увезенных в Финляндию, осталось там по окончании войны. Надо признать, что списки умерших штабом Военного управления составлены крайне небрежно. На основании их можно сделать лишь очень приблизительные выводы, если это вообще возможно» ⁴⁹.

В материалах Чрезвычайной комиссии называется цифра свыше 7 тыс. погибших за годы оккупации лишь в петрозаводских концлагерях ⁵⁰.

Этой проблемой занимался карельский историк К. А. Морозов. По его данным, в результате тяжелого принудительного труда, плохого питания, голода, эпидемий, в результате расстрелов погибло свыше 14 тыс. советских людей, или 1/5 оставшихся на оккупированной территории. Но в эту цифру входят не только погибшие и умершие в лагерях, но и на всей захваченной территории Восточной Карелии ⁵¹.

Существовала дискриминация населения, попавшего под финскую оккупацию, и в оплате труда. В начальный период войны оплата труда заключенных вообще не предусматривалась. В декабре 1941 г. штаб ВУВК все же принял решение об оплате труда заключенных, с тем чтобы поднять его эффективность. Находящиеся в лагерях стали получать 30 % зарплаты коренного национального населения, но не более 9 финских марок в день для мужчин и 7 марок для женщин. Свободное население получало за работу 20—30 марок в день. Заключенным были недоступны необходимые продукты питания как в торговой сети, так и на черном рынке. Устранение дискриминации некоренного населения в оплате труда произошло лишь во второй половине 1943 г. В декабре 1943 г. зарплата заключенных повысилась, ее размер определялся на основе выполнения норм. Из суммы, начисленной за выполненную норму, 70 % высчитывалось на оплату расходов на содержание⁵².

Основное внимание в экономической деятельности оккупационной администрации на оккупированной территории Советской Карелии уделялось сельскому хозяйству, лесному делу и транспорту — отраслям, организация которых в условиях войны была наиболее необходимой. Труд заключенных использовался прежде всего именно в этих отраслях.

Заключенных петрозаводских концлагерей использовали на разных предприятиях города: на Онегзаводе, хлебозаводе, восстановлении электростанции, многие из них трудились на очистке улиц и разборке старых деревянных домов. Часть заключенных отправляли на лесоразработки в близлежащие районы⁵³.

В. П. Пессонен (Блинова) вспоминает: «Меня, 15-летнюю девочку, в конце октября 1941 г. направили на дорожные ремонтные работы. Концлагерь в Медвежьегорском районе размещался в 8 км от деревни Малая Медвежья. Лагерь был обнесен колючей проволокой, и на 4 вышках дежурили охранники с автоматами. В лагере нас было человек 300 или даже больше. Все молодые — девочки и женщины. Нас заставляли работать на самых тяжелых операциях в лесу и на дорожном строительстве. Мы валили деревья, корчевали пни, стелили лежневку через болота, возили песок на дорогу. Колонну сопровождали охранники с автоматами. Спали на барачных нарах. Места были пронумерованы с обозначением наших фамилий. Стелили под себя на ночь ту одежду, которая была на нас. Кормили плохо: суп варили из гороха или бобов с ветками, а кашу — из зерна, едва раздробленного пополам. После возвращения с работы выдавали пайковые галеты. Но паек был такой скудный, что даже не замечали, как его проглатывали»⁵⁴.

Т. В. Попова (концлагерь № 2 г. Петрозаводска), знавшая финский язык и поэтому определенная в штаб писарем, пишет: «Люди ходили отечные, умирали. Сопровождать покойника родственникам запрещалось. Высокий процент смертности являлся результатом не только полуголодного существования, но и непосильной работы. Финны заставляли работать всех — детей от 7 лет и старше, беременных женщин, глубоких стариков, больных. Комендант концлагеря № 2 лейтенант Салаваара не гнушался лично избивать маленьких детей»⁵⁵.

Финские власти в период оккупации Карелии первоначально не уделяли большого внимания просветительской работе среди ненационального населения. Хотя, как отмечает А. Лайне, в марте 1942 г. штаб Олонецкого округа вышел с предложением о развитии просветительской работы среди ненационального населения. С учетом продолжавшейся войны необходимо было контролировать

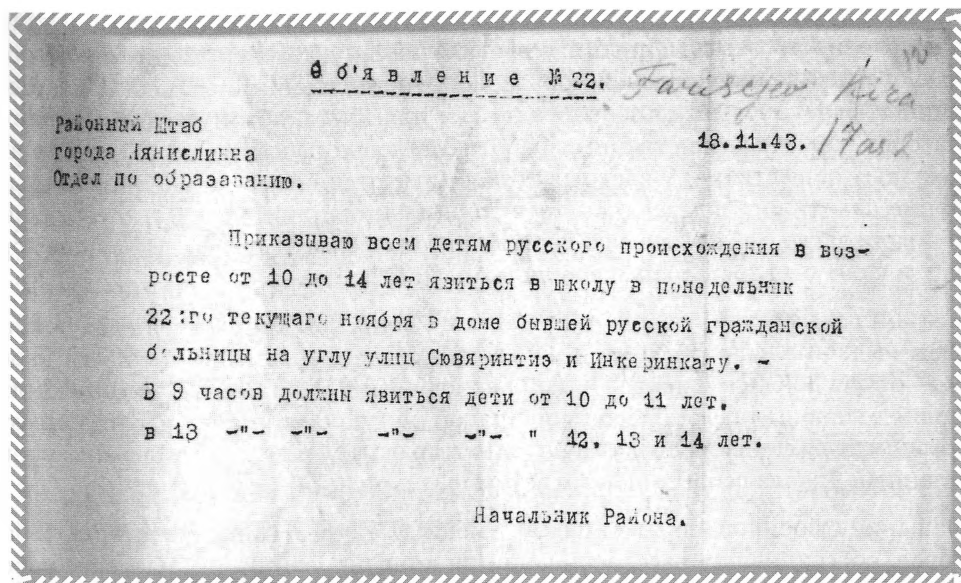
настроения в этой среде и добиваться освобождения (корректировки) их от «созданного большевиками мировоззрения». Однако проблема была в отсутствии материалов на русском языке и лиц, владеющих русским языком. Тогда к предложению отнеслись отрицательно. В октябре 1943 г. с аналогичным предложением вышел офицер по просветительской работе в Прионежье Л. Хюппянен, однако это предложение вновь не было принято, что говорит об общем отношении к ненациональному населению. В самом конце 1943 г. в просветительский отдел штаба ВУВК был принят на работу человек, владеющий русским языком, в обязанности которого, кроме контроля за учебным процессом на русском языке, входила также организация «развлечений населения». Однако эта работа проводилась слабо и к ней приступили поздно⁵⁶.

В период войны финны выпускали газету «Северное слово» на русском языке с особым приложением для Восточной Карелии, придавая большое значение антисоветской и антикоммунистической пропаганде. Газеты распространялись бесплатно. Доставлялись они и в концлагеря. Печатавшиеся в газетах материалы были направлены на дезинформацию жителей о положении дел на фронте, на то, чтобы ослабить их надежду на возврат Советской власти.

Велись соответствующие передачи и по радио. Практиковавшиеся первоначально немногочисленные программы на русском языке прекратились в апреле 1942 г. Позже трансляция передач велась только на финском языке. Иногда делали выпуски для карел и вепсов на их родных языках. С просветительской и агитационной целью устраивались собрания, митинги, праздники. Но все это предназначалось прежде всего для коренного населения — будущих граждан Великой Финляндии.

Первоначально финские власти не планировали открытие школ для русских детей на оккупированной территории Восточной Карелии. Только в декабре 1943 г. начались занятия для детей русского свободного населения, а также было организовано 7 народных школ в лагерях. Охват детей учебой был разным: дети русского населения, находившиеся на свободе, обучались с 7 до 15 лет, в лагерях — с 10 до 14 лет. Школы работали всего 6 месяцев. Обучением было охвачено около 3 тыс. детей⁵⁷. Ю. Куломаа отмечает, что в этих школах преподавали учителя из местного населения и наблюдался большой дефицит учебных пособий и материалов, а цели обучения вообще не были сформулированы. По-видимому, основной целью открытия школ для ненационального населения на данном этапе было стремление показать, например приглашенным в город иностранным наблюдателям, что и в этой сфере что-то предпринимается⁵⁸.

Неотъемлемой частью работы с населением являлось его религиозное просвещение. Доминирующее положение занимала православная община. Всего же религиозные общины охватили 47 % свободного населения Восточной Карелии⁵⁹. Финляндский исследователь Х. Сеппяля указывает, что с весны 1942 г. службы проводились и в петрозаводских лагерях. На проповедях священники призывали людей «выполнять все законы финских властей и вести борьбу против Красной Армии». Были уничтожены все книги, выпущенные в советское время. В народных школах преподавали Закон Божий⁶⁰. Соглашаясь в целом с приведенными данными об уничтожении советских книг, все же уточним, что финскими властями в период оккупации были уничтожены не все советские издания. Ликвидации подлежали прежде всего те книги, которые, по мнению

военной администрации, несли «идеологическую нагрузку»: история ВКП(б), советское строительство в Восточной Карелии и др.

В культурно-просветительской работе, проводившейся ВУВК, населению отводилась пассивная роль зрителя. Проводимые мероприятия адресовались главным образом национальному населению и несли в себе обязательную идеологическую начинку, выполняя тем самым функцию пропаганды Великой Финляндии. Воздействие пропагандистской и просветительской работы на русское население, особенно на то, которое находилось в концентрационных лагерях, было очень ограниченным. Недоценка роли русского элемента Восточной Карелии стала, безусловно, крупным просчетом в пропагандистской и просветительской деятельности оккупационной администрации.

Помимо концентрационных (переселенческих) лагерей для гражданского населения, на оккупированной территории Карелии и в приграничных с ней районах Финляндии была создана сеть лагерей для советских военнопленных, в которых обращение с заключенными мало чем отличалось от обращения с гражданским населением. К концу 1941 г. таких лагерей насчитывалось уже 18⁶¹, а всего за 1941—1944 гг. было создано 35 финских лагерей и рот для советских военнопленных (см. Приложение 4, карту № 8).

Концлагеря для советских военнопленных располагались во всех оккупированных районах Карелии, многие из них имели филиалы. Так, лагерь военнопленных № 14 (Сортавала) располагал 4 филиалами (Элисенваара, Куркиеки, Лахденпохья, Хийтола), лагерь военнопленных № 16 (Маткаселькя) располагал 7 филиалами (Вяртсиля, Суоярви, Лоймола, Койриноя, Пюериття, Салми, Ууксу), лагерь военнопленных № 32 (Суомуссалми, Каяни) располагал 1 филиалом (Вуонинен) (см. Приложение № 4).

Кроме того, к настоящему моменту в архивах удалось обнаружить сведения о 27 немецких лагерях советских военнопленных, которые были созданы в оккупированных районах северной Карелии и на территории Финляндии.

Финские лагеря для военнопленных были крупнее, чем немецкие. Во многих из них численность заключенных превышала тысячу человек. Финские лагеря также огораживались колючей проволокой, военнопленные размещались в деревянных бараках и использовались на заготовке леса, обжиге угля для газогенераторов, сельскохозяйственных работах. Многие работали в различных акционерных обществах и у частных хозяев (имеются в виду те военнопленные, которые находились в лагерях на территории Финляндии. — С. В.), которые выплачивали лагерю за каждого работника от 10 до 30 марок в день. Их лучше кормили, и у них был достаточно свободный режим⁶².

О питании в финских лагерях в протоколах допросов приводятся следующие нормы выдачи хлеба: русским — от 100 до 300 г (в госпитале — 380 г), карелам — от 430 до 650 г. Определенный период военнопленные вынуждены были дополнительно питаться отбросами, травой, лягушками и т. д., изготавливать и обменивать у финских солдат на продукты разные безделушки. Бывший военнопленный Яккола вспоминал, что летом 1942 г. он весил всего 40 кг⁶³.

Обращение с военнопленными как в немецких, так и в финских лагерях было суровое, обессиливших расстреливали при конвоировании или на месте работы, за попытку к бегству полагался расстрел перед строем или удары палкой, за малейшие проступки наказывали, причем исполнение телесных наказаний чаще всего возлагалось на старшин и полицейских из числа военнопленных⁶⁴.

Следует отметить, что отличительной чертой финских лагерей для советских военнопленных было то, что отдельно размещались военнопленные родственников финнам национальностей — карелы, вепсы, ингерманландцы, которые носили на рукаве белую повязку с надписью «Heimokansalainen». Часть из них вступила в «Хеймобатальон» (родственный батальон) и воевала на стороне Финляндии.

В лагерях для военнопленных проводилась определенная пропагандистская работа. Еженедельно издавалась газета «Северное слово», печатавшаяся в оккупированном Петрозаводске. В ней под рубриками «На фронтах», «По освобожденным областям», «Показания военнопленных» и другими рассказывалось об «успехах» немецкой и финской армий, печатались выступления генерала Власова, материалы, принижающие роль Красной Армии в период войны.

С. С. Авдеев в статье «Немецкие и финские лагеря для советских военнопленных в Финляндии и на временно оккупированной территории Карелии (1941—1944 гг.)» отмечает, что летом 1943 г. в лагеря приезжала делегация генерала Власова, которая распространяла среди военнопленных декларацию «Русского освободительного комитета» с воззванием о вступлении в РОА. В этой работе ей помогало «Северное отделение РОА» во главе с капитаном финской армии Эриксоном. Некоторые пленные в поисках лучших условий жизни подавали заявления⁶⁵.

Несколько слов о капитане финской армии Эриксоне. По данным московского исследователя О. Хлобыстова, Эриксон — это псевдоним преподавателя Петрозаводской школы финской разведки Петра Петровича Соколова⁶⁶. В архивных документах УФСБ РФ по РК нами обнаружен более подробный материал об этом разведчике.

П. П. Соколов (1891—1971) имел большой опыт разведывательной работы. Он начал борьбу с советской властью еще в 1918 г., поддерживал контакты с английской разведкой. Перебрался в Хельсинки, где резидент британской разведслужбы

Ми iC, ставшей известной чуть позже как SIS, капитан Эрнст Бойс предложил ему продолжить тайную курьерскую деятельность: поддерживать связь между разведпунктом, расположенным в приморском финском городке Териоки, и резидентом-нелегалом в Петрограде Полем Дюксом (оперативный псевдоним ST-25).

В течение 1919 г. Соколов неоднократно переходил советскую границу, доставляя для Дюкса инструкции, и возвращался назад с добытыми разведчиком сведениями. По просьбе англичан в качестве проводника переправлял в Петроград и обратно нужных людей. В начале 1920-х гг. Соколов становится помощником английского резидента в Финляндии Николая Бунакова. Одновременно на него возлагается руководство нелегальным разведпунктом в Териоки (оперативный псевдоним Голкипер). Кроме того, Соколов одновременно состоял членом нескольких русских эмигрантских организаций в Финляндии⁶⁷.

Его знания и опыт в сфере разведывательно-подрывной деятельности против СССР оказались востребованными финскими спецслужбами. В 1920—1930-е гг. Петр Соколов вместе с сотрудником финской разведки капитаном Тойво Салокорпи готовил и направлял агентуру в СССР.

В 1940 г. П. Соколов — один из руководителей отдела пропаганды Главного штаба финской армии. Кроме того, он ярко проявил себя как диктор радиовещательной компании «Лахти». В эмигрантских кругах Соколов считался лучшим русскоязычным радиокомментатором в Европе и мог составить конкуренцию своему сопернику по информационно-пропагандистской войне — Юрию Левитану.

В 1941 г., не прекращая своей работы в финском Главном штабе и на радио, Соколов стал сотрудничать с Абвером. Для начала его включили в состав зондеркоманды «Ленинград», перед которой стояла задача войти в город вместе с частями немецких войск и немедленно захватить архивы областного комитета ВКП(б) и Управления НКВД, после чего обеспечить их эвакуацию и сохранность.

В 1942—1944 гг. П. Соколов работал преподавателем в финской разведшколе в Петрозаводске, активно участвовал во власовском движении, возглавлял Северное отделение «Русской освободительной армии»⁶⁸.

В 1942 г. советские органы безопасности объявили Соколова во всесоюзный розыск как особо опасного государственного преступника. Предчувствуя расправу, в сентябре 1944 г. он бежал в Швецию, жил в пригороде Стокгольма, повторно женился, по некоторым сведениям, сотрудничал со шведской военной разведкой. В 1950-е гг. работал массажистом в одном из спортивных клубов Стокгольма⁶⁹.

Наряду с пропагандистской работой в лагерях советских военнопленных активную деятельность вели сотрудники разведывательных и контрразведывательных органов Германии (отдел «I-C», разведотдел «Лапландия-38») и Финляндии (Петрозаводская и Рованиемская школы финской разведки). Архивные материалы свидетельствуют, что, несмотря на тяжелейшие условия пребывания в концлагерях, лишь небольшая часть советских военнопленных шла на сотрудничество с оккупантами.

Смертность в финских концлагерях для советских военнопленных была чрезвычайно высокая. Этот факт признают и финляндские исследователи. Так, Ю. Куломаа пишет: «В общей сложности за время оккупации в Янислинне (Петрозаводске. — С. В.) умер примерно каждый двадцатый из свободно проживавших жителей и примерно каждый пятый из находившихся в лагерях. Следует упомянуть,

что в финских лагерях для военнопленных смертность в период с 1941 по 1944 г. поднялась еще выше, составив почти треть от общего числа военнопленных»⁷⁰.

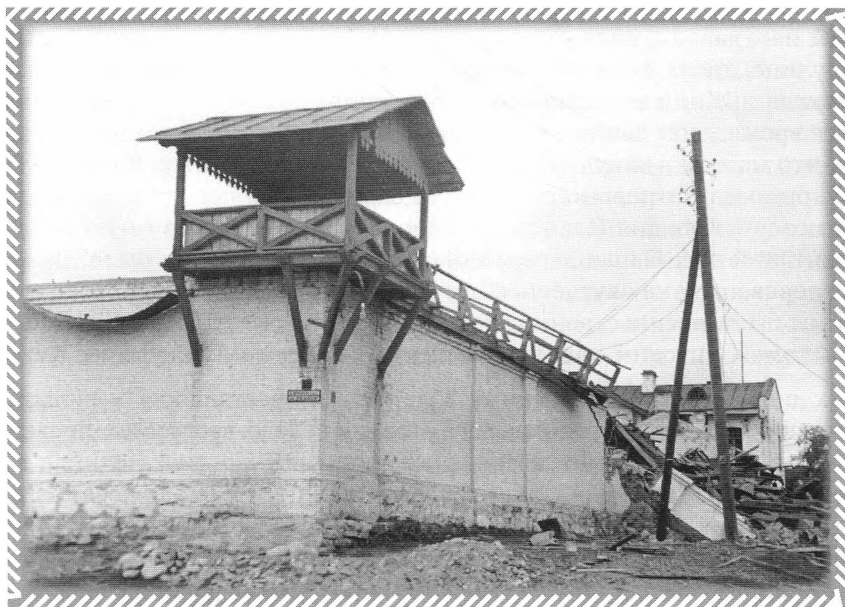
Х. Сеппяля в книге «Финляндия как оккупант в 1941—1944 годах» отмечает: «Всего финнами было взято в плен 64 188 человек, а после войны вернули лишь 42 412. По сведениям военной статистики, в лагерях для военнопленных умерло 18 318 советских людей. Писатель Эйно Пиэтола опубликовал в 1987 году заслуживающий внимания труд «Военнопленные в Финляндии, 1941—1944», в котором он на конкретных примерах показывает, как обращались с военнопленными. В своем исследовании Пиэтола говорит о 18 700 погибших военнопленных. Это число, вероятно, точнее ранее названного, поскольку основано оно на следственных документах»⁷¹.

Помимо концлагерей для гражданского населения и для советских военнопленных, на оккупированной территории Карелии было организовано 34 трудовых лагеря и аналогичных им трудовых подразделений. В трудовые лагеря (роты, команды) направляли людей добровольно или насильственно для производства определенных видов работ (дорожных, сельскохозяйственных и т. д.). Трудовые лагеря отличались от концлагерей рядом признаков: во-первых, они не имели постоянного места дислокации и в военный период переводились из одного места в другое по мере выполнения работ; во-вторых, трудовые лагеря не являлись местами постоянного пребывания населения; в-третьих, в трудовые лагеря направляли как национальное, так и ненациональное население, а также свободных жителей и заключенных концлагерей. Отсутствие постоянного места дислокации создает сложности для определения точного места постоянного нахождения трудовых лагерей. Больше всего трудовых лагерей было создано в Медвежьегорском районе — 25, в Олонецком районе — 16, Петрозаводске — 13, Кондопожском и Заонежском районах — по 11, Прионежском районе — 10. Кроме этого, финские оккупационные власти создали на оккупированной территории 9 тюрем и 1 колонию для малолетних (см. Приложение № 3, карту № 7).

Довольно часто трудовые лагеря, сформированные оккупантами, создавались на базе лагерей военнопленных. Так, трудовой лагерь № 55 берет свое начало от «Роты военнопленных лагеря № 55», переименованной 28 февраля 1942 г. в трудовой лагерь № 55. Кроме того, 7 лагерей (рот) военнопленных на оккупированной противником территории Карелии (№ 52, 66, 70, 74, 77, 78 и ребольский лагерь) были переданы в распоряжение лесного отдела штаба ВУВК. В этих лагерях работал смешанный состав: финские граждане, советские военнопленные, заключенные концлагерей и свободные граждане. Например, в лагере военнопленных № 52 (Кондопога) на 13 апреля 1942 г. работало 672 человека: 5 финнов, 462 советских гражданина (153 мужчины, 304 женщины, 5 детей) и 205 военнопленных. Поэтому уместно говорить, что указанные лагеря военнопленных (№ 52, 66, 70, 74, 77, 78 и ребольский лагерь) фактически были трудовыми.

В трудовые лагеря и аналогичные трудовые подразделения направлялись лица, как правило, трудоспособного возраста (от 15 лет и старше). Тем не менее, судя по архивным документам и воспоминаниям очевидцев, в трудовых лагерях имело место привлечение к работе детей более младшего возраста. Кроме того, в трудовые лагеря могли направляться граждане вместе с несовершеннолетними детьми, которые не привлекались к труду, однако проживали вместе с родителями.

В трудовых лагерях был также установлен жесткий административный режим: запрет покидать территорию лагеря, строгий распорядок дня, штрафы и физи-

ческие наказания за нарушение режима, постоянная охрана, как на территории лагеря, так и по месту выполнения работ. Бытовые условия и продовольственное обеспечение были плохими.

Ненациональное население на оккупированной территории Карелии в 1941—1944 гг., которое не попало в концентрационные лагеря и трудовые лагеря, оказалось в местах принудительного содержания. Под этим термином подразумеваем те территории, куда неродственные финнам народы были выселены оккупационными властями и где они отбывали трудовую повинность. Как правило, это были населенные пункты в сельской местности, которые находились вдалеке от линии фронта.

Ряд местностей компактного проживания ненационального населения, например Заонежье, финские официальные власти называли термином «особые территории»⁷². Режим содержания в трудовых лагерях, на «особых территориях» и в местах принудительного заключения мало чем отличался от пребывания советских людей в финских концлагерях: жесткий контроль со стороны финских властей, ограничения в передвижении, невыносимая уплотненность жилищ, практическое отсутствие лекарств и медикаментов, постоянное недоедание, обязательное привлечение к труду, низкие заработки, физические наказания за малейшие провинности и др.

Об этом свидетельствуют многочисленные воспоминания людей, переживших финскую оккупацию, прежде всего жителей Заонежья. Так, Антонина Александровна Кочанова, 1929 г. р., во время войны с семьей оказавшаяся в д. Патрово Заонежского района, вспоминает: «Мы как раз приехали в Патровщину, мне было двенадцать лет, сестричке было четырнадцать лет, и ее взяли в лагерь. И она уехала в лагерь в Великую Губу, строили они там дорогу. А меня с мамой посылали в лес пилить деревья с корня, там мы складировали дрова в костры, какая-то нам была норма, я даже не знаю, мама знает... Нам давали норму на

месяц. Мука была, то ли финская, то ли что, как пыльца, и не знаю даже, сколько грамм нам давали, очень как-то мало. И мы полмесяца солому ели, ели зелень на улице, дрова пилили — ели мелкие опилки, хлеб уже не пекли. Я голодала, опухла... Жили мы неважно, плохо жили. Хотя и проволоки колючей не было, все время у нас дежурили финны, в лес за ягодами не разрешали ходить, думали, что мы там в какую-то связь с партизанами вступим. Кстати, у нас партизан не было на Патровщине»⁷³. Другая заонежанка, пережившая оккупацию в д. Падмозеро, Клавдия Ивановна Осипова, 1935 г. р., вспоминает: «У нас был комендантский час. Около деревень колючей проволоки не было, потому что каждую деревеньку не окутаешь колючей проволокой. Это был не лагерь, просто туда мы были насильственно эвакуированы из своих домов. Но после четырех был комендантский час, чтобы никто из деревни никуда не выходил»⁷⁴.

С первых дней оккупации финскими властями осуществлялось насильственное переселение «свободно проживающего» гражданского населения, прежде всего «ненационального», из одних населенных пунктов в другие. Начиная с 1942 г. финские военные власти начали выпускать из концлагерей заключенных и обеспечивать их работой в различных местностях на оккупированной территории. Из петрозаводских концлагерей заключенных направляли на работу в трудовые лагеря Кондопожского, Прионежского и Пряжинского районов. Заключенных олонечских лагерей направляли на работы в Прионежский и Пряжинский районы.

Часть жителей Заонежья была направлена в лагерь Петрозаводска, часть населения с побережья Онежского озера была переселена в тыл полуострова, однако многие остались жить в своих деревнях. В период оккупации все трудоспособное население Заонежья было привлечено к работам как по месту жительства, так и в трудовые лагеря в Медвежьегорский, Кондопожский, Прионежский и Пряжинский районы.

Переселение было обусловлено следующими причинами: во-первых, лишить органы советской власти, находившиеся по другую сторону линии фронта, возможности организовать местное население на сопротивление оккупантам (так, в январе 1942 г. гражданское население восточного и южного побережья Онежского озера, а также жители Клименецкого острова и островов Липовицкого мыса были переселены в концентрационные лагеря в г. Петрозаводск; в феврале 1943 г. за связь с «противником» население четырех деревень Заонежского района (Липовицы, Пески, Сибово, Усть-Яндома) было переселено в другие населенные пункты района); во-вторых, обеспечить военные и хозяйственные объекты дешевой рабочей силой; в-третьих, обеспечить население работой, чтобы оно было способно прокормить себя.

Когда Советский Союз в начале осени 1943 г. обратил внимание мировой общественности на оккупационную политику Финляндии, сравнивая ее с захватнической политикой Германии, финны устранили национальные привилегии. Именно тогда возникла необходимость пересмотра всей оккупационной политики в Восточной Карелии. Военная ситуация в Европе радикальным образом изменилась в худшую сторону для финнов и их союзников-немцев. В это время дурная слава о немецких концентрационных лагерях заставила Финляндию заменить название «концентрационные лагеря» на «лагеря интернирования»⁷⁵. Со сменой названия условия в лагерях коренным образом не изменились.

Вместе с тем волна международного возмущения все же вызвала некоторые изменения в лучшую сторону. Бывшие малолетние узники петрозаводских

концлагерей вспоминают о появлении в конце 1943 г. представителей международной общественной организации Красного Креста. Г. Вавилина, бывшая узница одного из лагерей, в своих мемуарах пишет: «Однажды я услышала незнакомую для меня фразу: “Красный Крест приехал!” После этого события жизнь наша в лагере несколько улучшилась»⁷⁶. «Лучиком надежды для многих из нас стало появление Красного Креста», — подтверждает Л. Яшанина (Фомина)⁷⁷. Таким образом, «улучшение» положения русского населения в концлагерях с 1943 г. было связано не столько с желанием финских властей изменить национальную политику на оккупированной территории, сколько с гуманной миссией международного Красного Креста. Благодаря деятельности этой организации многим узникам петрозаводских концлагерей удалось выжить.

Проблема концентрационных (переселенческих) лагерей в Карелии в 1941—1944 гг. до сих пор является дискуссионной. Некоторые финляндские исследователи считают, что ставить знак равенства между финскими и немецкими концлагерями неверно. Конечной целью германских концлагерей являлось уничтожение людей на непосильных работах, в ходе медицинских экспериментов либо в газовых камерах. Задача финских концлагерей была принципиально иной — изоляция и последующее выселение некоренного населения (ненационалов), что не предполагало истребления заключенных⁷⁸. Данные аргументы вполне понятны исследователям, изучающим эту проблему. Однако с ними трудно согласиться тем, кто пережил два с половиной страшных года в концлагерях, кто потерял и оплакивает до сих пор безвинно погибших от унижения, голода, болезней своих родных, близких и знакомых.

По мнению бывших малолетних узников финских концлагерей, в самый сложный период войны Финляндии против СССР (1941—1942) финский режим на территории оккупированной Советской Карелии ничем не отличался по жестокости от режима немецко-фашистских захватчиков. Условия финских концлагерей были таковы, что русские люди погибали без специально поставленной задачи по их уничтожению.

В настоящее время люди с общей недетской судьбой объединены в общественную организацию «Карельский союз бывших малолетних узников фашистских концлагерей» (КСБМУ), которая осуществляет неформальную заботу о них, оказывает материальную и моральную поддержку. Одной из своих задач КСБМУ считает сохранение на долгие времена памяти о далеком огненном детстве за колючей проволокой его членов, ныне уже достигших пенсионного возраста. Острота пережитого в военные годы сохраняется в сердцах убеленных сединой людей. Сборники воспоминаний бывших малолетних узников фашистских концлагерей: «Судьба», «Плененное детство. Сборник воспоминаний бывших малолетних узников», книга В. С. Лукьянова «Трагическое Заонежье» и другие, вышедшие в Петрозаводске в последние годы, — это не тускнеющие документы военного времени. Люди, чье детство омрачено воспоминаниями о войне, имеют право на память, и сами они не подлежат забвению поколений.

Различные аспекты финского оккупационного режима в Карелии в 1941—1944 гг. продолжают интересовать российских исследователей. Н. И. Барышников в книге «Пять мифов в военной истории Финляндии, 1940—1944 гг.», ссылаясь на документы Военного архива Финляндии, пишет: «Обращает на себя внимание то, что в январе 1944 г. Маннергейм дал указание относительно уничтожения материалов, касавшихся оккупационной Карелии. Речь шла конкретно о раз-

множенном экземпляре текста “О проводимой в отношении Восточной Карелии политике”. Командный отдел ставки направил 6 января в войска следующее распоряжение: “Верховный главнокомандующий приказывает безотлагательно проконтролировать, где указанные материалы размножены в подчиненных частях, а также изъять их и сжечь”»⁷⁹.

Говоря о данной проблеме, следует отметить, что по многим параметрам финские власти установили оккупационный режим значительно более жесткий, чем тот, который установила нацистская Германия на оккупированной части СССР. Сложно найти оккупированную территорию Советского Союза, где бы противник создал такое большое количество мест принудительного содержания, как в Карелии.

29 августа 2006 г. по распоряжению Главы Республики Карелия С. Л. Катанандова была создана рабочая группа во главе с депутатом Государственной Думы РФ В. Н. Пивненко для решения вопроса по отнесению отдельных территорий Республики Карелия, оккупированных войсками противника в период Великой Отечественной войны, к местам принудительного содержания граждан, оказавшихся там по независимым от них причинам. В состав комиссии входил и автор данной монографии.

Члены комиссии проделали большую работу, изучив архивные источники из фондов карельских и финляндских архивов, опубликованные документы, воспоминания очевидцев событий тех лет, материалы судебных дел, исследования российских и финляндских ученых по данной теме. В результате комиссия сделала вывод, что, исходя из развития военной обстановки и поставленных собственных задач, финские власти на оккупированной территории Карелии создали свыше 100 различных мест принудительного содержания: концентрационных (переселенческих) лагерей для гражданского населения — 14; трудовых лагерей и аналогичных им трудовых подразделений — 34; лагерей, рот для советских военнопленных — 42. При этом они имели филиалы на всей оккупированной территории, охватывая практически все населенные пункты захваченной Карелии. Кроме того, противник создал на оккупированной территории 10 мест заключения (9 тюрем и 1 колонию для малолетних) (см. Приложение № 3, карта № 7).

Такая многочисленная сеть лагерей и мест принудительного содержания в Карелии объясняется, прежде всего, теми целями, которые были поставлены финскими властями в период войны: осуществить вывоз лесных и сельскохозяйственных богатств республики в Финляндию; обеспечить безопасность собственных войск, что выражалось в привлечении заключенных лагерей и местного населения для строительства оборонительных сооружений; обеспечить экономическую безопасность Финляндии и финской армии, для чего заключенных лагерей и местное население привлекали для строительства дорог; лишить советские органы власти базы для организации сопротивления оккупантам; обеспечить военные и хозяйственные объекты дешевой рабочей силой; обеспечить население работой, чтобы оно способно было само прокормить себя.

В целом анализ архивных и других документальных материалов позволяет утверждать, что практически все ненациональное (русское) население во время оккупации Советской (Восточной) Карелии финскими войсками в 1941–1944 гг. находилось либо в концлагерях (переселенческих) лагерях, либо в трудовых лагерях, либо в местах принудительного содержания. Эти места принудительного

содержания мало чем отличались от концлагерей: в них население было изолировано от окружающих, ограничено в передвижении, находилось под строгим контролем охраны, вынуждено было работать на оккупантов. Поэтому, на наш взгляд, не стоит разделять людей на тех, кто находился в концлагерях, и тех, кто оказался в местах принудительного содержания. Все русское население, оказавшееся на оккупированной территории, должно быть отнесено к малолетним узникам, и в настоящее время необходимо решить вопрос о предоставлении этим людям льгот, предусмотренных законодательством РФ. Тем более что таких людей осталось очень мало, и государство тем самым выполнит свой долг перед ветеранами. Данная проблема в последнее время приобрела большую социальную значимость. К сожалению, в настоящий момент люди, которые находились в местах принудительного содержания в период финской оккупации, не получают определенные законодательством РФ льготы для узников концлагерей, а те, кому эти льготы были предоставлены в конце 1990-х — начале 2000-х гг., их лишились.

Особый общественный резонанс приобрел вопрос о жителях Заонежья. Люди оказались в оккупированном Заонежье во многом из-за нерасторопности местных органов власти, проводивших эвакуацию на Восточный берег Онежского озера. Находясь в местах принудительного содержания под строгим контролем финских властей, они были ограничены в передвижении, вынуждены были отбывать трудовую повинность, установленную оккупантами. На наш взгляд, решение о предоставлении статуса бывших малолетних узников (БМУ) и льгот, предусмотренных этим статусом малолетним узникам Заонежья, так же как и других районов Карелии, в которых находилось так называемое «ненациональное население», снимет социальную напряженность в обществе и укрепит доверие граждан к государству.

- 1 Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941—1944. Петрозаводск, 2006. С. 53.
- 2 Барышников Н. И. Пять мифов в военной истории Финляндии, 1940—1944 гг. СПб., 2007. С. 78.
- 3 Лайне А. Национальный вопрос в финской оккупационной политике в Советской Карелии во время Второй мировой войны // Европейский Север: история и современность. Петрозаводск, 1990. С. 101; Он же. Гражданское население Восточной Карелии под финляндской оккупацией во Второй мировой войне // Карелия, Заполярье и Финляндия в годы Второй мировой войны. Петрозаводск, 1994. С. 43; Он же. Национальная политика финских оккупационных властей в Карелии (1941—1944 гг.) // Вопросы истории Европейского Севера (проблемы социальной экономики и политики: 60-е годы XIX—XX в.): Сб. ст. Петрозаводск, 1995. С. 100—101; Невалайнен П. Карелия после 1917 года // История карельского народа. Петрозаводск, 1988. С. 288; Сеппяля Х. Финляндия как оккупант в 1941—1944 годах // Север. 1995. № 4—5. С. 103.
- 4 Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941—1944. С. 54.
- 5 Laine A. Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa, 1941—1944. Helsinki, 1982. S. 186.
- 6 Ibid. S. 125.
- 7 Петрозаводск и петрозаводчане в годы Великой Отечественной войны / Авт.-сост. С. Г. Веригин, В. П. Судаков. Петрозаводск, 2005. С. 54.
- 8 Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941—1944. С. 55.

- 9 Морозов К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Петрозаводск, 1983. С. 127—147.
- 10 Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941—1944. С. 70.
- 11 НА РК, ф. 804, оп. 1, д. 8, л. 50.
- 12 По обе стороны Карельского фронта: Док. и материалы. Петрозаводск, 1995. С. 412—414.
- 13 Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941—1944. С. 58.
- 14 КГАНИ, ф. 8, оп. 1, д. 1169, л. 31.
- 15 Лайне А. Национальный вопрос в финской оккупационной политике... С. 59.
- 16 Куломаа Ю. Город на Онего // Набат Северо-Запада. 1991. № 19—20. С. 4—5.
- 17 КГАНИ, ф. 8, оп. 1, д. 1126, л. 27; ф. 5425, оп. 1, д. 291, л. 1.
- 18 Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории КФССР: Сб. док. и материалов. Петрозаводск, 1945. С. 300.
- 19 О злодеяниях и зверствах финско-фашистских захватчиков. М., 1944. С. 40—43.
- 20 Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии «О злодеяниях финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР». Петрозаводск, 1944. С. 8.
- 21 Судьба: Сб. воспоминаний бывших малолетних узников фашистских концлагерей. Петрозаводск, 1999. С. 35.
- 22 Рогаткин Д. В. Финская оккупация Карелии, 1941—1944: Дипл. работа. Петрозаводск, 1994. С. 17.
- 23 КГАНИ, ф. 8, оп. 1, д. 1126, л. 26.
- 24 О злодеяниях и зверствах финско-фашистских захватчиков. С. 103.
- 25 Лайне А. Национальный вопрос в финской оккупационной политике... С. 258.
- 26 Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии... С. 9.
- 27 Судьба. С. 32
- 28 Там же. С. 40.
- 29 Северный курьер. 1993. 30 дек.
- 30 Судьба. С. 39.
- 31 Там же. С. 25.
- 32 Там же. С. 59.
- 33 Лайне А. Национальный вопрос в финской оккупационной политике... С. 60.
- 34 Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР: Сб. док. и материалов. Л., 1945. С. 80—81.
- 35 Судьба. С. 17, 40.
- 36 КГАНИ, ф. 116, оп. 1, д. 277, л. 4.
- 37 Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии... С. 6.
- 38 Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941—1944. С. 110—111.
- 39 КГАНИ, ф. 1230, оп. 23, д. 39, л. 67.
- 40 Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941—1944. С. 116—117.
- 41 Там же. С. 117.
- 42 Там же.
- 43 КГАНИ, ф. 1230, оп. 23, д. 39, л. 9.
- 44 Семиряга М. И. Тюремная империя нацизма и ее крах. М., 1991. С. 122.
- 45 Лайне А. Национальный вопрос в финской оккупационной политике... С. 247.
- 46 Лайне А. Гражданское население Восточной Карелии под финляндской оккупацией во Второй мировой войне. С. 43.

- 47 Rosen G. Suomalaisina Itä-Karjalassa. Sotahallinnon ja Suomen Punaisen Ristin yhteistoiminta, 1941—1944. Jyväskylä, 1998. S. 127.
- 48 Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941—1944. С. 75.
- 49 Сеппяля Х. Финляндия как оккупант в 1941—1944 годах // Север. 1995. № 6. С. 113.
- 50 Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии... С. 9.
- 51 Морозов К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). С. 80.
- 52 Лайне А. Национальный вопрос в финской оккупационной политике... С. 254, 257.
- 53 Архив УФСБ РФ по РК, ф. 6, литер. дело 11, ч. 4, л. 135.
- 54 Судьба. С. 34.
- 55 Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков... С. 68.
- 56 Laine A. Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa, 1941—1944. S. 164—165.
- 57 Комсомолец. 1990. 27 янв.
- 58 Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941—1944. С. 182.
- 59 Сеппяля Х. Финляндия как оккупант в 1941—1944 годах. С. 102.
- 60 Судьба. С. 18.
- 61 Чумаков Г. В. За колючей проволокой // Отечественная история. 2006. № 4. С. 81—82.
- 62 Авдеев С. С. Немецкие и финские лагеря для советских военнопленных в Финляндии и на временно оккупированной территории Карелии (1941—1944 гг.) // Вторая мировая война и Карелия, 1939—1945 гг.: Материалы науч.-практ. конф., посв. 60-летию начала Великой Отечественной войны / Науч. ред. Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров. Петрозаводск, 2001. С. 52.
- 63 Там же. С. 52—53.
- 64 Там же. С. 53.
- 65 Там же. С. 54.
- 66 Хлобыстов О. Госбезопасность от Александра I до Путина: 200 лет тайной войны. М., 2005. С. 419.
- 67 Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 29, т. 1, л. 2.
- 68 Лайдинен Э. П. Советская контрразведка против финской разведки на территории Карелии в 1939—1944 гг. С. 70. (Рукопись.)
- 69 Там же. С. 81.
- 70 Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941—1944. С. 76.
- 71 Сеппяля Х. Финляндия как оккупант в 1941—1944 годах. С. 113.
- 72 Rosen G. Suomalaisina Itä-Karjalassa. Sotahallinnon ja Suomen Punaisen Ristin yhteistoiminta, 1941—1944. S. 182.
- 73 Устная история в Карелии: Сб. науч. ст. и источников. Вып. 3: Финская оккупация Карелии (1941—1944) / Науч. ред. А. В. Голубев, А. Ю. Осипов. Петрозаводск, 2007. С. 127.
- 74 Там же. С. 139.
- 75 Лайне А. Гражданское население Восточной Карелии под финляндской оккупацией во Второй мировой войне. С. 43.
- 76 Судьба. С. 18.
- 77 Там же. С. 40.
- 78 Лайне А. Национальный вопрос в финской оккупационной политике... С. 60.
- 79 Барышников Н. И. Пять мифов в военной истории Финляндии, 1940—1944 гг. С. 80.

Глава 5. КАРЕЛИЯ НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ (лето 1944 г. — осень 1945 г.)

386

5.1. Коллаборационизм в Карелии в годы Второй мировой войны

В любой стране оккупанты, захватив часть чужой территории, стремятся опереться на отдельные слои населения оккупированного государства, его государственные и общественные структуры для осуществления своей политики. Без сотрудничества с местными жителями оккупационная система не может быть дееспособной. В истории почти каждой страны мы находим примеры, когда определенная часть населения захваченной оккупантами территории — по собственной инициативе или вопреки своей воле — в силу различных обстоятельств становилась на путь сотрудничества с оккупантами, изменяя своей Родине. В годы Второй мировой войны определенная часть советских граждан сотрудничала с немецкими оккупационными властями и их союзниками. На территории оккупированной Советской Карелии в 1941—1944 гг. часть населения сотрудничала с финскими оккупационными властями.

Явление сотрудничества с оккупантами получило название *коллаборационизм* (от французского *collaboration* — сотрудничество). Коллаборационист — изменник, предатель Родины, лицо, сотрудничавшее с нацистскими захватчиками в оккупированных ими странах в годы Второй мировой войны (1939—1945)¹.

За послевоенные годы в западных странах по проблеме коллаборационизма во время Второй мировой войны создана обширная историография, свидетельствующая о сложности и противоречивости данного феномена².

В свою очередь, советская историография до середины 1980-х гг. — периода перестройки — не рассматривала эту проблему как специальную тему изучения. Советские исследователи, как правило, не использовали и сам термин «коллаборационизм». Перед ними стояла задача всячески скрыть и принизить факты сотрудничества определенной части советских граждан в годы Второй мировой войны с немецкими властями и их союзниками, показать эти факты как частное явление военного периода, не имевшее широкой социальной базы³. В советской исторической науке 1950—1970-х гг. обычно использовались следующие определения: «кучка предателей», пособники оккупантов, изменники Родины, антисоветские элементы, власовцы, бандеровцы и др.⁴

Только в период перестройки, когда в СССР были сняты идеологические запреты на исследование острых вопросов советской истории, когда открылись многие прежде засекреченные архивные документы, появилась возможность более глубокого изучения проблемы коллаборационизма на оккупированной советской территории в годы Второй мировой войны; людей, сотрудничавших в различных формах с нацистским оккупационным режимом, стали называть коллаборационистами. Среди работ российских исследователей последних лет по данной теме следует выделить труды М. И. Семиряги, И. А. Гилязова, А. В. Ококова, Б. Н. Ковалева⁵.

Одной из составных частей общей проблемы коллаборационизма в годы Второй мировой войны является сотрудничество советских граждан с финскими оккупационными властями на оккупированной территории Советской Карелии в 1941—1944 гг. До сих пор по этой теме отсутствуют не только монографические исследования, но и статьи, в которых эта проблема рассматривалась бы в качестве специальной темы исследования. Цель данного параграфа монографии

состоит в том, чтобы восполнить этот пробел в российской историографии и положить начало исследованию данной темы.

Изучая проблему коллаборационизма на материалах Карелии, следует учитывать особенности его проявления в нашей стране. В этой связи нельзя не согласиться с тезисом профессора И. А. Гилязова о том, что советский коллаборационизм представляется явлением более сложным, многослойным, чем коллаборационизм европейский, что связано, прежде всего, с многонациональным составом населения СССР⁶. Это утверждение в полной мере относится и к Карелии периода Великой Отечественной войны.

На наш взгляд, можно выделить три основные составляющие коллаборационизма в Карелии.

Во-первых, это карелы, финны-ингерманландцы и представители наиболее ожесточенной части белой эмиграции, бежавшие с территории Советской России в соседнюю Финляндию в 1918—1922 гг. Они находились в оппозиции к большевизму и сделали ставку на Финляндию, надеясь с ее помощью не только присоединить Восточную Карелию к Финляндии, но и свергнуть существовавший в СССР политический строй. Представители этой группы действовали на территории Финляндии с начала 1920-х гг. и были популярны в определенных политических кругах соседнего государства. С конца июня 1941 г. — с первых дней оккупации северо-западной части СССР — они оказались наиболее рьяными проводниками финской идеологии и главным инструментарием в проведении финской оккупационной политики на территории оккупированной Советской Карелии. Приведем некоторые примеры.

Так, Василий Кеюняс (Кондратьев) (1884—1964), уроженец д. Вокнаволок (Карелия), преподаватель, после революции 1917 г. бежал в Финляндию, принимал активное участие в борьбе за независимость Карелии. Являлся членом различных карельских организаций: с 1921 г. — член Карельского правительства и иностранного Карельского представительства, 1932—1935 гг. — зам. председателя Карельского просветительского общества (КПО), позже его почетный председатель. В 1931—1940 гг. по заданию финских спецслужб обеспечивал «окно» Генерального штаба (ГШ) Оборонительных сил (ОС) Финляндии для ведения разведки в Карелии⁷.

Во-вторых, это те советские граждане, которые до войны жили на территории Ленинградской области и Карелии, а в период оккупации, поверив финской пропаганде, сознательно пошли на сотрудничество с оккупационными властями, преследуя различные цели.

В годы Второй мировой войны финским войскам удалось оккупировать две трети территории Советской Карелии. Финская военная администрация разделила все оставшееся население (по различным данным, его численность колебалась от 80 до 90 тыс. человек) по национальному признаку на две основные группы: коренное, или привилегированное, население (карелы, вепсы и другие финно-угорские народы) и некоренное, или непривилегированное, население (русские, белорусы, украинцы и др.).

Местное финно-угорское население рассматривалось как граждане Великой Финляндии. Все средства пропаганды и агитации (печать, радио, школьное обучение, церковь и др.) были направлены на то, чтобы подчеркнуть нацио-

нальное и естественное единство Финляндии и Карелии, привлечь бывших советских граждан финно-угорской национальности к сотрудничеству с финскими оккупационными властями.

В-третьих, это люди, которые либо волею судьбы оказались в одной связке с первой и второй группами (прежде всего, спасая свои жизни), либо под принуждением пошли на сговор с оккупантами.

Стержнем коллаборационизма являлась первая группа, хотя и она, не взирая на ее откровенный профинский характер, не являлась единой.

По характеру деятельности коллаборационизм условно можно разделить на три группы: политический, экономический (хозяйственный) и военный. Некоторые исследователи выделяют также и культурную коллаборацию⁸.

К политическому коллаборационизму следует отнести сотрудничество с финскими оккупационными властями в государственной сфере. Согласно советскому законодательству, к политическим коллаборационистам можно отнести членов различных культурно-просветительных и профессиональных организаций, членов местного административного уровня, работников судебных органов, учреждений пропаганды и агитации, издательств.

Уже в первые дни оккупации в Карелии было создано Военное управление Восточной Карелии (ВУВК), которое привлекало к сотрудничеству местное население. Все руководящие должности, как в центральном аппарате ВУВК, так и в районных аппаратах, занимали, как правило, финны — офицеры, чиновники и пасторы, прибывшие в оккупированные районы Советской Карелии в 1941—1944 гг. из Финляндии. Однако были и исключения. Так, в финансовом отделе ВУВК служил Павел Михайлович Капустин, житель г. Петрозаводска, до войны работавший в Наркомфине республики⁹.

На низовую административную работу — на должности поселковых комендантов и сельских старост — финны подбирали лиц из числа местного населения. Большинство из тех, кто соглашался на сотрудничество с оккупационными властями, были недовольны существовавшим до войны советским режимом, некоторые участвовали в открытой борьбе против советской власти в период Гражданской войны и эмигрировали в начале 1920-х гг. в Финляндию (участники так называемой «каравантюры»). Некоторые коллаборационисты до войны были осуждены советским судом за различные преступления.

Так, комендантом д. Бабья Губа Калевальского района был Василий Антропович Федоров, уроженец этой деревни, который в 1920 г. участвовал в антисоветских восстаниях на территории района и после их подавления эмигрировал в Финляндию. В 1941 г. он прибыл в родную деревню в чине прапорщика финской армии¹⁰. Старостой д. Паннила Ведлозерского района стал Михаил Иванович Кошкин, до войны осужденный советским судом за спекуляцию. Начальником Паданской волости Сегозерского района финскими властями был назначен Петр Федорович Савинов (Пекка Савинайнен), уроженец д. Сяргозеро, бывший унтер-офицер царской армии, который во время Гражданской войны активно участвовал в антисоветских выступлениях на территории этого района, а после их подавления ушел в Финляндию. В межвоенный период по заданию финской разведки он неоднократно нелегально переходил советско-финляндскую границу и посещал территорию Советской Карелии. Вернулся в Паданы в 1941 г. вместе

с финскими войсками¹¹. Именно «такими кадрами» замещалось большинство должностей старост оккупированных карельских деревень в 1941—1944 гг.

Но были среди старост и те, кто шел на сотрудничество с оккупационными властями, спасая свою жизнь и жизнь своих родных и близких. Будучи старостами, они не преследовали никаких политических мотивов, наоборот, как могли помогали землякам. И это хорошо понимали их односельчане.

Житель с. Шелтозеро Владимир Степанович Яршин вспоминает: «В некоторых деревнях были взяты старосты (имеются в виду аресты старост органами НКВД после войны. — С. В.), но все вернулись, потому что их сам народ отстоял. Они были, как говорят, душевные. Был, например, Шишов Александр Михеевич (староста д. Докучаево. — С. В.), старик, так он говорил: “Бабки, бабки, работайте спокойно”. Ведь финны не любили, чтобы сидели. Вот работаешь все время, чтобы шевелиться. Этот: “Потихоньку, потихоньку, не торопитесь. Работайте вот так, не надрывайтесь”. А шелтозерский был (староста Иван Андреевич Леметти. — С. В.) — мог и палкой ударить, и оскорбить. После освобождения, может, неделя прошла, всех прощупали, каждый свое сказал. Как он в 1941 г. яму показал, где у нас хлеб был спрятан. А для других никаких оснований не нашли, полмесяца, месяц — и те старики вернулись... с Докучаевской (А. М. Шишов. — С. В.), Гамовские (Николай Иванович Курчатов. — С. В.), Верховские (Иван Ефимович Никонов. — С. В.) старосты все вернулись и прожили свой век»¹².

Многие из старост карельских и вепских деревень, попавших в зону оккупации, до войны были членами ВКП(б), занимали должности председателей колхозов, являлись депутатами районных и сельских советов. Так, в Заонежском районе Яков Осипович Балагурин, бывший член ВКП(б), стал старостой д. Воробьи, его брат Филипп Осипович Балагурин, также член ВКП(б), был назначен старостой д. Сичи; Петр Данилович Хайдин, бывший председатель колхоза им. 1 Мая, стал старостой д. Кургеницы; бывший председатель колхоза Михаил Иванович Юдин стал старостой д. Волкостров; бывший председатель колхоза им. Сталина Федор Васильевич Кобецкий являлся старостой д. Падмозеро; Михаил Лунин, бывший председатель колхоза «Новый путь», стал старостой д. Вертилово; стал старостой в Заонежском районе и бывший член ВКП(б) Дмитрий Федорович Костин; в Шелтозерском районе старостой д. Розмега был бывший депутат Шелтозерского райсовета и председатель колхоза «Красная Звезда» Николай Иванович Изотов; в Олонецком районе старостой стал бывший председатель колхоза и депутат сельсовета Михаил Марков¹³.

16 февраля 1943 г. начальник ВУВК генерал-майор Й. В. Араюри и начальник штаба ВУВК подполковник Э. Куусела подписали приказ окружным начальникам «О введении системы старост», в котором говорилось: «Использование военными властями старост в качестве помощников во многих случаях было очень полезным делом. С одной стороны, они были доверенными лицами местного населения, с другой стороны, они были проводниками проведения в жизнь указаний военных властей, организаторами и руководителями работ. Там, где удачно выбирали деревенских старост, были хорошие результаты. Так как население Восточной Карелии привыкло, что в каждой деревне есть старший (руководитель), и поскольку старосты показали себя немногочисленными помощниками военных властей, считаем необходимым, чтобы систему старост ввели повсеместно»¹⁴.

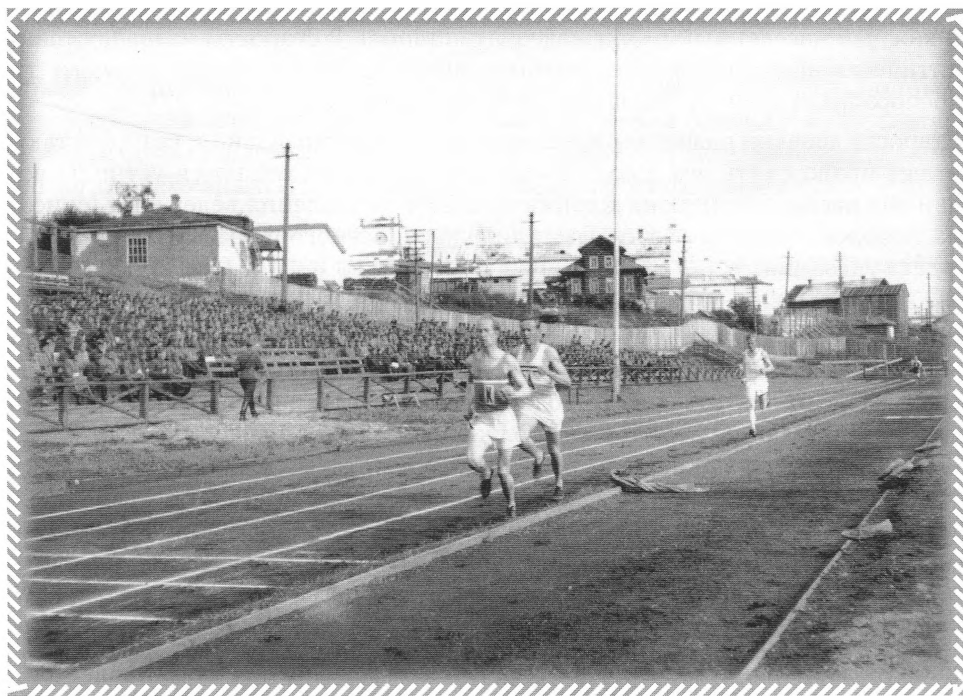
Далее в постановляющей части приказа отмечалось:

- «1. В каждый населенный пункт назначать старост. В старосты назначаются политически надежные и способные исполнять должностные обязанности (трудоспособные) люди из числа местного населения.
2. Старосту деревни назначает начальник местного управления, который также имеет право снять его с должности. Распоряжения отдаются устно. О всех данных распоряжениях начальник местного управления ведет учет (список), из которого усматривается фамилия должностного лица, место действия и дата указания.
3. Задачи старост: контроль (надзор) за местным населением, передача населению различной информации, оказание помощи в поддержании порядка и безопасности, а также передача информации официальным лицам, руководство работами, контроль за выполнением работ, когда военные официально уполномочивали на это старост. Должность старосты следует считать почетной должностью, за нее не выплачивается зарплата. Однако, когда староста тратит на выполнение этих задач свое рабочее время, он имеет право из кассы местного управления получить компенсацию за потраченное время в соответствии с распоряжением начальника местного управления. Окружные начальники должны вышеизложенное довести до начальников местного управления с тем, чтобы старосты знали свое положение и обязанности»¹⁵.

В конце ноября — начале декабря 1942 г. после завершения формирования на оккупированной территории Карелии органов местной власти ВУВК организовало экскурсию старост из Олонецкого, Прионежского, Заонежского, Ведлозерского и других оккупированных районов Карелии в Финляндию. Руководителями группы были лейтенант Рубен Левянен, лейтенант Тауно Луоми, прапорщик Маури Лехтинен и военный пастор Ууно Э. Аалто. Всего ездило 26 человек. Три члена группы говорили только по-русски, остальные — на карельских диалектах. Они встречались с главнокомандующим финской армии К. Маннергеймом и президентом страны Р. Рюти. Карельские старосты посетили ряд заводов и организаций Хельсинки и других финских городов¹⁶.

Подробный отчет о поездке старост оккупированных районов Карелии в Финляндию имеется в материалах Военного архива Финляндии. В нем говорится, что утром 26 ноября 1942 г. группу старост приняли второй заместитель председателя парламента М. Таркканен и секретарь Е. Х. Й. Тайнио. Таркканен, выступая перед гостями, заявил, что «депутаты парламента счастливы видеть в своей среде соплеменников», и пожелал успехов в работе, высказав надежду на то, что финны смогут помочь восточным карелам, дадут свободу и помогут поднять уровень жизни в Карелии на уровень Финляндии. Старший группы в ответном слове рассказал об условиях жизни карел при большевиках и поблагодарил финнов, их Вооруженные силы и маршала Маннергейма за освобождение Карелии.

В 17 часов того же дня в АО «Вако» участникам группы был предложен обед, на котором присутствовали представители соплеменных организаций: Карельского академического общества (КАО), Женщин КАО, Карельского просветительского общества, Центрального совета карельских обществ, Suomelaisuuden Liitto, Heimotyöseura, Rajaseudun Ystävät, Rajaseutuyhdistys, Seniores Carelienses и Karjalainen Osakunta. Выступающий в качестве хозяина приема лейтенант Кирвес рассказал об основании АО «Вако», о работе АО в организации торговли среди карел, а также пожелал членам группы счастья¹⁷.

В понедельник 30 ноября 1942 г. в Карельском землячестве состоялся вечер соплеменников, хозяевами выступили представители соплеменных организаций, всего было около 70—80 членов организации, в том числе более 10 карел, проживавших в Финляндии. Нашлись и знающие русский язык, они помогали трем членам группы, говорившим только по-русски, остальные не нуждались в переводе.

3 декабря 1942 г. карельские старосты познакомились со стадионом Хельсинки, побывали на Юлейсрадио, где лейтенант Рубен Левянен, пастор Ууно Аалто и семь членов группы дали интервью. Вечером того же дня состоялся прием делегации в Хельсинкской консерватории. В день отъезда, 4 декабря, АО «Хухтамьяки» подарило членам группы подарки — карамель. Один из членов группы, вепс, в своей пламенной речи поблагодарил хельсинкского гида Киннунена за проявленную заботу и рассказал о том, как сам он в начале Зимней войны участвовал в кампании «рюсся» по освобождению проживающих в нищете финских рабочих и крестьян. «Однако все было наоборот. Уже на границе мы смогли убедиться, что финны находятся на более высоком культурном уровне во всех сферах, никто не протянул нам руку со словами «Добро пожаловать»»¹⁸.

В материалах Военного архива Финляндии не указывается фамилия этого вепса. Однако в рассекреченных документах Архива УФСБ РФ по РК, к которым в 1990-е гг. получили доступ исследователи, также имеются сведения об этой поездке и приводится состав группы карельских старост. Вепсом среди них был староста д. Горное Шелтозеро Дмитрий Егорович Тучин. На наш взгляд, выступающим с пламенными речами в поддержку оккупационного режима в Карелии был именно Дмитрий Тучин, который, как известно, сотрудничал с советской разведкой и несколько месяцев у себя в доме скрывал разведчиков, заброшенных в Шелтозерский район.

Кроме Д. Е. Тучина, архивные материалы УФСБ РФ по РК называют и других старост из Шелтозерского района, среди них: Николай Иванович Изотов, Никита Иванович Кабаков, Михаил Филиппович Бамшин; в составе группы были также старосты из Олонецкого, Прионежского, Заонежского, Ведлозерского и других оккупированных районов республики¹⁹.

К хозяйственной коллаборации следует отнести руководство, служащих и работников хозяйственных органов и организаций, функционировавших в годы войны, напрямую или косвенно работавших на оккупантов. Так, в период финской оккупации Карелии несколько крупных торговых сетей Финляндии образовали акционерное общество «Вако», имевшее монополию на торговую деятельность в Карелии. Первый магазин был открыт в с. Видлица, позднее торговая сеть охватила всю Карелию. Обслуживающего персонала для магазинов, пекарен, мельниц и кафе «Вако» не хватало, поэтому на должности кладовщиков и продавцов принимали местных жителей. Для некоторых из них в Петрозаводске были организованы специальные курсы. В 1941 г. на работах в этой компании было занято 374 карела (речь идет о национальном населении) и 233 русских (имеется в виду ненациональное население), а в 1944 г. цифры возросли до 473 и 297 человек соответственно²⁰.

Местное население в период оккупации работало на предприятиях, в различных организациях и учреждениях г. Петрозаводска. Например, в 1942 г. на Соломенской ГЭС из 300 работников местных жителей насчитывалось около 100 человек. Большинство из них были карелами и вепсами, приехавшими в город из оккупированных районов республики²¹. Некоторые из них пытались открыть «свой частный бизнес». Так, в отчете 4-го отдела НКВД КФССР за июнь 1942 г. о положении в оккупированном Петрозаводске отмечается, что в городе открыты две парикмахерские, которые содержит Мореходов, уроженец д. Леликово Заонежского района²².

Финские оккупационные власти активно поощряли хозяйственную коллаборацию. Так, с 1942 г. ВУВК проводило вербовку женщин финно-угорских национальностей Восточной Карелии на временную работу в Финляндию. Оккупационные власти подчеркивали важность этой работы, ссылаясь, в частности, на то, что опыт жизни в Финляндии будет способствовать распространению финляндских норм и ценностей среди населения Карелии: «Военное управление Восточной Карелии наметило в течение начавшейся зимы для группы молодых восточно-карельских женщин создать возможность поработать в Финляндии в качестве домработниц в приличных сельских домах и, таким образом, на практике познакомиться с тем, как ухаживать за домом и вести хозяйство... Знакомство с условиями жизни в Финляндии и распространение об этом реальных сведений после возвращения людей домой было бы хорошей пропагандой в пользу Финляндии»²³.

Можно привести примеры и культурной коллаборации на оккупированной территории Карелии. Она выразилась прежде всего в том, что оккупационные власти в военный период предпринимали попытки создать надежные кадры учителей из представителей финно-угорских народов Карелии, открывая для этого различные курсы переподготовки учителей. Так, в конце 1941 г. со всей оккупированной территории Карелии финские власти стали собирать в г. Петрозаводске бывших советских учителей, в большинстве своем карел и вепсов.

В декабре 1941 г. они были направлены в Финляндию в учительский лагерь Мисеслахти. Всего прибыло 59 женщин и 13 мужчин. Преподавателями лагеря стали откомандированные ВУБК офицеры — педагоги по специальности. Кроме того, в качестве преподавателей выступили учителя г. Каяни и Сортавальской семинарии, эвакуированной в Каяни. После окончания курсов бывшие советские учителя вернулись обратно на оккупированную территорию Карелии для работы в народных школах²⁴.

С 1942 г. Военное управление Восточной Карелии развернуло кампанию по вербовке женщин из «родственных» национальностей на различные учительские и религиозные курсы. Оккупационные власти отмечали значение этих курсов, ссылаясь на идеологические мотивы: «В течение февраля — мая с. г. в нескольких религиозных народных училищах Финляндии обучалось примерно 60 девушек из Восточной Карелии. Помимо того, что эти курсы оказали большое воспитательное влияние на указанных лиц, нами установлено, что, возвратившись в родные места, они проводили значительную пропагандистскую работу в пользу Финляндии. И таким образом, учеба принесла пользу финнизации Восточной Карелии»²⁵.

Подобные поездки приносили определенный идеологический результат. Многие девушки из Карелии действительно возвращались на родину с профинскими настроениями. Об этом свидетельствуют и архивные документы. Так, осенью 1944 г., после освобождения Шелтозерского района, начальник Шелтозерского районного отделения НКГБ Демкин в отчете о последствиях финской пропаганды писал: «Финны особенно стремились проводить работу среди вепсской молодежи. Для нее были созданы всякого рода кружки. Но эти кружки были только ширмой. Немало молодежи ездило в Финляндию, где они еще больше подвергались обработке против Советской власти. Выступали в газетах со статьями, что финны — наши кровные братья-освободители. Были учителя-комсомольцы, но они попали под влияние и стали на путь пособников финнов. Две молодые девушки ездили в Финляндию и после своей поездки написали статью в фашистскую газету “Северное слово” о своей поездке в Финляндию. Статья была написана против Советского Союза»²⁶. А. Громова, учившаяся на учительских курсах в Финляндии в 1942—1943 гг., вспоминала, что лишь немногие девушки с курсов остались в Карелии, когда стало ясно, что Финляндия проигрывает войну²⁷.

С другой стороны, из архивных документов следует, что ряд бывших советских учителей направлялись на подобные курсы насильственно, помимо их воли. Так, жительница с. Розмега Шелтозерского района Анна Лебедева передала разведчикам информацию о том, что в марте 1942 г. на курсы в Финляндию для переподготовки учителей из Шелтозерского района были насильственно отправлены учительницы Ксения Ефимовна Педина и Анастасия Матвеевна Бошакова²⁸. Об этих же курсах рассказала разведчикам 13 июня 1943 г. Мария Варламовна Дерягина, работавшая в оккупированном Петрозаводске воспитательницей детского сада: «В конце 1941 г. со всей оккупированной территории финны начали собирать в г. Петрозаводске учителей для их переподготовки. Многие учителя не хотели ехать добровольно, но финны весной 1942 г. насильно увезли их на курсы в Финляндию»²⁹.

К сфере коллаборационизма следует, по-видимому, отнести и браки между представителями местного населения Карелии и оккупантами. Известный

финский историк А. Лайне в книге «Два лица Великой Финляндии. Положение гражданского населения Восточной Карелии при финском оккупационном режиме, 1941—1944» отмечает: «Большая часть документов, касающихся браков, была утрачена во время отступления из Карелии. Отчеты свидетельствуют, что в 1942 г. было заключено 47 браков, в 1943 г. — 238, на 1944 г. данные отсутствуют. В 1942 г. из 47 браков 8 были заключены между финнами-мужчинами и женщинами из “родственного” населения. В следующем году число заключенных браков значительно увеличилось, особенно доля браков, где одним из супругов был финн, а вторым — представитель национального населения. Из 238 браков, заключенных в 1943 г., таких браков было 84, причем в 71 случае мужем был финн, а в 13 случаях финка была женой. Финны встречались также с “неродственным” населением, в 5 случаях это привело к заключению брака, причем только в одном случае женой становилась финка. Сведения о заключении браков в 1944 г. отсутствуют, но их количество, очевидно, было значительным, поскольку все время оккупации число браков росло»³⁰.

А. Лайне объясняет браки местных жителей Карелии с оккупантами следующим образом: «Безусловно значимым фактором в увеличении количества заключаемых браков стали преимущества, получаемые при вступлении в брак с представителями того или иного народа. Если один из супругов был представителем финно-угорского народа или один из супругов, принадлежащий к финно-угорскому народу, заключал брак с финном, то “вторая половина” автоматически получала льготы, в частности продовольственные или товарные карточки. Даже супруг, не относившийся к “родственным” национальностям, получал разрешение на паспорт зеленого цвета (“родственному” населению выдавались паспорта зеленого цвета, а “неродственному” — красного. — С. В.), в котором, например, было отмечено: “русская, член карельской семьи”. Покупательная способность карточки определялась именно цветом, вне зависимости от того, к какой национальности принадлежал ее владелец. Тот же принцип распространялся и на заработную плату и на распределение земли между местным населением. Если же желающие заключить брак не были представителями одного из финно-угорских народов, соблазна к заключению брака, безусловно, не было. Особенно престижным считалось заключение брака с представителями финского народа, ведь это означало получение гражданства Финляндии и, естественно, привилегированного положения в обществе: это был типичный для оккупированной Карелии брак военного времени»³¹.

Судя по опубликованным в сборнике «Устная история в Карелии. Выпуск III. Финская оккупация Карелии (1941—1944)»³² воспоминаниям людей, переживших финскую оккупацию, контакты между финскими военными и местными женщинами не были редким явлением, особенно в национальных районах. Однако надо иметь в виду, что во время войны и сразу после нее подобные контакты воспринимались подавляющим большинством советских граждан крайне негативно, как своего рода предательство. Часто это приводило к трагедиям.

Так, жительница с. Шелтозеро вепсянка Валентина Ефимовна Кемлякова (1927 г. р.) вспоминает: «Даже один случай был — мы были на лесозаготовках уже после того как война окончилась, и с нами работала одна девушка, которая оказалась в положении от финна. Работали вместе в лесу, в одной бригаде. Она нет-нет да не может работать. Пилили поперечными пилами, лес толстый был — она попилит и сядет, не может ничего. А мы, девчонки, не понимаем ничего.

Одна из нас была двадцать пятого года девушка, все говорит: “Валя, Верка беременная”. — “Ну да, финнов уже нет, русские уже”. Мы работали в лесу уже. И, в конце концов, родила от финна ребенка, мальчика. Ее забрали потом в тюрьму, восемь лет дали. Она убила ребенка. Родила, задушила и положила на улицу под туалетом. Мы нашли, на суд нас отвезли — ой, не рассказать»³³.

Другой житель с. Шелтозеро Владимир Степанович Яршин (1929 г. р.) на вопрос «А девушки от финнов рожали?» ответил: «Ну, это на всю округу, если два, три случая было на моей памяти. И то старались, если могли, как наши пришли, делать аборт, прятали детей. Я вот три случая-то знаю, пострадали эти девки, аборт были строжайше запрещены»³⁴.

Наибольший интерес для исследования представляет военная коллаборация. Необходимо учитывать, что к июню 1941 г. накануне вступления Финляндии в войну против СССР на стороне Германии в Финляндии проживало свыше 10 тыс. карел, финнов-ингерманландцев и представителей белой эмиграции, бежавших из России в 1918—1922 гг., многие из них воевали на стороне финской армии. В 1941—1944 гг. на оккупированной финнами территории Советской Карелии оказалось около 86 тыс. советских граждан. В 1943—1944 гг. в Финляндию с оккупированной советской территории было вывезено свыше 60 тыс. финнов-ингерманландцев. Свыше 67 тыс. советских солдат и офицеров в военный период оказались в финском плену.

В 1939—1944 гг. финские власти по инициативе в первую очередь военной разведки и националистов сформировали ряд воинских подразделений по национальному признаку: тюркские, эстонский и др. Для ведения боевых действий на северо-западе СССР финская сторона особое внимание придавала привлечению в свою армию карел и финнов-ингерманландцев, что должно было придать процессу завоевания Восточной Карелии, по мнению финского командования, печать освободительной борьбы финно-угорских народов с властью большевиков. Как правило, они служили в «Отделении К» (Osasto K) или в бригаде Кууссари (Prikaati Kuussaari) под командованием подполковника Э. Кууссаари, в 4-м разведывательно-диверсионном батальоне (4. erillinen pataljoona), 6-м отдельном батальоне соплеменников (6. erillinen heimopataljoona). Численность их была различной. Так, в 6-м батальоне служило 2 500 финнов-ингерманландцев.

Еще до начала военных действий Финляндии против СССР, 23 июня 1941 г., Маннергейм издал приказ о мобилизации проживавших в Финляндии ингерманландцев, олонечких и беломорских карел, а также финнов — участников так называемых «племенных войн». Были сформированы Беломорский (Визнан) и Олонецкий (Аунуксен) родственные батальоны. Вместе с некоторыми другими подразделениями они вошли в состав Олонецкой оборонительной бригады под командованием подполковника Кууссаари³⁵.

В составе финских войск Олонецкая оборонительная бригада в августе 1941 г. вела наступление на поросозерском направлении. В начале октября 1942 г. бригаду перевели в уже оккупированный Петрозаводск, при этом Беломорский батальон под командованием Кууссари был отделен от бригады и направлен на север через г. Каяни на ухтинское направление. По прибытии в Петрозаводск Олонецкий и Ингерманландский батальоны бригады под командованием капитана Уулсона были размещены в центральных казармах на ул. Гоголя. Общая численность бригады составляла около 3 тыс. человек³⁶.

В октябре 1942 г. Олонецкая бригада была расформирована и из ее состава выделили батальон, состоявший преимущественно из карел. Его переименовали в 3-й родственный Хеймобатальон (братский батальон). В состав батальона были включены также представители местного финно-угорского населения из числа военнопленных³⁷. Кроме того, в батальон добровольно вступали и граждане родственников финнам национальностей, проживавшие на оккупированной территории Карелии.

По мнению финского командования, 3-й родственный батальон должен был воевать за освобождение «соплеменников», вдохновлять жителей Карелии на борьбу против СССР или хотя бы расположить местное население к финской армии. Как отмечает финский исследователь Х. Сеппяля, численность батальона была, по одним данным, 1 070 человек, по другим — 1 115 человек, из которых 837 служили в Красной Армии. По советским законам бойцов батальона считали предателями, всех их ждала смертная казнь или длительные сроки заключения³⁸.

По архивным документам, хранящимся в архиве Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Карелия (Архив УФСБ РФ по РК), следует, что общая численность батальона составляла 1 100—1 200 человек. Батальон имел в своем составе три стрелковые роты, каждая численностью около 200 человек, пулеметную и минометную роту, штабную роту, взвод связи и специальную запасную роту численностью до 100 человек³⁹.

Интересные данные о 3-м Хеймобатальоне имеются в Национальном архиве Республики Карелия (фонд 804 «Военное управление Восточной Карелии»). К сожалению, до последнего времени эти материалы, представленные в основном на финском языке, не исследовались ни российскими, ни финляндскими историками и не введены в научный оборот.

Из них, в частности, следует, что добровольцы 3-го Хеймобатальона, бывшие советские граждане финно-угорских национальностей, получали ежемесячную зарплату. Расценки были следующие: помощник командира батальона — 1 400 финских марок; помощник командира роты и командир взвода — 1 000 марок; зам. командира взвода — 600 марок; рядовой состав — 600 марок⁴⁰. Приказом министра обороны Финляндии родственникам добровольцев 3-го Хеймобатальона начиная с 1 февраля 1943 г. также выплачивалась ежемесячная зарплата: ее получали жены добровольцев и их дети до 16 лет включительно. Зарплата увеличивалась, если детей было больше одного: на второго ребенка доплачивалось 200 финских марок, на последующих — по 150⁴¹.

Кроме того, нетрудоспособные родители и родственники добровольцев 3-го Хеймобатальона, находившиеся на их иждивении, ежемесячно получали денежное пособие (huoltorahat) в размере 250 финских марок. Так, например, в марте 1943 г. ВУВК положительно отреагировало на заявление солдата Ристо (Григория) Леппоева о выплате его бабушке Марии Леппоевой, проживавшей в г. Петрозаводске на ул. Неглинской, ежемесячного пособия. Финансовый отдел ВУВК, производивший данные выплаты, был завален заявлениями о выплате пособий: Пааво Коппалеву с хутора Ниеменкюля д. Виельярви, Татьяне Зайцевой с хутора Ламминселькя д. Виельярви, Анне Егоровой с хутора Пихтиляхлаhti д. Виельярви, Анне Ивановой с хутора Калаякко д. Виельярви и др.⁴²

Хотя в батальон отбирали людей, заслуживавших доверия финских властей, их надежность проверялась в особом лагере «Ахонлахти» (район г. Савонлинна), где служба безопасности внедрила в батальон своих людей. Уже там выявилось несколько офицеров, которые намеревались перейти на советскую сторону или уйти в партизаны в тылу финнов. Их отправили обратно в лагерь для военнопленных.

В течение четырех месяцев (с ноября 1942 г. по февраль 1943 г.) личный состав батальона занимался строевой, боевой и тактической подготовкой. Все участники батальона подписывали обязательства добровольца следующего содержания: «Я, (фамилия, имя, отчество), добровольно вступая в финскую армию, обязуюсь честно и добросовестно служить финскому правительству в его борьбе против советской власти и большевизма. За нарушение дисциплины буду привлечен к ответственности»⁴³.

Из числа военнопленных-добровольцев командные должности в батальоне занимали четыре человека: Хямеляйнен, бывший командир Красной Армии, командир хозяйственного взвода штабной роты; Федулов, бывший командир Красной Армии, командир взвода 2-й роты; Мартынов, бывший лейтенант Балтийского флота, командир взвода 3-й роты, и Пастухов, бывший лейтенант Красной Армии, командир 4-го взвода 1-й роты⁴⁴.

В начале мая 1943 г. 3-й родственный батальон был переодет в форму финской армии (до этого форма была смешанной — английская и финская старого

образца), переброшен на Карельский перешеек и через три недели отправлен на передовую. Следует отметить, что финское командование постоянно испытывало недоверие к бойцам батальона, поскольку не редкими были случаи перехода солдат на сторону Красной Армии, побегов за линию фронта⁴⁵.

Так, в сентябре 1943 г., когда батальон находился на передовой в районе озера Лемболово (Карельский перешеек), в 1-й стрелковой роте был раскрыт заговор группы солдат, готовивших массовый переход бойцов батальона на советскую сторону. По плану заговорщики должны были, по возможности, уничтожить офицерский состав батальона, взорвать оборонительные сооружения, захватить оружие и наиболее антисоветски настроенных солдат и перейти на сторону Красной Армии. Заговором руководил бывший майор Красной Армии Микко Никконен (Михаил Никитин). Но заговор был раскрыт финской контрразведкой из-за предательства одного из его участников в момент подготовки взрыва оборонительных сооружений. В результате было арестовано 64 человека из 1-й роты, произведены аресты и в других подразделениях. Все арестованные были направлены в Выборг, откуда в батальон вернулся лишь помощник командира 2-го взвода 2-й роты Михаил Лебедев, назначенный после возвращения командиром 2-го взвода. Советская военная разведка, располагая информацией об этом неудавшемся заговоре, сделала вывод, что Лебедев был агентом финской контрразведки и провокатором, выдавшим заговорщиков⁴⁶.

В связи с раскрытием заговора и массовыми арестами 24 сентября 1943 г. батальон был переведен с передовой линии фронта в тыл, переукомплектован и использовался на строительстве оборонительных сооружений и заготовке леса в районе Термоллово. Но 22 мая 1944 г. вновь был выдвинут на передний край финской обороны в районе Охты, юго-западнее озера Лемболово. Летом 1944 г. батальон принимал активное участие в боевых действиях, отступая с боями до Вуокса-Сувантовской водной системы. За хорошую службу и упорство в боях батальон был переименован в 3-й отдельный героический добровольческий батальон, 22 человека из его состава были награждены медалью «Свободы». К началу августа 1944 г. батальон, понесший в боях с частями Красной Армии тяжелые потери, получил пополнение за счет новых вербовок в лагерях военнопленных и передан в оперативное подчинение командиру 2-й пехотной дивизии финской армии⁴⁷.

В конце войны с Финляндией 29 августа 1944 г. в лесу юго-западнее Тарпила на Карельском перешейке были обнаружены зарытые в землю и замаскированные дерном два ящика с документами штаба 3-го родственного батальона. В руки советского командования попали практически все списки офицерского и рядового состава. Эти документы, а также показания арестованных бойцов стали впоследствии основанием для поиска и возвращения в СССР тех, кто воевал в составе 3-го родственного батальона⁴⁸.

После заключения перемирия между СССР и Финляндией 19 сентября 1944 г. командование финской армии направило 3-й братский батальон на север Финляндии, где он должен был принять участие в изгнании находившихся там немецких войск. Однако в боях с немцами батальон использован не был, поскольку по требованию советских властей был возвращен в Выборг и затем доставлен в СССР⁴⁹.

Союзная контрольная комиссия, прибыв после перемирия осенью 1944 г. в Финляндию, приступила к сбору уехавших из Советского Союза карел и ингерман-

ландцев для отправки их на Родину. Прежде всего искали тех, кто с оружием в руках воевал на стороне Финляндии против своей Родины. Эти поиски превратились в большую и длительную операцию — с 1944 по 1953 г. Всего СССР было передано около 2 тыс. человек, только небольшая часть при помощи финской разведки бежала в Швецию.

Трагично сложилась судьба этих людей на Родине. Ингерманландцев, которые служили в 6-м батальоне, после передачи в СССР осудили по статье 58 Уголовного кодекса РСФСР (измена Родине) к 10—25 годам лишения свободы. Такая же участь постигла и бойцов-карел из 3-го родственного батальона. Всего было арестовано и осуждено около 400 бойцов этого батальона⁵⁰. После отбывания наказания оставшиеся в живых вернулись на места своего прежнего проживания, в том числе и в Карелию.

Составной частью военной коллаборации является сотрудничество части советских военнослужащих с финскими оккупационными властями в сфере разведки и контрразведки.

Финляндия, начиная военные действия против СССР в конце июня 1941 г., рассчитывала на быструю победу в «молниеносной войне». Однако эти планы провалились и с конца декабря 1941 г. линия советско-финляндского фронта стабилизировалась и оставалась практически неизменной до июня 1944 г. Началась позиционная война, в которой финскому военно-политическому руководству постоянно требовались новые сведения о Красной Армии и ее планах. Для этого в конце 1941 г. — начале 1942 г. на территории Финляндии и оккупированных районов Советской Карелии финская и германская разведки создали шесть разведывательных школ: в Петрозаводске, Медвежьегорске, Савонлинна, Рованиеми и Суомуссалми.

Петрозаводская школа финской разведки была самой крупной. Она появилась в Петрозаводске в ноябре 1941 г. и действовала под прикрытием полка Северного отделения «Русской освободительной армии» (РОА). Опасаясь нападения подразделений советских спецслужб, в 1942 г. школа была переведена из Петрозаводска в населенные пункты Пряжинского района, расположенные на западном берегу озера Шотозеро: деревни Улялега, Курьяла, Минала и Каменный Наволок. В ноябре 1943 г. школа переехала в Финляндию, где действовала с перерывами в Роуколаhti и Савитайпале до июля 1944 г.

Командный состав школы в основном был укомплектован советскими военнопленными, хотя ключевые должности занимали финны. Слушатели и преподаватели школы значились в ее списках под псевдонимами. Руководителем разведшколы являлся капитан финской армии Музика, он же Карпела, он же Борис Карпов, карел, уроженец д. Святнаволок Кондопожского района Карелии. Вместе с отцом, участником антисоветских восстаний начала 1920-х гг., Карпов бежал в Финляндию. До войны учился на медицинском факультете Хельсинкского университета, владел русским, финским и немецким языками. Личным адъютантом Карпова стал его двоюродный брат Иван Карпов, уроженец д. Сопоха Кондопожского района Карелии, красноармеец, перешедший на сторону финнов на Свирском участке фронта⁵¹.

Среди преподавателей Петрозаводской разведшколы следует выделить бывшего майора Красной Армии, командира 1-го разведполка Северного отделения РОА

Александра Владимировича Владиславлева (псевдоним Владимиров). Должности других преподавателей занимали бывшие капитаны и лейтенанты Красной Армии⁵². Так, в 1943 г. в числе преподавателей значились бывшие лейтенанты РККА Шульгин (преподаватель тактики РККА), Сердюков (преподавал спецдисциплины), Ландышев (читал лекции по теме «Методы работы советской контрразведки») и др. Слушателями Петрозаводской школы финской разведки были советские военнопленные, вставшие на путь сотрудничества с финскими оккупационными властями.

Подготовка разведчиков началась в мае — июне 1942 г., на курсах готовили одновременно до 20 агентов. В сентябре 1943 г. состоялся первый выпуск разведчиков-радивов в количестве 30 человек. Часть из них была заброшена в тыл Красной Армии. Выпуск разведчиков был замаскирован и проводился под видом выпуска школы офицеров РОА, поэтому выпускникам была зачитана телеграмма генерала Власова, который «приветствовал новое пополнение офицеров РОА»⁵³. Всего, по разным данным, в Петрозаводской разведшколе было подготовлено от 80 до 300 агентов⁵⁴.

К 1943 г. финская разведка «умело» перевела Петрозаводскую разведшколу под руководство советских военнопленных, которые входили в состав «Русской освободительной армии». По воспоминаниям очевидцев, в конце апреля 1943 г. А. В. Владиславлев (Владимиров) выехал из Петрозаводской разведшколы в г. Смоленск в штаб генерала Власова, откуда и вернулся примерно через три недели. По возвращении он собрал преподавательский состав и объявил, что разведшкола входит в первый разведывательный полк «Северного рога РОА имени генерала Власова», командиром которого назначен он, Владимиров. На этой же встрече был зачитан приказ о присвоении званий преподавательскому составу Петрозаводской разведшколы.

Владимиров являлся начальником указанного полка финской разведшколы от русского командования РОА, а от финского командования начальником разведшколы был майор Петерсон (Р. Раски), которому Владимиров подчинялся. Необходимо отметить, что к этому время разведшкола уже переехала из Петрозаводска в д. Улялега. Таким образом, финны осуществляли только общее руководство разведшколой, формально переподчинив ее генералу Власову и РОА с присвоением школе статуса разведывательного полка «Северного рога РОА имени генерала Власова»⁵⁵.

Документальные материалы архива УФСБ РФ по РК, к которым сравнительно недавно получили доступ исследователи, позволяют понять, почему именно Владиславлева назначили на эту должность: «...майор власовской армии Владиславлев Александр Владимирович, кличка Владимиров, бывший майор РККА, служил командиром отдельного разведбатальона Московской пролетарской дивизии, участвовал в финской кампании. Перед войной судим военным трибуналом за опоздание из отпуска. Сдался в плен в январе 1942 г. на Карельском фронте. В 1942 г. содержался в 1-м офицерском лагере. В феврале 1943 г. прибыл для спецподготовки в Петрозаводскую разведшколу. Был на привилегированном положении, готовился отдельно от других и по окончании разведшколы по заданию финнов занимался вербовкой агентуры среди военнопленных. Таким образом, Владимиров был идеальной фигурой для начальника разведывательного полка «Северного рога РОА имени генерала Власова»: имел

опыт военной и боевой службы в Красной Армии, являлся старшим по воинскому званию, был обижен советской властью»⁵⁶.

Следует отметить, что преподаватели Петрозаводской разведшколы, подобранные финнами из числа советских военнопленных, были достаточно образованными, многие являлись опытными офицерами Красной Армии. Волею судеб они оказались в плену в первый год войны, и, судя по архивным документам, их объединяло одно общее обстоятельство — неприятие существующего сталинского режима. Назовем некоторых руководителей и преподавателей Петрозаводской разведывательной школы:

Николай Семенович Абудихин (Ободихин), он же Тихон Таранцев, украинец, младший лейтенант РККА, командир артподразделения 115-й СД, капитан армии Власова, окончил Петрозаводскую разведшколу 1 мая 1943 г., оставлен в школе преподавателем, проводил практические занятия по специальному делу, находился в школе до последнего дня ее существования, затем был направлен на сельхозработы в крестьянские хозяйства Финляндии⁵⁷.

Гавриил Михайлович Овсянников, русский, лейтенант РККА, связист, командир роты связи, служил на мурманском направлении, в плен попал в 1942 г., после пленения находился в 1-м офицерском лагере военнопленных, работал библиотекарем, завербован финнами в 1942 г., в мае 1943 г. окончил Петрозаводскую разведывательную школу под псевдонимом Фомин, был оставлен в школе начальником курса радистов, одновременно выполнял функции помощника начальника штаба (власовского) полка. Находился в разведшколе до ее закрытия⁵⁸.

Виктор Дмитриевич Аверкиев, ленинградец, образование высшее, радиоинженер, лейтенант РККА, попал в плен и содержался в 1-м офицерском лагере, там

же был завербован финской разведкой. В разведшколу д. Улялега прибыл в ноябре 1943 г. под псевдонимом Петров, по окончании курса оставлен на преподавательской работе, готовил радистов⁵⁹.

Валентин Иванович Александров, родился в г. Смоленске, в 1940 г. окончил Ленинградское училище военных сообщений, в плен попал раненым в районе Выборга. Находился в 1-м офицерском лагере военнопленных, где участвовал в художественной самодеятельности, автор и исполнитель антисоветских песен. С мая по октябрь 1943 г. обучался в Петрозаводской разведшколе в д. Улялега под псевдонимом Андронов. По окончании разведшколы был оставлен на преподавательской работе, готовил радистов, финнами ему было присвоено звание лейтенанта. В школе был до последнего ее дня⁶⁰.

Все разведывательные школы финской разведки комплектовались исключительно советскими военнопленными, находившимися в концлагерях Финляндии. При подборе курсантов в разведшколы финская разведка использовала крайне тяжелое положение в лагерях советских военнопленных, хотя, надо признать, были и добровольцы. Возраст курсантов колебался от 19 до 40 лет. Все должны быть здоровы. Предпочтение отдавалось лицам, которые были обижены советской властью, многие были судимы, встречались и просто уголовные элементы. Идейных противников советской власти было немного⁶¹.

В разведшколах были представлены многие регионы и национальности СССР, но преобладали представители славянских национальностей. Определенная часть курсантов была родом из Карелии. Так, в Петрозаводской разведшколе курсант Смирнов был родом из Петрозаводска, Щукин, Бородулин, Сахаров являлись уроженцами Пудожского и Медвежьегорского районов⁶².

В период обучения курсанты систематически подвергались идеологической обработке. Как правило, еженедельно проводился лекционный обзор военных действий на советско-германском фронте. Много говорилось об успехах германских и финских войск, демонстрировались кинофильмы, восхваляющие «непобедимость» германской и финской армий, т. е. курсантам внушалась уверенность в скорой и неизбежной победе германских войск и поражении Советского Союза. Слушатели школы регулярно снабжались периодической литературой, в частности оккупационной газетой «Северное слово», выходящей на русском языке. Кроме того, в 1942 г. специально для курсантов Петрозаводской разведшколы издавали журнал «За новую Русь»⁶³.

Курсанты разведшкол давали подписку о сотрудничестве с финской разведкой, обязуясь работать в военной разведке в пользу финского государства против Советского Союза до полного его разгрома, соблюдать конспирацию, не интересоваться делами о финской разведке, не выявлять ее начальствующего состава, не искать связи с гражданским и военным населением, не устанавливать фамилии и остальные данные коллег. Подписывались псевдонимом, а в скобках указывалась настоящая фамилия агента.

Для многих советских военнопленных, вставших на путь коллаборационизма в период войны, учеба в разведшколе и дальнейшая заброска в тыл РККА являлась одним из способов выживания в условиях войны, а также возможностью вернуться на Родину и передать советскому военному командованию информацию о деятельности разведшкол.

Первые задержания агентов финских разведшкол в Карелии зафиксированы в конце июня — начале июля 1942 г. Начиная с августа 1942 г. задержания вражеских агентов в тылу РККА носят уже массовый характер, поскольку многие из них приходили с повинной в органы безопасности. Так, во второй половине августа — начале сентября 1942 г. Петрозаводской разведшколой были заброшены в Архангельскую, Вологодскую, Ленинградскую области и в г. Беломорск 12 агентов (шесть агентурных пар), однако никто из них не выполнил задания. Практически сразу же после заброски с повинной в органы НКВД явились семь человек. Четыре агента были задержаны в начале сентября 1942 г., и только одного — Потапова — арестовали 8 января 1943 г. в Москве при очередном призыве в ряды РККА. При этом задание финской разведки он не выполнил, да и выполнять не собирался⁶⁴.

Перемены на советско-германском фронте после Сталинградской битвы (ноябрь 1942 г. — февраль 1943 г.) и особенно после Курской наступательной операции (июль — август 1943 г.) вызвали изменения в настроениях тех, кто в годы войны встал на путь сотрудничества с оккупантами.

Так, в Петрозаводской разведывательной школе именно в 1943 г. меняется настроение преподавательского состава и курсантов: появляется неверие в победу германского оружия. Судя по архивным документам, в августе — сентябре 1943 г. финское руководство школы и командование разведывательного полка власовской армии, совместно с финской военной контрразведкой, провели операцию «по чистке рядов» в духе предвоенного нацистского гестапо и советского НКВД, арестовав ряд ведущих преподавателей разведшколы, сомневавшихся в победе нацистов, — Шульгина, Громова, Полежаева, Чеканова, Цветкова, Черемухина, а также преподавателя бокса. По свидетельствам очевидцев, все заговорщики были обвинены в проведении антифинской пропаганды. После их ареста целый ряд курсантов был допрошен командованием полка — капитанами Сердюковым и Лебеденко. Через некоторое время для курсантов была проведена беседа, в которой подчеркивалась необходимость постоянного уважения к финнам как к «лучшим друзьям» и «союзникам»⁶⁵.

Архивные материалы дают возможность познакомиться с этими людьми, выяснить их судьбу. Большинство из них были отчислены из школы и направлены в Финляндию для работы в крестьянских хозяйствах или попали в концлагеря для военнопленных. После окончания войны по требованию Союзной контрольной комиссии (СКК) финские власти передали их советской стороне.

Александр Романович Соколов, он же Шульгин, в начале войны окончил Череповецкое военное училище, лейтенант РККА, служил на Карельском перешейке, где попал в плен. В Петрозаводскую разведшколу прибыл в 1942 г. и сразу же был назначен старшиной-начальником курса разведчиков-радивов. Был настроен антисоветски. Работал на радиостанции «Лахти», неоднократно выступал по радио с антисоветской пропагандой. Несколько раз ходил с разведывательным заданием в советский тыл, выполнив задание, возвращался к финнам. В мае 1943 г., после передислокации школы в Улялегу, Соколов был назначен начальником курса радистов и получил звание капитана. После раскрытия «заговора» был понижен в должности и в декабре 1943 г. с группой преподавателей резерва направлен на сельскохозяйственные работы в крестьянские хозяйства⁶⁶.

Иван Трифонович Березовский, он же Громов, уроженец Смоленской области, сын кулака. Отец его был раскулачен и выслан в Сибирь, сын поехал вместе с отцом. До войны был судим, но бежал из заключения. В 1941 г. был мобилизован в РККА, служил рядовым. Неприятие советской власти привело к тому, что он добровольно перешел к финнам. Был завербован финской разведкой в Петрозаводском лагере для военнопленных и в октябре 1942 г. прибыл в Петрозаводскую разведывательную школу. По окончании учебы под псевдонимом Громов был оставлен в школе и занимался фабрикацией подложных документов для разведчиков, забрасываемых в тыл советских войск, одновременно преподавал разведывательное дело. Вместе с преподавателями и курсантами разведшколы в 1943 г. переехал из Петрозаводска в Улялегу. По одним данным, финны присвоили ему звание лейтенанта, по другим данным, он был лейтенантом власовской армии. Громов неоднократно ходил с разведзаданиями в советский тыл и всегда возвращался к финнам. В декабре 1943 г. «после чистки рядов» был направлен на лесозаготовки в Витасари, затем за побег в Швецию был отправлен в штрафной лагерь⁶⁷.

Виктор Васильевич Мартынов, русский, младший командир РККА, по профессии художник. Прибыл в Петрозаводскую разведшколу в октябре 1942 г. под псевдонимом Полежаев, но разведподготовку не проходил. Финны присвоили ему сначала звание ефрейтора, а затем старшего лейтенанта. Полежаев вел политическую подготовку и контрпропаганду среди курсантов, читал лекции по истории России, заведывая одновременно библиотекой школы. В июле 1943 г. он был отстранен от работы, а в декабре 1943 г. отправлен на лесоразработки, а затем в лагерь для военнопленных в Наро-Ярви⁶⁸.

Григорий Терентьевич Сенкевич, украинец, лейтенант РККА, служил на полуострове Ханко, добровольно перешел на финскую сторону. В Петрозаводскую разведшколу прибыл в феврале 1943 г. и числился под псевдонимом Чеканов. Имел звание старшего лейтенанта власовской армии, в разведшколе был групповодом разведкурсов, преподавал военное и стрелковое дело⁶⁹.

Михаил Смирнов, лейтенант-артиллерист РККА, пленен в 1941 г., псевдоним Цветков. В 1943 г. по окончании Петрозаводской разведшколы оставлен в ней преподавать топографию, структуру РККА, строевую и огневую подготовку. В сентябре 1943 г. в связи с сокращением штата преподавателей с работы снят. В декабре 1943 г. направлен на сельскохозяйственные работы в крестьянские хозяйства Финляндии, но сбежал. Был задержан и направлен в лагерь для военнопленных⁷⁰.

Михаил Сергеевич Бизюков (по другим данным, Визюк), русский, окончил военное училище РККА, лейтенант, в 1941 г. пленен финскими войсками. С февраля по июнь 1943 г. обучался на курсах Петрозаводской разведывательной школы под псевдонимом Черемухин. Оставлен в школе начальником курсов разведчиков в деревнях Улялега, Каменный Наволок, Минала. Получил звание капитана власовской армии. В сентябре 1943 г. в связи с сокращением штата преподавателей был освобожден от работы. В декабре 1943 г. направлен на работы к крестьянам, где трудился до сентября 1944 г. После выхода Финляндии из войны изъявил желание вернуться в СССР и рассказать все о своей службе в Петрозаводской школе разведки⁷¹.

Георгий Грибовский, русский, до войны проживал в Ленинграде, работал слесарем. Был хорошим боксером, занимался у известного ленинградского трене-

ра Серова. Рядовой РККА, пленен финнами во время разведки. В плену содержался в Петрозаводском лагере военнопленных. Завербован финнами в 1942 г., после чего прибыл в Петрозаводскую разведшколу в январе 1943 г. Разведподготовку не получил, числился под псевдонимом Игнатушенко и вел занятия по физической подготовке: боксу, борьбе и другим видам рукопашного боя в деревнях Улялега, Каменный Наволок, Минала. Ходил с разведзаданием в советский тыл.

Грибовскому было присвоено звание ефрейтора финской армии. В сентябре 1943 г. за хулиганство он был отстранен от работы и в декабре 1943 г. направлен на лесные работы в местечко Витасари. В конце апреля 1944 г. в группе из пяти человек был направлен в штрафной лагерь из-за скандала с сапожником Рованиемской разведывательной школы А. К. Авдеевым. Еще в период пребывания в Петрозаводской разведшколе вместе с агентом финской разведки Волковым (настоящая фамилия не установлена), русским, бывшим младшим командиром РККА, картографом Петрозаводской разведшколы, готовил план побега из школы, который не удался. После перемирия Грибовский и Волков были отправлены в СССР⁷².

Одновременно с преподавателями Петрозаводской разведшколы был арестован курсант Дмитрий Федюшкин (Данил Архипович), он же Филиппов, русский, кадровый офицер РККА — воентехник 2-го ранга, радист авиации. В июне 1942 г. его самолет был сбит на олонецком направлении, и Федюшкин попал в плен. Сначала он находился в Олонецком лагере военнопленных, а в январе 1943 г. был направлен в 1-й офицерский лагерь военнопленных. С июня 1943 г. обучался три недели на радиста в Петрозаводской разведшколе в д. Улялега под псевдонимом Филиппов и был оставлен в школе. Позже его направили на работу в крестьянские хозяйства Финляндии. После окончания военных действий между СССР и Финляндией его вернули в СССР⁷³.

Судя по документам, среди курсантов Петрозаводской разведшколы упорно ходили слухи о том, что преподаватель Чеканов и курсант Федюшкин были отпущены финнами, так как они якобы были посажены специально для разоблачения остальных, иначе говоря, являлись агентами финской военной контрразведки, участвовали в разоблачении этого «заговора» и «налаживании чистоты среди преподавателей и курсантов»⁷⁴. Данный тезис требует подтверждения финскими документами, которые пока не обнаружены.

Следствие по факту «заговора» курсантов и преподавателей Петрозаводской разведшколы вело командование полка власовской армии: заговорщиков допрашивали капитаны Сердюков и Лебеденко. Сердюков (настоящее имя — Петр Иванович Боляхов, он же Павел Иванович Веселов) родился в 1911 г. в Московской области, до войны жил в г. Горьком. Военнослужащий РККА, находясь на фронте, в 1941 г. в районе Ладожского озера перешел на сторону финнов, содержался в офицерском лагере военнопленных на станции Пейпохья (Финляндия), где проводил антисоветскую пропаганду, выполнял обязанности священника. В 1942 г. обучался в Петрозаводской разведшколе под псевдонимом Сердюков, по окончании работал в ней преподавателем, затем исполнял должность начальника учебной части, готовил документы для агентуры. Лично вербовал агентов и забрасывал их в СССР, допрашивал советских парашютистов и партизан. В 1946 г. перебрался в Швецию⁷⁵.

Алексей Трофимович Ивасенко, он же Власенко (псевдонимом Лебеде́нко), родился в 1911 г. в г. Киеве, украинец, капитан ВМФ СССР, служил на полуострове Ханко, попал в плен в декабре 1941 г. на теплоходе «И. Сталин». Был направлен на полуостров Ханко, где его назначили командиром батальона военнопленных, затем содержался в офицерском лагере, где был завербован финской разведкой. В апреле 1943 г. прибыл в Петрозаводскую разведшколу в д. Улялега под псевдонимом Лебеде́нко и сразу же был назначен начальником штаба 1-го разведывательного полка РОА. Имел звание капитана власовской армии. В разведшколе в деревнях Улялега, Каменный Наволок, Минала преподавал спецдисциплины, читал лекции по организации РККА. В конце ноября 1943 г. финское командование назначило его начальником разведывательной школы вместо Владимирова⁷⁶.

Можно утверждать, что в августе — сентябре 1943 г. активная деятельность Петрозаводской разведывательной школы фактически закончилась. Оправиться после скандала, связанного с «заговором», не удалось. Финны по-прежнему относились к курсантам с подозрением. В ноябре 1943 г. школа переехала в Финляндию в местечко Роуколаhti, где и была закрыта. Курсантов вернули в лагерь военнопленных. Только в июне 1944 г. их вновь привезли в разведшколу, которая дислоцировалась теперь в Савитайпале. Новый состав курсантов был призван из родственного батальона⁷⁷. С окончанием войны закончилась и деятельность Петрозаводской разведшколы. Судьбы курсантов разведшколы были печальными: большинство из них по требованию советской стороны были возвращены финским правительством в СССР, где их ожидала судьба предателей Родины — уголовное преследование и длительные сроки заключения. И только небольшой части курсантов удалось бежать в третьи страны, прежде всего в Швецию.

Если Петрозаводская разведшкола формировалась преимущественно из советских военнопленных, русских по национальности, то Суомуссалмская разведшкола и разведывательная школа при 2-м отделении финской военной полиции г. Медвежьегорска, или Медвежьегорская разведшкола, в подборе курсантов продолжали традиции, заложенные финской разведкой еще в 1920-е гг.: привлекали к сотрудничеству лиц родственных национальностей, прежде всего советских финнов, карел и вепсов.

Так, в Суомуссалмской разведшколе в 1942 г. обучалось шесть курсантов, четверо из них были жителями Карелии, карелами по национальности. Пекка Карпонен родился в 1917 г. в Калевальском районе, обучался под псевдонимом Суло Сергияйнен⁷⁸. Михаил Семенович Мотин родился в 1918 г. в д. Декнаволок Петровского района Карелии, карел. Пленен финскими войсками 31 августа 1941 г. Обучался в школе с марта по июль 1942 г. под псевдонимом Тойво Топпинен. Эловара, он же Василий Назарович Эловаара, он же Вилле (Василий) Салонен (псевдоним Пекшуя), родился в 1918 г. в д. Костомукша Калевальского района, в плен попал летом 1941 г. в районе г. Сортавала. В марте 1942 г. был завербован финской разведкой и учился в разведшколе под псевдонимом Хейкки Салонен. После окончания школы находился на службе в 3-й разведывательной роте, неоднократно перебрасывался в тыл РККА с разведзаданиями. В 1945 г. финской разведкой переброшен в Швецию⁷⁹. Василий Еремеевич Богданов родился в 1912 г. в с. Ухта. 2 августа 1942 г. добровольно перешел к финнам. Содержался в лагере военнопленных в Суомуссалми. В мае 1943 г. учился в разведшколе под

псевдонимом Елкели Вилле, затем служил в 3-й роте. Неоднократно забрасывался в тыл РККА с разведзаданием. В 1945 г. перебрался в Швецию.

В Медвежьегорской разведшколе подготовку с конца сентября 1942 г. по февраль 1943 г. получили 11 человек, в том числе четверо из Карелии (Ремшу, Зайцев, Петров и Ткач)⁸⁰.

Необходимо подчеркнуть, что финские разведывательные школы забрасывали агентуру в тыл РККА в течение всей войны. НКГБ КФССР в своем отчете о результатах контрразведывательной и следственной работы за период 1941—1945 гг., направленном во 2-е (контрразведывательное) управление НКГБ СССР 29 апреля 1945 г., отмечал, что за период Великой Отечественной войны в тылу частей Красной Армии на Карельском фронте было задержано 129 агентов финской разведки, окончивших разведывательные школы⁸¹.

Следует отметить, что в финских и германских разведшколах было подготовлено и заброшено в советский тыл значительно больше агентов, чем было задержано. Так, по данным финского журналиста Ю. Рислакки, в 1941—1944 гг. финская разведка забросила в тыл Красной Армии до 500 агентов, из которых половину составляли советские граждане⁸². Розыск коллаборационистов продолжался и после окончания Великой Отечественной войны как в СССР, так и за рубежом, в результате розыскных мероприятий многие агенты были арестованы.

Для советской стороны было принципиально важно вернуть всех коллаборационистов на Родину, где они считались предателями, с тем, чтобы они понесли заслуженное наказание. Покажем этот процесс на примере советских военнопленных, которые пошли на сотрудничество с финскими властями в сфере разведки, и оказались в составе 2-й разведывательной роты финской разведки под командованием майора Инто Энсио Куйсманена (1942—1944). В документах карельских архивов эта рота обозначается по-разному: «Косалмский разведывательный пункт», «Косалмский разведпункт. 2-я рота 4-го разведбатальона», «Отряд майора Куйсманена», «Разведывательно-диверсионный отряд майора Куйсманена», «Косалмская разведывательная школа. Командир майор Куйсманен» (полевая почта — 1 КПК 9453)⁸³.

Отряд майора Куйсманена играл особую роль в тайной деятельности разведки Финляндии, так как в период войны 1941—1944 гг. на территории оккупированной Карелии в полном составе находилась только одна разведывательная рота финской разведки — это рота майора И. Куйсманена. Остальные разведывательные роты финской разведки находились в глубоком тылу на территории Финляндии.

По мере продвижения финских войск происходило передвижение разведывательной роты. После Йёэнсуу (Финляндия), где она была создана в апреле 1941 г., рота передислоцировалась в Леппясюръя (Суоярвский район), затем в Вешкелицу (Vieljärvi). После оккупации Петрозаводска рота переехала в столицу Карелии, а в апреле 1942 г. разместилась в Косалме (Петровский, позже Прионежский район)⁸⁴.

По данным финансовых документов, ведомостей на получение зарплаты финской разведки, всего со дня создания роты (11 апреля 1941 г.) до ее расформирования (октябрь 1944 г.) в отряде Куйсманена проходило службу не менее 300 человек. Однако состав роты достаточно часто менялся.

В российских архивах мы не найдем точного количества личного состава отряда Куйсманена. Так, М. А. Зазюля в августе 1945 г. на допросе показала, что «в м. Косалма находилось примерно 200 финских солдат...». А. А. Мохова на допросе в ноябре 1950 г. говорила, «что в отряде было около 100 человек...»⁸⁵. По информации разведывательного отдела Управления войск НКВД по охране тыла Карельского фронта, в июне 1944 г. в Косалмском разведывательном пункте находилось 130 человек⁸⁶. И только у генерала Р. Хейсканена мы находим указание точного количества личного состава каждой из четырех рот 4-го особого разведывательного батальона — 156 человек⁸⁷.

Следует отметить, что в отряде Куйсманена в разные годы проходили службу в общей сложности 62 советских военнопленных. Первая партия советских военнопленных в количестве 12 человек поступила в отряд в феврале — апреле 1942 г. Все они добровольно перешли на сторону финнов и были военнопленными Петрозаводского лагеря № 5. В плен попали на Карельском фронте. Начиная с осени 1941 г. Куйсманен брал в свой отряд в основном лиц, репрессированных при советской власти, многие из них отбывали срок заключения или находились на высылке в Карелии. Ему было важно, что военнопленные пострадали от советской власти и могли быть недовольны ею⁸⁸. Однако число военнопленных не превышало 8 % общего числа военнослужащих отряда. Наибольшее количество советских военнопленных — 21 человек, по показаниям Сташковой, — было в марте 1943 г.⁸⁹

Необходимо подчеркнуть, что подбор кадров для отряда, а также его контрразведка были поставлены на высоком уровне, об этом говорит и тот факт, что за время существования разведывательной роты из нее не было ни одного побега.

Война закончилась, и судьба агентов отряда Куйсманена была окончательно решена. Розыск агентуры и пособников противника начался сразу после освобождения территории Карелии, шел он не только на территории СССР, но и за рубежом.

Одним из первых в июле 1944 г. органами НКГБ КФССР был арестован житель д. Намоево Иван Степанович Михалкин, который поддерживал тесные контакты с И. Куйсманеном. Они ходили друг к другу в гости, обедали вместе, разговаривали на карельском языке. В итоге престарелого Михалкина арестовали как агента финской разведки. Практически одновременно с ним была арестована и его дочь Анна Ивановна Михалкина. Ее обвинили в причастности к агентуре финской разведки и содержании конспиративной квартиры⁹⁰.

Практически все советские военнопленные, служившие в отряде И. Куйсманена, выехали с личным составом разведывательного пункта в Финляндию, никто из них не хотел добровольно возвращаться в СССР. Финские власти и сотрудники военной разведки первоначально в благодарность за сотрудничество оказывали им всяческую помощь в получении гражданства и финских паспортов. Так, И. П. Гоц после перемирия принял финское гражданство и 10 месяцев жил с женой на станции Волти. В ноябре 1944 г. ему выдали паспорт на имя Катая (Катала) Ииво, паспорт помог получить капитан Мармо. В конце 1944 г. паспорта на имя финских граждан, а вероятно и гражданство, получили еще несколько человек: П. В. Гандзий получил документы на имя Пааво Кайсанена, С. И. Розевик стал Рояла Симо, Н. Я. Кумбышев — Николаем Кумпуненом. С. Г. Гайнатуллин жил в Хельсинки под именем Калле Кейнонена, Г. Семенец — под

именем Рiku Синккинена. Д. Смагин стал Янне Салминеном, Н. И. Плутук — Ниило Лутсом⁹¹.

Однако по требованию советской стороны финская полиция начала их розыск. Первая партия в количестве 12 человек была этапирована 20 июля 1945 г. из Финляндии в г. Выборг в принудительном порядке под строгим конвоем «как не желавших вернуться в СССР». В СССР следствие по ним вело 4-е отделение ОКР СМЕРШ 23-й армии⁹². Следствие велось ускоренными темпами, и уже 11 октября 1945 г. военный трибунал войск НКВД Ленинградского округа рассмотрел дело по обвинению... и приговорил их по статье 58-1«б» УК РСФСР (измена Родине, совершенная военными служащими...) к суровым срокам наказания⁹³: И. П. Гоца и Н. Я. Кумбышева приговорили к 25 годам лишения свободы и пяти годам поражения в правах; И. П. Гандзия, И. Г. Филя, С. И. Розевика и И. Г. Товстика — к 20 годам лишения свободы и пяти годам поражения в правах⁹⁴.

Несколько позже были арестованы и осуждены к различным срокам заключения еще около 20 советских граждан, служивших в отряде майора Куйсманена, в их числе: С. Г. Гайнатуллин, И. Е. Иванов, Н. Л. Кузьмин (Кузьминов), Н. Николаев, Н. Г. Парфимович, Н. И. Плутук, Г. П. Семенец, С. И. Сироткин, Д. Смагин, Г. Соловенко, И. С. Яковец, А. Ясницкий. Были осуждены также две женщины, работавшие в отряде на подсобных работах: А. И. Михалкина и А. А. Мохова (девичья фамилия Сташкова)⁹⁵.

Боясь преследования советских властей, из Финляндии в другие страны бежали многие члены отряда Куйсманена из числа бывших граждан СССР, которые еще в 1930-е гг. ушли в Финляндию. Назовем некоторых из них:

Тойво Васки, он же Тойво Матвеевич Васке, родился в 1918 г. в Тосненском районе Петроградской губернии, ингерманлонец. До войны бежал в Финляндию, с 11 апреля 1942 г. по июль 1944 г. служил младшим сержантом в отряде Куйсманена. Окончил школу парашютистов-разведчиков, радист. Неоднократно перебрасывался в тыл РККА с разведывательными заданиями. После перемирия бежал в Швецию⁹⁶.

Михаил (Микко) Иванович Пёллэ (Пелле, Пюлля) родился в 1916 г. в д. Старый Белоостров Петроградской губернии. В 1933 г. бежал в Финляндию. С 11 апреля 1942 г. по июнь 1944 г. служил прапорщиком во 2-й роте. Окончил две разведшколы и спецшколу парашютистов. По заданию финских и немецких разведорганов неоднократно забрасывался в советский тыл, в том числе в Ленинград, откуда передавал разведсведения по радиации. За выполнение заданий награжден немецким железным крестом и финским крестом Маннергейма. После перемирия женился на дочери заместителя начальника военной разведки майора М. И. Котилайнена — Лене Котилайнен, которая в 1944 г. также была в отряде И. Куйсманена. В 1945 г. Пёллэ служил в финской пограничной охране и жил у тестя в Хельсинки. Позже они с женой выехали в Швецию, а оттуда в Венесуэлу⁹⁷.

Сунимяки, до 1941 г. Михайлов Николай Иванович, родился в 1911 г. в Петроградской губернии, в 1935 г. бежал в Финляндию. В 1939—1940 гг. служил в финской армии. С 11 апреля по 10 октября 1942 г. и с 1 октября 1944 г. служил во 2-й роте. В мае 1942 г. находился в Косалме. Летом 1943 г. служил в Петрозаводской разведшколе, занимался подготовкой агентуры и заброской ее в тыл РККА.

После окончания войны жил в Хельсинки, в январе 1946 г. с семьей бежал в Швецию⁹⁸. И таких примеров можно привести много.

Составной частью военной коллаборации следует считать службу советских граждан в органах финской полиции. Судя по архивным источникам, почерпнутым нами из фондов карельских ведомственных архивов (Архив УФСБ РФ по РК и Архив МВД РК), таких тоже было немало.

Так, Адольф (Михаил) Карху, помощник оперуполномоченного КРО НКВД КФССР, в 1941 г. в составе разведывательной группы 1-го отдела НКВД КФССР с оперативным заданием был направлен в тыл финских войск. Добровольно перешел на сторону финнов и на следствии выдал полиции все известные ему сведения о работе органов НКВД КФССР. Дал согласие работать переводчиком военной полиции г. Петрозаводска. В период работы в полиции окончил Петрозаводскую школу финской разведки и ходил по ее заданию в советский тыл на медвежьегорском направлении. В конце войны при отходе финнов ушел в Финляндию⁹⁹.

Бывший педагог Петрозаводского педучилища Аапо Петриляйнен стал сотрудничать с финскими властями, работал переводчиком военной полиции г. Петрозаводска, был награжден финским орденом. По заданию финской разведки забрасывался на территорию Пудожского района. Вмeste с отступающей финской армией в 1944 г. ушел в Финляндию¹⁰⁰.

В органах военной полиции служил Александр Константинович Дятлов, до войны работавший бухгалтером-ревизором Карелфинпотребсоюза¹⁰¹.

Среди тех, кто пошел на сотрудничество с финской разведкой в военный период, были и сотрудники советской разведки. Так, Семен Шувалов, бывший сотрудник 3-го спецотдела НКВД КФССР, старший лейтенант госбезопасности, член ВКП(б), являлся командиром партизанского отряда, заброшенного в тыл финских войск. Осенью 1943 г. добровольно перешел на сторону противника. Шувалов предоставил финнам подробные материалы о работе НКВД КФССР, структуре органов, сотрудниках карельской контрразведки, сведения о партизанских отрядах, действующих на Карельском фронте. Выдал финнам ряд агентов НКГБ КФССР, оставленных в Петрозаводске для выполнения заданий советской разведки¹⁰².

Военная коллаборация в меньшей степени коснулась партизанского движения в Карелии в 1941—1944 гг. По воспоминаниям партизан можно установить лишь несколько случаев перехода бойцов на сторону врага, хотя даже эти единичные факты предательства имели далеко идущие трагические последствия. В книге К. В. Гнетнева «Тайны лесной войны» приводятся воспоминания партизан отряда «Вперед» Д. С. Александрова и Н. Н. Пастушенко о том, что в одном из походов этого отряда в тыл врага в июле — августе 1943 г. к противнику ушли из отряда два бойца — Сивялуоми и Коккин, финны по национальности. Н. Н. Пастушенко рассказывает: «Через несколько дней после ухода из отряда этих предателей финская авиация бомбила партизанскую базу в селе Лехта. По бомбежке было видно, что противник хорошо знал, куда нужно бросать бомбы. Например, первая же бомба угодила в штаб 32-й бригады, и все офицеры и солдаты, которые дежурили в ту ночь, погибли»¹⁰³.

Партизаны крайне негативно относились к подобным случаям и сами стремились пресекать любые попытки предательства. В этой же книге приводятся вос-

поминания партизана отряда «Мстители» Б. С. Воронова: «У нас в партизанском отряде “Мстители” был такой украинец по фамилии Колеушко. Он оказался предателем и, когда пришло немного, перебежал к финнам. Был еще и Парамонов, учитель из Авдеево. Когда мы встали на привал в поселке Тумба, он в секрете лежал, на линии боевого охранения. Это было во время бригадного похода, числа 18 июля 1942 г. Мы уже голодать начали. И вот он увидел, что финны идут, руки поднял и к ним побежал. А Дима Вдовин его из пулемета долбанул, и все. Убил его. Не добежал тот до финнов. Любой из партизан сделал бы то же самое. Отношение к ним было неважное. Очень плохое, можно сказать, отношение»¹⁰⁴.

Что касается гражданского населения Карелии, оказавшегося в зоне оккупации финских войск в 1941—1944 гг., то около 2 800 человек (3,5 % всего населения) эвакуировалось в Финляндию. Для многих этот шаг был неизбежным: для тех, кто находился на военной и хозяйственной службе у финских властей и боялся привлечения к суду за предательство; для женщин, состоявших в браке с финнами; для мужчин, которые вступили в братский батальон.

По нашим подсчетам, общее количество человек, причастных к коллаборационизму на территории Карелии в годы Второй мировой войны, составляет около 3 тыс. человек.

Длительное время лица, сотрудничавшие с финским оккупационным режимом и воевавшие в составе финских войск против Красной Армии, а после войны

проживавшие в СССР, считались предателями своей Родины и находились в забвении. Однако в 1990-е гг. на территории постсоветского пространства отмечается объединение участников Второй мировой войны, воевавших на стороне нацистской Германии и ее союзников.

Финляндское государство признало заслуги ветеранов-иностранцев в защите своей страны, в связи с чем предоставило им льготы ветеранов войны, оказывает материальную помощь, способствует переезду на жительство в Финляндию, наградило многих из них правительственными наградами¹⁰⁵.

В 1996 г. в Финляндии бывшие соотечественники (ингерманландские финны и карелы), воевавшие в частях финской армии против Красной Армии, создали «Общество ингерманландских и карельских ветеранов-соплеменников» (Inkeriläiset ja karjalaiset heimoveteraanit ry), которое занимается поиском ветеранов-соплеменников, оказывает им помощь в отдыхе и лечении, приглашает их из-за границы в Финляндию. Для освещения своей деятельности «Общество» издает журнал «Kivekäs» («Кивекяс»), выходящий в свет два раза в год. В нем рассказывается о ветеранах-соплеменниках, об их участии в войнах против СССР в 1939—1944 гг., печатаются фотографии, публикуются некрологи¹⁰⁶.

Если для Финляндии ветераны-соплеменники являются героями, финское правительство окружает их почетом и вниманием, то для большинства граждан России они остаются предателями своего народа, которые в трудный для Родины час встали на сторону противника.

Проблема изучения коллаборационизма в Карелии в годы Второй мировой войны только сейчас становится объектом научного интереса российских историков. Предстоит выяснить еще много вопросов: необходимо уточнить точное число советских граждан, сотрудничавших с финскими оккупационными властями в годы Второй мировой войны, определить причины этого явления, его социальную базу.

Следует иметь в виду, что в первые послевоенные годы существовало довольно устойчивое неприятие населения, которое в силу не зависящих от него причин оказалось в финской оккупации. Речь идет прежде всего о советских и хозяйственных органах. Об этом свидетельствуют многочисленные воспоминания людей, переживших оккупацию. Так, жительница с. Шелтозеро Таисия Ивановна Максимова на вопрос «Как потом относилась к вам советская власть и люди, которые вернулись из эвакуации?» ответила: «Начальство нам ничего не сказала вслух, но было сделано так, что... на лесозаготовках нас так мучили! Именно оккупированных! Другой раз денег не дают, черт знает что скажут, ни жилья путевого у нас не было, ничего... В Пайском леспромхозе жили в холодных помещениях, да еще что сделали — карточка была шестьсот грамм (хлеба), а они взяли и сняли двести грамм. Наказывали свои уже за то, что мы в оккупации были. Всякими путями...»¹⁰⁷.

При исследовании данного вопроса в дальнейшем следует выяснить: насколько адекватны были репрессии советских властей по отношению к тем, кого считали коллаборационистами, в первую очередь к бывшим военнопленным и репатриантам, проживавшим и работавшим на оккупированной территории Карелии, а затем вывезенным в Финляндию.

- 1 Современный словарь иностранных слов. М., 1999. С. 287.
- 2 Das Deutsche Reich der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1983. Bd. 5; Halbbd. 2; Hoffmann J. Die Ostlegionen 1941—1943. Freiburg, 1976; *Idem.* Die Geschichte der Wlassow-Armee. Freiburg, 1986; Reitlinger G. Ein Haus auf Sand gebaut. Hitlers Gewatpolitik in Rusland. 1941—1944. Hamburg, 1962; Dallin A. German Rule in Russia 1941—1945: A Study of occupation policies. London, 1957; и др.
- 3 Например: История Великой Отечественной войны Советского Союза: В 6 т. М., 1960—1965; История Второй мировой войны, 1939—1945: В 12 т. М., 1973; Немецко-фашистский оккупационный режим. М., 1965.
- 4 Литвин А. М. Проблема коллаборационизма и политические репрессии в Белоруссии в 40—50-х гг. // Политический сыск в России: история и современность. СПб., 1997. С. 266—267.
- 5 Семиряга М. И. Коллаборационизм: Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000; Гилязов И. А. На другой стороне: (Коллаборационисты из поволжско-приуральских татар в годы Второй мировой войны). Казань, 1998; Окорочков А. В. Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. М., 2000; Ковалев Б. Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941—1944. М., 2004; и др.
- 6 Гилязов И. А. На другой стороне. С. 121.
- 7 Vuoristo S. Vienen Karjalaisten Liiton / Karjalan Sivistysseuran historia vv. 1906—1996. Vammalan kirjapaino Oy, 1996. S. 30—40; Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Финская разведка против Советской России: Специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Северо-Западе России (1914—1939 гг.). Петрозаводск, 2004. С. 188.
- 8 Гилязов И. Коллаборационизм тюркско-мусульманских народов СССР в годы Второй мировой войны — форма проявления национализма? // Ab Imperio: Ежекварт. журн., посв. теории и истории национальностей и национализма в постсоветском пространстве. 2000. № 1. С. 107—129.
- 9 Архив УФСБ РФ по РК, ФСДП, оп. 1, д. 117, л. 54—55.
- 10 Там же, л. 54.
- 11 Там же, л. 55.
- 12 Устная история в Карелии: Сб. науч. ст. и источников. Вып. 3: Финская оккупация Карелии (1941—1944) / Науч. ред. А. В. Голубев, А. Ю. Осипов. Петрозаводск, 2007. С. 89.
- 13 Архив УФСБ РФ по РК, ФКРО, оп. 1, д. 82, л. 41, 142.
- 14 Halltsto/AunPE. T. 2872/14. SA.
- 15 Ibid.
- 16 Архив УФСБ РФ по РК, ФСДП, оп. 1, д. 117, л. 63—64.
- 17 Halltsto/AunPE. T. 2872/14. SA.
- 18 Ibid.
- 19 Архив УФСБ РФ по РК, ФСДП, оп. 1, д. 117, л. 63—64.
- 20 Осипов А. Ю. Оккупационный режим Финляндии в Советской Карелии // Устная история в Карелии. Вып. 3. С. 25.
- 21 Архив УФСБ РФ по РК, ф. 6, литер. дело 11, ч. 4, л. 161.
- 22 Там же, л. 128.
- 23 По обе стороны Карельского фронта: Док. и материалы. Петрозаводск, 1995. С. 292.
- 24 Архив УФСБ РФ по РК, ФТДМ, оп. 2, д. 8303, л. 292.

- 25 По обе стороны Карельского фронта. С. 288.
- 26 КГАНИ, ф. 20, оп. 1, д. 282, л. 19; Голубев А. В. Повседневная жизнь женщин в годы Великой Отечественной войны на оккупированных территориях Карелии: к постановке проблемы // Устная история в Карелии. Вып. 3. С. 10.
- 27 По обе стороны Карельского фронта. С. 406.
- 28 Архив УФСБ РФ по РК, ФСДП, оп. 1, д. 117, л. 62.
- 29 Там же.
- 30 Цит. по: Лайне А. Браки между финнами и населением оккупированной Карелии // Устная история в Карелии. Вып. 3. С. 19.
- 31 Устная история в Карелии. Вып. 3. С. 20—21.
- 32 Там же. С. 55.
- 33 Там же.
- 34 Там же. С. 91.
- 35 Архив УФСБ РФ по РК, ф. 35, п/ф. 20, оп. 1, д. 117, л. 88.
- 36 Там же, ФДОУ, литер. дело 11, л. 12—15, 226—227.
- 37 Там же, ф. 35, п/ф. 20, оп. 1, д. 117, л. 88.
- 38 Сеппяля Х. Финляндия как оккупант // Север. 1995. № 6. С. 120.
- 39 Архив УФСБ РФ по РК, ФДОУ, д. 23, л. 102.
- 40 НА РК, ф. 804, оп. 1, д. 8, л. 25.
- 41 Там же.
- 42 Там же, л. 27.
- 43 Архив УФСБ РФ по РК, ФДОУ, д. 23, л. 102 об.
- 44 Там же, л. 103.
- 45 Сеппяля Х. Финляндия как оккупант. С. 121.
- 46 Архив УФСБ РФ по РК, ФДОУ, литер. дело 23, л. 38—40.
- 47 Там же, л. 40, 41.
- 48 Там же, л. 38.
- 49 Там же, л. 102—103 об.
- 50 Там же, л. 103 об.
- 51 Там же, ФКРО, оп. 1, д. 95, л. 17—18.
- 52 Там же, л. 18—19.
- 53 Там же, л. 80—80 об.
- 54 Веригин С. Г., Лайдинен Э. П. Агентурная разведка армий фашистской Германии и Финляндии на Северо-Западе Советского Союза в 1941—1944 гг. // Подвигу жить в веках: материалы военно-ист. конф., посв. 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Петрозаводск, 2005. С. 85.
- 55 Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 25, т. 2, ч. 1, л. 305; т. 3, ч. 3, л. 261, 262; Лайдинен Э. П. Советская контрразведка против финской разведки на территории Карелии в 1939—1944 гг. С. 72. (Рукопись.)
- 56 Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 25, т. 2, ч. 2, л. 20, 262, 292, 305, 307.
- 57 Там же, л. 44—45; т. 3, ч. 3, л. 266; Лайдинен Э. П. Советская контрразведка... С. 73.
- 58 Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 25, т. 2, ч. 2, л. 24, 291; т. 3, ч. 3, л. 266; Лайдинен Э. П. Советская контрразведка... С. 73.
- 59 Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 25, т. 2, ч. 2, л. 27, 183, 288, 330; Лайдинен Э. П. Советская контрразведка... С. 74.

- 60 Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 25, т. 2, ч. 2, л. 20, 40; т. 3, ч. 3, л. 269, 289; *Лайдинен Э. П.* Советская контрразведка... С. 74.
- 61 *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П.* Агентурная разведка армий фашистской Германии и Финляндии на Северо-Западе Советского Союза в 1941—1944 гг. С. 87.
- 62 *Лайдинен Э. П.* Советская контрразведка... С. 104.
- 63 Там же. С. 105.
- 64 Там же. С. 70.
- 65 Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 25, т. 2, ч. 2, л. 320; *Лайдинен Э. П.* Советская контрразведка... С. 77.
- 66 Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 25, т. 2, ч. 2, л. 284, 320, 332; т. 3, ч. 3, л. 284, 289; *Лайдинен Э. П.* Советская контрразведка... С. 77.
- 67 Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 25, т. 2, ч. 2, л. 284, 292, 320; т. 3, ч. 3, л. 265, 284, 291—292; *Лайдинен Э. П.* Советская контрразведка... С. 77.
- 68 Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 25, т. 2, ч. 2, л. 6, 136, 138, 293, 320, 330; т. 3, ч. 3, л. 265, 292, 294; *Лайдинен Э. П.* Советская контрразведка... С. 77.
- 69 Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 25, т. 2, ч. 2, л. 28, 292, 320, 329; т. 3, ч. 3, л. 261, 298; *Лайдинен Э. П.* Советская контрразведка... С. 77.
- 70 Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 25, т. 3, ч. 3, л. 268, 291; *Лайдинен Э. П.* Советская контрразведка... С. 78.
- 71 Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 25, т. 2, ч. 2, л. 20, 292, 319—321, 330; т. 3, ч. 3, л. 267; *Лайдинен Э. П.* Советская контрразведка... С. 78.
- 72 Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 25, т. 2, ч. 2, л. 25, 140, 292, 294, 320, 330; т. 3, ч. 3, л. 264, 268, 290; *Лайдинен Э. П.* Советская контрразведка... С. 79.
- 73 Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 25, т. 2, ч. 1, л. 24, 41; т. 2, ч. 2, л. 321; т. 3, ч. 3, л. 272, 292—293; *Лайдинен Э. П.* Советская контрразведка... С. 80.
- 74 Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 25, т. 2, ч. 1, л. 24, 41; т. 2, ч. 2, л. 320; *Лайдинен Э. П.* Советская контрразведка... С. 80.
- 75 Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 25, т. 2, ч. 2, л. 132, 183; *Лайдинен Э. П.* Советская контрразведка... С. 81.
- 76 Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 25, ч. 2, л. 22, 304, 319, 329; т. 3, ч. 3, л. 273, 287; *Лайдинен Э. П.* Советская контрразведка... С. 77.
- 77 *Heiskanen R. Saadun tiedon mukaan ...Päämajan johtama tiedustelu 1939—1945. Helsinki, 1989. S. 182; Rislakki J. Erittäin salainen. Vakoilu Suomessa. Helsinki, 1982. S. 250.*
- 78 Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 22, л. 33; *Лайдинен Э. П.* Советская контрразведка... С. 86.
- 79 Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 22, л. 33.
- 80 Там же, д. 21, л. 8.
- 81 Там же, ф. Секретариат, оп. 1, п. 120, л. 28.
- 82 *Rislakki J. Erittäin salainen... S. 249.*
- 83 См: Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, арх. № 30, т. 1—2.
- 84 *Heiskanen R. Saadun tiedon mukaan... S. 173—174.*
- 85 Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, арх. № 30, т. 1, л. 230—232, 235—239.
- 86 Там же, л. 1—7, 24—27.
- 87 *Heiskanen R. Saadun tiedon mukaan... S. 173; Лайдинен Э. П.* Советская контрразведка... С. 124.
- 88 Архив УФСБ РФ по Архангельской обл., д. 16089, т. 1, л. 1, 11, 57, 71, 84, 85, 87, 271; *Лайдинен Э. П.* Советская контрразведка... С. 125—126.

- 89 Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, арх. № 30, т. 1, л. 219—224; Лайдинен Э. П. Советская контрразведка... С. 126.
- 90 Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, арх. № 30, т. 1, л. 1, 2, 27, 30—32, 219—224, 230—232; 235—239; Лайдинен Э. П. Советская контрразведка... С. 132.
- 91 Архив УФСБ РФ по РК, ФТДМ, д. 8277, л. 19, 73, 84, 87, 121; Архив УФСБ РФ по Архангельской обл., д. 16089, т. 2, л. 1, 11, 34, 57, 68—69, 85, 87; Лайдинен Э. П. Советская контрразведка... С. 138.
- 92 Архив УФСБ РФ по Архангельской обл., д. 16089, т. 1, л. 11; Лайдинен Э. П. Советская контрразведка... С. 138.
- 93 Уголовный кодекс РСФСР. М., 1950. С. 36.
- 94 Архив УФСБ РФ по Архангельской обл., д. 16089, т. 2, л. 447; Лайдинен Э. П. Советская контрразведка... С. 138.
- 95 Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, арх. № 30, т. 1, л. 1—2, 22, 27, 30—32, 219—224, 230—232, 235—239; ФТДМ, д. 8277, л. 19, 21, 22, 41, 67, 73, 84, 87, 89, 121; Архив УФСБ РФ по Архангельской обл., д. 16089, т. 1, л. 82, 85, 87, 88, 271; Лайдинен Э. П. Советская контрразведка... С. 139.
- 96 Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 30, т. 1, л. 1—2, 27; ФТДМ, д. 8277, л. 95; Лайдинен Э. П. Советская контрразведка... С. 139.
- 97 Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 30, т. 1, л. 235—239; ФТДМ, д. 8277, л. 387; Лайдинен Э. П. Советская контрразведка... С. 139.
- 98 Архив УФСБ РФ по РК, ФЛД, д. 30, т. 1, л. 235—239; ФТДМ, д. 8277, л. 89; Лайдинен Э. П. Советская контрразведка... С. 140.
- 99 Архив УФСБ РФ по РК, ФКРО, оп. 1, д. 95, л. 126.
- 100 Там же, ФСДП, оп. 1, д. 302, л. 3—5; литер. дело 12, т. 3, ч. 1, л. 121.
- 101 Там же, ф. 6, литер. дело 11, т. 4, л. 210.
- 102 Там же, ФКРО, оп. 1, д. 95, л. 126.
- 103 Гнетнев К. В. Тайны лесной войны: Партизанская война в Карелии 1941—1944 годов в воспоминаниях, фотографиях и документах. Петрозаводск, 2007. С. 255—257.
- 104 Там же. С. 268.
- 105 Kivekäs. 2001. № 2.
- 106 Ibid. № 1, 2 и др.
- 107 Устная история в Карелии. Вып. 3. С. 80.

5.2. О планах ликвидации Карело-Финской ССР в августе 1944 г.

С проблемой коллаборационизма в Карелии в годы Второй мировой войны связан и вопрос о том, существовали ли планы ликвидации Карело-Финской ССР летом 1944 г. и выселения финно-угорских народов республики (карел, финнов, ингерманландцев, вепсов) в восточные районы страны. Этот вопрос впервые возник в конце 1980-х — начале 1990-х гг., когда в научный оборот стали вводиться новые архивные источники, которые ранее находились на спецхранении и были недоступны исследователям. Данные документы позволили значительно расширить наши представления о трагической и героической истории карел, финнов и вепсов в Карелии, в том числе и в военный период.

Весьма интересными и важными архивными источниками являются документы личного архива бывшего первого секретаря ЦК КП(б) Карело-Финской ССР, члена Военного совета Карельского фронта Г. Н. Куприянова, которые хранятся в фондах Национального архива Республики Карелия (НА РК)¹.

Г. Н. Куприянов в 1938 г. был направлен из Ленинграда на партийную работу в Карелию и избран первым секретарем Карельского обкома ВКП(б); в 1940 г. после создания Карело-Финской ССР он стал первым секретарем ЦК КП(б) КФССР. Двенадцать лет Г. Н. Куприянов возглавлял партийную организацию республики. В годы войны был членом Военсовета Карельского фронта. В 1950 г. Куприянов был арестован и осужден по «ленинградскому делу», освобожден и реабилитирован в 1956 г.

После выхода на заслуженный отдых и до самой смерти в 1979 г. Г. Н. Куприянов практически все свое время посвящал встречам с участниками Великой Отечественной войны на Севере, изучению архивных документов и написанию воспоминаний. Кроме многочисленных статей, опубликованных в различных газетах и журналах в 1970-е гг., им были изданы две книги². Однако многие его работы так и не были опубликованы. Как показывают архивные документы, в 1960—1970-е гг. они неоднократно включались в планы республиканского издательства «Карелия», но не утверждались. На наш взгляд, это объяснялось тем, что в воспоминаниях Г. Н. Куприянова давалась нелестная оценка действиям в годы Великой Отечественной войны тогдашних руководителей республики — первого секретаря Карельского обкома КПСС И. И. Сенькина и председателя Президиума Верховного Совета Карельской АССР П. С. Прокконена, которые и оказывали противодействие этим публикациям в Карелии. Сам Г. Н. Куприянов в предисловии к рукописи «Война на Севере» пишет: «Для меня сейчас предельно ясно, что если бы моя рукопись была написана идеально, она все равно не была бы издана в Карелии, пока Прокконен и Сенькин занимают руководящие посты»³.

Личный архив Г. Н. Куприянова включает в себя рукописи неопубликованных книг: «Война на Севере», «Записки партийного работника», «Партизанское движение в Карелии в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», «Чувство дистанции», «Пленные финны», многочисленные статьи, отправленные им в редакции газет и журналов, обширную переписку с воинами Карельского фронта, партизанами и подпольщиками, воевавшими на территории Карелии, дневники, которые Куприянов вел в сталинских тюрьмах и на пересыльных пунктах после своего ареста, и другие документы.

Из всех представленных в архиве Г. Н. Куприянова материалов особый интерес вызывают те, в которых рассматриваются национальные проблемы в Карелии в 1930—1940-е гг. Выделим из них только одну, практически не исследованную в научной литературе, — вопрос о планах ликвидации в августе 1944 г. Карело-Финской ССР и выселения карел, финнов и вепсов в восточные районы СССР.

Надо иметь в виду, что воспоминания Г. Н. Куприянова носят, конечно, субъективный характер, многое записывалось им по памяти. Вместе с тем необходимо отметить тот факт, что при подготовке своих книг он длительное время в 1960—1970-е гг. работал в центральных и карельских архивах. Поэтому в исследовании данного вопроса предпримем попытку сопоставить свидетельства Г. Н. Куприянова с другими архивными документами, которые хранятся в государственных архивах Республики Карелия: Национальном архиве РК и Карельском государственном архиве новейшей истории (КГАНИ) — бывшем архиве Карельского обкома КПСС. В определенной мере это позволяет провести научную экспертизу и сделать вывод о достоверности суждений автора о происходивших событиях.

Впервые о планах репрессий против карел и финнов в конце боевых действий на Карельском фронте — летом 1944 г. — рассказал карельский писатель Ортье Степанов. В интервью одной из центральных финляндских газет «Helsingin Sanomat» 30 марта 1988 г. он сообщил о своей послевоенной переписке с Г. Н. Куприяновым и о том, что в одном из писем тот сообщил ему о планах командования Карельского фронта по переселению карел, финнов и вепсов в Сибирь в августе 1944 г. и что ему, Куприянову, удалось предотвратить эту акцию⁴.

Данное интервью было подготовлено известным финляндским журналистом Юккой Рислакки и вышло под броским заголовком «Выселение карел в Сибирь подготавливали в августе 1944 г.». Однако эта, казалось бы сенсационная, публикация не вызвала тогда большого резонанса в Карелии, так как в то время трудно было подтвердить или опровергнуть эту информацию.

Знакомство с документами личного архива Г. Н. Куприянова, к которым историки получили доступ в полном объеме только в 1991—1992 гг., дает возможность более подробно раскрыть данную проблему, которая Куприянова очень волновала, поскольку к вопросу о планах выселения карел и финнов в 1944 г. из республики он обращался неоднократно. Об этом свидетельствуют специальные разделы в его рукописных книгах «Записки партийного работника» и «Война на Севере». Инициатором этой планируемой акции Г. Н. Куприянов считал генерал-лейтенанта Т. Ф. Штыкова, члена Военного совета Карельского фронта с 22 февраля по 15 ноября 1944 г.* По словам Куприянова, сразу же по прибытии в Беломорск в марте 1944 г. Т. Ф. Штыков поставил вопрос: «Как вели себя карелы и финны за три года войны?» И в дальнейшем при каждой встрече с руководителями республики он возвращался к этой теме. Г. Н. Куприянов же неизменно подчеркивал, что у него нет фактов, которые бы поставили под сомнение преданность карел и финнов советской власти и заподозрили бы их в сочувствии к противнику⁵.

Как видно из воспоминаний Г. Н. Куприянова, не получив от него фактов, компрометирующих карельский и финский народы в сотрудничестве с оккупационными финскими властями, Штыков стал искать необходимые ему данные через органы НКВД-НКГБ республики, Управление контрразведки СМЕРШ Карельского фронта и политорганы. И спустя некоторое время он сообщил Куприянову несколько фактов сотрудничества карел с оккупационными властями: предательство карелом Васильевым с хутора Копро-Ламби разведчиков Гумбарова и Бурцева; предательство связного НКВД КФССР карела Терентьева, выдавшего оккупационным властям Бутлякову и Артемьеву; сотрудничество с оккупантами 13 вепсов в Шелтозерском районе и некоторые другие⁶. «Но эти факты были незначительными и до этого уже были известны нам в ЦК КП(б) республики, — отмечает Г. Н. Куприянов. — И, конечно, они не могли бросить тень на весь карельский народ»⁷.

В своих воспоминаниях Г. Н. Куприянов пытается выяснить мотивы поведения члена Военного совета Карельского фронта Т. Ф. Штыкова и приходит к выводу, что тот хотел идти «в ногу со временем» и выслужиться перед Сталиным⁸.

Здесь следует подчеркнуть, что политика репрессий против целых народов широко применялась сталинским руководством в военный период. В августе 1941 г. была ликвидирована автономия немцев Поволжья, а сами они выселены в Сибирь и Казахстан. В 1943 г. были ликвидированы национально-государственные образования калмыков и карачаевцев, а сами народы насильственно депортированы из родных мест. В 1944 г. готовились, а затем были осуществлены

* Т. Ф. Штыков прибыл на Карельский фронт вместе с командующим К. А. Мерецковым в феврале 1944 г. До этого он был членом Военсовета Ленинградского (с июля 1942 г.) и Волховского (с апреля 1943 г.) фронтов (Великая Отечественная война, 1941—1945: Энциклопедия. М., 1985. С. 798).

421

репрессивные меры против чеченцев, ингушей, балкарцев, крымских татар и других народов.

Судя по воспоминаниям Г. Н. Куприянова, хотя до лета 1944 г. — до наступления войск Карельского фронта — никаких «новых фактов» сотрудничества карел с финскими оккупационными властями Т. Ф. Штыкову найти не удалось, он не оставил своей затеи. Когда началось наступление советских войск и был освобожден Олонецкий район республики, населенный преимущественно карелами, Штыков, по словам Куприянова, уделил большое внимание вопросу лояльности карельского населения советской власти и Красной Армии⁹. В частности, он заявил, что карелы плохо встретили наши войска, когда те занимали населенные пункты на территории этого района. Однако факты, по мнению Куприянова, были незначительны: вроде того, что в двух деревнях старухи-карелки не дали солдатам молока.

В разговоре с Г. Н. Куприяновым Т. Ф. Штыков сообщил, что дал задание начальнику Политического управления Карельского фронта К. Ф. Калашникову и начальнику Управления контрразведки СМЕРШ фронта Д. И. Мельникову подобрать факты, доказывающие «националистические устремления» карел, финнов и вепсов в годы войны¹⁰.

Несомненно, что Штыков и другие генералы имели информацию органов НКВД-НКГБ КФСР об эвакуации жителей Карелии вглубь территории СССР в начальный период войны. Карельский исследователь Э. П. Лайдинен отмечает, что в первую очередь НКГБ КФСР эвакуировал из пограничных районов и столицы республики «антисоветский и сомнительный элемент, ряд подучетников, активно проявляющих себя». При этом эвакуация и аресты начались еще до ве-

дения на территории Карелии боевых действий и вступления Финляндии в войну против СССР на стороне нацистской Германии. Можно предположить, что органы советской власти опасались, что не эвакуированный «сомнительный и подучетный элемент» может выступить на стороне противника в разной форме. Кроме того, органы власти знали, что Финляндия вступит в войну на стороне Германии, и, не доверяя своим гражданам, финнам по национальности, готовились провести превентивные меры в отношении их¹¹.

Под категорией «подучетники», или «подучетный элемент», в органах безопасности понимали лиц, совершивших или подозреваемых в совершении государственных преступлений (в частности, контрреволюционных преступлений, особо опасных преступлений против порядка управления (14 пунктов ст. 58 УК РСФСР)), а также ряда других уголовных преступлений. К «подучетникам» относили также лиц, незаконно прибывших в СССР, и тех, национальность которых не была представлена в составе национальностей Советского Союза. Были и другие категории, которые относились к «подучетникам», все они состояли на учете в НКВД-НКГБ.

Таким образом, лица финской национальности подпадали под категорию «подучетного элемента». Следует отметить, что органы советской власти не доверяли финнам уже во второй половине 1930-х гг., в период массовых репрессий в стране, развернув борьбу с «финским буржуазным национализмом». Исследователь данного вопроса И. Р. Такала отмечает, что из числа всех арестованных и осужденных в 1937—1938 гг., финны, чья численность в середине 1930-х гг. едва превышала 3 % населения республики, составили свыше 40 % всех репрессированных. По национальным приказам доля финнов была еще выше — до 73 % (карелы — 16 %, русские — 2 %)¹².

Война на Севере, которую СССР вел против Финляндии, придавала и без того сложным отношениям властей с советскими гражданами финской национальности особый характер. Летом 1941 г. их рассматривали как возможных пособников противника, который вел наступление по всей Карелии, стремительно приближаясь к Петрозаводску.

Хотя надо признать, что порой сами финны давали властям повод сомневаться в их лояльности к СССР. В финской среде республики по-разному относились к началу военных действий. Были и те, кто желал поражения СССР в войне с Германией и Финляндией. Это находило отражение в документах органов безопасности Карелии. Первые высказывания антисоветского характера среди лиц финской национальности были выявлены уже в первые дни войны. Так, в одном из документов НКГБ КФССР говорится: «В 22 часа 27 июня 1941 года во время воздушной тревоги, когда было по радио объявлено, что приближаются вражеские самолеты, гражданка Ахти Екатерина Ивановна начала плясать, выкрикивая “русские сволочи, победа будет за нами”, после задержания она вновь стала выкрикивать “русские сволочи”» и т. п.¹³

По мере продвижения финских войск вглубь территории республики НКВД КФССР отмечает изменения в настроениях населения, особенно среди финнов, чьих высказываний антисоветского характера стало больше¹⁴. В докладной записке «О выполнении директив НКГБ Союза ССР...» на имя П. А. Судоплатова от 3 сентября 1941 г. нарком НКВД КФССР М. И. Баскаков отмечал, что «если в начале войны антисоветские настроения среди финнов были редкими явлениями,

то теперь таких фактов зарегистрировано больше»¹⁵. Так, во второй половине июля 1941 г. «...финка Тоуронен Анна заявила: “Я не буду сожалеть, если власть советов потерпит поражение, а на смену ей придет другая власть”; ...разрабатываемый по шпионажу финн Линдаль высказал мысль о неизбежной победе Германии над СССР»¹⁶.

Отдельным высказываниям местного населения финно-угорских национальностей НКВД КФССР придавал характер массовости. Так, нарком внутренних дел республики М. И. Баскаков в докладной записке «О выполнении директив НКГБ Союза № 127, 136 и 168», направленной 1 августа 1941 г. заместителю народного комиссара внутренних дел СССР В. Н. Меркулову, отмечает, что «общее политико-моральное состояние населения КФССР с начала войны и за истекшую декаду с 21 по 31.07.1941 г. является хорошим. Вместе с тем агентура контрразведывательного и секретно-политического отделов за истекшую декаду сообщила ряд фактов, указывающих на то, что *некоторая часть подучетного элемента из числа бывшего кулачества, трудпереселенцев и, главным образом, финского населения в связи с продвижением отдельных групп белофинских войск в направлении Петрозаводска, группируясь, проявляет себя антисоветски*»¹⁷ (курсив наш. — С. В.).

Лица, проводившие подобную агитацию, «брались в проверку и разработку», многие из них были арестованы. 24 июня 1941 г. Баскаков, докладывая Меркулову о положении дел в республике, сообщал, что «всего арестованных на 24 июня 84 человека, в т. ч. арестованных с начала военных действий 31, из которых 29 за истекшие сутки». Аресты проходили не только в Петрозаводске, но и по всей республике. По мере продвижения финских войск их число возрастает. Так, за декаду с 21 по 31 июля 1941 г. были арестованы 17 человек. Всего с начала войны по 20 августа 1941 г. в Карелии было арестовано 230 человек: по городу — 130, по сельской местности — 93, военнослужащих — 7. Закончено следственных дел с начала войны на 90 человек¹⁸.

Поведение отдельных представителей финской диаспоры республики в начальный период войны, их высказывания в пользу противника, а также их национальная принадлежность послужили поводом к первоочередной, принудительной эвакуации данной категории населения.

В докладной записке М. И. Баскакова на имя одного из руководителей НКВД СССР П. А. Судоплатова 3 сентября 1941 г. говорится: «Как сообщила подавляющая часть финской агентуры, большинство финнов отказываются выполнять решения эвакуационных троек о выезде из города (имеется в виду Петрозаводск. — С. В.) и под любым предлогом пытаются остаться здесь и скрываются вместе с семьями в пригороде Петрозаводска, который в значительной мере заселен финнами. Только по одному Зарецкому району города отказалось эвакуироваться свыше 110 финских семей»¹⁹.

Учитывая нежелание отдельных лиц финской национальности эвакуироваться из Петрозаводска, НКГБ КФССР провел проверку по данному вопросу, в ходе которой было установлено, что еще в начале сентября 1941 г. «...в п. Бараний Берег (пригород Петрозаводска. — С. В.) проживало много семей финнов, они, чтобы не эвакуироваться, оставив вещи, ушли в лес». Принятыми мерами эти финны почти полностью обнаружены и эвакуированы. «Отказалась также от эвакуации и финская писательница Тихля Хильда, заявив окружающим, что бояться

финнов нечего, они никого не трогают...». В то же время агентура сообщала о том, что «...писательница Тихля Хильда группирует вокруг себя националистически настроенных финнов, проповедует среди них непобедимость религиозного движения... что финскую армию толкает на победы человеческий дух-освободитель» и т. п. Она же доказывала моральное превосходство финской армии. Ввиду престарелого возраста Тихля не была репрессирована, а подвергнута принудительной эвакуации. В Карелию она уже не вернулась, а умерла в эвакуации 27 марта 1944 г. в возрасте 72 лет²⁰.

В документах органов безопасности Карелии отмечается, что «в связи с насильственной эвакуацией среди финнов вновь возобновляются разговоры о произведенных в 1937—1938 гг. арестах “невинных” людей и они ставят вопрос о необходимости их освобождения». Так, Айно Салмела выражала возмущение тем, что по последнему Указу освобождено много преступников, а «честных людей, арестованных в 1938 г., до сих пор держат в тюрьмах...»²¹.

По данным переписи 1939 г., на которые ссылаются все исследователи, в том числе и И. Р. Такала, специально изучавшая историю финской диаспоры в Карелии, в 1939 г. в республике проживало 8 322 финна²². По материалам военного архива Финляндии, на 1 июля 1942 г. в общем составе населения, оказавшегося на оккупированной территории Карелии, было 583 финна, 269 ингерманландцев, всего — 852 человека²³, что составляло более 10 % финнов, проживавших в республике до войны. По сравнению с другими национальностями это был довольно большой процент.

Правда, следует иметь в виду, что летом 1940 г. в Карело-Финскую ССР из г. Мурманска и Мурманской области органами НКВД Мурманской области, по неполным данным, было переселено «7 120 граждан иностранных национальностей, среди которых больше всего было финнов — 4 033 человека»²⁴. Поэтому накануне Великой Отечественной войны финское население Карелии составляло около 12 тыс. человек. Однако все спецпоселенцы в первые же дни военных действий вместе с другими «неблагонадежными элементами» (заключенными, «подручниками» и др.) были насильственно эвакуированы в тыл страны. В этой связи вполне корректно, на наш взгляд, сравнивать численность финского населения, оказавшегося на территории оккупированной Карелии в 1941—1944 гг., с данными переписи 1939 г.

Как рассматривать поведение и действия отдельных представителей финского населения Карелии в начальный период Великой Отечественной войны? Как оценивать их нежелание эвакуироваться в тыл страны? Исследуя данный вопрос, Э. П. Лайдинен высказывает мысль о пассивной форме сопротивления советских граждан финской национальности органам государственной власти²⁵.

Можно согласиться с данным утверждением, отметив, что это пассивное сопротивление носило стихийный характер. У финского населения были серьезные основания не любить существующий (сталинский) режим, многие финны потеряли своих родных и близких в годы «большого террора», вероятно, часть из них совершала эти поступки от отчаяния. Однако следует отметить, что негативное отношение к людям, допускавшим «антисоветские высказывания» и избегавшим эвакуации в тыл страны в то время, когда враг приближался к столице республики, вполне объяснимо. Кроме того, данные поступки подпадали под

действия уже существовавших правовых норм, а с учетом начавшейся войны — новых законов и подзаконных актов.

Так, 22 июня 1941 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении». Одновременно в этот же день опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения», в том числе и на территории Карело-Финской ССР²⁶. 26 июня 1941 г. была издана Директива НКГБ СССР № 148 об аресте и предании суду военного трибунала распространителей панических слухов, пытающихся дезорганизовать тыл. 28 июня 1941 г. была принята Директива НКГБ СССР № 152 о мероприятиях по пресечению распространения среди населения провокационных слухов в связи с военной обстановкой²⁷.

По данным переписи 1939 г., национальный состав населения Карельской АССР был представлен следующим образом: всего — 468 898 человек (100 %); русские — 296 529 (63,2 %); карелы — 108 571 (23,2 %); вепсы — 9 388 (2,0 %), финны — 8 322 (1,8 %); прочие — 46 088 (9,8 %)²⁸.

По одной из первых переписей населения, проведенной Военным управлением Восточной Карелии на оккупированной территории Карелии, материалы которой хранятся в Военном архиве Финляндии, на 1 июля 1942 г. насчитывалось: всего — 85 705 человек, из них: националы — 39 005 человек (карелы, финны, вепсы и другие финно-угорские народы), ненационалы (русские и другие не финно-угорские народы) — 46 700 человек²⁹. В число последних были включены и советские граждане, перемещенные финскими властями из Ленинградской области. Среди населения, оказавшегося в оккупации, карел насчитывалось 31 309 человек (37 %), вепсов — 6 696 (7 %)³⁰, что в процентном отношении значительно превышало численность этих народов в составе населения Карелии до Великой Отечественной войны.

Таким образом, данные по национальному составу населения оккупированных районов Карелии вполне могли быть оценены командованием Карельского фронта как факт «неустойчивости» финно-угорских народов республики в военный период и являлись для него весомым аргументом в вопросе ликвидации республики и депортации этих народов в восточные районы страны.

Дело принимало серьезный оборот. По свидетельству Г. Н. Куприянова, секретарь ЦК КП(б) КФССР по пропаганде И. С. Яковлев сообщил ему, что один из работников Политуправления Карельского фронта приказал ему (карелу по национальности. — С. В.) подготовить материалы, характеризующие «предательскую роль карел во время войны»³¹. А несколько позднее Штыков заявил, что подготовил докладную записку И. В. Сталину по вопросам высылки карел и финнов и что с его выводами согласны командующий Карельским фронтом К. А. Мерецков и член Военного совета Ленинградского фронта А. А. Жданов. В докладной записке был также сделан вывод и о том, что в Карелии не было широкого партизанского движения и серьезной подпольной работы на оккупированной противником территории³².

Как видно из воспоминаний Г. Н. Куприянова, осознав, что убедить Т. Ф. Штыкова, Д. И. Мельникова и других генералов не представлялось возможным и что те все равно поставят вопрос в ЦК ВКП(б) о репрессиях против карел, финнов и вепсов, он принял решение подготовить контрматериалы. «Нельзя было наде-

яться на благодушие тех, кому в Москве предстояло решить вопрос о судьбе республики и ее народов, выслушав только доводы Т. Ф. Штыкова и Д. И. Мельникова, надо было готовиться к большому бою, а для него иметь больше фактов», — пишет Г. Н. Куприянов³³.

В распоряжении ЦК КП(б) Карело-Финской ССР было много примеров героических подвигов карел, финнов, вепсов на фронте и в тылу в годы Великой Отечественной войны. Многие из них были опубликованы в военный период в республиканских газетах «Ленинское знамя» и «Totuus» («Правда», выходила на финском языке).

Кроме того, когда Штыков еще в марте 1944 г. впервые заявил, что не доверяет карелам, тогда же Г. Н. Куприянов как член Военного совета Карельского фронта дал указание начальникам политотделов всех пяти сухопутных армий Карельского фронта, начальнику политотдела 7-й воздушной армии и начальнику Политуправления Северного Военно-Морского Флота, чтобы они собрали по войскам и по кораблям флота факты героических подвигов и образцовой службы карел, финнов и вепсов. Использовался также материал, который был в распоряжении ЦК КП(б) Карело-Финской ССР, в штабе партизанского движения Карельского фронта и в аппарате Военсовета фронта. На основании этого была составлена записка об участии карел, финнов и вепсов в Великой Отечественной войне, утвержденная затем на бюро ЦК КП(б) КФССР³⁴.

Этот сюжет в воспоминаниях Г. Н. Куприянова подтверждается архивными документами. В восьмом фонде НА РК имеется записка ЦК КП(б) КФССР «Об участии карело-финского народа в Великой Отечественной войне». Она составляет 73 машинописные страницы и содержит восемь глав³⁵. В записке отмечается, что до 100 тыс. лучших сынов и дочерей Карело-Финской ССР, в их числе 24 тыс. карел и финнов, с оружием в руках выступили на защиту Советс-

кой Родины (призвано в Красную Армию 94,5 тыс. человек; участвовало в боевых операциях в составе истребительных батальонов 3,5 тыс. человек). 5 тыс. трудящихся республики с первых дней войны вступили добровольцами в ряды народного ополчения³⁶.

В документе подчеркивалось, что основная масса населения оккупированных врагом районов организовано была эвакуирована вглубь страны. Колхозники-карелы нередко выезжали целыми колхозами, со всем колхозным имуществом. Так, например, из Сегозерского района эвакуировался во главе с председателем карельский колхоз «Красная Звезда» (40 человек). Колхозники дружно работали в эвакуации. Позднее этот колхоз в полном составе вернулся в Сегозерье. В тех случаях, когда не имелось возможности вывести с собой колхозное добро, колхозники-карелы сжигали склады и собственные дома³⁷.

Далее в записке отмечалось, что на территории, оккупированной врагом, осталось населения не более 40 тыс. человек*, среди них около 50 % карел и финнов, большинство которых не смогли эвакуироваться вследствие того, что пути их отхода оказались перерезанными финскими войсками. Следует иметь в виду, что Г. Н. Куприянов называет число советских граждан, проживавших до войны на территории республики. В оккупированную же Карелию финны ввезли еще около 40 тыс. человек из Ленинградской области — из района Свири, захваченного финскими войсками.

В записке приводились многочисленные факты героизма и мужества представителей карельского, финского и вепсского народов. В боях с противником отличились офицеры Красной Армии: финны по национальности — майор (впоследствии полковник) Валли, полковник Суомалайнен, полковник Лехен, капитан Кукконен и др.; карелы — полковники Ф. Егоров и И. Горчаков, майоры — Самойлов и Евсеев, капитаны — Амелин, Петров, Капитонов, Милорадов и др. Особенно подчеркивалось то, что среди карел, финнов и вепсов есть Герои Советского Союза: карел Николай Амелин, уроженец Сегозерского района, карелка Мария Мелентьева, уроженка Пряжинского района, вепсянка Анна Лисицына, уроженка Шелтозерского района, финн Петр Тикийяйнен³⁸.

Большое место в записке уделено освещению подвигов карельских и финских партизан и подпольщиков. В начале войны карелы, финны и вепсы составляли 32,5 % общего числа партизан республики (650 человек из 2 тыс.). С начала Великой Отечественной войны и до 20 июля 1944 г. карело-финские партизаны, по далеко неполным данным, истребили до 11 тыс. солдат и офицеров противника; уничтожили и повредили: эшелонов — 26; паровозов — 26; вагонов — 410; автомашин — 237; взорвали 96 железнодорожных и шоссейных мостов. В записке приводились фамилии карел — героев партизанской войны: И. А. Григорьев, Я. В. Ефимов, И. И. Кондратьев и др. Назывались имена проявивших себя подпольщиков: карела Егора Николаевского, возглавлявшего подпольную группу Ведлозерского района, вепса Дмитрия Горбачева, руководившего подпольной группой в Шелтозерском районе, и др.³⁹

Отметим, что число уничтоженных партизанами Карельского фронта солдат и офицеров противника, приведенное в записке, было завышенным и не под-

* Исследователи подсчитали, что на оккупированной территории республики находилось около 86 тыс. человек.

тверждается архивными данными. Названные цифры, на наш взгляд, отражают желание Г. Н. Куприянова усилить свои аргументы в вопросе сохранения Карело-Финской ССР.

Значительное внимание уделялось в записке борьбе населения на оккупированной территории, где финские власти проводили политику разделения карел, финнов, вепсов от русских, пытались изобразить себя в роли «братьев-спасителей». Русские были поставлены в худшие материальные условия по сравнению с карелами и финнами. Для этих целей были введены три категории продуктовых карточек: финская, карельская и русская. Нормы питания русских были значительно ниже, чем карельских и финских рабочих. За одну и ту же работу русские получали меньше, чем финны⁴⁰.

В документе отмечалось, что нормами снабжения финские оккупационные власти пытались стимулировать «карелизацию» русского населения. Для увеличения количества карельского населения в Петрозаводске и в Кондопожском районе они пытались вручить русским гражданам паспорта карел. Кто имел паспорт карела, тот получал за работу 7—8 марок в час, в то время как за аналогичную работу русским платили 2—3 марки. Но, как подчеркивалось в записке, советские люди крайне неохотно меняли свои документы⁴¹.

В заключение делался вывод о том, что политика финских захватчиков потерпела крах: карельское, финское и вепское население республики было едино с русским народом. Народ ждал Красную Армию, верил в ее возвращение и не хотел мириться с оккупантами⁴². Все попытки финнов убедить карел, финнов и вепсов переселиться в Финляндию провалились. В записке приводился такой пример: из 3 тыс. жителей оккупированного Шелтозерского района, который в основном был населен вепсами, в соседнюю страну выехало всего 24 семьи (104 человека)⁴³.

Докладная записка «Об участии карело-финского народа в Великой Отечественной войне» была направлена в ЦК ВКП(б) И. В. Сталину, а также А. А. Жданову, Г. М. Маленкову и А. С. Щербакову. «Эту записку, — пишет Г. Н. Куприянов, — я послал также начальнику Политуправления Карельского фронта генерал-майору К. Ф. Калашникову, приказал ему размножить ее и разослать во все политотделы дивизий с тем, чтобы политработники использовали факты из этой записки при проведении бесед и докладов среди бойцов»⁴⁴.

Проанализированные документы Центрального архива Министерства обороны (ЦАМО) подтверждают, что в период наступления войск Карельского фронта в массово-политической работе среди бойцов широко использовались сведения из этой докладной записки. Политуправление фронта в помощь агитаторам оперативно выпустило брошюру «Герои боев за освобождение Советской Карелии», где значительное внимание было уделено освещению подвигов карел, финнов и вепсов, а политотдел 176-й стрелковой дивизии издал листовку «Действуй в бою, как Сойту». Андрей Сойту, финн по национальности, за проявленное в боях мужество был награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды, медалью «За Отвагу»⁴⁵. В политической работе с личным составом войск Карельского фронта широко освещались подвиги бойцов 71-й стрелковой дивизии 7-й армии, в значительной мере состоящей из карел и финнов. Эта дивизия была сформирована на основе 1-го корпуса Финской народной армии сразу после окончания советско-финляндской войны 1939—1940 гг.

429

5.2. О планах аннексии Карело-Финской ССР в августе 1944 г.

В середине августа 1944 г. командующий Карельским фронтом К. А. Мерецков, член Военсовета фронта Т. Ф. Штыков, первый секретарь ЦК КП(б) КФССР Г. Н. Куприянов были вызваны в Москву, где предполагалось рассмотреть положение на Карельском фронте и решить вопрос о республике. Однако 10 августа 1944 г. на участке 32-й армии Г. Н. Куприянов был ранен и попал в госпиталь. Поэтому в Москву поехали только К. А. Мерецков и Т. Ф. Штыков, где их принял Сталин. За то время, что Г. Н. Куприянов лежал в госпитале, произошли два события, которые, по его мнению, Т. Ф. Штыков пытался использовать для подтверждения своей точки зрения.

Первое — это неудачный бой 176-й дивизии, которой командовал финн по национальности генерал-майор Т. В. Томмола. С конца июня 1944 г. дивизия с боями наступала от станции Масельгская до государственной границы с Финляндией — свыше 200 км по бездорожью, не получая подкрепления. Вышла к границе ослабленной, но продолжала наступление. Ее головной полк с дивизионом артиллерии перешел границу. Но финны перебросили подкрепление, и полк вынужден был отойти. Противник захватил две батареи. «По опыту других фронтов, — пишет Куприянов, — я знал, что отход одного полка и потеря двух батарей — не такое уж страшное дело в такой большой войне»⁴⁶.

К. А. Мерецков сначала не придавал этому факту большого значения, хотя и был недоволен, что пришлось отойти и потерять две батареи. Однако Т. Ф. Штыков ухватился за это только потому, что дивизией командовал финн Т. В. Томмола. Он все доложил Сталину по телефону, и Томмола был снят с должности командира дивизии. «Об этом мне рассказал Г. М. Маленков, когда, выполняя указание И. В. Сталина, вызвал меня в Москву для объяснения по карельскому вопросу», — отмечает Г. Н. Куприянов⁴⁷.

Попытаемся проанализировать этот факт воспоминаний Г. Н. Куприянова, привлекая материалы коллективной монографии «Карельский фронт в Великой Отечественной войне». Действительно, в начале августа 1944 г. две дивизии 32-й армии — 289-я и 176-я — перешли государственную границу, но, встретив ожесточенное сопротивление противника, были вынуждены отойти на указанные Ставкой рубежи⁴⁸. Куприянов ошибся только в одном: Т. В. Томмола командовал 289-й стрелковой дивизией, а не 176-й. Однако он был прав в том, что генерал-майор Т. В. Томмола, который командовал дивизией с конца марта 1942 г., вынужден был сдать командование генерал-майору Н. А. Чернухе⁴⁹.

Второй случай, о котором упоминает Г. Н. Куприянов, был связан с поэтом П. Шубиным, майором административной службы, находившимся в войсках Карельского фронта. Куприянов пишет: «12—13 августа 1944 г. ко мне в госпиталь приехал прокурор фронта полковник юстиции Стариковский и попросил санкцию на арест П. Шубина — за попытку изнасилования девушки. Я дал санкцию на арест и предание П. Шубина суду военного трибунала. Дело рассматривал председатель военного трибунала фронта подполковник юстиции А. М. Харитонов. Однако Т. Ф. Штыков взял под защиту П. Шубина, и тот не отбывал фактически никакого наказания, только был лишен звания майора. А затем Т. Ф. Штыков и А. А. Жданов обвинили меня в том, что я погубил русского парня из-за какой-то карельской девки»⁵⁰. К сожалению, проверить этот факт по архивным документам пока не удалось.

Г. М. Маленков рассказал Куприянову о встрече в середине августа 1944 г. К. А. Мерецкова и Т. Ф. Штыкова со Сталиным. Сталин заявил, что прочитал как предложения Т. Ф. Штыкова, так и записку Г. Н. Куприянова и что без Г. Н. Куприянова решать вопрос нельзя и лучше всего рассмотреть его на Секретариате ЦК ВКП(б)⁵¹.

Заседание Секретариата ЦК ВКП(б), на котором обсуждался вопрос о Карело-Финской ССР, состоялось 30 августа 1944 г. Как пишет Г. Н. Куприянов, на нем, кроме него самого, присутствовали А. А. Жданов, Г. М. Маленков, А. С. Щербаков, М. А. Шамберг, Т. Ф. Штыков и др.⁵²

Еще до заседания Г. Н. Куприянова принял Г. М. Маленков, который сказал, что вопрос о республике обсуждался у Сталина. Сталин прочитал записку Г. Н. Куприянова, нашел ее довольно убедительной и заявил, что аналогию между карелами и крымскими татарами провести нельзя. При этом он, правда, заметил, что Г. Н. Куприянов слишком перехваливает карел: «Он стал карелом больше, чем сами карелы»⁵³.

Исследователи этого вопроса по-разному объясняют позицию Сталина. Писатель О. Степанов, например, считал, что Г. Н. Куприянов был «любимцем Сталина» и в телефонных разговорах, которые время от времени происходили между Сталиным и Куприяновым, последний, вероятно, сумел повлиять на мнение диктатора⁵⁴.

На наш взгляд, на Сталина повлияли приведенные в записке цифры и факты об участии карел, финнов и вепсов в Великой Отечественной войне. Данные разведки также говорили о том, что не было фактов «массового предательства населения». Не подтвердилась и информация о двух братских батальонах в финской армии, сформированных из местного населения, финны не считали эти

батальоны лояльными до конца и убрали их с передовых позиций на фронте. К тому же лишь часть личного состава батальонов была укомплектована на территории оккупированной Карелии⁵⁵.

Вызывает интерес и тот факт, что по постановлению РККА № 1526 от 3 апреля 1942 г. воевавшие на различных фронтах финны-ингерманландцы отзывались с позиций и отправлялись в тыл в трудовые армии⁵⁶. На Карельском же фронте такие акции не известны. И до самого выхода Финляндии из войны советские финны воевали в частях Карельского фронта, некоторые из них командовали полками и дивизиями.

Что касается заседания Секретариата ЦК ВКП(б) 30 августа 1944 г., на котором решался вопрос о судьбах карел, финнов и вепсов, то вел его Г. М. Маленков. Первым слово взял Т. Ф. Штыков и изложил свою точку зрения по вопросу ликвидации Карело-Финской ССР и выселения карел и финнов из республики. Но факты у него, как отмечает Г. Н. Куприянов, были слабыми, незначительными, ничего нового он сообщить не смог. Затем выступил сам Куприянов, отвергая доводы Штыкова, он привел многочисленные примеры героизма карел, финнов, вепсов в годы войны. Последним слово взял Г. М. Маленков, проинформировав присутствовавших о том, что Сталин против принятия административных мер по отношению к карелам. Их поведение, по его мнению, нельзя сравнить с поведением крымских татар. Позиция Сталина и решила спор⁵⁷.

Обсудив данный вопрос, Секретариат ЦК ВКП(б) ограничился тем, что отметил некоторые недостатки в массово-политической работе среди населения республики, только что освобожденного от финской оккупации, и предложил Г. Н. Куприянову подготовить проект постановления ЦК ВКП(б) по этому вопросу. Проект был подготовлен, и 31 августа 1944 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «О недостатках массово-политической работы среди населения районов КФССР, освобожденных от финской оккупации»⁵⁸.

Что можно сказать по поводу этой части воспоминаний Г. Н. Куприянова? К сожалению, до сих пор часть документов ЦК ВКП(б) — КПСС (Секретариата, Оргбюро, Политбюро) остается недоступной для историков. Но материалы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), ранее — Центрального партийного архива, и Архива Президента Российской Федерации (АПРФ) свидетельствуют о том, что действительно 30 августа 1944 г. в ЦК ВКП(б) рассматривался вопрос о Карело-Финской ССР и по его итогам было принято соответствующее постановление.

Косвенные факты не дают повода усомниться в правдивости суждений Г. Н. Куприянова. Постановление ЦК ВКП(б) от 31 августа 1944 г. «О недостатках массово-политической работы среди населения районов КФССР, освобожденных от финской оккупации» было опубликовано в печати, вошло во многие сборники документов и научные исследования по Великой Отечественной войне. На него в обязательном порядке ссылались историки, освещая проблемы идейно-политической работы партии среди населения в военный период⁵⁹. Суть данного постановления сводилась к тому, что население освобожденных районов Карелии в течение трех лет находилось под воздействием вражеской националистической пропаганды, которая оказала серьезное влияние на сознание людей и мешала восстановлению народного хозяйства республики.

Анализ архивных и опубликованных документов показывает, что в Карелии была развернута большая работа по претворению в жизнь этого постановления. Лучшие пропагандистские силы были направлены в Шелтозерский, Олонецкий, Ведлозерский, Сегозерский и другие районы республики. Проводились лекции, доклады, беседы по темам Великой Отечественной войны⁶⁰.

Попытаемся отойти от идеологических установок этого постановления и объективно взглянуть на ситуацию. На оккупированной территории республики проживало всего около 86 тыс. человек, в основном женщины, старики и дети. И недостатки в массово-политической работе среди них не давали серьезного основания для специального обсуждения этого вопроса в ЦК ВКП(б) и принятия по нему постановления. Не будем забывать и о том, что шел август 1944 г., боевые действия продолжались на всем протяжении советско-германского фронта и у руководства партии и страны, конечно же, было много других не менее важных дел.

На наш взгляд, принятие постановления ЦК ВКП(б) от 31 августа 1944 г. по существу было отголоском борьбы тех, кто хотел ликвидировать Карело-Финскую ССР и выселить карел, финнов и вепсов за пределы республики, с теми, кто хотел воспрепятствовать этой акции. Трудно себе представить, как сложилась бы судьба карел, финнов и вепсов, если бы было принято решение о ликвидации республики. Скорее всего, они разделили бы участь тех народов, чья национальная государственность была ликвидирована в этом же 1944 г. (чеченцев, ингушей, балкарцев, калмыков, крымских татар, карачаевцев и др.).

Вместе с тем постановка этого вопроса в ЦК ВКП(б) не прошла бесследно для Карело-Финской ССР. Как пишет Г. Н. Куприянов, определенное недоверие в верхах все-таки осталось. Видимо, в силу этого Г. М. Маленков отклонил в октябре 1944 г. просьбу руководства республики о награждении большой группы карельских партизан и подпольщиков орденами и медалями⁶¹.

Документы личного архива Г. Н. Куприянова ставят перед исследователями, изучающими национальные проблемы истории Карелии в 1930—1940-е гг., новые задачи, открывают подходы к темам, которые долгие годы были закрыты для анализа. Окончательные выводы о планах ликвидации Карело-Финской ССР в 1944 г. и высылки карел, финнов и вепсов за ее пределы пока делать рано. Необходимо познакомиться с более широким кругом источников, в частности с архивными документами ЦК ВКП(б) периода войны. На наш взгляд, интересующие исследователей документы могут храниться и в личном архиве И. В. Сталина.

Что касается твердой позиции самого Г. Н. Куприянова по данному вопросу, то она, по нашему мнению, объясняется двумя главными причинами: во-первых, абсурдностью аргументов, выдвинутых командованием Карельского фронта летом 1944 г. по вопросу ликвидации республики и депортации финно-угорских народов в восточные районы страны; во-вторых, в случае ликвидации Карело-Финской ССР и высылки карел, финнов и вепсов руководитель республики мог иметь серьезные проблемы для себя лично.

- 1 НА РК, ф. 3435 (Фонд Г. Н. Куприянова).
- 2 Куприянов Г. Н. От Баренцева моря до Ладоги. Л., 1972; Он же. За линией Карельского фронта. Петрозаводск, 1975.
- 3 НА РК, ф. 3435, оп. 3, д. 1/2, л. 48.
- 4 Helsingin Sanomat. 1988. 30. maaliskuuta.
- 5 НА РК, ф. 3435, оп. 3, д. 5, л. 158.
- 6 Там же, л. 160.
- 7 Там же, л. 159.
- 8 Там же.
- 9 Там же, л. 161.
- 10 Там же, л. 162—163.
- 11 Лайдинен Э. П. Финское население Карелии в начальный период Великой Отечественной войны. С. 1—2. (Рукопись.)
- 12 Такала И. Р. Финны в Карелии и в России: История возникновения и гибели диаспоры. СПб., 2002. С. 123.
- 13 Архив УФСБ РФ по РК, ф. 2, оп. 1, п. 101, л. 38.
- 14 Лайдинен Э. П. Финское население Карелии... С. 3.
- 15 Архив УФСБ РФ по РК, ф. 2, оп. 1, п. 101, л. 38.
- 16 Там же, л. 236—237.
- 17 Лайдинен Э. П. Финское население Карелии... С. 3.
- 18 Там же.
- 19 Там же. С. 4; Архив УФСБ РФ по РК, ф. 2, оп. 1, д. 102, л. 54—56.
- 20 Лайдинен Э. П. Финское население Карелии... С. 7; Архив УФСБ РФ по РК, ф. 2, оп. 1, д. 102, л. 54—56.
- 21 Лайдинен Э. П. Финское население Карелии... С. 5.
- 22 КГАНИ, ф. 3, оп. 5, д. 279, л. 32—35; Такала И. Р. Финское население Советской Карелии в 1930-е годы // Карелы. Финны: Проблемы этнической истории: Сб. ст. и докл. М., 1992. С. 153—154.
- 23 Sota-arkisto (SA), l. 105 NIKON: 9429—9628.
- 24 Подсчитано автором по: Архив УФСБ РФ по РК, ФКРО, оп. 1, д. 68, 69, 70.
- 25 Лайдинен Э. П. Финское население Карелии... С. 5—6.
- 26 Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1: Начало (22 июня — 31 августа 1941 года). М., 2000. С. 5—7.
- 27 Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. С. 86, 113.
- 28 Карельская АССР. 60 лет: Стат. сб. Петрозаводск, 1980. С. 8; Покровская И. П. Население Карелии. Петрозаводск, 1978. С. 12, 18—19, 103—104; Очерки истории Карелии. Т. 2. Петрозаводск, 1964. С. 335.
- 29 Väestötoimisto // Karjalan Sotilashallintoesikunta, 1943. T-2870/12, SA.
- 30 Ibid. T-2970/12, SA.
- 31 НА РК, ф. 3435, оп. 3, д. 5, л. 163.
- 32 Там же, оп. 1, д. 116, л. 520.
- 33 Там же, оп. 3, д. 5, л. 163—164.
- 34 Там же, л. 165—167.
- 35 КГАНИ, ф. 8, оп. 14, д. 376.

- 36 КГАНИ, ф. 8, оп. 14, д. 376, л. 4—5.
- 37 Там же, л. 9.
- 38 НА РК, ф. 3435, оп. 3, д. 5, л. 204—205.
- 39 Там же, л. 13.
- 40 КГАНИ, ф. 8, оп. 14, д. 376, л. 46, 50.
- 41 Там же, л. 50—51.
- 42 Там же, л. 72.
- 43 Там же, л. 61—63.
- 44 Там же, л. 167—168.
- 45 ЦАМО, ф. 367, оп. 8655, д. 89, л. 262.
- 46 НА РК, ф. 3435, оп. 3, д. 5, л. 179—180.
- 47 Там же, л. 180—182.
- 48 Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., 1984. С. 220—221.
- 49 Там же. С. 321.
- 50 НА РК, ф. 3435, оп. 3, д. 5, л. 182—183.
- 51 Там же, л. 182.
- 52 Там же, оп. 1, д. 116, л. 157, 520—521.
- 53 Там же, оп. 3, д. 5, л. 180—190.
- 54 Helsingin Sanomat. 1988. 30 maaliskuu.
- 55 Ibid.
- 56 Куокканен В. Здравствуйте! Мы еще живы ... // Радуга. 1990. № 10. С. 60.
- 57 НА РК, ф. 3435, оп. 3, д. 5, л. 193—194; оп. 1, д. 116, л. 521—522.
- 58 Там же, оп. 1, д. 116, л. 194—195; оп. 3, д. 5, л. 522.
- 59 См. пример: Очерки истории Карельской организации КПСС. Петрозаводск, 1974. С. 305; Морозов К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Петрозаводск, 1983. С. 212; и др.
- 60 КГАНИ, ф. 8, оп. 3, д. 4, л. 20—25; д. 1, л. 87—88; НА РК, ф. 3435, оп. 3, д. 5, л. 204, 205.
- 61 НА РК, ф. 3435, оп. 3, д. 5, л. 204—205.

5.3. Начало восстановления народного хозяйства в освобожденных от оккупации районах Карелии (лето 1944 г. — май 1945 г.)

С освобождением Карелии от финской оккупации перед трудящимися встали задачи по восстановлению экономики республики. На оккупированной врагом территории Карелии было разрушено около 200 промышленных предприятий, восстановление большинства из которых по существу означало новое строительство. Поголовье крупного рогатого скота и овец по сравнению с 1940 г. сократилось в 2,3 раза, свиней — в 9 раз. Примерно половина пашни (52,2 тыс. га), прежде вовлеченной в хозяйственный оборот, в оккупированных районах оказалась запущенной и не обрабатывалась¹.

Подготовка к восстановлению экономики республики началась еще в ходе военных действий, в 1943 г. На основе постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» в Карелии были разработаны детальные планы восстановления различных отраслей народного хозяйства, реэвакуации специалистов и рабочих кадров. В районах развернулась работа по подготовке производственной базы для освобожденных территорий. Железнодорожники Кемского отделения Кировской железной дороги обязались отремонтировать и изготовить инструменты, запчасти и оборудование для Петрозаводского отде-

ления дороги, чтобы при освобождении столицы республики оно сразу могло начать работу. К 1 июля 1944 г. для южных участков магистрали было подготовлено оборудование и запчасти на сумму 700 тыс. руб. и тем самым на 50 % удовлетворена их общая потребность в оборудовании. На лесопунктах по инициативе комсомольцев велась заготовка строительного леса и дров для бывших оккупированных районов, в колхозах создавались семенные и фуражные фонды².

6 августа 1944 г. Президиум Верховного Совета, Совет Народных Комиссаров и ЦК Компартии КФССР приняли обращение «К народу Карело-Финской ССР» в связи с близившимся завершением ее полного освобождения от оккупации. В обращении подчеркивалось: «Перед трудящимися нашей республики встает большая задача — в кратчайший срок возродить промышленность, сельское хозяйство и культуру республики, восстановить наши города и села. В этой гигантской и кропотливой работе каждый должен занять свое место!»³.

Значительное внимание в деле восстановления экономики Карелии уделялось подготовке руководящих партийных и советских кадров, которые должны были возглавить этот процесс. Г. Н. Куприянов в рукописи книги «Народное хозяйство, культура и здравоохранение Карелии в годы войны и в восстановительный период» подчеркивал, что «к 1 октября 1944 г. был в основном укомплектован весь партийный и советский аппарат освобожденных районов»⁴.

Одной из самых острых проблем в процессе восстановления народного хозяйства республики являлась нехватка кадров специалистов и квалифицированных рабочих. К концу 1944 г. численность населения Карелии была в 3 с лишним раза меньше, чем накануне войны. Серьезные трудности возникли с реэвакуацией населения, так как предприятия и организации других краев и областей не хотели отпускать специалистов народного хозяйства. В то же время потребность в специалистах лесной промышленности в республике была удовлетворена на 15 %, сельского хозяйства — на 26 %, строительства — на 6 %. Выступая на пленуме ЦК Компартии республики в октябре 1944 г. председатель Совнаркома П. С. Прокконен подчеркнул: «Надо начинать с населения, с кадров. Этому вопросу еще не уделяется должного внимания, поэтому у нас страдает выполнение производственных программ»⁵. В условиях острой нехватки кадров пришлось прибегнуть к опыту выдвиженчества предвоенного периода. Только с июля по октябрь 1944 г. на руководящую работу в республике было выдвинуто около 1 400 человек. Возобновили деятельность высшие и средние специальные учебные заведения республики; на работу в Карелию прибыли специалисты из других регионов страны⁶.

Большую помощь Карелии в подготовке рабочих кадров оказали Владимирская, Новгородская, Ярославская, Московская, Ленинградская и другие области. В декабре 1944 г. в республике работали 11 школ ФЗО, готовивших в основном кадры массовых профессий, и 3 ремесленных училища. По просьбе местных органов власти в 1944 г. был увеличен план комплектования школ ФЗО за счет добровольного набора — 2 200 человек вместо запланированных 1 050. План удалось выполнить на 94 %. Постепенно преодолевались трудности в работе школ ФЗО и ремесленных училищ, связанные с недостатком преподавателей и учебно-производственной базы, высокой текучестью рабочих кадров. Развертывалась сеть кружков технического минимума, стахановских школ, курсов целевого назначения для обучения молодежи непосредственно на производстве.

В 1944 г. для промышленности республики было подготовлено 1 853 квалифицированных рабочих⁷.

Восстановление экономики Карелии на заключительном этапе Великой Отечественной войны и в послевоенный период требовало значительного расширения трудовых ресурсов. Эту задачу в определенной мере решали за счет привлечения к труду спецпоселенцев — бывших кулаков, которые находились на спецпоселении в республике с конца 1920—1930-х гг. В экстремальных военных условиях и обстановке послевоенной разрухи добросовестный труд являлся для многих бывших кулаков достойным вкладом в общее дело победы над врагом и восстановление разрушенного народного хозяйства. Так, в Маленгском лесопункте были представлены к награде «За добросовестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов» 78 из 82 спецпоселенцев — бывших кулаков. В Прионежском районе КФСР в числе отличников лесной промышленности было 9 спецпоселенцев, получивших премии и подарки, 8 спецпоселенцев-колхозников района выработали в 1945 г. от 400 до 500 трудодней. Неоднократно премировались и заносились на Доску почета республиканской газеты «Ленинское знамя» спецпоселенцы-трактористы Повенецкой и Тунгудской МТС⁸.

В мае 1944 г. были расширены права органов НКВД на местах в области заключения договоров о трудовом использовании спецпоселенцев — бывших кулаков: теперь эти договоры, в том числе и на количество свыше 500 человек, утверждались руководством НКВД/УНКВД без представления их в Отдел спецпоселений НКВД СССР. Важным шагом в урегулировании трудового использования бывших кулаков (до весны 1946 г. они были единственной категорией спецпоселенцев в республике) явилось прекращение с 1 сентября 1944 г. 5%-го

удержания из заработной платы на расходы по административному управлению и надзору, установленного Постановлением СНК СССР от 1 июля 1931 г.⁹

Необходимо отметить, что органы НКВД обращали внимание руководителей предприятий, которые использовали труд спецпоселенцев, на необходимость строго соблюдать режим спецпоселения.

Спецпоселенцы не имели права без разрешения коменданта отлучаться за пределы района расселения, обслуживаемого данной спецкомендатурой. Самовольная отлучка рассматривалась как побег и влекла за собой ответственность в уголовном порядке. 6 декабря 1944 г. Отделение спецпоселений НКВД КФССР направило в адрес наркоматов и ведомств письмо, предупреждающее, что в случае невыполнения хозорганами требований режима спецпоселений рабочие-спецпоселенцы будут отозваны¹⁰.

В отчетах о работе Отделения спецпоселений НКВД/МВД КФССР неоднократно отмечалось добросовестное отношение большинства спецпоселенцев к труду, систематическое перевыполнение ими норм выработки. Так, в отчете за II квартал 1946 г. подчеркивалось, что «большая часть спецпоселенцев является хорошими специалистами, добросовестно относится к работе, поэтому организации ими очень дорожат, и при поступлении новой партии спецпоселенцев каждая организация добивается выделения прибывших спецпоселенцев»¹¹.

Конечно, говоря о добросовестном труде спецпоселенцев в годы Великой Отечественной войны и сразу после нее, следует иметь в виду, что в условиях тяжелейшего материального положения перевыполнение установленных производственных норм давало возможность людям получать дополнительные средства или определенные преимущества для содержания семей бывших кулаков.

В определенной мере проблему нехватки рабочей силы в процессе восстановления экономики республики пытались решить за счет военнопленных. Немцы, австрийцы, румыны, венгры и другие военнопленные немецкого вермахта уже в конце 1944 г. — начале 1945 г. начинают трудиться на возрождении промышленных предприятий, домов, дорог в Петрозаводске.

В течение 1945 г. руководители многих наркоматов и промышленных объединений республики обращаются в правительство с просьбой о предоставлении им военнопленных в качестве необходимой рабочей силы. Так, зам. управляющего трестом «Карелдрев» Громоковкин в докладной записке от 17 июля 1945 г. на имя председателя СНК КФССР П. С. Прокконена указывал: «Расширение лесопиления, увеличение выпуска пиломатериалов, восстановление предприятий треста требуют дополнительной рабочей силы. Просим выделить военнопленных: Кемскому лесозаводу — 300 чел.; Пудожскому лесозаводу — 300 чел.; Соломенскому лесозаводу — 200 чел.; Хелюльской мебельной фабрике — 300 чел. Всего — 1 100 чел. Лесозаводы готовы к приему военнопленных, выделены помещения для их проживания»¹².

Нарком зерновых и животноводческих совхозов КФССР Ф. Тароев в письме на имя председателя СНК КФССР П. С. Прокконена и секретаря ЦК КП(б) республики Г. Н. Куприянова «О тяжелом положении с рабочей силой в совхозах республики» от 3 июня 1945 г. отмечал: «Согласно плана, утвержденного СНК и ЦК КП(б) на 1945 г., совхозы должны иметь рабочих, ИТР и служащих — 4 310 чел., а на 1 июля 1945 г. в наличии имеется всего 1 830 чел. (42,4 %). Чтобы

справиться с планом сельскохозяйственных работ, обеспечить уход за посевами, выполнить в установленные сроки план сеноуборки и силосования, подготовить скот к зимовке и др. прошу Вас выделить на работу 1 000 чел. из военнопленных»¹³.

Значительную помощь в восстановлении народного хозяйства Карелии оказывало Советское правительство. Уже во второй половине 1944 г. государственный бюджет республики был значительно увеличен по сравнению с первым полугодием, а в 1945 г. по сравнению с 1944 г. он увеличился почти в 1,5 раза¹⁴. Это создавало прочную материальную и финансовую базу и позволяло обеспечить широкий размах работ в республике уже в первый год после ее освобождения.

Был принят ряд постановлений, предусматривавших конкретные меры по восстановлению лесной и рыбной промышленности, сельского хозяйства, экономики г. Петрозаводска и др. В. В. Стефанихин (будущий ректор Петрозаводского государственного университета), работавший в годы войны постоянным представителем республики при правительстве СССР, вспоминал, что ему неоднократно приходилось обращаться в Совнаком СССР по многим вопросам, касающимся жизни Карелии, и всегда он находил активную поддержку и внимание к нуждам республики со стороны Н. А. Вознесенского, А. Н. Косыгина и других руководителей правительства¹⁵.

СНК СССР еще до освобождения Карелии принял постановление о мерах по восстановлению и развитию в республике производства местных строительных материалов. Решением ГКО от 11 февраля 1944 г. «О восстановлении Сегежского целлюлозно-бумажного комбината Наркомбумпрома» предусматривалось ввести в действие уже к концу 1944 г. первую очередь комбината. Одновременно ста-

вилась задача по введению в действие в 1945 г. Кондопожского, Питкярантского и Суоярвского комбинатов.

1 сентября 1944 г. СНК СССР принял постановление «О мерах неотложной помощи по восстановлению сельского хозяйства Карело-Финской ССР»¹⁶. В постановлении ставилась задача уже в 1944 г. и в первом полугодии 1945 г. возобновить деятельность МТС и выделялось на эти цели более 1 млн руб., необходимые строительные материалы, сельскохозяйственный инвентарь, запасные части к тракторам. Намечалось вернуть в колхозы эвакуированный скот. Для возрождения сельского хозяйства республики направлялись агрономы, зоотехники, мелиораторы, ветврачи, техники-строители.

Существенное значение в возрождении предприятий лесной промышленности на освобожденной территории Карелии имело принятое 21 сентября 1944 г. ГКО СССР постановление «О первоочередных мерах по восстановлению лесной промышленности КФССР». В нем предусматривалось, что уже в IV квартале 1944 г. вновь начнут работать 13 механизированных лесопунктов. Особое внимание обращалось на обеспечение лесной промышленности квалифицированными кадрами и инженерно-техническими работниками¹⁷.

В восстановлении экономики Карелии огромную роль сыграла та помощь, которую оказывали все республики СССР. Из Москвы, Ленинграда, Прибалтики, Украины, Белоруссии, с Урала Карелия получала металлообрабатывающие станки, электромашины, оборудование, кабель, стекло, прокат, металл, топливо, сырье и материалы. Трудящиеся Украины в первую послевоенную весну направили колхозам Карелии эшелон посевного картофеля; колхозники Вологодской области отгрузили 400 т семян ржи; из Брянской области было получено 2 тыс. т картофеля. В свою очередь, Карелия оказывала помощь стране лесом, бумагой, мотовозами, автоприцепами, рыбой, строительными материалами, слюдой и др. Эшелоны со строительным лесом из Карелии отправлялись в Ленинград, Киев, Днепропетровск, другие города страны.

Важную роль в экономическом возрождении республики играл трудовой героизм населения. При активном участии населения всего за 37 дней были восстановлены главные направления Кировской железной дороги. На трассу одновременно выходило до 2 тыс. человек, что позволило на двое суток раньше намеченного срока — 14 июля 1944 г. — выполнить задание Военного совета Карельского фронта и Наркомата путей сообщения и провести первый поезд с севера в г. Петрозаводск. В Петрозаводском железнодорожном узле получила распространение инициатива А. И. Гришина по созданию кольцевых бригад. В январе 1945 г. по новому методу работали бригады 11 поездов, а в марте уже 75. Среднесуточный пробег паровоза был превышен на 22 км. Широко известными в Карелии и Петрозаводске стали имена электрика Соломенской ГЭС Г. Сюкалова, кузнецов Онежского завода А. Зинкова и П. Голубева, выполнявших за смену норму восьми рабочих. Работники Беломорско-Онежского пароходства за короткий срок восстановили пассажирские причалы в Петрозаводске и Медвежьегорске. К октябрю 1944 г. была восстановлена основная магистраль связи Беломорск — Петрозаводск — Ленинград и телефонная связь с 10 районами, работали 58 отделений связи¹⁸.

Для выполнения заданий по заготовке древесины проводились мобилизации в лес коммунистов, комсомольцев, городского населения. К ноябрю 1944 г. на

освобожденной территории уже работали 9 из 16 леспромхозов, 2 из 3 сплавных контор, 5 из 11 лесозаводов, было организовано 4 новых лесокомбината. Объем лесозаготовок возрос по сравнению с 1943 г. в 2 раза. Вывозка древесины по сравнению с 1944 г. увеличилась¹⁹.

Большие восстановительные работы велись на целлюлозно-бумажных и деревообрабатывающих предприятиях республики. В 1945 г. был полностью восстановлен Сегежский целлюлозно-бумажный комбинат, и в том же году он достиг довоенного уровня производства бумаги. Был восстановлен и начал давать продукцию бумажный комбинат в п. Харлу, началось восстановление Питкярантского целлюлозного завода, Ляскельской бумажной и Суоярвской картонной фабрик. Приступили к выпуску продукции Соломенский кирпичный завод, Ильинский лесозавод, Каменноборские горные разработки.

Уже в первый год после освобождения республики от оккупации возобновили свою работу все существовавшие до войны рыболовецкие колхозы, 3 рыбозавода, 3 моторно-рыболовных станции, был построен новый рыбозавод.

В конце октября — начале ноября 1944 г. начался возврат материальных ценностей республики, вывезенных в годы войны в Финляндию. С 5 ноября 1944 г. по 1 февраля 1945 г. в Петрозаводск поступило 438 вагонов, в том числе 33 вагона с оборудованием Онежского завода, 2 вагона стройинструментов, 13 вагонов с имуществом связистов, 5 вагонов мебели и т. д. Кроме Петрозаводска, 60 вагонов были отправлены в Питкяранту, Ляскеля, Рускеалу, Медвежьегорск, Олонец и Реболы²⁰. Однако значительная часть оборудования оказалась разукomплектованной или требовала ремонта. У многих предприятий не было возможности обеспечить надлежащие условия для хранения поступившего оборудования, и оно лежало под открытым небом.

Большое внимание в процессе возрождения экономики республики уделялось восстановлению столицы Карелии. Руководство республики обратилось к трудовым коллективам районов с просьбой об оказании Петрозаводску помощи оборудованием и материалами. В ответ на обращение рабочие Кемского депо в нерабочее время изготовили для петрозаводских железнодорожников слесарные инструменты и запасные части на сумму около 100 тыс. руб. Коллектив Беломорского авторемонтного завода подготовил инструменты для Петрозаводского авторемонтного завода. Рабочие и служащие Пудожского района отравили петрозаводчанам часть урожая картофеля, полученного в подсобных хозяйствах.

В Петрозаводске были созданы бригады плотников, проводились субботники по уборке территории от мусора. Для учета объема восстановительных работ каждому жителю города были вручены отпечатанные типографским способом книжки «Личный счет». В центре Петрозаводска, на площади Ленина, была установлена доска показателей, на которой отмечались результаты работы предприятий столицы.

21 октября 1944 г. СНК СССР принял постановление «О восстановлении Онежского металлургического и машиностроительного завода Наркомлеса СССР в г. Петрозаводске», для чего было создано специальное Онежское строительно-монтажное управление. В результате план восстановительных работ на конец 1944 г. и на I квартал 1945 г. был перевыполнен более чем в 2 раза. В мае 1945 г. Онежский завод приступил к выпуску плановой продукции²¹.

Благодаря трудовому героизму горожан и помощи населения республики в Петрозаводске за период со времени его освобождения (конец июня 1944 г.) и до Дня Победы (9 мая 1945 г.) вступили в действие 35 предприятий и мастерских: металлостроительный, газогенераторный и судоремонтный заводы, типография имени Анохина, мясокомбинат и др. Они давали более 25 % довоенного объема продукции, однако ни одно из предприятий еще не достигло уровня производства 1940 г. Многие предприятия работали лишь в половину своей мощности из-за нехватки квалифицированных кадров и оборудования²².

Несмотря на принятые правительством СССР меры, медленно шло восстановление сельского хозяйства республики. В колхозах не хватало рабочих рук, техники. Крайне тяжелым было положение со снабжением населения продовольствием и товарами первой необходимости. Так, в Заонежском районе в июле 1944 г. из имевшихся до войны 15 пекарен работали только 2. В Олонецком районе в большинстве сельсоветов в течение трех месяцев не было в продаже соли, спичек, мыла.

Правительство страны пыталось оказать колхозам и совхозам республики необходимую помощь. В соответствии с постановлением СНК СССР от 1 сентября 1944 г. «О мерах неотложной помощи по восстановлению сельского хозяйства КФССР» в течение зимы 1944/45 г. из восточных районов страны были эвакуированы колхозники, уехавшие туда в 1941 г., возвращена значительная часть скота из Вологодской и Архангельской областей. Для обеспечения колхозов и совхозов семенами в Карелию в течение 11 месяцев после освобождения территории были завезены 1 тыс. т зерна, 4,5 тыс. т картофеля, а также 6 тыс. голов крупного рогатого скота и 3,5 тыс. лошадей. На склады «Сельхозснаба» республики весной 1945 г. поступила партия сельскохозяйственных машин, выпущенных оте-

чественными заводами. В колхозы освобожденных районов были направлены 1 тыс. конных плугов, 75 молотилок, 70 сортировок, 20 жнеек. Республиканская контора сельскохозяйственного банка открыла для колхозников и рабочих совхозов долгосрочные кредиты. В 1945 г. в деревнях и селах республики вновь открылись 143 магазина и лавки, 46 столовых, 15 пекарен, возобновили работу 33 сельских потребительских общества²³.

На территории освобожденных районов проходили митинги, на которые собиралось все население окружающих деревень. Митинги продолжались до 2—3 часов ночи. Людей интересовали вопросы о возврате скота, сданного во время эвакуации, об открытии школ, яслей, здравпунктов, организации радиопередач, демонстрации кинофильмов и др. Некоторые колхозники высказывались против работы в колхозе: «Нельзя ли еще годик пожить без колхозов и собрать урожай единолично со своих участков?», «Мы проживем без колхоза, жили же мы при финнах без колхозов». Подобные высказывания объяснялись, в первую очередь, тяжелым положением колхозов. Огромные потери, которые понесло сельское хозяйство в годы войны, усугублялись продолжавшимся неэквивалентным обменом между городом и деревней, жесткой налоговой политикой государства. Несмотря на трудности, колхозники работали с раннего утра до темноты. Во многих хозяйствах колхозники выступали с предложениями о перевыполнении плановых заданий. Так, колхозники Лукьянов и Луккоев (колхоз имени Молотова Ведлозерского района) внесли предложение о сверхплановой сдаче продукции государству. Предложение было поддержано членами колхоза, и к 11 сентября 1944 г. колхоз сдал государству 3 410 кг зерна вместо 1 797 кг. Колхоз «1 Мая» того же сельсовета превысил плановые задания в 2,7 раза²⁴.

В 1945 г. в Карелии работали 867 колхозов против 176 в 1943 г., использовалось 65 % пашни от довоенного уровня. Недоосвоенная площадь приходилась в ос-

новном на новые районы — Сортавальский, Куркиекский, Питкярантский и Суоярвский. Низкой оставалась урожайность сельскохозяйственных культур, а количество коров в колхозах в середине 1945 г. составляло лишь 32 % от довоенного, овец — 33 %, свиней — 4,5 %²⁵.

В определенной мере проблемы животноводства республики пытались решить за счет репараций с Германии и ее союзников. По решению Советского правительства Карелия должна была получить из Восточной Пруссии 1,5 тыс. голов лошадей и крупного рогатого скота (быков и тяжеловесных коров). Для реализации этой задачи в начале мая 1945 г. из колхозов Прионежского, Заонежского, Пряжинского и других районов в Восточную Пруссию было направлено несколько десятков колхозниц-животноводов. Они жили на хуторах, собирали брошенных лошадей, быков и коров, откармливали их и готовили к дороге. Сложность заключалась в том, что скот из Восточной Пруссии в Карелию необходимо было гнать своим ходом.

Весь путь занял около двух месяцев. Часть скота была потеряна во время перехода. Так, из Восточной Пруссии в Литву перешло 1 383 головы скота, а вышло к границе с Латвией только 1 088. Потери происходили как из-за больших расстояний при перегоне скота, так и вследствие столкновений с «лесными братьями» на территории Прибалтики²⁶.

Руководство республики, понимая важность трофейного скота для будущего развития животноводства, пыталось контролировать этот процесс. В Восточную Пруссию были направлены инструктор сельхозотдела ЦК КП(б) КФССР П. Семенов и старший государственный ветеринарный инспектор Карелии И. Гордеев. 27 июня 1945 г. в докладной записке на имя секретаря ЦК КП(б) республики Г. Н. Куприянова они сформулировали свои предложения: «1. Любой ценой добиваться предоставления вагонов, хотя бы для перевозки быков-производителей, тяжеловесных коров и молодняка 1945 г. р. Эти группы особенно тяжело переносят прогон и могут не дойти до республики. 2. Определить пункты остановок, направив в них ветеринарных работников, которые могли бы принять и сохранить скот... 5. Перегоняемый из Восточной Пруссии крупный рогатый скот является чистопородным, высокопродуктивным, требующим хороших условий содержания и кормления. Поэтому при поступлении скота необходимо распределить его по районам, передав крупным колхозам, имеющим вышеуказанные условия и возможности»²⁷.

Преодолев все трудности при перегоне скота, в начале июля 1945 г. колхозницы-животноводы доставили в республику около 1 тыс. голов крупного рогатого скота и лошадей, которые были распределены по районам. Так, например, Олонецкий район получил 300 лошадей из Восточной Пруссии²⁸.

Несмотря на крайнюю нехватку средств, постепенно решались и острые социальные проблемы республики. Уже в июле — августе 1944 г. на освобожденной территории Карелии открылись 221 магазин и лавка, 102 столовые. Осуществлялись меры по развитию кооперативной и коммерческой торговли, строительству жилья. Только в Петрозаводске, где за период оккупации было уничтожено 60 % жилой площади, к осени 1945 г. восстановлено 460 частично разрушенных домов и строилось 54 новых дома. В 1945 г. в столице республики было восстановлено 7 больниц, 11 детских яслей, 80 магазинов, 45 столовых, закончена первая очередь работ по расширению водопроводной сети. В районных центрах от-

крылись промкомбинаты местной промышленности, призванные обслуживать нужды населения²⁹.

Большая помощь Карелии была оказана в восстановлении здравоохранения. В конце 1944 г. Наркомздрав СССР и медицинские учреждения страны направили освобожденным районам республики перевязочные материалы, инструменты и оборудование на сумму 1 млн. руб., в Карелию приехали врачи и средний медицинский персонал. К апрелю 1945 г. в республике работали 31 больница, 2 роддома, 8 детских и женских консультаций, 47 амбулаторий, 68 фельдшерских и фельдшерско-акушерских пунктов и т. д.³⁰ Однако ощущалась острая нехватка врачей-специалистов, среднего медицинского персонала, помещений, особенно в сельской местности.

Таким образом, уже в 1944 — весной 1945 г., когда еще продолжалась Великая Отечественная война, в республике была проделана значительная работа по ликвидации последствий оккупации, восстановлению народного хозяйства. В 1945 г. в целом по Карелии выпуск валовой продукции промышленности увеличился на 11 %, а товарной — на 39 % по сравнению с 1944 г. Ряд отраслей промышленности — рыбная, пищевая, местная, а также автотранспорт — превысили довоенный уровень по выпуску валовой продукции в ценностном выражении. К началу 1946 г. вступили в эксплуатацию 188 промышленных предприятий, на долю которых приходилось почти 45 % всей продукции, произведенной в республике за 1945 г.; было восстановлено 862 колхоза из 1 142 имевшихся до войны, 24 МТС, 18 совхозов³¹.

Анализ научной и мемуарной литературы, опубликованных и архивных источников по истории экономики Карелии в годы Великой Отечественной войны

позволяет сделать вывод о том, что в целом созданная в 1930-е гг. административно-командная система управления экономикой, плановая система развития советского народного хозяйства сыграли положительную роль в военный период. Партийные, советские, хозяйственные органы республики в начальный, самый сложный и трагический период войны, смогли перестроить народное хозяйство Карелии на военный лад, провести эвакуацию большей части населения республики, оборудования промышленных предприятий, колхозов и совхозов в тыловые районы страны. Централизация государственного управления, повышение роли исполнительных органов в период Великой Отечественной войны в известной мере были оправданными, так как вытекали из необходимости концентрации руководства всеми ресурсами экономики страны в одних руках.

В течение всех лет войны, несмотря на сложное прифронтовое положение республики, все отрасли экономики работали четко и слаженно, выполняя и перевыполняя плановые задания, обеспечивая фронт всем необходимым. В промышленности и на транспорте удалось развернуть массовое социалистическое соревнование в помощь фронту, мобилизовать все экономические ресурсы на достижение главной цели — обеспечить сражающуюся армию военной техникой, вооружением и боеприпасами.

Сложным оставалось положение в сельском хозяйстве республики. Качественные показатели сельскохозяйственного производства в период войны резко упали (сократились посевные площади, упала урожайность зерновых культур и продуктивность животноводства). Однако колхозная система хозяйства оказалась хорошо приспособленной к максимальной мобилизации людских и материальных ресурсов села на нужды обороны. Обязательные государственные поставки, бывшие тормозом для развития сельского хозяйства в мирные годы, в условиях войны позволили сосредоточить в руках государства максимально

возможный продовольственный фонд, позволявший обеспечить Красную Армию необходимым продовольствием.

С момента освобождения территории Карелии от оккупации — с лета 1944 г. — началась эвакуация населения, оборудования промышленных предприятий, имущества колхозов и совхозов на территорию республики. Были предприняты необходимые меры по восстановлению народного хозяйства.

Однако это были только первые шаги по возрождению разрушенной войной экономики Карелии. Население республики испытывало острую нужду в самом необходимом — продовольствии, жилье, одежде. Продолжала существовать карточная система. Предстояло приложить еще немало усилий, чтобы полностью восстановить экономику Карелии.

- 1 Морозов К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Петрозаводск, 1983. С. 198; Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР: Сб. док. и материалов. Петрозаводск, 1945. С. 11.
- 2 Вавулинская Л. И. Возрождение освобожденной Карелии (1944—1945 гг.) // Подвигу жить в веках: Материалы военно-ист. конф., посв. 60-летию освобождения Карелии от фашистских захватчиков. Петрозаводск, 2004. С. 46; КГАНИ, ф. 8, оп. 1, д. 1356, л. 35—36.
- 3 Макуров В. Г. Военная летопись Карелии. Петрозаводск, 1999. С. 63.
- 4 Цит. по: Вавулинская Л. И. Возрождение освобожденной Карелии (1944—1945 гг.). С. 46—47; КГАНИ, ф. 3435, оп. 2, д. 241, л. 28.
- 5 КГАНИ, ф. 8, оп. 1, д. 1097, л. 7.
- 6 Вавулинская Л. И. Возрождение освобожденной Карелии (1944—1945 гг.). С. 47.
- 7 Там же; История экономики Карелии: В 3 кн. Кн. 2: Экономика советского периода (1917—1991 гг.). Петрозаводск, 2005. С. 111.
- 8 Вавулинская Л. И. Принудительный труд в Карелии в послевоенные годы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2009. № 5 (98). С. 16—17.
- 9 Там же. С. 16—17.
- 10 Там же. С. 16.
- 11 Там же.
- 12 НА РК, ф. 1394, оп. 3, д. 107/811, л. 227.
- 13 Там же, л. 231—232.
- 14 Морозов К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). С. 204.
- 15 Ленинская правда. 1980. 24 июня; Вавулинская Л. И. Начало восстановления народного хозяйства в освобожденных от оккупации районах Карелии // Подвигу жить в веках: Материалы военно-ист. конф., посв. 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Петрозаводск, 2005. С. 97.
- 16 КГАНИ, ф. 8, оп. 14, д. 382, л. 15—23.
- 17 Морозов К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). С. 202—203.
- 18 Вавулинская Л. И. Возрождение освобожденной Карелии (1944—1945 гг.). С. 48; КГАНИ, ф. 8, оп. 1, д. 1356, л. 40 об., 41; д. 1357, л. 6, 7; д. 1432, л. 22—24; д. 1060, л. 34; История экономики Карелии. Кн. 2. С. 112.

- 19 Вавулинская Л. И. Возрождение освобожденной Карелии (1944—1945 гг.). С. 49; Макуров В. Г. Военная летопись Карелии. С. 47; КГАНИ, ф. 8, оп. 1, д. 1097, л. 9.
- 20 Вавулинская Л. И. Возрождение освобожденной Карелии (1944—1945 гг.). С. 50; КГАНИ, ф. 8, оп. 1, д. 1422, л. 88; д. 1169, л. 35.
- 21 Петрозаводск и петрозаводчане в годы Великой Отечественной войны. Петрозаводск, 2005. С. 127.
- 22 Вавулинская Л. И. Возрождение освобожденной Карелии (1944—1945 гг.). С. 50; Карелия в годы восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства, 1944—1950: Док. и материалы. Петрозаводск, 1975. С. 22—23; История экономики Карелии. Кн. 2. С. 113.
- 23 Вавулинская Л. И. Начало восстановления народного хозяйства в освобожденных от оккупации районах Карелии. С. 99; Ленинское знамя. 1945. 7 марта; 26 сент.
- 24 Вавулинская Л. И. Возрождение освобожденной Карелии (1944—1945 гг.). С. 5; КГАНИ, ф. 8, оп. 1, д. 1173, л. 40; История экономики Карелии. Кн. 2. С. 114.
- 25 Вавулинская Л. И. Начало восстановления народного хозяйства в освобожденных от оккупации районах Карелии. С. 99—100.
- 26 НА РК, ф. 1394, оп. 3, д. 107/811, л. 192—193.
- 27 Там же. С. 194.
- 28 НА РК, ф. Б-29 (заявление В. И. Багинской, 1925 г. р.).
- 29 Вавулинская Л. И. Возрождение освобожденной Карелии (1944—1945 гг.). С. 50.
- 30 Карелия в годы восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства, 1944—1950. С. 33.
- 31 Там же. С. 51; Макуров В. Г. Военная летопись Карелии. С. 75.

Заключение

Вторая мировая война 1939—1945 гг. оказала существенное влияние на политическое и социально-экономическое развитие Советской Карелии. Ее составной частью стала советско-финляндская (Зимняя) война 1939—1940 гг. Перед этой войной весной и осенью 1939 г. в Москве проходили переговоры между СССР и Финляндией по пограничным проблемам. Советское руководство, мотивируя необходимость отодвинуть границу от Ленинграда, поставило вопрос о взаимном обмене территорий. Согласно этим предложениям Финляндия должна была передать Советскому Союзу Карельский перешеек и несколько островов в Финском заливе, получая взамен вдвое большую территорию в Северной Карелии.

После отказа Финляндии пойти на эти предложения Советское правительство встало на военный путь решения проблемы. Утром 30 ноября 1939 г. войска Ленинградского военного округа под командованием К. А. Мерецкова пересекли советско-финляндскую границу и стали продвигаться вглубь Финляндии, что фактически означало начало войны против Финляндии. Население Карелии, оказавшейся ближайшим тылом Красной Армии в период советско-финляндской войны 1939—1940 гг., в той или иной степени участвовало в развернувшихся событиях. Десятки коммунистов из состава партийной организации Карелии были направлены на политическую работу в Красную Армию, сотни жителей были мобилизованы на фронт. Промышленность и сельское хозяйство республики поставляли на фронт необходимую военную продукцию и продукты аграрного сектора.

В период Зимней войны жители Карелии отправляли на фронт большое количество подарков, работали в госпиталях, ухаживая за ранеными и больными бойцами Красной Армии. Большая помощь в республике оказывалась семьям фронтовиков. В период войны многие уроженцы Карелии совершили героические подвиги и стали известны всей стране.

Учитывая приграничное положение и национальный состав населения республики, Советское правительство накануне и в период Зимней войны отводило особую роль Советской Карелии в плане решения важнейших стратегических и военно-политических задач. После начала войны советское руководство объявило о создании Финского народного правительства во главе с О. В. Куусиненом. Еще до начала военных действий в 1939 г. в помощь правительству Куусинена стала формироваться Финская народная армия, состоящая, в основном, из карел, финнов и вепсов Советской Карелии, а также ингерманландцев Ленинградской области.

Выполняя указания центра, партийно-советское руководство Карелии проводило большую работу среди населения по разъяснению этих шагов Советского правительства. Была развернута широкая деятельность по поддержке правительства Куусинена; из жителей Восточной Финляндии, оказавшихся в зоне оккупации частей Красной Армии, формировались комитеты трудового народного фронта этого правительства. Сотни жителей Карелии добровольно вступили в части Финской народной армии, особенно те, которые дислоцировались на территории республики (3-я стрелковая дивизия в районе Поросозеро — Суоярви и 7-й отдельный полк в районе Ухты).

Большая часть населения Финляндии из тех районов, которые были заняты Красной Армией, эвакуировалась с отступающей финской армией. Оставшиеся жители (около 2 тыс. человек) в феврале 1940 г. были выселены в три спецпоселка на территории Советской Карелии: Кинтезьма (Калевальский район), Интерпоселок (Пряжинский район) и Кавгора (Кондопожский район). Архивные документы показывают, что они оказались в очень сложных условиях: ощущался недостаток продуктов питания, условия проживания были крайне тяжелыми, свирепствовали болезни. Органы НКВД Карелии осуществляли жесткий контроль над иностранными гражданами, стремились свести к минимуму их контакты с советскими людьми.

Однако финны и представить себе не могли, какая угроза возникнет после окончания советско-финляндской войны. Руководство НКВД КФСР 30 апреля 1940 г. выступило с инициативой перед НКВД СССР «о переселении всех прибывших с территории Финляндии финнов в Сибирь», мотивируя это тем, что иностранные разведки в дальнейшем будут использовать это финское население как базу для подрывной деятельности против СССР. Однако это предложение не нашло поддержки в центре. По условиям мирного договора между СССР и Финляндией от 12 марта 1940 г. финские граждане, оказавшиеся на территории Советской Карелии, смогли вернуться в Финляндию в конце мая — начале июня 1940 г.

Политический аспект Зимней войны 1939—1940 гг. ярко проявился в попытке советских политических и разведорганов использовать финских военнопленных в пропагандистских и разведывательных целях. В карельских государственных и ведомственных архивах нами обнаружены списки финских военнопленных, которые были завербованы органами НКВД в военный период, про-

шли соответствующую разведподготовку в СССР и затем в качестве агентов были заброшены на территорию Финляндии.

Однако анализ этих архивных материалов показывает, что эффективность вербовки и работы этих агентов на Родине была низкой: большинство из них либо было арестовано спецорганами Финляндии, либо они сами после переброски в Финляндию добровольно обращались в эти органы, заявляя, что были завербованы НКВД. На основе имеющегося материала можно отметить, что попытка использовать финских военнопленных в политических целях в период советско-финляндской войны 1939—1940 гг. не принесла для советской стороны ожидаемых результатов.

Итоги советско-финляндской войны 1939—1940 гг. оказали существенное влияние на дальнейший ход развития Карелии, изменили ее статус и границы, состав населения и административно-государственное устройство. VI сессия Верховного Совета СССР 31 марта 1940 г. приняла Закон о преобразовании Карельской Автономной Советской Социалистической Республики (КАССР) в союзную Карело-Финскую ССР (КФСР). В состав новой союзной республики передавалась основная часть территорий, отходивших от Финляндии к СССР по договору от 12 марта 1940 г.: Карельский перешеек (кроме небольшой полосы, непосредственно примыкавшей к Ленинграду), Северное и Западное Приладожье.

В соответствии с решениями VI сессии Верховного Совета СССР внеочередная сессия Верховного Совета КАССР (13—15 апреля 1940 г.) приняла Закон о преобразовании Карельской АССР в Карело-Финскую ССР, о выборах ее высших органов власти и избрала конституционную комиссию для разработки проекта Конституции КФСР¹.

Преобразование Карелии из автономной республики в союзную означало изменение ее государственно-правового статуса, значительное расширение территории республики. По действующей в этот период Конституции СССР 1936 г. такие изменения не могли происходить без согласия Верховного Совета РСФСР, в которую тогда входила Карелия. Однако данный вопрос не рассматривался и согласие на изменение своей территории Верховный Совет РСФСР не давал. Иными словами, преобразование Карельской АССР в Карело-Финскую ССР нарушало как Конституцию СССР, так и Конституцию РСФСР. Но это решение принималось И. В. Сталиным исходя из политических соображений, которые в условиях функционирования административно-командной системы ставились выше действующего законодательства.

В межвоенный период перед руководством новой союзной республики встала задача заселения и освоения бывших финских территорий. К осени 1940 г. в новых районах начал функционировать аппарат партийных, советских и хозяйственных организаций, восстанавливались промышленные предприятия, организовывались колхозы и МТС.

К началу 1941 г. общая численность населения в новых районах Карелии, по данным Статистического управления КФСР, достигла 197 600 человек². В целом же по республике накануне Великой Отечественной войны численность населения составляла около 700 тыс. человек³.

Однако времени для полного заселения и освоения новых территорий, отошедших от Финляндии к СССР после Зимней войны по Московскому мирному дого-

вору 1940 г., не хватило. Этот процесс был прерван начавшейся Великой Отечественной войной.

С первых же дней Великой Отечественной войны вся социально-экономическая и политическая жизнь Карелии стала перестраиваться на военный лад. Тысячи жителей республики выразили желание вступить в ряды действующей Красной Армии, многие прямо на митингах и собраниях подавали заявления с просьбой направить их на фронт. Только в первый месяц войны поступило более 10 тыс. таких заявлений⁴. Одновременно с проведением мобилизации военнообязанных граждан в ряды Красной Армии была развернута работа по формированию истребительных батальонов, частей народного ополчения и партизанских отрядов. Неоценимую помощь фронту оказало население Карелии летом и осенью 1941 г. на строительстве оборонительных сооружений, военных аэродромов, дорог и других объектов.

Промышленные предприятия республики с самого начала Великой Отечественной войны переходили на производство продукции для нужд фронта. Были предприняты попытки организовать собственное производство отдельных видов вооружения и боеприпасов. Однако развернуть его в условиях прифронтовой полосы в достаточном количестве не удалось.

Перестройка народного хозяйства Карелии шла полным ходом, но она не была завершена. Летом 1941 г. на северо-западном участке фронта Красная Армия отступала, что потребовало от руководства республики провести эвакуацию населения, перебазировать в тыловые районы страны оборудование промышленных предприятий, имущество совхозов, колхозов и МТС.

В целом эвакуация прошла организованно и в сжатые сроки. Всего из республики было эвакуировано свыше 500 тыс. человек, оборудование и имущество 291 промышленного предприятия. В соответствии с планом эвакуации оставшееся оборудование не должно было достаться противнику и выводилось из строя. Так, оборудование 36 предприятий Карелии, которые до последнего момента работали по обслуживанию фронта, пришлось уничтожить⁵. В итоге в прифронтовых районах республики были уничтожены семь электростанций, газовый завод в Выборге, мыловаренный, маргариновый заводы и хлебокомбинат в Петрозаводске, хлебокомбинаты в Сортавале, Олонце и другие предприятия. Однако полностью уничтожить на месте все оборудование и имущество предприятий и организаций, которые не успели эвакуировать, не удалось. Часть оборудования предприятий и организаций республики, главным образом то, которое транспортировалось пароходами БОПа и Оборонстроя, попала в руки финнов.

Многие из недостатков в процессе эвакуации были вызваны тем, что в сложной обстановке начального периода войны руководители ряда наркоматов, городов и районов растерялись, а некоторые поддались панике. Руководство Калевальского (Ухтинского), Сегозерского, Ведлозерского, Шелтозерского, Прионежского и Заонежского районов не смогло четко и вовремя организовать эвакуацию людей, вывоз скота, зерна и различных товаров.

Правительство республики отмечало недостатки и в работе центральных хозяйственных органов. Так, почти полную безучастность к делу эвакуации своих предприятий проявил Наркомат бумажной промышленности СССР. Эвакуация

ЦБК из прифронтовых районов Карелии проходила без его работников, только по инициативе республиканских и местных органов управления. Представители этого наркомата и его главков ни разу не появились в республике⁶.

Недостатки в эвакуации привели также к тому, что не удалось полностью эвакуировать население из прифронтовых районов. Например, свыше 18 тыс. человек в Заонежском районе, ожидавших эвакуации в течение четырех месяцев (июль — октябрь 1941 г.), так и не были вывезены на восточный берег Онежского озера и попали под финскую оккупацию.

К началу декабря 1941 г. противник был остановлен на рубеже от южного участка Беломорско-Балтийского канала до станции Масельгская и западнее Кировской железной дороги по линии Ругозеро — Ухта — Кестеньга — Алакуртти — Мурманск. Эта линия советско-финляндско-германского фронта оставалась практически неизменной до июня 1944 г.

Таким образом, к концу 1941 г. две трети территории Карело-Финской ССР, наиболее развитой в экономическом отношении, включая столицу г. Петрозаводск, оказались оккупированными финскими и немецкими войсками. В районах Карелии, оказавшихся вне зоны оккупации, выпуск промышленной продукции, по сравнению с довоенным уровнем, упал до 10,1 %.

Огромными усилиями партийных, советских, хозяйственных органов, населения Карелии в конце 1941 — начале 1942 г. удалось наладить производство промышленной продукции в не занятых противником районах Карелии. Особое значение придавалось развитию лесной индустрии, так как фронту, оборонной промышленности, транспорту требовались деловая древесина и дрова. Для решения задач по обеспечению фронта древесиной потребовалось расширить производственную базу отрасли. В сложных условиях войны в неосвоенных северо-восточных лесных массивах республики были организованы новые предприятия. На военный лад были перестроены предприятия рыбной, строительной и других отраслей экономики. Сложные задачи решало сельское хозяйство Карелии.

Бесперебойно работал железнодорожный транспорт. Железнодорожники Кировской железной дороги в условиях прифронтовой полосы, часто под бомбежками противника, осуществляли перевозку грузов, обеспечивая всем необходимым Карельский фронт и Северный флот.

В течение почти трех лет — с начала зимы 1941 г. до лета 1944 г. — линия советско-финляндского фронта оставалась стабильной. Однако борьба с противником не ослабевала ни на минуту. Наряду с войсками Карельского фронта свой существенный вклад в эту борьбу внесли карельские подпольные группы и партизанские отряды.

Как известно, создание в стране подпольных организаций шло по трем направлениям. Во-первых, путем заблаговременного создания сети партийных комитетов и ячеек, явочных квартир, подбора связных и т. п.; во-вторых, путем создания подпольных организаций по инициативе патриотов, оказавшихся на оккупированной территории; в-третьих, путем создания подготовительных групп в советском тылу, а затем переброски их через линию фронта во вражеский тыл, в места будущей деятельности⁷. Учитывая низкую плотность и малочисленность населения, оказавшегося на оккупированной территории, а также

жесткий оккупационный режим, установленный финскими властями, наиболее действенным оказался третий путь создания подпольных организаций.

Секретарь ЦК КП(б) КФССР Г. Н. Куприянов, оценивая значение подпольного движения, писал в своих мемуарах: «Несмотря на все наши промахи и недостатки, гибель подпольщиков не была напрасной. Трудно переоценить и невозможно представить в цифрах всю ту многообразную и тяжелую, сложную работу, которую они проделали в тылу врага. Подпольщики сумели дать ЦК Компартии и Военному совету фронта сведения, которые очень пригодились нам как в чисто военных целях, так и в целях общеполитических. Эти сведения помогли сохранить тысячи жизней наших солдат. Своими действиями они дезорганизовали и ослабили тылы врага, создавали у оккупантов неуверенность в прочности успехов, достигнутых ими в первый период войны»⁸.

Что касается партизанского движения, то, в отличие от других регионов Советского Союза, в Карелии были свои специфические особенности. Во-первых, это отсутствие поддержки со стороны местного населения. На оккупированной территории республики осталось около 86 тыс. человек, в основном женщины, старики и дети, которые, естественно, не могли участвовать в вооруженной борьбе. Во-вторых, длительная стабильность линии фронта позволила противнику оттянуть с переднего края обороны значительные силы, укрепить старые и создать новые гарнизоны, усилить охрану коммуникаций, что значительно затрудняло боевые действия партизанских отрядов. В-третьих, большие трудности представлял для партизан суровый северный климат: длинная снежная зима с сильными морозами, летом белые ночи, частые дожди, постоянная сырость — и особенности местности: бездорожье, леса и болота, многочисленные озера и реки⁹.

Эти особенности определили формы и методы партизанской войны в Карелии: партизанские отряды базировались на неоккупированной территории республики, пересекая линию фронта, они совершали рейды в тыл финских войск, выполняя боевые задания. К специфике партизанского движения следует отнести и то, что партизанские отряды действовали не только на территории оккупированной Карелии, но и совершали походы на территорию Финляндии.

В тылу финских войск активную работу осуществлял и НКВД КФССР. Его 4-й отдел в течение всех лет войны вел последовательную заброску разведывательно-диверсионных групп. Как свидетельствуют архивные документы, успешно осуществлялись операции по разгрому мелких гарнизонов, штабов противника и совершению диверсий на его коммуникациях. Активные же действия по финским спецорганам после неудачных попыток в 1941—1942 гг. не проводились¹⁰.

К концу 1941 г. большая часть территории Карело-Финской ССР оказалась в зоне оккупации финских войск, а на севере республики — немецких войск. По финляндским источникам, на декабрь 1941 г. численность гражданского населения, проживающего на оккупированной территории, составляла 86 119 человек, в том числе «национального населения» (финно-угорского) — 35 919 человек, «ненационального населения» (русских и представителей других народов, не относящихся к финно-угорским народам) — 50 200 человек¹¹.

15 июля 1941 г. главнокомандующий финской армией маршал К. Маннергейм издал приказ об организации управления на оккупированной территории — Военного управления Восточной Карелии (ВУВК). В тот же день было выпущено обращение командира управления подполковника Вяйне Котилайнена к гражд-

данам захваченных районов Советской Карелии, в котором он объявил, что принял на себя руководство оккупированной территорией и что с этого момента каждый ее житель обязан выполнять требования финских военных властей¹².

Основу оккупационной политики составлял тезис о том, что коренными жителями Карелии являются только карелы, финны, веписы и другие финно-угорские народы. Русские, проживавшие на этой территории, по мнению военного и политического руководства Финляндии, были переселены сюда насильно. Исходя из этого присоединенную к Финляндии Восточную Карелию планировалось превратить в территорию, заселенную только финно-угорскими народами, а русских и представителей других этнических групп, считавшихся мигрантами, предполагалось собрать в определенных местах и затем выселить за пределы Карелии в другие районы Советского Союза, которые должна была захватить Германия. С этой целью для русского населения стали создаваться концентрационные лагеря.

Уже к концу 1941 г. в концлагерях находилось около 20 тыс. человек, в подавляющем большинстве это были русские. На начало апреля 1942 г. число заключенных составляло около 24 тыс. человек, или около 27 % населения, оказавшегося в зоне оккупации. С точки зрения международного права это довольно высокий показатель. К концу 1942 г. численность заключенных заметно уменьшилась, как из-за большой смертности в лагерях, так и из-за того, что часть людей освободили или отправили в трудовые лагеря. После этого на протяжении всей оккупации численность заключенных колебалась между 15 и 18 тыс. человек, составляя около 20 % попавшего в оккупацию населения¹³. Всего же в период финской оккупации Карелии было создано 14 концлагерей для гражданского населения, 6 из которых находились в Петрозаводске¹⁴.

Военная администрация Восточной Карелии разделила все оставшееся на свободе население по национальному принципу на две основные группы: коренное, или привилегированное, население (карелы и другие финно-угорские народы) и некоренное, или непривилегированное, население (русские). На практике это разделение проявлялось также при распределении продовольствия и выплате заработной платы.

Что касается социально-экономического состояния оккупированных районов Советской Карелии, то следует отметить, что деятельность ВУВК в области промышленности не получила заметного развития. Во многом это происходило из-за того, что большая часть оборудования была или эвакуирована, или уничтожена при отступлении советскими войсками. К тому же ощущалась острая нехватка рабочей силы. Гораздо лучше обстояли дела в сельском хозяйстве, хотя и здесь намеченные ВУВК планы полностью выполнены не были.

Национальная политика финского оккупационного режима в Карелии в 1941—1944 гг., направленная на разделение населения по национальному признаку (на финно-угорское и русское), не принесла желаемых результатов. Финским властям не удалось привлечь на свою сторону большую часть советских карел, веписов, финнов. По данным финского историка А. Лайне, с оккупированной территории Карелии в Финляндию эвакуировалось 2 799 человек, или только 3,35 % всего населения зоны оккупации¹⁵. Другой финский исследователь О. Хююття дает расшифровку ушедшего населения: из 2 799 человек националы составляли 2 196 человек (карелы — 1 422; веписы — 314; финны — 214; ингерман-

ландцы — 176; остальные — 70), ненационалы — 603 человека (русские — 244; украинцы — 259; другие — 100)¹⁶. Более того, те, кого пришли освобождать от «русской неволи», сами с оружием в руках вместе с русским и другими народами Советского Союза отстаивали независимость своей Родины.

Несмотря на эти очевидные факты, в августе 1944 г., в конце Великой Отечественной войны на Севере, над Карело-Финской ССР и ее народом нависла серьезная угроза. Командование Карельского фронта, основываясь на данных о слабости партизанского и подпольного движения в Карелии, а также на том, что часть финно-угорского населения сотрудничала с финскими оккупационными властями, поставило в ЦК ВКП(б) вопрос о ликвидации республики и выселении карел, финнов и вепсов в Сибирь. Только благодаря мужеству и настойчивости руководства республики и секретаря ЦК КП(б) КФССР, члена Военного совета Карельского фронта Г. Н. Куприянова удалось предотвратить эту несправедливую акцию. Трудно представить, какая судьба ожидала бы карел, финнов и вепсов, если бы решение о ликвидации республики было принято. Скорее всего, они разделили бы участь тех народов, чья национальная государственность была ликвидирована в том же 1944 г. (чеченцев, ингушей, балкарцев, калмыков, крымских татар, карачаевцев и др.).

Осенью 1944 г., сразу после освобождения территории Карелии от финской оккупации, начались работы по восстановлению народного хозяйства и культуры республики. Однако в этом направлении были сделаны только первые шаги. В 1945 г. общий объем валовой продукции промышленности не превышал 25 % довоенного уровня. Посевные площади в сельском хозяйстве составили 50 % довоенных размеров. Низкой оставалась урожайность сельскохозяйственных культур и продуктивность животноводства. Население республики находилось в крайне тяжелых экономических условиях, испытывая нужду в самом необходимом — жилье, одежде, обуви, продовольствии.

Подводя итоги исследования, следует отметить, что сложная и противоречивая военно-политическая и социально-экономическая история Карелии периода Второй мировой войны отражает как общие тенденции истории Советского Союза в эти переломные годы, так и специфические черты, связанные с пограничным положением республики. Общее положение республики, жизнь ее населения в годы Второй мировой войны во многом определялись военно-политическим противостоянием между СССР и Финляндией в 1939—1944 гг. Это противостояние имело глубокие исторические корни, сложившиеся еще в 1918 — начале 1920-х гг. во время так называемых племенных войн.

«Финляндская проблема» в советской внешней политике в конце 1930-х гг. и, прежде всего, близость советско-финляндской границы к Ленинграду привели к военному выступлению СССР против Финляндии и началу советско-финляндской (Зимней) войны 1939—1940 гг. В ходе ее Советское правительство пыталось не только укрепить свои военно-стратегические позиции на северо-западном театре военных действий и обеспечить безопасность Ленинграда, но и посредством правительства Куусинена установить в Финляндии режим, удобный для СССР. Осуществление этой цели в советской печатной и устной пропаганде в период Зимней войны объяснялось необходимостью осуществления «вековой мечты карел и финнов о воссоединении их в составе единого демократического государства». Однако данные планы советского руководства были сорваны бла-

годаря сплоченности и мужеству народа Финляндии, отстоявшего независимость своей страны в период Зимней войны.

В 1941—1944 гг. «карельский вопрос» стал одним из центральных во внешней политике Финляндии. В этот период была предпринята попытка военно-политического руководства соседней страны присоединить Восточную Карелию к Финляндии, и эта цель также объяснялась необходимостью «воссоединения финнов и карел в составе единого финляндского государства». Но эти планы финляндского правительства провалились. Преодолевая все трудности и лишения военного времени, народ Карелии с честью вышел из тяжелых испытаний 1941—1945 гг., остался верен дружбе с русским и другими народами Советского Союза, внес свой весомый вклад в защиту независимости страны.

История Советской Карелии и Финляндии в годы Второй мировой войны еще раз убедительно показывает, что, несмотря на планы руководителей государств, которые часто носили «амбициозный характер», решающую роль в судьбах двух стран играл народ России и Финляндии.

Конечно, в одной монографии сложно осветить всю многообразную и противоречивую картину военно-политической и социально-экономической жизни Карелии в годы Второй мировой войны в ее органичной взаимосвязи с историей России и Финляндии этого периода. Многие аспекты военной истории республики требуют дальнейшего тщательного исследования с привлечением новых документальных (прежде всего архивных) источников. По этим проблемам проводятся научные конференции и семинары, публикуются новые книги и статьи как в России, так и в Финляндии.

О неослабевающем интересе к изучаемой проблеме в Финляндии свидетельствует и тот факт, что только в 2008 г. там вышло в свет несколько крупных исследований¹⁷. Осмо Хююття в работе «Жемчужина финских земель» раскрыл многообразную деятельность финской военной администрации на оккупированной территории Восточной Карелии в 1941—1944 гг., осветил жизнь и быт национального населения, его настроение и отношение к финнам. Кроме того, он показал и тяжелое положение ненационалов, значительная часть которых находилась в концлагерях, где было плохое питание и наблюдалась большая смертность. Автор отметил, что финские власти в период оккупации в числе одной из главных задач считали необходимым присоединение Восточной Карелии к Финляндии¹⁸.

Национальный архив Финляндии в 2008 г. издал книгу о судьбах военнопленных и интернированных во Второй мировой войне, подготовленную исследователями из Финляндии, Норвегии, Германии, Польши и России. Определенное место в этом издании отведено военнопленным и интернированным жителям Советской Карелии. Авторы рассматривают этнический состав военнопленных и интернированных, их нахождение в концлагерях и возвращение на Родину¹⁹.

В этом же году Антти Куяла опубликовал книгу «Смерть заключенных. Незаконные расстрелы советских военнопленных в войне-продолжении»²⁰, в которой рассказал о делах на 200 финских военных преступников, рассматриваемых в Высшем суде Финляндии. Многие из них* совершили свои преступления на

* В том числе все начальники концентрационных (переселенческих) лагерей в г. Петрозаводске в 1941—1944 гг.

оккупированной территории Советской Карелии в 1941—1944 гг. Автор отмечает, что в период войны-продолжения в финский плен попало свыше 67 тыс. советских военнослужащих, из них в плену умерло 22 тыс. человек. Из общего числа советских военнопленных около 1 200 человек, или 5,5 %, были расстреляны. Такая смертность в лагерях для военнопленных, по мнению А. Куяла, была достаточно высока в стране, где у руководства находились демократические силы.

Не обходят вниманием тему истории СССР (России) и Финляндии в годы Второй мировой войны и российские исследователи. Когда данная монография готовилась к изданию, в Москве вышла в свет книга Марка Солонина «25 июня. Глупость или агрессия»²¹, посвященная истории советско-финляндских войн 1939—1940 гг. и 1941—1944 гг. Многие страницы этой книги посвящены истории Карелии и Финляндии военного периода. Новая работа автора нашумевших трудов: «22 июня», «На мирно спящих аэродромах» и «23 июня: день М» — несомненно вызовет интерес как профессиональных историков, так и всех тех, кто интересуется военной историей.

Однако со многими тезисами и утверждениями М. Солонина трудно согласиться. Так, автор пишет: «Объективное обсуждение финского оккупационного режима совершенно немыслимо без учета того главного фактора, который и вызвал такие противоправные и негуманные действия финских властей, как насильственное переселение и создание лагерей для перемещенных лиц. Речь идет, разумеется, о так называемых карельских партизанах, т. е. диверсионных отрядах НКВД, терроризировавших мирное население Финляндии и Карелии»²².

Затрагивая вопрос о финском оккупационном режиме в Карелии в 1941—1944 гг., надо иметь в виду, что еще до начала войны Финляндия против СССР в апреле 1941 г. президент Финляндской Республики Ристо Рюти дал задание активистам — членам национальных организаций подготовить научные исследования о будущем Восточной Карелии, на основании которых можно было бы доказать Германии, что данный регион исторически, национально и культурно принадлежит Финляндии²³.

Ряд таких исследований был выполнен. За несколько недель до начала военных действий заместитель председателя Карельского академического общества доктор Рейно Кастрен представил план устройства будущей администрации Восточной Карелии, который предусматривал постепенное включение этой территории в состав Финляндии²⁴. При этом Кастрен исходил из того, что русские в Восточной Карелии являются не коренным населением, а мигрантами, которых надо будет изолировать от родственных финнам народов и затем выселить за пределы Восточной Карелии.

Иными словами, программа действий финских военных властей по отношению к так называемым ненационалам (русским и другим не финно-угорским народам Карелии) была определена задолго до вторжения финских войск на территорию Советской Карелии, а отнюдь не явилась ответной мерой на рейды карельских партизан, которые, по мнению М. Солонина, «терроризировали мирное население Финляндии и Карелии». Кроме того, нельзя смешивать партизанские отряды и диверсионные группы НКВД КФССР, что показано в соответствующих главах данной монографии, хотя партизанские отряды часто создавались органами НКВД и использовали методы борьбы диверсионных групп 4-го отдела НКВД-НКГБ Карелии.

Нельзя согласиться и с другим тезисом М. Солонина: «...только приход финской армии спас десятки тысяч человек от голодной смерти. Что, разумеется, не мешало и не мешает некоторым авторам оглашать страницы книг и газет причитаниями про “мизерные пайки” и “бесчеловечную расистскую политику” финских оккупантов»²⁵. Исследователь, видимо, не знаком с многочисленными архивными документами о тяжелейшем существовании так называемого ненационального населения (русских и других не финно-угорских народов) в финских концлагерях и других местах принудительного содержания в период финской оккупации Советской Карелии, не читал воспоминания бывших малолетних узников финских концлагерей об их трагической судьбе в этих лагерях²⁶.

В материалах Чрезвычайной комиссии по расследованию преступлений финских войск на территории Советской Карелии речь идет о более 7 тыс. погибших за годы оккупации лишь в петрозаводских концлагерях²⁷. Да и сами финляндские исследователи Антти Лайне, Хельге Сеппяля, Юкка Куломаа, Гуннар Розен, Осмо Хюютия и другие, которые занимались изучением финского оккупационного режима в Карелии в 1941—1944 гг., приводят в своих работах данные о тяжелейших условиях проживания и высокой смертности узников в финских концлагерях. Приводимые ими сведения о смертности ниже сведений Чрезвычайной комиссии и колеблются от 3,5 до 4 тыс. умерших²⁸. В данном случае следует согласиться с точкой зрения финляндских исследователей, так как она основана на анализе списочного состава погибших и умерших советских граждан в местах принудительного содержания.

Можно привести целый ряд других утверждений М. Солонина, с которыми мы не можем согласиться. Но в чем мы солидарны с московским исследователем, так это в том, что по данной проблеме «фронт работ для российских историков огромный»²⁹. Многие сюжеты военной истории Карелии и Финляндии периода Второй мировой войны являются дискуссионными, ряд аспектов советско-финляндских отношений до сих пор обстоятельно не изучен российскими и финляндскими историками.

Все это выдвигает необходимость проведения дальнейших научных исследований по истории Карелии (как составной части СССР) и Финляндии периода Второй мировой войны. Наиболее результативными могут стать совместные работы ученых России и Финляндии с привлечением как российских, так и финляндских источников.

-
- 1 История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 590.
 - 2 АПРФ, ф. 3, оп. 61, д. 380, л. 127.
 - 3 История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 592.
 - 4 Там же. С. 594.
 - 5 НА РК, ф. 1394, оп. 7, д. 71, л. 63—64.
 - 6 Там же, л. 59.
 - 7 История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 638.
 - 8 Куприянов Г. Н. За линией Карельского фронта. 2-е изд., испр. и доп. Петрозаводск, 1979. С. 270.
 - 9 История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 645.

- 10 Архив УФСБ РФ по РК, ФСДП, оп. 1, д. 302, л. 2 и 3.
- 11 Väestötoimisto/ItäKarSE, T 2970/12, SA; *Laine A.* Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa, 1941—1944. Helsinki, 1982. S. 106.
- 12 По обе стороны Карельского фронта: Док. и материалы. Петрозаводск, 1995. С. 72—73.
- 13 *Лайне А.* Национальный вопрос в финской оккупационной политике в Советской Карелии во время Второй мировой войны // *Европейский Север: история и современность.* Петрозаводск, 1990. С. 101; *Он же.* Гражданское население Восточной Карелии под финляндской оккупацией во Второй мировой войне // *Карелия, Заполярье и Финляндия в годы Второй мировой войны.* Петрозаводск, 1994. С. 43; *Он же.* Национальная политика финских оккупационных властей в Карелии (1941—1944 гг.) // *Вопросы истории Европейского Севера: (проблемы социальной экономики и политики: 60-е годы XIX—XX в.): Сб. ст.* Петрозаводск, 1995. С. 100—101; *Невалайнен П.* Карелия после 1917 года // *История карельского народа.* Петрозаводск, 1988. С. 88; *Сеппяля Х.* Финляндия как оккупант в 1941—1944 годах // *Север.* 1995. № 4—5. С. 103.
- 14 *Куломаа Ю.* Финская оккупация Петрозаводска, 1941—1944. Петрозаводск, 2006. С. 54.
- 15 *Лайне А.* Гражданское население Восточной Карелии под финляндской оккупацией во Второй мировой войне. С. 43.
- 16 *Hyttiä O.* «Helmi Suomen maakuntien joukossa»: suomalainen Itä-Karjala, 1941—1944. Helsinki, 2008. S. 313.
- 17 См., например: *Hyttiä O.* «Helmi Suomen maakuntien joukossa»...; *Sotavangit ja internoidut.* Kansallisarkiston artikkelikirja. Helsinki, 2008; *Kujala A.* Vankisurmat. Neuvostosotavankien laittomat ampumiset jatkosodassa. Helsinki; Otava, 2008.
- 18 *Hyttiä O.* «Helmi Suomen maakuntien joukossa»... S. 363.
- 19 См.: *Sotavangit ja internoidut.* Kansallisarkiston artikkelikirja.
- 20 *Kujala A.* Vankisurmat. Neuvostosotavankien laittomat ampumiset jatkosodassa.
- 21 *Солонин М.* 25 июня. Глупость или агрессия? М., 2008.
- 22 Там же. С. 20.
- 23 *Сеппяля Х.* Финляндия как оккупант в 1941—1944 годах. С. 98—99.
- 24 *Лайне А.* Гражданское население Восточной Карелии под финляндской оккупацией во Второй мировой войне. С. 42.
- 25 *Солонин М.* 25 июня. Глупость или агрессия? С. 560.
- 26 *Плененное детство: Сб. воспоминаний бывших малолетних узников.* Петрозаводск, 2005; *Судьба: Сб. воспоминаний бывших малолетних узников фашистских концлагерей.* Петрозаводск, 1999; *Лукиянов В. С.* Трагическое Заонежье. Петрозаводск, 2004; и др.
- 27 *Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР: Сб. док. и материалов.* Петрозаводск, 1945. С. 9.
- 28 *Лайне А.* Гражданское население Восточной Карелии под финляндской оккупацией во Второй мировой войне. С. 43; *Rosen G.* Suomalaisina Itä-Karjalassa. Sotahallinnon ja Suomen Punaisen Ristin yhteistoiminta, 1941—1944. Jyväskylä, 1998. S. 127; *Куломаа Ю.* Финская оккупация Петрозаводска, 1941—1944. С. 75.
- 29 *Солонин М.* 25 июня. Глупость или агрессия? С. 20.

SUMMARY

The Second World War 1939—1945 had a great impact on political and socio-economic development of Soviet Karelia. The Soviet-Finnish (Winter) war 1939—1940 became its constituent part. Before the war the negotiations between the USSR and Finland took place in spring and autumn 1939 in Moscow concerning boundary issues. Having motivated the necessity to move aside the boundaries from Leningrad the Soviet government raised a question of mutual exchange of the territories. According to these proposals, Finland had to transmit to the Soviet Union the Karelian Isthmus and several islands in the Gulf of Finland getting in return twice as much territory in the Northern Karelia.

After Finland had rejected these proposals the Soviet government decided to solve the problem by military means. In the morning 30 November 1939 the troops of the Leningrad military district under the command of K. A. Meretskov crossed the Soviet-Finnish boundary and started to move deep into Finland, that was the beginning of the war in fact. The Karelian population which turned out to be the nearest rear of the Red Army during the Soviet-Finnish War 1939—1940 to a greater or lesser extent took part in the events. The scores of communists from Karelian party organization were sent to the political work in the Red Army, as well as hundreds of inhabitants of the Republic were mobilized to the front. Industry and agriculture of the republic supplied the front with all necessary military goods and the products of agricultural sector.

During the Winter War the inhabitants of Karelia sent a lot of gifts to the front, worked in hospitals, took care of injured soldiers of the Red Army. The republican government assisted greatly to the families of the front-line soldiers. During the war many resi-

dents of Karelia committed heroic feats of arms and then they became well-known all over the country.

Taking into consideration boundary location and national mixture of the republic, the Soviet government before and during the Winter war paid special attention to the Soviet Karelia concerning the solution of important strategic and military-political tasks. After the beginning of the war, the Soviet government announced about the establishment of the Finnish People's Government led by Otto V. Kuusinen. Before the war actions began, the Finnish People's Army (FPA) was formed in order to help Kuusinen's Government. The Army consisted mostly of Karelians, Finns, Veps of the Soviet Karelia, and also of Ingermalands of the Leningrad Region.

Implementing the directions from the central authorities, the Soviet party government of Karelia strived to explain the decisions of the Soviet authorities. A broad elucidative work among local population was started with the support of Kuusinen's government, the committees of the Labour People's front were organized from the residents of the Eastern Finland, who lived on the occupied by the Red Army territory. Hundreds of the inhabitants of Karelia joined the troops of the FPA voluntarily, especially those who dislocated on the republic's territory (3d rifle division in Porososero-Suojärvi region and 7th separated regiment in Uhta region).

The majority of the population of those Finnish territories which were occupied by the Red Army evacuated with the retreating Finish Army. In February 1940 the rest of the population (about 2000 people) were moved to three special villages on the territory of the Soviet Karelia: Kintezma (Kalevala region), Interposelok (Prjazha region), and Kavgora (Kondopoga region). Archival documents show that they were in a very difficult situation: they felt lack of food supply, their living conditions were severe, and there were lots of illnesses. People's Commissariat of Internal Affairs (NKVD, or NKVD in Russian) of Karelia handled foreign nationals, tried to minimize their contacts with Soviet people.

However, Finnish people could not even imagine the treat which appeared after the end of the Soviet-Finnish war. The NKVD leaders came out on 30 April 1940 in favour of the proposal of the NKVD USSR to «resettle all Finns arrived from the Finnish territory to Siberia», they gave reasons that foreign intelligence service would use this Finnish population as a foundation for the subversive activity against the USSR. However, these proposals were not supported by the centre. According to the peace treaty between the USSR and Finland 12 march, 1940, Finnish people who turned out to be in the Soviet Karelia could return by their own wish to Finland in the end of May, or beginning of June 1940.

Political aspect of the Winter war 1939—1940 showed up in the attempt of the Soviet political and intelligence services to use Finnish prisoners of war in propagandistic and intelligence aims. In the Karelian state and departmental archives the author found out the lists of prisoners of war who were enlisted by the NKVD during the war period, took intelligence training in the USSR and then were sent to Finland as agents.

However, the analysis of the archival documents shows that the effectiveness of the recruitment and the work of these agents were rather low: most of them were arrested by the Finnish special services of they addressed to the Finnish service by themselves after they were sent to Finland and declared that they were enlisted by the NKVD. On the basis of this information, it can be marked that the attempt to use prisoners

of war in political aims during the Winter war 1939—1940 didn't give any results to the Soviet country.

The results of the Soviet-Finnish (Winter) war 1939—1940 had a great impact on the further development of Karelia, changed its status and boundaries, population and administrative structure. VI session of the Supreme Soviet of the USSR on 31 March 1940 passed the law concerning the reorganization of the Karelian autonomous Soviet socialist republic into the Karelian-Finnish Soviet Socialist republic. According to the treaty of 12 March 1940, the main part of the territories passed by Finland to the USSR became a part of a new union republic: the Karelian Isthmus (except small region, near the border of Leningrad) and northern and western Ladoga Karelia.

According to the resolutions made by the Supreme Soviet of the USSR on the VI session, an extraordinary meeting of the Supreme Soviet of the KASSR on April 13—15, 1940 passed the law concerning the transformation of the KASSR into Karelian-Finnish SSR, of superior body elections and choose constitutional commission for the constitutional project development of the KFSSR¹.

Reforming Karelia from the autonomous republic in to the union one meant the changing of its state legal status and significant expansion of its territory. According to the currently in force Constitution of the USSR of 1936, such changes couldn't take place without the permission of the Supreme Soviet of the RSFSR which included Karelia at that time. However, this issue wasn't considered and the agreement to change the whole territory wasn't given by the Supreme Soviet of the RSFSR. In other words, transformation of the KASSR into Karelian-Finnish SSR broke both the Constitution of the USSR and the Constitution of the RSFSR. But this decision was made by Iosif V. Stalin on the basis of his political considerations, which in the conditions of the command system was a priority over the current legislation.

During the interwar period, the administration of the new republic had to deal with the task of settlement and development of the former Finnish territories. By the autumn 1940 the party administration, as well as Soviet and economic authorities began to operate in new districts. Plant facilities were restored, kolkhozes and machine and tractor stations (MTS).

According to the Statistic Department of the KFSSR, by the beginning of 1941 the total number of population in some districts of the republic reached up to 197 600 people². On the whole, before the Great Patriotic War the population of the republic equaled to 700 000 people³.

But there wasn't enough time for the full settlement and development of the new territories, that became the property of the USSR after the Winter war, according to the Moscow Peace Treaty, 12 March 1940. This process was interrupted by the beginning of the Great Patriotic War.

From the very beginning of the Great Patriotic War life in Karelia was rebuilt in a war way. Thousands of the residents expressed their desire to join the Red Army, the majority of them applied for sending them directly to the front during meetings. There were more than 10 000 applications during the first month of the war⁴. Simultaneously with the process of people mobilization for the Red Army, the work on forming the destructive battalions, people's volunteer corps and partisan detachments, was organized. The Karelian population helped to the Red Army greatly by building the defensive con-

structions, military aerodromes, roads and other objects during summer and autumn 1941.

From the very beginning of the Great Patriotic War the republican industry started to produce the military supply for the front. The attempts to arrange domestic manufacture of some armaments and ammunition took place. However, these attempts were unsuccessful because of the closeness to the front line.

The reconstruction of the national economy of Karelia were going at full speed, but it wasn't completed. In summer 1941 on the northwestern part of the front, the Red Army stepped back. This meant that the authority had to carry out the evacuation of the population, the industrial equipment, property of sovkhozes, kolkhozes and MTS.

On the whole, the evacuation was held smoothly and shortly. There were more than 500 000 evacuated people from the republic, equipment and property of 291 enterprises. In accordance with the evacuation plan, the rest equipment was put out of the action. Moreover, the equipment of 36 Karelian enterprises had to be destroyed completely⁵. In addition, in the front area of the republic 7 power stations, gas-plant in Viborg, soap factory, margarine plant, bread-baking plant in Petrozavodsk, bread-baking complex in Sortavala, Olonets and other enterprises were destroyed. However, to destroy completely all the industrial enterprises, which were not evacuated, didn't manage. Some equipment of the republican factories, essentially that was transported by the Baltic-Onega steam navigation (BOP in Russian) got to Finns.

Many of the defects in the process of evacuation were provoked by the fact that during the initial stage of the war, some leaders of the People's Commissariats, towns and districts got lost or even became panic. The leaders of Kalevalsky (Uhta), Segozersky, Vedlozersky, Sheltozersky, Prionezhsky and Zaonezhsky districts couldn't organize the evacuation of people, cattle, corns and different goods properly.

The republican government pointed out the shortcomings in work of the state economic bodies as well. For instance, the People's Commissariat of paper industry of the USSR did practically nothing for the evacuation of its enterprises. Then evacuation of pulp and paper mill from the front area of Karelia was carried out without any its employees, only on the initiative of republican and local authorities. The representatives of this Commissariat didn't visit the republic at all⁶.

The drawbacks of the evacuation led to the situation when the residents, living in the front area, were not evacuated. For example, several thousands people in Zaonezhsky district were waiting for the evacuation for 4 months (July — October 1941), and they were not evacuated on the eastern shore of the Onega Lake and got in the Finnish occupation.

By the beginning of December 1941 the enemy was stopped at the line from the southern part of White Sea-Baltic Channel up to Maselskaja station and westward of Kirovskaja railway at the direction of Rugozero — Uhta — Kestren'ga — Alakurti — Murmansk. This line of the Soviet — Finnish — German front stayed nearly permanent until June 1944.

Thus, by the end of 1941 the two thirds of the territory of Karelian-Finnish SSR including Petrozavodsk, the capital of the republic, and which was more developed, turned out to be occupied by Finnish and German troops. In those districts of Karelia, that were out of the occupation, the industrial output decreased up to 10,1 %, in comparison with prewar period.

In the late 1941 — early 1942 it was managed to establish the industrial production in the districts not occupied by the enemy with the great efforts of party, Soviet, economic authorities and population of Karelia. A special attention was paid to the timber industry, because both the front and defense industry, and transportation needed the timber and firewood. For solving the tasks on providing the front with the timber it was needed to extend the source of raw materials of the branch. Despite the difficult war conditions, new enterprises were established in the northeastern woodlands of the republic. The enterprises of the fish, building and other branches were reorganized in the military way. Complicated tasks were solved by the agriculture complex as well.

Railway transportation worked without fail. The railwaymen of the Kirov railroad made transportations of loads and provided the Karelian front and the Northern Navy with all needed supplies in the conditions of front line and often under the bombardment.

During nearly 3 years, from the beginning of winter 1941 till summer 1944, the line of Soviet-Finnish front remained stable. However, the struggle against the enemy didn't ease. Both the troops of the Karelian front and Karelian conspiracy groups and partisans contributed greatly to this struggle.

As it is well known, the establishment of the conspiracy groups in the country developed into three directions. At first, the network of party committees were created with secret addresses, messenger staff selection and etc.; secondly, secret underground organizations were established by the initiative of the patriots who were on the occupied territory; thirdly, preparatory groups were set in the Soviet rear and then they were transferred into the rear of the enemy, place of the future activities⁷. Considering the low density of population, living on the Finnish occupied territory, and a strict Finnish occupation regime as well, the third way of establishing the conspiracy groups turned out to be the most effective.

G. N. Kuprijanov, a secretary of the Central Committee of the Communist Party KPSSR, wrote in his memoir: «Despite all our slips and shortcomings, the death of the members of the conspiracy groups wasn't idle. It's hard to overestimate and impossible to imagine in numbers all this hard and complicated work that they made in the rear of the enemy. These conspiracy groups managed to give very valuable information to the Central Committee of the Communist Party and Front Council of War that was useful both in military aims and in general political issues. These data helped us to save lives of our soldiers. They disorganized and weakened the enemy by their actions, they made the invaders think that their progress of the first period of war was unsuccessful»⁸.

As for the partisan movement, it had some specific features in Karelia, in comparison with the other regions of the Soviet Union. Firstly, there was no any support from the local population, that amounted about 86 000 people on the occupied territory of the republic, and most part of them were women, old people, children, who couldn't participate in the armed struggle. Secondly, the stability of the front line enabled the enemy to draw off the forces, to strengthen old garrisons and create new ones, to strengthen the protection of the line of communication. All these made significant difficulties for partisans. Thirdly, a severe northern climate had also caused troubles for partisans — long snowy winters with hard frosts, a lot of rains in summers, constant dampness, white nights, lack of good roads, forests, swamps, abundance of lakes and rivers⁹.

These peculiarities determined the ways of partisan war in Karelia: partisan detachments were based on the non-occupied territory, they made raids in the rear of the

Finnish troops and accomplished the military tasks. Notably, the partisan detachments acted not only on the territory of the occupied republic, but they also campaigned on the territory of Finland.

NKVD KFSSR also led very active work in the rear of the Finnish troops. Its 4th department had been throwing the intelligence-diversionary groups during all years of war. According to the archival data, the operations on the defeat of small garrisons were successful, as well as defeats of headquarters staff of the enemy and accomplishment of the diversions on its communication lines. However, none actions on Finnish intelligence service were made after the unsuccessful attempts in 1941—1942¹⁰.

By the end of 1941 the most part of the Karelian-Finnish SSR was in the zone of Finnish occupation, but the northern part of the republic was in the zone of German occupation. In accordance with the Finnish sources, by December 1941 the number of people living on the occupied territory was 86 119 people, including 35919 people «national peoples» (Finno-Ugric), «not national peoples» (i. e. Russians and the representatives of the other peoples, not Finno-Ugric) — 50 200 people¹¹.

On July 15, 1941, Finnish army Commander marshal Mannerheim promulgated an order concerning the establishment of the Military Directorate of the Eastern Karelia (MDEK, or VUVK in Russian). The leader of the Directorate lieutenant colonel V ine Kotilainen addressed to the citizens of the occupied territory of the Soviet Karelia and declared that he would be the chief on the occupied territory and every citizen had to fulfil the requirements of the Finnish military authorities¹².

The main base of the occupation policy was a statement that Karels, Finns, Veps and other Finno-Ugric peoples were the only indigenous population of the republic. In opinion of military and political government of Finland, Russians, living on this territory, were resettled here by force.

Hence, Eastern Karelia, incorporated to Finland, was planned to turn into the territory inhabited just by Finno-Ugric peoples, while Russians and representatives of the other ethnic groups that were considered as immigrants, were planned to gather at particular places and then evict outside Karelia in other regions of the Soviet Union, which must have been occupied by Germany. The concentration camps were created for Russians in accordance with this aim.

By the end of 1941 approximately 20 000 of people had been positioned in the concentration camps, the vast majority of them were Russians. Most of them were settled there in the beginning of April in 1942 (about 24 000 people), or about 27 % out of the whole population that was in the area of occupation, and this figure presents quite high percentage in the view of international law. By the end of 1942 the number of people had reduces significantly, this happened as a result of both factors — large mortality in the camps and the factor that the part of people was resealed and relocated to labor camps. After that, during the period of occupation the number of people varied between 15 000 and 18 000 people, it was estimated at 20 % out of the whole occupied population¹³. Generally, 14 concentration camps were created during the period of Finnish occupation of Karelia, 6 of them were located in Petrozavodsk¹⁴.

The military administration of Eastern Karelia divided free people according to the national principle into two main groups: the indigenous population or privileged ones (Karels and other Finno-Ugric peoples) and non-indigenous population or non-privi-

leged (Russians). In practice this division showed up in the distribution of provision and wage payments.

As for social and economic state of the occupied region of Soviet Karelia, it should be noticed that the activity of the military administration of Eastern Karelia in the sphere of industry didn't develop. Mostly it happened because the most part of the equipment was evacuated or destroyed during the retreat of the Soviet troops. Moreover, there was a lack of labor force. Agriculture was in the best position, however, in this sphere the military administration of Eastern Karelia plans also weren't fulfilled completely.

National policy of the Finnish occupational regime in Karelia in 1941—1944, aimed at division of population based on the national principle (Finno-Ugric and Russians), didn't get desirable results. Finnish authorities didn't manage to win over to their side the majority of the Soviet Karels, Veps and Finns. 2 799 people were evacuated from the occupied Karelian territory to Finland, that made up just 3,35 % out of the whole population of the occupation area²⁵. Moreover, those, who were released from the «Russian captivity», defended with arms the independence of their Motherland with Russians and other peoples of the Soviet Union.

Despite these obvious facts the Karelian-Finnish Soviet Socialist Republic and its people in the north were threatened with danger in the end of the Great Patriotic War. In August 1944. The command of the Karelian front raised up a question to the Central Committee of VKP (b) about the liquidation of republic and eviction of Karels, Finns and Veps to Siberia. The command based on the information about the weakness of partisan and underground movements in Karelia and on the fact that the part of Finno-Ugric population cooperated with Finnish occupation authorities. This unfair action was prevented thanks to courage and urgency of the republican authorities and secretary of the Central Committee of VKP (b) of KFSSR, member of the Military Council, G. Kuprijanov. It's hard to imagine what fate would had been prepared for Karels, Veps, Finns, if this decision had been taken. Most probably they would have shared the fate of those peoples, whose national statehood was liquidated in 1944 (Chechens, Ingushetians, Balkars, Kalmyks, Crimean Tatars, Karachais and etc.).

The works aimed at the recovery of the national economy and culture of the republic started in autumn 1944 after the liberation of Karelian territory from the Finnish occupation. However, just the first steps were made in this direction. In 1945 the total volume of the gross output of industry didn't exceed 25 % of prewar level. The sown areas in the sphere of agriculture were estimated at 50 % of prewar dimensions. The yield of crops and productivity of cattle breeding remained at the low level. The population of the republic was in critical economic conditions, they needed the essential things — shelter, clothes, shoes and food.

Summing up the results of the research, it should be mentioned that complicated and contradictory military-and-political and socio-economic history of Karelia during the period of WWII reflects both common trends of history of the Soviet Union in these crucial years and specific features, connected with boundary location of the republic. The general location of the republic and the life of its population in the years of WWII mostly were defined by military and political contradiction between the USSR and Finland in the period from 1939—1944. This contradiction had deep historical roots, formed in 1918s and in the beginning of 1920s during so-called «tribal wars».

The «Finnish issue» in the Soviet foreign policy in the end of 1930s and first of all the proximity of the Soviet-Finnish border to Leningrad led to military aggression of the USSR against Finland and then to the beginning of the Soviet-Finnish (Winter) war in 1939—1940. In the course of this war the Soviet government tried not only to strengthen its military and strategic positions in the north-western seat of war and to provide the security of Leningrad, but to establish the regime in Finland that would be convenient to the USSR with the aid of Kuusinen's government. Implementation of this aim in the Soviet printed and oral propaganda in the period of war was explained with the necessity of realization of a «century-old dream of Karels and Finns about their reunification into the united democratic state». However, these plans of the Soviet authorities were defeated thanks to courage and unity of the population of Finland, who defended the independence of their country in the period of Winter war.

The «Karelian question» became one of the central in the foreign policy of Finland in 1941—1944. The military and political authorities of the neighboring country made an attempt in this period to annex Eastern Karelia to Finland and this aim was also explained with the necessity of «reunification of Finns and Karels into the united Finnish state».

But these plans of the Finnish government failed. Overcoming all difficulties and hardships of the war time, the population of Karelia stood severe tests with honor in period from 1941 till 1945 and abided by the friendship with Russian people and other peoples of the Soviet Union and contributed significantly to the defense of state independence.

The history of the Soviet Karelia, as a part of the USSR, and Finland in the years of the Second World War shows once more that regardless of the plans of state's leaders, which often had an «ambitious character», peoples of Russia and Finland played the conclusive role in the fate of the two countries.

Of course, it's very difficult to cover the whole diverse and contradicting picture of military-and-political and socio-economic life in Karelia in the years of WWII in its limited correlation with the history of Karelia and Finland of the period in one monograph. Most plots of the military history of Karelia and Finland of the period of WWII are controversial, some aspects of Soviet-Finnish relations still are not studied in detail by Russian and Finnish historians and require further intensive investigation with the use of new documentary (first of all archival) sources. Scientific conferences and seminars on these issues are held periodically; new books and articles in Russia¹⁶ as well as in Finland¹⁷ are published.

All these facts put forward the necessity of further complicated scientific studies concerning the history of Karelia as a part of the USSR and Finland of the period of the Second World War.

1 История Карелии с древнейших времен до наших дней / А. И. Афанасьева, А. И. Бутвило, Л. И. Вавулинская и др.; под общ. ред. Н. А. Кораблева, В. Г. Макурова, Ю. А. Савватеева, М. И. Шумилова. Петрозаводск, 2001.

2 Архив Президента Российской Федерации, ф. 3, оп. 61, д. 380, л. 127.

- 3 История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 592.
- 4 Ibid. P. 594.
- 5 Национальный архив Республики Карелия, ф. 1394, оп. 7, д. 71, л. 63—64.
- 6 Ibid. S. 59.
- 7 История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 638.
- 8 Куприянов Г. Н. За линией Карельского фронта. Петрозаводск, 1979.
- 9 История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 645.
- 10 Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Карелия, ФСДП, оп. 1, д. 302, л. 2 и 3.
- 11 Väestötoimisto/ItäKarSE, T 2970/12, SA; Laine A. Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa, 1941—1944. Helsinki, 1982. S. 106.
- 12 По обе стороны Карельского фронта: Док. и материалы. Петрозаводск, 1995. С. 72—73
- 13 Лайне А. Национальный вопрос в финской оккупационной политике в Советской Карелии во время Второй мировой войны // Европейский Север: история и современность. Петрозаводск, 1990. С. 101; Он же. Гражданское население Восточной Карелии под финляндской оккупацией во Второй мировой войне // Карелия, Заполярье и Финляндия в годы Второй мировой войны. Петрозаводск, 1994. С. 43; Он же. Национальная политика финских оккупационных властей в Карелии (1941—1944 гг.) // Вопросы истории Европейского Севера: (проблемы социальной экономики и политики: 60-е годы XIX—XX в.): Сб. ст. Петрозаводск, 1995. С. 100—101; Невалайнен П. Карелия после 1917 года // История карельского народа. Петрозаводск, 1988. С. 88; Сепляля Х. Финляндия как оккупант в 1941—1944 годах // Север. 1995. № 4—5. С. 103.
- 14 Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941—1944. Петрозаводск, 2006. С. 54.
- 15 Лайне А. Гражданское население Восточной Карелии под финляндской оккупацией во Второй мировой войне. С. 43.
- 16 See, for example: Солонин М. 25 июня. Глупость или агрессия? М., 2008.
- 17 See, for example: Hyytiä O. «Helmi Suomen maakuntien joukossa»: suomalainen Itä-Karjala 1941—1944. Helsinki, 2008; Sotavangit ja internoidut. Kansallisarkiston artikkelikirja. Lars Westerlund (toim.). Helsinki, 2008.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

**Архив Президента Российской Федерации (АПРФ),
Москва:**

Ф. 3 — Политбюро ЦК ВКП(б).

**Российский государственный военный архив (РГВА),
Москва:**

- Ф. 25888 — Ленинградский военный округ.
- Ф. 31815 — 1-й отдельный карельский егерский батальон ЛВО.
- Ф. 31921 — Управление 1-го стрелкового корпуса (СК)
Финской народной армии (ФНА).
- Ф. 31923 — Управление 1-й стрелковой дивизии 1-го СК ФНА.
- Ф. 31926 — 2-я стрелковая дивизия 1-го СК ФНА.
- Ф. 31927 — Управление 3-й стрелковой дивизии 1-го СК ФНА.
- Ф. 31928 — Управление 4-й стрелковой дивизии ФНА.
- Ф. 33987 — Секретариат наркома обороны СССР.
- Ф. 32563 — Отдельная карельская егерская бригада.

- Ф. 34980 — Коллекция документов советско-финляндской войны 1939—1940 гг.
- Ф. 37295 — 71-я стрелковая дивизия.
- Ф. 37977 — Оперативное управление Генерального штаба РККА.
- Ф. 40442 — Организационное управление Генерального штаба РККА.

Фонды НКВД, хранящиеся в РГВА:

- Ф. 38262 — Главное управление войск НКВД по охране особо важных предприятий промышленности.
- Ф. 38260 — Главное управление войск НКВД по охране железнодорожных сооружений и особо важных промышленных предприятий.

Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ), Москва:

- Ф. 06 — Секретариат В. М. Молотова.
- Ф. 0135 — Референтура НКВД по Финляндии.
- Ф. 0149 — Референтура НКВД по Карелии.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Москва:

- Ф. 17 — ЦК ВКП(б).
- Ф. 77 — Коллекция документов А. А. Жданова.
- Ф. 74 — Коллекция документов К. Е. Ворошилова.
- Ф. 82 — Коллекция документов В. М. Молотова.
- Ф. 516 — Финляндская коммунистическая партия.
- Ф. 522 — Коллекция документов О. В. Куусинена.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Москва:

- Ф. Р-1318 — Наркомат по делам национальностей РСФСР.
- Ф. 5283 — Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (ВОКС).
- Ф. 5446 — Совет Народных Комиссаров СССР — Совет Министров СССР, 1923—1991.
- Ф. 6757 — Постановления Экономического совета при СНК СССР.
- Ф. 8418 — Комитет обороны при СНК СССР, 1927—1940.
- Ф. 9401 — Секретариат НКВД-МВД СССР.
- Ф. 9526 — Управление уполномоченного СНК СССР — Совета Министров СССР по делам репатриации, 1944—1953.

Российский государственный архив экономики (РГАЭ), Москва:

- Ф. 1562 — Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР.

Список источников
и литературы

- Ф. 4372 — Государственный плановый комитет СССР Совета Министров СССР.
Ф. 5675 — Переселенческое управление при СНК СССР.
Ф. 7637 — Министерство лесной промышленности СССР.
Ф. 7964 — Народный комиссариат электростанций
и электропромышленности СССР.
Ф. 8513 — Министерство бумажной и деревообрабатывающей
промышленности СССР.

**Центр хранения историко-документальных коллекций
(ЦХИДК), Москва:**

- Ф. 1е — Главное управление по делам военнопленных
и интернированных (ГУПВИ).

**Центральный государственный архив исторической
и политической документации (ЦГАИПД),
С.-Петербург:**

- Ф. 25 — Городской комитет ВКП(б).
Ф. 24 — Областной комитет ВКП(б).

**Российский государственный архив Военно-морского
флота (РГА ВМФ), С.-Петербург:**

- Ф. Р-92 — Штаб Краснознаменного Балтийского флота.

**Национальный архив Республики Карелия (НА РК),
Петрозаводск:**

- Ф. 287 — Трофейные документальные материалы.
Ф. Р-528 — Управление Кировской железной дороги.
Ф. Р-606 — Военный комиссариат Карельской АССР.
Ф. Р-630 — Народный комиссариат просвещения КАССР.
Ф. Р-690 — СНК КАССР.
Ф. Р-700 — Госплан КАССР.
Ф. Р-711 — Представительство СНК КАССР в Ленинграде.
Ф. 804 — Военное управление Восточной Карелии.
Ф. Р-1192 — Народный комиссариат просвещения КФССР.
Ф. Р-1215 — Президиум Верховного Совета КФССР.
Ф. Р-1394 — СНК КФССР.
Ф. Р-1411 — Статистическое управление КФССР.
Ф. 1531 — Суоярвский районный Совет депутатов трудящихся.
Ф. 1642 — Куркиекский районный Совет депутатов трудящихся.
Ф. 1951 — Военный комиссариат КФССР.
Ф. 1978 — Временное управление Куркиекского района КФССР.
Ф. 2203 — Сортавальский городской Совет депутатов трудящихся.

- Ф. 2716 — Народный комиссариат лесной промышленности КФССР.
Ф. 3435 — Фонд Г. Н. Куприянова. Рукописи:
«Война на Севере»;
«Восстановление народного хозяйства Карелии в 1944—1945 гг.»;
«Годы и люди»;
«Народное хозяйство республики после окончания войны»;
«Перед войной»;
«После изгнания врага».

Карельский государственный архив новейшей истории (КГАНИ), Петрозаводск:

- Ф. 3 — Карельский обком ВКП(б).
Ф. 8 — ЦК КП(б) КФССР.
Ф. 213 — Штаб партизанского движения на Карельском фронте.
Ф. 223 — Питкярантский районный комитет КП(б) КФССР.
Ф. 224 — Сортавальский городской комитет КП(б) КФССР.
Ф. 225 — Сортавальский районный комитет КП(б) КФССР.
Ф. 231 — Суоярвский районный комитет КП(б) КФССР.
Ф. 1086 — Куркиекский районный комитет КП(б) КФССР.

Архив Министерства внутренних дел Республики Карелия (АМВД РК), Петрозаводск:

Особые папки, д. 1, 1/1, 2: т. 1, 2.

Архив Управления Федеральной службы безопасности по Республике Карелия (АУФСБ РФ по РК), Петрозаводск:

- ФКРО (Фонд контрразведывательного отдела).
ФСПО (Фонд секретно-политического отдела).
ФТДМ (Фонд трофейных документальных материалов).
ФУД (Фонд уголовных дел).
ФПД (Фонд прекращенных дел).
ФРД (Фонд распорядительных документов).
ФЛД (Фонд литерных дел), арх. № 1 — Штаб партизанского движения
Карельского фронта.
ЛД 1, 2, 10, 12, 21, 22, 23, 24, 25, 35 (Литерные дела).
ФДОУ (Фонд дел оперативного учета).
ФОД (Фонд общего делопроизводства).
ФСДП (Фонд секретного делопроизводства).

Военный архив (Sota-arkisto, SA), Хельсинки:

Sotapäiväkirjat:

T 513 Sotapäiväkirja Er. P 16.

T 515 Sotapäiväkirja I./Er. P 16.

T 523 3./Er. P 16: sotapäiväkirja ajalta 10.10.1939 — 1.2.1940.

Peruskokoelma:

Kertomus P-SR:n sotapoliisin ja hallintotoimiston toiminnasta 1939—1940, P5682/10.

Hallintotoimisto (Tsto V) Rajaesikunta —

Pohjois-Suomen Ryhmän Esikunta, sal. kirjeistöä 1.12.1939 — 7.3.1940, Evakuointitilannekatsauksia, P1835/2.

Luettelo V AKE:n pikaoikeuden käsittelemistä asioista. P 5682/19.

Siilasvuon määräyksestä v. 1940 jälkipuoliskolla laadittuja selostuksia Suomussalmen taisteluista 27.12. — 9.1. P3167.

Hallintotoimisto (Tsto V)/Rajaesikunta — PSRE —

V Armeijakunnan esikunta —

Sotatuomarin asiakirjoja 1939—1940. P 5682/20, SA.

E/OS. Kari. Kirjeistöä, puhelinsanomia, viestityksiä, kuulustelupöytäkirjoja ym.. P 1762 a3—4.

Национальный архив (Kansallisarkisto, KA), Хельсинки:

Etsivä Keskuspoliisi — Valtiollinen Poliisi (EK-Valpo) I:

Asiaryhmittäin kootut asiakirjakokonaisuudet vv.1939 — sodat ja niistä aiheutunut toiminta. XXIX 4I-4Ia. Kotelo 2982.

Luettelo palautetuista sotavangeista.

Valpon tiedonanto 382/29.10.1940.

ДИССЕРТАЦИИ:

1. *Килин Ю. М.* Карелия в политике Советского государства, 1920—1941: дис. ... д-ра ист. наук / Петрозаводский гос. ун-т. Петрозаводск, 1999.
2. *Кулагин О. И.* Партизанское движение в Карелии и Мурманской области: объективные и субъективные факторы (1941—1944 гг.): дис. ... канд. ист. наук / Петрозаводский гос. ун-т. Петрозаводск, 2005.
3. *Смирнова Е. П.* Заселение и освоение новых районов Карело-Финской ССР в 1940-е годы: дис. ... канд. ист. наук / Петрозаводский гос. ун-т. Петрозаводск, 2006.
4. *Kangaspuro M.* Suomalainen vai venäläinen Karelia. Neuvosto-Karjala kansallisten aatteiden taistelukenttänä vuosina 1920—1940. Lisensiaatintyö Joensuun yliopiston historian laitokselle. 28.04.1996.

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ:

- Газета «Ленинградская правда» (1939—1945).
Газета «Красная Карелия» (1939 — 3 авг. 1940).
Газета «Ленинское знамя» (4 авг. 1940 — окт. 1945).
Газета «Колхозная Правда» (Куркиекский район, 1941).
Газета «Ленинский путь» (Суоярвский район, 1940—1941).
Газета «Новая Ладога» (Питкярантский район, 1940—1941).
Газета «Виipurский большевик» (Выборгский район, 1940—1941).
Газета «Трибуна стахановца» (Яскинский район, 1940—1941).
Газета «Коммунар» (Кексгольмский район, 1940—1941).
Газета «Красное знамя» (Сортавальский район, 1945—1946).
Газета «Северное слово» (Петрозаводск, 1941—1944).

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ:

1. В грозные годы: документы и материалы о героических подвигах женщин Карелии в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Петрозаводск, 1970.
2. Внеочередная сессия Верховного Совета КАССР, 13—15 апреля 1940 г.: стенограф. отчет. Петрозаводск, 1940.
3. Внешняя политика СССР: сб. документов. Т. 5. М., 1947.
4. ГУЛАГ в Карелии: сб. материалов и документов, 1930—1941. Петрозаводск, 1992.
5. Зимняя война: документы из Архива внешней политики СССР // Международная жизнь. 1989. № 12.
6. Зимняя война, 1939—1940: в 2 кн. Кн. 2: И. В. Сталин и финская кампания. Совещание при ЦК ВКП(б) начальствующего состава по сбору опыта боевых действий против Финляндии 14—17 апреля 1940 г. М., 1998.
7. Индустриализация Северо-Западного района в годы второй и третьей пятилеток (1933—1941): документы и материалы / сост. Н. Н. Амосов и др.; под ред. С. И. Тюльпанова. Л., 1969.
8. История Карелии в документах и материалах: Советский период / сост. Л. И. Драздович и др.; под ред. А. И. Афанасьевой. 3-е изд., перераб. Петрозаводск, 1992.
9. Карелия в годы Великой Отечественной войны, 1941—1945: документы. Материалы. Петрозаводск, 1975.
10. Карелия в годы восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства, 1944—1950: документы и материалы. Петрозаводск, 1988.
11. КАССР за 50 лет: стат. сб. Петрозаводск, 1967.
12. КАССР. 60 лет: стат. сб. Петрозаводск, 1980.
13. Карельская организация КПСС в цифрах, 1921—1984. Петрозаводск, 1988.
14. Карельская организация КПСС: Хроника, 1895—1987 / отв. ред. М. И. Шумилов. Петрозаводск, 1988.

15. Куприянов Г. Н. Отчетный доклад Карельского обкома ВКП(б) на I съезде КП(б) КФССР / Г. Н. Куприянов. Петрозаводск, 1940.
16. Народное хозяйство Карелии, 1926 — июнь 1941 г.: документы и материалы / сост. Л. И. Вавулинская (науч. ред.) и др. Петрозаводск, 1991.
17. Неизвестная Карелия: Документы спецорганов о жизни республики, 1921—1940 гг. / сост. А. В. Климова, В. Г. Макуров, А. Т. Филатова; науч. ред. В. Г. Макуров. Петрозаводск, 1997.
18. Неизвестная Карелия: Документы спецорганов о жизни республики, 1941—1956 гг. / сост. С. С. Авдеев, А. В. Климова, В. Г. Макуров; науч. ред. В. Г. Макуров. Петрозаводск, 1999.
19. Особые папки: Рассекреченные документы партийных органов Карелии, 1930—1950-е гг. / В. Г. Макуров, А. Т. Филатова; науч. ред. В. Г. Макуров. Петрозаводск, 2001.
20. Партизаны-подпольщики в годы Великой Отечественной войны. Петрозаводск, 1996.
21. Петрозаводск: 300 лет истории. Кн. 3: 1903—2003. Петрозаводск, 2003.
22. Петрозаводск: Хроника трех столетий, 1703—2003. Петрозаводск, 2002.
23. Первая сессия Верховного Совета КАССР, 13—15 апреля 1940 г.: стенограф. отчет. Петрозаводск, 1940.
24. Первая сессия Верховного Совета Карело-Финской ССР, 15—19 апреля 1947 г.: стенограф. отчет. Петрозаводск, 1947.
25. По обе стороны Карельского фронта, 1941—1944: документы и материалы / сост. А. В. Климова, В. Г. Макуров. Петрозаводск, 1995.
26. Советы Карелии, 1917—1992: документы и материалы / сост. С. В. Бархатова и др. Петрозаводск, 1993.
27. Страницы истории комсомола Карелии: документы и материалы. Петрозаводск, 1978.
28. Тайны и уроки зимней войны, 1939—1940 / под общ. ред. В. А. Золотарева; ред.-сост. Н. Л. Волковский. СПб., 2000.
29. Третья сессия Верховного Совета Карело-Финской ССР, 13—15 февраля 1943 г.: стенограф. отчет. Беломорск, 1943.
30. Устная история в Карелии: сб. науч. ст. и источников. Вып. 3: Финская оккупация Карелии (1941—1944) / науч. ред. А. В. Голубев, А. Ю. Осипов. Петрозаводск, 2007.
31. Фролов Д. Д. Из истории зимней войны: сб. документов / Д. Д. Фролов. Петрозаводск, 1999.
32. Четвертая сессия Верховного Совета Карело-Финской ССР, 9—11 июня 1945 г.: стенограф. отчет. Петрозаводск, 1946.
33. Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР: сб. документов и материалов. Петрозаводск, 1945.
34. Шестая сессия Верховного Совета СССР, 29 марта — 4 апреля 1940 г.: стенограф. отчет. М., 1940.

ВОСПОМИНАНИЯ:

1. Андропов Ю. В. Карело-финские комсомольцы в Отечественной войне / Ю. В. Андропов. Беломорск, 1943.
2. Андропов Ю. В. Избранные статьи и речи / Ю. В. Андропов. М., 1983.
3. Брызгалов А. Н. Онежский завод / А. Н. Брызгалов. Петрозаводск, 1957.
4. Герасимов Г. А. Партизанские километры / Г. А. Герасимов. Петрозаводск, 1982.
5. Год творческого созидания: к первой годовщине образования Карело-Финской ССР. Петрозаводск, 1941.
6. Граница и люди: воспоминания советских переселенцев Приладожской Карелии и Карельского перешейка / науч. ред. Е. А. Мельникова. СПб., 2005.
7. Гусаров Д. Я. Отрывочные раздумья разных лет: запись 10 окт. 1970 г. / Д. Я. Гусаров; публ. Н. Д. Гусаровой // Север. 1996. № 2. С. 56.
8. Гюннинен Э. М. «Народная» армия / Э. М. Гюннинен // Принимай нас, Суоми-красавица! «Освободительный» поход в Финляндию 1939—1940 гг. Ч. 2. СПб., 2000.
9. Денискевич Н. И. В финском концлагере / Н. И. Денискевич // Воспоминания и размышления. Вып. 5 / отв. ред. К. И. Козак. Минск, 2007.
10. За родную Карелию: Партизаны и подпольщики: воспоминания, документы / под ред. К. А. Морозова, Д. С. Александрова. Петрозаводск, 1990.
11. Каликин М. М. В оккупированном Петрозаводске / М. М. Каликин // Север. 1994. № 5. С. 141—143.
12. Королев М. Ф. В лесах Калевалы / М. Ф. Королев. Вологда, 1960.
13. Козлов Г. К. В лесах Карелии / Г. К. Козлов. М., 1963.
14. Костин И. А. Воспоминания о жизни в оккупированном Заонежье / И. А. Костин // Карелия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Петрозаводск, 2001. С. 48—50.
15. Куприянов Г. Н. Карело-Финская Советская Социалистическая Республика / Г. Н. Куприянов. Петрозаводск, 1948.
16. Куприянов Г. Н. От Баренцева моря до Ладоги / Г. Н. Куприянов. Л., 1972.
17. Куприянов Г. Н. За линией Карельского фронта / Г. Н. Куприянов. 2-е изд., испр. и доп. Петрозаводск, 1979.
18. Куприянов Г. Н. Во имя Великой Победы: воспоминания / Г. Н. Куприянов. Петрозаводск, 1985.
19. Маннергейм К. Г. Мемуары / К. Г. Маннергейм. М., 1999.
20. Медведев М. В. «Боевой клич» в тылу врага / М. В. Медведев. Петрозаводск, 1987.
21. Мерецков К. А. На службе народу / К. А. Мерецков. 5-е изд. М., 1988.
22. На ребольском направлении. Петрозаводск, 1995.
23. Незабываемое: воспоминания о Великой Отечественной войне. 2-е изд. Петрозаводск, 1974.
24. Октябрьская фронтовая: воспоминания железнодорожников о работе Октябрьской магистрали в годы Великой Отечественной войны, 1941—1945. Л., 1970.

25. Память и скорбь: воспоминания участников советско-финляндской войны 1939—1940 гг. в Северном Приладожье. Петрозаводск, 1999.
26. Плененное детство: сб. воспоминаний бывших малолетних узников. Петрозаводск, 2005.
27. Прокконен П. С. Героизм народа в дни войны: воспоминания / П. С. Прокконен. Петрозаводск, 1974.
28. Ругоев Я. В. Зимняя война и новое заселение Ладужской Карелии / Я. В. Ругоев // Прибалтийско-финские народы. Ювяскюля, 1995. С. 409—431.
29. Слава тебе, Карельский фронт: воспоминания ветеранов. Петрозаводск, 2000.
30. Судьба: сб. воспоминаний бывших малолетних узников фашистских концлагерей. Петрозаводск, 1999.
31. Чернов Н. Г. Партизанские тропы онежцев / Н. Г. Чернов. Петрозаводск, 1988.

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. Авдеев С. С. Деятельность советских спецгрупп на Карельском фронте в тылу противника (1941—1944 гг.) / С. С. Авдеев // Карелия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: материалы республ. науч.-практ. конф., посв. 55-летию Победы в Великой Отечественной войне (28 апреля 2000 г.) / науч. ред. Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров, М. А. Мишенев. Петрозаводск, 2001. С. 9—22.
2. Авдеев С. С. Немецкие и финские лагеря для советских военнопленных в Финляндии и на временно оккупированной территории Карелии (1941—1944 гг.) / С. С. Авдеев // Вторая мировая война и Карелия, 1939—1945 гг.: материалы науч.-практ. конф., посв. 60-летию начала Великой Отечественной войны / науч. ред. Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров. Петрозаводск, 2001. С. 49—57.
3. Бакулин О. А. Создание органов «Народной власти» на финской территории, занятой РККА в Зимней войне 1939—1940 гг. / О. А. Бакулин // Советско-финляндская война, 1939—1940 гг.: материалы междунар. науч.-практ. конф. (16—17 марта 2002 г.) / ред. Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров, В. П. Судаков. Петрозаводск, 2002. С. 21—28.
4. Барышников В. Н. От прохладного мира к зимней войне: Восточная политика Финляндии в 1930-е годы / В. Н. Барышников. СПб., 1997.
5. Барышников В. Н. Из истории Терийокского «правительства» и проблемы границы / В. Н. Барышников // Россия и Финляндия в XVIII—XX вв.: Специфика границы. СПб., 1999.
6. Барышников В. Н. СССР — Финляндия в 1920—1930-е гг.: проблема начала «зимней войны» / В. Н. Барышников // 105 дней «зимней войны»: к 60-летию советско-финляндской войны 1939—1940 гг. СПб., 2000. С. 6—15.
7. Барышников В. Н. Об идее русского эмигрантского правительства в Карелии в советско-финляндской войне 1939—1940 гг. / В. Н. Барышников // Советско-финляндская война, 1939—1940 гг.: материалы междунар. науч.-практ. конф. (16—17 марта 2002 г.) / ред. Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров, В. П. Судаков. Петрозаводск, 2002. С. 29—36.
8. Барышников В. Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну, 1940—1941 гг. / В. Н. Барышников. СПб., 2003.

9. Барышников В. Н. Изучение советско-финляндской войны в отечественной историографии XX века / В. Н. Барышников // От войны к миру: СССР и Финляндия, 1939—1940 гг.: сб. ст. / под ред. В. Н. Барышникова, Т. Н. Городецкой и др. СПб., 2006. С. 55—65.
10. Барышников Н. И. Советско-финляндская война 1939—1940 гг. / Н. И. Барышников // Новая и новейшая история. 1989. № 4. С. 28—41.
11. Барышников Н. И. О попытках осуществления Финляндией плана так называемых стратегических границ в Карелии (июнь — сентябрь 1941 г.) / Н. И. Барышников // Вторая мировая война и Карелия, 1939—1945 гг.: материалы науч.-практ. конф., посв. 60-летию начала Великой Отечественной войны / науч. ред. Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров. Петрозаводск, 2001. С. 39—42.
12. Барышников Н. И. «Белые пятна» в истории зимней войны 1939—1940 гг. / Н. И. Барышников // Советско-финляндская война, 1939—1940 гг.: материалы междунар. науч.-практ. конф. (16—17 марта 2002 г.) / ред. Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров, В. П. Судаков. Петрозаводск, 2002. С. 5—9.
13. Барышников Н. И. Пять мифов в военной истории Финляндии, 1940—1944 гг. / Н. И. Барышников. СПб., 2007.
14. Барышников Н. И. Финляндия во Второй мировой войне / Н. И. Барышников, В. Н. Барышников, В. Г. Федоров. Л., 1989.
15. Барышников Н. И. Рождение и крах «Терийокского правительства» (1939—1940 гг.) / Н. И. Барышников, В. Н. Барышников. СПб.; Хельсинки, 2003.
16. Барышников Н. И. В канун зимней войны / Н. И. Барышников, О. Маннинен // Зимняя война, 1939—1940: Политическая история. Кн. 1. М., 1999. С. 131—141.
17. Бутвило А. И. Новейшая история государственного управления в Карелии, 1917—2007 гг. / А. И. Бутвило. Петрозаводск, 2008.
18. Вавулинская Л. И. Из истории Советов Карелии (1930—1960 гг.) / Л. И. Вавулинская // Новое в изучении истории Карелии / науч. ред. Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров, Ю. А. Савватеев. Петрозаводск, 1994. С. 168—188.
19. Вавулинская Л. И. Восстановление народного хозяйства Карелии (1944 — нач. 1950-х гг.) / Л. И. Вавулинская // Республика Карелия: 80 лет в составе Российской Федерации (становление и развитие государственности): материалы междунар. науч.-практ. конф. 6 июня 2000 г. / сост. В. Н. Бирин. Петрозаводск, 2000. С. 55—57.
20. Вавулинская Л. И. Начало восстановления народного хозяйства в освобожденных от оккупации районах Карелии / Л. И. Вавулинская // Подвигу жить в веках: материалы военно-ист. конф., посв. 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Петрозаводск, 2005. С. 96—100.
21. Великая Отечественная война, 1941—1945: военно-ист. очерки: в 4 кн. М., 1998—1999.
22. Веригин С. Г. Зимняя война: неизвестные страницы / С. Г. Веригин // Север. 1993. № 6. С. 118—131.
23. Веригин С. Г. Терийокское правительство и его деятельность на территории Карелии в период Зимней войны 1919—1940 гг. / С. Г. Веригин // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1994. С. 56—62.

24. Веригин С. Г. Финская народная армия в Зимней войне 1939—1940 гг. / С. Г. Веригин // Общественно-политическая история Карелии XX века: очерки и ст. Петрозаводск, 1995. С. 96—114.
25. Веригин С. Г. Использование финских военнопленных в пропагандистских и разведывательных целях в период Зимней войны 1939—1940 гг. / С. Г. Веригин // XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. М.; Петрозаводск, 1997. С. 26—28.
26. Веригин С. Г. Териокское правительство во внешней политике СССР в 1939—1940 гг. / С. Г. Веригин // Международные отношения на Севере Европы: история и современность: тезисы докл. и сообщ. на междунар. науч. семинаре, 25—28 октября 1999. Мурманск, 1999. С. 24—25.
27. Веригин С. Г. Образование Карело-Финской ССР и освоение «новых территорий» в 1940—1941 гг. / С. Г. Веригин // Республика Карелия: 80 лет в составе Российской Федерации (становление и развитие государственности): материалы междунар. науч.-практ. конф. 6 июня 2000 г. / сост. В. Н. Бирин. Петрозаводск, 2000. С. 18—28.
28. Веригин С. Г. Советская Карелия в «зимней войне» / С. Г. Веригин // 105 дней «зимней войны»: к 60-летию советско-финляндской войны, 1939—1940. СПб., 2000. С. 77—85.
29. Веригин С. Г. Освоение «новых финских территорий» после окончания Зимней войны / С. Г. Веригин // XIII Ломоносовские чтения: сб. науч. тр. Архангельск, 2001. С. 66—75.
30. Веригин С. Г. Советская пропаганда на Финляндию в период Зимней войны 1939—1940 гг. / С. Г. Веригин // Вторая мировая война и Карелия, 1939—1945 гг.: материалы науч.-практ. конф., посв. 60-летию начала Великой Отечественной войны / науч. ред. Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров. Петрозаводск, 2001. С. 21—31.
31. Веригин С. Г. Итоги советско-финляндской войны 1939—1940 гг. и образование Карело-Финской ССР / С. Г. Веригин // Советско-финляндская война, 1939—1940 гг.: материалы междунар. науч.-практ. конф. (16—17 марта 2002 г.) / ред. Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров, В. П. Судаков. Петрозаводск, 2002. С. 73—75.
32. Веригин С. Г. Проблемы демаркации советско-финляндской границы по мирному договору 12 марта 1940 г. / С. Г. Веригин // Вторая мировая и Великая Отечественная война: Проблемы социальной истории: материалы междунар. науч.-практ. конф., 28—31 мая 2002 г. Майкоп, 2002. С. 10—15.
33. Веригин С. Г. Национальная политика финских оккупационных властей в Восточной Карелии в 1941—1944 гг. / С. Г. Веригин // Война и память народа: материалы науч. конф. преподавателей и студентов КГПУ, посв. 60-летию освобождения Карелии от фашистской оккупации (21—23 апреля 2004 г.). Петрозаводск, 2004. С. 33—35.
34. Веригин С. Г. Деятельность разведывательно-диверсионных групп НКВД (НКГБ) Карелии в тылу финских войск (1941—1944 гг.) / С. Г. Веригин // Вопросы истории Европейского Севера: (Народ и власть: проблемы взаимоотношений, 80-е гг. XVIII—XX в.): сб. науч. ст. / под ред. М. А. Мишенева. Петрозаводск, 2005. С. 124—141.

35. Веригин С. Г. Освоение и заселение бывших финских территорий Приладожья после окончания Зимней войны / С. Г. Веригин // Сортавальский исторический сборник. Вып. 1: материалы I междунар. науч.-просвет. краевед. конф. «370 лет Сортавала» / отв. ред. А. М. Пашков. Петрозаводск, 2005. С. 177—189.
36. Веригин С. Г. Национальная политика финских оккупационных властей / С. Г. Веригин // Отечественная история. 2006. № 4. С. 73—76.
37. Веригин С. Г. Деятельность разведывательно-диверсионных групп НКВД-НКГБ Карело-Финской ССР в тылу финских войск (1941—1944) / С. Г. Веригин // Органы безопасности Карелии: ист. очерки, воспоминания, биографии / авт.-сост. К. Ф. Белоусов, А. М. Беляев, С. Г. Веригин и др. Петрозаводск, 2008. С. 121—133.
38. Веригин С. Г. Деятельность 4-го отдела НКВД-НКГБ Карело-Финской ССР в годы Великой Отечественной войны / С. Г. Веригин // Научная конференция «Исторические чтения на ул. Андропова, 5. История органов безопасности»: материалы докл. Петрозаводск, 2008. С. 33—39.
39. Веригин С. Г. Современная российская историография советско-финляндской («Зимней») войны 1939—1940 гг. / С. Г. Веригин // Международные отношения на Севере Европы и Баренц регион: история и историография: сб. науч. ст. / отв. ред. Ю. Н. БардILEва. Мурманск, 2008. С. 33—44.
40. Веригин С. Г. История Териокского правительства в финляндской исторической литературе / С. Г. Веригин, Э. П. Лайдинен // Политическая история и историография (от античности до современности). Петрозаводск, 1994. С. 115—121.
41. Веригин С. Г. Интернированные финны / С. Г. Веригин, Э. П. Лайдинен // Север. 1995. № 3. С. 91—102.
42. Веригин С. Г. Некоторые особенности партизанского движения в Карелии в 1941—1944 гг. / С. Г. Веригин, Э. П. Лайдинен // Партизанская война в Карелии: сб. ст. и материалов / Военно-ист. об-во РК; отв. ред. Г. В. Чумаков. Петрозаводск, 2005. С. 6—30.
43. Веригин С. Г. Проблема коллаборационизма в Карелии в годы Второй мировой войны / С. Г. Веригин, Э. П. Лайдинен // Восточная Финляндия и Российская Карелия: традиция и закон в жизни карел: материалы междунар. семинара историков, посв. 65-летию ПетрГУ / сост. А. М. Пашков, И. М. Соломещ. Петрозаводск, 2005. С. 223—229.
44. Веригин С. Г. Заложники Зимней войны: (Интернированные финны на территории Калевальского района Советской Карелии в период Зимней войны 1939—1940 годов) / С. Г. Веригин, Э. П. Лайдинен, Ю. Кямярйнен. Петрозаводск; Йозенсуу; Суомуссалми, 2004.
45. Вихавайнен Т. Сталин и финны / Т. Вихавайнен. СПб., 2000.
46. Волкова О. А. Финские концентрационные лагеря в Карелии в 1941—1944 гг. / О. А. Волкова // Война и память народа: материалы науч. конф. преподавателей и студентов КГПУ, посв. 60-летию освобождения Карелии от фашистской оккупации (21—23 апреля 2004 г.). Петрозаводск, 2004. С. 36—38.
47. Вопросы истории Европейского Севера: (Народ и власть: проблемы взаимоотношений, 80-е гг. XVIII—XX в.): сб. науч. ст. / под ред. М. А. Мишенева. Петрозаводск, 2005.

48. Восточная Финляндия и Российская Карелия: традиция и закон в жизни карел: материалы междунар. семинара историков, посв. 65-летию ПетрГУ / сост. А. М. Пашков, И. М. Соломещ. Петрозаводск, 2005.
49. Вторая мировая война: актуальные проблемы: сб. ст. / под ред. О. А. Ржешевского. М., 1995.
50. Вторая мировая война и Карелия, 1939—1945 гг.: материалы науч.-практ. конф., посв. 60-летию начала Великой Отечественной войны / науч. ред. Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров. Петрозаводск, 2001.
51. В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920—1950-е годы / ред. Т. Вихайнен, И. Такала. Петрозаводск, 1998.
52. Галицкий В. П. Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939—1953 гг.): монография / В. П. Галицкий. М., 1997.
53. Гнетнев К. В. Тайны лесной войны: партизанская война в Карелии 1941—1944 годов в воспоминаниях, фотографиях и документах / К. В. Гнетнев. Петрозаводск, 2007.
54. Дашинский С. Н. Советские партизаны в финской Лапландии / С. Н. Дашинский // Север. 1995. № 2. С. 117—129.
55. Дашинский С. Н. Партизаны Карельского фронта в годы Великой Отечественной войны / С. Н. Дашинский // 55 лет Победы в Заполярье (1944—1999). Мурманск, 2000. С. 66—74.
56. Донгаров А. Г. Правительство Куусинена: эпизод советско-финляндской войны 1939—1940 годов / А. Г. Донгаров // Вестник Министерства иностранных дел СССР. 1989. № 22 (56). С. 74—79.
57. Донгаров А. Г. Война, которой могло не быть / А. Г. Донгаров // Вопросы истории. 1990. № 5. С. 42—44.
58. Зимняя война, 1939—1940: Политическая история. Кн. 1. М., 1999.
59. Ежов В. А. Партия — организатор восстановления промышленности Карелии в 1944—1945 гг. / В. А. Ежов // Из истории партийных организаций Северо-Запада РСФСР (1941—1945 гг.): сб. ст. / отв. ред. Н. Н. Шушкин. Петрозаводск, 1976. С. 148—153.
60. История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945: в 6 т. М., 1960—1964.
61. История Второй мировой войны, 1939—1945: в 12 т. М., 1973—1982.
62. История Карелии с древнейших времен до наших дней / А. И. Афанасьева, А. И. Бутвило, Л. И. Вавулинская и др.; под общ. ред. Н. А. Кораблева, В. Г. Макурова, Ю. А. Савватеева, М. И. Шумилова. Петрозаводск, 2001.
63. История Коммунистической партии Советского Союза: в 6 т. Т. 5. Кн. 1. М., 1970.
64. История ордена Ленина Ленинградского военного округа / Н. И. Барышников, Н. Ф. Варгин, Л. Г. Винницкий и др. М., 1988.
65. История экономики Карелии: в 3 кн. Кн. 2: Экономика Карелии советского периода (1917—1991 гг.) / Л. И. Вавулинская, С. Г. Веригин, О. П. Илюха, С. Н. Филимончик. Петрозаводск, 2005.
66. Йентофт М. Люди приграничья: Тайная война на Севере / М. Йентофт. Мурманск, 2007.

67. Йокиппи М. Финляндия на пути к войне: исследование о военном сотрудничестве Германии и Финляндии в 1940—1941 гг. / М. Йокиппи; пер. Л. В. Суни. Петрозаводск, 1999.
68. Карелия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: материалы Республ. науч.-практ. конф., посв. 55-летию Победы в Великой Отечественной войне (28 апреля 2000 г.) / науч. ред. Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров, М. А. Мишенев. Петрозаводск, 2001.
69. Карелы. Финны: Проблемы этнической истории: сб. ст.: материалы к серии «Народы и культуры». Вып. 16. М., 1992.
70. Карельский фронт в Великой Отечественной войне, 1941—1945 гг.: военно-ист. очерк / отв. ред. А. И. Бабин. М., 1984.
71. Килин Ю. М. Комитеты трудового народного фронта на территории Финляндии, занятой Красной Армией (декабрь 1939 — февраль 1940 г.) / Ю. М. Килин // XII конф. по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. М., 1993.
72. Килин Ю. М. Карелия в политике Советского государства, 1920—1941 / Ю. М. Килин. Петрозаводск, 1999.
73. Киркинен Х. История карельского народа / Х. Киркинен, П. Неволайнен, Х. Сихво. Петрозаводск, 1998.
74. Киселева О. А. Гражданское население и оккупационный режим / О. А. Киселева, Т. В. Никулина // Отечественная история. 2006. № 4. С. 70; 76—81.
75. Коллонтай А. М. «Семь выстрелов» зимой 1939 года / А. М. Коллонтай // Международная жизнь. 1989. № 12. С. 207—212.
76. Крутых Ж. И. Финский оккупационный режим на территории Заонежья в 1941—1944 гг. / Ж. И. Крутых // Война и память народа: материалы науч. конф. преподавателей и студентов КГПУ, посв. 60-летию освобождения Карелии от фашистской оккупации (21—23 апреля 2004 г.). Петрозаводск, 2004. С. 39—41.
77. Кулагин О. И. Проблемы изучения социальной составляющей партизанского движения в Карелии (1941—1944 гг.) / О. И. Кулагин // Проблемы развития гуманитарной науки на Северо-Западе России: опыт, традиции, инновации: материалы науч. конф., посв. 10-летию РГНФ: сб. науч. тр. Петрозаводск, 2004. С. 137—140.
78. Кулагин О. И. Партизанское движение в Карелии (1941—1944 гг.) в контексте возможностей историко-психологического исследования / О. И. Кулагин // Чтения по военной истории: сб. ст. СПб., 2005. С. 474—478.
79. Кулагин О. И. Роль органов государственной безопасности в развитии партизанского движения на Карельском фронте (1941—1944 гг.) / О. И. Кулагин // Научная конференция «Исторические чтения на ул. Андропова, 5. История органов безопасности»: материалы докл. Петрозаводск, 2008. С. 40—44.
80. Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941—1944 / Ю. Куломаа. Петрозаводск, 2006.
81. Кямярйнен Ю. Интернирование Красной Армией мирного финского населения в свете международных договоров / Ю. Кямярйнен // Восточная Финляндия и Российская Карелия: традиция и закон в жизни карел:

- материалы междунар. семинара историков, посв. 65-летию ПетрГУ / сост. А. М. Пашков, И. М. Соломещ. Петрозаводск, 2005. С. 210—222.
82. Лайдинен Э. П. Финская разведка и советско-финляндская война 1939—1940 гг. / Э. П. Лайдинен // Вторая мировая война и Карелия, 1939—1945 гг.: материалы науч.-практ. конф., посв. 60-летию начала Великой Отечественной войны / науч. ред. Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров. Петрозаводск, 2001. С. 14—20.
 83. Лайдинен Э. П. Интернированные финны в Карелии, 1939—1940 гг. / Э. П. Лайдинен // Советско-финляндская война, 1939—1940 гг.: материалы междунар. науч.-практ. конф. (16—17 марта 2002 г.) / ред. Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров, В. П. Судаков. Петрозаводск, 2002. С. 58—62.
 84. Лайдинен Э. П. Сортавала — финский разведывательный центр в Северном Приладожье в 1941—1944 гг. / Э. П. Лайдинен // Сортавала: страницы истории, к 370-летию основания города: тезисы докл. I междунар. науч.-просвет. краевед. конф. (20—21 июня 2002 года, г. Сортавала). Петрозаводск, 2002.
 85. Лайдинен Э. П. НКВД-НКГБ против генерала Араюри (террор НКВД-НКГБ КФССР в годы Великой Отечественной войны) / Э. П. Лайдинен // История и культурное наследие Северного Приладожья: взгляд из России и Финляндии: материалы II Междунар. науч.-практ. конф., посв. 100-летию со дня рождения известного музейного деятеля и краеведа Северного Приладожья Т. А. Хаккарайнена и 375-летию Сортавалы (11—13 июня 2007 г., Сортавала). Петрозаводск, 2007. С. 135—143.
 86. Лайдинен Э. П. Совместные операции финской и германской разведок против СССР в 1941—1944 гг. / Э. П. Лайдинен // Научная конференция «Исторические чтения на ул. Андропова, 5. История органов безопасности»: материалы докл. Петрозаводск, 2008. С. 45—57.
 87. Лайдинен Э. П. Финская разведка против Советской России: Специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Северо-Западе России (1914—1939 гг.) / Э. П. Лайдинен, С. Г. Веригин. Петрозаводск, 2004.
 88. Лайне А. Гражданское население Восточной Карелии под финской оккупацией во Второй мировой войне / А. Лайне // Карелия, Заполярье и Финляндия во Второй мировой войне. Петрозаводск, 1994. С. 42.
 89. Лайне А. Национальная политика финских оккупационных властей в Карелии (1941—1944 гг.) / А. Лайне // Вопросы истории Европейского Севера: (проблемы социальной экономики и политики: 60-е годы XIX—XX в.): сб. ст. Петрозаводск, 1995. С. 99—106.
 90. Лайне А. Карело-Финская Советская Социалистическая Республика и финны / А. Лайне // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920—1930-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 223—250.
 91. Левкоев А. А. Карельская автономия в системе советско-финляндских отношений 1930-х гг. / А. А. Левкоев // Новое в изучении истории Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 101—121.
 92. Лукьянов В. С. Трагическое Заонежье / В. С. Лукьянов. Петрозаводск, 2004.

93. Макуров В. Г. Зимняя война и жизнь некоторых граждан Финляндии в Карелии в 1939—1940 гг. / В. Г. Макуров // Новое в изучении Карелии: сб. ст. Петрозаводск, 1994. С. 160—167.
94. Макуров В. Г. Эвакуированное население Карелии на Европейском Севере России (1941—1945 гг.) / В. Г. Макуров // Карелия, Заполярье и Финляндия в годы Второй мировой войны. Петрозаводск, 1994.
95. Макуров В. Г. О новых материалах по истории Карелии периода Второй мировой войны / В. Г. Макуров // Вопросы истории Европейского Севера: (проблемы социальной экономики и политики: 60-е годы XIX—XX в.): сб. науч. ст. Петрозаводск, 1995. С. 91—98.
96. Макуров В. Г. Военная летопись Карелии, 1941—1945 / В. Г. Макуров. Петрозаводск, 1999.
97. Макуров В. Г. «Зимняя война» глазами ее участников / В. Г. Макуров // 105 дней «зимней войны»: к 60-летию советско-финляндской войны 1939—1940 гг. СПб., 2000. С. 49—57.
98. Макуров В. С. Карелия в годы Второй мировой войны (1939—1945) / В. Г. Макуров // История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 583—667.
99. Макуров В. Г. Формирование народного ополчения Карелии в годы Великой Отечественной войны / В. Г. Макуров // Война и память народа: материалы науч. конф. преподавателей и студентов КГПУ, посв. 60-летию освобождения Карелии от фашистской оккупации (21—23 апреля 2004 г.). Петрозаводск, 2004. С. 5—7.
100. Макуров В. Г. Петрозаводск в годы суровых испытаний, 1941—1945 / В. Г. Макуров. Петрозаводск, 2005.
101. Макуров В. Г. Советы Карело-Финской ССР накануне Великой Отечественной войны / В. Г. Макуров // С.-Петербург и страны Северной Европы: материалы 6-й ежегодной науч. конф. (14—16 апреля 2004 г.). СПб., 2005. С. 163—172.
102. Макуров В. Г. Карелия и советско-финляндская война 1939—1940 гг. / В. Г. Макуров, Н. А. Кораблев // Советско-финляндская война, 1939—1940 гг.: материалы междунар. науч.-практ. конф. (16—17 марта 2002 г.). Петрозаводск, 2002. С. 66—72.
103. Маннинен О. Переговоры осенью 1939 г. / О. Маннинен, Н. И. Барышников // Зимняя война, 1939—1940: Политическая история. Кн. 1. М., 1999. С. 113—130.
104. Мартикайнен Т. Международный семинар-примирение партизанской войны в г. Соданкюля 27—29.09.2002 / Т. Мартикайнен. Кеми, 2004.
105. Мишенев М. А. Документальные публикации о Карелии военных лет (1941—1945) / М. А. Мишенев // Карелия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: материалы республ. науч.-практ. конф., посв. 55-летию Победы в Великой Отечественной войне (28 апреля 2000 г.). Петрозаводск, 2001. С. 77—86.
106. Морозов К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941—1945) / К. А. Морозов. Петрозаводск, 1983.

107. Морозов К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941—1945) / К. А. Морозов // Историография Советской Карелии: итоги и перспективы изучения. Петрозаводск, 1986. С. 127—147.
108. От войны к миру: СССР и Финляндия, 1939—1940 гг.: сб. ст. / под ред. В. Н. Барышникова, Т. Н. Городецкой и др. СПб., 2006.
109. Очерки истории Карелии: в 2 т. Т. 2 / отв. ред. В. И. Машезерский. Петрозаводск, 1964.
110. Очерки истории Карельской организации КПСС. Петрозаводск, 1974.
111. Органы безопасности Карелии: ист. очерки, воспоминания, биографии / авт.-сост. К. Ф. Белоусов, А. М. Беляев, С. Г. Веригин и др. Петрозаводск, 2008. С. 432.
112. Партизанская война в Карелии: сб. ст. и материалов / Военно-ист. об-во РК; отв. ред. Г. В. Чумаков. Петрозаводск, 2005.
113. Петрозаводск и петрозаводчане в годы Великой Отечественной войны / авт.-сост. С. Г. Веригин, В. П. Судаков. Петрозаводск, 2005.
114. Пиэтола Э. Военнопленные в Финляндии / Э. Пиэтола // Север. 1990. № 12.
115. Подвигу жить в веках: материалы военно-ист. конф., посв. 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. / отв. за вып. С. Д. Улитин, Н. Я. Копьев, А. И. Штыков. Петрозаводск, 2005.
116. Покровская И. П. Административно-территориальные изменения в Карелии за 1920—1957 гг. / И. П. Покровская. Петрозаводск, 1960.
117. Покровская И. П. Население Карелии / И. П. Покровская. Петрозаводск, 1978.
118. Политическая история Финляндии, 1809—1995. Петрозаводск, 1998.
119. Расила В. История Финляндии / В. Расила; пер. Л. В. Суни. Петрозаводск, 2006.
120. Республика Карелия: 80 лет в составе Российской Федерации (становление и развитие государственности): материалы Междунар. науч.-практ. конф., 6 июня 2000 г. / сост. В. Н. Бирин. Петрозаводск, 2000.
121. Ржешевский О. А. Заключение / О. А. Ржешевский, О. Вехвиляйнен // Зимняя война, 1939—1940: Политическая история. Кн. 1. М., 1999. С. 374—376.
122. Рогаткин Д. Финская оккупация на территории Карелии / Д. Рогаткин. Петрозаводск, 1994.
123. Северо-Запад России в годы Великой Отечественной войны, 1941—1945. СПб., 2005.
124. Семиряга М. И. Советско-финляндская война 1939—1940 гг. / М. И. Семиряга. М., 1990.
125. Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии, 1939—1941 / М. И. Семиряга. М., 1992.
126. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России / Е. С. Сенявская. М., 1999.
127. Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества / Е. С. Сенявская. М., 2006.
128. Сенявская Е. С. Финны во Второй мировой войне. Формирование образа врага: взгляд с двух сторон / Е. С. Сенявская // От войны к миру: СССР и Фин-

ляндия, 1939—1940 гг.: сб. ст. / под ред. В. Н. Барышникова, Т. Н. Городецкой и др. СПб., 2006. С. 173—181.

129. Сеппяля Х. Финляндия как оккупант / Х. Сеппяля // Север. 1995. № 4—5; 6.
130. Советско-финляндская война 1939—1940 гг.: материалы междунар. науч.-практ. конф. (16—17 марта 2002 г.). Петрозаводск, 2002.
131. Советско-финляндская война, 1939—1940: в 2 т. СПб., 2003.
132. Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза / И. В. Сталин. 5-е изд. М.; Л., 1946.
133. Степаков В. Н. В «новых районах»: из истории освоения Карельского перешейка в 1940—1941, 1944—1950 гг. / В. Н. Степаков, Е. А. Балашов. СПб., 2001.
134. Судоплатов П. А. Разные дни тайной войны и дипломатии, 1941 год / П. А. Судоплатов. М., 2001.
135. 105 дней «зимней войны»: к 60-летию советско-финляндской войны 1939—1940 гг. СПб., 2000.
136. Такала И. Р. Финское население Советской Карелии в 1930-е годы / И. Р. Такала // Карелы. Финны: Проблемы этнической истории: сб. ст. М., 1992. С. 150—175.
137. Такала И. Р. Финны в Карелии и в России: История возникновения и гибели диаспоры / И. Р. Такала. СПб., 2002.
138. Тихонов О. Н. Свидетель: документ. роман / О. Н. Тихонов. Петрозаводск, 1990.
139. Улитин С. Д. Могучий источник победы / С. Д. Улитин. Петрозаводск, 1982.
140. Улитин С. Д. Труженики Карелии — фронту / С. Д. Улитин // Карелия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: материалы республ. науч.-практ. конф., посв. 55-летию Победы в Великой Отечественной войне (28 апреля 2000 г.) / науч. ред. Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров, М. А. Мишенев. Петрозаводск, 2001. С. 5—8.
141. Улитин С. Д. Европейский Север России в годы Великой Отечественной войны (1941—1945) / С. Д. Улитин. Петрозаводск, 2004.
142. Улитин С. Д. Ратный вклад жителей Европейского Севера в достижение Победы в Великой Отечественной войне / С. Д. Улитин // Человек и война: страницы военной истории России: сб. науч. ст. Петрозаводск, 2005. С. 5—10.
143. Федосов А. В. Органы НКВД Карело-Финской ССР в годы Великой Отечественной войны / А. В. Федосов // Карелия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: материалы республ. науч.-практ. конф., посв. 55-летию Победы в Великой Отечественной войне (28 апреля 2000 г.) / науч. ред. Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров, М. А. Мишенев. Петрозаводск, 2001. С. 23—29.
144. Филимончик С. Н. Роль экономики ОГПУ-НКВД в проведении индустриализации Карелии в 1930-е годы / С. Н. Филимончик // Материалы II Межрегион. науч.-практ. конф., посв. 85-летию образования Министерства внутренних дел по Республике Карелия (4—5 сентября 2008 года). Петрозаводск, 2008. С. 28—35.
145. Финансы Карелии / гл. ред. Ю. В. Шлейкин. Петрозаводск, 2002.

146. Харитонов С. В. Мурманская, Кировская, Октябрьская / С. В. Харитонов, Ю. К. Звягин. Петрозаводск, 1996.
147. Хиетанен С. Вопрос о перемещенных лицах / С. Хиетанен // Народ в войне. Хельсинки, 1989.
148. Человек и война: страницы военной истории России: сб. науч. ст. Петрозаводск, 2005.
149. Чубарьян А. О. Внешнеполитический курс СССР / А. О. Чубарьян // Зимняя война 1939—1940: Политическая история. Кн. 1. М., 1999. С. 23—36.
150. Чумаков Г. В. Деятельность органов НКВД Карелии по организации диверсионно-разведывательной борьбы в тылу врага в годы Великой Отечественной войны / Г. В. Чумаков // Война и память народа: материалы науч. конф. преподавателей и студентов КГПУ, посв. 60-летию освобождения Карелии от фашистской оккупации (21—23 апреля 2004 г.). Петрозаводск, 2004. С. 13—15.
151. Чумаков Г. В. Партизанское движение в Карелии в первый период Великой Отечественной войны (1941—1942 гг.) / Г. В. Чумаков // Война и память народа: материалы науч. конф. преподавателей и студентов КГПУ, посв. 60-летию освобождения Карелии от фашистской оккупации (21—23 апреля 2004 г.). Петрозаводск, 2004. С. 8—12.
152. Чумаков Г. В. Партизанское движение на оккупированной территории в годы войны / Г. В. Чумаков // Подвигу жить в веках: материалы военно-ист. конф., посв. 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. / отв. за вып. С. Д. Улитин, Н. Я. Копьев, А. И. Штыков. Петрозаводск, 2005. С. 74—80.
153. Чумаков Г. В. Первая партизанская бригада / Г. В. Чумаков, А. Н. Ремизов // Партизанская война в Карелии: сб. ст. и материалов / Военно-ист. об-во РК; отв. ред. Г. В. Чумаков. Петрозаводск, 2005. С. 44—83.
154. Чумаков Г. В. Советские партизаны на территории Финляндии в 1941—1944 гг. / Г. В. Чумаков // Человек и война: страницы военной истории России: сб. науч. ст. Петрозаводск, 2005. С. 10—17.
155. Чумаков Г. В. Финские концентрационные лагеря для гражданского населения Петрозаводска в 1941—1944 гг. / Г. В. Чумаков // Вопросы истории Европейского Севера: (Народ и власть: проблемы взаимоотношений, 80-е гг. XVIII—XX в.): сб. науч. ст. / под ред. М. А. Мишенева. Петрозаводск, 2005. С. 142—151.
156. Чумаков Г. В. Бригада: История 1-й партизанской бригады Карельского фронта / Г. В. Чумаков, А. Н. Ремизов. Петрозаводск, 2007.
157. Шпак А. А. Подвиг юности: Комсомол Карелии в Великой Отечественной войне / А. А. Шпак. 4-е изд., испр. и доп. Петрозаводск, 1984.
158. Шляхтенкова Т. В. Концлагеря в системе оккупационной политики Финляндии в Карелии, 1941—1944 гг. / Т. В. Шляхтенкова, С. Г. Веригин // Карелия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: материалы республ. науч.-практ. конф., посв. 55-летию Победы в Великой Отечественной войне (28 апреля 2000 г.) / науч. ред. Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров, М. А. Мишенев. Петрозаводск, 2001. С. 37—46.
159. Юсупова Л. Н. Великая Отечественная война в Карелии в историко-антропологическом измерении: феномен военного детства / Л. Н. Юсупова //

Человек и война: страницы военной истории России: сб. науч. ст. Петро-
заводск, 2005. С. 24—33.

160. *Engle E.* The Winter War. The Russo-Finish conflict 1939—1940 / E. Engle, L. Paananen. L., 1973.
161. *Erkkilä V.* Vaiettu sota. Neuvostoliiton partisaanien iskut suomalaisiin kyliin. Helsinki, 1999.
162. Finland and World War II, 1939—1944. N. Y., 1948.
163. *Haasio A.* Tasavallan panttivangit / A. Haasio, E. Hujanen. Jyväskylä, 1990.
164. *Holsti W. H.* Suomen Sota 1939—1945. Talvisota 1939—1940. (Ensimmäinen osa) / W. H. Halsti. Keurun, 1957.
165. *Holsti W. H.* Suomen sota. Osa I. Talvisota 1939—1940 / W. H. Halsti. Helsinki, 1957.
166. *Heikkinen R.* Korpikansan kintereillä. Kainuun työväenliikkeen historia / R. Heikkinen, M. Lackman. Koillissanomat OY Kuusamo. Kainuun työväenliikkeen historiatoimikunta, 1986.
167. *Heiskanen R.* Saadun tiedon mukaan ...Päämajan johtama tiedustelu 1939—1945. Helsinki, 1989.
168. *Hölsä M.* Itäkarjalaisopettajia Suomessa jatkosodan aikana. Itä-Karjalan sotilashallintoesikunnan opettajaleiri 1941—1944. Saarijärven Offset OY, 2000.
169. *Hyytiä O.* «Helmi Suomen maakuntien joukossa»: suomalainen Itä-Karjala 1941—1944. Helsinki, 2008.
170. 105 päivää — Uhri ja valkoinen kuolema Kainuussa vv. 1939—1940. Kajaani, 1990.
171. *Jussila O.* Terijoen hallitus 1939—1940 / O. Jussila. Porvoo; Helsinki, 1985.
172. *Jussila O.* Terijoen hallitus 1939—1940 / O. Jussila // Maailma ja me. 1989. № 9. S. 56—66.
173. *Kilin J.* Rajaseudun väki kahdesti panttina 1939—1940 / J. Kilin // Historiallinen aikakauskirja. 1993. № 3. S. 204—212.
174. *Kilin J.* Rajaseudun väki kahdesti panttina 1939—1940 / J. Kilin // Carelia. 1994. № II. S. 132—138.
175. *Kilin J.* Puna-armeija tahdon toteuttajana Talvisodassa / J. Kilin // Talvisodan Pikkujätkiläinen. Porvoo, 1999. S. 356—384.
176. *Kämäräinen J.* Ruhtinaansalmelaiset puna-armeijan armoilla talvisodan Suo-mussalmella. Joensuu, 2001.
177. *Laidinen E.* The issue of collaborationism in Karelia during World War II / E. Laidinen, S. Verigin // Migration, Industrialisation and Regionalisation. Lulea, 2006. S. 205—213.
178. *Laidinen E.* Aurora-ryhmän agentit vaanivat kenraali Arajuurta. Karjalais-suomalaisen neuvostotasavallan NKGB terrorismityöstä / E. Laidinen // Sotilas. 2007. № I. S. 22—24.
179. *Laine A.* Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa, 1941—1944. Helsinki; Keuruu, 1982. S. 75—76.
180. *Martikainen T.* Talvisodan evakot ja siviilisotavangit / T. Martikainen. Jyväskylä, 2000.

181. *Martikainen T.* Partisaanien siviiliuhrit. Värisuora / T. Martikainen. Kemi, 2002.
182. *Paasikivi J.* Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939—1941 / J. Paasikivi. Porvoo; Helsinki; Juva, 1986.
183. *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä / A. Pakaslahti. Porvoo; Helsinki, 1970.
184. *Rentola K.* Kenen joukoissa seisot? Suomalainen Kommunismi ja sota 1937—1945 / K. Rentola. Juva, 1994.
185. *Rislakki J.* Erittäin salainen. Vakoilu Suomessa. Helsinki, 1982.
186. *Rosen G.* Suomalaisina Itä-Karjalassa. Sotahallinnon ja Suomen Punaisen Ristin yhteistoiminta 1941—1944. Jyväskylä, 1998.
187. *Seppälä H.* Itsenäisen Suomen puolustuspolitiikka ja strategia / H. Seppälä. Porvoo; Helsinki, 1991.
188. Sotavangit ja internoidut. Kansallisarkiston artikkelikirja / L. Westerlund (toim.). Helsinki, 2008.
189. *Tanner V.* Olin ulkoministerinä talvisodan aikana / V. Tanner. Helsinki, 1951.
190. *Takala I.* Kysymys Suomen kansanarmeijasta / I. Takala // Talvisota, Venäjä ja Suomi / Toim. T. Vihavainen. Helsinki, 1991.
191. Talvisodan historia 3. Sotatoimet Laatokan ja Jäämeren välillä. Sotatieteen laitoksen julkaisuja XVI: 3. 4 painos. Porvoo, 1991.
192. *Upton A.* Kommunismi Suomessa / A. Upton. Rauma, 1970.
193. *Verigin S.* Internoidut suomalaiset 1939—1940 / S. Verigin, E. Laidinen // Carelia. 1996. № 12. S. 100—106.
194. *Vihavainen T.* Suomen ja Neuvostoliiton suhteet 1930 — luvun lopulta Moskovan rauhaan 1940 / T. Vihavainen // Talvisodan poliittinen näytelmä. Porvoo; Helsinki, 1970.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Члены Народного правительства Финляндии*

Отто Вильгельм (Отто Вильгельмович) Куусинен (1881—1964), премьер-министр и министр иностранных дел Народного правительства Финляндии. В 1904 г. вступил в Социал-демократическую партию Финляндии. В 1905 г. окончил историко-филологический факультет Гельсингфорсского университета. Осенью 1905 г. возглавлял один из отрядов рабочей Красной гвардии в Хельсинки. В 1911—1917 гг. — председатель исполкома Социал-демократической партии Финляндии. С 1908 г. — депутат Финляндского сейма. В 1918 г. — активный участник финляндской рабочей революции, один из основателей Коммунистической партии Финляндии. В период революции был членом революционного правительства — Совета народных уполномоченных, возглавлял народный комисариат просвещения. После поражения революции эмигрировал из Финляндии в Советскую Россию. Активный участник международного коммунистического движения. Член исполкома Коминтерна, входил в состав его президиума и был одним из его секретарей в 1921—1939 гг. В период советско-финляндской (Зимней) войны 1939—1940 гг. возглавлял Народное правительство Финляндии. Пос-

* Составлено по данным: *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П.* История Териокского правительства в финляндской исторической литературе // Политическая история и историография (от античности до современности). Петрозаводск, 1994. С. 118; *Барышников Н. И., Барышников В. Н.* Рождение и крах «Терийокского правительства» (1939—1940 гг.). СПб., 2003. С. 277—284; *История экономики Карелии. Кн. 2: Экономика Карелии советского периода (1917—1991 гг.)*. Петрозаводск, 2005. С. 96.

ле окончания войны и «ликвидации» Народного правительства в июне 1940 г. был избран председателем Президиума Верховного Совета Карело-Финской ССР, одновременно являлся заместителем председателя Президиума Верховного Совета СССР. В 1941 г. стал членом ЦК ВКП(б). В 1957 г. избран членом Президиума ЦК КПСС и секретарем ЦК КПСС. Академик АН СССР (1958), Герой Социалистического Труда (1961). Награжден орденом Ленина (четырежды), медалями. Похоронен в 1964 г. в Москве на Красной площади у Кремлевской стены.

Маури Розенберг (1879—1941), заместитель премьер-министра и министр финансов в Териокском правительстве. После получения среднего образования работал железнодорожным служащим (до 1919 г.). Вступил в Социал-демократическую партию Финляндии, в 1920-е гг. являлся членом финляндского парламента. Активно участвовал в революционном движении, в 1929 г. был осужден на 1 год 8 месяцев за измену Родине. В 1933 г. вышел на свободу и, опасаясь нового ареста, эмигрировал в Швецию. В Стокгольме обратился с просьбой о предоставлении ему политического убежища. В 1934 г. переехал в СССР и до включения в состав Народного правительства работал переводчиком в Коминтерне. Умер в 1941 г.

Туре Лехен (1893—1976), министр внутренних дел Териокского правительства, в 15-летнем возрасте вступил в Социал-демократическую партию Финляндии, в 1918 г. участвовал в рабочей революции в Финляндии. В этот период являлся секретарем Совета народных уполномоченных, затем секретарем штаба Красной гвардии. После поражения революции в Финляндии эмигрировал в Советскую Россию. Являлся одним из организаторов Коммунистической партии Финляндии. С 1918 по 1926 г. служил в Красной Армии, прошел обучение в Военной академии им. М. В. Фрунзе. С 1926 по 1936 г. работал в Коминтерне. В 1936—1938 гг. был в Испании советником в интернациональной бригаде. По возвращении в СССР стал главным редактором Госиздата Карелии, затем, после создания новой союзной республики — Карело-Финской ССР, назначен первым ректором Карело-Финского государственного университета. В годы Великой Отечественной войны в звании подполковника служил в Политуправлении Карельского фронта. После окончания Великой Отечественной войны вернулся на Родину, работал главным редактором издательства «Народная культура».

Аксели Анттила (1897—1953), министр обороны правительства Куусинена и командующий Финской народной армией. В 1917 г. вступил в Красную гвардию и участвовал в гражданской войне в Финляндии. После поражения рабочей революции эмигрировал в Советскую Россию и вступил в Красную Армию, став курсантом Петроградской интернациональной военной школы. Участник легендарного рейда бойцов интернациональной школы под командованием Тойво Антикайнена на Кимасозеро в 1922 г. Окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. В 1936—1938 гг. воевал в составе интернациональных частей в Испании против войск генерала Франко. В канун Зимней войны возглавил формирование 106-й стрелковой дивизии, на базе которой и создавалась Финская народная армия. После окончания советско-финляндской войны 1939—1940 гг. и преобразования частей народной армии в 71-ю стрелковую дивизию стал ее командиром. В период Великой Отечественной войны воевал на Западном и Карельском фронтах, служил в штабе Карельского фронта, с осени 1944 г. и до окончания войны командовал дивизией, участвовавшей в штурме Берлина. Умер в марте 1953 г. в Москве.

Инкери Лехтинен (1908—1997), министр культуры Народного правительства Финляндии. Активный член молодежного коммунистического движения, одна из первых финских учащихся московской Ленинской школы. В середине 1930-х гг. работала в Коминтерне, была помощницей Клемента Готвальда. В 1940 г. стала членом Верховного Совета Карело-Финской ССР и одновременно народным комиссаром просвещения в правительстве республики. После войны между СССР и Финляндией 1941—1944 гг. возвратилась на Родину. В 1952 г. восстановила финляндское гражданство. Активно работала в Коммунистической партии Финляндии, избиралась членом ЦК и политбюро КПФ, продолжительное время была главным редактором журнала «Kommunisti».

Армас Эйкия (1904—1965), министр сельского хозяйства в правительстве Куусинена. В 20-летнем возрасте примкнул к левому движению Финляндии. Работал редактором газеты и писал стихи. За активную политическую деятельность неоднократно подвергался арестам. В 1920—1930-е гг. провел в заключении почти восемь лет. Приехав в Советский Союз, продолжил литературную деятельность. Во время Великой Отечественной войны работал в Политуправлении Северного (Ленинградского) фронта. Вел радиопередачи контрпропагандистской направленности на Финляндию и финские войска. После окончания войны возвратился в Финляндию и продолжил заниматься литературным творчеством.

Пааво Прокконен (Павел Степанович Прокопьев) (16.07.1909, д. Ключина Гора Повенецкого уезда Олонецкой губернии, ныне Суоярвского района РК — 18.07.1979, г. Петрозаводск), министр по делам Карелии в правительстве Куусинена. Родился в семье крестьянина-бедняка. С 1925 г. работал в личном хозяйстве, лесорубом на лесозаготовках, продавцом кооператива, председателем комитета крестьянского общества кассы взаимопомощи, секретарем, председателем Ключиногорского сельского совета. В 1931—1934 гг. учился в Институте советского строительства им. М. И. Калинина (Ленинград). По окончании института работал инструктором исполкома Олонецкого райсовета, зам. председателя, председателем исполкома. В 1938—1940 гг. — зам. председателя Совнаркома КАССР, в 1940—1947 гг. — председатель СНК КФССР. В годы Великой Отечественной войны проводил большую работу по мобилизации трудящихся Карелии на помощь фронту. Дважды назначался уполномоченным ГКО по КФССР по лесозаготовкам и восстановлению Кировской железной дороги. В 1947—1950 гг. учился в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б), в 1957 г. окончил юридический факультет Ленинградского государственного университета (заочно). С 1950 г. — председатель Совета Министров, с 1956 г. — председатель Президиума Верховного Совета КАССР, в 1967—1979 гг. одновременно являлся зам. председателя Президиума Верховного Совета РСФСР. Награжден орденами Ленина (дважды), Отечественной войны II степени, Дружбы народов, «Знак Почета» (дважды), медалями. Похоронен в 1979 г. в г. Петрозаводске на Сулажгорском кладбище.

Организация и личный состав Военного управления Восточной Карелии (ВУВК)*

1. Командующий ВУВК:

подполковник Котилайнен, 15.07.1941—15.06.1942;

полковник Араюри, 15.06.1942—19.08.1943;

подполковник Палохеймо, 19.08.1943 —

2. Начальник штаба:

подполковник Снельман, 15.07.1941 —

подполковник Куусела, 18.10.1941 —

подполковник Вирккунен, 03.03.1943 —

майор Койвисто, 01.07.1944 —

3. Совецательная комиссия при командующем ВУВК —

12 человек, председатель комиссии — П. Рахикайнен.

4. Помощник командующего:

подполковник Нордстрем, 15.07.1941 —

5. Помощник командующего по юридическим вопросам:

военный чиновник Мерикоски, начиная с 22.08.1941 г.

Отделы и отделения:

6. Командный отдел, начальник — капитан Мякеля.

6.1. Командное отделение и отделение по личному составу (кадров),
начальник — прапорщик Кукконен.

6.2. Комендантское отделение, начальник — лейтенант Калониус.

6.3. Организационное отделение, начальник — инженер-капитан Хейно.

6.4. Отделение связи, начальник — лейтенант Кекаяйнен.

6.5. Штабная рота, начальник — фельдфебель Пирттийоки.

7. Административный отдел, начальник — капитан Хеломая.

7.1. Oik. hoitotsto, начальник — прапорщик Бротериус.

7.2. Отделение по работе с населением (vaestotsto), начальник —
капитан Вартия.

7.3. Полицейское отделение, начальник — капитан Копонен.

7.4. Отделение надзора, начальник — майор Шилд.

8. Экономический отдел, начальник — майор Осара.

8.1. Отделение по общим вопросам, начальник — капитан Оллилинен.

* Составлено по данным: Laine A. Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa, 1941—1944. Helsinki, 1982. S. 72.

- 8.2. Сельскохозяйственное отделение, начальник — прапорщик Мяяття.
- 8.3. КН-tsto, начальник — военный чиновник Ниссинен.
- 8.4. Торговое отделение, начальник — капитан Нурмила.
- 8.5. Отделение по лесным делам, начальник — военный чиновник Брофельт.
- 8.6. Промышленное отделение, начальник — майор Палохеймо.
- 8.7. Отделение по рыбному хозяйству, начальник — капитан Лехто.
- 8.8. Транспортное отделение, начальник — майор Котивуори.
- 8.9. Ревизионное (балансовое) отделение, начальник — капитан Яхнукайнен.

9. АДМИНИСТРАТИВНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЙ ОТДЕЛ, НАЧАЛЬНИК — ИНЖЕНЕР-ЛЕЙТЕНАНТ КАСТРЕН.

- 9.1. Разведывательное отделение, начальник — прапорщик Лойму.
- 9.2. Статистическое отделение, начальник — прапорщик Эркиля.

10. ОТДЕЛ ПРОСВЕЩЕНИЯ, НАЧАЛЬНИК — ПРАПОРЩИК ХЕЛАНЕН.

- 10.1. Информационное отделение, начальник — военный чиновник Вуорийоки.
- 10.2. Отделение по работе со школьниками и молодежью, начальник — капитан Тимонен.
- 10.3. Отделение по делам религии, начальник — лейтенант Куоппала.

11. МЕДИЦИНСКИЙ ОТДЕЛ, НАЧАЛЬНИК — КАПИТАН 3-ГО РАНГА МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБЫ ВАЛЛЕ.

- 11.1. Отделение здравоохранения, начальник — капитан медицинской службы Эломаа.
- 11.2. Отделение больниц и аптек, начальник — военный чиновник Хакалехто.

12. СОЦИАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ, НАЧАЛЬНИК — ВОЕННЫЙ ПАСТОР КОРПИЯАККО.

13. ИНТЕНДАНТСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ, НАЧАЛЬНИК — МАЙОР ТЕРИХОВ.

14. ПОЧТОВОЕ ОТДЕЛЕНИЕ, НАЧАЛЬНИК — ВОЕННЫЙ ЧИНОВНИК КОЛЕХМАЙНЕН.

15. ФИНАНСОВОЕ ОТДЕЛЕНИЕ, НАЧАЛЬНИК — КАПИТАН УСВА.

ПЕРЕЧЕНЬ
мест принудительного содержания гражданского населения,
созданных в период Великой Отечественной войны
на оккупированной территории КФССР

Наименование	Место дислокации	Место хранения документов
Концентрационные, переселенческие лагеря		
Концентрационный лагерь № 1 (расформирован в период с 18.08 по 16.09.1942)	Южная окраина г. Петрозаводска (р-н Кукковка)	НА РК, Военный архив Финляндии
Концентрационный лагерь № 2 (с ноября 1943 г. — переселенческий)	г. Петрозаводск, жилые дома строительства «Северная точка» (территория сельскохозяйственного училища)	НА РК, Военный архив Финляндии
Концентрационный лагерь № 3 (с ноября 1943 г. — переселенческий)	г. Петрозаводск, дома рабочего поселка лыжной фабрики	НА РК, Военный архив Финляндии
Концентрационный лагерь № 4 (расформирован в период с 18.08 по 16.09.1942)	г. Петрозаводск, жилые дома Онегзавода по ул. Калинина (р-н Голиковка)	НА РК, Военный архив Финляндии
Концентрационный лагерь № 5 (с ноября 1943 г. — переселенческий)	г. Петрозаводск, территория рабочего поселка Кировской железной дороги — Красный поселок (Пятый поселок)	НА РК, Военный архив Финляндии
Концентрационный лагерь № 6 (с ноября 1943 г. — переселенческий)	г. Петрозаводск, территория поселка «Перевалочная биржа»	НА РК, Военный архив Финляндии
Концентрационный лагерь № 7 (расформирован в 1943 г.)	г. Петрозаводск, жилые кварталы около «Перевалочной биржи»	НА РК, Военный архив Финляндии
Концентрационный лагерь № 8 (с ноября 1943 г. — переселенческий)	Территория Ильинского сельского Совета (Олонецкий р-н)	НА РК, Военный архив Финляндии, Районный архив АМСУ Олонецкого р-на
Отделения концентрационного лагеря № 8	Алавойнен, Паалу, Хепосуо — совхоз	Военный архив Финляндии
Концентрационный лагерь (закрит в период с 15.08 по 26.10.1942)	д. Видлица (Видлицкий с/с), Олонецкий р-н	Военный архив Финляндии, Архив УФСБ РФ по РК
Концентрационный лагерь (с ноября 1943 г. — переселенческий)	д. Святнаволок (Святнаволоцкий с/с), Петровский р-н	Военный архив Финляндии

Наименование	Место дислокации	Место хранения документов
Концентрационные, переселенческие лагеря		
Концентрационный лагерь для неблагонадежного «ненационального населения»	с. Киндасово (Пряжинский с/с), Пряжинский р-н	Военный архив Финляндии
Концентрационный лагерь для граждан «западных национальностей» (действовал с 25.06 по 29.09.1942)	д. Коропа (Короппиозеро) (Туливаарский с/с), Ребольский р-н	Военный архив Финляндии
Концентрационный лагерь для украинцев (действовал с 25.06 по 29.09.1942)	д. Лужма (Туливаарский с/с), Ребольский р-н	Военный архив Финляндии, Архив УФСБ РФ по РК
Концентрационный лагерь для неблагонадежных представителей родственных финнам народов	д. Колвасозеро (Ребольский с/с), Ребольский р-н	Военный архив Финляндии, Архив УФСБ РФ по РК

Тюрьмы и иные исправительные учреждения

Центральная тюрьма	с. Киндасово (Пряжинский с/с), Пряжинский р-н
Ведлозерская районная тюрьма	Предположительно с. Ведлозеро (Ведлозерский с/с), Пряжинский р-н
Великогубская районная тюрьма	с. Великая Губа (Великогубский с/с), Заонежский р-н
Вокнаволоцкая районная тюрьма	д. Вокнаволок (Вокнаволоцкий с/с), Ухтинский р-н
Кестеньгская районная тюрьма	Предположительно с. Кестеньга (Кестеньгский с/с), Кестеньгский р-н
Медвежьегорская районная тюрьма	Предположительно г. Медвежьегорск
Олонецкая районная тюрьма	Предположительно г. Олонец
Петрозаводская районная тюрьма	г. Петрозаводск
Паданская районная тюрьма	Предположительно с. Паданы (Паданский с/с), Сегозерский р-н
Районная тюрьма в Суванто	д. Суванто (Кушевандский с/с), Ухтинский р-н
Ухтинская районная тюрьма	Данных о месте дислокации нет
Шелтозерская районная тюрьма	Предположительно с. Бережное Шелтозеро (Шелтозерский-Бережной с/с), Шелтозерский р-н
Космозерская тюрьма	д. Космозеро (Космозерский с/с), Заонежский р-н

В о е н н ы й а р х и в Ф и н л я н д и и

Наименование	Место дислокации	Место хранения документов
Тюрьмы и иные исправительные учреждения		
Штрафной лагерь	д. Лососинное (Машезерский с/с), Прионежский р-н	Военный архив Финляндии
Воспитательное учреждение (колония) для трудных подростков (для малолетних правонарушителей)	В разное время дислоцировалось в населенных пунктах: п. Бараний Берег (г. Петрозаводск), д. Лососинное (Прионежский р-н), с. Шуя (Прионежский р-н)	

Трудовые лагеря и аналогичные им трудовые подразделения

Трудовые лагеря

Трудовой лагерь № 51 (ТуöK. L-51, Туö. os. L-51), полевая почта 8061, строительство дорог	Имеются данные о наличии участков: Заонежский р-н: предположительно д. Пигмозеро (Кажемский с/с), д. Федотово (Кажемский с/с); Кондопожский р-н: д. Кяппесельга (Кяппесельгский с/с), д. Уница (Уницкий с/с)	Военный архив Финляндии
Трудовой лагерь № 53 (ТуöK. L-53, Туö. os. L-53), полевая почта 8063, лесозаготовки	Участки: Прионежский р-н: д. Вилга (Матросский с/с), д. (п.) Матросы (Матросский с/с), с. Деревянное (Деревянский с/с); Пряжинский р-н: ст. Виллагора (Виданский с/с)	
Трудовой лагерь № 54 (ТуöK. L-54, Туö. os. L-54), полевая почта 8064, лесозаготовки	Участки: Прионежский р-н: д. Орзega (Деревянский с/с), д. Тервасоя (предположительно территория Прионежского или Суоярвского р-на)	
Трудовой лагерь № 55 (ТуöK. L-55, Туö. os. L-55), полевая почта 8065, дорожные работы	Имеются данные о наличии участков: Заонежский р-н: д. Вегорукса (Великогубский с/с), д. Великая Губа (Великогубский с/с), д. Верховье (Великогубский с/с), д. Комлево (Космозерский с/с), д. Красная Сельга (Карасозерский с/с), д. Ламбасручей (Великогубский с/с), д. Леликозеро (Карасозерский с/с), д. Палтега (Великонивский с/с), д. Пегрема (Великогубский с/с), д. Терехово (Космозерский с/с), д. Толвуя (Толвуйский с/с); Кондопожский р-н: д. Янишполе (Сунский с/с)	

Наименование	Место дислокации	Место хранения документов
--------------	------------------	---------------------------

Трудовые лагеря и аналогичные им трудовые подразделения

Трудовые лагеря

Трудовой лагерь № 56 (ТуöК. L-56, Туö. os. L-56), полевая почта предположительно 8066, лесозаготовки	Участки: Пряжинский р-н: п. Кутижма (Сямозерский с/с); Прионежский р-н: д. Суояйоки (предположительно с. Шуя Шуйского с/с)	Военный архив Финляндии, Архив УФСБ РФ по РК
---	--	---

Трудовые подразделения (лагеря), номера отсутствуют, указан номер полевой почты

Трудовое подразделение (лагерь) 8010 (Туö. os. Heino/8010)	Имеются данные о дислокации участков в районе населенных пунктов Медвежьегорского р-на: 13-й разъезд (Лумбушский с/с), д. Медвежка (Малая Медвежка, Медвежья Гора) (Покровский с/с), д. Чебино (Чебинский с/с)	Военный архив Финляндии, Архив УФСБ РФ по РК
Трудовой лагерь 8047, сельскохозяйственные работы (подсобное хозяйство)	г. Медвежьегорск, территория совхоза «Вичка»	
Трудовое подразделение (лагерь) 9604 (Туö. os. T/9604), предположительно в составе подразделения находились рабочие участки № 1, 2, 3 (Linnoitustyömaa, työmaa, työleirit № 1, 2, 3)	Имеются данные о дислокации участков в районе населенных пунктов Медвежьегорского р-на: г. Медвежьегорск, д. Медвежка (Малая Медвежка, Медвежья Гора) (Покровский с/с), д. Чебино (Чебинский с/с)	

Трудовые лагеря и аналогичные им трудовые подразделения

Трудовые подразделения (лагеря), номера отсутствуют, указан номер полевой почты

Трудовое подразделение (лагерь) 9605 (Туö. os., Heino/9605)	Имеются данные о дислокации участков в районе населенных пунктов Медвежьегорского р-на: г. Медвежьегорск, д. Медвежка (Малая Медвежка, Медвежья Гора) (Покровский с/с), д. Чебино (Чебинский с/с)	Военный архив Финляндии, Архив УФСБ РФ по РК
Трудовой лагерь 9838, обжиг угля	Имеются данные о дислокации участков в районе населенных пунктов: Кондопожский р-н: д. Семчегора, Юстозеро (Юстозерский с/с); Медвежьегорский р-н: д. Пергуба (Лумбушский с/с)	Военный архив Финляндии, Архив УФСБ РФ по РК
Трудовой лагерь 9839, обжиг угля	Имеются данные о дислокации участков в районе д. Юстозеро (Юстозерский с/с), Кондопожский р-н	Военный архив Финляндии

499

Приложение 3

Наименование	Место дислокации	Место хранения документов
<i>Строительные батальоны, роты, участки укрепительных сооружений</i>		
Батальон по строительству укрепительных сооружений № 113 (Lin. RP 113)	Данных о месте дислокации нет	Военный архив Финляндии
Батальон по строительству укрепительных сооружений № 122 (Lin. RP 122)	Медвежьегорский р-н, данных о точном месте дислокации нет	
Батальон по строительству укрепительных сооружений (трудовое подразделение) № 212 (Työ. os.T/ Lin. RP 212)	Предположительно или Медвежьегорский, или Заонежский р-н	
Батальон по строительству укрепительных сооружений № 254 (Lin. RP 254)	Данных о месте дислокации нет	
Батальон по строительству укрепительных сооружений № 333 (Lin. RP 333)	Данных о месте дислокации нет	
Батальон по строительству укрепительных сооружений № 341 (Lin. RP 341), полевая почта 8009, дорожные работы	Имеются данные о наличии участков на территории Заонежского р-на: д. Палтега (Великонивский с/с), д. Толвуй (Толвуйский с/с)	
Батальон по строительству укрепительных сооружений № 425 (Lin. RP 425)	Медвежьегорский р-н, данных о точном месте дислокации нет	
Батальон по строительству укрепительных сооружений № 461 (Lin. RP 461), дорожные работы	д. Илемсельга (Илемсельгский с/с), Кондопожский р-н	
9-я отдельная рота по строительству укрепительных сооружений (9 Eг. Lin. RK), разные работы	Район г. Петрозаводска, данных о месте дислокации нет	

Трудовые лагеря и аналогичные им трудовые подразделения

Строительные батальоны, роты, участки укрепительных сооружений

Строительная рота штаба 1-й дивизии (Esik./K./I.DE)	Медвежьегорский р-н, данных о точном месте дислокации нет	Военный архив Финляндии
982-я инженерная рота (982. Is. K.)	Предположительно Медвежьегорский р-н, данных о точном месте дислокации нет	
Участок строительства укрепительных сооружений № 1 (Linnoitustyömaa n. 1)	В районе с. Видлица (Видлицкий с/с), Олонецкий р-н	

Примечания:

1. Перечень трудовых лагерей и подразделений составлен на основании документальных материалов, представленных в Рабочую группу, созданную по распоряжению Главы Республики Карелия С. Л. Катанандова от 29 августа 2006 г. для решения вопроса «Об отнесении отдельных территорий Республики Карелии, оккупированных войсками противника в период Великой Отечественной войны, к местам принудительного содержания граждан, оказавшихся там по независимым от них причинам».
2. В исследованных материалах содержатся упоминания о наличии мест принудительного содержания для гражданского населения, существование которых не нашло определенного документального подтверждения в процессе изучения всего комплекса документов:
 - ✎ д. Рожнаволок (Ведлозерский с/с) Ведлозерского района;
 - ✎ г. Кондопога;
 - ✎ д. Юркостров (Койкарский с/с) Кондопожского района;
 - ✎ д. Пялозерский Наволок (Пялозеронаволок Пялозерского с/с) Кондопожского района;
 - ✎ д. Шароваара (Чебинский с/с) Медвежьегорского района;
 - ✎ д. Обжа (Обжанский с/с) Олонецкого района;
 - ✎ д. Корза (Кунгозерский с/с) Пряжинского района;
 - ✎ д. Кангозеро (Чалкосельгский с/с) Пряжинского района;
 - ✎ д. Руокоярви (Сортавальский п/с) Сортавальского района.
3. В Перечень не включены созданные финскими оккупационными властями концентрационные лагеря для гражданских лиц в д. Усланка (Ленинградская обл.) и д. Миэхиккяля (Финляндия).
4. При подготовке Перечня использован «Список населенных мест КАССР», изданный в 1935 г. и составленный по материалам 1933 г., который можно считать достаточно надежным официальным источником сведений об административно-территориальном устройстве республики на начало Великой Отечественной войны.

ПЕРЕЧЕНЬ

лагерей для советских военнопленных, созданных на оккупированной территории КФССР в период Великой Отечественной войны
(на основании данных Военного архива Финляндии)

Наименование лагеря	Место дислокации
Лагерь военнопленных № 5	г. Петрозаводск
Лагерь военнопленных (организационный) № 7	г. Олонец
Лагерь военнопленных № 10	Импilahти, Питкярантский р-н В сентябре 1941 г. переведен в лагерь № 16 (Сортавала)
Лагерь военнопленных № 12	Куркиеки, Лахденпохский р-н
Лагерь военнопленных № 14	г. Сортавала, филиалы: Хийтола, Элисенваара, Куркиеки (Лахденпохский р-н)
Лагерь военнопленных № 16	Маткаселькя (Сортавала) Филиалы: Салми, Ууксу (Питкярантский р-н); Суоярви, Лоймола (Суоярвский р-н)
Лагерь военнопленных № 17	г. Олонец
Лагерь военнопленных № 31	г. Медвежьегорск
Лагерь военнопленных № 42, позже 35-я рота военнопленных	д. Березовая Гора, Олонецкий р-н
Лагерь военнопленных № 43, позже 36-я рота военнопленных	д. Новые Пески, Олонецкий р-н
Лагерь военнопленных № 51	д. Ладва, Прионежский р-н
Лагерь военнопленных № 52, позже 43-я рота военнопленных	г. Кондопога
Лагерь военнопленных № 55	п. Соломенное, позже Прионежский р-н, с 28.02.1942 г. реорганизован в трудовой лагерь № 55 и переведен в Заонежский р-н
Лагерь военнопленных № 57, позже 44-я рота военнопленных	д. Тикшозеро, Ругозерский р-н
Лагерь военнопленных № 65, позже 37-я рота военнопленных	д. Куйтежа, Олонецкий р-н
Лагерь военнопленных № 66, позже 34-я рота военнопленных	д. Пай, Прионежский р-н
Лагерь военнопленных № 67, позже 38-я рота военнопленных	с. Ильинское, Олонецкий р-н
Лагерь военнопленных № 68, позже 39-я рота военнопленных	Олонецкий р-н
Лагерь военнопленных № 69, позже 40-я рота военнопленных	Кондопожский р-н

<i>Наименование лагеря</i>	<i>Место дислокации</i>
Лагерь военнопленных № 70, позже 41-я рота военнопленных	д. Коверо, Олонецкий р-н
Лагерь военнопленных № 71, позже 1-я рота военнопленных	д. Кумсозеро, Медвежьегорский р-н
Лагерь военнопленных № 72, позже 2-я рота военнопленных	д. Ахвенламби, Медвежьегорский р-н
Лагерь военнопленных № 73, позже 3-я рота военнопленных	д. Чебино, Медвежьегорский р-н
Лагерь военнопленных № 74, позже 4-я рота военнопленных	г. Медвежьегорск
Лагерь военнопленных № 75, позже 5-я рота военнопленных	д. Семчегора, Кондопожский р-н
Лагерь военнопленных № 76, позже 6-я рота военнопленных	Торосозеро, Олонецкий р-н
Лагерь военнопленных № 77, позже 42-я рота военнопленных	д. Большие Горы, д. Видлица, Олонецкий р-н
Лагерь военнопленных № 78, позже 45-я рота военнопленных	Точное место дислокации не установлено, возможно, Прионежский р-н
Лагерь военнопленных № 92, позже 22-я рота военнопленных	д. Войницы, Калевальский р-н
Лагерь военнопленных № 93, позже 23-я рота военнопленных	д. Войницы, Калевальский р-н
Лагерь военнопленных № 95, позже 25-я рота военнопленных	Место дислокации не установлено
Лагерь военнопленных № 113, позже 46-я рота военнопленных	г. Петрозаводск
Лагерь военнопленных № 119, позже 61-я рота военнопленных	д. Видлица, Олонецкий р-н
Лагерь для военнопленных 65-я рота военнопленных	д. Салменица, Пряжинский р-н с. Реболы, Муезерский р-н

Примечание:

В ходе дальнейшего изучения материалов финских архивов возможно выявление фактов содержания в лагерях для военнопленных гражданского населения, проживавшего на временно оккупированной территории КФССР.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВПРФ — Архив внешней политики Российской Федерации
АН СССР — Академия наук СССР
АО — акционерное общество
АПРФ — Архив Президента Российской Федерации
ББК — Беломорско-Балтийский комбинат
БОП — Беломорско-Онежское пароходство
БССР — Белорусская Советская Социалистическая Республика
ВГК — верховное главнокомандование
ВИЖ — Военно-исторический журнал
ВКП(б) — Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)
ВОКС — Всесоюзное общество культурных связей
ВУВК — Военное управление Восточной Карелии
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГИС — геоинформационные системы
ГК — городской комитет
ГКО — Государственный комитет обороны
Госбанк — Государственный банк
ГСК — горно-стрелковый корпус
ГУЛАГ — Главное управление исправительно-трудовых лагерей
ГУПВИ — Главное управление по делам военнопленных
и интернированных
ГШ — Генеральный штаб
ГЭС — гидроэлектростанция
Исполком
Коминтерна — Исполнительный комитет Коммунистического
Интернационала
ИТК — исправительно-трудовая колония
ИТЛ — исправительно-трудовой лагерь
ИТР — инженерно-технические работники
ИЯЛИ КарНЦ
РАН — Институт языка, литературы и истории Карельского научного
центра Российской академии наук
КАО — Карельское академическое общество
КАССР — Карельская Автономная Советская Социалистическая
Республика
КГАНИ — Карельский государственный архив новейшей истории
КГПУ — Карельский государственный педагогический университет
Концлагерь — концентрационный лагерь
КПП — контрольно-пропускной пункт

КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
 КПФ — Коммунистическая партия Финляндии
 КТНФ — комитеты трудового народного фронта
 КФГУ — Карело-Финский государственный университет
 КФСР — Карело-Финская Советская Социалистическая Республика
 ЛВО — Ленинградский военный округ
 ЛКСМ — Ленинский Коммунистический Союз Молодежи
 ЛПХ — лесопромышленное хозяйство
 МВД — Министерство внутренних дел
 МИД — Министерство иностранных дел
 МНОЦ — Международный научно-образовательный центр
 МТС — машинно-тракторная станция
 НА РК — Национальный архив Республики Карелия
 Наркомлес — Народный комиссариат леса
 Наркомторг — Народный комиссариат торговли
 Наркомфин — Народный комиссариат финансов
 НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
 НКГБ — Народный комиссариат государственной безопасности
 НКВД — Народный комиссариат иностранных дел
 НКО — Народный комиссариат обороны
 Обком — областной комитет
 ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление
 ОКЕБ — отдельная карельская егерская бригада
 ОС — оборонительные силы
 ПетрГУ — Петрозаводский государственный университет
 Погранотряд — пограничный отряд
 Политбюро — Политическое бюро
 РГА ВМФ — Российский государственный архив Военно-морского флота
 РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории
 РГАЭ — Российский государственный архив экономики
 РГВА — Российский государственный военный архив
 РГНФ — Российский государственный научный фонд
 РДГ — разведывательно-диверсионные группы
 РИК — районный исполнительный комитет
 РК — Республика Карелия
 РККА — Рабоче-Крестьянская Красная Армия
 РО — районное отделение
 РОА — Русская освободительная армия
 РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

- РУ — ремесленное училище
РЦ НИТ — Региональный центр новых информационных технологий
РШТД — Республиканский штаб партизанского движения
СД — стрелковая дивизия
СК — стрелковый корпус
СКК — Союзная контрольная комиссия
СМЕРШ — («Смерть шпионам») органы Советской военной контрразведки
СНК — Совет Народных Комиссаров
СПб. — Санкт-Петербург
СПК — смешанная пограничная комиссия
СССР — Союз Советских Социалистических Республик
США — Соединенные Штаты Америки
ТАСС — Телеграфное агентство Советского Союза
ТЭС — тепловая электрическая станция
УГБ — Управление государственной безопасности
УК — Уголовный кодекс
УПВ КО — Управление пограничных войск Карельского округа
УПВИ НКВД
СССР — Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР
УССР — Украинская Советская Социалистическая Республика
УФСБ РФ
по РК — Управление Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Карелия
ФДР — Финляндская Демократическая Республика
ФЗО — фабрично-заводское обучение
ФНА — Финская народная армия
ЦАМО — Центральный архив Министерства обороны
ЦБК — целлюлозно-бумажный комбинат
ЦГАИПД — Центральный государственный архив исторической и политической документации
ЦИК — Центральный исполнительный комитет
ЦК КП(б)
КФССР — Центральный комитет Коммунистической партии (большевиков) Карело-Финской ССР
ЦХИДК — Центр хранения историко-документальных коллекций
ЦШПД — Центральный штаб партизанского движения
ШРПО — Штаб по руководству партизанскими отрядами

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Андропов Юрий Владимирович (15.06.1914 — 09.02.1984), видный советский партийный и государственный деятель, член ВКП(б) с 1939 г. Трудовую деятельность начал в 16 лет рабочим телеграфа в г. Моздок Северо-Осетинской АССР. Затем работал матросом на судах Волжского речного пароходства. Окончил техникум водного транспорта в г. Рыбинске. С 1936 г. на освобожденной комсомольской работе. В 1938—1940 гг. — первый секретарь Ярославского обкома ВЛКСМ. С 1940 г. по 1944 г. — секретарь ЦК комсомола КФССР, затем второй секретарь Петрозаводского горкома и ЦК Компартии КФССР. В 1951—1953 гг. работал в аппарате ЦК КПСС. С 1953 г. — посол СССР в Венгрии. В 1957—1962 гг. снова работал в аппарате ЦК КПСС, с 1962 г. — один из секретарей ЦК КПСС. С 1967 г. по 1982 г. — председатель КГБ СССР, генерал армии. С 1961 г. — член ЦК КПСС. Генеральный секретарь ЦК КПСС (ноябрь 1982 г. — февраль 1984 г.).

Награды: четыре ордена Ленина, орден Октябрьской Революции, орден Красного Знамени, пять орденов Трудового Красного Знамени, многочисленные медали СССР и иностранные награды.

Лит.: Великая Отечественная война, 1941—1945: Энциклопедия. М., 1985. С. 50; Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители, 1923—1991: Ист.-биограф. справочник. М., 1999. С. 200; История России в лицах: Биограф. словарь. М., 1997. С. 398.

507

Альперович Борис Самуилович (19.05.1901, Минская губ. — 29.04.1964, Петрозаводск) родился в д. Застенок Удра Заславского района Минской области в семье рабочих. С девяти лет начал трудовую деятельность: работал пастухом, учеником, затем сменным мельником, рабочим совхоза Заславского района. В 1922—1925 гг. служил в Красной Армии, в частях связи, на Туркестанском фронте в Средней Азии. С 1925 г. работал в Узбекистане (Ташкент) и в Киргизии (Фрунзе и Ош) мастером по ремонту аппаратов связи, на руководящей профсоюзной работе, в органах снабжения. После окончания в 1936 г. планово-экономического факультета Ленинградского института советской торговли работал секретарем парткома института, зав. отделом школ и вузов Фрунзенского РК ВКП(б) в Ленинграде.

В 1938—1949 гг. — председатель Госплана КАССР (КФССР), с 1941 г. — одновременно зам. председателя Совнаркома (Совета Министров) республики. В эти годы проводилась работа по расширению производства местной промышленности, промкооперации, других отраслей промышленности.

В 1950—1955 гг. работал начальником отдела труда и зарплаты завода № 789, старшим экономистом Управления трудовых резервов, начальником планового отдела и зам. начальника книжной торговли Министерства культуры Карелии. С 1955 г. — в системе лесной промышленности: зам. министра лесной промышленности КФССР, начальник планового отдела Главкареллеса Управления лесной промышленности республики.

Награды: орден «Знак Почета» (1948).

Лит.: КГАНИ, ф. 3, оп. 6, д. 227, л. 3; История экономики Карелии. Кн. 2: Экономика Карелии советского периода (1917—1991 гг.). Петрозаводск, 2005. С. 98.

Араюри Йохан Виктор (1894—1961), полковник, затем генерал-майор. В 1915—1918 гг. служил в 27-м егерском батальоне. В годы Зимней войны — командир 4-й дивизии. С 15 июня 1942 г. по 19 августа 1943 г. — начальник штаба Военного управления Восточной Карелии. В августе 1943 г. вернулся на должность начальника полиции Хельсинки, которую занимал до войны.

Лит.: *Facta 2001*, т. osa. Porvoo; Helsinki; Juva, 2001. С. 624; *Лайдинен Э. П.* НКВД-НКГБ против генерала Араюри (террор НКВД-НКГБ КФСР в годы Великой Отечественной войны) // История и культурное наследие Северного Приладожья: взгляд из России и Финляндии: Материалы 2-й Междунар. науч.-практ. конф., посв. 100-летию со дня рождения известного музейного деятеля и краеведа Северного Приладожья Т. А. Хаккарайнена и 375-летию Сортавалы (11—13 июня 2007 г., Сортавала). Петрозаводск, 2007. С. 135—143.

Аристов Николай Павлович (1912—195?). Родился в д. Толтуново Галицкого района Ярославской области в семье крестьянина. В 1929 г. окончил 7-летнюю школу. В 1929—1930 г. работал в стройконторе Московско-Низовского рабочего кооператива. В 1930 г. переехал в Карелию. В 1931—1932 гг. занимал руководящие должности в Кондопожском райпотребсоюзе. С 1932 по 1934 г. являлся начальником спецсектора Карелпотребсоюза. В 1934—1935 гг. учился в Карельском педагогическом институте. В 1935 г. снова направлен на работу в Карелпотребсоюз начальником спецсектора. В 1936 г. переведен на освобожденную партийную работу. В 1936—1938 гг. был инструктором, зав. отделом школ Петрозаводского ГК ВКП(б). С 1938 г. по ноябрь 1941 г. являлся первым секретарем Заонежского райкома партии. С декабря 1941 г. по ноябрь 1942 г. занимал должность комиссара 1-й партизанской бригады. В походе на Поросозеро в июле — августе 1942 г. (после гибели комбрига) стал командиром бригады. В 1943 г. возглавил южную оперативную группу партизанских отрядов в Пудожье. С декабря 1944 г. по август 1945 г. был партторгом ЦК КП(б) на Сегежском ЦБК. В 1945 г. был откомандирован на учебу в Москву. Затем работал советским представителем в Китае. После внезапного вызова в Москву, в НКВД к Берии, застрелился у себя на квартире.

Награды: орден Ленина, медали.

Лит.: *Чумаков Г. В., Ремизов А. Н.* Бригада: История 1-й партизанской бригады Карельского фронта. Петрозаводск, 2007. С. 101—102.

Баскаков Михаил Иванович (1905, Москва — 1966, Москва). Родился в семье рабочего-железнодорожника. В 1917 г. окончил 4-классную земскую школу в с. Ворское Гжатского уезда. В 1918—1924 гг. работал слесарем, кочегаром и машинистом на Ворском лесопильном заводе. Член РКСМ с 1924 г. В 1925—1926 гг. — председатель Ворского сельсовета. В 1927 г. призван в РККА. В органах ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД с 1933 г. В 1938 г. назначен зам. наркома, затем нарком внутренних дел Карельской АССР, с 1940 г. — Карело-Финской ССР. С февраля по июль 1941 г. занимал должность наркома госбезопасности КФСР. С июля 1941 г. по май 1943 г. — нарком внутренних дел Карелии. В мае — июле 1943 г. — нарком госбезопасности КФСР. В 1943—1946 гг. — начальник УНКГБ-УМГБ Горьковской области. В 1946—1951 гг. — министр госбезопасности Узбекской ССР. В 1951—1952 гг. — начальник УМГБ Хабаровского края. В 1952—1958 гг. — министр госбезопасности, затем внутренних дел Белорусской ССР. В 1958—1965 гг. — на хозяйственной работе в Министерстве строительства РСФСР.

Награды: орден Ленина, три ордена Красной Звезды, орден Красного Знамени, семь медалей, знак «Заслуженный работник НКВД».

Лит.: Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД, 1934—1941: Справочник. М., 1999. С. 101; Веригин С. Г., Лайдинен Э. П. Некоторые особенности партизанского движения в Карелии в 1941—1944 гг. // Партизанская война в Карелии: Сб. ст. и материалов / Военно-ист. об-во РК; отв. ред. Г. В. Чумаков. Петрозаводск, 2005. С. 15—16.

Брызгалов Андрей Николаевич (19.10.1909, С.-Петербург — 22.11.1962, Петрозаводск). В 1927 г. окончил школу ФЗО (фабрично-заводского обучения), после чего работал на Онежском заводе в должности монтера, мастера энергоцехов, затем начальником энергохозяйства предприятия. С 1937 г. по 1940 г. был директором Онежского завода. С ноября 1941 г. по июль 1944 г. — главный энергетик, с ноября 1944 г. — главный инженер этого предприятия. С января по июнь 1945 г. — эксперт экономического отдела Союзной контрольной комиссии в Хельсинки. С июня 1945 г. по 1959 г. — главный инженер Онежского завода. Трагически погиб 22 ноября 1962 г.

Награды: орден Ленина, Знак Почета, медали.

Лит.: Завод и люди: События. Факты. Даты: Фотографии. Очерки. Стихи. Справочные материалы / Сост. В. А. Савельев. Петрозаводск, 1991; Петрозаводск. 1996. 29 нояб.; Петрозаводск. 1997. 6 июля; История экономики Карелии. Кн. 2: Экономика Карелии советского периода (1917—1991 гг.). Петрозаводск, 2005. С. 102.

Вершинин Сергей Яковлевич (1896, Симбирск — 1970, Москва). Родился в семье кузнеца. Окончил четыре класса церковно-приходской школы и ремесленное училище для сирот. В 1917 г. призван в армию рядовым химкоманды 96-го пехотного полка. Участник Гражданской войны. С 1920 г. в органах ВЧК-ОГПУ-НКВД. Великую Отечественную войну встретил в должности начальника Норильского исправительно-трудового лагеря НКВД. Затем был назначен начальником отдела НКВД КФСР, начальником оперативной группы истребительных батальонов НКВД на Карельском фронте. Один из организаторов партизанского движения в Карелии, комбриг, затем генерал-майор. С октября 1942 г. по ноябрь 1944 г. начальник штаба партизанского движения при Военном совете Карельского фронта. Одновременно являлся членом Военного совета Карельского фронта. В 1945—1947 гг. был представителем уполномоченного Совнаркома — Совета Министров СССР по делам репатриации граждан в Западной Германии, начальником Управления по репатриации военнопленных и граждан объединенных наций Советской военной администрации в Германии (СВАГ). В 1947 г. переведен в резерв Главного управления кадров Министерства вооруженных сил СССР.

Награды: орден Ленина, два ордена Красного Знамени, медаль «XX лет РККА», знак «Почетный работник ВЧК-ГПУ (V)», знак «Почетный работник ВЧК-ГПУ (XV)».

Лит.: Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД, 1934—1941: Справочник. М., 1999. С. 127; Веригин С. Г., Лайдинен Э. П. Некоторые особенности партизанского движения в Карелии в 1941—1944 гг. // Партизанская война в Карелии: Сб. ст. и материалов / Военно-ист. об-во РК; отв. ред. Г. В. Чумаков. Петрозаводск, 2005. С. 17—18.

Виролайнен Вольдемар Матвеевич (С.-Петербург, 1901—1983), финн. Член ВКП(б) с 1924 г. В 1919—1934 гг. работал на Финляндской и Октябрьской железных дорогах. В 1934—1939 гг. — учеба во Всесоюзной академии железнодорожного транспорта. В 1940—1947 гг. — зам. начальника, начальник Кировской железной дороги. В 1947—1950 гг. — председатель Совета Министров КФССР. Избирался депутатом Верховного Совета СССР. В 1950 г. репрессирован, в 1954 г. реабилитирован. 1954—1957 гг. — начальник отделения Октябрьской железной дороги.

Награды: орден Отечественной войны I степени, орден Трудового Красного Знамени и медали.

Лит.: История экономики Карелии. Кн. 2: Экономика Карелии советского периода (1917—1991 гг.). Петрозаводск, 2005. С. 106.

Ворошилов Клемент Ефремович (1881—1969), Маршал Советского Союза. Один из организаторов и руководителей Красной Армии. В 1934—1940 гг. — нарком обороны СССР, с 1940 г. — зам. председателя СНК СССР и председатель Комитета обороны при СНК. В период Великой Отечественной войны — член ГКО и Ставки ВГК, главнокомандующий войсками северо-западного направления, Ленинградским фронтом. С 1943 г. — представитель Ставки на фронтах. После войны — председатель Союзной контрольной комиссии в Венгрии. В 1946—1953 гг. — зам. председателя Совета Министров СССР, в 1953—1960 гг. — председатель Президиума Верховного Совета СССР, затем член Президиума. В 1926—1960 гг. — член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС.

Награды: восемь орденов Ленина, шесть орденов Красного Знамени, орден Суворова I степени, две медали «Золотая Звезда», многочисленные советские и иностранные медали.

Лит.: Великая Отечественная война 1941—1945 гг.: Энциклопедия. М., 1985. С. 179; *Лайдинен Э. П., Веригин С. Г.* Финская разведка против Советской России: Специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Северо-Западе России (1914—1939 гг.). Петрозаводск, 2004. С. 244.

Гарцуев Павел Николаевич (04.01.1905, С.-Петербург — 1970, Кишинев), Герой Социалистического Труда (1943). Родился в рабочей семье. Окончил 3-классное начальное и два класса 4-классного училища. В 1919—1920 гг. — ученик, подручный слесаря в паровозных мастерских города. В 1920—1924 гг. учился в Петроградском техникуме путей сообщения, после окончания которого работал слесарем, помощником машиниста и машинистом на первом участке тяги Октябрьской железной дороги. В 1928—1929 гг. служил в Красной Армии. После демобилизации был командирован на ленинградский завод «Большевик», где работал техником моботдела. В 1930—1935 гг. учился в Ленинградском институте инженеров железнодорожного транспорта. По окончании института — инженер, диспетчер ст. Ленинград-Товарная Октябрьской железной дороги. В 1936 г. назначен зам. начальника службы движения Октябрьской железной дороги, в 1937 г. — начальником Волховстроевского отделения движения. С 1939 г. — зам. начальника, начальник Кировской железной дороги. В годы Великой Отечественной войны, в сложных условиях временной оккупации значительной части дороги, успешно решал вопросы бесперебойного обеспечения перевозок для фронта и народного хозяйства, восстановления в кратчайшие сроки разрушен-

ной структуры дороги. В 1946 г. отозван в распоряжение Министерства путей сообщения СССР, работал начальником Северо-Кавказской, Кишиневской железных дорог (1946—1964).

Награды: орден Ленина, орден «Знак Почета», медали.

Лит.: Кировская в дни войны // Октябрьская фронтовая: Воспоминания железнодорожников о работе Октябрьской магистрали в годы Великой Отечественной войны, 1941—1945. Л., 1970; Железнодорожники в Великой Отечественной войне. М., 1985; КГАНИ, ф. 8, оп. 26, д. 85.

Готчиев Петр Павлович (21.08.1918, д. Семчезеро Повенецкого уезда Олонецкой губ. — 02.05.1943, ст. Идель Беломорского района КФССР), первый из знаменитой в Карелии династии потомственных лесозаготовителей, инициатор внедрения стахановских методов труда в лесной промышленности республики. Родился в крестьянской семье, с ранних лет работал с отцом в лесу. С 1938 г. трудился в Медвежьегорском леспромхозе. Одним из первых в республике освоил и усовершенствовал лучковую пилу, ввел в лесозаготовительном звене разделение труда, что позволило выполнять норму на 116 %. Позднее, работая в бригаде с тремя подсобными рабочими, добился перевыполнения норм выработки в среднем в 2—3 раза на каждого члена бригады. В годы Великой Отечественной войны — комиссар батальона одного из оборонных строителей в Медвежьегорском районе, инструктор стахановских методов труда в лесу, начальник лесопункта Сумского леспромхоза.

Награды: орден Ленина.

Лит.: История экономики Карелии. Кн. 2: Экономика Карелии советского периода (1917—1991 гг.). Петрозаводск, 2005. С. 104.

Кастрен Рейно Ялмари (1908 — ?) в 1936 г. учился на финских разведкурсах. В 1939 г. — офицер отдела статистики, 1941—1944 гг. — сотрудник разведотдела ВУВК, 1944—1947 гг. — сотрудник иностранного отдела Генерального штаба. В 1927 и 1941 гг. — зам. председателя Карельского академического общества. Еще до начала военных действий представил план устройства будущей администрации Восточной Карелии, который предусматривал постепенное включение этой территории в состав Финляндии.

Лит.: Лайне А. Гражданское население Восточной Карелии под финляндской оккупацией во Второй мировой войне // Карелия, Финляндия и Заполярье во Второй мировой войне. Петрозаводск, 1994. С. 42.

Кекконен Урхо Калеви (03.09.1900—31.08.1986), финляндский государственный и политический деятель. В середине 1920-х гг. — сотрудник отдела Центральной сыскной полиции (ЦСП) в г. Каяни, следователь центрального аппарата. Неоднократно был министром в составе различных правительств Финляндии. В 1948—1950 гг. — председатель парламента Финляндии. В 1950—1956 гг. (с перерывами) — премьер-министр, с 1956 г. по 1981 г. — президент Финляндии.

Лит.: Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Финская разведка против Советской России: Специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Северо-Западе России (1914—1939 гг.). Петрозаводск, 2004. С. 250.

Котилайнен А. Вайне, подполковник, затем полковник. С 15 июля 1941 г. по 15 июня 1942 г. — начальник штаба Военного управления Восточной Карелии. До войны занимал должность исполнительного директора фирмы АО «Энсо-Гутцайт».

Лит.: Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941—1944. Петрозаводск, 2006. С. 42—43.

Куприянов Геннадий Николаевич (1905—1979) родился в д. Рыло Солигаличского уезда Костромской области в семье крестьянина. В 1926 г. окончил 4-классную сельскую школу. До 1919 г. занимался крестьянским трудом. В 1919—1925 гг. был рабочим-плотником в г. Солигаличе. В 1921 г. вступил в ЛКСМ. С 1925 г. по 1927 г. по комсомольскому направлению учился в Костромской губернской совпартшколе. В 1926 г. вступил в ВКП(б). После окончания учебы работал учителем обществоведения. В 1929—1931 гг. занимал должность заведующего РОНО г. Солигалича. В 1931 г. переведен на освобожденную партийную работу заведующим отделом школ Солигаличского РК ВКП(б). С 1932 г. по 1935 г. учился во Всесоюзном коммунистическом университете в Ленинграде. В 1935—1936 гг. заведовал Домом политического просвещения при Дзержинском РК ВКП(б) Ленинграда. В 1936—1937 гг. — заведующий отделом Дзержинского РК ВКП(б). В 1937—1938 гг. — секретарь Куйбышевского РК ВКП(б). В 1938 г. переведен в Карелию на должность первого секретаря Карельского обкома ВКП(б). После образования КФССР с 1940 г. по 1950 г. являлся первым секретарем ЦК КП(б) КФССР. В годы Великой Отечественной войны — член Военного совета Карельского фронта, генерал-майор, один из руководителей партизанского движения в Карелии. Репрессирован в 1950 г. по «ленинградскому делу». Реабилитирован в 1956 г. Автор ряда книг о войне в Карелии.

Награды: два ордена Ленина, орден Трудового Красного Знамени, орден Красной Звезды, орден Отечественной войны I степени, медали.

Лит.: Чумаков Г. В., Ремизов А. Н. Бригада: История 1-й партизанской бригады Карельского фронта. Петрозаводск, 2007. С. 62—63.

Маннергейм Карл Густав Эмиль (04.06.1867 — 28.01.1951), государственный и военный деятель Финляндии. Окончил кадетский корпус в Хамина и Гельсингфорсский университет, а также Николаевское кавалерийское училище и Академию Генштаба в России. Генерал-лейтенант русской армии, участник русско-японской войны 1904—1905 гг. и Первой мировой войны. В 1918 г. — главнокомандующий финской белой армией. С декабря 1918 г. по июль 1919 г. — регент Финляндской республики. Председатель Совета обороны Финляндии (1931—1939). С 1939 г. — главнокомандующий финской армией. Маршал Финляндии (1942). В 1944—1946 гг. — президент Финляндии.

Лит.: Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. 1. М., 1998. С. 490; Kuka kukin oli. Henkilötietoja 1900-luvulla kuolleista julkisuuden suomalaisista. Helsinki, 1961. S. 328—329.

Меккелев Евгений Ильич (24.12.1916, с. Паданы Повенецкого уезда Олонецкой губ. — 16.08.1977, Петрозаводск), Герой Социалистического Труда (1943). Родился в крестьянской семье. Окончил семь классов Паданской средней школы

и поступил в Петрозаводский эксплуатационный путевый (позднее — железнодорожный) техникум, после окончания которого с 1936 г. работал поездным диспетчером на ст. Уросозеро, дежурным по ст. Масельгская Кировской железной дороги. В 1937 г. призван в ряды Красной Армии. Служил красноармейцем, младшим командиром взвода гаубичного артполка в Сибирском военном округе. Участник боев на Халхин-Голе (1939), младший комвзвода артдивизиона Дальневосточной Красноармейской особой армии, был ранен. Во время Зимней войны 1939—1940 гг. — командир минометного взвода 118-го лыжного батальона на Карельском перешейке, был контужен. В 1940—1941 гг. работал диспетчером на ст. Масельгская. В годы Великой Отечественной войны — командир отряда особого назначения и спецгруппы, действовавших в тылу противника на Карельском фронте (1941—1942). В одном из походов отморозил пальцы ног, их пришлось ампутировать. В последующие годы войны работал ст. диспетчером, зам. начальника военно-эксплуатационного отделения железной дороги, являлся инициатором соревнования за точное соблюдение графика движения поездов, что позволило значительно увеличить скорость продвижения поездов, сократить простой вагонов, обеспечить бесперебойные перевозки грузов для фронта и народного хозяйства. В 1945—1946 гг. — зам. начальника Медвежьегорского отделения Кировской железной дороги. В 1946—1948 гг. учился в Ленинградском институте инженеров железнодорожного транспорта, после окончания которого работал в Петрозаводском отделении Октябрьской железной дороги на различных руководящих и инженерных должностях.

Награды: орден Ленина, орден Красного Знамени, медали. Его имя носит улица в с. Паданы, на которой находился дом, в котором Е. И. Меккелев родился и жил.

Лит.: Незабываемое: Воспоминания о Великой Отечественной войне. Петрозаводск, 1974; Меккелев Е. И. [Некролог] // Ленинская правда. 1977. 18 авг.; Ермолович Н. По тонкому льду // Там же. 1984. 8 июля; Кайнулайнен Т. Жизненные версты земляка // Там же.

Мерецков Кирилл Афанасьевич (1897—1968), Герой Советского Союза (1940), Маршал Советского Союза (1944). В 1939—1940 гг. — командующий войсками Ленинградского военного округа и одновременно командующий 7-й армией на Карельском перешейке. С августа 1940 г. — начальник Генштаба, с января по сентябрь 1941 г. — зам. наркома обороны СССР. С сентября 1941 г. — представитель Ставки ВГК на Северо-Западном и Карельском фронтах. С 1942 г. — командующий Волховским фронтом. С февраля 1944 г. — командующий Карельским фронтом.

Награды: семь орденов Ленина, орден Октябрьской Революции, четыре ордена Красного Знамени, два ордена Суворова I степени, орден Кутузова I степени, орден «Победа».

Лит.: Великая Отечественная война 1941—1945 гг.: Энциклопедия. М., 1985. С. 444.

Мерикоски Вели Каарло (1905—1982), юрист и политик. В 1941—1970 гг. — профессор административного права Хельсинкского университета. В 1974—1977 гг. — канцлер (ректор) Высшей торговой школы Турку. В 1958—1960 гг. — председатель Народной партии (Kansanpuolue). В 1962—1963 гг. — министр иностранных дел. Во время Второй мировой войны — военный чиновник, начальник административного отдела ВУВК, выезжал в Германию с целью озна-

комления с работой административного управления Германии на оккупированных восточных территориях.

Лит.: *Facta* 2001, II. osa. Porvoo; Helsinki; Juva, 2001. S. 227; *Nykysuomen tietosanakirja*. I. osa. Porvoo; Helsinki; Juva, 1992. S. 579; *Suuri tietosanakirja*. Helsinki, 2001. S. 497; *Suuri henkilökirja*. Helsinki, 2001. S. 443.

Молотов (наст. фамилия Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890—1986), советский государственный, партийный и политический деятель. В 1920 г. — секретарь ЦК КП(б) Украины. В 1921—1930 гг. — секретарь ЦК ВКП(б), в 1930—1941 гг. — председатель СНК СССР. В 1941—1957 гг. — первый зам. председателя СНК (СМ) СССР, одновременно в 1941—1945 гг. — зам. председателя ГКО, в 1939—1949 гг. и 1953—1956 гг. — нарком, министр иностранных дел СССР. С 1957 г. — посол в МНР. В 1960—1962 гг. — постоянный представитель СССР при Международном агентстве по атомной энергетике. Член ЦК партии в 1921—1957 гг.

Награды: четыре ордена Ленина, многочисленные советские и иностранные ордена и медали.

Лит.: Великая Отечественная война 1941—1945 гг.: Энциклопедия. М., 1985. С. 459; *Лайдинен Э. П., Веригин С. Г.* Финская разведка против Советской России: Специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Северо-Западе России (1914—1939 гг.). Петрозаводск, 2004. С. 257—258.

Паасикиви (до 1885 г. Хеллстен) Юхо Кусти (27.11.1870, Коски, губ. Хяме — 14.12.1956, Хельсинки), финляндский государственный и политический деятель. Окончил Хельсинкский университет. 1918 г. — премьер-министр, в 1934—1936 гг. — председатель Национальной коалиционной партии, в 1936—1940 гг. — посланник в Швеции. 1939—1940 гг. — министр без портфеля в правительстве Рюти. В 1940—1941 гг. — посланник в СССР. 1941—1944 гг. — председатель правления частного банка в Хельсинки. 1944—1946 гг. — премьер-министр, 1946—1956 гг. — президент Финляндии.

Лит.: *Kuka kukin oli. Henkilötietoja 1900-luvulla kuolleista julkisuuden suomalaisista*. Helsinki, 1961. S. 376—377.

Палохеймо Олли (1894—1974), подполковник, затем полковник. С 19 августа 1943 г. до окончания войны и ликвидации ВУВК был начальником штаба Военного управления Восточной Карелии. До назначения на данную должность являлся начальником Олонецкого округа ВУВК.

Лит.: *Куломаа Ю.* Финская оккупация Петрозаводска, 1941—1944. Петрозаводск, 2006. С. 53; *Suuri henkilökirja*. Helsinki, 2001. S. 504.

Першукевич Иван Петрович (12.02.1912, ст. Барановичи, Белоруссия — 1982, там же), машинист, Герой Социалистического Труда (1943). Родился в рабочей семье. Окончил шесть классов общеобразовательной школы и поступил в школу ФЗО, освоил слесарное дело. Служил в рядах Красной Армии. После демобилизации окончил Волховское железнодорожное училище в Ленинградской области и был направлен на работу в Кемское локомотивное депо (КАССР). В годы Великой Отечественной войны стал инициатором скоростного вождения тяжелых поездов, освоил ремонт паровозов без помощи слесарей и кольцевую

езду, что позволило повысить техническую скорость и среднесуточный пробег паровоза, сэкономить топливо. В 1944 г. был направлен на курсы техников первого класса в г. Саратов. После их окончания уехал в Белоруссию, работал машинистом в депо ст. Барановичи.

Награды: орден Ленина, медали. Лауреат Гос. премий (четырежды).

Лит.: Очерки истории Карелии. Т. 2. Петрозаводск, 1964; Звягин Ю. Сверхнул, как метеорит // Сов. Беломорье. 1992. 20, 22 февр.

Прокконен (Прокопьев) Павел Степанович (16.07.1909, д. Ключина Гора Повенецкого уезда Олонецкой губ., ныне Суоярвского района РК — 18.07.1979, Петрозаводск) родился в семье крестьянина-бедняка. С 1925 г. работал в личном хозяйстве, лесорубом на лесозаготовках, продавцом кооператива, председателем комитета крестьянского общества кассы взаимопомощи, секретарем, председателем Ключиногорского сельского совета. В 1931—1934 гг. учился в Институте советского строительства им. М. И. Калинина (Ленинград). По окончании института работал инструктором исполкома Олонецкого райсовета, зам. председателя, председателем исполкома. В 1938—1940 гг. — зам. председателя Совнаркома КФССР, в 1940—1947 гг. — председатель СНК КФССР. В годы Великой Отечественной войны проводил большую работу по мобилизации трудящихся Карелии на помощь фронту. Дважды назначался уполномоченным ГКО по КФССР по лесозаготовкам и восстановлению Кировской железной дороги. В 1947—1950 гг. учился в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б), в 1957 г. окончил юридический факультет Ленинградского государственного университета (заочно). С 1950 г. — председатель Совета Министров, с 1956 г. — председатель Президиума Верховного Совета КАССР, в 1967—1979 гг. одновременно являлся зам. председателя Президиума Верховного Совета РСФСР. Похоронен в 1979 г. на Сулажгорском кладбище г. Петрозаводска.

Награды: два ордена Ленина, орден Отечественной войны II степени, два ордена Трудового Красного Знамени, орден Дружбы народов, два ордена «Знак Почета», медали.

Лит.: История экономики Карелии. Кн. 2: Экономика Карелии советского периода (1917—1991 гг.). Петрозаводск, 2005. С. 96.

Рюти Ристо Хейкки (03.02.1889, Хуйттинен — 25.10.1956, Хельсинки). Окончил Хельсинкский университет, юрист. В 1923—1940 гг. и 1944—1945 гг. — председатель правления банка Финляндии. В 1921—1922 гг. и 1922—1924 гг. — министр финансов. В 1939—1940 гг. — премьер-министр. В 1940—1944 гг. — президент Финляндии. В 1919—1924 гг. и 1927—1929 гг. — член парламента. В 1945 г. осужден к 10 годам лишения свободы за военные преступления, в 1949 г. помилован.

Лит.: Kuka kukin oli. Henkilötietoja 1900-luvulla kuolleista julkisuuden suomalaisista. Helsinki, 1961. S. 436; Fakta 2001, 14. osa. Porvoo; Helsinki; Juva, 2001. S. 182—183.

Саккеус Владимир Карлович (1903—1979), эстонец. Родился в Ленинградской области. Член РКП(б) с 1920 г. С 1927 г. — на комсомольской, партийной, советской и хозяйственной работе. Накануне и все годы Великой Отечественной войны являлся народным комиссаром рыбной промышленности КФССР.

Награды: орден Ленина, орден «Знак почета», медали.

Лит.: Страницы истории комсомола Карелии: Док. и материалы. Петрозаводск, 1978; Незабываемое: Воспоминания о Великой Отечественной войне. Петрозаводск, 1974. С. 337—338; Прокконен П. С. Героизм народа в дни войны. Петрозаводск, 1974. С. 125; Саккеус В. К. [Некролог] // Ленинская правда. 1979. 10 июля; История экономики Карелии. Кн. 2: Экономика Карелии советского периода (1917—1991 гг.). Петрозаводск, 2005. С. 104.

Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879—1953), один из руководящих деятелей Коммунистической партии и Советского государства. Член РСДРП с 1898 г. В 1919—1952 гг. — член Политбюро, с 1922 г. — Генеральный секретарь ЦК РКП(б) — ВКП(б) — ЦК КПСС, с 1941 г. — председатель СНК СССР. В период Великой Отечественной войны — председатель ГКО, нарком обороны, Верховный Главнокомандующий.

Награды: три ордена Ленина, три ордена Красного Знамени, орден Суворова I степени, два ордена «Победа» и др.

Лит.: Великая Отечественная война 1941—1945 гг.: Энциклопедия. М., 1985. С. 681.

Стефанихин Владимир Васильевич (22.06.1906, с. Кондуши Вытегорского уезда Олонецкой губ. — 09.09.1984, Петрозаводск) родился в семье сельского учителя. Длительное время работал в системе кооперации (1921—1930), прошел путь от счетовода до председателя городского потребительского общества г. Вытегры. Окончил экономический факультет Высшего педагогического института прикладной экономики (Москва). После его окончания был назначен начальником планово-экономического отдела Карельского потребсоюза, затем начальником Республиканского управления народно-хозяйственного учета (Петрозаводск, КФССР). Зам. председателя СНК КФССР (1941—1945). В годы Великой Отечественной войны являлся постоянным представителем КФССР при правительстве СССР. После организации Карело-Финской научно-исследовательской базы (филиала) АН СССР был назначен зам. директора, затем зам. председателя президиума КФ АН СССР (1946—1950). С 1950—1957 гг. — председатель Госплана КФССР (КАССР) и зам. председателя Совета Министров республики. В 1957—1973 гг. — ректор Петрозаводского государственного университета. В 1953 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Развитие промышленности в Карелии за годы Советской власти». Заслуженный деятель науки КАССР (1966).

Награды: два ордена Трудового Красного Знамени, орден «Знак Почета».

Лит.: Григорьев С. В. Биографический словарь: Естествознание и наука в Карелии. Петрозаводск, 1973. С. 216.

Соляков Петр Васильевич (19.01.1897, г. Вытегра Олонецкой губ. — 1962, Ленинград) родился в крестьянской семье. В 1916 г. был мобилизован в царскую армию. Участник Февральской и Октябрьской революций и Гражданской войны на Северо-Западе России. Член РКП(б) с 1918 г. В 1928—1937 гг. — на советской и хозяйственной работе в Вытегре и Ленинграде. С августа 1937 г. — председатель СНК КАССР, с 1940 г. — третий секретарь ЦК КП(б) КФССР по промышленности. Депутат Верховного Совета СССР и Верховного Совета КФССР.

В начале войны назначен председателем Республиканской комиссии по эвакуации. Комиссия принимала решения и определяла сроки эвакуации населения и предприятий Карелии, утверждала план выезда, распределяла транспорт. В годы Великой Отечественной войны руководил лесной промышленностью в республике. В 1947—1950 гг. — управляющий трестом «Южкареллес», зам. министра лесного хозяйства КАССР. Депутат Верховных Советов СССР и КФССР.

Награды: орден Трудового Красного Знамени, медали.

Лит.: Ленинская правда. 1982. 28 янв.; История экономики Карелии. Кн. 2: Экономика Карелии советского периода (1917—1991 гг.). Петрозаводск, 2005. С. 100.

Таннер Вяйнё (12.03.1881—19.04.1966), финляндский государственный и политический деятель. После 1918 г. — лидер Социал-демократической партии Финляндии. В 1926—1927 гг. — премьер-министр, в 1939—1940 гг. — министр иностранных дел. В 1946 г. на процессе над «виновниками войны» приговорен к пяти годам тюрьмы. Освобожден в 1948 г. В 1951—1954, 1958—1962 гг. — депутат парламента. В 1956—1964 гг. — председатель Социал-демократической партии Финляндии.

Лит.: Facta 2001, 16. osa. Porvoo; Helsinki; Juva, 2001. S. 308—309.

Туоминен Арво (Пойка) (1894—1981). В 1921—1940 гг. — член ЦК КПФ (с перерывами). В 1935—1940 гг. — Генеральный секретарь КПФ. В 1956—1962 гг. — главный редактор газеты «Kansan lehti». В 1956—1962 гг. — член парламента. Автор ряда книг, мемуаров.

Лит.: Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Финская разведка против Советской России: Специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Северо-Западе России (1914—1939 гг.). Петрозаводск, 2004. С. 272; Facta 2001, 17. osa. Porvoo; Helsinki; Juva, 2001. S. 117.

Фомина Анна Петровна (1920, Пряжинский район — ?), карелка. С начала войны — на строительстве оборонительных сооружений. С 1942 г. — лесоруб, затем бригадир комсомольско-молодежной бригады Маленгского лесопункта Беломорского района. Одна из инициаторов передовых методов работы в лесной промышленности республики.

Награды: орден Ленина, медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Удостоена звания лучшего лесоруба КФССР.

Лит.: Страницы истории комсомола Карелии: Док. и материалы. Петрозаводск, 1978. С. 207; Незабываемое: Воспоминания о Великой Отечественной войне. Петрозаводск, 1974. С. 324; Ленинская правда. 1987. 1 сент.; КГАНИ, ф. 3, оп. 6, д. 6927; ф. 26, оп. 2, д. 1648.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Авдеево, с. 412
Азовское море 178
Алавуоки, д. III
Алакуртти, ст. 235, 309, 453
Алакурттинский с/с 153
Алеховщина, д. 283
Алтайский край 196, 200
Англия 56
Андропова Гора, д. 265
Антреа, п. 177, 178, 180
Апатиты, г. 198
Архангельск, г. 38, 179, 231, 257, 259, 480
Архангельская обл. 34, 220, 221, 232, 233, 237—239, 245, 256, 261, 281, 296, 297, 404, 416, 417, 442
Астрахань, г. 178
Ахвенламби, д. 503

Б

Бабыя Губа, д. 389
Балтийское море 297, 472
Бараний Берег, п. 423, 498
Барановичи, ст. 514, 515
Баренцево море 42, 89, 216, 226, 231, 232, 241, 433, 477
Башкирская АССР 221
Белое море 216, 231, 232, 306, 307
Беломорск, г. (Сорока, с.) 33, 42, 202, 219, 222, 225, 229—231, 245, 261, 268, 280, 281, 288, 289, 298, 299, 310, 353, 404, 440, 442, 476, 477
Беломорский округ 31, 309
Беломорский р-н 178, 211, 218, 233, 235, 236, 241, 279, 397, 511
Беломорско-Балтийский канал 48, 50, 58, 101, 202, 231, 308, 309, 338, 453
Беломорье 149

Белоруссия (Белорусская ССР) 60, 87, 136, 165, 174, 183—185, 253, 256, 271, 440, 504, 508, 514, 515
Березовая Гора, д. 502
Березово, д. 270
Берлин, г. 17
Б. и М. Тютерсаари (Тютерс), о-ва 57
Большие Горы, д. 503
Большой Клименецкий, о. 285
Брянская обл. 253, 256, 271, 440

В

Вайниккала, ст. 145
Валаам, о. 149, 179
Вегарус, д. III, 128
Вегорукса, д. 498
Ведлозеро, с. 211, 497
Ведлозерский р-н 99, 109, 195, 212, 220, 223, 292, 300, 311, 314, 343, 389, 391, 393, 427, 432, 443, 452, 501
Великая Губа, с. 379, 497
Великий Устюг, г. 136
Великобритания 234
Великогубский с/с 498
Великолукский р-н 185
Великонивский с/с 498, 500
Венгрия 507, 510
Венесуэла 410
Верховье, д. 498
Вессало, хут. 300
Вехручей, д. 323
Вешкелица, с. 408
Виданский с/с 498
Видлица, с. 309, 345, 353—355, 363, 364, 393, 496, 500, 503
Видлицкий с/с 500
Виельярви, д. 398
Вилга, д. 364, 498
Виллагора, ст. 498

Вирандозеро, п. 229

Вирма, с. 241

Витасари, мест. 405

Витебская обл. 185

Вихула, поместье 294

Владимирская обл. 436

Водла, р. 231

Водлозеро, оз. 231, 283

Войница, д. 293, 503

Вокнаволоок, с. 388, 497

Волкостров, д. 390

Вологда, г. 42, 259

Вологодская обл. 136, 165, 183, 184, 220,
221, 232, 237, 238, 245, 256, 257, 261,
296, 297, 363, 404, 442

Воробы, д. 390

Ворское, с. 508

Восточная Карелия 32, 33, 255, 288,
306—314, 316, 318—321, 325—333,
339, 340, 343, 346—349, 353—356,
358, 362—364, 370, 374, 375, 380,
382, 390, 393, 394, 454, 455, 457,
458, 508, 511, 512, 514

Восточная Польша 37

Восточная Пруссия 444

Восточная Финляндия 31, 35, 39, 68,
69, 72—75, 76, 78, 148, 482

Вуокса, р. 153, 168, 175, 176, 399

Вуониска, д. 262

Выборг (Виипури, Випури), г. 42, 64,
65, 98, 140, 144—146, 148—150, 154,
163, 171, 172, 175—180, 182, 183, 185,
187, 205, 222, 266, 399, 410, 452

Выборгская, губ. 110, 143

Выборгский залив 177, 179

Выборгский р-н 153, 160, 163, 164, 173,
182—184, 187, 278, 475

Выгозеро, с. 232

Вытегорский уезд 516

Вытегра, г. 516

Вяртсиля, п. 122, 125, 174, 375

Вяцати, мест. 294

Г

Гаага, г. 251

Галицкий р-н 508

Гамово, д. 390

Германия 38, 42, 56—58, 65, 164, 200,
208, 213, 219, 225, 251, 252, 256, 293,
306, 308, 312, 333, 338, 363, 377,
380, 381, 396, 416, 422, 444, 455,
457, 458, 483, 509, 513

Гжатский уезд 508

Горное Шелтозеро, д. 287, 291, 323, 331,
392

Горький, г. 406

Горьковская обл. 221, 508

Грязовец, г. 136—139, 142, 144, 145

Гусьламбино, лес. уч. III

Д

Декнаволоок, д. 407

Днепропетровск, г. 440

Докучаево, д. 390

Е

Европа (Западная Европа) 54, 56, 60,
162, 202, 377

Европейский Север 27

Емцы, ст. 239

Ж

Женева, г. 135

З

Заонежский п-ов 221

Заонежский р-н 196—198, 221, 223, 263,
285—287, 292, 311, 343, 378, 390,
391, 393, 442, 452, 497, 498, 500, 502

Заонежье 30, 43, 221, 314, 353, 379, 381,
383, 460, 477, 483, 508

Заполярье 48, 62, 254

Зарецкий р-н 423

Застенок, д. 507

Зашеек, г. и ст. 198, 261

И

- Ивановская обл. 136
 Игнойла, д. 68, 74, 107, 108, III, 128
 Идель, ст. 511
 Илемсельга, ст. 298, 299, 500
 Иломантси, г. 58
 Ильинское, с. (Ильинский, п.) 222, 363, 366, 368, 441, 496, 502
 Иматра, г. 156
 Импилахти, п. 502
 Ингерманландия 50, 397
 Интерпоселок, п. 109, III—III, 118, 120, 122—124, 128, 129, 450
 Иоханнес (Советский), п. 164, 170, 171, 183
 Иркутская обл. 136, 256
 Испания 492
 Италия 56

Й

- Йоэнсуу, г. 36, 58, 62, 149, 278, 293, 309, 324, 408

К

- Кавгозеро, д. 363
 Кавгора (Гоймае), п. 109, III, 112, 118, 122—124, 127, 128, 450
 Казахская ССР (Казахстан) 136, 420
 Кажемский с/с 498
 Кайкаваара, д. 127
 Кайлаа, д. 69
 Кайнуу, пров. 22, 126, 127
 Кайрольский с/с 153
 Калаякко, хут. 398
 Калевала, п. (Ухта, с.) 42, 89, 90, III, 112, 116, 122, 124, 129, 130, 139, 278, 306, 309, 407, 450, 453
 Калевальский (Ухтинский) р-н 22, 38, 77, 82, 109, III—III, 123—125, 128—130, 195, 205, 213, 220, 223, 224, 277, 310, 389, 407, 450, 452, 497, 503
 Калининская обл. 90, 165, 183, 185, 253, 254

Каменный Наволок (Каменьнаволоок), д. 400, 405—407

Канада 32

Кангозеро, д. 501

Кандалакша, г. 197, 296

Кандалакшский р-н 136, 261

Кануссуо, п. 77, III—III, 116

Карасозерский с/с 498

Каргополь, г. 257

Карелия (Карельская АССР, Карело-Финская ССР) 10—13, 19, 20, 22—33, 44—54, 56—59, 67, 68, 77, 78, 80—91, 93, 95, 99, 101, 104, 105, 108—115, 117—125, 127—130, 143, 148, 150—153, 158, 160, 162—181, 183—187, 192—205, 208—225, 228—231, 233, 235—246, 249, 251, 253—258, 260—263, 265, 266, 268—272, 276—283, 285—293, 298, 301, 302, 306, 308—316, 318—322, 325, 326, 328, 329, 332, 334, 338—340, 343—345, 348, 350—353, 356—358, 362—364, 366, 369, 372, 373, 375, 378, 379, 381—383, 386, 388, 391, 393—398, 400, 403, 407—409, 411—413, 418—421, 423—432, 435—440, 442, 444, 446, 447, 449—459, 492, 493, 496, 501, 503, 507, 508, 510—512, 515—517

Карельский перешеек 59, 60, 62, 64, 65, 71, 72, 87—89, 91, 92, 100, 104, 105, 148, 150, 161, 165—167, 170, 176—179, 181, 188, 191, 202, 205, 222, 231, 306, 308, 343, 399, 449, 451, 477, 487

Каспийское море 178

Каяни, г. 293, 295, 326, 375, 394, 397, 511

Кексгольм (Кякисалми, Приозерск), г. 101, 148, 149, 155, 164, 169—172, 177—180, 187, 197

Кексгольмский р-н 153, 160, 164, 173, 178, 182, 183, 185—187, 278, 475

Кемь, г. 119, 205, 218, 219, 222, 230, 234, 261, 310, 329, 438

Кемский р-н 136, 211, 233

Кестеньга, п. 262, 309, 453, 497

Кестеньгский р-н 109, 153, 195, 220, 277,
310, 497
Кианта, д. 108
Киантоярви, оз. 295
Киев, г. 407, 440
Кижи, о. 197
Кийтоярви, д. 107
Кильзамо, уч. III
Кимасозеро, д. 492
Киндасово, д. 364, 365, 497
Кинелахта, п. 354
Кинтезьма, п. 77, 108, III—III, 120, 122—
125, 128—130, 450
Киров, г. 239
Кировская обл. 165, 183, 220, 233, 238,
245
Кировский р-н 197
Кишинев, г. 510
Кияна, д. III
Киянтиниэми, д. 106
Ковера, д. 503
Койвисто (Приморск), г. 57, 62, 148, 172
Космозерский с/с 498
Коропа, д. 497
Клименецкий, о. 380
Клюшина Гора, д. 493, 515
Койвоскюи, д. 128
Койкарский с/с 501
Коймайоки, р. 156
Койриноя, ст. 375
Кокоярви, д. III
Колатсельга, д. 211, 354, 355
Колвасозеро, д. 364, 365, 497
Колежма, с. 229, 232
Колика, д. 75
Кольский п-ов 51, 89, 91, 196, 197, 199
Кольский р-н 199
Коми АССР 220, 221, 256, 259
Комлево, д. 498
Кондопога, г. 78, 122, 129, 169, 202, 205,
222, 231, 266, 291, 341, 378, 440, 501,
502, 508

Кондопожский р-н 45, III, 123, 128, 129,
263, 299, 314, 378, 380, 400, 428,
450, 498—501, 503
Кондуши, с. 516
Коноша, п. 179
Копро-Ламби, хут. 420
Корза, д. 501
Косалма, д. 297, 408
Космозеро, д. 497
Космозерский с/с 498
Костомукша, д. 407
Костромская обл. 512
Коткозеро, с. 355
Красная Сельга, д. 498
Красноярск, г. 220, 237, 238
Красноярский край 256, 259
Кронштадт, г. 57
Крошнозеро, с. 211
Кубань 178
Кузаранда, д. 197
Куйкканиэми, д. 70
Куйтежа, д. 502
Куйто, оз. 124
Куккопуру, лес. уч. II, III
Кумсозеро, д. 503
Куолаярви, д. 107
Куолаярвский с/с 153
Кургеницы, д. 390
Курканиэми, д. 176
Куркиеки, п. 180, 182, 183, 185, 375, 472,
473, 502
Куркиекский р-н 153, 160, 163, 164, 176,
178, 183—187, 444, 475
Курск, г. 404
Курьяла, д. 400
Кутижма, д. 364, 499
Куусамо, г. 107, 309
Кухмо, п. 106
Кяппесельга, п. и ст. 266, 285, 498

Л

Лавансаари (Мощный), о. 57, 62
 Ладва, с. 242, 502
 Ладожское оз. 42, 62, 65, 95, 149, 177—
 180, 216, 219, 226, 231, 296, 307,
 363, 406, 433, 477
 Ламбасручей, д. 287, 498
 Ламминсельгя, хут. 398
 Лапландия 482
 Лаппенранта, г. 293
 Латвия (Латвийская ССР) 294, 444
 Лахденпохский р-н 173
 Лахденпохья, г. 148, 162, 172, 174, 202, 375
 Леликово, д. 393, 498
 Лемболово, оз. 399
 Ленинград (Санкт-Петербург), г. 14,
 27, 32, 51, 56—58, 62, 63, 71, 72, 78,
 79, 87, 101, 148, 150, 161, 166, 169,
 172, 175, 176, 179, 211, 223, 233, 234,
 262, 377, 405, 418, 440, 451, 456, 493,
 507, 509, 510, 512, 515, 516
 Ленинградская обл. 85, 88, 101, 105,
 124, 150, 153, 162, 165—167, 173, 174,
 176, 177, 194, 253, 256, 261, 283, 296,
 297, 312, 362, 363, 388, 404, 427,
 436, 501, 515
 Ленстеръярви, д. 73
 Леппясюрья, д. 408
 Лесной, п. 261
 Летнереченский, п. 203
 Летний, п. 285
 Лехта, с. 261
 Лехтоваара, д. 76, 128
 Лиекса, г. 278
 Лиминка, д. 107
 Линнамяки, хут. 76
 Липери, д. 324
 Липовицы, д. 380
 Липовецкий мыс 380
 Липола (Котово), д. 57
 Литва (Литовская ССР) 444
 Ловииса, г. 325

Ловозерский р-н 122
 Лодейное Поле, г. 204, 216, 330
 Лодейнопольский р-н 136, 502
 Лоймола, п. и ст. 375, 502
 Лондон, г. 234
 Лонгасы, д. 287
 Лонка, КПП 122, 124, 125
 Лососинка, р. 313, 339, 341
 Лососинное, д. 364, 498
 Лоухи, п. и ст. 233, 234
 Лоухский р-н 236
 Лубосалми, д. 278
 Луга, г. 87
 Лумбушский с/с 499
 Лумийоки, д. 107
 Лункулансаари, о. 95, 96
 Лутта, п. 260
 Ляскеля, п. 164, 170, 180, 182, 441

М

Майкоп, г. 480
 Маймаламби, д. 128
 Майнила, д. 59
 Маленга, п. 229, 437, 517
 Малошуйская, ст. 234
 Мантсинсаари, о. 178
 Марнаволок, п. 261
 Масельгская, ст. 216, 235, 308, 513
 Масельгский округ 31, 309
 Маткаселькя, д. 375, 502
 Матросский с/с 498
 Матросы, п. 498
 Машезерский с/с 497
 Мегоостров, о. 223
 Медвежьегорск, г. 197, 202, 203, 205,
 211, 219, 225, 242, 256, 266, 278, 285,
 294, 295, 353, 407, 440, 441, 497,
 499, 502, 503, 513
 Медвежьегорский р-н 68, 136, 196—
 198, 211, 218, 292, 296, 373, 378, 380,
 403, 499, 500, 501, 503, 511

Медвежья Гора, ст. 51, 196, 198, 291,
354, 499
Мергуба, д. 265
Миеслахти, мест. 125, 126, 326
Миккели, г. 309
Мийнала, п. 172
Минала, д. 400, 405—407
Минск, г. 35, 43, 87, 477
Минская обл. 507
Миэхиккяля, д. 501
Могилевская обл. 185
Моздок, г. 507
Мойсенваара, д. 69, 74, 107, 111, 128
Молотовская (Пермская) обл. 233, 239
Мончегорск, г. 198
Мордовская АССР 136, 165, 183
Москва, г. 16—19, 56, 57, 61, 65, 67, 79,
86, 112, 113, 120, 121, 129, 148, 154,
156, 157, 179, 193, 196, 199, 200, 211,
212, 229, 234, 239, 254, 258, 260,
281, 288, 298, 299, 404, 426, 428,
440, 449, 458, 492, 508, 516
Московская обл. 406, 436
Муезерский р-н 503
Мурманск, г. 51, 57, 58, 196, 197, 216, 217,
234, 263, 296, 308, 309, 424, 453,
480—482
Мурманская обл. 27, 34, 41, 88, 89, 105,
122, 124, 136, 196—200, 206, 260,
296, 297, 424, 474
Мухос, д. 107
Мюря, нп. 156
Мяксинский р-н 183, 184

Н

Надвоицы, п. 51, 203
Найстенъярви, д. 111, 128
Намоево, д. 409
Наро-Ярви, д. 405
Нева, р. 175, 176
Нивала, хут. 108
Нидерланды 277

Ниеменкюля, хут. 398
Нилосаари, д. 128
Новгородская обл. 436
Новосибирская обл. 221
Новые Пески, д. 502
Норвегия 136, 308, 457
Норильск, г. 270
Нюхча, с. 232, 281

О

Обжа, д. 501
Обозерская, ст. 217, 229, 234, 235
Оланга, с. 310
Олонец, г. (Аунуслинна — в годы ок-
купации) 222, 266, 318, 319, 330,
331, 353—355, 441, 452, 497, 502
Олонецкая губ. 493, 511, 512, 515, 516
Олонецкий округ 31, 289, 309, 311, 340,
342, 351, 355, 363, 364, 371, 373, 514
Олонецкий р-н 68, 90, 107, 109, 195, 212,
293, 311, 378, 390, 391, 393, 397, 421,
432, 442, 444, 496, 500—503
Онега, г. 281
Онежское оз. 196, 219, 221, 231, 262, 287,
306, 307, 336, 380, 383
Орзегга, д. 498
Орловская обл. 165, 183, 185, 253, 256
Остамо, п. 183
Оулуйоки, р. 107
Охта, р. 399
Ош, г. 507

П

Паалу, д. 363
Паданы, с. 264, 316, 389, 497, 512
Падмозеро, д. 380, 390
Пай, д. 502
Палтега, д. 498, 500
Паннила, д. 389
Патрово, д. 379
Пегрема, д. 498

- Пейпохья, ст. 406
 Пергуба, д. 499
 Перл-Харбор, база 127
 Перттисельки, д. III
 Пески, д. 380
 Песчаное, д. 197
 Петровский р-н 90, 109, 195, 212, 314, 407, 408, 496
 Петроград (Петроградская губ.) 377, 410
 Петрозаводск, г. (Яанислинна — в годы оккупации) 14, 27, 29, 30, 48, 62, 68, 72, 79, 85—87, 91, 98, 100, 117, 122, 129, 131, 132, 136—140, 145, 152, 171, 172, 178—180, 192—194, 196, 199, 202, 205, 211, 213, 215, 217, 218, 222, 223, 225, 255, 256, 271, 278, 280, 283, 285, 287—290, 294—300, 309, 313—316, 318—320, 323, 324, 327, 328, 330, 339, 340, 342, 343, 352—361, 363, 364, 366, 368—372, 376—378, 380, 381, 389, 393, 394, 397, 398, 400—403, 405—411, 422, 423, 427, 438—442, 445, 452, 455, 493, 496—498, 500, 502, 515
 Петсамо (Печенга), г. 22, 69, 87, 89, 122, 126, 155, 294
 Пеуро, д. 75, 143
 Пильзамо, п. 119
 Пиндуши, п. 203
 Питкяранта, г. 168—172, 180, 345, 353, 440, 441, 473
 Питкярантский р-н 153, 160, 163, 172, 173, 176, 178, 182, 183, 185, 187, 444, 502
 Повенец, с. 51, 217, 437
 Повенецкий уезд 493, 511, 512, 515
 Поволжье 31, 420
 Погранкондуши, д. 363
 Покровский с/с 499
 Полесская обл. 185
 Польша 19, 252, 457
 Полярный круг 87
 Полярный р-н 199
 Померания 42
 Поросозеро, п. 88—90, 256, 266, 450, 508
 Потьма, п. 136
 Похъела, д. 156
 Прага, г. 294
 Прибалтика 60, 440, 444
 Приладожская Карелия (Приладожье) 22, 38, 40, 148, 149, 306, 477, 480
 Приладожье (Северное и Западное) 161, 166, 167, 176, 178, 179, 202, 231, 302, 343, 451, 478, 484, 508
 Прионежский р-н 90, 223, 242, 263, 286, 292, 299, 378, 380, 391, 393, 408, 437, 452, 498, 502, 503
 Прионежье 374
 Пряжа, с. 129, 266, 355
 Пряжинский р-н 109, III, 123, 128, 129, 195, 212, 230, 284, 299, 300, 311, 380, 400, 427, 450, 497—499, 501, 503, 517
 Прякила, д. 266
 Пудож, г. 231, 282, 296, 438, 508
 Пудожский р-н 68, 196—198, 211—213, 219, 231, 233, 235, 241, 261, 403, 442
 Путивль, г. 136
 Пюериття, д. 375
 Пюхяселькя, д. 324
 Пюхьярви, п. 183
 Пююккескюля, д. 74, 76, 77
 Пяозерский Наволок, д. 501
- ## Р
- Рабочеостровск, п. 261
 Райселя, п. 183
 Раума, г. 326
 Раутаваара, д. 107
 Раухиала, п. 149, 153, 169, 175
 Реболы, с. 261, 309, 441, 503
 Ребольский р-н 109, 195, 220, 277, 310, 497
 Ренкюля, д. 262

Рига, г. 35
 Риухтоваара, д. 113
 Рованиеми, г. 293—296, 300, 377, 400
 Ровно, г. 288
 Рожнаволок, д. 501
 Розмега, д. 390
 Роттердам, г. 277
 РСФСР (Россия, Российская Федерация) 8, 14, 16, 23, 28, 29, 32—35, 38—41, 130, 150—152, 164, 166, 190, 196, 237, 238, 249, 252, 253, 294, 296, 302, 303, 306, 316, 325, 364, 388, 395, 397, 400, 410, 414, 422, 431, 451, 457—459, 468—471, 480, 484, 486, 487, 489, 491, 492, 504, 505, 507, 510—512, 514, 517
 Ругозеро, с. 309, 453
 Ругозерский р-н 109, 195, 310, 502
 Руйга, д. 285
 Руоколаhti, хут. 299, 400
 Руокоярви, д. 501
 Рускеала, п. 177, 441
 Рухтинаансалми, д. 75—77, 106, III, 119, 126
 Рыбачий п-ов 57, 62
 Рыбинск, г. 507
 Рыбрека, п. 197
 Рыло, д. 512
 Рязанская обл. 165, 183, 185, 270

С

Саамский р-н 199
 Савитайпале, хут. 400, 407
 Савонлинна, г. 398, 400
 Савукоски, д. 263
 Сайменский канал 149
 Салла, д. 263
 Саллас, г. 143
 Салменица, д. 292, 503
 Салми, с. 58, 73, 95, III, 143, 172, 177, 178, 183, 375, 502
 Салминский р-н 186

Самбатукса, д. 355
 Саратов, г. 515
 Сарола, о. 178
 Свердловск, г. 258
 Свердловская обл. 221, 245, 246, 256
 Свирь, р. 42, 289, 306, 307, 353, 427
 Святнаволок, д. 364, 400, 496
 Север 28, 30, 52, 53, 212, 218, 244, 268, 272, 293, 298, 419, 420, 422, 456
 Северная Европа 27
 Северная Финляндия 107, 127
 Северодвинск, г. 257
 Северо-Запад России (СССР) 27, 54, 79, 173, 202, 215, 238
 Северо-Осетинская АССР 507
 Сегежа, г. 168, 169, 217, 222, 231, 244, 258, 261, 283, 285, 296, 297, 439, 508
 Сегежский р-н 136, 220
 Сегозеро, оз. 231, 266
 Сегозерский р-н 93, 101, 223, 285, 292, 389, 427, 432, 452
 Сейскари (Лесной), о. 57, 62
 Селкоскюля, д. 140
 Сельга, д. 264
 Семеново, д. 197
 Семчегора, д. 499, 503
 Семчезеро, д. 511
 Сенная Губа, д. 197
 Сестрорецк, г. 142, 145
 Сестрорецкий р-н 136, 140
 Сибирь 31, 119, 120, 129, 137, 237, 405, 420, 456
 Сибово, д. 380
 Сиикасалми, д. 324
 Сильмаселькя, оз. 294
 Симбирск, г. 509
 Симола, ст. 145
 Сипола, д. 143
 Сичи, д. 390
 Смоленск, г. 401, 403
 Смоленская обл. 165, 183, 253, 271, 405

- Соданкюля, г. 485
 Соломенное, п. 222, 223, 286, 339—343, 354, 393, 438, 502
 Сольвычегодский уезд 512
 Сопоха, д. 400
 Сортавала (Сердоболь), г. 35, 40, 58, 65, 105, 125, 140, 148, 149, 154, 162, 162, 172—174, 176—180, 182, 185, 187, 197, 202, 205, 222, 223, 302, 326, 375, 394, 407, 441, 452, 472, 473, 480, 484, 502, 508
 Сортавальский р-н 153, 160, 163, 164, 173, 178, 180, 182—185, 187, 444, 501
 Сосновец, п. и ст. 261, 283
 Спасская Губа, с. 266
 Средний п-ов 62
 Средняя Азия 507
 СССР (Советский Союз) II—20, 22—24, 27—33, 46—50, 52, 56—68, 70—72, 74, 78—80, 84, 86, 92—94, 99—101, 105, 107—109, III—II5, II7—130, 135—146, 148—158, 160—168, 171—176, 178—184, 187, 197—200, 204, 210, 212, 213, 216—219, 224, 225, 232, 236, 239—242, 244, 249, 251, 253—255, 258, 262, 277, 281, 282, 285—288, 292, 293, 297, 298, 300—302, 306—308, 312, 332, 334, 338, 343, 363, 377, 380, 381, 387, 388, 396, 397, 399, 400, 403, 405—411, 413, 419, 421—423, 425, 426, 435, 437—440, 442, 445, 449—452, 454—456, 458, 459, 492, 493, 507, 509—511, 513, 514, 516
 Сталинград (Волгоград), г. 237, 268, 404
 Стокгольм, г. 16, 17, 288, 377
 Сумский Посад, с. 229, 230
 Сумская обл. 136
 Суна, с. 222
 Сунозеро, с. 203
 Сунский с/с 498
 Суомуссалми, г. 22, 36, 74—77, 82, 106, 107, 115, 119, 123, 126, 127, 140, 284, 294—296, 300, 375, 400, 407
 Суояйоки, д. 499
 Суоярви, г. 22, 58, 69, 73, 74, 88, 90, 98, 110, 122, 166, 171, 172, 177—180, 183, 353, 375, 450, 473, 502, 515
 Суоярвская вол. (приход) 69, III, 126
 Суоярвский р-н 22, 78, 153, 160, 163, 182, 183, 185, 187, 408, 444, 493, 498
 Суурисельга, д. 74
 Суурсаари (Готланд), о. 57, 62
 Суйстамо, ст. 88
 Сухое, с. 232
 США 52, 127, 164, 506
 Сяккиярви, д. 183
 Сямозерский с/с 499
 Сяргозеро, д. 389
- ## Т
- Тайшет, г. 136
 Таллин, г. 294
 Таммисуо, ст. 144
 Тампере, г. 23, 98
 Тарту, г. 306
 Татарская АССР 165, 183, 185, 186, 221
 Ташкент, г. 256, 507
 Теммес, д. 107
 Тервасоя, д. 498
 Терехово, д. 498
 Териберка, п. 231
 Териоки (Терийоки, Зеленогорск), г. 60, 61, 78, 89, 92, 97, 101, 131, 137, 140, 141, 377
 Термолото, д. 399
 Тикша, п. 266
 Тикшозеро, д. 502
 Типиницы, с. 197
 Толвуйский с/с 498, 500
 Толвуя, с. 197, 498
 Толтуново, д. 508
 Томицы, ст. 341
 Торосозеро, д. 503
 Торнио, г. 89
 Торунь, г. 92

Тосненский р-н 410

Тронгсунд, г. 179

Туливаарский с/с 497

Туломайоки, р. 177

Тулон, о. 178

Тумба, п. 412

Тунгудский р-н 212, 213, 437

Турку, г. 513

Тюрнявя, д. 107

У

Удмуртская АССР 221

Ужесельга, п. 343

Узбекистан (Узбекская ССР) 507

Украина (Украинская ССР) 60, 87, 136,
174, 256, 288, 440, 506, 514

Улеаборг (Оулу), г. 96

Улялега, д. 400, 401, 403—407

Уница, д. и ст. 266, 498

Урал 237, 440

Урусозеро, ст. 513

Усланка, д. 363, 501

Усть-Яндома, д. 380

Утаярви, д. 107

Ууксу, д. 375, 502

Ф

Федотово, д. 498

Финляндия (Финляндское государство,
Финляндская Демократическая Рес-
публика) 13—29, 31—33, 56—72, 74,
77—80, 84—86, 89—101, 105, 106,
110, 111, 113—127, 129, 130, 135—146,
148—157, 160, 161, 163—165, 167,
168, 172—174, 177, 178, 186, 187, 193,
197, 225, 249—251, 252, 255, 256,
263, 271, 284, 286—291, 293, 294,
296, 299, 300, 302, 306—311, 316—
322, 324—329, 331—333, 342—347,
349, 351, 353, 356, 357, 362—364,
367, 372, 374—378, 380—382, 388,
389, 391—400, 402, 404—413, 422,
424, 425, 427—429, 431, 441, 449—

451, 454—459, 491—493, 496—501,
505, 508, 511, 512, 514, 515, 517

Финский залив 57, 62, 177, 178, 231, 296,
306, 449

Франция 58, 60

Фрунзе, г. 507

Х

Хаапаваара, д. 76

Хабаровский край 508

Хайкаля, п. 261

Хамина, г. 512

Ханко, п-ов 57, 62, 65, 407

Харлу, п. и ст. 168, 182, 183, 441

Хаутаваара, д. 69, 74, 107, 110, 111, 128

Хельсинки, г. 19—21, 25, 37, 42, 60, 64,
65, 80, 81, 87, 91, 101, 140, 154, 249,
288, 311, 325, 327, 331, 332, 353, 392,
409—411, 474, 479, 488, 509, 513—
515

Хелюля, п. 162, 172, 202, 438

Хийтола, п. и ст. 375, 502

Хуттула, д. 69, 111

Хюрсюля, д. 22, 74, 107, 111, 128

Хюрюнсальми, г. 126

Ч

Чебино, д. 499, 503

Чебинский с/с 501

Челябинская обл. 221, 245

Череповец, г. 404

Череповецкий р-н 183, 184

Чирка-Кемь, р. 262, 265

Чувашская АССР 221

Чупа, п. 230

Ш

Шала, с. 218, 219, 231, 282

Шароваара, д. 501

Швеция 139, 164, 252, 377, 400, 405—
408, 410, 411, 492, 514

Шелтозеро, с. 291, 314, 323, 349, 395,
413, 497
Шелтозерский р-н 101, 196—198, 223,
263, 282, 286, 287, 290, 291, 300,
322, 343, 358, 392—394, 420, 427,
428, 432, 452, 497
Шижня, с. 232, 279
Шокша, с. 101, 197
Шотозеро, оз. 299, 390, 400
Шуньга, с. 197, 263
Шуя, р. 172
Шуя, с. 498, 499

Э

Элисенваара, ст. 375, 502
Энгозеро, ст. 234
Энсо, п. (Светогорск, г.) 154—157, 162,
168—171, 175, 176, 202
Эстония 293, 294

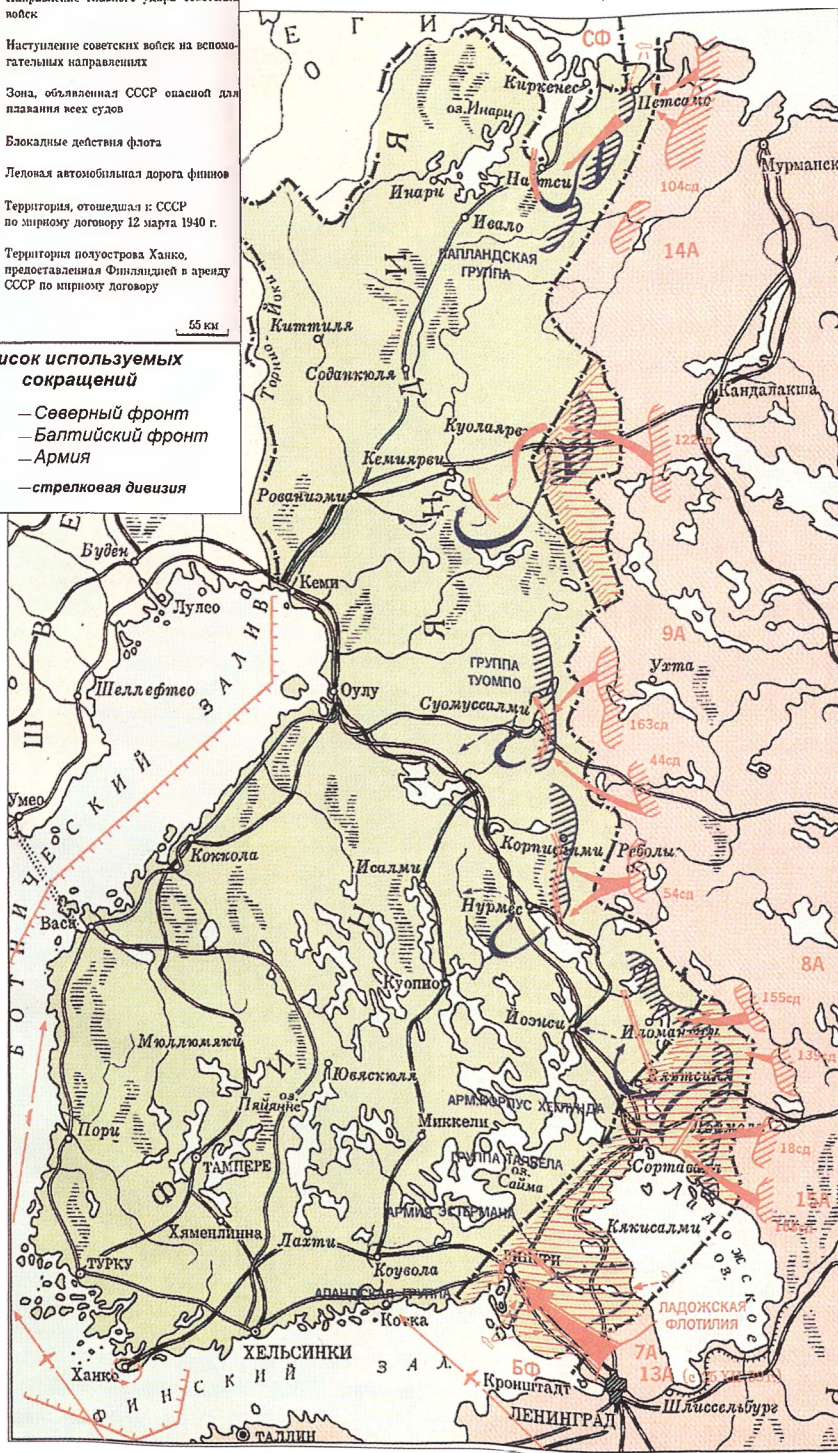
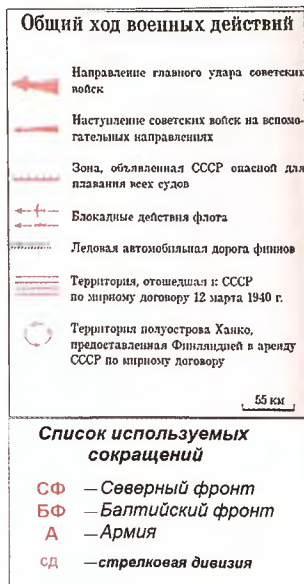
Ю

Ювяскюля, г. 478
Южная Рейкеля, д. 156
Юливуоки, д. 111
Юнтусранта, д. 22, 74, 76, 78, 106, 122,
126, 293
Юркостров, д. 501
Юстозеро, д. 266, 499
Юшкозеро, с. 112, 117, 128, 166, 310

Я

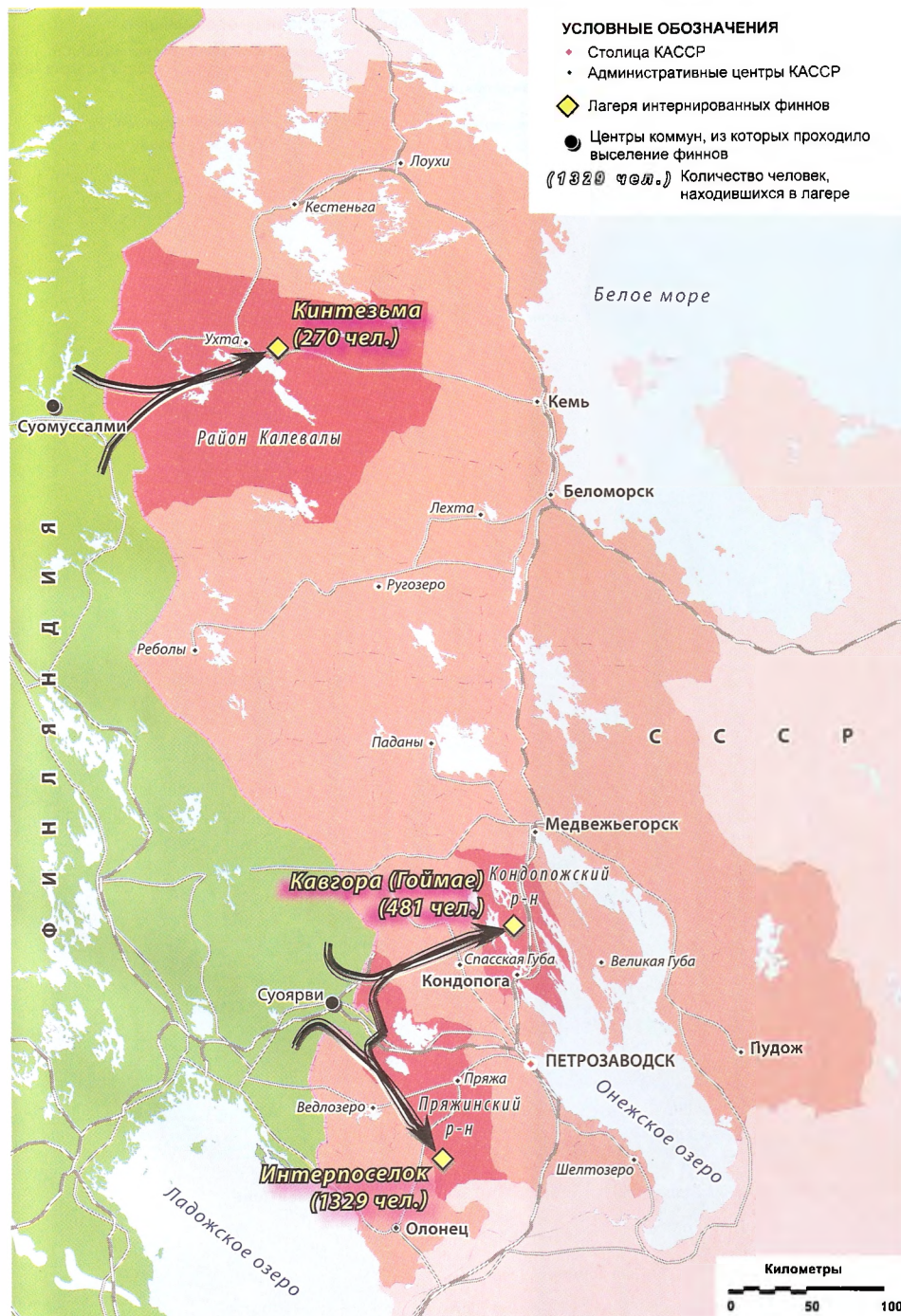
Яаппа, д. 75
Ялгуба, д. 286
Ямя, п. 143
Ямся, д. 326
Янисъярви, оз. 177
Янишполе, д. 498
Япония 127
Ярославль, г. 507
Ярославская обл. 220, 256, 436, 508
Яскийский р-н 153, 160, 163, 164, 168,
173, 183, 186, 187, 475

Общий ход боевых действий советско-финляндской войны 1939—1940 гг.*

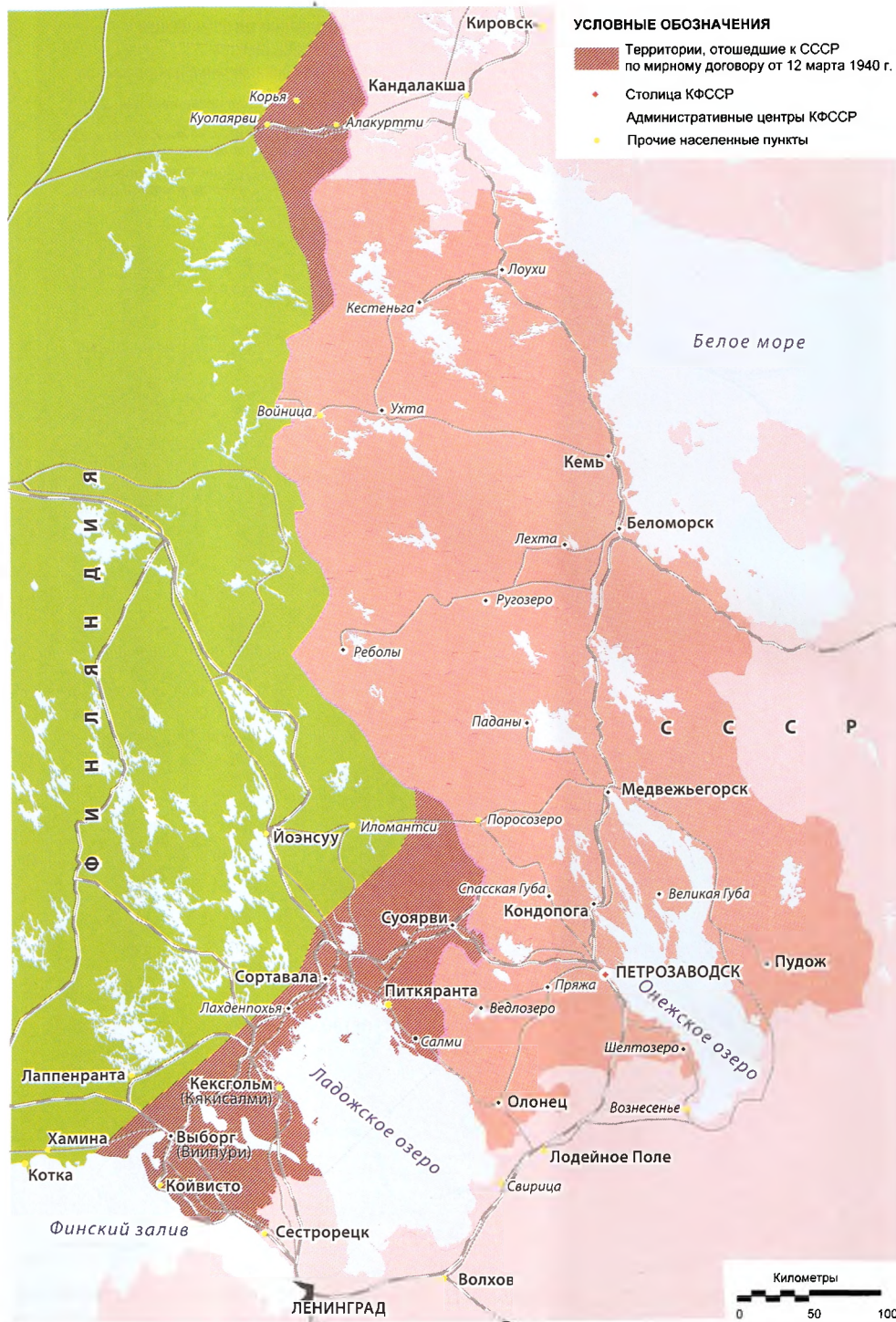
* Родина. 1995. № 12; Атлас офицера. М., 1974. С. 244.

Лагерь интернированных финнов на территории Карельской АССР в период Зимней войны 1939—1940 гг.*

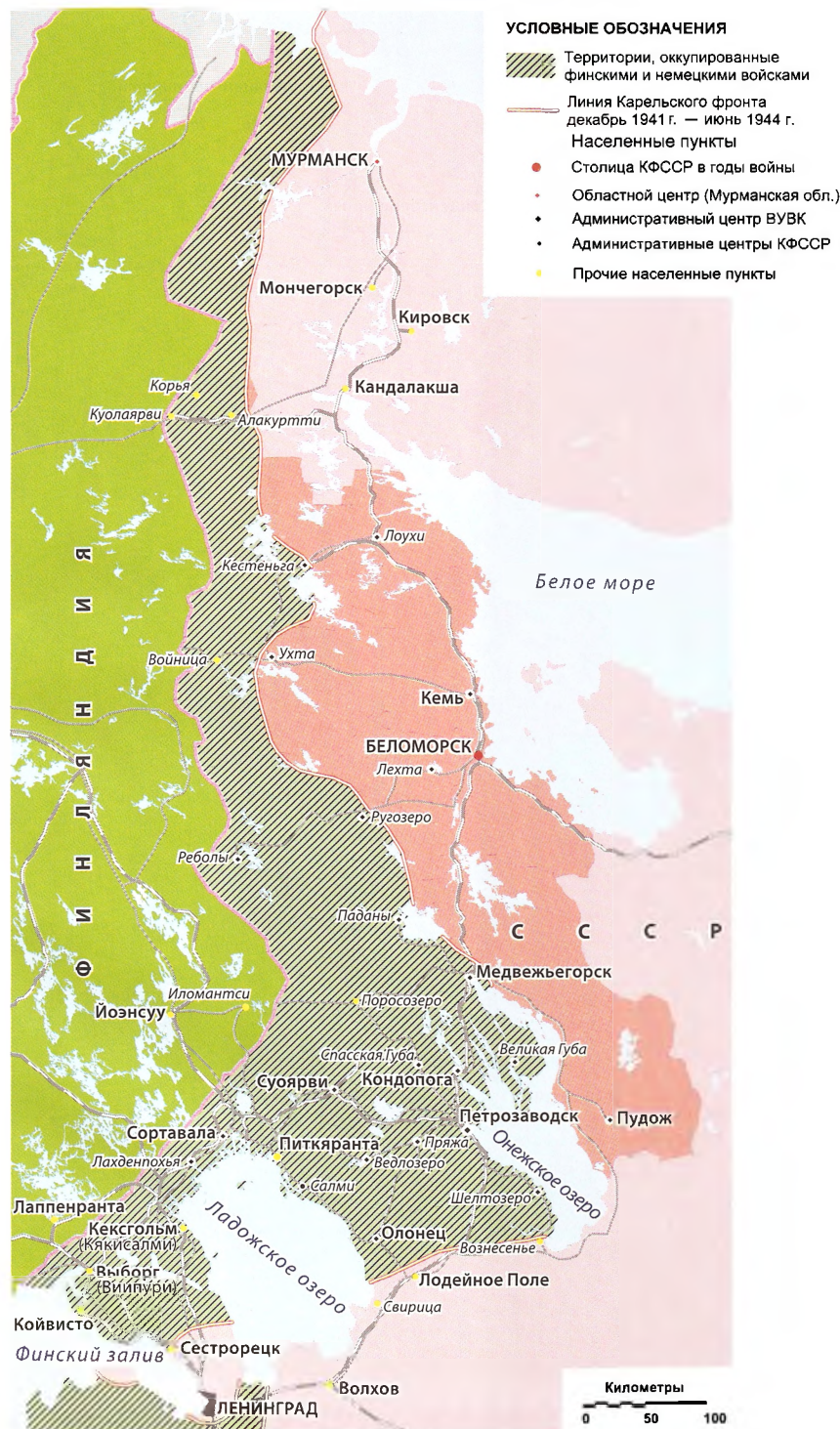
* Составлена по: Веригин С. Г., Лайдинен Э. П., Кямярйнен Ю. Заложники Зимней войны: Интернированные финны на территории Калевальского района Советской Карелии в период Зимней войны 1939—1940 гг. Петрозаводск; Йоэнсуу; Суомуссалми, 2004. С. 80; Архив УФСБ РФ по РК, ф. 35, п/ф. 20, д. 66, л. 23—26.

Финские территории, вошедшие в состав Карело-Финской ССР в 1940 г.*

* Составлена по: История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 591.

Линия Карельского фронта в период Великой Отечественной войны (декабрь 1941 г. — июнь 1944 г.)*

533

Карты

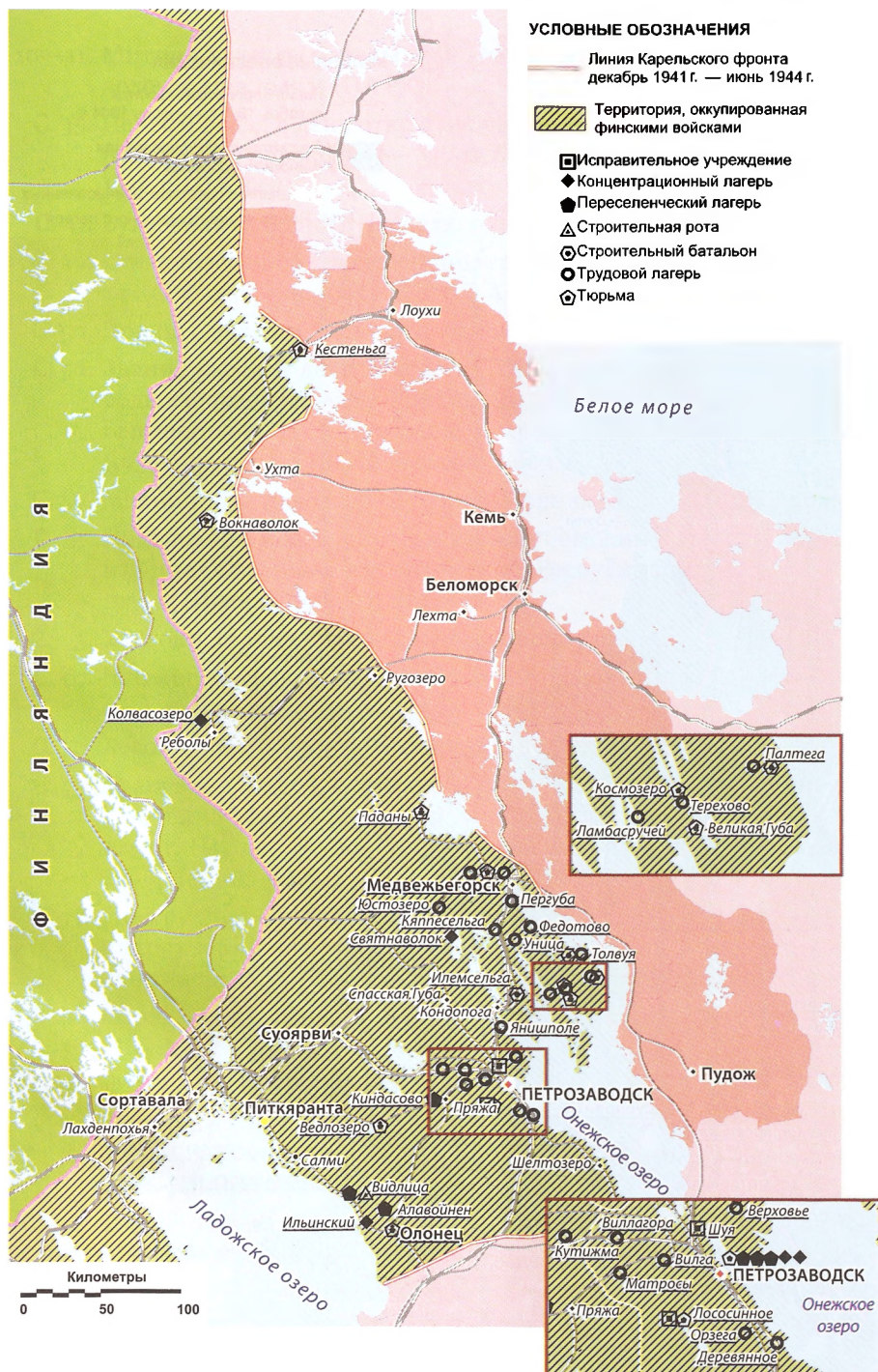
* Составлена по: Карельский фронт в Великой Отечественной войне. М., 1984. С. 65.

Размещение концентрационных (переселенческих) лагерей на территории г. Петрозаводска в 1944 г. *

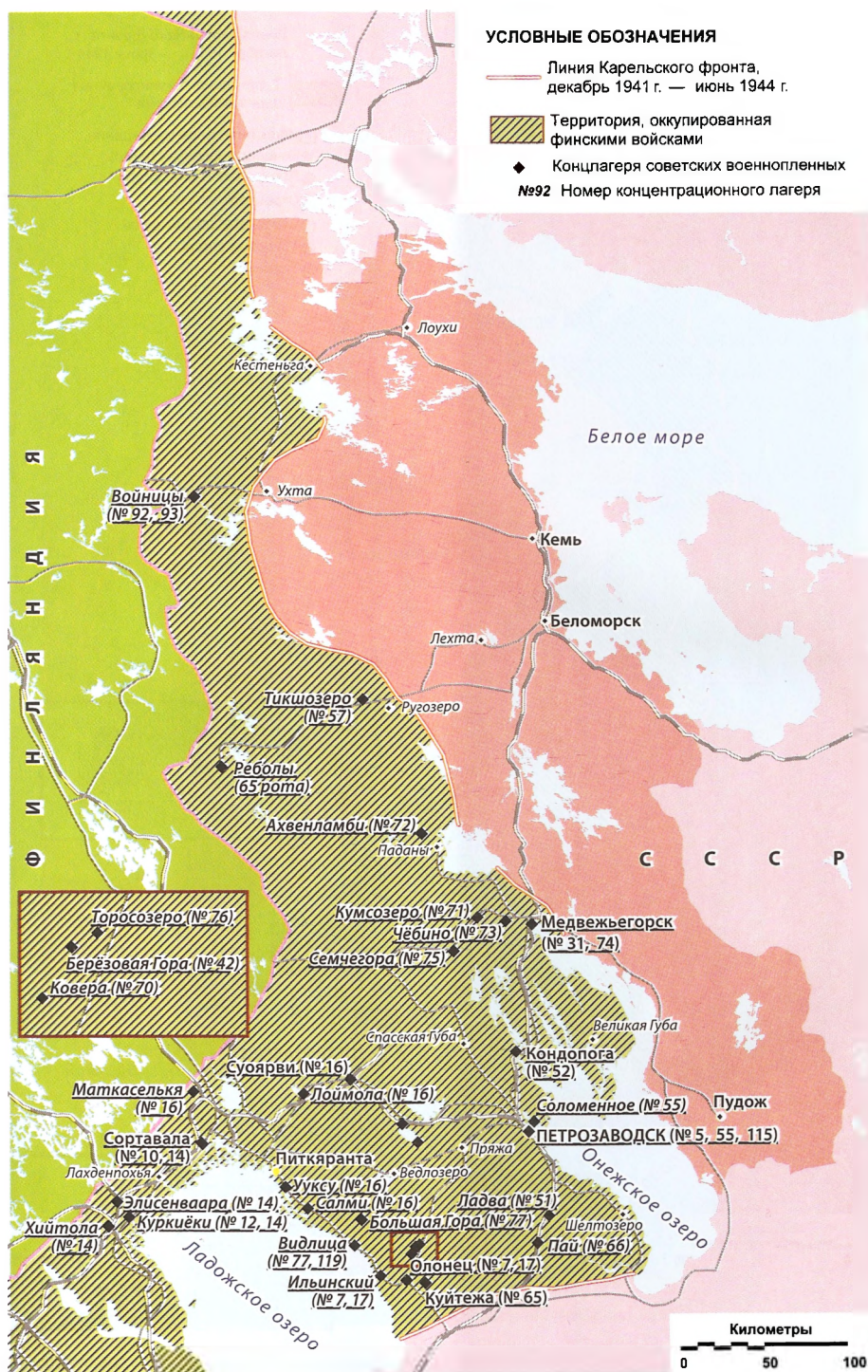
* Составлена по: Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941—1944 гг. Петрозаводск, 2006. С. 260.

Финские концентрационные (переселенческие) лагеря гражданского населения на территории оккупированной Карелии (1941—1944 гг.)*

* Составлена по материалам: НА РК, Архив УФСБ РФ по РК, Военный архив Финляндии.

Финские концлагеря советских военнопленных на территории оккупированной Карелии (1941—1944 гг.)*

* Составлена по материалам Военного архива Финляндии.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- С. 10—11. Митинг в честь победы в Великой Отечественной войне. Петрозаводск, 9 мая 1945 г. (НА РК.)
- С. 45. Первый поезд в день открытия рабочего движения по железнодорожной линии Сорокская — Обозерская. Беломорский р-н, 28 декабря 1940 г. (НА РК.)
- С. 47. Бумажная фабрика в Ляскеля. 1940 г. (НА РК.)
- С. 49. Стахановская бригада женщин-грузчиков Авнепорожского лесопункта Кемского р-на. 1943 г. Фото Г. А. Анкудинова. (НА РК.)
- С. 50. Пошив одежды в цехах артели «Кустпромшвея». 1942 г. (НА РК.)
- С. 56. Здание бывшей дачи Новикова, где состоялось первое заседание Народного правительства Финляндии. г. Териоки, декабрь 1939 г. (Из кн.: Барышников Н. И. Рождение и крах «Терийокского правительства» (1939—1940 гг.). СПб.; Хельсинки, 2003. С. 107.)
- С. 59. Митинг по случаю начала советско-финляндской войны. 1939 г. (НА РК.)
- С. 61. Подписание договора о взаимной помощи и дружбе между СССР и Финляндской Демократической Республикой. Москва, 2 декабря 1939 г. (Правда. 1939 г. 3 дек.)
- С. 63. Териоки, главная улица города, конец 1930-х гг.
- С. 67. Митинг, посвященный срыву переговоров между СССР и Финляндией. Петрозаводск, осень 1939 г. (НА РК.)
- С. 70. Лесопильный завод в Питкяранте. 1940 г. (НА РК.)
- С. 73. Эвакуация людей, скота и вещей из «утраченной Карелии» после заключения Московского мирного договора. Район Вяртсиля, 17 марта 1940 г. (Из кн.: Soraа, työtä, hevosia: Tiet, liikenne ja yhteiskunta 1860—1945. Helsinki, 1999.)
- С. 79. Инструкция местным комиссиям по эвакуации финского населения с территорий, отошедших к Советскому Союзу, в Финляндию. Подписана наркомом НКВД Л. П. Берией. (Архив УФСБ РФ по РК.)
- С. 84. Отряд «Красный партизан» на параде. г. Петрозаводск, 8 октября 1944 г. (НА РК.)
- С. 88. Освобождение Питкяранты. 1940 г. (НА РК.)
- С. 97. На дороге Раате. Финны взяли в котел советскую 44-ю стрелковую дивизию. (Из кн.: Soraа, työtä, hevosia: Tiet, liikenne ja yhteiskunta 1860—1945. Helsinki, 1999.)
- С. 104. Борьба за независимость Финляндии завершилась. Финское воинское подразделение в районе Кухмо. 16 марта 1940 г. (Из кн.: Soraа, työtä, hevosia: Tiet, liikenne ja yhteiskunta 1860—1945. Edita, Helsinki, 1999.)
- С. 110. Концентрационный (переселенческий) лагерь в районе ул. Пробной и Болотной. г. Петрозаводск, 1942 г. (НА РК.)
- С. 116. Ручная переноска бревен в Авнепорожском лесопункте Кемского р-на. 1943 г. Фото Г. А. Анкудинова. (НА РК.)

- С. 135. Схема концлагеря финских военнопленных. г. Грязовец Вологодской обл. (Из кн.: 105 päivää — Uhri ja valkoinen kuolema Kainuussa vv. 1939—1940. Kajaani, 1990.)
- С. 149. Митинг трудящихся по поводу преобразования Карельской АССР в Карело-Финскую ССР. 1940. (НА РК.)
- С. 160. Лошадь была неизменным помощником как на фронте, так и в тылу. (Из кн.: Sogaa, työtä, hevosia: Tiet, liikenne ja yhteiskunta 1860—1945. Helsinki, 1999.)
- С. 168. Целлюлозный завод «Питкяранта». 1940 г. (НА РК.)
- С. 182. Сортавала. 1940 г. Фото Хайкина. (НА РК.)
- С. 192. Редакторы армейских газет, финны по национальности, во время Зимней войны: Урхо Конкка, Юкка Петров, Матти Мяюрю, Николай Гиппиев (Лайне) и Пекка Хуотари.
- С. 201. Подача леса по узкоколейной дороге в Авнепорожском лесопункте Кемского р-на. Фото Г. А. Анкудинова. (НА РК.)
- С. 205. Карело-Финский государственный университет. 1940 г.
- С. 209. Митинг на Онежском заводе. 22 июня 1941 г. (НА РК.)
- С. 210. Первый секретарь ЦК ЛКСМ Карело-Финской ССР Ю. В. Андропов вручает знамя передовой комсомольско-молодежной бригаде. (НА РК.)
- С. 215. И. В. Сталин на строительстве оборонных сооружений под Москвой. 1941 г.
- С. 221. Эвакуация скота из Олонецкого района. 1941 г. Фото Г. А. Анкудинова. (НА РК.)
- С. 223. Разрушенная проходная Онежского завода. (НА РК.)
- С. 228. Строительство лежневой дороги при постройке железнодорожной линии Сорокская — Обозерская. Беломорский р-н, 1940 г. Фото Хайкина. (НА РК.)
- С. 232. Выгрузка сельди из рыболовецких баркасов на берег Сумпосадской губы. Беломорский р-н, 1944 г. (НА РК.)
- С. 238. Петрозаводск (в центре здание университета). 1941 г. (Военный архив Финляндии.)
- С. 249. Бойцы партизанского отряда в тылу врага. 1943 г. (НА РК.)
- С. 258. Бойцы отряда им. Тойво Антикайнена. Сегежа, 1942 г. (НА РК.)
- С. 264. Бойцы партизанского отряда «Вперед». (НА РК.)
- С. 269. Финские танки на улицах Петрозаводска. Осень 1941 г. (Военный архив Финляндии.)
- С. 276. Разведзвод партизанского отряда «Вперед». (НА РК.)
- С. 289. «На страже» — вестник партийной организации УМ НКВД Карело-Финской ССР. 1 мая 1942 г. (НА РК.)
- С. 299. Письмо начальника 4-го управления НКВД-НКГБ СССР П. Судоплатова наркому внутренних дел КФССР М. Баскакову. (Архив УФСБ РФ по РК.)
- С. 307. Парад финских воинских частей в оккупированном Петрозаводске. (Военный архив Финляндии.)
- С. 308. Петрозаводск в годы оккупации. (Военный архив Финляндии.)

- С. 311. День захвата Петрозаводска. Женщины, найденные в бомбоубежище. (Военный архив Финляндии.)
- С. 313. Магазин «Вако» в Олонце. (Военный архив Финляндии.)
- С. 315. Распределение одежды детям родственных народов в национальной школе. (Военный архив Финляндии.)
- С. 317. Репортер шведской газеты интервьюирует карельскую семью. (Военный архив Финляндии.)
- С. 321. Распределение одежды детям родственных народов. (Военный архив Финляндии.)
- С. 323. Плетение лаптей в национальной школе. (Военный архив Финляндии.)
- С. 325. Молодые люди из д. Кууярви на вокзале в Петрозаводске перед отъездом на учебу в Народное училище Липери. 1942 г. (Военный архив Финляндии.)
- С. 327. Воспитание новых граждан в национальной школе. Праздник Дня независимости 6 декабря 1941 г. Начальник Петрозаводского района Симойоки (слева) и начальник отдела просвещения (пропаганды) штаба ВУВК, председатель Карельского академического общества Вилхо Хеланен. (Военный архив Финляндии.)
- С. 329. Крещение новорожденных в родильном доме в оккупированном Петрозаводске. (Военный архив Финляндии.)
- С. 330. Главный железнодорожный вокзал Петрозаводска в годы оккупации. (Музейное ведомство Финляндии, исторический архив фотодокументов.)
- С. 331. Демонтаж памятника В. И. Ленину. Петрозаводск, пл. 25 Октября (пл. Ленина). (Военный архив Финляндии.)
- С. 332. Возвращение из эвакуации. (Военный архив Финляндии.)
- С. 338. Электростанция в Соломенном в феврале 1943 г. (Военный архив Финляндии.)
- С. 340. Ул. Дзержинского (Вяйнямейнена) в оккупированном Петрозаводске. (Военный архив Финляндии.)
- С. 342. Онежский завод в период финской оккупации Петрозаводска. (Военный архив Финляндии.)
- С. 344. Немецкие журналисты в концлагере «Красный поселок». Экскурсию проводит начальник лагеря подполковник Левялахти. Август 1942 г. (Военный архив Финляндии.)
- С. 348. Жители оккупированной Карелии. Осень 1941 г. (Военный архив Финляндии.)
- С. 351. Жители оккупированного Петрозаводска. (Военный архив Финляндии.)
- С. 352. Премьер-министр Финляндии Рангель (в центре в белом плаще) осматривает оккупированный Петрозаводск с крыши университета. Слева от него начальник ВУВК Араюри. (Военный архив Финляндии.)
- С. 354. В магазине «Вако». Зима 1942 г. (Военный архив Финляндии.)
- С. 357. Сортавала. 1940 г. Фото Г. А. Анкудинова. (НА РК.)
- С. 362. Один из концлагерей г. Петрозаводска. (НА РК.)

- С. 365. В одном из концентрационных лагерей Петрозаводска. (НА РК.)
- С. 367. Отряд лагерников возвращается с работ по уборке Петрозаводска. Апрель 1942 г. (Военный архив Финляндии.)
- С. 368. Дети в концентрационном (переселенческом) лагере Петрозаводска. Июнь 1944 г. Фото Г. Санько.
- С. 371. Лютеранский пастор совершает обряд соборования в национальной гражданской больнице. (Военный архив Финляндии.)
- С. 375. Объявление об открытии школы для русских детей. Ноябрь 1943 г. (НА РК.)
- С. 379. Разрушенная тюрьма на ул. Ленина в Петрозаводске. (Военный архив Финляндии.)
- С. 387. У монумента-орудия. Члены парламентского комитета по обороне и представители принимающей стороны на Административной площади (пл. Ленина). Апрель 1942 г. (Военный архив Финляндии.)
- С. 392. Соревнования по легкой атлетике среди финских военнослужащих в оккупированном Петрозаводске. (Военный архив Финляндии.)
- С. 396. Дети в Петрозаводской детской больнице. 1942 г. (Военный архив Финляндии.)
- С. 402. Финская пропагандистская листовка, адресованная солдатам и офицерам Красной Армии. (Военный архив Финляндии.)
- С. 412. Финская пропагандистская листовка, адресованная партизанам Карельского фронта. (Военный архив Финляндии.)
- С. 418. И. В. Сталин за работой. 1940-е гг.
- С. 421. Жители Петрозаводска вручают Красное знамя капитану Н. Д. Капустину. (НА РК.)
- С. 426. Парад в честь освобождения г. Петрозаводска. (НА РК.)
- С. 429. Военный совет Волховского фронта. Слева направо: член Военного совета Т. Ф. Штыков, командующий фронтом К. А. Мерецков, начальник штаба фронта Ф. П. Озеров, командующий 14-й воздушной армией И. П. Журавлев.
- С. 435. Жители Петрозаводска вручают морякам Онежской флотилии знамя, сохраненное в период оккупации. 28 июня 1944 г. (НА РК.)
- С. 437. Студенты Карело-Финского государственного университета и жители Петрозаводска на подъеме дров из Онежского озера во время оборонно-массового комсомольско-молодежного воскресника. (НА РК.)
- С. 439. Военнопленные на восстановительных работах в Петрозаводске. (НА РК.)
- С. 441. Разминирование железнодорожного полотна в Медвежьегорске. 1944 г. Фото Г. А. Анкудинова. (НА РК.)
- С. 443. Разрушенный прокатный цех Онежского завода. (НА РК.)
- С. 445. Один из трех жилых домов начальствующего состава ВУВК, уцелевших на ул. Анохина и ул. Гоголя в Петрозаводске. (Военный архив Финляндии.)
- С. 446. Разрушенное здание Карело-Финского государственного университета. (НА РК.)

Веригин Сергей Геннадьевич родился в 1956 г. В 1978 г. окончил историко-филологический факультет Петрозаводского государственного университета (ПетрГУ) по специальности «История». В 1978—1980 гг. работал преподавателем истории и обществоведения в сред-

541

ней общеобразовательной школе № 9 г. Петрозаводска. В 1980—1983 гг. обучался в очной аспирантуре и в 1984 г. защитил кандидатскую диссертацию в Ленинградском государственном университете.

С 1983 г. работает в ПетрГУ. Кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета, руководитель Научно-образовательного центра по истории и культуре Европейского Севера ПетрГУ. Член-корреспондент Академии военно-исторических наук, член правления Военно-исторического общества Республики Карелия. Заслуженный работник образования Республики Карелия.

Сфера научных интересов — советско(российско)-финляндские отношения в период Второй мировой войны, Европейский Север СССР в годы Великой Отечественной войны. Автор около 150 научных публикаций, соавтор монографий: «Финская разведка против Советской России. Специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Северо-Западе России (1914—1939 гг.)» (написана в соавторстве с Э. П. Лайдиненом; Петрозаводск, 2004), «Заложники Зимней войны. (Интернированные финны на территории Калевальского района Советской Карелии в период Зимней войны 1939—1940 гг.)» (написана в соавторстве с Э. П. Лайдиненом и финляндским исследователем Ю. Кямярйненом; Петрозаводск, 2004; опубликована затем в Финляндии на финском языке) и др. Автор разделов и глав в коллективных монографиях: «История экономики Карелии» (Кн. 2: Экономика Карелии советского периода (1917—1991 гг.). Петрозаводск, 2005. Гл. 3. Экономика Карелии в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.)); «Органы безопасности Карелии: исторические очерки, воспоминания, биографии» (Петрозаводск, 2008. Гл. 3. Деятельность разведывательно-диверсионных групп НКВД-НКГБ Карело-Финской ССР в тылу финских войск (1941—1944)) и др.

Подписано в печать 29.04.09. Формат 70×100 1/16.
Бумага мелованная. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 47,3.
Тираж 700 экз. Изд. № 225. Заказ 659.

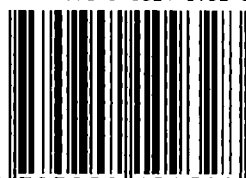
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
185910, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Отпечатано с оригинал-макета, подготовленного
в Издательстве Петрозаводского государственного университета

Фотовывод диапозитивов и печать тиража выполнены
в ОАО «Республиканская типография им. П. Ф. Анохина»

185005, г. Петрозаводск, ул. Правды, 4

ISBN 978-5-8021-0932-8

9 785802 109328

Научное издание

Веригин Сергей Геннадьевич

КАРЕЛИЯ В ГОДЫ ВОЕННЫХ ИСПЫТАНИЙ

**Политическое и социально-экономическое положение
Советской Карелии в период Второй мировой войны
1939—1945 гг.**

Редактор И. И. Куроптева

Художественный редактор О. В. Черняков

Подготовка карт М. А. Шредерс

